9(с1477)
Д638

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР

ТОМ IV
ЧАСТЬ 1

МОРДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК — 1948

9/с 1477
Д 638

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

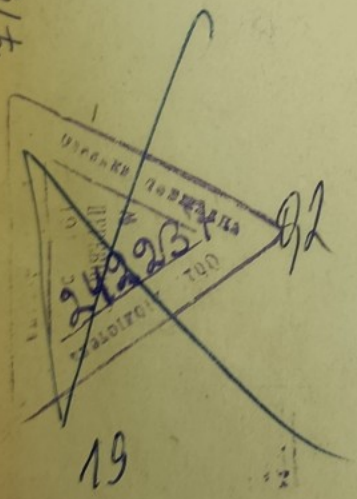
9/4781
Д-
Обязат. экземпляр

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР

т. IV, ч. I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
ПРОФЕССОРА А. И. ЯКОВЛЕВА

719281



Оцифровка книги:
краевед Роман
Васильевич
Прокопьев
Проект
Историческая
Гравитация

МОРДОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1948

Национальная библиотека
им. А. С. Пушкина
Мордовской ССР

Составители IV тома 1-й части:

К. А. КОТКОВ, Т. Е. КУПРЯШКИН
и В. И. САМАРКИН.

24

ПРЕДИСЛОВИЕ

I. 27 документов, входящих в первый раздел настоящего сборника, бросают свет на разные стороны жизни крепостной деревни.

В деле 1827 г., относящемся до хозяйствования в с. Б. Вьясе некоей графини Лаваль, то и дело сменявшей своих доверенных и контролёров, мы наблюдаем внутренний развал крепостной вотчины. Владелица и её доверенные умели только жаловаться на праздность да на лень крестьян, в то время как крестьяне рассказали грустную повесть о том, как их разоряли капризно и нелепо сменявшиеся вздорной графиней управители. Когда крестьяне попробовали было выяснить положение, послав ходоков к самой владелице, а потом даже и путём обращения к царю, они подверглись обвинениям в подстрекательстве к сопротивлению властям и преследованиям со стороны государственных властей за самый факт принесения своей жалобы и были преданы «строжайшему по законам суждению». Эта страница жизни одной из крепостных вотчин является наглядным примером нередко имевшей место полной невозможности для крестьян найти управу у владельцев или у царской власти.

Любопытны по ярким бытовым подробностям документы разных лет, относящиеся к владениям некоего поручика Охлябинина (называемого в этих документах Ахлебининым). В этом случае бесчинства Охлябинина, систематически разорявшего своих крепостных, привлекли внимание даже «своего брата»—местной администрации и предводителя дворянства, ибо приняли совершенно скандальный характер. «Крестьяне, — как скромно характеризовала комиссия из предводителя и депутатов,—найдены в совершенной бедности, дома почти развалившиеся, хлеб был из 65 [домохозяев] только у 4 человек». Двоих крестьян, дававших комиссии правдивые показания, Охлябинин немедленно сбыл: одного продал, а другого отослал в тамбовский смирительный дом. Местное дворянство, чувствуя общественную опасность произвола Охлябинина (еще могли быть живы лица, помнившие пугачёвское восстание!), назначило над ним опеку, администрация командировала в имение Охлябинина воинскую команду для внушения крестьянам

должного повиновения. Из числа других подвигов Охлябинина удостоверены были факты насилий над женщинами, лишение стариков и детей дворовых хлеба, ябеды его на должностных лиц и пр. Но отдача Охлябинина в опеку в 1835 г. еще не устранила этого душевладельца от дальнейших бесчинств: в 1850—1851 г. г. мы все еще застаём его хозяйничающим в своём наровчатском имении, и даже в позе жалобщика на своих непокорных крестьян, ходатайствующим о том, чтобы государственная власть поддержала его произвол над разорёнными им крестьянами, обвиняемыми им, как водится, в неповиновении. Наровчатский исправник удостоверил факты продолжающихся истязаний Охлябининым своих крестьян (целых десять случаев, один возмутительнее другого!), причём сам Охлябинин, присутствуя при экзекуциях с нагайкой в руках, приказывал избивать крестьян своим дворовым. К числу подвигов этого незаурядного героя крепостного времени относится отобрание им у крестьян по обычному порядку им принадлежавшего, собственного их хлеба. Охлябинин закончил свою эпопею угрозой совсем обезземелить своих крестьян и разогнать их в поисках работы на все четыре страны света.

Продолжая наглые жалобы на своих крестьян, этот «герой» просил поддержки у местного предводителя И. Т. Шишкина к дальнейшему разорению и обезземелению своих крепостных уже в 1852 г.!

Показательно в бытовом отношении дело страдавшего белой горячкой князя Еникеева.

Запойный пьяница князь Дмитрий Акинфиевич Еникеев много лет занимался истязанием своих крепостных. Из показаний дворовых выяснилось, что Еникеев каждый вечер, 4 года сряду, занимался тем, что покрывался белой простыней и надевал на голову барабан, а в руки брал хлебную лопату, на которой с одной стороны была нарисована ворона, а на другой — полуштоф с рюмкой. Заставив своих дворовых написать на спине и на плечах кресты и изображая своего архиерея, пьяный Еникеев начинал ежевечерний балаган, сопровождая шутовство избиениями чем-нибудь неугодивших дворовых с угрозами замучить их «до смерти». Собравшись с духом, дворовые схватили, наконец, пьяного озорника и высекли его арапником. По решению суда они были сами высечены палачом плетьми, заклеймены и сосланы на каторжную работу в рудниках. Характерно, что всё это происходило накануне Севастополя, в конце 1848 г.

Возмутительно дело некоего помещика Михина, избившего до полусмерти чужого крестьянина за то, что тот недостаточно проворно снял перед ним шапку. Жалобу на зверское избиение принёс не кто иной, как его владелец, местный предводитель Тучков. Михин запёрся в этом злодеянии, «свидетелей не спрашивали»,— замечает в своей жалобе Тучков, несмотря на то, что Михин за своё буйство неоднократно судился и раньше. Нисколько не смущаясь возбуждённым против него судебным преследованием, Михин заявлял жалобщикам-крестьянам, что «он их дома развеет

и отвечать ни за что не будет», так как успел спешно перевести имение на имя своей жены. Это дело тоже происходило в самом конце 1848 г. Финал дела неизвестен, но едва ли Михин понёс какое-либо наказание.

II. Во вторую группу документов вошли документы, относящиеся к социально-политическому и религиозному движению среди мордвы Терюшевской волости, направленному к возрождению их древних языческих верований. Терюшевская эпопея 1809—1810 г. г. заставляет вспомнить знаменитую терюшевскую же историю 1743—45 г. г., когда мордва восстала из-за разорения архимандритом Дмитрием Сеченовым их кладбищ (см. «Очерки истории мордвы в XVIII в.» К. А. Коткова). В 1809 г. среди мордвы появился пророк Кузьма (обличители звали его пренебрежительно мордовским богом Кузькой), проповедовавший собиравшимся на его призыв мордвинам в количестве до 4000 чел., что весь свет примет закон, служенье и одежду мордовскую и во всём будет следовать мордовским обрядам, что мордва будет свободна, не будет принадлежать помещикам и не будет платить оброков, а мордвины будут первыми людьми. Этот своеобразный мордовский мессианизм вызвал переполох во всей администрации. Местные титулованные и нетитулованные помещики (кн. Трубецкой и др.) принялись строчить донесения и жалобы, архиерей написал губернатору, губернатор — архиерею, полетели донесения в Петербург и т. д. Местный исправник составил обстоятельное донесение, из которого можно почерпнуть ряд любопытных подробностей об этих происшествиях. Особенно беспокоилась администрация, нет ли тут какого-либо «постороннего наущения». Кузьма проповедовал, между прочим, что «приходят последние веки, и на ключ, при деревне Сескине, называемый Рахлейкой, божьим судом сойдёт дом Давидов с золотым столбом. Давид будет судить по своей старой вере и все веры преклонит под свою веру, а вера оная будет мордовская и ковши их мордовские, которые хранятся в Нижнем и ждут Давидовых законов» и т. д.

Губернатор распорядился, чтобы всякие национальные моления новокрещёной мордвы были запрещены, а проповедник и его окружающие арестованы. Исправник распорядился учредить особых смотрителей, дабы не допускать повторения таких молений, с угрозой за плохое смотрение сдавать самих смотрителей и их детей в рекруты. Любопытно изобразительное и неподражаемое по елейному тону донесение по настоящему делу нижегородского архиепископа Вениамина от 30 октября 1809 г.

На основании определения нижегородской уголовной палаты Кузьму Алексеева постановлено, «огласив публично ложным пророком и предзнаменователем, наказать кнутом с вырезанием ноздрей и постановлением на лбу и на щеках указных литерных знаков и потом сослать в работу в Иркутскую губернию». Последователи Кузьмы тоже попали под плети, были сданы в рекруты или пошли в ссылку.

Бесподобное по своей косноязычной невразумительности решение состоялось в начале 1810 г., когда Сперанский сделал попытку ввести начатки правового порядка в строй Российской империи. Александр I был сконфужен этим свирепым решением и повелел привести приговор в исполнение, но без кнута, плетей и клеймения. Смягчение приговора не пришло во-время, и приговор был приведен в исполнение по всей точности — с плетями, клеймением и т. д.

III. Третья группа документов посвящена восстанию ополченцев в Саранске и Инсаре в декабре 1812 г. и январе 1813 г.

Пламенному всенародному порыву защищать Родину кое-где вредили произвол и грубость местных властей. Такие эпизоды имели место и на территории Мордовии.

Дело началось с избиения инсарского городничего, ареста ополченцами нескольких офицеров и разбития дворянских домов в городе. Для усмирения были энергично пущены в ход все средства: и полицейские и воинские силы, и увещания духовенства. Движение войск в Инсар и Саранск приняло такие размеры, что, глядя со стороны, можно было думать об операциях во враждебной неприятельской стране. В район военных операций был захвачен, кроме Инсара и Саранска, ещё Нижний Ломов и Чембар, опасность могла грозить и Пензе. Из донесения генерала Кишенского узнаём, что попытки враждебных правительству выступлений исходили даже из среды местного инсарского мещанства. Генерал предлагал ассигновать денежные средства на оплату шпионской службы среди восставших и призывал местное духовенство к добровольным взносам на оплату солдат, действовавших против восставших: опасность положения должна была вызвать, по его мнению, местное трусливое и скупое дворянство на некоторый активный подъём. Повидимому, шпицрутены и плети, немедленно пущенные в ход, сразу эффекта не возымели, и часть мобилизованных солдат оказалась в бегах: в деле есть заботливо составленный список, откуда были эти солдаты, кто их посещал и где, следовательно, их можно разыскивать. Список был снабжён призывом губернатора «употребить в поимке их возможное старание». Между тем, неповиновение распространилось даже на казачьи части, двинутые для усмирения восставших ополченцев. Администрации не напрасно приходили на память события пугачёвского восстания! Даже Пенза потребовала дополнительно роту солдат из состава саратовского гарнизона: настроение становилось опасным и здесь.

Ввиду победы над французами в конце декабря 1812 г. волнение не распространилось, и усмирители могли заняться подсчётом убытков. Оказалось, что общая сумма потерь достигала 137 917 руб. 88 коп. Финал был обычный: за одну пойманную фразу, говорившую о неудовольствии и отсутствии готовности сражаться за крепостной порядок со стороны военнослужащих, следовало вырезание ноздрей, выжигание знаков на лбу и на щеках и ссылка в каторжные работы. 28 человек были прогнаны сквозь строй,

91 человек наказаны палками и разосланы в дальние гарнизоны. В виде вящшего подкрепления воинские части были вновь приведены к присяге.

IV. Четвёртая, наиболее значительная, группа документов относится к рабочему и крестьянскому движению в Мордовии в первой половине XIX века.

Остановимся на некоторых из них. В Инсарском уезде находился чугуноплавительный завод Никоновых. В 1804 г. рабочие этого завода подали в установленном порядке жалобу на притеснения и незаконную (даже по тому времени!) эксплуатацию их Никоновым, жалуясь на своё незаконное закрепощение, — так как они были приписаны к заводу. На поссессионном праве, — они, по официальной терминологии, возмечтали, будто они «имеют учиниться свободными».

В ответ на это последовал, разумеется, указ инсарского уездного суда о взятии их под стражу для выяснения того, «кто из них более в сем замысле начинщик».

В существе дела, даже с точки зрения тогдашних законов, рабочие были правы: Никонову они не были крепостными, так как были приписаны к заводу.

Получение купцом Никоновым дворянства рабочих к р е п о с т н ы м и Никонову не делало, как того домогался заводчик. Для решения этого казуса уездный суд заблагорассудил обратиться к воинскому и морскому уставам ещё петровского времени и к указу 1720 г., грозившим ослушникам (но не в таких делах!) смертью, и только в виде смягчения приговорил подсудимого к 200 плетям и к сдаче в руки его неумолимого врага — Никонова, по существу на ту же смертную казнь. Таково было витиеватое, запутанное и сбивчивое решение инсарских юристов.

Интересное в бытовом отношении дело крестьян Малой Елховки возвращает нас тоже к декабрю 1812 г., когда еще набиралось ополчение против нашествия Наполеона. Крестьяне Бутурлина «оказали неповиновение» и отказались работать на владельца. При попытке принудить их к работе встали вооружённым сопротивлением, «выскоча, — как гласило донесение, — из дворов с дубинами»; один из крестьян был вооружён и топором. Схватя приказчика Астафьева, крестьяне так избили его дубинами, что «вряд ли, — как гласило донесение, — он будет жив». «Видя таковое зверское неповиновение», исправник просил содействия воинской команды, каковая и была немедленно отправлена в Малую Елховку. В результате с неповинующимися крестьянами поступлено, разумеется, «по законам»: уже судившиеся ранее за неповиновение в 1788 и в 1811 гг. крестьяне были наказаны плетьми и сданы в распоряжение их крепостного владельца Бутурлина для «дальнейшего вразумления».

Насколько накалены были в эту эпоху отношения, можно судить по тому, что крупное дело возникло по вопросу о самовольном выкашивании пурдошанской мордвой сена у соседних помещиков, неправильно, по убеждению мордвы, захвативших их луга летом

1813 г.: по этому сравнительно маловажному поводу пурдошанские экономические крестьяне дружно поднялись всей массой, отбивая свои (по их мнению) 600 возов сена дрекольями и даже оружием. На увещания их царским именем они дерзко отвечали: «государь с нами что хочет, то и делает, но только они, пурдошанские крестьяне, не перестанут косить и по скошении траву увезут в Пурдошки... Ежели и с пушками к ним выедут, то и тогда они не перестанут косить и не послушают». Признавая себя бессильным урезонить крестьян, местный исправник Куткин просил содействия властей. Дело тянулось до лета 1815 г. Только вмешательство военных властей и вызов войск заставили пурдошанских крестьян отступиться от того, что они считали своим правом. Вожди сопротивления были выявлены и с ними «учинено по законам» при содействии палаты уголовного суда.

Параллельно с сопротивлением пурдошанских крестьян шло сопротивление «не оказывающих должного повиновения» крестьян Чекашевых Полян генерала Обрезкова, перехода к которому по купчей от графини А. И. Безбородко крестьяне не признавали. Неповиновение крестьян выражалось в сопротивлении распоряжениям управляющего немца Роде, в побоях приказчику и нарядчику на работы и т. д. Борьба управляющего Роде с крестьянами привела к составлению списка актива сопротивления крестьян села Чекашевы Поляны (всего 32 человека); чем кончилось замечательно дружное и внутренне солидарное выступление крестьян, — из дела не видно.

Показательно дело 1831 г. о преследовании крестьянина Лосева «за разглашение им слухов о свободе», представленное, к сожалению, только одним кратким документом. В 1833 г. такие же разговоры крестьянина села Лада превратились, по официальной формулировке, уже в призыв к возмущению против помещичьей власти и в активное сопротивление. Комиссия военного суда, судившая настоящее дело, приговорила Лазарева к смертной казни, и только в виде смягчения губернатор постановил наказать Лазарева кнутом, заклеймить и сослать на каторгу в Сибирь.

Дело о крестьянах Кожиной, не признававших своего перехода во владение Умановых, кончилось военным судом и шпицрутенами (1500 ударов), клеймением и ссылкой на каторгу. Кожинские крестьяне поплатились за «какие-то нелепые мнения» и «ожидание какого-то решения о вольности из крепостного владения». Новые владельцы Умановы проявили немало усердия при отыскании более активных виновников противодействия.

Целых 16 лет (1844—1860 г.г.) продолжалось спорное дело о земле между казёнными крестьянами-однодворцами с. Паньжа Наровчатского уезда и их соседкой помещицей Колпашниковой. В результате, несмотря на очевидную правоту однодворцев, последовали те же плети и тюрьма.

V. В 1840 и 1855 г. г. происходили упорные порубки крестьянами с. Жегалова, д. Полянок и Русского Караева леса, принадлежащего Саровской пустыни, причём порубки эти сопровождались драками, ранениями и членовредительством.

Помещик Либенау жаловался на захват крестьянами перешедшей ему по наследству от Никоновых земли. Предки этих крестьян были публично высечены за такие действия еще в 1797 г., — так упорно отстаивали крестьяне своё земельное право!

В 1855 г. в пензенской палате производилось дело о неповиновении крестьян д. Лосевки помещику Лукину. Зачинщики были высечены плетьми и отданы во власть своему барину для дальнейшей расправы, а расходы по делу были разложены на счёт лосевских крестьян.

Любопытна формула приговора по этому делу: «крестьянин Максим Фёдоров за возмущение крестьян д Лосевки к неповиновению помещику и к отысканию свободы оставлен в сильном подозрении».

Уже под самый конец крепостного права, в 1855—1857 г. г. происходило восстание крестьян Большой Танеевки, не желавших переходить в подчинение к купившему их на вывоз новому владельцу Лубеновскому. Крестьяне сопротивлялись копьями, цепами и вилами и при попытке усмирения убили станового пристава Бахвостова, распорядившегося снять у них с изб крыши и разломать печи. Остальные члены комиссии («временного отделения» суда) успели спастись от разъярённой толпы и ускакать. Финал был обычный: лишение всех прав состояния, ссылка в каторжные работы в рудниках, для 11 человек — без срока, для одной (женщина) — 22 года с половиною (!), для 5 человек — на 15 лет, для 5 человек — на 8 лет и т. д.

К 1856 г. относится и дело о неповиновении крестьян с. Тумалейки Краснослободского уезда помещику Москвитинову.

Продажа крестьян в 1856 г., когда вопрос о ликвидации крепостного права был уже в воздухе, имела весьма странный характер, и крестьяне приготовились встретить нового душевладельца вооружённой силой. Крестьяне кричали: «Не пойдём к нему (Москвитинову) во владение, и ввести нас ни к какому владельцу никто не может!» Как полагалось, на усмирение их была двинута вооружённая сила. Вначале крестьяне прибегнули к древнейшему способу — просто поголовно скрылись со своими семьями за пределы Краснослободского уезда, но прибытие воинской силы решило дело, и крестьяне должны были временно уступить, причём трое крестьян, «как главные виновники», были подвергнуты обычной карательной процедуре правительственных органов.

Чем ближе к 1861 г., тем нетерпеливее делаются крестьяне. Любопытно нарастание случаев неповиновения. В 1858 г. отказались повиноваться токмовские крестьяне тайного советника Обрезкова. Дело об их сопротивлении продолжалось еще в конце 1859 г.

Такие же факты имели место в 1858 г. в с. Пушкине Саранского уезда, крестьяне которого отважились на открытое сопротивление даже воинской команде. Результат был обычный: шпицрутены, клеймение, ссылка в каторжные работы и т. д.

Аналогичные факты имели в том же 1858 г. место в селах Чуфарове, Апраксине, деревнях Абрамовке и Александровке Новосильцева.

Много фактов, характеризующих общий подъём настроения в эти годы в среде крестьянского населения. Любопытным рядом эпизодов были происшедшие в 1857 и 1860 г. г. погромы питейных домов в с. Иссе Инсарского уезда, в г. Краснослободске и других местах (37 случаев), кончившиеся не только введением в действие военной команды, но и посылкой из Петербурга доверенного лица императора — генерал-адъютанта Яфимовича. Следствие выяснило, что руководящую роль в этих погромах играли бессрочно отпущенные рядовые разных полков. Найден был и козёл отпущения — краснослободский мещанин Пётр Кочкин (он же Линьков). Дело дошло до императора, приказавшего н е п р е м е н н о выяснить роль в этом движении бывших солдат, а злополучного Петра Кочкина-Линькова, д а ж е если бы не был изобличён на суде, как подстрекатель (!), всё равно выслать в один из отдалённых городов Сибири.

Финалом этой эпопеи были трафаретные шпицрутены, каторжные работы, как для крестьян, так и для бывших солдат, с лишением их медалей, нашивок и других знаков отличия.

К самому кануну реформы 1861 г. относится замечательно красочное дело о неповиновении крестьян села Буда помещику барону Унгерн-Штернбергу. Когда существованию крепостного порядка оставалось несколько месяцев, Унгерн-Штернберг занимался сечением своих крестьян, даже женщин, экзекуцию которых он поручал своим дворовым мальчишкам. Поздней осенью 1860 г. вспыхнуло бурное возмущение крестьян, во время которого сам барон, хотя и очень потрёпанный, всё же как-то уцелел.

Финал был всё тот же: тюрьма для половины деревни и, вероятно, ссылка (конца дела нет), хотя приговор последовал уже после «воли», — весной или летом 1861 г.

VI. Большой интерес представляет шестой комплекс документов, относящийся к движению рабочих Авторского завода, находившегося в Краснослободском уезде. Движение началось в январе 1858 г. и имело исходной точкой протест крестьян д. Р. Маскиной [1], приписанной к Авторскому заводу. И мастеровые завода и маскинские крестьяне, как доносил исправник, «вышли из всяких границ порядка, организовались и предъявили ряд требований, жалуясь на ничтожную выплачиваемую им заводовладельцем Манухиным заработную плату, требуя 30 коп. серебром в сутки и отдачи для обработки в с е й земли, приписанной к д. Маскиной».

Дело было сочтено настолько важным, что губернатор тотчас же послал донесение императору. Для поддержания маскинцев на соседнем заводе тоже началась забастовка. Маскинцы утверждали, что они — крестьянские владения и Манухину не принадлежат.

[1] Напомним, что маскинские крестьяне восставали еще в 1729 г. и были усмирены тогда вооружённой силой.

Ввиду больших размеров движения губернатор немедленно вызвал для воздействия на маскинцев войска. Крестьяне не испугались и, когда войска прибыли, бросились на них в атаку с дубинами, топорами, ножами и кольями, но воинская команда, конечно, справилась с ними. Для вящшего воздействия роты Углицкого полка были оставлены в Маскиной на постое.

Конечно, следствием отпора маскинских крестьян было взятие замеченных активистов (среди них был отставной унтер-офицер Леонтьев — возможно, севастополец) под стражу. В дело вмешалось горно-заводское управление, и ему мы обязаны документом от 19 марта 1858 г., характеризующим экономическое положение маскинских крестьян.

Результат трафаретный: лишение всех прав состояния, 700—900 шпицрутенов и каторжные работы на 20 лет. Отставной унтер-офицер Архип Леонтьев по лишении всех знаков отличия (георгиевского креста, медали за взятие штурмом Варшавы, шевронов за 25 лет беспорочной службы и т. д.), «как неспособный к работе в рудниках», вместо каторжной работы сослан «просто» в Сибирь на поселение.

Важным документом в истории этой эпопеи было обстоятельное заявление крестьян от 16 июня 1858 г. командиру воинской силы о притеснениях, им чинимых со стороны владельца Манухина, встретившее несомненное сочувствие даже со стороны этого командира. Тогда заводовладелец Манухин принёс жалобу на то, что командир расквартированной в д. Маскиной роты не проявил достаточной решительности и твёрдости, почему мастеровые «испортились и между ними проявляются чрезвычайно фальшивые убеждения: они почти открыто говорят, что им не для чего знать заводчика, потому что скоро будут вольными».

Интересно, что разговоры эти у крестьян шли и Манухин считал их «фальшивыми» всего за 2 года до 1861 г., когда действительно шла напряжённая работа над Положением 19 февраля. Солидарность крестьян была такова, что 28 июня 1858 г. крестьяне заявили, что они в с е готовы сесть в тюрьму, в которой уже находились отобранные воинской командой главные представители движения!

В ответ на это в августе того же 1858 г. началось новое дело о неповиновении авторских мастеровых, заявлявших, что «они об нуждах своих по одному просить не будут, а [будут] ходить миром, и что все они заодно». Когда одного из них, Сурикова, хотели за это наказать розгами и Суриков крикнул: «Ну, ребята, теперь-то не мешкайте и не зевайте!», вся толпа двинулась на фронт солдат, и солдаты должны были пустить в ход ружья. Взять Сурикова под стражу, однако, не удалось. Из заводской ведомости можно видеть, как усердно практиковалось на Авторском заводе сечение мастеровых,

часто по ничтожным поводам (за грубость, за мелкое ослушание, за срубленную в лесу березу, за неприличные слова и т. п.).

В ноябре 1858 г. состоялось решение, вполне аналогичное цитированному июньскому решению: лишение прав и преимуществ, розги, исправительные арестантские роты и материальное взыскание на расходы по этому делу.

В декабре 1858 г. произошёл, однако, третий в этом году взрыв возмущения со стороны авторцев, единогласно заявивших, что они приговором недовольны и будут жаловаться, а от всякой подписки под объявленным приговором отказались. В конце следующего 1859 г. последовало новое решение пензенской палаты уголовного суда за «неукротимый бунт», по выражению заводовладельца, — всё по той же старой программе: лишение прав состояния, розги, арестантские роты и пр.

Авторская эпопея поражает сплочённостью рабочих в этот ранний период революционного движения, своей выдержкой и солидарностью с крестьянами. Значение дела было верно оценено правительственной властью, незамедлительно начавшей ожесточённую борьбу с небольшой группой рабочих в захолустном углу Пензенской губернии.

В собирании печатаемых здесь документов принимали участие сотрудники научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР В. Самаркин, Т. Купряшкин, И. Карсаков, Н. Руткевич, М. Зевакин, К. Котков.

Проф. А. Яковлев

I РАЗДЕЛ

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД XIX ВЕКА

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД XIX ВЕКА.

1798 г., марта 1. Приговор нижегородской палаты суда и расправы по делу крестьян с. с. Ельники и Девичьи Рукава Краснослободского уезда, судимых за подачу просьбы на имя царя об освобождении их от крепостной зависимости.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского из нижегородской палаты суда и расправы краснослободскому уездному суду.

По указу е. и. в. в сей палате по делу, ревизованному о подсудимых оной округи села Ельники г-на князь Петра Черкаского крестьянах Григорье Шуватове, Семене Маркелове и села ж Девичья Рукова экономическом крестьянине Григорье Григорьеве Флягине, судившихся: первый — в намерении подать по соглашению, как означенного Маркелова, так и всех ельниковских крестьян, е. и. в. прозбы собственно о освобождении их из-за помещика, а последний в написании оной, определено учинить следующее:

1-е. Поелику из вышеписанных подсудимых князя Черкаского села Ельники крестьянин Григорий Шуватов произведенными ему допросами винился в намерении ко отбывательству от помещика своего, дабы всех селений их крестьян сделать казенными, в прошении о написании о том к е. и. в. прозбы и в самовольном уходе для подачи оной прозбы в Москву, оттуда же, будучи отправлен пересылкою с дороги, в побеге и, для того, за таковой его дерзостный против помещика своего поступок по силе уложенного 2-й главы 13-го пункта воинского 137-го артикула и указа 1767 года августа 22-го дня, — учинить ему, Шуватову, наказания кнутом, дав двенадцать ударов и, по наказании, сослать на поселение в Иркутск на тамошнюю суконную фабрику, с зачетом помещику ево, князю Черкаскому, в рекруты, о чем и предоставить ему просить, где следует, особо.

2-е. Економического крестьянина Григорья Флягина, осужденного краснослободским уездным судом за писание якобы ему, Шуватову, на помещика ево прозбы, к равному с ним наказанию, — отослать туда же без наказания, потому что он, Флягин, сам в писании той прозбы не признался и ничем точно от него, Шуватова, и другого крестьянина Маркелова не доказан, а признался в одном только знании про намерение их на подачу таковой прозбы, и что они для того ево с собой звали в Москву, но он не поехал, и о хождении с трем человеками из них к подъячему Захару Федотову, который оказался секретарем, — с прозбою о написании той прозбы, который, однако ж, в написании ее не признался. Да и тот Флягин напоследок отозвался, что будто бы он на него, Федотова, такового показания не делал, оной же прозбы в виду теперь нет, потому что Шуватов объявляет, что она взята от него господином ево, и где теперь находится, неизвестно. Почему, кто ее писал, он ли подлинно Флягин, или секретарь Федотов или же другой кто, не известно, — то в оном писании ее совершенно ево, Флягина, и обвинить не можно, тем паче, что судя по письму ево, из рукоприкладства к допросам по делу неуповательно, чтоб он и написать мог таковую прозбу, — почему ево и к наказанию за написание той прозбы осудить не можно, то он, яко подозрительной, и прежде сего в публичном наказании кнутом бывший, на основании высочайшего 1763 года февраля 10-го дня указа, и осуждается к отсылке на поселение.

3-е. Что же принадлежит до крестьянина Семена Маркелова, то он уездным судом хотя и осуждается к равному с Шуватовым наказанию, но ко оному палата ево осудить не может, потому что он винился в одном только приходе за прозбою Шуватову, якобы секретарем Федотовым писанною, ко оному секретарю, и в знании про всеобщее села их крестьян возмущение противу помещика их, в чем уже, как из справки краснослободского уездного суда видно, производилось особое дело, то из-за сего он, Маркелов, особливого суждения и не заслуживает, тем паче, что на него и прозбы особливой со стороны помещика в том нет, чего для ево, Маркелова, от присуждаемого уездным судом наказания и ссылки освободить и отдать попрежнему в вотчину.

4-е. Поколику же вышеозначенные Шуватов, Маркелов и Флягин показаниями своими писание Шуватову на помещика их прозбы все соотносят на секретаря Федотова (которых показание, хотя совершенным изобличением ему, Федотову, за непризнанием ево во оном писании почесть и не можно), но как оной прозбы в виду нет, то и оправдать ево теперь также сумнительно, а поелику из показания Шуватова усматривается, что он, с тою прозбою взят будучи ево господином в Москве, отдан был для пересылки в Саратовское губернское правление в тамошнее присутственное место (но в какое — не объявляет), куда с ним надобно быть представленной и отобранной от него, Шуватова, прозбой, — то, при обращении дела сего краснослободскому уездному суду, предписать указом,

чтобы он, от князя Черкаского отобрав о той прозбе сведения, то у него ли она оставлена им или с тем Шуватовым представлена и в какое именно судебное место, и потом чрез надлежащее посредство истребуя ее к себе, — произвесть о писателе оной точнейшее исследование, не оставя к тому отобрать потребного доказательства и от крестьянина Маркелова, между же тем помяну того секретаря Федотова с надежным поручительством обязать реверсом, дабы он из города Краснослободска до скончания того следствия никуда без позволения оного суда не отлучался, а по окончании того следствия, что по оному откроется, в палату сию рапортовать, по которому делу учиненной в сей палате решительной протокол для утверждения взнесен был к его превосходительству господину действительному статскому советнику нижегородскому губернатору и кавалеру Андрею Лаврентьевичу Львову в примемории с тем, дабы повелением его превосходительства означенный подсудимый Шуватов в страх другим наказан был через краснослободской нижний земский суд в селе Ельниках при собрании тутошних и окружных жительств и, по наказании, для отправления его в Иркутск доставлен был в палату обратно, а его превосходительство при предложении своем и возвратит оной в сию палату по исполнении. Вследствие чего означенные подсудимые Шуватов и Маркелов для учинения из них Шуватову наказания через здешнюю полицию за стражею с палачем и отосланы в краснослободской нижний земской суд при указе, а Флягин для отсылки на поселение отослан в здешнее губернское правление при сообщении, подлинное ж производимое об них дело, окроме палатского производства, во оный уездный суд обращается при сем.

Марта 1-го дня 1798 года.

На подлинном ж подписано тако: Иванчин, секретарь Михайла Андреев, канцелярист Пётр Меньшов.

(Центр. архив МАССР, 24, д. 33, л. 28, 29)

719281

1806 г., марта 9. Контракт судовых рабочих с тверским купцом Зубчаниновым по обслуживанию нагруженных хлебом судов, идущих от г. Пензы по Суре и до Рыбинска по Волге.

1806 года, марта 9 дня мы, нижеподписавшиеся, дали сей контракт тверскому купцу Егору Зубченинову, а сколько значится [на обороте] в реестрах, в том, чтоб нам находиться у него на отправляемых судах с кулевым хлебом из города Пензы вниз по Суре, вверх по Волге до города Рыбинска, чтоб нас, рабочих людей, на оных судах [приходилось] на каждую тысячу пудов по три человека, и более же нам от него, Зубченинова, для оной работы в прибавок требовать нигде не должно, а плывши по Суре до Василия-Сурского, хотя какова количества рабочих людей и не станет (только не менее 40 человек), естьли потребуется во ином для вспоможения в нужных местах, то нам не спорить, сударь, долж-

242237
Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Мордовской ССР

ны мы взять подгрузку при городе Пензе, или где ему угодно, на которые полных грузов и нагрузить, как ему угодно будет, по время ж грузки, каковое количество людей потребно будет, то должны мы быть как днем и ночью с переменою в работе, воду отливать и не запускать, и по нагрузке, плыть рекою Сурою вниз до Василия-Сурска и Волгою вверх до города Рыбинска, и друг друга вплаву в нужных местах не выдавать, а ево, Зубченинова, до убытков не доводить, а стараясь единодушно. А для нагрузки судов должны мы явиться в город Пензу сего ж 1806 года, марта к 20 числу, или, по вскрытии весной воды, а в самоскорейшем времени, и стараться к принадлежащей уборке к сплаву судов, как наивозможно скорее. Нам, рабочим людям, вплаву лаптей не плесть, и ни в какие игры не играть, и с воровскими людми никакого дела не иметь, и не знаться, а по каковому ни есть случаю, если судно внезапно попадет в прокос или на мель, то, есть-ли у вас будут и другие суда, то, сойдя и с другова судна, и всем единодушно стараться из прокосов выводить и с мелей снимать, или [если судно] внезапно проломит, то имеем мы все свои силы употребить воду отливать, до затопления судна не допускать, а естьли не можно отлить, то должны мы оный хлеб из судна на берег выгрузить, и, естьли что случится где в лесном месте, оной расчистить и, выгрузя из судна хлеб на берег, воду отлить, поврежденное место у судна зачинить, хлеб по выгрузке кули сбоку набок переворачивать, подсушить потом и опять погрузить, и плыть до вышеназначенного города Рыбинска. И в случае до Василия-Сурского вплаву судно на какой ни есть корме может проломиться и в починку совсем будет неспособно, то для перегрузки за судами или за барками должны мы, рабочие люди, итить и привести водою, чтоб сухопутно не далее 50 верст. Естьли приискать судна или барки будет взять негде, то уже задаток денег должны вы получить с нас, рабочих людей, две части, также естьли из-за мелководием плывши по Суре, где ни есть остановится, то вычитать две же части, которые и обязуемся вам заплатить безоговорочно, а третью часть зачесть за нашу работу. А посплывши Суры-реки, то есть в городе Василь-Сурск в полному ходу судно убрать, для подниму дерева должны мы сходиться из другова судна и поднять обще, а расснащивать самим собою всяк свое судно удостоить, как у прочих промышленников, и итить до показанного города Рыбинска, не делая нигде никакой по своим прихотям остановки, разве ему, Зубченинову, нужно где будет в котором городе остановиться и не более двух суток, а естьли более будет стоять, то имеем мы за излишний простой получить с него на сутки по 15 копеек на человека. А естьли мы то учиним, то должны мы платить каждый человек по тому ж. И быть нам всем, рабочим людям, на оном судне в послушании у определенного прикащика лоцмана и водолива, а естьли кто из нас будут лениться и непослушливы, то имеет он, Зубченинов, или ево прикащик в непослушании, смотря по вине, нас наказывать,

равно с товарищами нашими подрятчикам должны мы повиноваться и быть в послушании. А ежели захватят мели в Волге, то ходить нам также по... вверх и вниз по 50 верст, да перегружаться нам на трех мелях и за четвертую мель за перегрузку уже должны мы от вас получать на каждого человека по 25 коп., и считать то только перегрузкою, где действительно будет судно или выгружено или погружено, а естьли часть хлеба прибавится или судно в прокос или на мель попадет и сняться без перегрузки не может, то оного за перегрузку не щитать. Во время же сплаву в ненастные дни позволяется нам быть в судне под крышею, также и сухари беречь под крышею, но как в оном судне есть яровой хлеб, то до оного нам ни под каким видом не касаться, а естьли оные кули чем будут нами потрачены и будет нами или прикащиком ево усмотрено, то за оный в кулях недостаток вы или прикащик ваш имеет вычесть у нас из платы при разделке, а за таковой нами похитительной поступок должны мы из судна вытти на палубы и быть на верху крыши, также сухари вынести с собою наверх, а котел на судне для варения Волгою иметь вам, Зубченинову. По приходе нашем до города Рыбинска, деревено расснастить, снасти куда будет приказано убрать и получить чистую разделку и пашпорты. Рядились мы за вышеписанную работу на каждого человека значиться в реестрах и задатки обозначены, а достальные деньги получить нам в городе Пензе, в Василе-Сурске, Нижнем и Костроме. А что затем причтется достальных получить нам по ращету в городе Рыбинске сполна, дорогою получить нам от вас муку и крупу по той цене, как продается в городе Пензе, и, в случае кто из нас збежит, рабочих людей, не доведя судно до города Рыбинска, или захворает и тем причинит ему убыток, то имеем все ответствовать за все ево причиненные убытки сполна, в чем сей договор выдали ему, Зубченинову, и с дачею наших печатных. На подлинных к сему контракту, вместо значащихся в реестрах крестьян за неимением грамоте, по их прошению, руку приложил отставной губернский регистратор Андрей Полежаев.

1806 года, апреля 23 дня сей контракт в губернском городе Пензе у маклера явлен и записан. На подлинной: маклер Иван Пономарев.

(Центр. архив МАССР, ф. 34, д. 1, л. 49—51)

1806 г. Список рабочим людям Саранского уезда, бежавшим с казенных провиантских судов во время ходу их по Волге до Рыбинска.

Список рабочим людям, бежавшим с казенных провиантных судов во время ходу по Волге к Рыбинску с забранными в задатки при ряде и по дороге деньгами, и что на их щет вновь нанятым рабочим и за прочие следующие их работы переплачено в разных местах казенной суммы за зачетом договорной им до Рыбинска цены, и затем следующие к получению в казну с приложением их пашпортов.

	Кол. чел.	Выданная сумма на одного		Задатки с харчами и расходами		Деньги по договорам до Рыбинска следующим		Затем принадлежащие по взысканию в казну	
		р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
1. Саранской округи однодворцы Посопной слободы	3	63	55	190	65	81	—	109	55
2. Инсарской Посопной слободы	4	63	55	254	30	108	—	146	20
3. Села Семилей	12	63	55	762	60	324	—	438	60
4. Села Тавлы	2	63	55	127	10	54	—	73	10
5. Села Турдак	10	63	55	635	50	270	—	365	50
6. Деревни Пермы	8	63	55	508	40	216	—	292	40
7. Села Кочкурово	5	63	55	317	75	135	—	182	75
8. Дер. Висловки	6	63	55	381	30	162	—	219	30
9. Дер. Карнай	1	63	55	63	55	27	—	36	55
10. Дер. Рейтарской Татары	53	63	55	3368	15	1431	—	1937	15
11. Дер. Чермишевы Татары	14	63	55	889	70	364	—	527	70
12. Села Грибоедова	39	63	55	2478	45	1014	—	1464	45
13. Села Большого Вьясу помещицы Козицкой	14	63	55	889	70	392	—	497	70
14. Села Белого Ключа помещ. Козицкой	6	63	55	381	30	168	—	213	30
15. Помещика Тургенева	1	63	55	63	55	28	—	35	55
16. Деревни Масловки помещика Новикова	9	63	55	571	95	243	—	319	95
17. Деревни Черемишевой помещицы Белоусовой	5	63	55	317	75	140	—	177	75
18. Деревни Лысковщино пом. Долгорукова	1	63	55	63	55	28	—	35	55
19. Села Голицина помещ. Корсаковой	5	63	55	317	75	140	—	177	75
20. Деревни Нечаевки помещ. Мухановой	2	63	55	128	10	56	—	71	10
21. Деревни Чуфаровки помещ. Слепцова	1	63	55	63	55	28	—	35	55
22. Деревни Каменки помещ. Кологривова	1	63	55	63	55	28	—	35	55

[Подпись.]

(Центр. архив МАССР, ф. 34, д. 1, л. 43—48.)

1808 г., августа 5. Пожалование императором Александром I контр-адмирала маркиза Траверсе мордовскими селами Синдорово и Колопино.

Божиею поспешествующею милостию мы, Александр Первый, император и самодержец всероссийский и т. д.

Объявляем сим, что блаженные и вечной славы достойные памяти государь император Павел Первый, наш любезнейший родитель, тысяча седмь сот девяносто седмаго года февраля в седмый надесять день, в воздаяние усердной службы нашего контр-адмирала маркиза Траверсе всемилостивейше пожаловали ему в вечное и потомственное владение пять сот душ, а апреля в двадцать пятый день в число оных назначили к отдаче ему Пензенской губернии Краснослободского уезда село Синдорово триста семдесят семь, в деревне Колопиной из ста семидесяти двух, сто двадцать три, итого пять сот душ, с принадлежащими к ним по дачам землями, рыбными ловлями, мельницами и другими угодьями и по самодержавной нашей императорской власти, силою сея нашея жалованныя грамоты ему нашему контр-адмиралу Траверсе означенное село Синдорово и показанное число душ в деревне Колопиной, со всеми принадлежащими к ним селениями и пустыми хоромными землями, дворами, деревнями и огородным строением, с пашнями и лугами, с лесами, с сенными покосами, мельницами и рыбными ловлями и с имеющимися ныне наличными и с беглыми крестьянами, ничего не выключая из всего того, что к оному селу Синдорову и на назначенное число душ в деревне Колопиной принадлежит, и потом впредь правдою и судом по пристоинству присовокуплено быть может, в вечное и потомственное владение всемилостивейше утверждаем, и оные ему и потомкам его продать, заложить и по правам укрепить позволяем, токмо чтоб обыкновенные публичные сборы, равно как с прочих владельческих имений плачены были; притом показанному нашему контр-адмиралу Траверсе и потомкам его, не токмо всем вышеобъявленным пользоваться всемилостивейше повелеваем, но и всем нашим управителям и прочим, до кого сие касаться может, накрепко подтверждаем в спокойном владении никакого ему препятствия не чинить, а в потребном случае от всяких обид всякими мерами защищать и охранять. Во утверждение ж всего вышеписанного мы сию нашу императорскую жалованную грамоту нашею собственной рукою подписали и государственною нашею печатью укрепить повелели.

Дана в Санктпетербурге, лета тысяща осьмьсот осьмаго, месяца августа в пятый день, государствования нашего осьмаго.

На подлинной подписано собственною е. и. в. рукою тако:
Александр.

Министр граф Николай Румянцев.

С сей высочайше конфирмованной грамоте читал на вышеми-
лостивейше пожалованный контр-адмиралу маркизу Траверсу
в Пензенской губернии пять сот душ по силе имянного 1797 года
июня 23-го дня высочайшего указа, пошлинные деньги по пяти-
десяти копеек с души, а всего двести пятьдесят рублей взыска-
ны, как видно из рапорта пензенской казенной палаты, получен-
ного в сенате 1803-го года, марта 6-го числа; в чем и надпись сия
во 2-м департаменте Правительствующего Сената учинена ав-
густа 21 дня 1808 года. Подписал секретарь Петр Часовников.
В коллегии иностранных дел запечатан августа в 21 день 1808
года и в книгу записан под № 5436.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 108, лл. 3—4)

1817 г., марта 15. Выписка из определения Саранской дворянской опеки (изображается положение крестьян дер. Покрышкино, принадлежавших помещику Струйскому).

1817 г., марта 15 дня саранская дворянская опека слушала рапорт, поданный от опекуна поручика Внукова, определенного над имением г. губернского секретаря Леонтия Николаева сына Струйского, который на данное от опеки ему наставление доносит:

... На 6-е. Как при вступлении его в сию должность открылось, что собранные на платеж за людей и крестьян деньги, следующие за вторую половину прошедшего года, взяты были самим Струйским, но в казну не записаны, равно и собранной в записной магазеин хлеб весь им же продан, а сверх того у некоторых крестьян под видом займа собрано им же, Струйским, и употреблено на свои надобности до 500 руб.; [что] хлебопашество заведено было несоразмерно силам человеческим, что в деревне ево Покрышкино состоит по описи в наличности людей и крестьян написанных по 7-й ревизии мужеска пола 129 душ, в том числе дворовых людей 24 человека, а за исключением сих остается одним крестьянам 105 душ, в том числе престарелых, не могущих исправлять тягло, как то от 51 до 90 лет 22, 15-ти и 16-ти летних холостых 6 и малолетних 35, итого 63 души, затем выходит крестьян, могущих исправлять тягло, только 42 чел., но из сих последних один крестьянин вместе с г. Струйским находится под судом, а за исключением оного и вотчинного начальника с его помощником остается только 39 чел., да столько же их жен. Земли, как из описи видно, обрабатывается на господина во всех полях в одно лето 324 десятины и два осьминника, следовательно, выходит на каждого тягло больше восьми десятин, да [земли] собственно крестьянам данной, обрабатывается 181 десятина с одним осьминником, из коих причитается на каждое тягло более нежели по 4 десятины и 2 осьминника, — а всей земли как господской, так и крестьянской обрабатывается в лето 505 десятин и 3 осьминника; следовательно, на каждое тягло приходится без малого

по 13 десятин, да сверх того выкашивается лугов, полагая примерно господских 10 десятин, да крестьянских 7 десятин. А потому таковое хлебопашество было и есть несоразмерное силам человеческим, того для и исправлялось некоторою частью посторонних за собственные крестьян деньги, отчего если они и несут всякий год чувствительной убыток и самое почти разорение, и просят снабдить его точным предписанием, по скольку десятин должно каждое тягло обрабатывать на господина земли в каждом поле и по скольку надлежит дать крестьянам на собственное их пропитание, дабы они, имея в виду своем пашню, сообразную их силам, могли иметь лучшее о распашке оной попечение и старались обрабатывать поля сами собою, а не наймом, — на лишнюю землю неблагоугодно ли будет признать до увеличения вперед тягол вновь прибылыми из подростков позволить отдавать внаймы посторонним за такую цену, какая в тамошних местах с наемщиков получается.

В рассуждении ж расстроенного крестьян положения не только что не может привесть их скоро в такое состояние, чтоб Струйской получил с них такой доход, какой получал прежде, распоряжая им сам, [он] не знает, каким образом заплатить за подушную недоимку и наполнить магазейн запасным хлебом вместо проданного. Естьли собрать то и другое с крестьян, так должно их отяготить и более привести в разорение, нежели в состояние к платежу на будущее время; ежели ж первые заплатить из доходов господских, так надобно будет выручать посредством продажи хлеба, а магазейной хлеб возвратить попрежнему из наличного, — почему и испрашивает разрешения.

Приказали: определенному над имением г. Струйского опекуну г. поручику Внукову в разрешение вышезначащихся в его рапорте требований к безостановочному исполнению возложенной на него обязанности предписать указом:

6. Как видно из рапорта г. опекуна нащет хлебопашества, что он находит по расчислению своему обрабатывание земли г. Струйского в пашне для крестьян отяготительным, что из числа 129 душ за исключением из них дворовых 24 чел., престарелых от 51 до 90 лет 20, 14-ти и 16-ти летних и холостых 6, малолетних и вотчиноначальников 2, должно обрабатывать только 39 чел. по прежнему положению на г. Струйского 324 десятины с осминником, но как из числа исключенных опекуном от 51 до 90 лет 22 он полагает, по крайней мере, должно быть в числе 22 60-тилетних половинное количество, т. е. 11 чел., каковых лет помещичьему крестьянину исправлять господскую повинность еще в силах и законом не запрещено, также из числа сих рабочих нельзя исключать 15-ти и 16-ти летних 6 чел., — следовательно, составится [?] масса рабочих не менее 50 чел., по сему количеству той земли к обрабатыванию доставаться должно на каждого крестьянина не по 8 десятин, как он, опекун, исчисляет, а выходит только около 6 [?] десятин в аржаном и еровом полях, по како-

вому соображению, а паче приемля за основание и то, что у г. Струйского, как видно из опеки, других никаких излишних сведений, которые бы отвлекали крестьян от земледелия, не имеется, да и сам опекун о сем подтверждает, даже и сенных покосов, принадлежащих к этому же земледелию, состоит весьма малая часть, поэтому и нельзя положить, чтобы крестьяне, занимаясь единственно одним таковым упражнением, отягощались, вследствие чего опека и предполагает, чтобы хлебопашество производить возможно, как заведено было самим помещиком, о каковом земледелии усугубить ему, опекуну, в свое бдительное за крестьянами смотрение и стараться всеми мерами, чтобы земля как в паровом, так и еровом полях обрабатываема была и хлеб оный убираем был им в свое время без наймалейшего упущения...

Судья Ушаков.

Заседатель [подпись].

Подписано марта 14 числа 1817 года.

Читал: секретарь Антон Знаменской.

(Центр. архив МАССР, ф. 23, д. 23, л. 3—8)

1827 г., мая 31. Выдержка из протокола судебного заседания саранского уездного суда, характеризующая положение крепостных крестьян с. Б. Вьяса, принадлежавших графине Лаваль.

1827 года, июня 31 дня, по указу е. и. в., саранский уездный суд, слушав выписку, сочиненную из двух следствий и законов, начатых по предложениям его прев-ва г. пензенского гражданского губернатора и кавалера:

1-е: о принесенной всеподданнейше жалобе Саранского уезда села Б. Вьяса помещицы графини Лаваль крестьянином Михайлою Дельновым нащет угнетения и истязания его и всех вообще крестьян тамошними вотчиноначальниками:

2-е: о самовольстве села Вьяса крестьян по возмущению из них некоторыми.

Обстоятельства дела сего следующие:

Сего 1827 г., марта 13-го числа с Саранского уезда графини Лаваль села Б. Вьяса крестьянин Михайла Васильев Дельнов поданным на всевысочайшее е. и. в. имя прошением описывал: Саранского уезда села Б. Вьяса графини Лаваль крестьяне до 4000 душ или более вотчиноуправляющими с приспособленными чинами местных присутствий доведены до конечного убожества, поругания, истязуемы и не допущены до барыни. С объяснением правоты их вынудили соделаться виновниками в следующем: господской прикащик Степан Дуреев и старшина Николай Белов,

были обнадежены к беззаконному обогащению, произведя с крестьян не токмо излишние непозволительные, но и произведшие [?] существенное разорение поборы, потом расхитили господскую казну и экономию. От крестьян сего донесено о том барыне, а она прислала ревизора чиновника Аркадия Аксенова, живущего здесь на Петербургской стороне в своем доме. Оной же, по стачке с Дуреевым и Бесовым, приспособили к своей стороне исправника и в неприятное для России время, т. е. около 14 декабря 1825 г., по произволу своему учинили крестьян бунтовщиками, а нескольких честнейших трудолюбов пересекли нещадно, а другим перебрили на половину [перелом] головы и бороды во острамление божиего создания и в поношение имяни господня их по всей Пензенской губернии; он же, нижеименованный бывший во святой дружине противу наглецов французов, противу их в походах и действительных стражениях до самого отпуска с генералом Мордвиновым, а потом в вотчине, по соизволению господскому старшиною, свидетельствующийся всем миром, сторонними обывателями и служивших в Преображенском полку первой его величества роты, рядовым Иваном Соколовым волю, что до преклонных 70-ти лет от рождения блюдет честь, якоже кровище и мирскую и господскую пользы, не терпит ничего безрезонного и противузаконного, и что следователем Аксеновым притеснен до неизъяснимости, с покушением на жизнь, с намерением предать огню дом сего и доведен до конечной нищеты с лишением дневного пропитания, вынужден скитаться по другим селениям, оставя дом и немалочисленное семейство без прокормления и распоряжения, а потом и следовать к барыне матери. Но Аксенов и здесь преградил путь с преследованием, барыня не приемлет ничего, чувствуя свою какую-то потерю, [мы] просим, дабы начальник губернии или по благоусмотрению кто другой, но беспристрастный, чиновник, произвел на месте чрез всех крестьян и сторонних обывателей о всем вышеписанном подробнейшее и по божески исследование и о предании виновных суду, дабы поступлено было по законам, с предписанием исправнику, прикащику и старшине от истязательных боев, неприличных поруганий и беззаконных поборов в свое обогащение деламых, воздержаться и тем водворить тишину и спокойствие каждого.

7-го апреля села Б. Вьяса гр. Лаваль крестьяне Максим Артемьев, Родион Яковлев, Степан Петров, Андриан Михайлов и Павел Иванов прошением описывали: состоящие при вотчинной ее сиятельства г. графини Лаваль конторе земские писаря Степан Дуреев, Лука Михайлов и Григорий Тимофеев, выведши из власти и повиновения к обществу, в собранных с оного на разные расходы деньгах по требованию их не дают им отчета и госпоже их не доставляют счетов, а сверх того самовольно продали из магазейна собранный хлеб, а из лесу значительное число бревен и кирпич, приготовленный для церкви. По каковым притчинам [М. Артемьев, Р. Яковлев и др.] вынужденными себя нашли

довести о неистовствах их графине, которая по истребованию [их] к себе в С.-Петербург для личного удостоверения приказала им выбрать из общества бурмистра, а означенных земских писарей сменить и отправить в верховые вотчины, а для исправления их должности нанять вольных. А как, при обращении их в вотчину, земские писаря состоящие у них приходные книги, разные бумаги и по оным в производимых ими расходах отчету и бумаг не отдают, как равно и упорствуют в отправлении их по воле графини в верхние ее вотчины, просим саранскому земскому суду предписать, дабы оный земских и писаря Дуреева к сдаче состоящих при вотчинной конторе книг и бумаг и отдаче во всем расчёта принудил, и в отправлении их по воле графини в верхние вотчины им сделал пособие.

19 апреля господин пензенской гражданской губернатор и кавалер при отношении своем прислал к чиновнику губернскому секретарю и кавалеру Кейпину два прошения, поданные: 1) на всевысочайшее е. и. в. имя села Большого Вьяса графини г-жи Лаваль крестьянином Михайлою Дельновым, 2) на имя его, г. пензенского гражданского губернатора и кавалера, оного села госпожи крестьянами Максимом Артемьевым, Родионом Яковлевым, Степаном Петровым, Андрианом Михайловым и Павлом Ивановым, которому поручил по оным произвести подлежащее исследование, а в следствии значит:

1. Апреля 21 числа прикащик госпожи Лаваль Степан Дуреев в допросе показал, что прикащиком [он] утвержден самою г. Лаваль и доныне находится, получая всегда письменные приказания от нее, госпожи его, за собственным ее подписанием на имя свое, с наименованием в каждом из них его прикащиком, каковых письменных приказов во все время по сие число получено им, Дуреевым, от нее, госпожи его, 22.

Противу жалоб, принесенных на него и вотчиноначальников, объяснил следующее: 1) никогда и никто из всех крестьян вьясских вотчин ни им, Дуреевым, ни протчими вотчиноначальниками, при нем находящимися, ни земским исправником, ни всеми другими местными чиновниками напрасно наказываемы не были и никаких им поруганиев, истязаниев и разорениев чинено не было, а, в особенности, самому просителю, крестьянину Михайло Дельнову; некоторые же из крестьян, и то немногие, иногда им точно, прикащиком Дуреевым, за разные вины, леность, нерадивость к домостроительству, неплатеж государственных податей, господского оброку, а большею частию за самовольные отлучки, грубости, неповиновения и своевольства были в конторе при всех вотчиноначальниках, а некоторые, а в особенности беглые и неповинующиеся, и при земском исправнике наказаны, но и то слегка розгами, а у некоторых, а особенно своевольщиков и беглых, для удержания на будущее время от того во облегчение дерзостей их пред протчими добрыми крестьянами и для стыда остригалась половина волос на голове. Имена всех

сих крестьян не упомнит, неспокойствий же никаких никогда со стороны его и всех вотчинноначальников не было, что могут заверить живущие в их селе священно-церковнослужители и посторонних сел обыватели, поелику естьли бы, хотя и малейшие были от них напрасные кому наказания, то бы крестьяне не преминули прежде жаловаться самой помещице, которой они обо всякой безделице доносят и жалуются, но о сем никогда не жаловались, следовательно, и не было того, что все Дельнов во всеподданнейшей жалобе государю императору писал напрасно, ложно, во избежание собственно своей ответственности за самовольное название им себя без воли госпожи бурмистром, за возмущение крестьян к неплатежу положенного оброка через письмо, присланное им от себя из числа нынешних же просителей к Максиму Шагалину из-за самовольные отлучки из вотчины, да и теперешнюю просьбу подал он государю императору от всех вьясских вотчин без доверия их, самовольно, наименовав себя в ней от лица всех лиц просителем самопроизвольно; 2) излишних и непозволительных с крестьян поборов ни он, Дуреев, ни старшина весов, ни писаря и нихто и ни в какое время самовольно и без воли всего мира не делали, и в свою пользу не употребляли, а естьли и делали сверх оброка и подушной подати раскладку на другие по вотчинной надобности, как-то на жалованье писарям, разъезды и тому подобные мелкие и непредвиденные расходы, то все сие с воли госпожи их, согласно прежде заведенному из давних лет по вотчинам сим обряду, с воли и добровольного согласия всего мира на общественных мирских сходках по письменным приговорам, в число которых весьма много остаются в недоборе, о чем о всем по окончании года отчеты отдаются самой госпоже или присланным от нее ревизорам, каковые во все годы по 1826 г. и с подлинными книгами и документами поверял в 1826 г. присланный из Петербурга госпожею ревизор 14 класса Аркадий Аксенов и по поверке взял все с собою для личного усмотрения самой госпожи в Петербург...

Ревизор Аксенов был прислан во вьясские вотчины в 1825 г. как для обревизования конторы и осмотра всех экономических частей по вотчинам сим, так и для усмотрения некоторых крестьян, вышедших из должного повиновения по поводу сего своеволия и, в особенности, больше всех возникшего со стороны вышеописанного просителя Михайлы Дельнова. Вступил он, Дельнов, самовольно без всякого от госпожи приказания в бурмистры, из коих с приезда Аксенова отставлен без всякого, однако, ж истязания и разорения, которой тогда ж и с сыном его Андреяном и еще крестьянином Трофимом Родионовым бежали и с тех пор его, Дельнова, в вотчине там нет, который поведения был всегда строптивого и невоздержанного, расстроевая весьма часто крестьян в повиновениях, за что самое и прежде еще во отсутствие госпожи их за границу вытребован был родительницею ее Катериною Ивановною Козицкою в Петербург и там за то отдан

был в ратники в сформированное в 1812 г. ополчение, по роспуске которого, возвратясь в дом, нисколько не исправился. По приезде же ревизора Аксенова точно некоторые из крестьян, оказавшиеся главными виновниками в неповиновении, по воле Аксенова, яко главного ревизора всех вотчин и имеющего полную на все и на наказание виновных крестьян от госпожи доверенность, слегка наказаны были розгами...

Управление вьясскими вотчинами госпожи его со дня вступления ею во владение оными было, как по письменным делам видно, в разных руках, и доходы собирались чрез разные хозяйственные заведения и учреждения с первых лет вступления ее во владение оным, — а именно: с 1810 г. управлял без доверенности по письменным приказам из крестьян бурмистр Андрей Рогачев, выручая господский доход с крестьян через один оброк по 30 рублей с тягла, не имев впротчем далее никаких заведениев и оборотов по хозяйству. После того, в 1812 г., поступил в прикащики вольнонаемной чиновник Николай Вертоусов, и также без формального доверия по одному письменному приказу, под главным надзором покойного пензенского помещика Алексея Матвеевича Бекетова, в какое время заведена суконная фабрика начально на 10-ти, потом на 12-ти и 16-ть станов и прибавлено оброку на каждое тягло по 10 руб., а всего составилось по 40 руб. с тягла, а с каждой ревижской души выходило по 20 руб., и сверх того заведено хлебопашество для фабричных десятин по 50-ти в поле, что и продолжалось до 1816 г., а в оном [году] был сменен Вертоусов и на место его поставлен был госпожею в бурмистры крестьянин Григорий Нечаев, токмо без доверенности, и ему одному без надзора уже г. Бекетова вверено было полное во всем вотчинное управление, которой, пробывши не более года, сменен, на место коего прислан был госпожею с указною уже доверенностью управитель московской второй гильдии купец Федор Шешелен, которой, управляя на прежнем основании, требовал только оброку на каждую душу по 5 рублей, с какового времяни до ныне обложена каждая ревижская душа по 25 руб. единственно для удобного расчета, а в натуре таковой сбор с души не происходит, а располагается оброк каждогодно по общему мирскому приговору на каждое семейство порознь и по разной сумме, смотря по состоянию и по работникам, а не по душам, приводя всегда во один общий щет, чтобы вся раскладка сия с семейств равнялась окладному оброку с душ, во всякой волости числящихся, которых всего на все по последней 7-й ревизии состоит 3854 души. Оброку в год предполагается собрать с них, как выше значит, на каждую душу по 25 руб., всего 96 350 руб. По общему ращету приходится платить каждому мужу с женою по 50 руб., а холостым и подросткам в половину и даже четверть; земли даётся всякому тому, кто платит по 50-ти руб. в год, в каждом поле по одной сороковой десятине, а кто половину платит сей платы, тот и земли получает половину, каковым распорядком и управлял

купец Шешелен до 1818 г., а в 1818 г. на место его прислан барынею из тверских крестьян бурмистр Иван Курицын, которой управлял без доверии на том же основании до 1821 г., уничтожил с воли помещицы фабрики и с нею вместе запашку для фабричных земли, а в 1821 г. сменен Курицын, а ... в 1823 г. прислан с указной доверенностью управляющий с.-петербургский мещанин Петр Аксенов, которым сверх вышеписанного денежного оброку заведена пашня в каждом поле по 50 десятин, которую обрабатывали те крестьяне, кои накопили на себя доимку в уплату оной. Когда ж в 1824 г. Аксенов помер, то на место его поступил прежний [?] бурмистр Горожанин и пробыл не более 10 месяцев, которого приказала госпожа сменить, а на место его обещала прислать другого, но крестьянин Михаил Дельнов, не дождавшись того, самовольно, без всякого приказания госпожи, вступил сам в должность бурмистра, потом, когда сам граф Владимир Иванович приехал в 1825 г. во вьясские вотчины, и утвердил его, Дуреева, прикащиком, тогда Дельнова отставил. После смерти покойного графа, вторично тот Дельнов по самовольству своему сильно его, Дуреева, удалил от вотчинного управления не более как месяца на два, вступая во оные сильно сам, после же того когда приехал туда ревизор Аксенов, тогда он уже совершенно утвержден прикащиком, а Дельнов удален, и с тех пор находится он, Дуреев. При нём по приказу госпожи его прибавлено еще барской нескольско пашни на неплательщиков, и теперь пашется в каждом поле по 105 десятин, по примеру чего также и прочие вотчиноначальники, не имея постоянного назначения и утверждения в своих должностях, часто менялись по одному иногда упрямству и своеволию крестьян... А пользуясь таковою неопределенностью во управлении и частою переменою, иногда и по их нерезонному желанию начали делать некоторые своеволии, самовластные отлучки из жительства своих ..., ибо они прежде большею частью занимались в близлежащих к их вотчине винокуренных заводов деланием бочек и прочими топорными работами, ходя для того и в другие губернии. А как ныне плата вообще на все понизилась и винокурения уменьшились, так что всякой заводчик одними своими крестьянами успевает все по заводу сделать без найма посторонних, почему все Вьясской волости крестьяне, привыкшие обращаться более в топорных работах, нежели в хлебопашестве, и не находя ныне не только выгодной платы за работу, но даже и самой работы, остаются в домах своих при сидении одного дёхтя из лесу господского, и тот продают весьма дешево. Каковая праздность уповательно и завлекла их ныне в пустые просьбы будто во отягощение их и в притязаниях, а больше всего желают под предлогом всего избавиться оброчной доимки, накопленной ими на себя с 1820 г., большею же частию в течении последних 3-х лет, которой всего на все состоит теперь за ними 242 620 руб. 02 коп., больше нежели за 2½ года полного оклада. После сего, как же можно им сказать, что они разорены и доведены до нищеты.

Известно ему и всем начальникам их, что многие из них, имея деньги и весьма избыточное состояние, не выплачивают всего оброка в чаянии том, что госпожа их по милосердному к ним снисхождению не простит ли им оной весь или половину, имея к тому примером тверскую ее вотчину, где они, часто во время своих отлучек бывая, знают, что там оброку до 130 000 руб., госпожа отсрочила впредь до справки крестьян и, сверх того, как из числа нынешних просителей Максим Шагалин, пришедший недавно из Петербурга, проходивший через ту вотчину, объявляет в селе, что и оброк уменьшен там: вместо прежде платимых с каждой души, как и здесь, 25 руб. до 15 руб., каковой милости ожидают и здесь с приездом госпожи их...

Апреля 23 числа села Большого Вьяса госпожи Лаваль крестьянин Максим Шагалин с товарищи, всего 4 человека, в допросе показали:

1-й. Максим Шагалин, что он, будучи в С.-Петербурге у госпожи своей, откуда вообще с бывшим там крестьянином Михайлою Дельновым и сошедшимся по тракту еще до Петербурга в городе Арзамасе другим крестьянином Максимом Морозовым, отправлены были госпожею их в феврале месяце с. г. по билету в Москву к тамошнему ее управителю Василью Сергееву Чернышеву с тем, чтобы, получа там от него, Чернышева, новый билет и денег на дорогу, отправиться в жительство их и оставаться во оном попрежнему, с каковым билетом он, Шагалин, и Морозов вышли из Петербурга, а Дельнов неизвестно почему не пошел с ними, а остался в Петербурге у сына его, служащего в гвардейской артерелии банбандира Андреяна Дельнова, квартирующего в казармах, что на Литейной улице. Они же, Шагалин и Морозов, не заходя в Москву, приехали прямо в жительство на нанятых ими лошадях, заезжая по тракту в Тверскую госпожи их вотчину село Васильево и деревню Яковлевку, куда с ними вместе следовали той вотчины крестьяне 108 человек, бывшие в Петербурге у госпожи их, с просьбою о разных будто им притеснениях вотчиноначальниками, о сем они крестьяня около шести лет хлопотали и просили, но видно по недоказательству их прошений не удовлетворялись, а ныне в том успели, ибо госпожа их приказала сменить всех начальников и оброчную доимку во 134 тысячах рублях на тех крестьянах накопившуюся приказано взысканием предостановить, а сверх того убавила оброк, приказав платить вместо прежних 25 руб. с каждой души только по 15 руб., по поводу чего они, Шагалин и Морозов, будучи сведомы о всем том в Петербурге, и, зная, что об них нет никакого от госпожи их письменного приказания в вотчинной конторе, кроме одного билета для проходу их, согласились между себя, по приходе домой и у себя, то же зделать под видом личного им приказания от госпожи их: во-первых, объявить всем крестьянам и уверить их настоятельно, что госпожа их в рассуждении будто отягочения крестьян без воли её вотчиноначальниками прика-

зали им сменить всех тех вотчиноначальников [приказчика Дуреева и писарей и всех прочих старшин, выборных старост и сотского] и вместо их выбрать других, и потом, чтобы от всех крестьян послать просьбу к госпоже на тех бывших вотчиноначальников, написав ей какие-нибудь непорядки их и притеснения их и просить, подобно тверским ее крестьянам, пришлют выполнившейся на вьясских вотчинах доимки более 242 тысяч руб., и о убавке оброка до такой же суммы, как в тверских вотчинах [они] ныне утвержден, — что по приходе и исполнили, объявя и умерли о всем том за сущую правду крестьян Вьясской вотчины повелевали им он, Шагалин, и бумагу, писанную еще в Петербурге по просьбе его помещицы их главной петербургской конторы писарем Александром Самойловым по одним его, Шагалина, словам, в виде приказа или записки на память о словах госпожи их, будто лично ему и Морозову в Петербурге говоренных, которую во удостоверение и просил прочесть всему сходу села Ильмина [графини Дебрив] крестьянина Василия Потапова, за которым он, Шагалин, нарочно ездил и просил его уверить чрез ту записку прочтением ее в виде приказа крестьянам при конторе, что тот крестьянин, приехавши во Вьяс нарочно, и исполнил, зная, впрочем, он, Потапов, и слыша от него, Шагалина, что записка та не есть действительной приказ графини и без ее подписи, которую он, Шагалин, после прочтения того, положа себе в пазуху, видно обронил, ибо нигде доселе ее отыскать не мог, чему всему поверили все их крестьяня, тем более, что желали себе прощения оброчной доимки и сбавки на будущее время платы оброка, почему действительно 2 и 11 числа сего апреля по позыву и по повестке его, Шагалина, и товарища его Морозова сбирались в вотчинную контору и по примеру бывших до того в прежних годах многих смен самими же крестьянами без приказу госпожи сельских начальников, кроме управляющих по доверенностям, требовали смены приказчика Дуреева из крестьян ее же госпожи без доверенности определенного и всех прочих начальников и писарей, выбрав между тем всем миром в бурмистры его, Шагалина, и прочих других выборных и старост. Того ж апреля 23 дня крестьяня села Большого Вьяса с увещеванием священников спрашиваны и показали.

Максим Шагалин: Действительно, в прошлом 1826 г. находящийся в Петербурге крестьянин госпожи его Михайла Дельнов прислал к нему, Шагалину, письмо, но только не в том смысле, что госпожа их убавила оброку или отменила оной, а в том, чтобы платили оной все скорей и справнее, ибо по некоторым, тогда дошедшим до крестьян вьясских их вотчин слухам, о бывшем в 1825 г. в Петербурге возмущении останавливались они платить оброк, на что, приглася он, Шагалин, крестьянина Василья Цаплина, объявили всем крестьянам то письмо в том самом смысле, в каком оно писано, а не в превратном каком-либо. Крестьяне, уверившись, стали платить оброк, но прикащик Дуреев с прочими вотчиноначальниками неизвестно почему написали о сем гос-

поже его в другом неблаговидном смысле, по каковому донесению госпожа их, Шагалина и Цаплина, вытребовала к себе в Петербург к личному объяснению, где Цаплин и помре, и он, Шагалин, оправдавшись там, отправлен от госпожи их вместе с другими крестьянами, бывшими там по своим надобностям, названным Михайлою Дельновым и Максимом Морозовым в феврале месяце сего года по билету до Москвы к управляющему Василью Сергееву Чернышеву с тем только приказанием, чтобы, получая от Чернышева билет да денег на дорогу, отправиться в жительство их и жить там до приезду туда самой госпожи их смирно и покойно, повинуясь всем теперешним вотчиноначальникам, с каковым билетом он, Шагалин, и Морозов вышли из Петербурга, а Дельнов неизвестно почему не пошел с ними, а остался в Петербурге, они же, не заходя в Москву, приехали прямо на страстной неделе сего года в свое жительство на нанятых ими лошадях, заезжая по тракту в тверскую госпожи их вотчину с. Васильево и д. Яковлевку... Того же числа (майя 1-го) исправник Шахматов при сношении прислал чиновнику Кейпину крестьянина Степана Андрианова Дельнова и письмо, присланное из Петербурга от деда его Михайлы Дельнова, в котором значит: «Родитель ваш Михайло Васильев сын Дельнов единоутробным моим детям от родителя вашего мир благословение и навек вам нерушимого: во-первых, свидетельствую вам свое нещастное продолжение моей жизни, как я отъехал от вас в Санкт-Петербург по несщастию нашем вообще и о раззорениях всего нашего миру. Сын мой любезной, Андриан Михайлович, уведомляю я вас в том, которые два старика были со мной Шагалин и Морозов, прибыли они домой, я их отправил ещё до масленицы, но они обещались мне в скором времени прислать денег, но я остался по согласию их горе горевать и стараться за весь мир. Но я, сколько можно стараюсь, старание мое дошло до сведения государя, а государь отдал мои дела рассмотреть военному губернатору Кутузову в Петербурге, буде сведение вам послано, то значит допрос, а вы старайтесь как можно все вотчины объехать и подписать всех стариков имена и нескольно священников, а именно, чтобы Шагалин как можно старания приложил, как скоро опишите сей допрос верно и точно, съехал ко мне Шагалин как можно скорее.

«Браты мои любезные, Андриян Михайлович и Кузьма Михайлович, от брата вашего Степана Михайловича, уведомляю вас, братцы, нащёт родителя нашего, как он нещастный страждет и горе принимает за весь мир, даже и я, братцы, на него глядя, и меня сделал нещастным, братцы, и весь православный мир наш. Знаете вы, что у родителя нашего денег нет, но я за все отвечаю, занял я от артели 50 руб., на время мне еще Иван Соколов тоже дал 25 руб..., а за все ответ мой, братцы, и вас, православной наш мир, но, братец, Андриан Михайлович, как можно мне деньги ускорить, пришлите ко мне в скором времени, не зделайте и меня нещастным во веки»...

Приказали учинить по сему делу следующее:

1-е. Из подсудимых Саранского уезда села Большого Вьяса госпожи Лаваль крестьян Михайлу Васильева Дельнова, отважившегося в нарушении своих существующих законов, изображенных во 148 военного арт. и указах 1718, 1730, 1762, 1767 г.г. на принесенье е. и. в. всеподданнейшей от имени своего и всех крестьян, без ведома их, просьбы [оказавшейся по обследованию ложно составленной, по неспокойному его, Дельнова, характеру], коей он жаловался на делаемые якобы ему и крестьянам села Б. Вьяса с прочими селы и деревни приказчиком того села Вьяса Дуреевым с сельскими вотчиноначальниками и ревизором над вотчинами Аксеновым притеснения, истязание, излишние и непозволительные поборы в собственное обогащение и прочее [из каковых воздвигаемых противузаконностей к истязанию крестьян приспособлен, по изречению его, якобы был и саранский земской исправник], наказать как за подачу оной, так и напрасное оклеветание сельских властей и, особенно, земского исправника, равно и за возмущение прочих села Вьяса крестьян на разные противозаконности противу их вотчиноначальников и общего порядка, он еще прежде признан и самою графинею Лаваль в приказе от 8 марта 1826 г., присланным в село Вьяс, и, сверх того, доказывается письмом, присланным к сыну своему в село Вьяс крестьянину Андрияну Дельнову.

На основании вышеприведенных законов и в согласность Уложения 10 главы 107 статьи и указа Правительствующего Сената, высочайше конфирмированного в 22-й день генваря прошлого 1826 года, — наказать кнутом, дав столько ударов, сколько положено будет при апробации решения начальником губернии, а потом, поставив на лице штемпельные знаки, сослать вечно в Сибирь в каторжную работу.

2-е. Сочинителя и писца от лица Дельнова всеподданнейшей просьбы не означившего [на основании указа 1807 года, декабря в 29 день состоявшегося] имени, хотя и следовало предать суду и определенному в законах наказанию, но как в открытие его, кто он есть таков, за неприсылкою еще Дельнова из С.-Петербурга настоит невозможность, то и оставить преступление сие без преследования.

3-е. Находящихся в военной службе крестьянина Михайлы Дельнова, сына Андриана, Ивана Федорова Соколова, служащего в лейб-гвардии в Преображенском полку первого батальона в гренадерской роте, Федора Егорова сына Воржеева, отданного из деревни Гольтяпиной, неизвестно [по делу] в каком полку служащего [коих отыскание может произвестись через Соколова] за участвование в знании про крестьянина Михайлу Дельнова нащет подачи всеподданнейшей просьбы, за посылку общего с ними в село Б. Вьяс письма, явно клонящегося к возмущению крестьян на неповиновение сельским властям и за снабжение его, Дельнова, сыном его Андрианом занятыми из артели 50-ю руб.,

Соколовым 25 рублями и Воржесовым 70 рублями предать военному суду, для чего, сняв с бумаг, предметы в себе о сем вмещающих, точные копии, представить оные для препровождения в военное ведомство пензенскому губернскому правлению при донощении.

4-е. Открывшимся по письму Михайлы Дельнова единомышленников его в нарушении тишины и общего спокойствия крестьян Максима Шагалина, Мокшанского уезда, деревни Ермоловки, Максима Морозова и присоединившимся к стороне их к соучаствованию на безаконное действие, открытых гласом народа, по именам значущихся в отобранном от них апреля 30 числа показаний крестьян Тихона и Степана Рузановых, Тимофея Шагалина, Родиона Локтева, сына Дельнова Андриана и Степана Ковалева, обстоятельствами дела в совокупном с протчими действиями обличенного, — наказать, яко возмутителей к бунту и ослушанию, на основании воинских артикулов... кнутом и, поставя на лице их штемпельные знаки, сослать так же, как и Дельнова, вечно в каторжную работу.

5-е. Деревни Александровки ее же, госпожи Лаваль, крестьянина Старова, держащегося старообрядческой секты, именуемой поповщина, за сделание описи крестьянам, бывшим 14 апреля в селе Вьяс на сходке и согласившимся на смену, равно и за соучаствование с Шагалиным и протчими в хождении в город Пензу, ... наказать плетьми и сослать яко неблагонадежного к житию в обществе честного поведения людей в Сибирь на поселение и там, где он водворен будет на жительство, предать его за старообрядчество увещанию духовного начальства.

7-е. Прочитавшего на сходе в селе Вьясе по просьбе Шагалина и Ковалева ложно составленный приказ Городищенского уезда села Ильина госпожи Дебрюш крестьянина Василия Новикова за то, что он вмешался не в свое дело и тем подал некоторым крестьянам мнение о воли их помещицы, — в страх другим, наказать плетьми и по уважению тому, что он ни с какой стороны не изобличается в советах крестьянам на неповиновение, как и в том, чтобы он, Новиков, был на прочтении возмутителями подкуплен, водворить в жительство.

8-е. Сочинителей ложного приказа госпожи графини Лаваль конторского писца Александру Самойлова... предать также строжайшему по законам суждению, о коем, с приложением с нужных бумаг копий, и сообщить к сыску и обследованию и отсылке дела по инстанциям, куда следует, в с.-петербургскую управу благочиния...

10-е. Крестьянина Михайлы Дельнова внука Степана Андрианова за непредставление в вотчинную контору или, вместо оной, на месте следователю господину чиновнику особых поручений Кейпину письма, полученного от означенного его деда Дельнова, выдержать под стражею две недели и потом отдать в вотчину.

14-е. Всех по сему делу спрашиванных людей от суда и следствия учинить свободными.

15-е. Саранскому земскому суду, предписав указом, велеть за повиновением крестьян приказчику и вотчиноначальникам иметь строгое наблюдение.

Подписали 4 июля 1827 г.:

Судья Петров.
Заседатель Жулебин.
Заседатель Зверев.
Сельской заседатель Григорьев.
Бурмистр Кубанцев.
Бурмистр Удалов.

(Центр. архив МАССР, ф. 15, д. 155, л. 751)

1829 г., января 29. Дело о поборах священнослужителей с крестьян села Верхняя Лухма.

1829-го года, генваря 29-го дня, по указу е. и. в. пензенская духовная консистория, слушав дело, произведенное краснослободским духовным правлением, о излишних поборах, чинимых священно- и церковно-служителями Наровчатской округи села Лухмы с прихожан за требы, коего дела обстоятельства следующие: прошлого 1828 года, июня 18 дня господин сенатор генерал-лейтенант и кавалер Иван Савич Горголий при отношении к его преосвященству, между прочими жалобами, представил показание, отобранное командированными от него чиновниками титулярным советником Голубковым и гвардии поручиком Борноволковым Наровчатской округи села Рождественского, Верхняя Лухма тож, от прихожан казенных крестьян, всего 38 человек, — в коем они объяснили, что священно- и церковно-служители берут с них за молитву 35 коп., за крещение 40 коп., за свадьбы и похороны от 4-х до 25-и рублей, а за неимением денег берут и скотиною, на каковом отношении резолюция его преосвященства последовала такова: «Рассмотреть немедленно и представить законное заключение». Вследствии же чего по определении сей консистории, его преосвященством утвержденному (о произведении по содержанию сего показания следствию), — от 13-го июля было предписано краснослободскому духовному правлению указом..., чтобы дела такового рода поручить к производству дозволено было священникам хорошего поведения, потому что благочинные заняты другими делами. Каковое мнение [краснослободскою] консисториею утверждено, о чем от 20 августа было предписано правлению, которое о произведении сего следствия предписало села Урей священнику Андрею Архангельскому. А. Архангельский, произведя оное следствие, при волостном голове Кузнецове, 12 ноября представил [заключение] в правление, а оное мнением заключило сочинить выписку. В декабре месяце оная ответчиками зарукоприкладствована, 28-го того ж декабря правлением положено мнение, а 7 генваря сего года поступило оное дело в сию [пензенскую] консисторию, из коего открылось в показаниях:

1. Села Верхней Лухмы священно-церковно-служителей, что они прихожанам притеснения при исправлении треб не чинят, платою довольствуются такою, какую по доброй воле дают.

2. Того же села Верхней Лухмы и деревни Лухмы прихожан, всего 55 человек, что приходские их священно-церковно-служители им притязания при исправлении треб не делают, а дают они за требы добровольно и всякий по желанию своему. Чиновникам же на них они не жаловались.

3. Деревни Кочетковки обывателей соцкого Сергея Иванова, старшины Леонтия Никифорова с товарищами, всего 51 человек [спрашивали о том], что села Верхней Лухмы священно-церковнослужители берут ли с них за молитву 40 коп., за крещение — 50 коп., за свадьбу и похороны младенца — от 40 коп. до 1 руб. 20 коп., за свадьбы и похороны, буде денег нет, берут коровами и овцами, — священно-церковно-служители села Верхней Лухмы в оправдании показали, что они домогательством платы за требы не берут, а довольствуются тем, что из доброй воли дают; другой же половины деревни Кочетовки соцкий Семен Матвеев, старшины Федор Емельянов и Егор Гаврилов с товарищи, всего 53 человека, показали, что они на священно-церковно-служителей чиновникам не жаловались, а только слыхали на сходе деревни мордовской Коломасовой кричавших крестьян и приносивших жалобу на своего священника.

А по справке оказалось: по благочинническим за 1827 год ведомостям видно, что Наровчатской округи села Верхней Лухмы священно-церковно-служители показаны: 1) священник Лев Иванов, 43 лет, имеет жену и детей Василия 18 и Ивана 15 лет, обучающихся в нижнеломовском училище; в семинарии не обучался, во священника произведен в 1814 году, поведения хорошего, штрафован и под судом не был; 2) диакон Тимофей Павлов, 44 лет, имеет жену и детей: Тимофея — 13 лет, обучающегося в нижнеломовском училище, Ивана — 5 лет и Алексея — 9 месяцев; в семинарии обучался до риторического класса, во диакона произведен в 1824 году; за пьянство определен был в причетническую должность; в 1828 году за неисходатайствование им у епархиального начальства ставленной грамоты штрафован 10-ю рублями; 3) дьячок Александр Петров — 44 лет, имеет жену и детей: Семена 19 лет, обучающегося в нижнеломовском училище; в семинарии не обучался, во дьячка определен в 1806 году; ставленную грамоту имеет, поведения хорошего; 4) пономарь Тимофей Федоров 23-х лет, имеет жену и детей: Ивана 6-ти и Параскеву 2-х лет; в семинарии обучался, в пономаря определен в 1819 году, а в стихарь посвящен в 1824 году, поведения хорошего, в штрафах и под судом как он, так и дьячок не были.

Мнением же краснослободское духовное правление по сему делу заключило: как из показаний села Верхней Лухмы и Мордовской Кочетовки обывателей видно, что они командированным от г-на сенатора и кавалера Ивана Савича Горголя чиновникам титулярному советнику Голубкову и гвардии поручику Борноволкову на приходских священно-церковно-служителей в излишних взиманиях с них за требы денег не жаловались, и священно-церковно-служители никогда и никаких им обид и притеснений не делали и не делают, и они, обыватели, ими, священно-церковно-служителями, очень довольны, то, хотя по делу и замечательно, что священно-церковно-служители лухминские за требоисправление против положенного брали с прихожан излишнее, но поелику не вынужденно, а по собственной и доброй их, прихожан, воле, то за силою высочайшего указа 1801 года, апреля в 3-й день состоявшегося, не входя о сем в суждение, учинить их, священно-церковно-служителей, по делу сему свободными, определила: как мнение краснослободского духовного правления с обстоятельствами дела учинено согласно, то о проведении оного во исполнении, предписать оному же указом, но, не чиня по сему протоколу исполнения, представить оный к его преосвященству на благорассмотрение.

Николаевский протоиерей [подпись].
Петропавловский протоиерей [подпись].
Ключарь протоиерей Федор Островидов.
Секретарь Александр Александровский.

№ 1987.

(Пензенск. облгосархив, ф. Пензенской духовной консистории, д. 118а, л. 7—9.)

1832 г., января 7. Рапорт инсарского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору А. А. Панчулидзеву о расследовании дела по истязанию крестьян с. Пестровки титулярным советником Кренером.

Секретно.

10 генваря, № 83.

Состоящему в должности пензенского гражданского губернатора господину статскому советнику и кавалеру Александру Алексеевичу Панчулидзеву

(Резолюция губернатора:

Уездному суду подтвердить о скорейшем окончании дела.)

Инсарского земского исправника

Рапорт.

На предписание в. пр-а от 26 декабря № 11010 — о донесении, что открылось по следствию в истязаниях титулярным советником Кренером, якобы учиненном крестьянину помещика Левашева,

имею честь в. пр-у почтеннейше донести, что от крестьян помещика Левашева на г-на титулярного советника Кренера никогда жалоб в суд не поступало, и в производстве дел никаких не имелось; но прошлого, 1831 года, майя 29 бурмистр села Пестровки коллежской советницы Матюниной, которая есть родная сестра генерал-адьютанту Левашеву, Алексей Христофоров вошел в земский суд с просьбою, жалуясь на побои и разных истязаний, делаемых крестьянину госпожи его, Тарасу Мартемьянову, кои состояли в вязании назад рук, привязывании в сарае Мартемьянова к стропильной слеге, завнгивании веревкою головы, в битье плетью и прочими побоями. При производстве следствия крестьянин г-жи Матюниной Тарас Мартемьянов показал, что все таковые истязания деланы ему были по приказанию г. титулярного советника Кренера в его доме. При допросе господин Кренер и те люди, на коих Мартемьянов показывал, признания не учинили, даже свидетели, на которых имелась ссылка, того не подтвердили, и чтобы сие было господином Кренером делано, ничем по следствию не доказано. Какое дело от земского суда представлено в уездный суд прошлого, 1831 года, в июне месяце, которое и поныне находится в рассмотрении уездного суда.

Генваря 7-го дня 1832 года, № 6.

(Пензенский облгосархив, ф. 5, д. 258, л. 3)

1832 г., декабря 12. Предписание пензенского гражданского губернатора чиновнику особых поручений Юрасову о расследовании дела по убийству своего дворового [подпоручиком Максимовым.

Список о предписании господина пензенского гражданского губернатора чиновнику особых поручений Юрасову от 12 декабря 1832 года, за № 2560.

Наровчатский городничий доносил мне, что дворовая отставного подпоручика Елисея Максимова женщина Авдотья Данилова 30 минувшего ноября утром объявила полиции, что означенный Максимов накануне [29 ноября] вечером мужа ее, крестьянина Василия Терентьева, бил мучительски за то, что он мало выткал цыновки и лег на полати отдохнуть, от каковых побой он в ночь и умер. По свидетельству на мертвом теле найдено: правое ухо сверху расшиблено, с правой стороны под ребрами рана протянутая, повидимому чем-либо острым, голова под правым виском расшиблена, на спине около шеи сине-багровые знаки. Уездный штаб-лекарь удостоверил, что смерть Терентьеву последовала от разбития головных и грудной кости и от жестоких побой. При следствии жена и сын покойного показали, что владелец их с того времени, как они у него, обращался с ними жестоко и всякий день, а иногда по нескольку даже раз, бивал; что ввечеру 29 числа, когда муж ее лежал в бане на полатях, Максимов, пришед к нему и не говоря ни слова, стащил его за волосы на двор, бил ногами

и потом колом, из дров вынутым [кол сей, по указанию ее, стоял тогда у угла передбанника, коим (колом) поделал боевые знаки, а из разбитых мест текла кровь]; — что после побой сих муж ее, войдя в баню, начал, было, опять ткать цыновку, но сын позвал его в людскую ужинать, по приходе куда Максимов, не дав ему есть, приказал лечь на пол и бил еще руками и ногами по всему телу, что услышала г[осп]жа их, взойдя в избу, спрашивала его, за что бьет, а Максимов закричал с ругательством: «Я его убью, так чтобы он через два дни помер!» Почему г-жа их пошла в горницу, а Максимов приказал Терентьеву итти в баню, куда он с нею, Даниловою, и пошел. По приходе же начал было ткать, но от течения крови и слабости почувствовал тошноту, лег на пол, поутру же найден мертвым. Подпоручик Максимов сознался в том, что Терентьева стащил в бане с полатей за волосы, а при ужине велел ему лечь на пол, как бивал иногда людей своих слегка руками. Дворовая девка Демидова показала, что она видела, как барин вечером бил Терентьева в людской избе. Соседи под присягою показали, что Максимов нередко бивал людей своих жестоко; в повальном обыске также не одобрен. Как из рапорта городничего не было видно, найдены ли на коле, коим, по указанию Даниловой, Максимов бил Терентьева, кровавые пятна, а также, не было ли приносимо на Максимова жалоб или не доходили ли частные сведения о жестоком его обращении с людьми. И на вопрос мой [губернатора] о том городничий отозвался, что при свидетельстве кола кровавых знаков на нем не оказалось; жалоб же и слухов о жестокости Максимова не было. Ныне от наровчатского уездного суда получил я донесение, что при рассмотрении доставленного от городничего следствия найдены в нем следующие недополнки: 1) дубовому колу, которым Терентьев, по словам жены его, бит Максимовым, осмотра не сделано; 2) не осмотрено платье, в котором был в то время Максимов; 3) вид и величина раны, протянутой под челюстью Терентьева, не описаны; 4) жене, сыну покойного и дворовой девке Демидовой, по разноречию показаний, не было дано очных ставок; 5) не обнаружено, сколько времени прошло от побой Терентьева до ужина, и в продолжение всего ли ужина он лежал на полу и был бит помещиком, ибо, судя по жестокости ран, едва ли он был в состоянии идти ужинать и потом после новых побой возвратиться в баню и сесть за работу; 6) Максимову не даны очные ставки с дворовыми людьми; 7) не выведено, не приносили ли последние жалоб на жестокость помещика; 8) Максимов в ответах утверждает, что, узнав поутру о смерти Терентьева и не зная о причине того, ходил два раз к городничему для объявления, и что в первый раз городничий еще спал, а в другой он выходил к нему и, узнав о происшествии, спрашивал, нельзя ли помочь Терентьеву; но когда Максимов сказал, что он уже умер, то городничий отвечал, что он придет. В деле же, напротив, видно, что происшествие сделалось известным городничему с донесения дежурного полиции, а ему —

по объявлению жены и сына умершего; и, наконец, 9) все участвующие в деле лица спрошены без увещания священника.

Из донесения уездного суда видно также, что Данилова, сын ее и девка Демидова в некоторых частях отменили прежние показания и сверх того дополнили, что Терентьев при жизни говорил, что он наложит на себя руки от побой помещика. Как из всего сего усматривается, что первоначальное о упомянутом происшествии следствие городничим и уездным стряпчим произведено не только поверхностно, но и с явными упущениями даже в главных обстоятельствах, ведущих к раскрытию истины, и потому дело сие требует преследования, то поручаю вам с получением сего немедленно отправиться в Наровчат и, предъявив сие мое предписание уездному суду, взять из оного все производство, рассмотреть его внимательно и потом все недостатки и упущения пополнить новым доследованием, стараясь сколь можно обнаружить истину происшествия. По окончании же дело с доследованием обратить в уездный суд, а мне донести о том, что по исследованию вашему откроется.

Подлинное подписал: гражданский губернатор
Панчулидзев.

Верно: чиновник особых поручений титулярный советник
Юрасов.

(Пензенский облгосархив, ф. 32, д. 1155 а, л. 33—36.)

1833 г., июня 1. Предписание пензенского губернатора Панчулидзева саранскому земскому исправнику о расследовании жалобы крестьян с. Евлашева на помещика своего Теплова.

Саранской округи села Евлашова шестнадцать человек крестьян майора Якова Теплова явились ко мне с жалобою на своего помещика в том, что якобы они отягощаются работами и имеют недостаток в хлебе, которого хотя и просили, но помещик им не дает.

Вместе с тем майор Теплов подал ко мне просьбу, в коей объяснил, что крестьяне его села Евлашева, привыкшие к своеволию, дозволяют себе разные действия, расстраивающие хозяйство, как-то: рубят строевой и дровяной лес на продажу; не засевают всю землю, не только господскую, но даже и свою, крестьянскую, и раздают оную внаймы; крадут с полей хлеб и отвозят его в другие селения; себе же под видом нищеты требуют хлеба из господских амбаров, что все сии и другие неприятности делаются по наущению крестьянина Филимона Семенова, управляющего несколько лет имением, который и теперь с несколькими крестьянами скрылся из жительства, и что, наконец, все сие известно земской полиции, которой приносимы были жалобы и от которой даны были в разное время вотчине его приказы.

Как обстоятельства, описываемые Тепловым в просьбе (подлинником при сем прилагаемой), заслуживают уважения, а с другой стороны, нельзя оставить без внимания и жалоб крестьян, то я поручаю вам вместе с уездным предводителем отправиться в имение означенного помещика и ближайше удостовериться в том как в образе управления крестьянами, так и в поступках последних, единожды навсегда восстановить должный порядок, строго подтвердить крестьянам, чтобы они, оставив своеволие, находились в полном у помещика своего повиновении и занимались каждый своим делом беспрекословно под опасением поступления [с ними] по строгости законов.

Если крестьянин Семенов действительно причиною всех беспорядков, то о нем имеете вы немедленно произвести формальное следствие и предать его суду. Просьбу Теплова препроводить.

1 июня 1833 г.

Гражданский губернатор Панчулидзев.

(Центр. архив МАССР, ф. 34, д. 7, л. 118.)

1834 г., мая... — 1840 г., марта 12. Дело о насильственном переселении на новые места крестьян разных сословий уничтоженного винокуренного завода Краснослободского уезда.

а) 1834 г., мая... Прошение крестьян, прикрепленных к Синдоровскому винокуренному заводу, на имя исправляющего должность пензенского губернатора Антонского о предоставлении им отсрочки переселении на новые пустоши.

Его прев-у исправляющему должность пензенского гражданского губернатора, господину вице-губернатору, д. с. с. и кавалеру Владимиру Михайловичу Прокоповичу-Антонскому

от крестьян разного сословия, под сим подписавшихся, проживающих Краснослободского уезда при Синдоровском казенном уничтоженном винокуренном заводе

Прошение.

С самого начала открытия Синдоровского казенного винокуренного завода по повелению высшего правительства отцы наши и деды неволею были вытребованы из разных жилищ чрез гражданское ведомство в кузнецы, плотники, мельники, бондари и для других нужных около завода работ, которые тогда, с сожалением оставляя прародительские оседлости и земледелия, принуждены были поселиться на вновь назначенной им при заводе казенной пустой земле. А потом, время по времени, вызывались через

земское правительство желающие жители для необходимых работ при заводе, которым и назначались места для построения домов; так что во время существования оного завода не только невозбранно, но даже по приглашению заводского правительства населилось при оном до двух сот домов. Ныне же, по уничтожении завода, вытесняются все сии жители на прежние жилища, из коих некоторые, по умертвии отцов и долговременного жительства при заводе, даже не знают прежних своих оседлости. А притом двугодичной неурожай хлеба довел нас до совершенной бедности, но земские чиновники [г. исправник и заседатели], почти каждодневно то сами, то через полицейских десятников, невзирая на нашу бедность, без жалости вытесняют нас из теперешних жилищ, выбивая окна, ломают печи, разламывают огороды, на коих многими жителями посеяны уже огородные овощи. А посему бедственное и плачевное наше положение невольно заставило прибегнуть сею покорнейшею нашею прозьбою под покровительство вашего прев-а, и, как начальника губернии и отца живущих под управлением вашим бедных жителей, просить возрить на бедное наше положение. Повелите краснослободскому земскому суду отсрочить наше переселение на несколько времени, пока мы исправимся, ибо вашему прев-у известно, ежели б всемилосердный наш монарх не поддержал нас благодетельными своими щедротами, то многие бедные семейства должны умереть голодною смертью. Но что будет из нас... Ежели земское правительство вытеснит нас при такой бедности из теперешних жилищ, не имея никаких средств перевести убогие наши хижины на новые пустоши, а ежели оные оставить [на месте], то не имеем состояния купить новые, следственно, наверное, должны погибнуть от бедствия, а в зимнее время от холоду и никогда не будем в возможности оплачивать всемилостивейшему нашему монарху казенные повинности.

Ваше прев-о, просим принять сие наше прошение и на оное повелеть учинить милостивую вашу резолюцию или исходатайствовать нам от высшего правительства просимую отсрочку, пока исправимся и будем в возможности переселиться из теперешнего жилища на новые, не притесняя более нас, и не доводить до последних убытков, ибо мы на нынешнем нашем жилище не делаем казне никаких ущербов. В зимнее время за дрова платим краснослободскому лесничему от каждого семейства складочные попенные деньги, а в летнее за покосы, кому нужен оной, платим также деньги находящемуся при заводе казначею и нанимаем оной у жителей села Синдорова.

Майя ... дня 1834 г.

К сему прошению краснослободской мещанин бывшей в кузнецах Алексей Тимофеев сын Тезеев руку приложил. К сему прошению бывших в плотниках-мастерах пензенской мещанин Егор Алексеев Лапин руку приложил, а вместо мещан Степана Иванова Наумова, Василия Ердакова, Федора Плетнева, Алексея Карпова, Левонтия Ларионова, Александра Плетнева, Ефима Попова, Василия Попова, Павла Иванова, Ивана Саранкина, Василия Михайлова, Луки Ганшева, за неумением грамоты, по личному прошению, краснослободской мещанин Алексей Тимофеев руку приложил, а вместо однодворцев Ивана Яковлева Ерошкина, по его прошению, краснослободской удельной крестьянин Кобыльской слободы Яков Алексеев Маланьин руку приложил, а вместо удельных крестьян Якова Малинина, Якова Герасимова, Ефима Андреева, Матвея Давыдова, Михаила Боброва, Родиона Степанова, Федора Степанова, Репневых, Степана Бочкарева, Александра Бочкарева, Гаврила Бочкарева, Ивана Федорова, Матвея Дудаладова, Карпа Засиня и прочих, по их личному прошению, вышеписанной удельной крестьянин Бобыльской слободы Яков Маланьин руку приложил.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 239, л. 7—8.)

б) 1840 г., марта 12. Список крестьян, ранее бывших прикрепленных к Синдоровскому винокуренному заводу, подлежащих переселению в связи с прекращением деятельности завода.

Именной список, учиненный Краснослободского уезда приставом 2 стана Григорьевым, разного сословия людям, жительствующим в уничтоженном Синдоровском казенном винокуренном заводе.

Марта 12 дня 1840 года.

№№	Имена людей	Число душ	Означение прежнего их места жительства
1	Степан Иванов Наумов . . .	5	краснослободский мещанин
2	Андрей Карпов	—	отставной солдат
3	Матвей Савельев	2	города Краснослободска Подгорной сотни казенный крестьянин
4	Вдова Анна Алексеева	—	г. Краснослободска Каргинской сотни казенная крестьянка
5	Епифан Егоров	—	города Краснослободска Каргинской сотни казенный крестьянин
6	Вдова солдатка Катерина Ефимова	—	Троицкого приказа казенная крестьянка
7	Иван Карпов	1	города Краснослободска Каргинской сотни казенный крестьянин
8	Николай Ефимов	2	города Краснослободска Каргинской сотни казенный крестьянин

Продолжение

№№	Имена людей	Число душ	Означение прежнего их места жительства
9	Степан Кандратьев	1	города Краснослободска Бобыльской сотни казенный крестьянин
10	Федор Ильин	2	Троицкой волости деревни Бут
11	Михаил Наумов	1	города Краснослободска Заречной сотни казенный крестьянин
12	Илья Кондратьев	1	города Краснослободска Логиновой сотни казенный крестьянин
13	Петр Степанов	1	города Краснослободска Бобыльской сотни казенный крестьянин
14	Василий Федоров	1	Троицкой волости деревни Бут казенный крестьянин
15	Михаил Аникеев	2	города Краснослободска Каргинской сотни
16	Егор Тимофеев	1	города Краснослободска села Усаду казенный крестьянин
17	Федор Ефимов	3	Краснослободский мещанин
18	Алексей Тимофеев	5	Краснослободский мещанин
19	Михаил Ильин	4	Краснослободского уезда села Дубровок казенный крестьянин
20	Вдова Пелагея Трофимова	1	солдатская жена
21	Филипп Герасимов	3	города Краснослободска Заречной сотни
22	Петр Егоров	1	города Краснослободска Каргинской сотни
23	Димитрий Иванов	2	краснослободский мещанин
24	Степан Тимофеев	2	города Краснослободска Каргинской сотни
25	Герасим Филиппов	3	Ефаевского приказа села Шаверок
26	Семен Дмитриев Наумов	3	краснослободский мещанин
27	Гаврил Иванов	2	Ефаевского приказа села Тенишева
28	Григорий Егоров	1	отставной солдат города Краснослободска
29	Андрей Ефимов	2	Краснослободской Заречной сотни

Продолжение

№№	Имена людей	Число душ	Означение прежнего их места жительства
30	Иван Шихаимов	4	города Краснослободска деревни Зубарева
31	Вдова Дарья Степанова с приемышем Иваном	1	мещанка города Краснослободска
32	Василий Васильев	1	Пушкарской слободы
33	Иван Гаврилов	4	Каргинской сотни казенный крестьянин
34	Игнат Савельев	—	солдат города Саранска
35	Константин Иванов	6	Каргинской сотни
36	Василий Федоров	3	Ефаевского приказа
37	Акулина Герасимова	—	солдатка Логиновской сотни
38	Иван Андреев	2	Логиновой сотни
39	Иван Емельянов	2	села Усаду города Краснослободска
40	Марфа Тимофеева вдова с сыном малолетним Прокофьем	1	Логиновой сотни
41	Николай Максимов	2	Каргинской сотни
42	Козьма Иванов	1	Заречной сотни
43	Козьма Прокофьев	3	села Дубровок
44	Ефим Дмитреев	3	Логиновой сотни
45	Василий Герасимов	1	заштатного города Троицка
46	Тимофей Аверьянов	1	Татарской сотни города Краснослободска
47	Петр Егоров	4	села Плужного
48	Василий Фадеев	2	краснослободский мещанин
49	Александр Ефимов	1	краснослободский мещанин
50	Александр Васильев	5	темниковский мещанин
51	Илья Филиппов	2	деревни Гаряши города Краснослободска
52	Иван Николаев	2	Каргинской сотни
53	Гаврил Макаров	1	Логиновой сотни
54	Никифор Николаев	1	Каргинской сотни
55	Иван Степанов	1	Каргинской сотни
56	Мирон Иванов	1	Каргинской сотни
57	Родион Степанов	2	села Жабья
58	Федор Степанов	6	села Жабья
59	Василий Петров	1	Троицкой

Продолжение

№№	Имена людей	Число душ	Означение прежнего их места жительства
60	Александр Борисов	2	Заречной сотни
61	Терентий Иванов	II	Троицкой
62	Илья Фролов, солдат	—	Наровчатской
63	Матвей Никитич	5	Каргинской сотни
64	Степан Федоров, дня брата	—	
65	Афанасий Карпов	2	Логиновой сотни
66	Алексей Семенов	2	Татарской сотни
67	Степан Романов	3	села Плужного
68	Иван Ефимов	1	Куликовской сотни
69	Анисим Ефимов	2	Куликовской
70	Андрей Ефимов	1	Куликовской
71	Василий Федоров	—	сердобской солдат
72	Елисей Петров	3	села Плужного казенный крестьянин
73	Максим Егоров	1	Инзарского уезда села Подвернихи
74	Михаил Иванов	1	Логиновой сотни казенный крестьянин
75	Иван Федосеев	1	села Усаду казенный крестьянин
76	Елисей Патаков	3	Каргинской сотни казенный крестьянин
77	Михаил Лукин	3	Татарской сотни казенный крестьянин
78	Солдатка Степанида Иванова	—	
79	Василий Борисов	1	Заречной сотни казенный крестьянин
80	Клим Николаев	1	усадский казенный крестьянин
81	Михаил Прокофьев	2	дубровский казенный крестьянин
82	Никифор Степанов	1	горяшевский казенный крестьянин
83	Василий Семенов	3	села Жабья казенный крестьянин
84	Матвей Давыдов	4	Каргинской сотни
85	Василий Кондратьев	1	села Плужного каз. крестьянин
86	Яков Герасимов	2	села Гумен каз. крестьянин

Продолжение

№№	Имена людей	Число душ	Означение прежнего их места жительства
87	Дмитрий Степанов	3	каргинский каз. крестьянин
88	Сергей Филиппов	2	села Усаду каз. крестьянин
89	Василий Федоров	1	село Тенишева казенный крестьянин
90	Павел Васильев	1	села Тенишева казенный крестьянин
91	Карп Гаврилов	2	Каргинской сотни
92	Константин Карпов	1	Каргинской сотни
93	Платон Иванов	3	Заречной казенный крестьянин
94	Ефим Петров	5	Дубровский казенный крестьянин
95	Николай Алексеев	3	Заречной сотни
96	Лука Мартынов	3	краснослободской мещанин
97	Иван Яковлев	1	Горяшенский казенный крестьянин
98	Василий Федоров	2	краснослободской мещанин
99	Пелагея Васильева	—	вдова титулярного советника
100	Василий Герасимов	3	Заречной сотни
101	Александр Герасимов	3	Заречной сотни
102	Гаврил Яковлев	1	Заречной сотни
103	Карп Петров	3	села Плужного казенный крестьянин
104	Степан Андреев	2	Заречной сотни
105	Данил Александров	4	Каргинской сотни
106	Василий Иванов	1	краснослободской мещанин
107	Яков Андреев	3	Заречной сотни казенный крестьянин
108	Вдова Татьяна Иванова	—	Заречной сотни

(Центр. архив МАССР, ф. 27, д. 239, л. 58—60.)

1835 г., сентября 30. Записка из дела о жестоком управлении крестьянами помещика Наровчатского уезда Ахлебинина.

1835 года, сентября 30 Ахлебинин подал в наровчатский земский суд объявление о побеге от него дворовых людей и крестьян 16 человек, о чем исправник донес начальнику губернии. По вопросу начальника губернии, наровчатский предводитель отвечал, что Ахлебинин в имении своем крестьянский хлеб поставил на особом гумне и выдает им ежемесячно; в обращении своем строг, но жалоб к нему не было.

Гражданский губернатор предписал о причине побега дознать чиновнику особых поручений Караулову, который донес, что у

г. Ахлебинина бежало не 16, а 18 человек, но не вдруг, а в разное время, и один в 1830 г., что посторонние показания приписно побегов дурное управление: по слухам, крестьян часто бьют и многих видели с битыми головами; сам же Ахлебинин уверяет, что побеги происходили от пьянства и лености.

Потом поручено было мокшанскому предводителю Левину обще с наровчатским произвести следствие в имении Ахлебинина, которого однако же [он] не производил, ибо жалоб от крестьян не слыхал; и еще некоторые из них показали, будто сыновья или жена их бегали от распутства. Ахлебинину было сделано о неотягощении крестьян надлежащее внушение.

Наровчатский исправник 28 апреля 1838 г. донес, что 8 человек крестьян Ахлебинина жаловались на отягощение работами, жестокие побои и недостаток продовольствия, что подтвердил и уездный предводитель.

Сам Ахлебинин просил предводителя письмами лично удостовериться в благонамеренном его управлении и освидетельствовать при нем поля его, хлеб и прочее. Местом своего пребывания назначил [т. е. указал] Тамбовской губернии город Спасск в 15 верстах от села Ахлебинина. Потом подал прошение к начальнику губернии, в котором также просил исследования; уверял, что до 1824 г. имение его было в отличном состоянии, а пришло в расстройство во время опекунского управления. Вслед за сим наровчатский предводитель 9 июля уведомил, что к нему приходили 5 человек крестьян г. Ахлебинина и жаловались, что их кормят невеянным хлебом, а крестьянин Емельян Тихонов жестоко наказан.

Вследствие сих жалоб и прошений начальник губернии отрядил для следствия инсарского предводителя Тучкова и чиновника особых поручений Караулова. Из подробного уведомления г. Тучкова от 28 июля, между прочим, видно: жалобы крестьян были в том, что 1) не дают им дней; 2) наказывают жестоко палками; 3) что от женщин требуют работ с лошадьми, и не умея управлять ими, они портят и лошадь и упряжь; 4) на подушное собирают по золотому с тягла; кто не платит сих денег, у того отбирают хлеб и землю; 5) скот продавать запрещают; 6) собирают холст с баб по 50 аршин, с девок — по 25 аршин; 7) требуют, чтобы на тягло было по 2 лошади с упряжью и известное количество скота. Ахлебинин не мог опровергнуть сих жалоб. Об отобрании дней он доказывал противное только условиям, какое он делал с бывшим у него управляющим в 1832 г., по которому, чтобы было исполнение, не видно. Против жалоб на жестокое наказание ничего не представил; об отдельных работах женщин отзывался необходимыми; о чрезвычайном сборе и платеже подушного говорил, — что делает оный для уплаты недоимки, но сам же говорил, что недоимка началась от перевода в имение купленных им крестьян. У неплативших отбирают хлеб, и большая часть крестьян находится в сем разряде. О сборе холста он отозвался прежним обыкновением; требование содержания лошадей и скота считал нужным

для их пользы, а такие и то, что дает им по лишнему осминнику земли на полное недоимок. Тщательное рассмотрение сих предметов открыло, что и сии, по видимости, улучшения служат к вреду крестьян, ибо нечем содержать лошадей и скот, а выход от скота они не получают, не имея права продавать оный. Лишняя земля также, отнимая время на обработку, не дает выход, ибо хлеб, собираемый с оных, отбирается к помещику. Посторонних нельзя было спросить, потому что все они или имели тяжбы с Ахлебининым, или были им подозреваемы. Крестьяне вообще найдены в бедном состоянии, дома почти развалившиеся, хлеб был из 65-ти только у 4-х человек. Из двух крестьян, следовавших к спросам, г. Ахлебинин одного продал, а другого отослал в тамбовский смирительный дом.

Дело сие было передано на рассмотрение общему собранию предводителей и депутатов дворянства, которые положили учредить над имением г. Ахлебинина опеку. Гражданский губернатор, согласясь с сим, представил о том Правительствующему Сенату. Между тем доколе дело сие рассматривалось в Сенате, было несколько жалоб от крестьян на помещика и от помещика на крестьян, по которым был еще послан дворянский заседатель уголовной палаты Занарицкий, заметивший также стеснение крестьян, дурное управление и строгость.

Правительствующий Сенат от 31 июля сего года, препроводив в пензенское губернское правление поступившее в оный от наровчатского помещика отставного поручика Ахлебинина прошение, и таковое же, поданное им к г. управляющему министерством внутренних дел, предписал: 1) чтобы, назначив по усмотрению своему благонадежных чиновников, исключая однакож тех лиц, которые участвовали в прежнем следствии, поручить им, дабы они, обозрев на месте положение крестьян Ахлебинина, удостоверились ближайшим образом в справедливости излагаемых сим помещиком в оправдание свое обстоятельств, и, не ограничиваясь, как было прежде, одними показаниями самих крестьян Ахлебинина, приняли бы во внимание свидетельство и удостоверение разных упоминаемых Ахлебининым посторонних лиц, живущих в имении его или соседстве; по окончании же означенного следствия дело сие предоставить рассмотрению дворянского сословия для учинения нового постановления об означенном помещике: 2) вместе с тем г. гражданскому губернатору поручить, дабы учинил надлежащее распоряжение о внушении крестьянам, дабы они состояли в должном повиновении и послушании своему владельцу, и губернскому предводителю дворянства предоставить иметь наблюдение, чтобы и со стороны самого Ахлебинина не было делаемо крестьянам никаких стеснений.

Вследствие сего начальник губернии командировал нижеломовских предводителя Загоскина и уездного судью Клейпина, состоящего за адъютанта при штаб-офицере корпуса жандармов Пензенской губернии штабс-капитана Ковалька. Прибыв в име-

ние помещика Ахлебинина 3 декабря, приступили первоначально к опросу всех наличных крестьян. После сего следователи относились к спасскому городничему с нарочно посланным жандармом, дабы он обязал г. Ахлебинина подпискою явиться 8 декабря к нахождению при производящемся в имении его следствии, но, невзирая на сие и [на] то, что во время производившегося следствия Ахлебинин имел беспрерывное сношение со своею вотчинною конторою, от спасского городничего получено уведомление, что Ахлебинин отлучился в город Керенск, а керенский городничий удостоверяет, что он уехал в Спасск, и так, по неудовлетворительным отзывам г.г. городничих, следователи остались неизвестными о месте пребывания Ахлебинина и о том, обязан ли он подпискою приостановиться продажею дворовых людей и крестьян, которые необходимы для опроса свидетелей при следствии.

Крестьяне г. Ахлебинина в отношении прежнего обращения их помещика подтвердили прежние свои жалобы и показания, с добавлением подробных доказательств насчет часто переменяемого образа управления, от которого постепенно пришли в совершенную бедность и нищету.

В рассуждении оказываемой Ахлебининым крестьянам своим помощи покупкою для них лошадей, ссудою взаймы денег и хлеба крестьяне показали, что деньги и хлеб, братый до нынешнего года, ему возвратили; за лошадей он брал у них всегда часть тягловой земли и отдавал оную внаймы, а после и лошадей отбирал по произволу, что подтвердил управляющий или прикащик Ахлебинина Никита Евсеев. А из всех обстоятельств видно, что он делал вспомоществование из собственных же выгод, не заботясь о благосостоянии крестьян своих. О вырубке строевого леса на правку ветхих домов крестьяне получили позволение от управляющего Евсеева в 1838 г. Лес брали только 5 человек, но и у тех привезенные слеги отобрали на господский двор по полученному от помещика приказанию, после чего никто из крестьян за лесом уже не ездил. Крестьяне другой год не получают ничего на отопку своих домов, а по сей необходимости три или четыре крестьянина сделали порубку дров не более как каждый по возу, что подтвердили все другие полесовщики. Вышеписанный управляющий Евсеев добавил, что хотя по приказу господина и отведено было крестьянам на отопку домов полдесятины лесу, но вырубка оного по полученному после приказу остановлена.

Жалобы помещика Ахлебинина на крестьян в отношении ослушания их, самовольного переселения в другие деревни, нахождения в дворниках без паспортов в других губерниях, намерения к убийству его, буйства и жестоких побоев приказчика, потравы лугов и хлеба, незасева господской земли, в самовольном разделе и продаже самовольно так называемого податного хлеба, собираемого в особенное гумно, а равно доноса, сделанного Ахлебинину конторщиком его Ильею Никитиным о выбитии в господском доме в одну ночь всех стекол, в краже из него леса, в ослушании ста-

росты и самовольных его увольнений от должности и о прочем, не подтверждается. Конторщик Никитин отозвался, что он донос помещику сделал по слухам, не упомнит от кого полученным; о угрозах же крестьян убить помещика в деле доказательств вовсе нет, равно переселившихся самовольно в другие деревни и находящихся в дворниках не открыто, разве не разумеет ли под сим названием Ахлебинин тех крестьян, которые уехали с женою его в саратовское ее имение, ибо, кроме их, никого не было или, по крайней мере, не показано вотчинною конторою; буйства от крестьян, как Ахлебинин показывает, жестоких побоев управляющему также не было, ибо управляющий показал, что его бил конторщик Никитин с братом, а не крестьяне села Ахлебинина, которые, напротив, спасли жизнь его отнятием от побой. Староста от должности не отказывался и теперь находится при ней, стекла все в одну ночь в доме выбиты никогда не были, а побито оных из числа 48 в 22 рамах, и то одно, по показанию управляющего, нечаянно при самом вставлении плотником, другое — влетевшим голубем, третье треснуло от мороза и последние, вероятно, также от птиц, ибо в доме никто не живет, что подтвердили и караульщики; лес весь взят частью на господский двор, а прочий отвезен в город Спасск помещику; потравы хлебу, лугам, выборки всего леса и самовольной продажи податного хлеба, как сам управляющий показал, не было; земля господская осталась в прежнем году незасеянною оттого, что, по приказанию господина, оставлена в перелог для паствы скота в нынешнем году по недостатку семян; ослушание же крестьян видно только в том, что некоторые из них отлучаются самовольно для жалоб на своего помещика и в невысылке рабочих на господское гумно для молотьбы хлеба, а женщин для убрания прядева, и что они не брали сушить коноплю по избам, не внесли сбора баранами, курами, цыплятами, яйцами, маслом, шерстью и посконным холстом. Противу сих обвинений крестьяне показали, что посылали некоторых из среды себя для подачи просьб на помещика от крайности. По совершенному недостатку у многих хлеба ходят по миру, почему некоторые и не были на работе; сбора баранами, холстом и прочим не внесли, ибо все то продано и деньги шли на покупку хлеба, а некоторые не были на молотьбе потому, что те дни им были отданы взамен прежде взятых. Женщины не вышли к уборке прядева потому, что ходили собирать милостыню, а конопли не взяли по избам сушить от опасения бывших частых пожаров и по неимению дров.

Прежних истязаний крестьянам, после следствия в 1838 г., не делается и рабочие дни от них не отнимаются, но жалобы крестьян в настоящем времени заключались: а) что у многих решительно нет хлеба и собирают по миру, ибо помещик в выдаче оного отказал; причина такового положения — прежнее разорительное управление помещика и нынешний неурожай; в запасном магазине хлеба нет, а прежний — помещиком перевезен прошедшею осенью в г. Спасск, что подтвердил и прикащик. Тайный увоз

людей от семейств и продажи их в рекруты, из каковых нет четырех нужных к следственному делу, последний продан даже с разлучением от жены, ибо хотя в купчей крепости и написан он с женою его Ненилою Михайловою, но она, как впоследствии открылось, живет постоянно со времени продажи ее мужа, то есть полтора года, в имении Ахлебинина и не знает даже, где муж ее ныне находится, по приказу помещика ее не посылают ни на какие работы, б) что помещик всячески старается вводить их в поступки неосновательными своими распоряжениями собственно для своего оправдания и доказательства, будто бы они ему не хотят повиноваться. Вновь открыто, что в 1837 г. доставленный к г. Ахлебинину из бегов дворовый человек Никифор Иванов по приказу его был привязан к столбу, раздет донага и жестоко наказан из собственно его рук кучерским кнутом, закован на шее кольцом с тремя рогатинами, а на ногах цепями, бывший у него на шее крест, для предосторожности от насильственной смерти, сорван, и он отведен в подвал нового господского дома. Никифор Иванов до глубокой осени работал на кирпичном заводе закованный, как выше сказано, и с руками запертыми; его кормили из рук работавшие с ним, а после работы оставляли его с запертыми руками за спину для заключения в подвал.

Г. Ахлебинин склонял к блудодеянию внезапно увезенную им от отца крестьянскую дочь Марфу Семенову, которая в г. Спасске избавилась от него бегством в село Ахлебинино.

С 1-го числа ноября некоторым дворовым старикам и малолетним детям прекратили выдачу хлеба. Действие следователей заключилось в тех только предметах, которые можно было исполнить без личной бытности г. Ахлебинина, и в обязании подпискою вотчиноначальников кормить дворовых людей.

По неприбытии к следствию Ахлебинина следователи заключили отправиться всем к местам их служения.

Примеча'ние. Г. Ахлебинин за разные поступки находился под военным судом 9 лет, в разное время судился по 44 делам, ныне в производстве лично до него касающихся и по имению его следственных и прочих дел более 30, которые все по уклонению его не кончены.

Решением Правительствующего Сената 6-го департамента, прописанным в указе оного пензенскому губернскому правлению от 4 марта 1830 г., между прочим, определено: отставной поручик Ахлебинин, сделавший несправедливый донос государю императору на должностных чиновников, признается ябедником, с тем, чтобы опубликован он был повсеместно с запрещением ему сочинять посторонние бумаги, кроме собственных.

(Пензенский облархив, ф. 5, д. 2698, л. 4—11)

1838 г., января 29. Донесение инсарского предводителя дворянства пензенскому гражданскому губернатору о принятых им и саранским земским исправником мерах к приведению в повиновение крестьян помещика Теплова.

4 февраля 1838 г.

Господину пензенскому гражданскому губернатору и кавалеру.

По отношению в. пр-а, которое я имел честь получить 26-го числа сего м-ца, я тот же день отправился в г. Саранск, откуда вместе с саранским земским исправником прибыл в имение майора Якова Теплова село Евлашево.

По расспросу людей помещика Теплова, бывших у в. пр-а в Пензе в числе 19 человек, и по собранным сведениям видно, что управляющий имением Тимофей Семенов Малов действительно посылал на работу крестьян больше трех дней в неделю, хотя, по его словам, это делалось не часто. Поводом к сему было: леность крестьян, которые признаются, что работали лениво, и болезненное состояние помещика, которое, по словам его, подвержено ревматизмам, препятствующим ему иногда по два месяца выходить из комнаты.

Г-н Теплов сознается сам, что имел неосторожность положиться на Тимофея Малова, бывшего под судом и наказанного плетьми за побег. По его раскаянию Теплов доверил ему управление, но Малов, сам управлявший крестьянами, ушел с ними в Пензу для принесения жалобы на помещика.

Жестокости в обращении с крестьянами со стороны помещика Якова Теплова не видно.

Управление было в большом беспорядке, без пользы для владельца и с расстройством состояния крестьян. Имение управляемо было 4-мя старшинами, в числе коих Тимофей Малов — главноуправляющий.

По словам помещика и крестьян его, равно и старшин, ни малейшего успеха в работе не было, хотя целый день находились люди на барщине.

Я почел долгом для прекращения сих беспорядков сказать помещику, чтобы он немедленно сменил всех старшин и поручил бы управление одному старосте (которого он сам выбрал перед моим приездом), по имени Терентий Козаков, и которому помещик при мне и при исправнике объявил, чтобы более трех дней в неделю не смел посылать людей на работу, а крестьянам я объявил при исправнике, чтобы они были в полном повиновении у старосты Казакова, назначенного помещиком, и работали прилежно и старательно три дня в неделю. Крестьяне обещали с величайшим удовольствием это в точности исполнить.

Сверх того секретно говорил г-ну Теплову, чтобы он ограничил взыскания, если таковые под имением его делались, и не от-

бирал бы у крестьян скопа, в противность обычаю, а если отбирали начальники, то не позволял бы этого.

Также секретно запретил г-ну Теплову остригать полголовы людям, ибо эта мера по учреждениям нигде помещикам не дозволена. Он обещал этого более не дозволять.

В особенности поручил г. исправнику иметь особый надзор как за крестьянами, так и за соблюдением вышеозначенного.

В числе людей ненадежных, а может быть и ожесточенных я заметил трех: Тимофея Малова, Ивана Григорьева столяра и Игнатия Фролова. Из них я советовал помещику немедленно удалить из имения Тимофея Малова, а Ивана Григорьева столяра отдать в рекруты, который сам этого просил, и поручил [бы] присмотру земской полиции Василия Алексеева, менее прочих ожесточенного.

Григорий Теплов, старший брат Якова Теплова, имел с ним неудовольствие, приезжает в село Евлашево и останавливается у крестьян Якова Теплова: в прошедший великий пост у Григория Кузина (под предлогом говения), а иногда у Матвея Григорьева. Брат же Матвея сослан в Сибирь в 1830-м году, а Кузин приносил жалобу на помещика.

Полагаю для общего спокойствия необходимо запретить [Григорию Теплову] неуместные квартирования у крестьян брата его.

Генваря 29 дня 1838 г. № 9. Саранск.

Предводитель [подпись].

(Пензенский госархив, ф. 5, д. 2445, л. 6, 14.)

1838 г., октября 4. Предписание департамента уделов управляющему алатырскою удельною конторою об отказе в жалобе крестьян с. Горок на помещика графа Толстого и запрещении впредь жаловаться на него.

Г. управляющему алатырскою удельною конторою.

Департамент уделов, вследствие донесения вашего от 10 минувшего сентября, предписывает вам объявить новоудельным крестьянам села Горок Федору Григорьеву, Ивану Андрееву и другим, участвовавшим в просьбе о произведении следствия и о возвращении им земли (421 дес.), которою будто бы завладел соседственный помещик граф Толстой, что эта их просьба оказалась неосновательною и поэтому оставлена без уважения. Причем строго подтвердить им, чтобы [они] воздержались подавать начальству неосновательные о земле просьбы, тем более что за отмежеванием во владение их, по решению Правительствующего Сената 15-ти десятинной пропорции, не имеют они никакого права домогаться других земель.

На подлинном подписал:
вице-президент гофмейстер Перовский.
Скрепил, начальник отделения Григорьев.
Справил: в должности столоначальника Толстов.
4 октября 1838 года, № 11693.

Приказание: О содержании настоящего предписания Департамента уделов объявить новоудельным крестьянам села Горок, о чем и предписать Киржеманскому приказу.

Октября 19 дня 1838 года.

Подлинное подписал: управляющий Бороздин. Скрепил: стряпчий Скворцов.

(Госархив Чувашской АССР, ф. Алатырского удельного округа, д. 3958.)

1839 г., ноября 2. Поручение пензенского гражданского губернатора советнику пензенского губернского правления Юрасову о расследовании дела по распространению слухов о свободе среди крестьян помещика Мацнева Наровчатского уезда.

Советнику пензенского губернского правления господину титулярному советнику Юрасову.

Дошло до моего сведения, что Наровчатского уезда помещика Мацнева крестьяне оказали явное неповиновение своему помещику, не выдав ему старосту для наказания и объявляя, что будто бы они с 1 ноября по какому-то указу сделаются свободными. Вместе с тем из числа принадлежащих г. Мацневу крестьян села Рузвели Александр Михайлов, Пантелей Степанов, Григорий Романов и Яков Степанов явились ко мне с жалобою на стеснительное с ними обращение помещика. При обыске найдено еще у них прилагаемое при сем прошение на имя наровчатского уездного предводителя дворянства об отобрании их от помещика в казенное ведомство.

Препровождая при сем как прошение, означенными крестьянами мне поданное, так и самих крестьян, поручаю взять их с собою, произвести на месте обще с уездным предводителем, которому о сем также писано, следствие как о разглашателях подобных нелепых слухов, так и о неповиновении крестьян помещику и следствие сие представить потом ко мне.

2 ноября 1839 года, № 11102.

Гражданский губернатор Панчулидзев.

(Пензенск. облархив, ф. Наровчат. уезд. суда, д. 112, л. 1.)

1839 г., ноября 2. Жалоба крепостных крестьян с. Рузвели. Наровчатского уезда, пензенскому гражданскому губернатору Панчулидзеву на помещика Мацнева.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору, д. с. с. и кавалеру Александру Алексеевичу [Панчулидзеву]

Пензенской губернии, Наровчатского уезда, села Рузвели господина гвардии прапорщика Василия Осиповича Мацнева крестьян Александра Михайлова, Пантелея Степанова и Григорий Романова.

Покорнейшее прошение.

Никак бы не осмелились мы утруждать в. пр-о сею покорнейшею просьбою, если бы не вынудили нас и всех крестьян господина нашего, состоящих Наровчатского уезда в селах Рузвели, Веденяпине и деревне Ивановке, нижеписанные обстоятельства, которые мы с согласия всех крестьян посланы объявить письменно в. пр-у, как защитнику всякого в законном деле.

Означенный господин наш Василий Осипович Мацнев, вероятно, забыв законный долг отеческого попечения о подданных ему крестьянах, которые служат ему и повинуются во всяком случае с совершенною преданностию, начал чувствительно изнурять как непосильными работами и разными требованиями, которые особенно при нынешнем совершенном неурожае хлеба для нас весьма отяготительны, как-то: работу господскую производим мы почти каждодневно, не исключая даже воскресных и праздничных дней, чрез что оставляем мы свои работы, а в воскресенье и праздничные дни лишаемся [возможности] слушать божественного служения. Сверх того, несмотря на великую бедность нашу и претерпеваемый голод с малыми детьми нашими, вместо того, чтобы подать отеческую помощь, делает требование, чтобы каждое тягло, неприемля отговорок, доставило ему барана, гуся, утку, масло, яйца, поросенка, полпуда ветчины, холста и шерсти, что составит по покупке не менее пятнадцати рублей каждому тяглу. А всего чувствительнее делает нам жестокие наказания, совсем часто без всякой вины. Мы все сие претерпеваем и, знавши закон, не делая никакого против господина своего ослушания, с должною покорностию во всем повинуемся ему и доселе находимся в совершенной власти его, в которой и находиться желаем. Только, в. пр-о, милостивый отец и покровитель, взойдите подробно в наше крайне бедственное положение, повелите, чрез кого следует, сделать законное внушение господину нашему, чтобы он принял нас, как подданных ему раб, в милостивое правление, оказал бы нам в пропитании себя все способы, в хлебе по неурожаю дал бы помощь, в работах законное устройство и в поборах снисхождение, иначе мы неминуемо должны будем скитаться по чужим домам для испрошения милостыни. Мы о сем хотя и желали объяснить господину наровчатскому уездному предводителю дворянства, для чего два раза были в его деревне, но ему не было угодно принять от нас никакой жалобы, отзываясь впрочем больным.

Повергая себя к ногам в. пр-а, осмеливаемся ожидать милостивого и законного покровительства, между тем обязуемся находиться в полной власти господина своего. Прошение сие со слов просителей сочинял, набело переписывал и ко оному вместо их, неграмотных, по личной просьбе руку приложил: коллежский секретарь Сергей Андреев сын Гвоздев.

Ноября 2-го дня 1839 года.

(Пензенск. госархив, ф. 32, д. 112, л. 2—3.)

1841 г., мая 1. Предписание департамента уделов управляющему алатырскою удельною конторою о наказании крестьян села Горок за поданные ими жалобы на графа Толстова о возвращении отнятой им у них земли.

Г. Управляющему алаторскою удельною конторою.

Департамент уделов, сообразив изъяснения в рапорте вашем от 21 истекшего марта, с просьбою новоудельных крестьян села Горок Федора Григорьева и Ивана Андреева, предписывает вам: а) объявить сказанным крестьянам, что последняя их просьба о возвращении от графа Толстова земли, не содержащая подобно первой никакого основания, оставлена без уважения; б) удостовериться о действиях Григорьева в составлении просьбы и если откроется, что с ним согласен был и Андреев, то наказать обоих их на мирской сходке розгами, по мере вины, за ослушание против предписания (от 4-го октября 1838 года, № 11693), воспрещавшего им входить по настоящему предмету с просьбами, в противном же случае подвергнуть таковому наказанию одного Григорьева, и в) обратить, на основании циркуляра от 31 июля 1828 г. касательно замечания беспокойных крестьян, — на упомянутых просителей особенное внимание, и когда окажутся из числа тех, кои, имея на других вредное влияние, принимают на себя звание поверенных из корысти и употребляют во зло их неведение, то в отвращение подобных случаев употребить надлежащие меры и донести о последующем Департаменту.

Подлинный подписал:
товарищ министра уделов Перовский.
Подписал: начальник отделения Григорьев.
Скрепил: в должности столоначальника Толстов.

(Госархив Чувашской АССР, ф. Алатырского удельного округа, д. 3958.)

1846 г., декабря 21.[1] Прошение помещика Арапова императору Николаю I о прекращении дела по земельной тяжбе, возобновленного крестьянами д. Курнина.

Великий государь император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит майор Андрей Николаев, сын Арапов, а в чем — тому следуют пункты.

1.

Наровчатский уездный суд вызывает меня к прочтению выписки из дела об отыскиваемой (из моего наследственного владения за рекою Мокшею) крестьянами деревни Курнина земле под назва-

нием Оброчной поляны, почему я, для доказательства прав моих на землю, давно вошедших в законную силу, считаю нужным объяснить следующие обстоятельства.

2.

Покойный дед мой, артиллерии капитан Александр Васильевич Машков, на коего крестьяне деревни Курниной выводят, будто бы он завладел у них землею, [числил] за собою таковые по крепостям 704 г. декабря 14 от майора Краснова, 729 г. от полковницы Лачиновой и 735 г. ноября 5 числа от князя Кудашева, по коим (крепостям) в генеральное межевание, бывшее в 783 году, по бесспорному владению, доказанному до 765 года, обмежевано к селу Воскресенскому, Лашма тож, в количестве удобной и неудобной земли 1008 десятин с саженьми и за рекою Мокшею по тем крепостям и по праву въезда так называемого Замокшанского въезжего леса под названием Отхожей пустоши, именуемой Поляна, 1687 десятин 1123 сажен. При сем обмежевании, хотя курнинские крестьяне вместе с селом Русскою Лашмою по смежеству их дачь к селу Воскресенскому в обоих местах объявили споры и делали отвод как из дачи села Воскресенского, так и из Отхожей пустоши, из сей последней под названием их оброчной статьи, после отводу спорные места обойдены и положены были на план № 5 под литером «З», по коему в последней Отхожей пустоши [они] оспаривали всего 169 десятин и 1410 сажен. Напротив же, из выписки 700 года июня 14, какую представлял поверенной деревни Курниной Осипов, оказалось, что отыскиваемая обществом их оброчная статья заключала в себе 84 десятины и состояла за рекою Лашмою, а не за Мокшею, в каких же точно упрочищах, не описано и курнинскими [крестьянами] не доказано, ибо понятые, бывшие при межевании, о сем отозвались незнанием, а о местах спорных, показанных на плане № 5 под литером «З», утвердили бесспорное владение г. Машкова, а по нем дочери его, а моей матери бывшее до 765 года, — а посему решениями бывшей Пензенской межевой конторы, состоявшимися по Воскресенской даче 787 года января 12, а о пустоши за рекою Мокшею (так называемой Отхожей поляне 793 года 23 числа) им, деревни Курниной и села Русской Лашмы крестьянам, отказано, и самые земли, показанные спорными на плане № 5 под литером «З», утверждены и обмежеваны в единственное и бесспорное владение за наследницею г. Машкова, моею матерью, с выдачею ей планов и межевых книг, каковые в настоящее время по основании 715 ст. X т. Свода законов межевых, имеют полную силу доказательства.

3.

После того курнинские [крестьяне], спорами нарушая спокойствие матери моей владение, переносили дела об обеих дачах по аппеляции в межевую канцелярию, которая одним решением, состоявшимся в феврале 1796 года, оба решения межевой конторы

признала правильными. Курнинские [крестьяне] объявили неудовольствие и апелляционная жалоба в Правительствующий Сенат по межевому департаменту была принесена в 1802 году после уже пропущения апелляционного срока, а посему и в рассмотрении жалобы их им отказано, о чем указ имеется при деле в межевой канцелярии, чем самым потеряно право их [крестьян] невозвратно.

4.

Курнинские [крестьяне] оставались после того в молчании более 20 лет. Потом в 1824 году принесли всеподданнейшую жалобу гос[ударю] императору и просили повеления вновь рассмотреть права их на землю, но им также отказано и о сем им объявлено по предписанию пензенского гражданского губернатора, данному краснослободскому земскому суду от 18 ноября того 1824 года за № 6290, что полученной 1 декабря, по содержанию сего о всем вышеписанном, откроется справкою.

5.

Таким образом, когда курнинские [крестьяне], достигая нового пересмотра дела, получили о том высочайший е. и. в. отказ, то как по сему, так и по основанию 2628 ст. X т. Свода законов гражданских, никакие присутственные места не должны вчинять тяжбы для казенных крестьян бесполезной, но пензенская удельная контора, приняв прошение от курнинских крестьян, под предлогом нового завладения у них показанной пустошью, видела после из собственного сознания и в показании 15 мая 1835 года, данном чиновнику ведомства Плеощентову, что земля, оспариваемая ими покойной родительницы, моей, намежевана на крепость 704 года и утверждена за нею решением межевой конторы 793 года и межевой канцелярией 796 года, которое прекращало всякое напрасное вчинение тяжбы (противное в силе 2628 ст. Свода X т. законов гражданских), но землемер ее Иванов, поверяя дачу, вывел, что спорная земля в отхожей даче будто бы в 788 году находилась во владении деревни Курниной и села Русской Лашмы крестьян, чем введено вновь в тяжебный процесс настоящее дело неправильно: ибо генеральным межеванием, бывшим прежде того, именно в 783 году, доказывалось владение г. Машкова тою землею до 765 года и курнинские [крестьяне] тогда, оспаривая оную, отводили из его уже владения, по коему оная показана была особо на плане № 5 под литером «З», следовательно в 788 году оная во владении деревни Курниной и села Лашмы крестьян быть не могла. Объяснив о чем, всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было, приняв в уважение всю справедливость, мною описываемую, которая видна из решений межевых правительств, представленных к настоящему делу, испросить: А) из межевой канцелярии крепостные акты 704, 729 и 735 годов, по коим обмежеваны по владению до 705 года земли по селу Вос-

кресенскому и за рекою Мокшею Отхожая пустошь, Б) копию с указа Правительствующего Сената по Межевому департаменту об отказе курнинским и Русской Лашмы крестьянам в рассмотрении апелляционной их жалобы, принесенной в 1802 году на решение межевой канцелярии, состоявшееся 6 февраля 796 года, за пропущение ими апелляционных сроков и из краснослободского земского суда копию с предписания гражданского губернатора об отказе им на поднесенное г. императору всеподданнейшее прошение о новом рассмотрении того дела, и тогда, не приступая к решению оного со всею подробностию, представить Палате государственных имуществ для прекращения производства настоящего дела. Ибо палата имеет у себя особые предписания г. министра, чтобы не допустить казенных крестьян к новой тяжбе по делам подобного рода, т. е. давно решениями судебных мест окончательным и по коим решения вошли уже в законную силу, о чем и учинить по законам.

" Декабря... дня 1846 года.

К поданию надлежит в наровчатский уездный суд.

Прошение сие набело переписывал писец 2-го разряда Федор Попов.

21 декабря 1846 года.

(Пензенск. госархив, ф. Наровчатск. уезд. суда, д. 445, л. 437—440.)

1848 г., июня 20. Постановление пензенской палаты гражданского суда об отмене решения инсарского уездного суда по делу спорной земли помещицы Габбе с крестьянами с. Шигонь.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского из губернской палаты гражданского суда

Инсарскому уездному суду.

Стряпчий пензенской палаты государственных имуществ, 24 февраля сего года, обрукоприкладствовав за государственных крестьян Инсарского уезда села Шигонь, выписку, составленную в гражданской палате из дела о спорной у них с помещиками Инсарского уезда села Мельцан и сельца Малкеевки земле, объяснил:

1-е. Поверенный государственных крестьян села Шигонь Иван Дмитриев предъявил, что помещица села Мельцан генерал-майорша Габбе самовольно завладела казенной земли до 500 десятин в смежности с дачею доверителей его, а помещики сельца Малкеевки завладели до 300 десятин вымороч ной земли, лежащей за рекою Руднею, из числа которой доверители его получили уже в надел 149 десятин вследствие решения сей палаты, состоявшегося в апреле 1839 года. Затем он, Дмитриев, обнаруживал таковое же завладение помещиками Барабановыми, живущими в Саранском уезде, до 300 десятин земли, лежащей за рекою Руднею в урочищах Каркудим и Лопаты, но о последней земле дела в

инсарском уездном суде не происходилось, потому что оная находится в Саранском уезде.

2-е. По ходу дела обнаруживается, что генерал-майорша Габбе, имея землевую книгу на мельцанскую дачу, не представила к делу крепостных документов на переход к ней мельцанской дачи, без чего и нельзя судить: справедливо ли показание поверенного Дмитриева, что г. Габбе самовольно завладела казенной земли до 500 десятин в смежности с дачею казенных крестьян села Шигонь, и точно ли Габбе, кроме отмежеванной по плану генерального межевания к селу Мельцан, завладела еще казенной землей, на которую указывает поверенный Дмитриев. Последнее надлежит изыскать исследованием на месте и поверкою владения земли г. Габбе против плана генерального межевания.

3-е. Владелица сельца Малкеевки губернская секретарша Надежда Лупандина, подпоручица Марья Варышникова, попечитель малолетних князей Голицыных подполковник Третьяков и старосты г.г. Степановой, Кугушевой и Полежаевой объяснили, что на владеемые ими земли [они] имеют план генерального межевания и межевую книгу, но от представления документов на принадлежность земель отказались. Впоследствии поверенный г.г. Лихаревой и Полежаевой, хотя представил четыре купчих крепости на переход к доверительницам его земель, на которые указал поверенный государственных крестьян Дмитриев, — того без местного изыскания и поверки дачи противу плана генерального межевания определить нельзя.

4-е. Указания опекуна г.г. Голицыных подполковника Третьякова на определение департамента Правительствующего Сената по делу о земле сельца Малкеевки, состоявшееся 1 мая 1829 года, не должно останавливать изыскания о тех землях, о коих открыт спор поверенным Дмитриевым, ибо оные могут быть совсем другие от тех земель, о которых говорится в решении Сената и количество которых для каждого владельца по малкеевской даче определено. Притом же в земле по малкеевской даче отказано помещикам Фамицину, Дивееву и Пашкову, собственно за непредставлением ими крепостей на землю, но как поступить с оставшимися тогда у них во владении землями и сколько таковых у них тогда было в пользовании, о том в решении Сената ничего не сказано.

5-е. Из копии с указа Правительствующего Сената, от 8 июня 1802 года, последовавшего в симбирское губернское правление (пункт 6), видно, что крестьяне села Говорова показывали в рукоприкладстве под экстрактом в Сенате, что по смежеству ко их селу была исстари мордовская деревня Коровкина, из коей мордвы бежали, а после их на пустой казенной земле поселились разные помещики села Мельцан, о чем они, крестьяне, хотели объявить при межевании, но капитан-исправник Щербов с разными владельцами до того их не допустили, на что предписано от Сената симбирской казенной палате, чтобы о сем поступке и показа-

нии в надлежащем месте исследовать и в решении поступить по законам. Но было ли об этом дело, когда и чем кончено, о том к делу справок не собрано, и предмет этот остался не раскрытым.

6-е. Из производящегося в палате государственных имуществ дела о принадлежащей по выморочному праву казне земле малкеевской даче, бывшей во владении помещиков Фамицина, Дивеевой и Пашковой, оказывается, что Правительствующий Сенат 16 января 1839 года за № 136 предписал пензенскому губернскому правлению истребовать к соображению план генерального межевания на малкеевскую дачу и справку из дела казенной палаты, так как не объяснено по оному владение землею в малкеевской даче помещиков Фамицина, Дивеева и Пашковой (в каком количестве и в каких местах заключались сии земли). И, что окажется, представить Правительствующему Сенату со своим заключением.

Губернское правление, собрав по сему предмету сведения об открывшемся, донесло Правительствующему Сенату 31 января 1845 года за № 346, а потому просит палату пополнить выписку справкою из дела губернского правления, начавшегося по указу Правительствующего Сената от 16 января за № 136 о землях по малкеевской даче, оставшихся после Фамицина, Дивеева и Пашковой, а также и по 5 пункту его рукоприкладства и просит обратить внимание на прочие его (Пр. Сената) замечания по означенному делу, истребовав, от кого следует, план генерального межевания и крепости на владеемые земли по мельцановской и малкеевской дачам. Гражданская палата, соображая рукоприкладство стряпчего с обстоятельствами дела и указом Правительствующего Сената от 5-го минувшего марта № 1604, последовавшим в палату по делу о земле в малкеевской даче владельцев Дивеева, Фамицина и Пашковой — находит необходимым дополнить дело в означенных недостатках и, сверх того, привесть в известность через местное дознание и сколько именно состоит в настоящее время в мельцанской и малкеевской дачах земли, в каждой даче особо, и снять оные на план с означением, у кого из владельцев и сколько находится во владении, истребуя на право владения от них акты, а потому на основании 2442 и 2544 ст. X тома Свода гражд. зак. изд. 1842 года, приказали: решение инсарского уездного суда, состоявшегося по сему делу 10 июля 1844 года, как по вышеобъясненным обстоятельствам преждевременное, — отменить, о чем дать знать уездному суду указом, при коем приложить производство сего с тем, чтобы суд по дополнении дела в замеченных недостатках постановил решение вновь, не стесняясь прежним и в объявлении решения своего и представлении дела на ревизию сей палаты поступил по существующим на сей предмет правилам.

Июня 20 дня, 1848 года.

Заседатель Ивашков.

(Госархив МАССР, ф. инсарск. уездн. суда, д. 434, лл. 115—118.)

1848 г., октября 29. Выписки из приговора саранского уездного суда по делу избиения князя Еникеева своими дворовыми людьми.

1848 г., октября 29 дня по указу е. и. в. саранский уездный суд слушали выписку из дела о бое подпоручика князя Дмитрия Акинфиева Еникеева дворовыми людьми жены его Иваном, Ильею и Сергеем Ильиными Яковлевыми и Карпом Иванным Липатовым, приказали: из обстоятельства дела видно, что дворовые люди господ Еникеевых Иван, Илья и Сергей Яковлевы и Карп Липатов сего года, 16 марта, пришел в полицейские сени, вызвали к себе частного пристава Бухвостова, просили допустить в присутствие полиции, и когда были допущены в оное, все во обще, упав на колени, просили отдать их в солдаты, говоря, что они сделали преступление, но какое именно, не объявили. В это время они, Яковлевы и Липатов, были весьма в нетрезвом виде, так что едва могли выговаривать слова, почему, согласно постановления полиции, они были задержаны до другого дня в вытрезвлении, а между тем о том, какое ими сделано преступление, поручалось дознать частному приставу Бухвостову, который того ж числа донес, что отправился он на квартиру княгини Еникеевой, где дознал, что дворовые люди ее жестоко побили мужа ее поручика князя Дмитрия Акинфиева Еникеева, о чем он на другой день подал прошение, в котором объяснил: часов в 12 по полуночи, когда он только проснулся, призвал к себе из дворовых людей жены его, княгини Анны Алексеевны, Илью Ильина затем, чтобы он дал ему одеться; Ильин, подав халат, из спальни вышел, вскоре затем из спальни [вышел] и Еникеев, но, лишь отворил дверь спальни, встретился с дворовым человеком Иваном Ильиным и с ними братья его Илья и Сергей и Карп Иванов Липатов, из коих первый ударил его в левый висок, от чего он упал, и потом Иван Ильин нанес несколько ударов, а прочие не давали ему, Еникееву, встать, также били кулаками и арапниками по левой руке и бедру, от каковых побой у него на лице, руке и теле имеются знаки. Накануне этого дня означенные люди уходили из дому в кабак и там пробыли до того, как ему время было вставать. Злое намерение они питали к нему, вероятно, не с того дня, как оное исполнили, но прежде, в доказательство чему привел то, что они сшитую для них одежду всю перерезали. Когда причинены ему, Еникееву, побои, то видели вольноотпущенные женки Авдотья Кузьмина и Агафья Диева. О чем просил произвесть следствие и причиненные ему побои освидетельствовать.

По свидетельству саранского городового лекаря Ипатова при саранском городничем, уездном стряпчем и двух благородных лицах найдены знаки: небольшая опухоль синеватого цвета виска и уха левой стороны, значительная опухоль сине-багрового сплошного цвета, простирающаяся от изгиба локтя левой руки до самого плеча. Эти знаки, лекарь Ипатов полагает, причинены

каким-нибудь твердым телом на левом бедре — до семи знаков багрового цвета, явственно указывающие на удары арапником.

При допросах в саранской градской полиции и чиновнику пензенского губернского правления марта 17, 18 и 27 дворовые люди княгини Еникеевой Иван, Илья и Сергей Ильины Яковлевы и Карп Иванов Липатов показали:

16 числа, утром часов в 9, когда муж госпожи их, надевши халат, встал с постели и, зацепившись за ковер, упал на пол, то в это время Иван и Сергей Ильины и Карп Липатов, вошедши в кабинет, где был брат первых Илья, все во обще начали бить арапниками, висевшими в это время на стене, перегнувши вдвое, и дали ему каждый из них арапников по 5-ти [ударов], не более, за то, что он с ними обходится очень жестоко; по каким местам были нанесены удары, [они] не приметили, но могли быть оные и по бедру и по руке, кроме головы и лица, потому, что туда ударов наносимо не было, кулаками же никто не бил; отчего у него на левом виске имеется опухоль, не знают, а предполагают, что это произошло от того, что когда он, Еникеев, споткнувшись, упал и, вероятно, ударился об диван. Пред тем, как им надо было приступить к исполнению своего намерения, в то же утро за жестокое обращение придуманному, для смелости выпили принесенный Иваном Ильиным в дом полуштоф вина. С ног князя Еникеева Иван Ильин не сбивали и в висок не бил. В доказательство жестокого обращения с ними князя Еникеева приводит то, что, когда Еникеев начнет употреблять спиртные напитки, что продолжается с ним по нескольку дней сряду, то в это время он по ночам не спит и требует, чтоб никто из прислуги не спал, и за всякую безделицу бил из своих рук; в продолжение 4-х лет Яковлевы неоднократно наказаны розгами дома и в полиции; три раза биты им из своих рук, а Липатов в течение года наказан два раза, пред тем же, как причинили князю Еникееву побои, из них Иван Ильин в четыре дни был бит им три раза, не известно за что, а брату его, Илье Ильину, делает побои беспрестанно, Сергей Ильин накануне дня преступления наказан розгами за то, что в два часа ночи ушел из комнаты уснуть в кухню, а женщина Серафима Васильева — за то, что пустила его в кухню. Поступок этот сделан ими потому, чтобы избавиться от князя Еникеева и быть отдану в военную службу. Когда пошли объявлять в полицию, дорогою, для заглушения совести, заходили в кабак и выпили еще полуштоф вина, оттуда заходили в гостиницу, напились там чаю и явились в полицию; пьяны же сделались от того, что почти 4 ночи не спали, а находились при господине своем неспавшими эти ночи по занятию его винными напитками, которые [занятия] он всегда продолжает до 6 часов утра.

Карп Липатов показал, что при наказании Сергея Ильина розгами дано ему ударов 50.

Дворовая женка князя Еникеева Серафима Васильева в саранской полиции без присяги показала, что она была по приказанию княгини наказана розгами 10-ю ударами, каковое наказание она, Васильева, заслужила сама за сделанные грубости, прежде же сего никогда наказываема не была. Потом чиновнику Горну объяснила, что она наказана за то, что пустила в кухню дворового человека госпожи Еникеевой Сергея Ильина.

Саранской городовой лекарь Иоаким при городничем и стряпчем свидетельствовал у дворового человека Сергея Ильина Яковлева и женку Серафиму Васильеву и по оному найдено знаков на бедрах, данных розгами, у Яковлева до 30, а у Васильевой до 10, не более, но как у одного, равно и у другой в легкой степени.

Подпоручица княгиня Анна Алексеевна Еникеева объяснила, что 16 числа марта по полуночи, часов в 12 муж ее князь Еникеев, когда она была в другой комнате, проснувшись, позвал к себе в кабинет дворового ее человека Илью Ильина, хотя [Ильин] был в то время уже довольно в нетрезвом виде, но все-таки подал мужу его сапоги и спальный шлафор; он, одевшись, только что хотел было, выдти из того кабинета, как вдруг, к удивлению ее, [она] видит: в растворенные двери входят туда также бывшие в нетрезвом виде трое дворовых людей ее Иван и Сергей Ильин и Карп Иванов, из них Иван Ильин с ожесточением бросился на мужа ее, ударил его кулаком в левой висок, от какового удара он упал на пол, после этого все четверо тоже с ожесточением бросились на него и начали бить кулаками, потом охотничьими арапниками, связанными в несколько узлов, хлыща оными по чему попало. Она, испужавшись этого, звала на помощь, но к ней пришла только живущая у них по найму женщина Авдотья Кузьмина, и они, как женщины, не могли сделать ничего, и Ильины и Иванов тут же вышли, оставив муже ее лежащим на полу. Поступок этот, полагает, давно ими придуман и не в то самое утро, в доказательство чего объяснила то, что из числа тех людей Сергей Ильин сшитую для них одежду всю перерезал в недавнем пред этим времени, так что никуда она не годится, за каковой поступок просила мужа своего наказать его, Ильина, розгами, что и было им исполнено 15 числа с дачей розог до 30, но без всякой жестокости... [пропуск 8 строк].

Относительно наказания Сергея Ильина показал, согласно с объяснением княгини Еникеевой, муж ее князь Еникеев, представленный им охотничий арапник, сплетенный из сыромятных ремней, с простым березовым череном, к коему прибита небольшими 6-ю железными гвоздиками в виде черена кожа, свернутая трубкою, к оной на железном кольце привязан тот арапник с волосяным хлыстцом, который от начала своего чрез поларшина перегнут и связан двойным узлом, отступя на вершок еще узлом одинаким, а остальная оконечность арапника обвита кругом его черена и волосяным хлыстцом завязана на оном с продернутием сквозь ремня, надеваемого на руку во время охоты.

Дворовые люди княгини Еникеевой Василий Пырков, Григорий Скворцов, Семен Липатов, женка Матрена Григорьевна и девка Авдотья Семенова без присяги о преступлении, сделанном Яковлевым и Липатовым, отозвались незнанием, а слышали о том от часового мастера Дмитрия Васильева. Девка Настасья Федотова показала, что, когда муж госпожи ее князь Еникеев хотел только выдти из кабинета, в то время дворовый человек Иван Ильин толкнул его в грудь и, когда Еникеев упал, то все четверо — он, Иван Ильин, брат его Сергей и Илья и Карп Иванов — начали его бить арапниками, из коих один найденный уже у ворот, показанный ей, и в то время находился точно также связан, как и в настоящее время. Девка Анна Васильева, 14 лет, показала то ж, что и Настасья Федотова с тою разницей, что Иван Ильин, после толкнутия в грудь, ударил в висок кулаком, а после, когда уже кончили его бить арапниками, сказали: «Ну, ваше сиятельство, теперь прощайте, мы вами довольны, и вы нами»...

По производству чиновником Горном при штабс-капитане корпуса жандармов обнаружено, что показанное Ильиным и Ивановым на князя Еникеева несправедливо, а, напротив того, Ильины пользовались содержанием отличным от прочих и часто от Еникеева получали подарки, и он с ними обходился весьма снисходительно. Иван же Ильин за проступки свои столько раз был прощаем, что все удивлялись, и князь Еникеев в употреблении спиртных напитков до опьянения никем не замечен.

В подтвердительном в сем суде допросе дворовой человек Иван Ильин показал: когда он был еще в услужении у князя Еникеева, то он [Еникеев] решительно каждый вечер 4 года сряду, обертываясь в белую простыню, надевал на голову барабан, а в руки брал хлебную лопату, на которой нарисованы с одной стороны ворона, на другой — полуштоф с рюмкой, и в таком одеянии приказывал на спине и на плечах делать кресты, чем старался представить архиерея, при этом всегда находились и участвовали по приказанию он, братья его, Сергей и Илья, дворовой человек госпожи Еникеевой Карп Липатов, и, когда жили у него сердобский мещанин Иван Христофоров Шульц и Краснослободского уезда села Урей князя Девлет-Кильдеева человек Александр Никитин, и князь Еникеев одевшись, как сказано выше, приказывал и ему надевать халат, перекидывать через плечо свивальник, а в руки давал горшок с табаком вместо кадила и в таком наряде называл диаконом. За одеванием следовала служба, в коей участвовал пензенский мещанин Леонтий Михайлов, держа в руках собачью мешалку с прилепленной к ней восковой свечой, шел впереди и, останавливаясь перед образами, перед которыми горели 3 сальные свечи, пели «Спаси, господи, люди твоя», но, не успев еще окончить сего, становились на колени и начинали петь «По улице мостовой»; за сим начиналось водосвятие: так наливали в миску воды, потом веником, взятым из-под порога, кропили иконы. В одну из таких служб князь Еникеев вздумал Михайлова посвящать, как он говорил, в попы, для этого остригли Михайле голову наголо, отчего он без расчета, оставив службу князя, ушел в Пензу. Иногда князь Еникеев под видом причастия давал мятные лепешки, братые из аптеки. Он, не желая продолжать сего, несколько раз сказывался больным, но за то был наказываем им, князем Еникеевым. В ограждении себя он ему несколько раз говорил, что принесет жалобу на жестокое его обращение, но он [Еникеев] всегда отвечал, что отделается деньгами и все-таки сделает по-своему. Чтобы избавиться от всего этого, он просил его отдать его в военную службу, на что он [Еникеев] всегда говорил: «Тогда отдам в службу, когда замучаю», а 16 марта, единственно для того, чтобы избавиться от жестокостей князя Еникеева, он с братьями Сергеем и Ильею и человеком Липатовым уговорились наказать его, что и исполнили, обо всем этом объявил он чиновнику Горну и штабс-капитану корпуса жандармов.

А посему уездный суд мнением полагает: по произведенному следствию обнаружено, что подсудимые по сему делу дворовые люди княгини Еникеевой Иван, Илья и Сергей Ильины и Карп Иванов, предварительно согласясь между собой причинить побои мужу помещицы их подпоручику князю Дмитрию Акинфиеву Еникееву, они поутру 16 марта сего 1848 г. для ободрения себя к исполнению предпринятого намерения, напились пьяны, и, когда князь Еникеев встал от сна и надел поданный из тех людей Ильею Ильиным спальный халат, располагался выдти из спальни в залу, но лишь отворил дверь, то встретили его означенные дворовые люди, бывшие в зале, и один из них, Иван Ильин, ударил его в левый висок кулаком, отчего он упал на пол, [а] они, не давши ему встать, били его охотничьими арапниками, сложивши их вдвое и навязавши на них узлы, нанеся ему несколько жестоких ударов по плечу, левой бедре и голове. По крику ж помещицы их, требующей посторонней помощи к отклонению дерзновенных их поступков, они, оставя князя Еникеева, отправились в кабак, где выпили еще вина, и ходили в трактир, а потом пришли в полицию, объявя частному приставу Бухвостову, что они сделали преступление, не обнаруживая, впрочем, оного, просили обратить их в военную службу; по медицинскому свидетельству князя Еникеева, на нем найдены боевые знаки — небольшая опухоль синеватого цвета и ука с левой стороны, значительная опухоль сине-багрового сплошного цвета, простирающая [ся] от изгиба локтя левой руки до самого плеча, на левом бедре до семи знаков багрового цвета, явственно указующие на удары арапников. При следствии, произведенном саранскою градскою полициею и ассесором губернского правления при штабс-капитане корпуса жандармов фон Корфе и при подтвердительном в уездном суде допросе, те судимые Ильины и Иванов в причинении князю

Еникееву побой учинили добровольное признание, оправдывая буйный проступок свой против мужа помещицы своей тем, что будто бы их побудило к тому жестокое его с ними обращение, присовокупив в уездном суде при подтвердительном допросе, что будто бы князь Еникеев каждую ночь пьяный одевал себя и их в странные костюмы, воображая себя священником, а их причтом, пел духовные гимны, смешивая с простонародными песнями, и это богохуление его и жестокое обращение вынудило их к свершению содеянного ими преступления (но на все это доказательства не представили), а, напротив, по следствию обнаружено, что князь Еникеев означенных людей жены своей от прочих отличал, никогда с ними жестоко не обращался, хотя они своею грубостию, пьянством и частыми против его дерзостями того и заслуживали, но он, по доброте своей, всегда им снисходил, что подтвердили знающие князя Еникеева многие саранские дворяне, почему уездный суд, соображая обстоятельства дела с узаконениями, находит подсудимых Ильиных и Иванова виновными в нанесении жестоких побоев мужу помещицы их князю Дмитрию Еникееву... и поступок их по важности своей на основании стат. 155 уголовного уложения должен быть отнесен к восстанию против властей, правительством установленных, за что из числа их Иван и Сергей Ильины и Карп Иванов соответственно 285 и 1907 статей уложения подлежат лишению всех прав состояния, — наказать плетьми через палачей, в мере, определенной ст. 21 уложения для 3-й степени наказания сего рода, с наложением клейм и ссылке в каторжную работу в рудниках на время от 12 до 15 лет. Определяя же означенным подсудимым меру наказания по правилам, изображенным в 1221 ст. VI-го продолжения к XV т. Свода Законов уголовных и имея в виду обстоятельства, уменьшающие вину подсудимых по собственному их признанию в преступлении, следует им определить наказание в меньшей мере, сообразно 140 п. 1 и 141 ст. Уложения. А посему уездный суд и полагает: из числа подсудимых Ивана 35 и Сергея 22 Ильиных и Карпа Иванова 22 лет за побои, причиненные ими мужу помещицы их князю Еникееву, на основании 21, 285 и 1907 ст. ст. Уложения, лишив всех прав состояния, наказать чрез палачей плетьми в меньшей мере, определенной 21 ст. уложения для 3-й степени наказаний сего рода, т. е. 70 ударами, и, о наложении клейм, сослать в каторжную работу в рудниках на 12 лет.

Поступок же Ильи Ильина, имеющего от роду 19 лет, по силе п. 158, 1 ст. VI продолжения к XV т. уголовных законов предоставить рассмотрению пензенского совестного суда, а князя Еникеева в жестоком обращении с людьми жены его, по следствию не уличенного, учинить от дела свободным. Прогонные ж деньги, выданные следователем, сколько таковых окажется, взыскать с имения дворовых людей Ильиных и Иванова, а буде имения, им принадлежащего, не будет найдено, то деньги отнести на счет казны. Но, не исполняя сего предварительного мнения,

с подлинным делом представить на ревизию в пензенскую палату уголовного суда.

Уездный судья [подпись].

Дворянский заседатель [подпись].

Исправляющий должность исправника
Алферьев.

Секретарь Гаврилов.

Подписано 22 ноября.

(Центр. архив МАССР, ф. 15, д. 298, л. 346—355.)

1848 г., декабря 8. Донесение инсарского уездного предводителя дворянства пензенскому гражданскому губернатору об избиении крестьянина Семенова помещиком Михиным.

Господину пензенскому гражданскому губернатору.

По обязанности моего звания имею честь довести до сведения в. пр-а следующее:

3-го августа, часу в 6-м после обеда, нынешнего года помещик Инсарского уезда деревни Шабдаса Иван Степанов Михин избил жестоко крестьянина моего Тимофея Семенова. Этот крестьянин был послан в числе 4-х человек за песком бурмистром села Долгорукова в дачу г. Михина. Позволение на сей предмет было получено предварительно, и за это позволение, по назначению Михина, было условлено и исполнено дать Михину 500 кирпичей. Михин, проезжая по своей даче на тройке, в дрогах с женою своею Александрою Семеновою и несовершеннолетним сыном Степаном, с кучером Егором остановился против ямы, где долгоруковские люди рыли песок, и по той единственной причине, что Тимофей не скоро снял шапку, когда Михин подъехал к ним, начал его бить. Побои были бесчеловечны; молодой человек Тимофей был в одной рубашке, Михин повалил его на землю, избил по всему телу палкою жестоко и, наконец, когда тот, несколько раз пытавшийся уйти от него, в последний раз вскочил на ноги, Михин ударил его палкою по голове; кровь брызнула и замарала на Михине пальто, перчатки, рубашку и жилет. Тимофей упал без чувств, и его привезли замертво домой на подводе, посланной нарочно.

О сем происшествии инсарским земским исправником было донесено в. пр-у. Свидетельство побоям было на другой день. Тимофею пустили кровь из руки, исповедовали и приобщали святых тайн. Следствие началось с 16 августа, оно ограничилось спросом Михина на бумаге, а после того никакого действия не было. Михин заперся в этом злодеянии, свидетелей не спрашивали.

16-го сентября я возвратился из-за границы, и, видя эту медленность в деле уголовном, просил, по важности дела, о составлении временного отделения, для произведения, наконец, долж-

ного следствия. Прошение мое было от 21 сентября. Временное отделение открыто 1-го октября.

Следствием обнаружены важные обстоятельства.

Во 1-х, поведение Михина весьма предосудительно, он судился многократно по разным буйным поступкам. Во 2-х, с людьми своими обходится жестоко, а иногда и бесчеловечно. Этому служат доказательством жестокие побои, сделанные им крестьянину Андрею Иванову Симбиреву в то самое время, когда временное отделение находилось в деревне его. Прежде же сего жестоко были избиты Михиным отец Симбирева Иван Герасимов, Филип Никифоров, 9-тилетний мальчик Афанасий Иванов, крестьянин г. Головичнина Николай Аркадьев, Саранского уезда села Голицина г. Корсакова Анофрий Андреев; вольно-отпущенному Николаю Петрову нанес удары по голове саблею, а священника приходского села Кокляй Александра Любомудрова [Михин] таскал за волосы, о чем должно быть упомянуто и в следствии. В 3-х, крепостной Михина человек Максим Иванов, судившийся в 1841 году за то, что порезал себе горло, показал в то время, что он покушался на жизнь свою от тоски по случаю несчастия в его семействе: смерти жены и тещи. Почему и решено было дело в уголовной палате тем, что хотя подсудимый Максим и подлежал исправительному наказанию, но, так как преступление учинено им до всемилостивейшего манифеста, а потому [постановлено] учинить от дела свободным. Ныне этот человек Максим показал, что он покушался на жизнь свою и перерезал себе горло в 1841 году не от тоски, а от жестокости своего помещика, подтверждая, что он скрыл причину, ныне обнаруживаемую, потому, что опасался помещика.

Наконец, долгом считаю донести в. пр-у, что о жестоком обращении люди Михина никогда ни мне, ни предшественникам моим не говорили.

Г. Михина приезжала ко мне 5-го октября с просьбой о прекращении этого дела и объясняла все обстоятельства оного. На другой день г. Михин также приезжал с этою же просьбою. Но прекращение дела от меня не зависит, а, сверх того, оно было бы противозаконно. Я отказал им в просьбе их. После этого г. Михин уехал в Пензу, где и продал все свое имение жене своей.

Возвращаясь из Пензы, он объявил мужикам, которые жаловались на его жестокое обращение, что он их дома развеет и отвечать ни за что не будет, потому что имение продано уже его жене.

Декабря 8 дня 1848 г., № 45.

Подлинное подписал: предводитель
Т у ч к о в.
Верно: помощник правителя канцелярии
[подпись].

(Пензенск. госархив, ф. № 5, канц. пенз. губ. архива, д. 2957, л. 1—2.)

1848 г., декабря 31. Предложение пензенского губернского правления инсарскому земскому суду об окончании следствия по делу помещика Михина.

5 января 1849 года.

1848 года, 17 декабря по указу е. и. в. губернское правление слушало предложение начальника губернии от 11 декабря за № 616, при коем предлагает для зависящего распоряжения представление инсарского предводителя дворянства о противузаконных поступках инсарского помещика Михина. Представлением этим инсарский предводитель Тучков доводит до сведения е. пр-а следующее: инсарский помещик Михин избил жестоко его крестьянина Тимофея Семенова, бравшего песок в дачах Михина. По прошению предводителя Тучкова, инсарским земским судом 21 сентября составлено временное отделение для произведения этого следствия. Следствием временного отделения открыты и другие буйственные поступки г. Михина и жестокое обращение [его] с своими крестьянами. Причем инсарский предводитель объясняет, что г. Михин во избежание ответственности за жестокое обращение с крестьянами продал их жене своей. Справка о жестоких побоях, сделанных г. Михиным крестьянину г. Тучкова Тимофею Семенову, была [сделана] ввиду распоряжения губернского правления, которое 19 августа 1848 года за № 9913 подтвердило инсарскому земскому суду поспешить производством следствия по сему предмету и рапортовать, но следствие, как видно из рапортов, еще не кончено за отлучкою некоторых людей, нужных к спросу. Приказали: строго подтвердить инсарскому земскому суду озаботиться скорейшим окончанием следствия и рапортовать о том, что по оному откроется, особенно в отношении помещика Михина. Уведомить о сем от лица начальника губернии и инсарского предводителя дворянства, а копию с сего положения передать в канцелярию е. пр-а.

Декабря 31 дня 1848 года.

Старший советник А н д р е е в.
Секретарь [подпись].
Столоначальник [подпись].

(Пензенск. госархив, ф. 5, канц. пенз. губ. арх., д. 2957, л. 4,7.)

1849 г., марта 31. Прошение государственного крестьянина дер. Заберезовой Краснослободского уезда Ф. Антонова на имя управляющего пензенской палатой государственных имуществ о чинимых ему обидах священником Боголюбовым.

Семейство мое состояло из жены и трех сыновей моих. Следовательно, хозяйственною частью занимался один я, а жена моя трудилась относительно одежд и одеяний детей во время мало-

летства их, отвлекаясь совершенно от соучастия со мною в полевых и прочих работах.

А как, наконец, старшему из сыновей моих Ивану исполнилось в минувшем январе настоящего года совершеннолетие, потому я и вознамерился для поддержания общих сил семейства женить его, усватав за него сироту, деревни Парок крестьянскую дочь Евдокию, воспитывавшуюся у дяди ее Ивана Живайкина. А потому и просил я о сведении для беспрепятственнаго повенчания усватанной мною за сына невесты священника села Хлыстовки Алексея Боголюбова, к коему она была приходом, убеждая его к тому своим, согласно введенному им обыкновению, кощтом. Священник же Боголюбов того сведения мне не выдал, требуя за него с меня российский золотой. Венчаться же она должна была с моим сыном в селе Куликове, где и предвидел я особый и необходимый расход, независимо сего российского золотова, Боголюбовым требуемого.

Но как я и без того был изнурен в состоянии, потому и вынуждался я с жалобою на него ездить три раза к г. окружному начальнику и столько же к благочинному села Оброчного протоиерею Петропавлову и к повытчику духовного правления, но, несмотря на письма и приказания их, он, Боголюбов, сведения мне не выдал. После чего, по приказанию благочинного и настоянию г. окружного начальника брак тот хотя и совершен, однакож он, Боголюбов, чрез капризы свои подверг меня продолжению свадебных пиров и разъезда, причинив мне убытку 30 рублей серебром, о взыскании коих и осмеливаюсь всепокорнейше просить ваше высокородие: благоволите, чтобы по произведении надлежащего, через кого следует, исследования, убытки 30 рублей, священником Боголюбовым мне причиненные, были с него взысканы и предоставлены по принадлежности мне. Причем присовокупить честь имею, что обвенчанная с сыном моим крестьянская сирота, по исполнении обычных обрядов, будучи невестою, по ее и родственников ее согласию, два раза привозилась ко мне в дом и два раза обращалась к дяде ее единственно по случаю невыдачи священником Боголюбовым сведения. Причина ж таковой невыдачи оного была следующая: Боголюбов, желая обвенчать ее в своей церкви хлыстовской с прихожанином его крестьянином деревни Парок, в октября месяце 1848 года, принуждал ее выдтить за него замуж, а как сноха моя на то не соглашалась, то он, Боголюбов, ударив по щеке и выведя ее из церкви, в ограде оной при множестве посторонних людей наказал ее прутьями, наломанными с берез, растущих в ограде.

Марта 31-го дня 1849-го года.

К сему прошению вместо неграмотного просителя — крестьянина Федора Антонова, по личной его просьбе, руку приложил Петр Павлов Л и н ь к о в, мещанин краснослободский.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 532, л. 1—2.)

1850 г., мая 15 — 1852 г., апреля 30. Положение крепостных крестьян в имении помещика Ахлебинина Наровчатского уезда.

а) 1850 г., мая 15. Заявление помещика Ахлебинина в наровчатский земский суд о высылке его крестьян из села Ахлебинина в гор. Спасск.

Копия.

№ 3253. 23 мая 1850.

В наровчатский земский суд поручика Николая Семеновича Ахлебинина

Объявление.

Я приказал крестьянам своим села Ахлебинина на основании прежних учреждений, рассмотренных и признанных верховным правительством, неотяготительными и нестеснительными для крестьян моих, выезжать на господскую работу каждому тяглу с 2 лошадьми для сохи и бороньбы, за что и предоставлялось им две сороковые десятины; тем же из них, которые не имеют и не хотят выезжать на двух лошадях, тем предоставлено по полторы десятины. Но крестьяне, которые имеют на тягло по две лошади в наличности, однакож сделали ослушание и на работу на двух лошадях не выезжали, а данную им землю самовольно роздали внаем посторонним людям. Сверх сего завладели моей господской земли до тридцати десятин, работают по два дня в неделю, что и составляет мне убытку на 1850 год до двух тысяч серебром. Между тем, 11-го и 12 числа троекратно приказано было нижепоименованным крестьянам привезти в город Спасск на продовольствие разного корму и выслать для надобности некоторых крестьян, но они и тут сделали ослушание, не привезли и не приехали, почему и покорнейше прошу наровчатский земский суд приказать выслать ко мне в город Спасск крестьян моих села Ахлебинина, а именно: Василия Федорова, Емельяна Яковлева, Федора Морозова, Василия Сергеева, Никифора Егорова, Семена Семенова, Михайлу Кузнецова, Тимофея Садовникова, Макара Макридина, Максима Лукьянова, Никифора Степанова, Финогея Яковлева, Дмитрия Синицина, Егора Лукьянова, Петра Алексеева, Василия Ехова к 19-му числу сего мая месяца. В противном случае, если оные будут высланы позже, то через сие мне будет учинено новые значительные убытки. О последующем на сие распоряжении суда почтить меня извещением через местную полицию.

1850 года, мая 15 дня.

Поручик Николай Семенович
А х л е б и н и н.

(Пензенск. облархив, ф. 32, д. 214, л. 2.)

б) 1851 г., марта 14. Журнальная запись пристава 1-го стана Наровчатского уезда о неповиновении крестьян с. Ахлебинина своему помещику.

Копия.

Журнал.

1851 года, марта 14 дня Наровчатского уезда пристав I стана Фалин, прибыв по делам службы в село Ахлебинино, где приехавший в то же время помещик Ахлебинин довел до сведения его, пристава, о упорстве крестьян в повиновении, в неисполнении приказаний его и старосты, в неплатеже казенных податей, несборе магазинного хлеба и взятых в разное время, с 1842 года взаимообразно из дворянских сумм денег, в самовольной отдаче внаем земли, данной крестьянам на платеж казенных повинностей и на продовольствие, о их пьянстве и растрате через то собственности до того, что у некоторых не осталось не только никакого имущества, кроме крестьянских изб, но даже и лошадей для работ или же яровых семян для обсеменения земли.

Почему, собрав в понятые сторонних людей, а равно и крестьян г. Ахлебинина, хотя [я] и делал сим последним должное внушение и увещание в исполнении их обязанностей, а главных зачинщиков и виновников в дурном поведении и расхищении господского имущества хотел по воле помещика наказать розгами, но вместо покорности один из крестьян г-на Ахлебинина Петр Алексеев, обратясь к прочим, закричал: «Эй, ребята, что вы смотрите?» и с этим вместе бросился бежать, а за ним и все крестьяне, так что и понятые не могли их остановить, кроме двоих, которые и были наказаны. Но крестьяне Семен Макаров, Василий Федоров, Родион Иванов, Петр Морозов и Дмитрий Синицин не последовали за другими, и об них помещик отозвался, что они все повинности казенные и господские, также и работы исполняют беспрекословно, и, несмотря на обширные семейства и то, что из числа их, у которых из них в домашнем быту только по одному работнику, — имеют с избытком всякого рода хлеб и семена, лошадей и всякий домашний скот. Причем и староста господина Ахлебинина Тимофей Федоров объявил, что при посылке крестьян на работу и в исполнении других распоряжений они всегда так же не повинуются и поступают, как и в настоящем случае, оказав упорство в повиновении самому приставу.

А потому заключил: записать о сем в журнал и представить обстоятельство это на зависящее распоряжение земского суда.

Пристав Фалин.

При этом находились понятые люди казенные крестьяне села Дубровок: Петр Сидоров, Ефим Николаев, Тарас Трифонов, Прохор Иванов, Матвей Дмитриев, Ермолай Петров, Федор Федоров, Матвей Евсеев, Михаил Лаврентьев, Василий Фонаков, Афанасий Борисов, Евдоким Никитин, Степан Егоров, Алексей Давыдов,

Егор Лаврентьев, деревень Мещериновой: Данила Сергеев, Алексей Семенов, Лукьян Архипов; Покалушовой — Никита Иванов, Матвей Васильев, Артамон Терентьев и Невежиной — Егор Михайлов, а, вместо их, неграмотных, по их личной просьбе, г. Ахлебинина дворовый человек Парфен Артемов руку приложил.

(Пензенск. обл. гос. архив, ф. 32, д. 214, л. 28—29.)

в) 1851 г., августа 24. Показание крестьян с. Ахлебинина Наровчатского уезда о наказании их помещиком Ахлебининым.

1851 года, августа 24 дня наровчатский земский исправник села Ахлебинина и г. Ахлебинина крестьян в нижеследующем спрашивал, и показали:

1-й. Роман Макаров, 31 года, что действительно прошедшего 1850 года, не знает по безграмотству какого месяца и числа, а только припомнит перед праздником рождества христова, по всегдашнему нахождению при доме г[осподин]а своего в городе Спасске, в первый раз ввечеру при огне, быв он вызван в комнату господского дома, где был наказан розгами через живущего у него солдата [по имени] Кузьму Пиманова, но чей он жительством не знает; сколько же дано было ударов, определить не может, потому что совершенно был в беспамятстве, а во второй раз сего года великим постом, днем, перед окошками на дворе, через дворового человека Андрея Иванова, с дачею 150 ударов, что он это слышал от Андрея Иванова, а сам утвердительно от сильного наказания утвердить не может.

2-й. Иван Петров, 23 лет, что он был г-м своим наказан при доме его в г. Спасске, на дворе, два раза, в первый раз прошедшего года по осени чрез живущего у него солдата Кузьму Пимонова палками двадцать пятью ударами, а во второй — сего года великим постом розгами, через дворового человека Андрея Иванова, но какое число дано было ударов он определить не может, только что он от жестокого наказания едва мог встать с места, и когда встал с места наказания, то г. его начал его бить из своих рук по зебрам кулаками.

3-й. Федор Абрамов, 20 лет, что он был наказан сего года на [седьмой] святой недели в городе Спасске, при доме г. его, на дворе по воле же г. его, через дворового человека Андрея Иванова, был наказан розгами с дачею около 50 ударов.

4-й. Егор Антонов, 22 лет, что он был наказан в г. Спасске г-м своим в комнатах дома его, назад тому два года, из его собственных рук нагайкою в одной рубахе, но какое число дано было ударов, не упомнит, только что он жестоко был бит, а после сих поборов приказал дворовому человеку Андрею Иванову таскать меня за волосы.

5-й. Христофор Николаев, 25 лет, что он был господином своим наказан в городе Спасске в комнате дома его, через дворового че-

ловека Андрея Иванова, обнаженный, палками, но какое число дано было ударов, он сказать не может, так что он был без чувств, каковое наказание произведено было сего года великим постом.

6-й. Семен Семенов, 23 лет, что он прошедшего года по осени по воле г. его был наказан на дворе перед крыльцом палками в одной рубахе, через живущего у него солдата Кузьму Пиманова, но сколько дано было ударов, сказать не может, будучи объят страхом.

7-й. Иван Дмитриев, 20 лет, что он, по приказанию г. своего, был бит дворовым человеком Андреем Ивановым по зубам кулаками, а сам господин мой стоял около Андрея Иванова с нагайкою, повторяя Андрею Иванову, чтобы бил больнее.

8-й. Федор Алексеев, 43 лет, что он сего года весною, будучи в селе Рузвели по наряду вотчино-начальников для господской работы, где был в комнате дома г. моего бит из своих рук г. моего кулаками по зебрам, так что мне было есть нельзя. А после сего таскал за волосы и рвал бороду.

9-й. Степан Семенов, 25 лет, что он прошедшего 1850 года по лету был в селе Рузвели наказан через приказчика, дворового человека Никифора Евсеева, палками, в рубашке, но какое число дано было ударов определить не может, но полагает около 50 ударов.

10-й. Герасим Ефимов, 30 лет, что он сего года в зимний мясоед в городе Спасске на дворе при доме господина своего был наказан розгами по воле помещика через садовника Федора Владимирова, но каким числом ударов — определить не может, а слышал от крестьянина Макарова, который в это время был и видел наказание, что дано было 75 ударов.

К сему опросу вместо крестьян Макарова, Петрова, Абрамова, Антонова, Николаева, Семенова Семена, Алексеева, Семенова Степана, Ефимова и Герасима Ефимова неграмотных, по их личной просьбе, того же господина Ахлебинина крестьянин Василий Сергеев руку приложил.

Исправник [подпись].

(Пензенск. облгосархив, ф. 32, д. 214, л. 149—152.)

г) 1852 г., апреля 28. Донесение наровчатского уездного предводителя дворянства Шишкина пензенскому губернскому предводителю дворянства о положении крестьян помещика Ахлебинина.

Копия.

Секретно.

М. В. Д. Наровчатского уездного предводителя дворянства. 28 апреля 1852 года, № 4.

Его пр-у господину пензенскому губернскому предводителю дворянства.

В Наровчатском уезде находится имение поручика Ахлебинина, село Ахлебинино, 118 ревизских душ, которые состоят на запашке,

обрабатывая на господина по две экономических десятины в каждом поле и по стольку же для себя. Сам помещик Ахлебинин постоянно живет в городе Спасске Тамбовской губернии (в 20 верстах от села Ахлебинина) и распоряжается имением этим посредством старосты, а иногда через вольнонаемных приказчиков.

В 1840 году поручик Ахлебинин, по высочайшему повелению, за разорительное управление имением и жестокое обращение с крестьянами своими предан был военному суду, а имение его было взято в опеку. Но в 1846 году высочайше утвержденною конфирмациею велено Ахлебинина по неотрытию достаточных доказательств к его обвинению оставить без взыскания, имение его освободить из опеки, но по беспокойному и строптивому его характеру, который обнаружен им в отношении крестьян неоснователь-ными на них жалобами, поставить местному начальству в непременную обязанность за всеми действиями его, Ахлебинина, по управлению имением, неупустительно и строго наблюдать и воспретить ему наказание крепостных своих людей за вины без ведома полиции. А вместе с тем, и им строго внушить о обязанностях их к своему помещику, и впредь, для удержания их в порядке и повиновении, оказывать Ахлебинину должное содействие. Вследствие чего имение это поступило в распоряжение поручика Ахлебинина 30 октября 1846 года.

Отсюда взаимные неудовольствия между помещиком и крестьянами не только не прекратились, но еще сильнее и чаще обнаруживались разными с обоех сторон жалобами, в разборке и удовлетворении которых принимали участие предместники [мои] и, наконец, я, и дальнейшие последствия которых суть следующие:

1. В 1851 году крестьяне поручика Ахлебинина обратились с жалобами к господину начальнику здешней губернии на жестокое обращение с ними их помещика. Вследствие чего наровчатскому земскому исправнику поручено было сделать о том дознание. По учиненному им и представленному в губернское правление дознанию (как видно из отношения его ко мне) открылось, что Ахлебинин действительно некоторых из крестьян своих наказывал.

2. По случаю неурожая хлебов в 1850 году поручик Ахлебинин, зная, что не все крестьяне его имеют яровой хлеб, распорядился отобрать оный у тех, у которых был в запасе, и засеять им крестьянскую землю, с тем чтоб уродившийся хлеб разделить между всех крестьян. Ахлебинин привел это в исполнение, но по недостатку семян крестьянской земли засеяно, вместо двух десятин на тягло, только по полудесятине; самый посев сделан был без разделения земли по тяглам, а в одном месте и целою барщиною, и таким же порядком хлеб убран и поставлен в особое гумно. Как не кажется такое распоряжение необыкновенным, оно в другом имении и и при других обстоятельствах могло бы быть принято крестьянами без ропота, но крестьяне поручика Ахлебинина оста-

лись тем недовольны и жаловались на это, изъявляя опасение, что хлеб их отдан им не будет. Опасения эти оправдались, ибо в минувшем январе месяце крестьяне явились ко мне с объявлением, что помещик молотить тот хлеб им не позволяет и что они терпят крайнюю нужду в продовольствии себя и своего домашнего скота, не имея совсем ни зернового хлеба, ни соломы. Удостоверясь в действительности того, я не мог не признать их жалобы уважительною и потому обратился к помещику Ахлебинину с письмом, прося его дозволить крестьянам обмолотить хлеб, как их собственность. Ахлебинин отвечал мне, что он на это согласен, с тем, что (так как у крестьян нет овинов, следовательно сыромолотый хлеб может испортиться и не годится для семян), для отвращения того, он предоставляет им обмолотить господского сухого хлеба столько, сколько у них имеется своего, а этот последний оставить в скирдах до весны. Но г. Ахлебинин не вполне исполнил свое обещание, а позволил крестьянам из собственного их хлеба обмолотить овса только по одной телеге и зерна взять не больше, как по осьмине на тягло, хотя его намолочено было на четверти с каждой телеги. Вследствие чего крестьяне вновь жаловались на это и просили о позволении им воспользоваться остальным их хлебом, что им и дозволено, но вместе с тем оно обязаны подпискою о сохранении из сего хлеба необходимого количества на обсеменение полей.

3. В минувшем марте месяце некоторые из крестьян поручика Ахлебинина, явившись ко мне, жаловались, что староста и приказчик какой-то отставной солдат, наказали их розгами. Вследствие чего я просил здешнего исправника сделать о том дознание, и он уведомил меня, что действительно двое из крестьян были старостою наказаны розгами по приказанию помещика за неисполнение его хозяйственных распоряжений, что староста подтвердил и письменным показанием.

После того я вызывал старосту под благовидным предлогом к себе и внушил ему, что он не должен наказывать крестьян без ведома полиции, и что потому делать этого впредь отнюдь бы не осмеливался. Но, не ограничиваясь этим распоряжением, я писал о том же к самому помещику Ахлебинину.

4. Вслед за тем несколько человек крестьян его опять явились ко мне с объявлением, что староста их объявил им приказание помещика о том, чтобы не посылать их ни на какие его работы и не давать им земли. Истребованный мною, вследствие сего, староста представил данный ему от помещика приказ, которым действительно предписывается: «Объявить всем ахлебининским тяглам, что господской работы от них никакой более не нужно, но как они отзываются, что подушных не на чем выручить, то они могут итти в судорабочие в Моршу; земли же дать им по прошлогоднему на 113 душ по 20 десятин в поле, и что паспорты на отлучку они получить могут прямо от него, Ахлебинина, или от земского суда». Причем староста сказал мне, что помещик его еще на словах

приказал ему не управлять крестьянами и даже не иметь с ними никакого сообщения.

5. Прежде нежели сделано было по этому случаю распоряжение, поручик Ахлебинин прислал в здешний земский суд объявление, которым объяснил, что собранный крестьянами его 113-ю душами в прошлом 1851 году яровой хлеб, по распоряжению земского исправника, отдан им, а они, как донесло ему, Ахлебинину, сельское начальство, успели теперь же оный растратить, что подушных податей, следующих по 20 руб. ассиг. с тягла, крестьяне внесли только по 5 руб., что поэтому, в отвращение накопления недоимки и принимаемых от них жалоб, он находит единственным средством отпустить всех крестьян 113 душ в работы, которою они могут в короткое время выручить на каждое тягло от 70 до100 руб. ассигн., нанявшись на суда в Морше, что с тем вместе он предоставляет этим крестьянам только то самое количество земли, которое они засевали в прошлом году, т.е. по полудесятине на тягло, не требуя от них в годичный срок ни оброка, ни господских работ, прекращая даже и господскую запашку. Но как по неповиновению крестьян он вынужденным находится устранить себя от дальнейших распоряжений ими, то предоставляет все 113 душ в распоряжение земского суда с тем, чтобы оный выдал им билеты на заработки и взыскивал все казенные повинности независимо от него, Ахлебинина. В заключение он просит земский суд обязать крестьян его подпискою, чтобы они, кроме назначенной им земли, по полудесятине в поле, ни к какой другой земле не прикасались, разве по найму за наличные деньги.

Земский суд объявил на это Ахлебинину через спасского городничего, что предположение его не соответствует узаконениям и что потому суд не считает себя вправе исполнить его требование. Вместе с тем земский суд донес об этом е. пр-у господину начальнику губернии и уведомил меня.

6. Но вместе с этим уведомлением я получил через почту и от самого поручика Ахлебинина прошение, в котором он изъясняет почти то же самое, что и в объявлении, в земский суд присланном, и, прося к исполнению по оному моего содействия, дополняет, между прочим, что земский исправник уже приезжал в Ахлебинино и строго подтвердил старосте и приказчику ни за какие проступки и вины с крестьян не взыскивать и никак не наказывать, а представлять к нему в Наровчат; что некоторые крестьяне его, живущие в Ахлебинине, нанимают у него землю по две десятины сороковых в поле, платя за это по 100 руб. ассигн. ежегодно, и что если и прочие крестьяне желают пользоваться его землею на том же основании, то он им не воспрещает. На прошение это я отозвался поручику Ахлебинину, что права и обязанности помещиков по обладанию крестьянами и обязанности последних в отношении к помещикам определены законами. Но чтобы помещики имели право, отказываясь от крестьян, предоставлять их в распоряжение земского суда и притом с малым количеством

земли, удерживая всю остальную у себя, — на это закона в виду не имеется, и что посему я не только не могу содействовать в описываемом им, Ахлебининым, случае, но обязал просить его об оставлении управления его крестьянами в порядке, установленном законами. Сверх того, я дал знать г-ну Ахлебинину, что земский исправник подтверждал старосте о ненаказывании крестьян без ведома полиции, — по моему отношению, последовавшему вследствие жалобы крестьян, и что подтверждение это исправник был не только вправе, но в обязанности сделать, имея в виду высочайше утвержденную конфирмацию, которою воспрещено даже ему, Ахлебинину, наказание крестьян своих. Однако ж г. Ахлебинин, как видно, решился не изменять своих распоряжений касательно имения, ибо не далее как третьего дня крестьяне его еще раз приходили ко мне с теми же жалобами, что им не дают достаточного количества земли для посева, что от них не требуют никакой работы и что староста отказался распоряжаться ими. Считая необходимым обо всем вышеизложенном довести до сведения вашего пр-а для зависящего распоряжения к водворению в имении поручика Ахлебинина законного порядка в отношении прав и обязанностей помещика, а равно и самых крестьян, честь имею присовокупить, что на имении этом состоит недоимка податей и прочих повинностей довольно в значительной сумме, за которую следовало бы подвергнуть оное заведованию опеки, но доселе того не выполнено по неимению в здешнем уезде дворян, из которых бы можно было определить опекуна к сему имению, о чем я имел честь уведомлять предместника вашего пр-а, с представлением списка всем наличным дворянам, с отметками, кто из них и почему именно не может быть опекуном, и просил о назначении в оные кого-либо из дворян других уездов, но получил в ответ, что на принятие этой обязанности желания никто не изъявил.

Подлинное подписал: предводитель дворянства Шишкин.

Верно: губернский предводитель дворянства [подпись].

(Пензенск. облгосархив, ф. 32, д. 214, л. 244—248.)

д) 1852 г, апреля 30. Письмо помещика Ахлебинина Н. наровчатскому уездному предводителю дворянства И. Т. Шишкину об условиях освобождения своих крестьян с. Ахлебинина.

Копия.

2 мая 1852 г.

Милостивый государь, Иван Тимофеевич!

Соображая страховое письмо ваше от 17 апреля, полученное мною 21, с прошением моим, посланным к вам почтою 14 сего ж апреля, вижу, что вы изволили отправить письмо ко мне прежде

получения прошения моего, в котором изложены все обстоятельства, вынуждавшие меня на основании 9 тома Свода законов о состояниях, статей 964, 966, 967, примечания к статье 968, 978 2-го пункта, 1011, 1012, 1015 ст. изменить, по моему усмотрению, повинности крестьян по следующим причинам:

1. Вам должно быть известно из высочайше конфирмованного в 14 день мая 1846 года доклада аудиториатского департамента, последовавшего по бытности моей под военным судом за разорительное будто бы управление имением, что крестьянам моим дано было мною по две десятины земли в каждом поле, и то временно, на случай выплаты недоимки, с тем чтоб они такое же количество обрабатывали каждое тягло для меня, выезжали бы на работу на двух лошадях и исправляли по две летних и по две зимних подводы при возке с полей хлеба, а зимой при отвозке его на заводы и пристани, сколько раз потребно будет с каждого тягла; сверх того, 50 арш. холста, баран, курица, два цыпленка, два фунта масла, два фунта шерсти, двадцать яиц, и, кроме того, вносить ежегодно казенных податей и на погашение недоимки по 20 руб. ассигнациями с каждого тягла, и установленное количество ржаного и ярового хлеба в запасный магазин. Но всего этого тринадцатый год они не выполняют, и недоимки всех родов от этого каждогодно возрастают и умножаются.

2. Вы были очевидцем в прошлом, 1851 году, что я по точной силе 1015 ст. 9-го тома о состояниях в беспрерывном попечении о приведении крестьян в лучшее состояние, старался, чтоб они не оставляли земли праздно, предоставляя возможные к тому способы неимущим достаточного количества яровых семян, воспользоваться пособием в виде займа от других крестьян, ибо у самого у меня не было никакого хлеба ни зерна, и, по неповиновению крестьян в исполнении таких распоряжений, просил от наровчатского земского суда помощи и приведения неповинующихся к должному послушанию. Но г. наровчатский исправник, приезжавший в мае 1851 года при вас, сделал ли что-нибудь должное по этому предмету, соответственно его обязанности, изложенной в 14 томе Устава о предупреждении и пресечении преступлений ст. 166, 167, 324, 325, 327, мне не известно, и данная крестьянам земля попрежнему оставлена ими, по своевольству, с лишком 80 десятин без засева в чаянии, что им позволят этою землею распоряжаться в отдаче посторонним внаем.

3. Я предоставлял тогда же личному усмотрению вашему дурную обработку крестьянами господских полей, на которых в прошлогодний изобильный урожай хлебов я получил вдвое менее доходов от такого посева, чем если бы она отдана была внаем.

4. Когда я получил в марте месяце сего года донесение от сельского начальства, что крестьяне отказались привести мне в Спасск дров и соломы в расстоянии 15 верст, не будучи обременены никакими новыми повинностями (кроме как поставками хлеба попрежнему на заводы)), и потом, когда через несколько дней

граждан был исправником общественный яровой хлеб, состоящий на собственных их гумнах в кладях, за этим ни копейки и не внесли за весеннюю треть сего года подушных денег и от платежа таковых отказалось. А когда некоторые объявили, что у них опять яровых семян нет, а другие пропили тягольных рабочих лошадей, то мне не оставалось другого средства, как приказать старосте объявить крестьянам, что я отпускаю всех их с семействами и с имуществом для приобретения частными заработками казенных податей и повинностей, не требуя с них более никаких работ и никаких оброков, указывая им ближайшее средство выручить значительное количество каждому денег в короткое время в звании судорабочих, по нынешним возвышенным ценам на эту работу, в особенности тем, у которых не осталось рабочих лошадей. После чего некоторые крестьяне нанялись, как слышал я, в Тамбовской губернии в Спасском уезде в разные работы у частных людей на однолетнее рабочее время за 50 руб. ассигнациями на пище и одежде нанимателя, а в судорабочих во столько же время они могли бы выработать и принести домой по 40 руб. серебром. Убеждаясь в отпуске крестьян в такие работы тем, что в окрестных от меня казенных селениях, имеющих и весьма достаточное количество земли и возможные средства к разным промышленностям, [крестьяне] большею частью отправляются ежегодно в судорабочие, оставляя в своих домах один женский пол с малолетними детьми и стариками; под надзором последних наемные работники обрабатывают их земли за выгодную цену. То же самое делают и малоземельные и господские оброчные, конечно, находя выгоднейшим выработать на стороне больше денег, чем в домашнем быту.

5. Бывшие опекуны над моим имением в 1840 и в последующих годах отпускали 10 человек крестьян моих из села ж Ахлебинина без земли на оброк, которые часто нанимались в крестьянские работы и платили ежегодно постоянно бездоимочно по 120 руб. ассигнациями каждый, и жили в Новгородской и С.-Петербургской губерниях до 1847 года, то есть до получения имения моего из опеки.

6. Не далее как сего 1852 года в публичных «Московских ведомостях» января 1, № 1 в частных объявлениях в ст. 7 [сообщается, что] отпускаются без земли крестьяне Нижегородской губернии Сергачского уезда 97 душ, с их семействами и всем имуществом на своз, — и сколько таких публикаций было и прежде и после, — но если б такие распоряжения владельца были противозаконны, то, конечно, ни владелец к тому не мог бы быть допущен, ни дирекция газет не решилась бы выполнить противозаконное желание владельца.

7. Не далее как 23-го сего апреля приказано было в село Ахлебинино прислать ко мне в Спасск одного крестьянина для поправки заблаговременно летней рабочей сбруи, но крестьянин Петр Алексеев сильно удержал Иванова и до того он не был выслан ко мне несколько дней в Спасск, пока Петр Алексеев сходил

в город Наровчат к исправнику для испрошения разрешения от него, прислать ли ко мне Иванова или нет.

8. Из всего этого вы усмотреть изволите, что я, отпуская крестьян со всеми их семействами и имуществом, не требуя от них никаких оброков и работ, кроме платежа казенных повинностей из зарабатываемых ими денег, то, конечно, такое распоряжение не к разорению крестьян относится, а к улучшению их состояния; и хотя закон никогда и нигде не обязывает помещика, какое количество земли он должен дать тягольному крестьянину, для исполнения за это всех казенных и господских повинностей, и я мог бы отпустить крестьян с их семействами без земли со взиманием с них денежного оброка, что и бывало у меня и у многих и даже и теперь есть. Но я и [от] этого их избавил, и, сверх того, приказал им дать по 20 десятин в каждом поле на случай продовольствия таких, которые по разным причинам не могут личными работами приобретать себе продовольствие. На сей час приехал ко мне нарочный с донесением, что крестьяне в количестве 43-х тягол самовольно переделили и даже засеяли в избранном им яровом поле, и еще хотят по стольку ж самовольно взять и разделить по себе в яровом же поле. А между тем устрашивают прежних наемников у меня земли, чтоб они не нанимали у меня никакой земли, что они им не дадут воспользоваться никаким хлебом.

9. Для дальнейшего удержания крестьян в своевольном их распоряжении моей землей и в предупреждение и пресечение преступлений, могущих быть по сему предмету, Свода законов тома, 14-го ст. 166, 324, 325, 327, предоставлено, всякому правительству, власть и начальство имеющему, пресекать в самом начале неповиновения крестьян, ослушание и буйство и приводить неповинующихся к должному послушанию, почему я и убеждаюсь покорнейше просить вас, Иван Тимофеевич, как властную особу, прекратить своевольство крестьян на месте и внушить им, что они должны довольствоваться тем количеством земли, которое им мною предоставлено, или, по крайней мере, столько, сколько они ныне уже засеяли, в яровом поле, а остальное количество, т. е. столько же земли, сколько они засеяли, я оставляю за собою, за что я их избавляю от всяких оброков и работ для меня. И, наконец, по всем сим обстоятельствам я убеждаюсь покорнейше просить вас отменить ваше настояние в предоставлении им того количества земли, которое было дано им мною прежде, как выше изъяснено, за работы и прочие оброки временно, ибо я более от них ничего уже не требую.

С совершенным почтением честь имею быть вам, милостивый государь, покорный слуга Николай Ахлебинин.

30 апреля 1852 года.

С подлинным верно: предводитель дворянства Шишкин.

(Пензенск. облгосархив, ф. 32, д. 214, л. 240—243.)

1850 г., декабря 19. Решение пензенской палаты уголовного суда по делу самовольного ухода крепостной крестьянки помещицы Замятиной.

Указ е. и. в. самодержца всероссийскаго из пензенской палаты уголовного суда краснослободскому уездному суду о крестьянской женке тамошнего уезда села Оброчного помещицы Замятиной Авдотье Фоломеевой, судимой за самовольную отлучку из жительства и имение при себе фальшивого билета, писанного ей неизвестным человеком.

Решительным определением, состоявшимся 17 минувшего октября и утвержденным г. начальником губернии, палата заключила: подсудимая по сему делу крестьянская женка Краснослободского уезда села Оброчного помещицы Замятиной Авдотья Фоломеева в самовольной отлучке из жительства и в имении при себе фальшивого билета, писанного ей в Саратовской губернии неизвестным человеком, добровольно призналась, писавшего ей фальшивый билет следствием не обнаружено, в поведении она, Фоломеева, за сделанною из жительства отлучкою не одобрена, по сказкам 8 ревизии значится 30 лет, Уголовная палата, сообразив изложенные виды дела и находя подсудимую Фоломееву виновною в самовольной отлучке из жительства и приобретении себе фальшивого билета, а вину ее по совокупности преступлений увеличивающеюся, определяет: подсудимая Фоломеева за самовольную отлучку из жительства на основании 1680 ст. VI прод. XV тома Свода зак. Угол. подлежала исправительному наказанию по воле помещицы, но, в совокупности, как за это преступление, так и за приобретение фальшивого билета ее, Фоломееву, 46 лет, согласно с мнением уездного суда, на основании 83, 156 и 1210 ст. Улож., лишив всех как особенных лично, так и по состоянию присвоенных ей прав и преимуществ, наказать при полиции чрез десятских розгами в высшей мере, определенной 35 ст. для 5 степени, шестидесятью ударами и отдать в рабочий дом на три года. Если же в оном на то время не будет достаточного помещения, в таком случае содержать ее в тюрьме на точном основании 84 ст., а потом поступить с ней согласно 52 ст. Улож. и мнения Государственного Совета, высочайше утвержденного 10 июля 1850 года. Выданные ей из казны на путевое продовольствие при пересылке ее из Камышина в Краснослободск 79$^{3}/_{4}$ коп. по силе 904 ст. XV тома Зак. угол. оставить без взыскания; фальшивый билет, уничтожа, иметь при деле, а о писателе оного, за неоткрытием его, оставить без суждения. Мнение же краснослободского уездного суда, в чем [оно] несоответственно настоящему положению Палаты, отставить. Об исполнении такового решения над женкою Фоломеевою соответственно 1338 ст. VI прод. XV тома, отнестись в пензенское губернское правление с требованием надлежащего уведомления. Обревизованное дело обратить в уездный суд, которое при сем посылается.

Декабря 19 дня 1850 года. Заседатель [подпись].

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 531, л. 45—46.)

1856 г., октября 11. Жалоба крестьян помещицы Кожиной пензенскому губернатору Панчулидзеву на свою помещицу.

Ваше пр-о, Александр Алексеич!

Осмеливаемся к вашей милости прибегнуть, как вы об нас, кормилец наш, обдумаете. Помещица наша Улья Федоровна Кожина много домов отпустила года три уж на волю и за это отобрала у нас дома, скот, хлеб, деньги и все, што у каво было что брать, а которы не откупались — принуждала побоями и пробовала в солдаты тайным манером отдать, а о ней до того слышно, что у ней есть низаконны детки, которы христьянами владеть не смеют, то есть вот она и задумала всю нашу вотчину извести, а землю отдать тем деткам своим, ну отпускных, которы откупались, ни по сю пору, хоша и преставляла их в суд, затем их, то есть в резонт не приняли для того, что мы в казну заложены, ну а ноне манифест вышел об ревизии, так нам надо подумать, кому куды приписываться, ну а без отпускных то есть куды примут тебя, а к барышни нас не допускают ее начальники и дворня, а за оным по сему то как Николай Петровича Еникеева, с которым барышнято наша знается, а он человек толст, несуразный, пьяница горький, да еще поверенный у ней есть какой-то Сергеев Шпод Шышкеев в городу живет в Инзаре, а жену-то свою бросил и такой же пьяница, как и Еникеев, барынин полюбовник, — вот она с ними и знается и хорошится. Дворяни и мать ее и знать ни хочут, только ефти у ней бывают, да еще там сельский дьякон да монахи. Еникеев все по ночам закутанными всего к ней возют, только просьба писать на хороших господ, а нам то есть отпускных то не даст, а бунтовать мы еже [уже?] учены, боимся твоей милости. Так заступись за нас хотя ты, в. пр-о, вели ей дать нам в руки отпускные, разорила она нас в разор, да ей не сказывай, что мы к вашей милости отписали, а то она нас совсем погубит и останется в стороне, а мы в бороне, а того хоть до батюшки царя, а так жить нельзя.

Рабы ваши вольноотпущенные христьяне госпожи Кожиной.

11 октября 1856 г.

(Пензенск. облгосархив, ф. 5, д. 3543, л. 1—2.)

1859 г., августа 20. Рапорт саранского земского суда пензенскому гражданскому губернатору об урегулировании взаимоотношений крестьян с. Анненкова с помещиком Анненковым.

20 августа 1859 года.

Его пр-у г-ну пензенскому гражданскому губернатору саранского земского суда

Рапорт.

Земский суд имеет честь довести до сведения в. пр-а, что 13 числа текущего месяца крестьяне села Анненкова, помещика Анненкова, в числе 82 человек, явились к г. непременному засе-

дателю суда сего, исправлявшему должность земского исправника, и принесли жалобу на стеснение, делаемое им управляющим именем Николаем Мундштуковым при отправлении полевых работ. Вследствие чего г. непременный заседатель отправлялся в село Анненкова, и на месте оказалось:

1. Крестьяне считают для себя обременительным урочное положение, существующее у них издавна и заключающееся в том, что в рабочий день 8-ми человекам положено сжать хозяйственную десятину овса. Для облегчения крестьян предложено управляющему назначить на десятину по 9 работников, чем крестьяне остались совершенно довольны. Причина неудовольствия крестьян была и та, что они не поняли распоряжения вотчинного начальства их, что 2 тяглам в два дня приказывалось сжать десятину овса, они же полагали, что распоряжение это было на один день.

2. Крестьяне жаловались на десятского Тимофея Иванова, будто бы жестоко с ними обращавшегося; десятскому Иванову приказано быть с крестьянами снисходительнее и оставить свои неуместные и слишком строгие меры, а управляющему имением объявлено, чтобы он десятника этого вовсе удалил от должности, спустя несколько времени, дабы не дать крестьянам думать, что десятник тот же час удален только по их настоятельным требованиям; крестьянам внушено быть в полном повиновении вотчинного начальства, в чем они и дали подписку.

Непременный заседатель [подпись].

20 августа 1859 года.

(Пензенский госархив, ф. 5, д. 3942, л. 1.)

II РАЗДЕЛ

ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН ТЕРЮШЕВСКОЙ ВОЛОСТИ в 1808—1810 г.г.

1. ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН ТЕРЮШЕВСКОЙ ВОЛОСТИ в 1808—1810 гг.

1809 г., сентября 14. Письмо князя П. Трубецкого нижегородскому гражданскому губернатору А. М. Руновскому о состоявшемся 12 сентября мольбище мордвы дер. Сескино и др. по первобытному их обряду.

Получено сентября 16 дня 1809 года в Макарьеве.

Милостивый государь мой, Андрей Максимович!

Долгом поставляю известить вас о следующих обстоятельствах, имеющихся в Нижегородской округе по дошедшим ко мне слухам. Небезызвестно в. пр-у, что Терюшевскую волость составляет большая часть из новокрещен, около 12-ти тысяч душ, которым было запрещено иметь сходбища, из коих хоша прежде некоторые тайно придерживались первобытному их обряду. А ныне вотчины г-жи Софьи Алексеевны Сент-Приест деревни Сескина крестьянин Козьма, оставя хлебопашество, обольщает окрестных селений тех новокрещен и представляет себя за пророка, но в чем состоит его пророчество, то мне не известно. И даже осмелился уже делать явно. Рассылая подобных себе в окрестности своего селения, в том числе и в мои деревни Сивуху, Лом и Инютину, из коих приезжали мне рапортовать старосты и сотский, через что соблазняют, и сзывали от его имени, ходя по дворам, для оного служения. И в деревне Сескине в прошедшее воскресенье, т. е. сентября 12 числа, оных собралось обоего пола не менее 4-х тысяч душ. Через что может скрываться и другое зло.

Итак, прошу в. пр-а взять в сем случае надлежащие меры к прекращению сего и приказать исследовать.

А затем пребыть честь имею вам навсегда в. пр-а, милостивый государь мой, покорнейший слуга князь Петр Трубецкой.

14 сентября 1809 г. Седьцо Лапшиха.

(Горьковский облархив, фонд Нижегородского военного губернатора, дело № 7892/143, л. 1.)

1809 г., сентября 17. Ордер нижегородского гражданского губернатора Руновского на имя нижегородского земского исправника Сергеева с предложением отправиться в дер. Сескино отыскать ложного пророка Козьму, узнать о содержании его пророчества, а потом его и ближайших его сподвижников арестовать.

Секретно.

Господину нижегородскому земскому исправнику Сергееву.

Ордер.

Господин д. с. с. князь Петр Сергеевич Трубецкой вчерашнего числа прислал ко мне в Макарьев письменный отзыв, коим извещает, что из составляющих Терюшевскую волость около 12 тысяч душ новокрещен из мордвы вотчины графини Софьи Алексеевны Сент-Приест деревни Сескина крестьянин Козьма, оставя хлебопашество, представляя себя за пророка, обольщает сим окрестных селений новокрещен и, делая сие явно, рассылает подобных себе в другие селения, в том числе присылал и в его, князя Трубецкого, деревни Сивуху, Лом и Инютину для созыва крестьян к его служению, почему в прошедшее воскресенье, то есть 12 числа сего сентября, было на сборе в деревне Сескине обоего полу не менее 4-х тысяч душ.

По поводу чего рекомендую вашему высокоблагородию по получении сего тотчас отправиться на место в Терюшевскую волость и, непременно отыскав помянутого ложного пророка и сообщников его, расспросить о нелепых их предсказаниях, в чем точно оные заключаются.

Узнать точнейшим образом, подлинно ли по созыву их был описываемый князем Трубецким в деревне Сескине сход и для чего именно.

Потом как оного... [1] *крестьянина Козьму, так и главнейших его сообщников, взяв под крепкую стражу, доставить сюда для дальнейшего их испытания и рассмотрения такового их противозаконного поступка. Между же тем об успехе и о существе вашего по сему разыскания немедленно мне донести с нарочным. А крестьянам...* [2] *строжайше подтвердить, чтоб они, не веря ложным предсказаниям называющегося пророком крестьянина Козьмы, оставались попрежнему* [3] *в покое, упражняясь попрежнему в хлебопашестве и хозяйственных изделиях, запретив им накрепко, чтоб они никаких тайных, ни явных сходбищ делать не дерзали под страхом неизбежного по законам наказания, а наблюдение за всеми их движениями препоручить сотским не из мордвы, приказав им обо всем подозрительном немедленно вам доносить, —*

[1] Пропуск означает зачеркнутые слова «ложного пророка».
[2] Также зачеркнуто: «через их вотчиноначальников внушать».
[3] Слово «попрежнему» зачеркнуто.

и не следовали бывшим его вымышленным или от помешательства в уме происходимым внушениям, причем прилагаю и копию с означенного отзыва ко мне князя Трубецкого, требуя объяснения, почему вы о таком многочисленном новокрещен сходбище доселе мне не рапортовали.

№ 3879. Сентября 17 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 3—4)

1809 г., сентября 20. Сообщение нижегородского архиепископа Вениамина на имя нижегородского гражданского губернатора Руновского о мордовских мольбищах, проводимых Козьмой Алексеевым.

№ 140. Получено 20 сентября 1809 года.

Превосходительный господин! Милостивый государь!

Нижегородской округи села Сарлей священник Иван Дмитриев сего сентября в 16-й день донес мне о происходивших в генваре месяце сего года слухах, что вотчины ее сиятельства графини Софьи Алексеевны Сент-Приест, приходской к тому селу Сарлеям доли ево священника деревни Большого Сескина, новокрещен Козьма Алексеев рассевает для собратии своей соблазнительные слова, клонящиеся к тому, что де вскоре прежняя их мордовская вера возвысится, а христианская упадет. Слухи сии тем подтвердились, что волостное их начальство, взяв ево, новокрещена, за сие, отослало в село Лысково к его сиятельству князю Егору Александровичу Грузинскому, надзирающему над их вотчиною, и там он, новокрещен, пробыв до святые пасхи, во второй день светлые седмицы явился в село Сарлей и, ходя долгое время по праздникам в церковь прилежнее прежнего, ему, священнику, с братиею сказывал, что он в Лыскове дважды исповедовался и святых тайн приобщался. А по прошествии около трех недель после пасхи, волостное их правление прислало к ним в церковь копию с приказания его сиятельства, в коем, между прочим, написано, чтоб оное волостное правление за ним, новокрещенным, смотрело, и по первых случаях о ево опять на то поползновении прислало его сиятельству рапорт, а ево, новокрещена, содержало бы под стражею для отсылки на поселение. В средних числах маия опять он, новокрещен, стал прежние свои соблазнительные слова рассевать, за что в последних числах маия взят и отослан к его сиятельству князю Грузинскому, где и был до сего сентября. А ныне, явясь в дом, столь начал свою собратию соблазнять, что они многочисленно к нему собираются, составляют на полях по прежним своим мордовским обыкновениям мольбища, кои прежде делали тайно, а напоследок в мимо шед-

шую субботу к вечеру видимо было, что толпы новокрещенных шли и ехали к нему, Алексееву, и таков сбор всю на воскресенье ночь и в воскресенье по утру продолжался. Он, священник Иоанн, после обедни в воскресенье с товарищем своим и села Сарлей с сотским входили на высокое место и видели близь рощи, состоящей неподалеку от деревни Сескина, где оной соблазнитель живет, народу бесчисленное множество и во многих местах дымящиеся огни, на коих, повидимому, сжигали они части животных. Едущие туда новокрещены многим попадающимся встречу, в том числе и им, безбоязненно сказывали, что они едут на мольбище к пророку, а возвращаясь оттуда рассказывали, что ему, пророку, является дух именем Мельчеже. Да еще слышится, что он, лжепророк, говорит, что слово «Христос» есть чин. Христос, будучи стар, чин сей с себя сложил. Христа больше нет, не будет и христианской веры. Чин сей препоручен другому. Он придет от запада, потому молиться мы должны на запад. Так же говорит, что скоро будет страшный суд, и на том самом месте, где у них происходило мольбище. Почему некоторые из новокрещен, веря сему, раздают имение, а другие и парового хлеба не сеяли ни зерна.

Таковые новокрещена Козьмы и последователей его поступки, предоставляя к рассмотрению в. пр.-а, имею честь известить вас, милостивый государь, что естьли по усмотрению вашему необходимая надобность востребует отправить в деревню Большое Сескино для увещания как показанного крестьянина, так и других заблуждающихся искусного священника, в таком случае оный с надлежащим наставлением от меня немедленно отправлен быть имеет.

В прочем с истинным моим к вам почитанием и усердием в. пр-а, милостивого государя, усердный слуга и богомолец *А. Вениамин.*

№ 196. Сентября 20 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 8—9.)

1809 г., сентября 20. Рапорт земского исправника Сергеева нижегородскому губернатору Руновскому о принятых мерах против мордовских мольбищ, проводимых Козьмой Алексеевым.

Получено 21 сентября 1809 года.

Его пр-у господину действительному статскому советнику нижегородскому гражданскому губернатору и разных орденов кавалеру Андрею Максимовичу Руновскому

Нижегородской округи от земского исправника Сергеева.

Рапорт.

Ваше пр-о сего месяца от 17-го дня секретным ордером предписать мне соизволили Терюшевской волости деревни Сескина крестьянина Козьму, представляющего себя пророком, как его,

так и сообщников его описать, расспросить о нелепых их предсказаниях, в чем точно они заключаются. Притом узнать точнейшим образом, подлинно ли по созыву их был в деревне Сескине сход и для чего именно. Потом крестьянина Козьму и главных его сообщников, взяв под крепкую стражу, доставить к в. пр-у для дальнейшего их испытания. Между тем, об успехах и о существе по сему розысканию немедленно в. пр-у с нарочным донесть.

Во исполнение оного в. пр-а повеления того же дня отправясь я в Терюшевскую волость и по разведываниям узнал, что вотчины графини Сент-Приест деревни Большого Сескина крестьянин Козьма Алексеев из мордвы, подлинно выдавая себя за пророка, рассевал в своем селении между таковыми ж из мордвы крестьянами слухи, что он пророк и что скоро будет преставление света, назначая к тому пятничные дни. И хотя он сие делал скрытно, но оной вотчины поверенной управляющий вотчиной Иван Григорьев Козлов, узнав о сем, и, как она, по родству господин его с его сиятельством князем Егором Александровичем Грузинским, поручена во управление его сиятельству, то оной Козьма Алексеев поверенным Козловым взят был и представлен к его сиятельству в село Лысково, где, быв весь прошедший великий пост, прислан был в вотчину с тем, что, как он раскаялся в своем заблуждении и два раза приобщался святых тайн, то позволить ему жить в своем селении, но как за его поведением, так и за тем, чтобы он всегда ходил в церковь, иметь смотрение, — что оной Козьма Алексеев, на святой пасхе и исполнил, бывая почасту в церкви во время службы. Но, как вскоре после того стал попрежнему выдавать себя пророком, то тем же поверенным Козловым был представлен в другой раз к его сиятельству князю Егору Александровичу Грузинскому в село Лысково, где и находился в работе до сего месяца. Во время же отъезда его сиятельства из села Лыскова, не известно каким образом, крестьянин Алексеев, отлучаясь из села Лыскова и явясь в свое селение, по отлучке поверенного Козлова в г. Москву за господскою надобностью, осмелился явно уже выдавать себя за пророка и через сообщников своих, разослав их с повесткою в разные селения, назначил 12-е число сентября, в воскресенье, по старому их мордовскому обряду, волостную мольбу в деревне Большом Сескине, куда из разных селениев многие крестьяне обоего полу собрались и отправляли оную мольбу по старинным их обрядам в небольшой при оном селе роще, наделав для питья меду, наваря гусей и принеся всяких съестных припасов, где Козьма Алексеев склонял мордву приходить к нему для таковой мольбы по воскресеньям и пятницам, но уже без повестки. В чем же его состояло тогда пророчество, достоверно узнать я еще не мог. По слухам от разных соседних крестьян, слышавших от мордвы, что он предвещал преставление света и потому запрещал собирать с полей и сеять хлеб, обещал им показать явление во время мольбы, чем тот день и окончился, и крестьяне разъехались по своим домам. Но как крестья-

нин Козьма Алексеев сего месяца 17 числа взят по повелению его сиятельства князя Егора Александровича Грузинского и скованный отослан к нему в село Лысково, то я и отнесся с требованием о доставлении его, Алексеева, ко мне, к его сиятельству, а, между тем, известился, что в деревне Большом Сескине 19 числа в воскресенье будет таковая же, как и выше значит, мольба, то их ожидал в селе Константиново, когда они ее начнут, дабы видеть сообщников Козьмы Алексеева и изобличить их на самом деле, куда, приехав после полден, нашел позади двора крестьянина Козьмы Алексеева собранных как оной деревни, так и соседственных деревень Малого Сескина и Татарской крестьян из мордвы до двухсот человек и большею частию женского полу, которые по старинному мордовскому обряду молились, а перед ними накладено было на земле разного съестного припаса и на особо расчищенном месте стояли две кадки с рассыченным медом, к коим прилеплены были и горели по одной восковой свече. А подле кадок, в особой чаше, поставлены вареные гуси, также подле кадок с медом стоял образ Николая чудотворца, а позади сего места стояла третья кадка с медом же для женщин. Подле двух первых кадок стоял большой деревянный ковш, а в него положены были малые ковши. По окончании моления они, по древнему мордовскому обычаю, стали оный мед пить с особыми обрядами и съестное употреблять в пищу, чем и оканчивалась таковая мольба. По рассмотрении всего, расспрашивал я бывших на том молении крестьян, по какому поводу они собрались и отправляют законопротивное моление, бывши с издетства христиане, — из всех бывших тут крестьян подошли ко мне деревни Большого Сескина из мордвы крестьяне Никита Иванов, Михайла Фролов, Петр Максимов и Михайла Алексеев, [и] говорили, что они от закона христианского не отрицаются, в церковь ходят и все христианские обряды исправляют, но, быв научены от своих отцов, и древних мордовских обрядов не оставляют же и всегда им с малолетства следуют. Но как я им запретил происходящее у них моление, приказав все, что было, как-то: мед и съестное, вынесть с того места и разобрать и самим итти по своим домам, то они беспрекословно повиновались с обещанием более для мольбы по обрядам мордовским не собираться. Означенных же крестьян Иванова, Фролова, Максимова и Алексеева, по разведыванию моему оказавшихся главными сообщниками крестьянина Козьмы Алексеева, взял я под крепкую стражу и нахожусь в приходском оной деревни Сескина селе Сарлеях. По расспросам моим означенные взятые мною под стражу крестьяне о пророчестве крестьянина Козьмы Алексеева не объявляют, показывают только, что уговаривал их собираться и молиться по пятницам и воскресеньям по древнему их мордовскому обряду. И хотя собирал Алексеев деньги с приходящих на моление крестьян, но будто делал сие не из корысти, а для покупки меду и свеч, употребляемых при таковых их молениях. Притом при разведывании по сему предмету узнал, что не все крестьяне

из мордвы, в Терюшевской волости состоящие, согласны с учением крестьянина Алексеева, и даже в деревне Большом Сескине многие крестьяне из мордвы не ходят на таковые моления. Для дальнейшего исполнения по предписанию в. пр-а и ожидая от его сиятельства князя Егора Александровича Грузинского приказания, крестьянина Козьмы Алексеева, нахожусь я в Терюшевской волости в селе Сарлеях.

Земский исправник Павел Сергеев.

Сентября 20 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 11—12.)

1809 г., сентября 21. Сообщение нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородскому архиепископу о принятых мерах против мордовских молений, организуемых Козьмой Алексеевым.

Высокопреосвященнейший владыко, милостивый архипастырь!

Прежде отношения ко мне вашего высокопреосвященства, вчерашнего числа мною полученного, о называющемся ложно пророком Нижегородской округи деревни Большого Сескина из мордвы новокрещене крестьянине Козьме Алексееве и о рассеваемом между подобными ему новокрещенами соблазне, я имел уже уведомление от господина д. с. с. князя Петра Сергеевича Трубецкого. И 17-го числа сего месяца командировал туда здешнего земского исправника для учинения надлежащего о том разыскания. Помянутый крестьянин Козьма Алексеев доставлен уже сюда, и я по окончании разыскания не оставлю известить ваше высокопреосвященство об обстоятельствах оного к зависящему со стороны вашей распоряжению в рассуждении увещания означенного крестьянина Козьмы Алексеева и его сообщников и обращения их на путь истины.

Имею честь быть в прочем с истинным почтением и искреннейшею преданностью, Вашего высокопреосвященства, милостивого архипастыря, А. Руновский.

№ 3915. Сентября 21 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 10.)

1809 г., сентября 21. Ордер нижегородскому земскому исправнику Сергееву, в котором нижегородский гражданский губернатор Руновский сообщил о доставлении к нему Козьмы Алексеева.

Нижегородскому земскому исправнику

Ордер.

Получив рапорт ваш о разведывании, учиненном вами в Терюшевской волости в рассуждении называющегося ложным пророком села Сескина из мордвы новокрещена крестьянина Козьмы

Алексеева, и видя из сего рапорта, что вы о доставлении к вам сего крестьянина, по нахождению его у г-на камергера князя Грузинского, отнеслись к нему, князю Грузинскому, даю знать вашему высокоблагородию, что помянутый крестьянин Козьма Алексеев доставлен уже сюда, почему имеете, окончив на месте повеленное вам разыскание, сообщников его доставить сюда же за присмотром, для окончательных вместе с крестьянином Козьмою Алексеевым расспросов о его ложных предсказаниях, для чего и сами вы должны возвратиться в Нижний.

№ 3887. Сентября 21 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 15.)

1809 г., сентября 23. Рапорт земского исправника Сергеева нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о состоявшемся 12 сентября мольбище мордвы и о представлении в канцелярию губернатора сообщников Козьмы Алексеева.

№ 6876. Получено сентября 23 дня 1809 г.

Его пр-у господину действ. с. с. нижегородскому гражданскому губернатору и разных орденов кавалеру Андрею Максимовичу Руновскому

Нижегородской округи от земского исправника Сергеева

Рапорт.

В. пр-о посланным ко мне ордером по отзыву господина д. с. с. князя Петра Сергеевича Трубецкого, что Терюшевской волости графини Софьи Алексеевны Сент-Приест деревни Сескина из мордвы новокрещен крестьянин Козьма, оставя хлебопашество, представляя себя за пророка, обольщает сим окрестные селения и делает сие явно, рассылает подобных себе в другие селения для созыву крестьян к его служению, почему в прошедшее воскресенье, то есть 12-го числа сего сентября, было на сборе в деревне Сескине обоего пола не менее четырех тысяч душ, — предписать мне изволили тотчас отправиться на место в Терюшевускую волость, отыскать помянутого ложного пророка и сообщников его, расспросить о нелепых их предсказаниях, в чем точно они заключаются, узнать точнейшим образом, подлинно ли по созыву их был в деревне Сескине сход, и для чего именно. Потом, как оного крестьянина Козьму, так и главнейших его сообщников, взяв под стражу, доставить к в. пр-у, между тем о успехах о существе моего по сему разыскания немедленно донесть с нарочным в. пр-у и крестьянам строжайше подтвердить, чтоб они, не веря ложным предсказаниям пророка крестьянина Козьмы, оставались в покое, упражняясь попрежнему в хлебопашестве и хозяйственных изделиях, запретив им накрепко, чтоб они никаких ни тайных, ни явных сходбищ делать не дерзали под страхом неизбежного по законам наказания, а о наблюдении за всем их движением препоручить сотским не из мордвы со объяснением в. пр-у,

почему мною о таковом многочисленном новокрещен сходбище к в. пр-у не донесено.

Во исполнение оного в. пр-а повеления, отправясь я в село Терюшево, сделал надлежащее о ложном пророке Алексееве разведывание, и, взяв главных сообщников его под крепкий караул, в. пр-у сего месяца двадцатого числа рапортом донес. Потом допросил как в том рапорте значащихся четырех человек, так и после того отысканных ложного пророка Алексеева сообщников той же деревни: Бориса Иванова, Якима Иванова и вотчины графини Толстой деревни Кужуток Филиппа Савельева, которые в допросах своих утвердили делаемую ими по мордовскому идолопоклонническому обряду мольбу; о пророчестве Алексеева [они] хотя и показывали значащееся в их допросах, но настоящей цели, в чем оно состояло и на какой предмет делано было, не объявили. По слухам же, происшедшим от мордвы и носящимся в народе, известно, что он, Алексеев, обольщая мордву, предсказывал и чрез своих сообщников рассевал, что при мольбе их будет знамение, покажется столб огненный от земли до небес, что дом Давыдов сойдет с небес на ключ Рахлейку, находящийся близ деревни Сескина, Давыд будет их судить и он, Алексеев, с ним. После ударит двенадцать громов в один раз и будет кончина века. Но таковым предсказаниям времени не назначал. А иногда сказывал, что после такого явления весь свет примет закон, служение и одежду мордовскую и во всем будет следовать мордовским обрядам, что они, мордва, будут свободны, не будут принадлежать помещикам и платить оброку, а будут первыми людьми, а особливо те, кои его, Алексеева, ближние. Что он будет набольший над ними, что с ним разговаривают и сказывают о сем ангелы и что пророчить его послали богородица и Николай чудотворец. Молиться учил против мордовского обычая не на восток, а на запад, сказывая, что от запада будет им спасение. Все таковые нелепости рассеяны им между мордвы с разными прибавлениями из древних их басен, почитающимися между [н]ими за истинные истории прежних времен, бывших до просвещения их законом христианским, в том числе и о ковшах, употребляемых ими при мольбищах их, а особливо при братчинах, которые будто б при крещении их от них отобраны и хранятся в Нижнем под собором, и что они им будут возвращены. В доказательство, что все сие вскоре случится, [Алексеев] сам земли не засевал, да и засеянную свою пшеницу велел скоту стравить, и другим засевать полей отговаривал, в чем некоторые его и послушались; главная же его цель должна быть та, чтоб обманывать мордву по их простоте, собирать с них деньги, которых, как слух носится, при мольбе двенадцатого числа сего месяца собрано довольное количество, и что он, Алексеев, кто ему принесет больше денег, обещал прощение грехов на суде и первенство между мордвою, а чтоб показать себя пророком, посланным к мордве, переначил их древние идолопоклоннические обряды при мольбищах поклонением

на запад, отправлением мольбы, когда приносились в жертву гуси и мед, к ночи. А по их древним обрядам отправлялись оные днем, а к ночи делали они мольбу, называемую братчина, принеся в жертву быка и пиво. При таковых мольбищах употреблялись у них начальники, называемые вазатяи, а при нем помощники пурездяне. Но он сие отменил, сделав себя начальником и пророком, а сообщников своих также никакими особыми именами не называл. Означенных крестьян Никиту Иванова, Михайла Фролова, Петра Максимова, Николая Алексеева, Бориса Иванова, Якова Иванова и Филиппа Савельева, яко главнейших сообщников крестьянина Козьмы Алексеева, с их допросами при сем к в. пр-у имею честь представить с донесением, что Терюшевской волости всех вотчин вотчинные начальники и сотские, дабы впредь крестьяне из мордвы не могли собираться на их мольбищах по идолопоклонническому их обряду, и, при малейшем их к тому движении и намерении, воспретя им, в то же время донесли земскому суду и мне, а также, если какие разноситься будут между ими толки или что подозрительное по тому, и доносить обязаны подписками. А особливо приказал за сим наблюдать сотским не из мордвы. Что же касается до недонесения от меня в. пр-у о бывшем сего месяца двенадцатого числа многочисленном между мордвы сходбище, сие последовало потому, что мне ни сотские, ни вотчинные начальники о происшествии сем не доносили, потому более, что вотчины графини Сент-Приест поверенной и управляющей вотчиною Иван Козлов, из русских крестьян отлучился в начале сентября месяца по господской надобности в город Москву, а управлял вотчиною из мордвы вотчинной бурмистр деревни Большого Сескина крестьянин Петр Симеонов, который сам, как по допросу оной деревни старосты видно, был единомышленник крестьянина Козьмы Алексеева. И хотя он двенадцатое число сентября поутру был в одновотчинном селе Сарлеях, расстоянием от Сескина в полуторе версте, пришед туда поутру, и пробыл весь день, но ввечеру, когда было в селении его мольбище, был он дома и по доносу старосты оной деревни из мордвы крестьянина Максима Москунина, не бывшего в согласии крестьянина Козьмы Алексеева, и по требованию священника села Сарлей Ивана Николаева, как из допроса Москунина видно, не только крестьянина Алексеева не взял под караул, но и допустил его до сбору в свое селение разных деревень крестьян и сделать им по идолопоклонническому обряду мольбище. Сотской же деревни Сескина, деревни Березняков крестьянин Ефим Иванов из русских крестьян, бывши двенадцатого числа в деревне Сескине, которому той деревни староста Москунин о всем чинимом Алексеевым объявил и сборище показал, как видно, раболепствуя бурмистру, о сем мне также не донес.

Земский исправник Павел Сергеев.

Сентября 23 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 16—17.)

1809 г., сентября 23. Ордер нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородскому земскому исправнику Сергееву об учинении допросов Козьме Алексееву и его сообщникам.

Господину нижегородскому земскому исправнику Сергееву

Ордер.

Получив сего числа рапорт ваш и при нем допросы семи человек крестьян, главнейших сообщников называющегося ложно пророком деревни Большого Сескина крестьянина из мордвы новокрещена Козьмы Алексеева, рассевавших древнее их идолопоклонническое мордовское служение, соблазняя ложными предсказаниями Козьмы Алексеева всех прочих подобных им новокрещен к отклонению от православной христианской веры и к обращению, напротив того, к мордовскому заблуждению, возвращаю оные допросы при сем обратно и, препровождая копию с отношения ко мне по сему предмету от здешнего господина архиепископа и кавалера Вениамина, рекомендую вашему высокоблагородию противу изъясненных в оном отношении обстоятельств допросить как ложно называющегося пророком крестьянина Козьму Алексеева, так и сообщников его, стараясь всеми возможными мерами раскрыть настоящую цель такового развратительного их намерения, а тем паче случай или какое-либо постороннее наущение, руководствовавшие их к вовлечению в таковой соблазн; и, что по тому открывается, мне об оном немедленно донести А между тем действиями земской полиции и всеми зависящими от вас мерами строгое обращать внимание на всех вообще новокрещен из мордвы, дабы они впредь ни под каким предлогом не осмеливались покушаться на подобные возмущения и ни на малейшие собрания к отправлению моления по древнему их идолопоклонническому служению, под опасением неизбежного по законам наказания.

№ 3982. Сентября 23 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 18—19.)

1809 г., сентября 28. Рапорт земского исправника Сергеева нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому об учиненном допросе Алексееву и его сообщникам.

Получено сентября 29-го 1809 года.

Е. пр.-у господину д. с. с. нижегородскому гражданскому губернатору и разных орденов кавалеру Андрею Максимовичу

Нижегородской округи от земского исправника Сергеева

Рапорт.

В. пр-о при ордере от 23-го сего месяца соизволили возвратить представленные от меня к в. пр-у сообщников ложного пророка из мордвы новокрещена деревни Большого Сескина крестьянина

Козьмы Алексеева допросы, причем изволили препроводить копию с отношения здешнего господина архиепископа и кавалера Веникмина с повелением противу изъясненных во оном отношении обстоятельств допросить как ложно называющегося пророком Козьму Алексеева, так и сообщников его, стараясь всеми возможными мерами раскрыть настоящую цель такового разратительного их намерения, а тем паче случай или каковое-либо посторонее наущение, руководствовавшее их к вовлечению в таковый соблазн, и что по тому откроется в. пр-у немедленно довести, а, между тем, действиями земской полиции и всеми зависящими от меня мерами, строгое обратить внимание вообще на всех новокрещен из мордвы, дабы они впредь ни под каким предлогом не осмеливались покушаться на подобные возмущения и ни на малейшие собрания к отправлению моления по древнему их идолопоклонническому обряду.

Во исполнение оного в. пр-а повеления крестьянину Козьме Алексееву мною допрос учинен, в котором показал: что он от роду имеет 45 лет, у исповеди и святого причастия бывает и все обряды по закону христанскому исправляет, а также во всем следует и древней их мордовской вере и служению; находясь он в лесных дачах госпожи своей для жжения уголья семь лет, молился по мордовскому обряду богу и подавал милостыню. В прошедшем 1808 году в маие месяце, пришед он в свой дом, помолясь богу перед спаньем, будто бы слышал, что ему гласит, чтоб он молился по-мордовски богу и подавал милостыню, что приходят последние веки и на ключ, при деревне их Сескине, званием Рахлейку, божьим судом сойдет дом Давидов с золотым столбом. Давид будет судить по своей старой вере и все веры преклонит под свою веру, а вера оная будет мордовская и ковши их мордовские, которые хранятся в Нижнем, только и ждут Давидовых законов. Все люди будут мордовской веры и ходить в мордовском платье, и тогда будет праведный суд, ударят двенадцать громов в один раз, и будет кончина века, после того солнце будет ходить на правую руку, восходить будет там, где оно ныне заходит, и для того бы при мольбах поклонялись они на запад, и как таковое глашение было в разные времена, то гласящие назывались иногда пречистая богородица, иногда Николай святитель, иногда Михаил архангел, а иногда Мельцедем — громовым сыном, — и приказывали объявить вышеписанное всей мордве и собирать их молиться по мордовскому обычаю на ключ Рахлейку, где будет дом Давидов, что он, Алексеев, и выполнил; прежде объявлял сие разным из мордвы крестьянам по одиночке, а сего месяца послал деревни их крестьян Никиту Иванова и племянника своего Бориса Иванова обвестить всех Терюшевской волости из мордвы крестьян, чтоб они сходились в воскресенье, двенадцатого числа, под деревню их Сескино на ключ Рахлейку, где сойдет дом Давидов, на волостную мольбу по старинному их мордовскому обряду с гусями и медом, где он им объявит, что ему гласили о мордве

пречистая владычица, святитель Николай, Михаил архангел и Мельцедей, в которой день по повестке его и собрались из разных селениев обоего пола мордвы множество, и он, Алексеев, приказал Никите Иванову, Михайле Фролову, Петру Максимову и Николаю Алексееву развести купленной им мед водою в трех кадках, наварить гусей и наделать из воску свеч; мед и воск куплены им на собранные с мордвы деньги, сделал мольбу на означенном ключе Рахлейке по старинному их мордовскому обряду, и собранной при том мордве все, что ему вышеписаное было глашено, объявил и велел им собираться на оное место и мольбы делать по пятничным и воскресным дням, сам он земли не пахал для того, что ему также гласили, чтоб он земли не пахал, а молился богу. Но он сего из мордвы никому не объявлял и, чтоб они земли своей не пахали, не говорил, пророком он себя не называл, а прозвали его таким названием товарищи его, кроме вышеписанного он ни о чем, а особливо о Христе не говорил и другого ничего не делал. По увещанию же его, Алексеева, нижегородского Спасопреображенского собора протоиереем Матвеем Филипповым он, Алексеев, ничего не отменил, но утвердил сделанное им вышеписанное показание. Сообщники же его также, не припомня ничего, утвердили прежние свои показания. В прекращение же, чтобы на будущее время из мордвы новокрещены не осмеливались покушаться на подобные возмущения и ни на малейшие собрания к отправлению мольбы по древнему их идолопоклонническому обряду, — мною по повелению в. пр-а от семнадцатого числа сего месяца Терюшевской волости вотчинные начальники и сотские (дабы новокрещены из мордвы не осмеливались собираться для моления по древнему их идолопоклонническому обряду и делать каких-либо разглашениев, о имении наиприлежнейшего присмотра, и, в противном случае, о немедленном донесении земскому суду и мне), обязаны подписками; и чтобы таковое воспрещение, и за неисполнение оного строгое по законам взыскание, каждому из мордвы новокрещену было известно, имею я отправиться в Терюшевскую волость, и в каждой вотчине при вотчинных начальниках и сотских, собрав из мордвы новокрещен на сход, объявлю им в. пр-а предписание, истолковав им непозволительность таковых собраниев и моления по древнему их идолопоклонническому обряду и строгое за то по законам взыскание, с обязанием их подпискою. Вотчинных же начальников и сотских, особенно не из мордвы, при них, новокрещенах, о имении за ними в том строжайшего смотрения обяжу вновь подписками, и, по исполнении, и в. пр-у донесу. Допросы крестьянина Козьмы Алексеева и сообщников его при сем в. пр-у имею честь представить.

Земский исправник Павел Сергеев.

№ 6996. Сентября 28 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 20—23.)

1809 г., сентября 30. Предложение нижегородского гражданского губернатора нижегородскому уездному суду о необходимости надлежащего рассмотрения дела Козьмы Алексеева и его сообщников.

Нижегородскому уездному суду

Предложение.

По дошедшему до меня сведению о ложном пророке Нижегородской округи деревни Большого Сескина графини Сент-Приест крестьянине новокрещене из мордвы Козьме Алексееве и о его нелепых рассказах, произведенное здешним земским исправником исследование препровождая при сем в уездный суд для надлежащего рассмотрения и поступления с ним, Алексеевым, и его сообщниками семью человеками, содержащимися в здешнем остроге, по законам, предлагаю оному рассмотрение таковое, а затем и решение учинить без малейшего промедления и мне об оном рапортовать.

№ 4192. Сентября 30 дня 1809 г.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 24.)

1809 г., сентября 30. Ордер нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородскому исправнику Сергееву о предупреждении новокрещен из мордвы, чтобы они не отправляли мольбищ по их древней вере.

Господину нижегородскому исправнику Сергееву

Ордер.

Произведенное вашим высокоблагородием исследование о ложном пророке Нижегородской округи деревни Большого Сескина графини Сент-Приест крестьянине новокрещене из мордвы Козьме Алексееве и о его нелепых рассказах, препроводив вместе с ним в здешний уездный суд для надлежащего рассмотрения и поступления с ним, Алексеевым, и его сообщниками семью человеками по законам, рекомендую вашему высокоблагородию подтвердить строжайше во всех селениях, в коих жительствуют новокрещены из мордвы, чтоб они ни тайно, ни явно не собирались и не отправляли богослужения по древнему их идолопоклонническому мордовскому заблуждению, а исповедывали во всем принятую предками их православную христианскую веру и следовали бы ее установлениям неуклонно. А дабы сие подтверждение имело более действия, и они, новокрещены, были бы наставляемы и утверждаемы в христианской вере кроткими и благоразумными внушениями о ее святости со стороны духовенства, об оном отнесся я к господину здешнему архиепископу для учинения зависящего со стороны его распоряжения; по исполнении же сего имеете мне рапортовать.

№ 4114. Сентября 30 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 26.)

1809 г., сентября 30. Сообщение нижегородского губернатора Руновского нижегородскому архиепископу о принятых мерах по отношению Козьмы Алексеева.

Высокопреосвященнейший владыко, милостивый архипастырь!

Об известном вашему высокопреосвященству ложном пророке Нижегородской округи деревни Большого Сескина графини Сент-Приест крестьянине новокрещене из мордвы Козьме Алексееве и о его нелепых рассказах исследование земским исправником произведено, и что по оному открылось, изволите усмотреть из прилагаемых при сем копий допросов оного крестьянина Алексеева и его сообщников. Происшествие сие, хотя само по себе есть ничтожное и не заслуживающее никакого особенного уважения, но поелику он, Алексеев, таковыми его нелепостями, как собственно собою, так и чрез сообщников своих, сделал между крестьянами соблазн, то я в отвращение оного впредь в страх другим велел предать его купно с сообщниками, выполнявшими его приказания, суду для поступления с ними по законам, предписав при том земскому исправнику подтвердить строжайше во всех селениях, в коих жительствуют новокрещены из мордвы, чтоб они ни тайно, ни явно не собирались и не отправляли богослужения по древнему их идолопоклонническому мордовскому заблуждению, а исповедывали во всем принятую предками их православную христианскую веру и следовали бы ее установлениям неуклонно, а дабы оное подтверждение имело более действия, и они, новокрещены, были бы наставляемы и утверждаемы в христианской вере, кроткими и благоразумными внушениями о ее святости, со стороны духовенства, об оном не благоугодно ли будет вашему высокопреосвященству сделать надлежащего распоряжения, и меня о том уведомить, о чем ныне же донес я и господину министру внутренних дел.

Пребываю в прочем с истинным почтением и искреннейшею преданностью,

милостивый архипастырь, вашего высокопреосвященства

А. Руновский.

№ 4113. Сентября 30 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 27—28.)

1809 г., сентября 30. Сообщение нижегородского гражданского губернатора Руновского министру внутренних дел о принятых мерах по отношению к Козьме Алексееву, его сообщникам и мордовскому населению, участвовавшему в сборищах К. Алексеева.

М. В. Д. 2 экспедиция. 2 отделение. 2 стол. Представление о ложном пророке новокрещене из мордвы Козьме Алексееве и о его нелепостях.

От нижегородского гражданского губернатора.

30 сентября 1809-го года. № 4101.

Господину министру внутренних дел

По дошедшему ко мне сведению, что Нижегородской округи деревни Большого Сескина графини Сент-Приест крестьянин из мордвы новокрещен Козьма Алексеев, выдавая себя за пророка, соблазняет подобных ему новокрещен, собирая их к себе на молитву по древнему их мордовскому заблуждению, поручил я земскому исправнику разведать об оном на месте.

Между тем как земский исправник производил разведывание, получил я двадцатого сего сентября от здешнего г. архиепископа отношение, коим, по донесению к нему приходского деревни Большого Сескина священника, уведомил меня о рассеваемом помянутым Козьмою Алексеевым соблазне, что прежняя их мордовская вера возвысится, а христианская упадет, что двенадцатого числа, то есть на воскресенье, было приметное собрание в деревне Сескино из окружных соседственных селений новокрещен из мордвы, где близ состоящей при оной деревне рощи видны были огни, на коих, повидимому, сожигали они части животных, что ехавшие туда и возвратившиеся обратно новокрещены рассказывали о бытности их у пророка на мольбище, который говорит: что слово «Христос» есть чин. Христос, будучи стар, чин сей с себя сложил, Христа больше нет, не будет и христианской веры. Чин сей препоручен другому, он придет от запада, потому молиться мы должны на запад, что скоро будет страшный суд и на том самом месте, где у них происходило мольбище; почему некоторые из новокрещен, веря сему, раздают имение, а другие и хлеба не сеяли. Вслед за сим уведомлением доставлен сюда от вотчинного начальника графини Сент-Приест означенный крестьянин Козьма Алексеев, а земский исправник, произведя на месте об оном происшествии изыскание, оное и сообщников его, подобных ему, из мордвы новокрещен семь человек представил ко мне.

Из показания оного крестьянина Козьмы Алексеева и из исследования земского исправника открылось: крестьянин сей показывает, что он, исполняя все христианские обряды, следует во всем древней мордовской вере и, проживая лет семь в лесных

дачах для жжения уголья, молился богу по-мордовски, а в прошлом 1808 году в мае месяце, пришедши в дом свой и пред сном помолясь таким же образом, слышал глас, вещающий ему, чтобы молился богу по-мордовски и подавал милостыню, что приходят последние веки и на ключ при деревне Сескине, называемый Рахлейка, божьим судом сойдет дом Давидов с золотым столбом. Давид будет судить по своей старой вере и все веры преклонит под свою веру, а вера оная будет мордовская, и ковши их мордовские, которые хранятся в Нижнем, только и ждут Давидовых законов. Все люди будут мордовской веры и ходить в мордовском платье, и тогда будет праведный суд, ударят двенадцать громов в один раз и будет кончина века, после того солнце будет ходить на правую руку, восходить будет там, где оно ныне заходит, и для того бы при мольбах поклонялись они на запад. И как таковой глас был в разные времена, то гласящие назывались: иногда пресвятою богородицею, иногда Николаем святителем, иногда Михайлом архангелом, а иногда Мельцедеем — громовым сыном, и приказывали объявить вышеписанное всей мордве и собирать их молиться по мордовскому обычаю на ключ Рахлейку, где будет дом Давидов; каковое приказание он, Алексеев, выполняя, прежде объявлял сие разным из мордвы крестьянам по одиночке, а сего месяца послал деревни их крестьян Никиту Иванова обвестить всех Терюшевской волости из мордвы крестьян, чтоб они сходились в воскресенье двенадцатого числа под деревню их Сескину на ключ Рахлейку, где сойдет дом Давидов, на волостную мольбу по старинному их мордовскому обряду с гусями и медом, где он им объявит, что ему гласили о мордве пречистая владычица, святитель Николай, Михаил архангел и Мельцедей, в которой день по повестке его и собиралось из разных селений обоего пола мордвы множество, и он, Алексеев, приказал Никите Иванову, Михаилу Фролову, Петру Максимову и Николаю Алексееву развести купленный им мед водою в трех кадках, наварить гусей и наделать из воску свеч, мед и воск куплены им на собранные с мордвы деньги, сделал мольбу на означенном ключе Рахлейке по старинному их мордовскому обряду и собранной при том мордве все, что ему было глашено, объявил, и велел им собраться на оное место, и мольбы делать по пятницам и воскресным дням; сам он земли не пахал для того, что ему также гласили, чтоб он земли не пахал, а молился богу, но он сего из мордвы никому не объявлял и чтоб они земли своей не пахали, не говорил, пророком он себя не называл, а прозвали его таким названием товарищи его; кроме же вышеписанного он ни о чем, а особливо о Христе, не говорил и другого ничего не делал.

Главнейшие его, Козьмы Алексеева, сообщники, всего семь человек, подтверждая в разнообразных изречениях его нелепости, дополнили к тому, что из приготовленного на месте мольбы их меду и других припасов, отделя по некоторой части в ковш, и, стоя на коленях, молились богу о принятии сей их жертвы,

которая положена была на особо разведенной для нее огонь, и в продолжение горения ее все стояли на коленах же и молились; потом Козьма Алексеев начал пить мед и есть все приготовленное, чему следовали и все прочие бывшие там из мордвы новокрещены, и тем окончилось их мольбище, причем Алексеев уговаривал собираться туда по пятницам и воскресеньям на таковую ж мольбу и велел в грехах своих каяться. Один же из сообщников Козьмы Алексеева, той же деревни Большого Сескина крестьянин Борис Иванов показал, что помянутый Алексеев уговаривал крестьян не пахать земли, а молиться и ожидать [конца] свету, чего он, Иванов, и послушал.

А по слухам, происшедшим от новокрещен из мордвы, как земский исправник мне донес, помянутый крестьянин Козьма Алексеев, между прочим, разглашал что мордва будут свободны, не будут принадлежать помещикам и платить оброку, а будут первыми людьми, а особливо ближние его, Алексеева.

Сие происшествие в нелепых рассказах ложно называющегося пророком крестьянина Козьмы Алексеева, хотя само по себе есть ничтожное и не заслуживающее особенного уважения, но поелику он таковыми его нелепостями, как собственно собою, так через сообщников своих, сделал между крестьянами соблазн, то я в отвращение оного впредь и в страх другим, велел предать его купно с сообщниками, выполнявшими его приказания, суду для поступления с ними по законам, предписав при том земскому исправнику подтвердить строжайше во всех селениях, в коих жительствуют новокрещены из мордвы, чтоб они ни тайно, ни явно не собирались и не отправляли богослужения по древнему их идолопоклонническому мордовскому заблуждению, а исповедывали во всем принятую предками их православную христианскую веру и следовали бы ее установлениям неуклонно; а дабы сие подтверждение имело более действия, и они, новокрещены, были бы наставляемы и утверждаемы в христианской вере кроткими и благоразумными внушениями о ее святости со стороны духовенства, об оном сделал я мое отношение к г. здешнему архиепископу для учинения зависящего от него распоряжения. О чем вашему сиятельству долгом поставляю всепокорнейше донести.

Присовокупляя к тому, что упоминаемого крестьянина Козьму Алексеева расспрашивал я и сам, но из всех его ответов, кроме невежества и крайнего, по безграмотству его, заблуждения нельзя подозревать его в каком-либо вредном умысле, и что он, приняв намерение рассказывать подобным себе нелепости, имея, как кажется, в виду, под предлогом сборов и приношения на мольбу, пользоваться остатками из того самому ему, делая, однакож, чрез сие разврат между крестьянами.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. 43, № 7892/143, л. 29—34.)

1809 г., октября 6 дня. Сообщение нижегородского архиепископа Вениамина нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о сделанных им указаниях священникам по наблюдению за новокрещеной мордвой.

№ 7315. Получено 7 октября 1809 года.

Превосходительный господин, милостивый государь!

Из отношения в. пр-а от 30 числа истекшего сентября, под № 4113-м, ко мне отправленного, по делу нижегородской округи деревни Большого Сескина графини Сент-Приест о крестьянине новокрещене из мордвы Козьме Алексееве, производившем между крестьянами соблазн, и о сообщниках его, выполнявших его приказания, видев распоряжение вашего пр-а о строжайшем подтверждении во всех селениях, в коих жительствуют новокрещены из мордвы, чтоб они ни тайно, ни явно не собирались и не отправляли богослужения по древнему их идолопоклонническому мордовскому заблуждению, а исповедали во всем принятую предками их православную христианскую веру и следовали бы ее установлениям, — приказал я консистории, на тот конец, дабы сие подтверждение в. пр-а имело более действия, — предписать указами села Сарлей и других соседственных с оным новокрещенских приходов священникам, чтоб они сих своих прихожан наставляли и утверждали в христианской вере кроткими и благоразумными им истин ее внушениями, увещевая их при всяком благовременном случае, дабы они не предавались древнему их мордовскому заблуждению. Да и самим благочинным, в ведомстве которых состоят таковые новокрещенские приходы, сделать подтверждение, чтоб и они, при срочных осмотрах тех церквей, как сами преподавали новокрещенам наставления о непоколебимом содержании православной христианской веры и о удалении от всяких заблуждений противных святости ее, так и священнослужителей к тому побуждали, рапортуя, если где откроются подобные ныне происшедшим соблазны и заблуждении, неупустительно и немедленно ко мне. Сверх всего оного, имею я намерение в непродолжительном времени отправиться в те Нижегородского уезда церкви, коих прихожане, из новокрещен состоящие, вовлечены крестьянином Алексеевым в таковые заблуждения, и располагаюсь пробыть в каждом селении по нескольку времени для священнослужения, особенно же для преподания новокрещенам наставлений и увещаний о истинном почитании христианской веры, о хранении преданий ее и об оставлении суеверных своих мольбищ. О чем, отрапортовав известие святейшему Правительствующему Синоду, долгом моим почел уведомить и в. пр-о. Пребываю в прочем с истинным почтением и таковым же усердием В. пр-а, милостивого государя моего, усердный слуга и богомолец А. Вениамин.

№ 211. Октября 6 дня 1809-го года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 35.)

1809 г., октября 12 дня. Рапорт нижегородского земского исправника Сергеева нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о принятых мерах, предупреждающих новокрещенной мордве совершать мольбища по древней их мордовской вере.

№ 7414. Получено 12 октября 1809 года.

Е. пр-у д. с. с. нижегородскому гражданскому губернатору и разных орденов кавалеру Андрею Максимовичу

от нижегородского земского исправника Сергеева

Рапорт.

В. пр-о насланным ко мне ордером предписать мне изволили подтвердить строжайше во всех селениях, в коих жительствуют новокрещены из мордвы, чтоб они ни тайно, ни явно не собирались и не отправляли богослужения по древнему их идолопоклонническому мордовскому заблуждению, а исповедывали во всем принятую предками их православную христианскую веру и следовали бы ее установлениям неуклонно.

Во исполнение какового в. пр-а предписания отправлялся я во все селения, в которых жительствуют новокрещены из мордвы, и подтвердил им подписками, чтоб они ни тайно, ни явно не собирались и не отправляли богослужения по древнему их идолопоклонническому заблуждению, а исповедывали принятую предками их христианскую веру; вотчинных же начальников и сотских тех селений обязал при них, новокрещенах, подписками, чтоб они не допускали их, новокрещен, к собраниям и отправлению моления по их идолопоклонническому заблуждению, в противном же случае, или какие между ними будут нелепые разглашения, немедленно бы доносили мне и земскому суду. О чем в. пр-у имею честь донести.

Земский исправник Павел Сергеев.

Октября 12 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 36.)

1809 г., октября 12. Сообщение нижегородского архиепископа Вениамина нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о выезде его в новокрещенные села Борисово, Курилово, Тепелево и др. и просьба об оказании ему помощи в сборе мордвы этих сел в церковь.

№ 7430. Получено октября 13-го дня 1809 года.

Превосходительный господин, милостивый государь!

По случаю произведенного Нижегородской округи деревни Большого Сескина графини Сент-Приест крестьянином новокрещеном из мордвы Козьмою Алексеевым чрез нелепые его рассказы и чрез сообщников своих, выполнявших его приказания, между

новокрещенами соблазна, 7-го числа октября имел честь известить я в. пр-о о своем намерении отправиться в те Нижегородского уезда церкви, коих прихожане, из новокрещен состоящие, вовлечены тем Алексеевым в заблуждения, для священнослужения, особенно же для преподания новокрещенам наставлений и увещаний о истинном почитании христианской веры, о хранении преданий ее и об оставлении суеверных своих мольбищ.

Поелику же я расположился выехать 15 числа сего октября поутру и быть Нижегородского уезда в селах: Борисове, Курилове, Теплове, Сарлеях, Суроватихе, Теплом и Арманиже, и для сего покорнейше прошу в. пр-о приказать, кому следует, откомандировать в те селения на тот конец, дабы он, по приезде моем в каждом из тех селений, мог обвестить новокрещен и представлять их в церковь на службу и для выслушания от меня наставлений и увещаний, а сверх того доставить ко мне на восемь лошадей подорожную.

В прочем имею честь быть с истинным моим к вам почитанием и таковым же усердием

В. пр-а, милостивого государя, усердный слуга и богомолец А. Вениамин.

№ 213. Октября 12 дня 1809-го года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 37.)

1809, г. октября 14. Предложение нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородскому земскому суду о посылке одного члена земского суда в с.с. Курилово, Борисово, Тепелево и др. для оказания помощи архиепископу Вениамину.

Нижегородскому нижнему земскому суду

Предложение.

Его высокопреосвященство господин архиепископ нижегородский и арзамазский и кавалер Вениамин уведомил меня, что по случаю произведенного Нижегородской округи деревни Большого Сескина крестьянином новокрещеном из мордвы Козьмою Алексеевым через нелепые его рассказы и чрез сообщников своих между новокрещенами соблазна, он, господин архиепископ, располагается отправиться отсель 15-го числа сего октября здешней округи в селы: Курилово, Борисово, Тепелево, Сарлей, Суроватиху, Теплое и Арманижу для священнослужения и преподания новокрещенам наставлений и увещаний о истинном почитании христианской веры, о хранении преданий ее и об оставлении суеверных их мольбищ. Почему требует моего кому следует предписания об откомандировании в означенные села одного из членов земского суда на тот конец, что он, по приезде его, г. архиепископа, в каждом селении, новокрещенами населенном, мог известить

оных и представлять их в церковь на службу для выслушания наставлений и увещаний.

Вследствие чего предлагаю нижнему земскому суду для исполнения, согласно оному требованию г. архиепископа, отрядить в помянутые селения одного из членов земского суда и по исполнении сего мне донести.

Архиепископ уведомлен, с препровождением требуемой им подорожной № 4307.

№ 4305. Октября 14 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского губернатора, д. № 7892/143, л. 38.)

1809 г., октября 23. Рапорт нижегородского земского исправника Сергеева нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о принятых им мерах для удержания мордвы от мольбищ по древним их мордовским обычаям.

№ 7593. Получено 24 октября 1809 года.

Его пр-у господину д. с. с., нижегородскому гражданскому губернатору и разных орденов кавалеру Андрею Максимовичу Руновскому.

Нижегородской округи от земского исправника Сергеева

Рапорт.

В. пр-о. присланным в нижегородской нижней земской суд предложением предписать соизволили об откомандировании члена земского суда с его преосвященством господином архиепископом нижегородским и арзамасским Вениамином, отправляющимся для увещания из мордвы новокрещен Нижегородской округи в селения Терюшевской волости, и по исполнении в. пр-у донести.

Во исполнение в. пр-а повеления и по силе заключенной в нижегородском земском суде резолюции, я отправился в Терюшевскую волость и находился с его преосвященством в селах: Курилове, Тепелеве, Сарлеях, Суроватихе, Теплом, Арманиже и Борисове, в которых по повестке моей собирались из мордвы новокрещены обоего пола, как живущие во оных селах, так и из приходских к ним деревень с каждого двора по два человека, где его преосвященство в церквах, отправляя божию службу, сказывал им поучения и, особенно отбирая некоторое число крестьян новокрещен на свою квартиру, объяснял им закон и таинства веры христианской, увещевал содержать оную свято и неуклонно. А между тем наличные Терюшевской волости помещики, а за отсутствием других вотчинные начальники, для удержания крестьян из мордвы новокрещен, чтоб они не могли тайно в домах и семействах своих отправлять богомоления по древнему их идолопоклонническому мордовскому заблуждению, учинили следующее распоряжение: в каждом селении с десяти или пятнадцати дворам, где как способнее определили одного крестьянина из мордвы благонадежного, а притом или самого или имеющего детей годных в рекруты, которым строжайше подтвердили иметь наиприлежнейшее смотрение за крестьянами из мордвы обоего пола, живущих в тех домах, к коим они определены, чтоб они не исправляли молитв в домах своих по древним их мордовским обрядам, а молились по-христиански, и буде кто в молении по древнему мордовскому заблуждению замечен будет, о таковых немедленно доносили самим помещикам и вотчинным начальникам, за несмотрение ж и допущение новокрещен до моления по мордовскому заблуждению и недонесение о сем помещикам и вотчинным начальникам, представленные смотрители подвергают себя взысканию и, по рассмотрении годные сами, а прочих дети отданы будут в рекруты. О чем в. пр-у покорнейше рапортую.

Земский исправник Павел Сергеев.

Октября 23 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 39—40.)

1809 г., октября 27. Донесение нижегородского гражданского губернатора Руновского министру внутренних дел о принятых мерах нижегородским архиепископом по отношению новокрещен из мордвы.

М. В. Д. 2 экспедиция, 2 отделение, 2 стол. Представление о действиях духовного начальства наставлением новокрещен из мордвы в христианской вере.

От нижегородского гражданского губернатора.

27 октября 1809 г. № 4473.

Господину министру внутренних дел.

Вашему сиятельству в представлении моем от 30-го минувшего сентября под № 4101, между прочим, я имел честь доносить о сделанном от меня отношении к г. нижегородскому архиепископу Вениамину, чтоб последовавшие заблуждению деревни Большого Сескина крестьянина Козьмы Алексеева новокрещены из мордвы со стороны духовенства наставляемы и утверждаемы были в христианской вере. Вследствие чего г. архиепископ, сделав о сем достаточные предписания священно- и церковно-служителям и благочинным священникам, в ведомстве которых новокрещенские приходы состоят, после того отправлялся и сам в приходские их села и в каждом из них по нарочном собрании новокрещен в церкви, отправляя священнослужение, преподавал им наставления и увещевал о истинном почитании христианской веры, хранении преданий ее и об оставлении суеверных своих мольбищ, и сверх того, призывая к себе в квартиры некоторых из них, вну-

шал их о святости исповедания христианской религии, и чтоб они пребывали в оной неуклонно. При таковых увещаниях наличные мордовских селений помещики, а за отсутствующих вотчинные начальники для удержания их, новокрещен, от тайных в домах молений, по древнему их идолопоклонническому заблуждению производившихся, в каждом селении к десяти или пятнадцати дворам, где как удобнее, определили по одному благонадежному из мордвы крестьянину, с строжайшим подтверждением: иметь прилежнейшее за тем смотрение под непосредственным наблюдением за сими сельскими надзирателями земской полиции.

О чем вашему сиятельству в дополнение сделанного мною по сему предмету представления долгом поставляю всепокорнейше донести.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 41—42.)

1809 г., октября 30. Сообщение нижегородского архиепископа Вениамина нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о результатах своей поездки в мордовские села и о принятых мерах против совершения мордвой мольбищ по древней их вере.

№ 7773. Получено 30 октября 1809 г.

Превосходительный господин, милостивый государь!

Для преподания наставлений и увещаний Нижегородского уезда из мордвы новокрещенам, вовлеченным в соблазн известным в. пр-у деревни Большого Сескина крестьянином Алексеевым и его сообщниками, я отправлялся в самые те селения, в приходах коих состоят они, новокрещены, и пробыл в оных с пятнадцатого по двадцатое число сего месяца. В селе Сарлеях, близ коего происходило суеверное новокрещен мольбище, служил на воскресный день всенощное бдение, а потом и литургию совершал. В прочих же соседственных селах, а всего в семи, из приходов которых по некоему количеству обоего пола новокрещены выходили по повестке соблазнителя Алексеева на поименутое мольбище, исправлял то по утрам, то по вечерам в церквах их некоторые службы, и при том преподавал везде пристойные настоящему тех новокрещен состоянию поучения. Являвшимся же ко мне в квартиры обоего пола новокрещенам, а наипаче бывшим и действовавшим на мольбище, старался я объяснить заблуждение их, в которое они вовлечены через обман и нелепые учения соблазнителя Алексеева, внушал истину и благочестие христианские веры и, наконец, делал должные наставления. Успехи в обращении их на путь истинного благочестия я тут же мог видеть, поелику из них те, которые были по простоте и легковерию своему на мольбище, с истинным раскаянием сознались, что вовлечены они в сие заблуждение единым обольщением крестьянина Алексеева, и что ныне, понимая явственно святость и истину христианские веры, никогда впредь таким образом своих древних заблуждений исполнять не будут, а потому ни помянутого Алексеева, ни других таковых же обольстителей ни в чем слушать не станут. Те же из новокрещен, которые не были на означенном мольбище и приходить на оное не соглашались, всенародно изъяснялись, что они с отвращением внушались словам обольстителя Алексеева, да и по свидетельству приходских священников и прочих соприхожан своих оказались хорошо исполняющими христианскую должность. Равным образом, и те самые, которые были на мольбище, не оставляли и ныне не оставляют христианских обязанностей, как свидетельствуют оные же священники и прочие, то есть приходят они часто в церкви, приносят своих младенцев к приобщению святых тайн; когда ж сами бывают больны, тогда призывают священников для исповеди и причастия, и прочие, наипаче явные, христианские таинства и обряды соблюдают. Некоторые же из бывших на мольбище новокрещен ни мало в оном не участвовали, а только ходили для посмотрения. В доказательство, что не все новокрещены согласны были на таковое мольбище, из одной немалой деревни приходили только две женщины, но и те распутного состояния, а прочие все из той деревни хотя и званы были, но зову сего не послушали. В пресечение же таковых заблуждений, впредь быть могущих сверх тех мер, каковые изволили, в. пр-о, с своей стороны предпринять и какие от меня прежде сего учинены, ныне те самые помещики, которым принадлежат новокрещенные из мордвы и которым вверены во управление селения их, ко всяким десяти и пятнадцати сих новокрещен дворам учредили смотрителей, приказав им наблюдать, дабы живущие в оных препорученных им дворах новокрещены не исправляли никакого моления по мордовским обрядам, а молились бы по-христиански. Кто же в молении по-мордовски замечен будет, о таковых немедленно доносили б вотчинным начальникам и им, помещикам, а в случае недонесения ответствовали бы сами те представленные к сему смотрители. Почему и я приказал священникам, чтоб и они, ежели что усмотрят противное христианской вере между новокрещенами, объявили тогда же тем смотрителям или вотчинным начальникам для удержания их от сего. А в случае какового либо их упорства доносили чрез благочинных и мне. Сверх сего, оные же помещики согласились из всякой деревни человека по четыре новокрещенских детей обучать российской грамоте, дабы они, научившись читать, могли прочитывать церковные книги как для своего познания, так и для вразумления прочих новокрещен. Сие учинить пример подали те же новокрещенные из мордвы, которые, научившись читать, берут книги из церкви и тем как себя самих, так и других пользуют, сколько можно, сему их научению. А понеже некоторые новокрещен деревни в немалом отдалении от церквей своих находятся и потому редко приходят они в церкви на службы, на такое неудобство некоторых тех приходов священники подали мне свое мнение, чтоб в тех деревнях в каждый месяц, хотя раза по два, в одном их удобном доме

службу некую исправлять такую, какую те новокрещены понимать могут, и по окончании оной внушать им некие христианские научения, наипаче такие, в которых они недоумевают. Созывать же на такую службу из них тех только, которые сами быть на оной пожелают, а нежелающих не сначала, но по времени тихими наставлениями привлекать. Я, таковое тех священников мнение почитая для новокрещен полезным, намерен в непродолжительном времени через нарочного во всех тех селах привесть в действие. Донеся о всем выше изъясненном святейшему Правительствующему Синоду, я долгом моим почел известить об оном и в. пр-о, прося при том вас, милостивый государь, сделать, кому следует, предписание ваше о доставлении в нижегородскую консисторию в свое время уведомления о решении, какое последует по производящемуся в светском правительстве делу о соблазнителе крестьянине Алексееве и о его сообщниках. В прочем с истинным моим почитанием и таковым же усердием имею пребыть

В. пр-а, милостивого государя моего, усердный слуга и богомолец А. Вениамин.

№ 229. Октября 30 дня 1809-го года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 43—44.)

1809 г., ноября 9. Предложение нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородской палате уголовного суда о том, чтобы решение суда о Козьме Алексееве сообщить нижегородскому архиепископу Вениамину.

От д. с. с., нижегородского гражданского губернатора и кавалера нижегородской палате уголовного суда

Предложение.

Господин здешний архиепископ и кавалер Вениамин требует моего кому следует предписания о доставлении в духовную консисторию уведомления о решении, какое сделано будет по производящемуся в здешнем уездном суде делу о помещичьем деревни Большого Сескина крестьянине Козьме Алексееве и его сообщниках, преданных суду для поступления с ними по законам за отправление мольбищ по древнему мордовскому идолопоклонническому заблуждению и за вовлечение в таковое заблуждение прочих новокрещенных из мордвы крестьян. А как оное дело по получении в уездном суде решительного окончания поступит в палату уголовного суда для надлежащего обревизования, то предлагаю сей палате, по учинении решения своего, удовлетворить изъясненное требование г. архиепископа.

Г. архиепископ уведомлен № 237.

№ 236. Ноября 9 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 45.)

1809 г., октября 25. Извещение министра внутренних дел князя Куракина нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому об одобрении императором принятых мер по отношению К. Алексеева.

№ 280. М. В. Д. 2 экспедиция. 2 отделение. 2 стол. О лжепророке крестьянине Алексееве

25 октября 1809-го года. № 1810-й.

Получено 8 ноября 1809-го года. Копия.

Господину д. с. с. нижегородскому гражданскому губернатору Андрею Максимовичу Руновскому.

Честь имею известить в. пр-о, что я докладывал государю-императору по представлению вашему, в рассуждении появившегося во вверенной вам губернии лжепророка крестьянина Алексеева, и е. и. в. удостоил высочайшего одобрения меры, вами, милостивый государь мой, в рассуждении заблуждающихся новокрещен принятые.

На подлинном подписал министр внутренних дел князь Алексей Куракин.

С подлинным сверял титулярный советник Алексеев.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 52.)

1809 г., ноября 16. Рапорт нижегородского уездного суда председателю нижегородской палаты гражданского суда о решении уездного суда по делу К. Алексеева.

№ 8243. Получено 16 ноября.

Его высокородию, отправляющему должность гражданского губернатора, палаты гражданского суда председателю, господину статскому советнику и кавалеру Михайле Егоровичу.

Из нижегородского уездного суда

Рапорт.

Производимое в сем суде по предложению его пр-а господина д. с. с. и кавалера нижегородского гражданского губернатора Андрея Максимовича Руновского о ложном пророке здешней округи деревни Большого Сескина вотчины госпожи графини Софии Алексеевны Сент-Приест — из мордвы крестьянине Козьме Алексееве и о его сообщниках, из мордвы же, семи человеках, дело двенадцатого числа сего месяца решено, которое с экстрактом и мнением для ревизии, равно и подсудимые, сего числа отосланы в палату уголовного суда при доношении. О чем вследствие предложения его пр-а господина гражданского губернатора и кавалера вашему высокородию уездной суд сим и доносит.

Заседатель Григорий Галузин.
Секретарь Николай Княгининов.
Коллежский регистратор Иосиф Чаплин.

№ 574-й. Ноября 16 дня 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 54.)

1809 г., ноября 23. Распоряжение министра внутренних дел нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о присылке министру внутренних дел решения суда по делу К. Алексеева.

№ 310. М. В. Д. 2 экспедиция. 2 отделение. I стол. Ответна № 4473 о лжепророке Алексееве.

23 ноября 1809 г. № 2079.

Копия.

Получено 4 декабря 1809 г.

Господину д. с. с. нижегородскому гражданскому губернатору Андрею Максимовичу Руновскому.

Вследствие представления в. пр-а от 24 прошлого октября о дальнейших распоряжениях со стороны гражданского и духовного начальств к удержанию новокрещен из мордвы от заблуждений, коими обольщал их по корыстолюбивым видам крестьянин Алексеев, честь имею, по препоручению г. министра внутренних дел, сообщить вам, милостивый государь мой, дабы в. пр-о представили его сиятельству в свое время, какое по суду постановлено будет решение об означенном крестьянине Алексееве и его сообщниках. На подлинном подписал товарищ министра внутренних дел

Осип Козодавлев.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 55.)

1809 г., декабря 6. Предложение нижегородского гражданского губернатора палате уголовного суда об ускорении решения по делу К. Алексеева и присылке ему копии судебного приговора.

Нижегородской палате уголовного суда

Предложение.

Его сиятельство господин министр внутренних дел князь Алексей Борисович Куракин вследствие представления моего о дальнейших распоряжениях со стороны гражданского и духовного начальств к удержанию новокрещен из мордвы от заблуждений, коим обольщал их по корыстолюбивым видам крестьянин Алексеев, предписывает мне представить к нему, г. министру, в свое время, какое по суду постановлено будет решение об означенном крестьянине Алексееве и его сообщниках. Почему предлагаю палате уголовного суда о скорейшем решении сего дела и о доставлении оного ко мне копию.

№ 4790.

6 декабря 1809 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 56.)

1810 г., января 11. Определение нижегородской палаты уголовного суда по делу К. Алексеева.

№ 3662. Копия.

По указу е. и. в., в нижегородской палате уголовного суда рассматривая дело, присланное из нижегородского уездного суда, о подсудимых той округи крестьянах вотчины графини Сент-Приест, деревни Большого Сескина, лжепророке Козьме Алексееве и сообщниках его Никите Иванове, Михайле Фролове, Петре Максимове, Николае Алексееве, Борисе Иванове, Якиме Иванове и вотчины графини Толстой деревни Кужуток Филиппе Савельеве, — обстоятельства ж оного дела суть следующие:

1-е. Минувшего сентября 16 числа 1809 года присланным к господину начальнику здешней губернии и кавалеру его сиятельству господин действительный статский советник князь Трубецкой отношением извещал, что из находящихся здешней округи в Терюшевской волости из мордвы новокрещен разных деревень крестьян некоторые новокрещенные, придерживаясь прежде тайно первобытных их обрядов, ныне вотчины госпожи графини Сент-Приест деревни Сескина подсудимый по сему делу крестьянин Козьма Алексеев, оставя хлебопашество, обольщает окрестных селений крестьян, представляя себя явно за пророка и рассылая подобных себе в окрестные селения, сзывает, ходя по дворам, для мольбы по прежнему обряду, и что по таковым его позывам сентября 12-го в воскресенье собрал в деревне Сескино обоего пола крестьян не менее четырех тысяч душ. А вслед за тем, от 20 сентября его преосвященство здешний архиепископ и кавалер донесения ему села Сарлей священника Ивана Дмитриева известил его пр-о, что тот Алексеев рассевает для собратии своей соблазнительные слова, что вскоре прежняя их мордовская вера возвысится, а христианская упадет, почему они, многочисленно к нему сбираясь, составляют на полях по прежним своим мордовским обыкновениям мольбища, кои прежде делали они тайно, и, наконец, того сентября 11-го в субботу к вечеру видимо было, что толпы новокрещен шли и ехали к нему, Алексееву, а в воскресенье, по утру собралось их близ рощи, состоящей неподалеку деревни Сескина, где он, Алексеев, живет, народу бесчисленное множество, и во многих местах видны были дымящиеся огни, на коих они, повидимому, сожигали части животных. Едущие же туда новокрещены многим попадающимся навстречу безбоязненно говорили, что они едут на мольбище к пророку, а возвращаясь оттуда, рассказывали, что ему, пророку, является дух Мельцезе, да еще слышно, что оный лжепророк говорит, что слово «Христос» есть чин; Христос, будучи стар, чин сей с себя сложил и что его уже больше нет, не будет и христианской веры, и что чин сей препоручен другому, который придет от запада, почему и должно молиться на запад; также говорил, что скоро будет страш-

ный суд, и на том самом месте, где у них происходило мольбище, чему некоторые из новокрещен веря раздают имения, а другие и парового хлеба не сеяли ни зерна.

2-е. По таковым извещениям господин начальник здешней губернии, предписав здешнему г. исправнику секретным образом отыскав реченного лжепророка Алексеева и его сообщников, расспросить о нелепых их предсказаниях, в чем точно они заключаются, и получил от него, исправника, в трех рапортах донесения, что он, Алексеев, подлинно, выдавая себя за пророка, рассевал в своем селении между таковыми же из мордвы крестьянами слухи, что он — пророк и что скоро будет преставление света, назначая к тому пятничные дни. А в сентябре месяце по позыву через сообщников своих, собрав из разных селений 12-го числа сентября в воскресенье из мордвы крестьян мужеска и женска полу до четырех тысяч, отправляли по старому их мордовскому обряду волостную мольбу в состоящей при деревне Сескине небольшой роще, наделав для питья меду, наваря гусей и принеся всяких съестных припасов, где [по] происшедшим от мордвы и обносящимся в народе [известиям], узнал он, исправник, что он, Алексеев, склонял мордву приходить к нему для таковой мольбы по воскресеньям и пятницам. По слухам же их будет знамение, — покажется столб огненный от земли до небес, что дом Давидов сойдет с небес на ключ Рахлейку, находящийся близь деревни Сескина. Давид будет их судить и он, Алексеев, с ним; после ударит двенадцать громов в один раз, и будет кончина века; но таковым предсказаниям времени не назначил, а иногда сказывал, что после такого явления весь свет примет закон, служение и одежду мордовскую и во всем будет следовать мордовским обрядам, что они, мордва, будут свободны и не будут принадлежать помещикам и платить оброку, а будут первыми людьми, а особливо те, кои его, Алексеева, ближние; что он будет набольший над ними, что с ним разговаривают и сказывают о сем ангелы, и что пророчить его послали богородица и Николай чудотворец. Молиться учил против мордовского обычая не на восток, а на запад, сказывая, что от запада будет им спасение.

Ковши, употребляемые при мольбищах и при братчинах, которые будто бы при крещении их от них отобраны, хранятся в Нижнем под собором, и что они им будут возвращены. В доказательство, что все сие вскоре случится, сам земли не засевал, да и засеянную свою пшеницу велел скотиною стравить, и других полей засевать отговаривал, в чем некоторые его и послушались.

Главная же его цель, по замечанию его, исправника, должна быть та, чтобы обманывать мордву по их простоте, собирать с них деньги, которых, как слух носится, при мольбе 12-го числа сентября собрано довольное количество, и что он, Алексеев, тому, кто ему принесет больше денег, обещал прощение грехов на суде и первенство между мордвою; а, чтобы показать себя пророком, посланным к мордве, начал их древние обряды при мольбищах

поклонением на запад, отправлением мольбы, когда приносились в жертву гуси и мед, к ночи, а по их древним обрядам отправлялись оные днем, а к ночи делали они мольбу, называемую «братчина», принося в жертву быка и пиво. При таковых мольбищах употреблялись у них начальники, называемые «пазятя», а при них помощники — «пуряндяйтя». Но он сие отменил, сделав себя начальником и пророком, а сообщников своих также особыми именами не называл. А притом, желая, он, исправник, узнать на самом деле, в чем их состоит мольбище, приехав в деревню Большое Сескино 19-го числа в воскресенье, нашел позади двора реченного крестьянина Алексеева собранных как оной деревни, так и соседственных деревень Малого Сескина и Татарской крестьян из мордвы до двухсот человек и большей частью женского пола, которые по старинному мордовскому обряду молились, а перед ними накладено было на земле разного съестного припаса, и на особо расчищенном месте стояли две кадки с рассыченным медом, к коим прилеплены были и горели по одной восковой свече, а подле кадок в особой чашке поставлены вареные гуси, так же подле кадок с медом стоял образ Николая чудотворца, а позади сего места стояла третья кадка с медом же для женщин. Подле двух первых кадок стоял большой деревянный ковш, а в него положены были малые ковши. По окончании моления мед стали бы пить, а съестное употреблять в пищу. На расспрашивание ж его, исправника, подошедшие к нему деревни Большого Сескина из мордвы крестьяне Никита Иванов, Михаил Фролов, Петр Максимов и Николай Алексеев говорили ему, что они от закона христианского не отрицаются, в церковь ходят и все христианские обряды исправляют, но, быв обучены от своих отцов, и древних мордовских обрядов не оставляют же и всегда им с малолетства следуют. По приказанию же его, исправника, забрав мед и съестное, все разошлись с обещанием более для мольбы по обрядам мордовским не собираться.

3-е. Вышеозначенный лжепророк Алексеев с товарищи на допросе его исправником против всех описанных им по разведыванию его открывшихся происшествий и обстоятельств на спрашивание как ему, исправнику, так и в уездном суде, утверждая свои нелепые и ни с чем совсем несообразные предсказания, показал Алексеев, что он так, как христианин, исповедывается и причащается и все обряды по закону христианскому исправляет, притом же во всем следует и древней их мордовской вере и службе, каковой обряд, находясь для жжения уголья, и в лесу исправлял, молясь богу и подавая тихую милостыню; в таковом положении будучи прошлого 1808-го года перед вешнею Николою, по приходе его в дом, как стал перед спаньем молиться богу, слышал он, что ему гласит: чтоб он молился по-мордовски богу и подавал милостыню, приходят последние века, и на ключ Рахлейку божьим судом сойдет дом Давидов с золотым столбом и Давид будет судить по своей старой вере, и все веры преклонит под свою веру;

а вера оная будет мордовская, и ковши их мордовские, которые хранятся здесь в Нижнем, только и ждут Давидовых законов. Все люди будут мордовской веры и ходить в мордовском платье, и тогда будет праведный суд: ударит двенадцать громов в один раз и будет кончина века, а после того солнце будет ходить на правую руку; восходить будет там, где оно ныне заходит, для того поклонялись бы они на запад. И как таковое глашение было ему в разные времена, то гласящие назывались иногда пречистою владычицею, иногда Николаем святителем, иногда Михайлом архангелом, а иногда Мельцезе громовым сыном, по приказанию коих о мольбе по-мордовски на ключе Рахлейке объявлял из мордвы крестьянам прежде по одиночке, а сентября месяца после Семенова дни послал крестьянина Никиту Иванова и племянника своего Бориса Иванова обвестить всех Терюшевской волости из мордвы крестьян, чтоб они сходились в воскресенье, 12-го числа сентября, под деревню их Сескино на ключ Рахлейку, где сойдет дом Давидов, на волостную мольбу по старинному их мордовскому обряду с гусями и медом, где он объявит, что ему гласили о мордве пречистая владычица, Николай святитель, Михаил архангел и Мельцезе. А по тому его через сообщников приглашению собралось туда из разных селений обоего пола мордвы множество, и он, Алексеев, приказал Никите Иванову, Михайле Фролову, Петру Максимову и Николаю Алексееву развести мед водой в трех кадках, наварить гусей и наделать из воску свеч. Мед и воск куплены им на собранные с мордвы, кто сколько мог дать, деньги, сделал мольбу на ключе Рахлейке по старинному их мордовскому обряду, и мордве все, что ему было глашено, объявил, и велел им на оное место для мольбы собираться по пятничным и воскресным дням. Землю не пахал также по глашению: земли не пахать, а молиться богу; но сего никому из мордвы, чтоб они земель своих не пахали, не говорил, пророком себя не называл, а прозвали его таким образом товарищи его, о Христе ничего не говорил и другого ничего не делал. Что все им, Алексеевым, утверждено и при священническом его увещании без всякого отменения.

А, сверх сего, и в уездном суде он, таковое его показание утверждая, дополнил, что из показываемых им святых особ никого не видал, а слышал один только глас, и таковые глашения делаемы были ему в разные времена, — инода днем, иногда ночью при его всем семействе, но из них никто гласа не слыхали. И, наконец, во время моления его услышал он глас, именующий себя Михаилом архангелом, с повелением молиться богу, собравшись сделать мольбу волостную и поднять закон, бывший до рождества христова, закон Авраамов и Давидов, объявляя, что сей закон был их, мордовский, почему он собрания и мольбу делал. Хлеба не сеял по приказанию божьему, но других не уговаривал и им не приказывал, а иные, смотря на него, сами не засевали; что мордва будут первые люди, он будет их начальником, не будут они более

подлежать помещикам и платить им оброку, не разглашал; также, что слово «Христос» есть чин, что Христос, будучи стар, чин сей с себя сложил и что его больше нет, не будет и веры христианской, и что чин сей препоручен другому, который придет от запада, и протчего, что в рапорте земского исправника со слухов, в народе относящихся, написано, он, Алексеев, не говаривал и денег ни с кого ни за что, кроме добровольного приноса, не требовал. Подобно чему и сообщники его, Алексеева, крестьяне Никита Иванов, Михаил Фролов, Петр Максимов, Николай Алексеев, Борис Иванов, Яким Иванов и Филипп Савельев, таковыми же допросами, не делая отрекательства (как-то: во-первых, от последования всегдашнего и потаенного, по преданию отцов своих, всем древним мордовским обрядом и служению, а потому и нелепому лжетолкованию его, Алексеева), — сами добровольно признались, показывая Никита Иванов и Борис Иванов, что они, по посылке Алексеева, в разные селения для повещения мордве о приходе в состоящую при деревне Сескине рощу 12 числа сентября для моления по старинному их мордовскому обряду ходили и ту повестку из мордвы новокрещенам делали, при молитве были, и по устроении всего принадлежащего к мольбе крестьянином Алексеевым из них выбраны были Никита Иванов первым помощником, а вторым Михайла Фролов, потом Петр Максимов и Николай Алексеев, которые сытили мед, варили гусей, расчищали для моления в роще место, клали с трех сторон шесты; место сие называется по их мордовским обрядам «кише»; поставили на оном две кадки с медом, прилепя к ним сделанные ими восковые свечи, вареных же гусей в чащах поставили подле кадок с медом, по другую сторону хлеб и на нем солоницу с солью, третью кадку с медом поставили особо для женщин; потом молились по старым их мордовским обрядам дотоле, [доколе] сгорели свечи, потом выбранный крестьянин, то есть он, Алексеев, как сам в уездном суде допросом объявил, собрал в ковше от поставленного подле меда хлеба часть, несколько соли и часть гуся, налив тут же несколько меду, держал оный ковш. А все бывшие на молении стали на колени с прошением о принятии их сей жертвы, и потом, что было в ковше, положил на особо разведенный к тому огонь, и, когда оно горело, они все, стоя на коленях, молились, и после сего тот же Алексеев, как начальник мольбы, начинал пить мед, почерпнув из кадки ковш, помоляся выпил, за ним они также, а потом все бывшие крестьяне, и ели наваренные гуси, разделя всем по частям, и прочие принесенные съестные припасы, дополняя к тому из них Борис Иванов, Яким Иванов и Филипп Туманов, что Козьма Алексеев пророком себя называл.

Уездный суд мнением полагает: означенного лжепророка Козьму Алексеева за ложные предсказания, учиненные в противность Уложения 22-й главы 24-го пункта воинского 133 артикула и указов 722-го, апреля 29-го и 763-го годов июня 4-го чисел, яко возмутителя, на основании высочайшего о благочинии 782 года

запретя 8-го дня устава 254-й статьи, воинских 134-го и 202-го артикулов и Уложения 22-й главы 24 пункта соразмерно его вине, на месте содеянного им преступления в деревне Большом Сескине, при собрании подобных ему из мордвы новокрещен, в мольбе с ним участвовавших, огласив публично ложным пророком и предзнаменователем, — наказать кнутом с вырезанием ноздрей и постановлением на лбу и на щеках указных литерных знаков, и потом сослать в работу в Иркутскую губернию. Прочих же его товарищей деревни Большого Сескина крестьян Никиту и Бориса Ивановых, которые, веря слепо его ложным предсказаниям, ездили по разным селениям для созывания мордвы на мольбу, а равно и прочих участвовавших ему вспомоществованием в мольбе, 12-го числа сентября крестьян, как-то: Михаила Фролова, Петра Максимова, Николая Алексеева, Якима Иванова и деревни Кужуток Филиппа Савельева, соразмерно их вине, по силе воинского 129-го артикула наказать в их селениях публично плетьми, и первых двух, — Бориса и Никиту Ивановых, — яко больших участников ему, Алексееву, — по наказанию, буде годны окажутся — отдать в воинскую службу, в случае ж неспособности — сослать на поселение в Иркутскую губернию; прочих же оставить попрежнему в вотчине, запретя им и всей Терюшевской волости из мордвы новокрещенам накрепко, дабы они впредь никаких сходбищ их по их мордовским обрядам не делали под опасением такового же строгого, как и Козьмы Алексеева, осуждения. Что же принадлежит деревни Большого Сескина до крестьянина Петра Семенова, бывшего за отсутствием управляющего вотчиною Ивана Козлова, бурмистром и вотчинным правителем, и сотского деревни Березников русского крестьянина Екима Иванова, которые, ведая о лжепредсказаниях его, Алексеева, допустили 12-го числа сентября собраться множеству народа на мордовскую мольбу,— то как из них никто по сему делу спрашиван еще не был, без чего к суждению приступить не можно, то земскому суду предписав указом велеть, произведя об них особое следствие, представить в тот суд. Означенный лжепророк Козьма Алексеев и его сообщники, произведенные им, исправником Сергеевым, и в уездном суде допросы при чтении их им в сей палате утвердили в самой точности, дополня к тому из них Филипп Савельев, что все слова Козьмы Алексеева, которые он в виде пророчества народу предсказывал, хотя и почитал прежде за истинные, но, как все предсказания его доныне не исполнились, —то ныне в истину предсказаний его уже и не верит. Но за всем тем всех обрядов, которые предки его по-мордовски отправляли, оставить не может, потому что, если другие крестьяне оные исправлять станут, то и ему нельзя им не последовать;чему согласно показали Николай Алексеев с приполнением, что от самого Алексеева оных слов не слыхал, а слышал от народа. Борис Иванов, Михайла Фролов, Петр Максимов, Еким Иванов, что все слова Алексеева, каковые он в виде пророчества предсказывал, справедливы ли были и точно ли ему

таковые гласы были, им неизвестно. А в прием Борис Иванов показал то же, что и первые двое, а Фролов и Максимов, что Алексеев человек был воздержной и предлагал народу не что иное, как только молиться богу по мордовскому обряду, то они считают таковое его предложение правильным и впредь от таких обрядов отстать не могут. Еким Иванов, — что всех обрядов, которые предки его по-мордовски отправляли — оставить не можно, с одной стороны, потому, что и другие крестьяне, может быть, оное исправлять станут, а с другой — и потому, что если ему одному уничтожить оное, то как бы от бога не понесть наказания. Никита Иванов все слова Алексеева, которые он в виде пророчества народу предсказывал, почитает он и ныне за истинные, и ему, Алексееву, таковые гласы, каковые он объявляет, быть могли, потому что он, Алексеев, человек воздержной и обращается всегда в богомольстве по мордовскому обряду, — следовательно, и достоин мог быть такого откровения, каковое он изъясняет, и он, Иванов, от мордовских обрядов отстать не может. А как о прочих говоренных подсудимым Алексеевым словах, в коих он не признается, обнаружено было села Сарлей от священника Ивана Дмитриева и земского исправника Сергеева, но при ком он сии слова произносил, в донесениях их не значилось, а только объяснено, что известно со слуху народного, почему от обоих их, священника и исправника, требовано было точного удостоверения, от кого именно они слышали о тех говоренных Козьмою Алексеевым словах, вследствие чего священник Дмитриев отобранным духовною консисторией показанием объяснил, что он о говоренных Алексеевым словах слышал от разных окрестных мордовских селений новокрещенных, возвращавшихся с того места, где Алексеев с товарищи производил мольбище, но доказать о тех именно, кто говорил, не может, потому что он и упоминаемых новокрещен, которые ему, Дмитриеву, о произносимых Алексеевым словах пересказывали, не знает; да они, ежели бы их хотя и знал, ссылки его, опасаясь имеющих быть им проволочек, не утвердят.

А исправник Сергеев рапортом донес, что от кого именно о прежде предсказыванных ему словах, говоренных лжепророком Алексеевым, слышал, не упомнит, ныне же, будучи в той Терюшевской волости, собрав разных вотчин и селений вотчинных начальников и крестьян, большею частью тех, от коих он при первоначальном следствии, описанные им в рапорте начальнику губернии сведения получил, отобрал от них письменные сведения, которыми они показали, а именно: разных вотчин и селений, как-то сел: Березовки, Романихи, Курилова, Богоявления, сельца Лапшихи, деревень Скухи, Касанихи, Юловки, Татарской, Кожлейки и Мигалихи, вотчинные начальники со крестьяны, — что по слухам, обносящимся в народе, о лжепророке Алексееве известно, что он пророчил, будто на ключе Рахлейке близь деревни Сескина при мольбе будет знамение, сойдет дом Давидов и будет столп огненный от земли до небес; Давид будет судить, и что ударит 12 громов

в один раз и будет конец света, что весь свет примет мордовский закон, и будут все ходить в мордовском платье, мордва будут первые люди, не будут принадлежать господам и платить оброку, потому что и господа их все оденутся в мордовское платье и будут такие же мордва; земли пахать и других работ производить не велел, предсказывая в скором времени кончину света; при мольбах собирал деньги, мед, гусей и прочее съестное, кто что принесет, но сколько собрано им было денег и по скольку оных клали, они не знают, сами они от Алексеева пророчества его не слыхали, а известны только по народной молве, относящейся как тогда, как были их мольбы, так и ныне. А сверх того, вотчины князя Егора Александровича Грузинского сельца Лапшихи бурмистр Яким Иванов показал, что при взятии того лжепророка для отсылки его к оному князю в сентябре месяце находился он, Иванов, и когда вывел его из избы, чтобы отвести до времени отъезда в Лысково в дом бурмистра деревни Сескина крестьянина Петра Семенова, он, Алексеев, собравшейся к дому его мордве говорил, что: хотя его и берут от них, но его дело до них не касается, и чтобы они свою мольбу и без него исправляли, от роду же оным подсудимым: Козьме Алексееву — 45, Никите Иванову — 45, Михайлу Фролову — 45, Петру Максимову — 43, Николаю Алексееву —26, Борису Иванову — 27, Екиму Иванову — 30, Филиппу Савельеву — 30-ть лет, и по выслушании всего оного определено:

1-е. Как из дела сего усматривается, что жительствующий в Терюшевской волости между новокрещенными из мордвы крестьянами деревни Сескина крестьянин Козьма Алексеев, держась, в противность христианской религии, древних мордовских обычаев, как и прочие той волости крестьяне, возмнил к усугублению и дальнейшему утверждению такого разврата открыть все те обряды под видом богомолия явным образом при собрании многого стечения народа, которое и отправляли они в назначенный от него день в присутствии его, на каковое богупротивное сборище хотя и собственная была воля всех тех собравшихся людей, но, при всем том, основанием оному был один он, Алексеев, потому что он во всей той волости предсказывал разные будто бы ему бывшие от святых лиц откровения, клонящиеся на один предмет уверения о необходимости наблюдения тех мордовских обрядов, каковым предсказываниям все те крестьяне слепо веря, и считали его за такового пророка, который по воздержной жизни его достоин мог быть таковых откровений. Напротив же того, при соображении всего показываемого им откровения, ничто иное заключается, как совершенная нелепость и не могущая быть в том событии, как он рассказывает, а посему из всего того удостоверительно можно заключить, что он все таковые нелепые откровения рассказывал крестьянам от выдумки своей. Но причины, побудившие его ко всему оному, могли быть различные: быть могло, что и со злостным намерением, дабы, обольстя народ, ко-

рыствоваться их собственностью, или по единому его безрассудному приверженію к тем обрядам, хотел из мнимой набожности утвердить их своими увереніями к поддержанію и распространенію древнего мордовского обычая. Но за всем тем, если оное и из одной безрассудной приверженности его к мордовским обрядам произошло, то все ему не извинительно, поелику тем поселил он в крестьянах большой разврат и ослабление в христианской религии. Почему его, Алексеева, за таковое выдуманное самим им нелепое разглашение, совокупно же с тем и за отправление со множеством народа противного христианской религии мнимого по мордовскому обычаю богомолья, на основании Устава о благочинии 254-го и воинского артикула 202-го пунктов, соразмерно поступкам его наказать в деревне Большом Сескине при собрании подобных ему из мордвы новокрещен, в мольбе с ним участвующих, плетьми, дав восемдесять ударов и потом, к пресечению на будущее время могущего быть от него тем крестьянам разврата, сослать на поселение в Иркутскую губернию. Что же принадлежит до других обнаруживаемых на него, Алексеева, изречений, клонящихся совершенно к богохулению, как-то: что слово «Христос» есть чин; Христос, будучи стар, чин сей с себя сложил, и что его уже больше нет, не будет и христианской веры, и что чин сей препоручен другому и прочее, то, как все таковые слова обнаружены были села Сарлей священником Иваном Дмитриевым и земским исправником Сергеевым с одних относящихся в народе слухов, а кто б лично от него, Алексеева, оные слова слышал, даже и по произведенному палатою дополнительному следствию не открылось. Сам же он, Алексеев, в говорении оных богохульных слов не признался, почему его, Алексеева, на основании воинского процесса 2-й части 3-й главы 2-го пункта 17 отделения по одним только оным в народе разглашениям, яко совершенно не доказанного, оставить в одном подозрении.

2-е. Из сообщников его крестьяне деревни Большого Сескина, Никита и Борис Ивановы, веря слепо его, Алексеева, ложным предсказаниям, по его им приказанию, ездя по разным селениям и разглашая оные, созывали крестьян на волостную мольбу; а, сверх того, из них Борис Иванов, по таковому суеверию его, и ржаного хлеба не сеял, а также и Михайла Фролов, Петр Максимов, Николай Алексеев, Яким Иванов и деревни Кужуток Филипп Савельев содействовали ему, Алексееву, вспомоществованием при мольбе 12 сентября по их древнему мордовскому обыкновению, почему всех их за таковое участвование с Алексеевым соразмерно каждого винам по силе воинского 129-го артикула наказать плетьми, два по сорок ударов и первых двоих — Бориса и Никиту Ивановых, — яко более прочих созыванием крестьян на ту мольбу участвовавших, по наказании, буде они окажутся годны, — написать в солдаты, с зачетом помешице за рекрут, а в случае негодности быть в военной службе сослать на поселение в ту же Иркутскую губернию. А прочих пять человек оставить

попрежнему в вотчине, если помещица принять пожелает, в случае же отзыва [отказа] ее от принятия — предоставить ей для отправления на поселение, представить от себя куда надлежит. По произведении же оным подсудимым наказания всей Терюшевской волости из мордвы новокрещенам накрепко запретить, чтобы они впредь никогда на мольбу по прежнему их мордовскому обыкновению ни каких сходбищ, ни явных, ни тайных, не делали под опасением строгого по законам осуждения, за чем и иметь бдительный надзор земскому суду. О произведении же особого следствия и суждения о вотчинноначальниках за допущение или к сбору многочисленного народа на мордовскую мольбу, утвердить мнение уездного суда, которому о надлежащем по сему определению исполнении, при обращении дела, предписать указом, с повелением по исполнении палате рапортовать. Но, не производя по сему исполнения, сей протокол, для утверждения взнесть к начальнику здешней губернии д. с. с. и кавалеру Андрею Максимовичу Руновскому при мемории.

Подлинное определение подписали: председатель Карл Ребиндер, советник Давыд Чекерлян, заседатели от дворян: Сергей Скуридин, Евграф Бабкин, от купечества: Сергей Пачкунов. Скрепил: секретарь Сергей Ильин.

Подписан генваря 11-го 1810 года. Губернским уголовных дел стряпчим читано генваря 12-го дня.

По полям листов протокола скрепа: «С подлинным верно: секретарь Сергей Ильин».

По листам внизу текста скрепа: «С подлинным сверял канцелярист Александр Эвенкус».

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 68—81.)

1810 г., марта 7. Сообщение министра внутренних дел князя Куракина нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о том, что решение нижегородской палаты уголовного суда по делу К. Алексеева императором Александром I утверждено с освобождением подсудимых от наказания плетьми.

Копия.

Получено 19 марта.

Господину д. с. с. нижегородскому гражданскому губернатору Андрею Максимовичу Руновскому

Представление в. пр-а от 15-го прошедшего февраля с выпискою решения нижегородской палаты уголовного суда о крестьянине Козьме Алексееве и его сообщниках, сужденных за разглашение ложных слухов к разврату и ослаблению в христианской религии новокрещен из мордвы, доведено было до сведения государя императора, и е. и. в. угодно было высочайше повелеть: приговор уголовной палаты об означенных крестьянах исполнить, исключая телесного наказания, от которого всех их освободить.

Я имею честь сию высочайшую волю сообщить в. пр-у для надлежащего по оной исполнения.

Министр внутренних дел князь Алексей Куракин.

№ 636. 7 марта 1810 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 88.)

1810 г., марта 22. Предложение нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородской палате уголовного суда об изменении приговора по делу К. Алексеева, согласно повелению императора Александра I.

Нижегородской палате уголовного суда

Предложение.

Его сиятельство г. министр внутренних дел и кавалер князь Алексей Борисович Куракин в предписании от 7-го сего марта изъясняет, что представление г-на здешнего губернатора от 15-го прошедшего февраля с выпискою из решения палаты уголовного суда о крестьянине Козьме Алексееве и его сообщниках, сужденных за разглашение ложных слухов к разврату и ослаблению в христианской религии новокрещен из мордвы, доведено было до сведения государя императора, и е. и. в. угодно было высочайше повелеть приговор уголовной палаты об означенных крестьянах исполнить, исключая телесного наказания, от которого всех их освободить. Его сиятельство сообщает сию монаршую волю для надлежащего по оной исполнения. Вследствие чего предлагаю палате уголовного суда о сем высочайшем повелении для исполнения вместе с последовавшим по означенному делу решением и меня о последствии уведомить.

№ 1336. Марта 22 дня 1810 года.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 90.)

1810 г., мая 3. Мемория из нижегородской палаты уголовного суда нижегородскому вице-губернатору Плюскову о приведении в исполнение приговора суда по делу К. Алексеева.

№ 3241. Получено 4 маия 1810 года.

Его высокородию правящему должность нижегородского гражданского губернатора г-ну вице-губернатору и кавалеру Алексею Яковлевичу Плюскову

из нижегородской палаты уголовного суда

Мемория.

В сей палате, слушав справку по предложению вашего высокородия, последовавшему с полученного вами от его сиятельства господина министра внутренних дел и кавалера князя Алексея

Борисовича Куракина, о крестьянах Козьме Алексееве и его сообщниках, сужденных сею палатою за разглашение ложных слухов к разврату и ослаблению христианской религии новокрещен из мордвы, предписания его изъяснением во оном имянного е. и. в. высочайшего повеления, в коем изображено: приговор сей палаты об означенных крестьянах исполнить, исключая телесного наказания, по коей оказалось: прошлого 1809 года декабря 8-го дня господин нижегородский гражданский губернатор и кавалер Андрей Максимович Руновский данным сей палате предложением изъяснил, что его сиятельство господин министр внутренних дел князь Алексей Борисович Куракин вследствие представления его, господина губернатора, о дальнейших распоряжениях со стороны гражданского и духовного начальств к удержанию новокрещен из мордвы от заблуждения, коими обольщал их по корыстолюбивым видам крестьянин Алексеев, предписывал ему представить к нему, господину министру, в свое время, какое по суду постановлено будет решение об означенном крестьянине Алексееве и его сообщниках, то он, господин губернатор, тем предлагал о скорейшем решении сего дела и о доставлении с оного к нему копии. А учиненным в сей палате решением упоминаемый крестьянин Козьма Алексеев и сообщники его, той же деревни Сескина крестьяне Никита и Борис Ивановы, Михаил Фролов, Петр Максимов, Николай Алексеев, Яким Иванов и деревни Кужуток Филипп Савельев присуждены к телесному наказанию плетьми и, по наказанию лжепророка Алексеева, к отсылке на поселение в Иркутскую губернию, а из сообщников его, Бориса и Никиту Ивановых, по наказании, буде окажутся годными, написать в солдаты, с зачетом помещице за рекрут, а в случае негодности быть в военной службе, сослать на поселение в ту же Иркутскую губернию; а прочих пять человек — оставить попрежнему в вотчине, естьли помещица принять пожелает, в случае ж отзыву [отказу] ее от принятия, предоставить ей для отправления на поселение, представить от себя куда надлежит, которое решение для утверждения взнесено было к означенному г-ну гражданскому губернатору при мемории, а он, г-н губернатор, рассмотря оное и найдя его с законами согласным, обратил при предложении своем в сию палату к надлежащему исполнению. Вследствие чего о исполнении по тому сей палаты решения и предписано было здешнему уездному суду указом генваря 20, а к нему, г. губернатору, с того решения отослана при мемории копия того ж генваря 27 числа сего 1810 года. А марта 28 числа означенной уездной суд рапортом донес, что означенному лжепророку и его сообщникам, кроме находящегося в болезни крестьянина Николая Алексеева, повеленное сею палатою наказание чрез здешней земской суд учинено, и кто, куда следует, отправлены. Почему вследствие полученного от вашего высокородия предложения здешнему земскому суду предписано указом, чтобы, оный по высочайшему е. и. в. повелению, оного Николая Алексеева, телесно не наказывая, оставил его в вотчине,

с тем, естьли помещица иметь его у себя не пожелает, то предоставить ей для отправления на поселение, представить от себя куда надлежит. На каковое предписание оный суд рапортом донес, что оный крестьянин Алексеев в вотчину госпожи его отдан без всякого наказания. О чем вашему высокородию Палата сим и доносит. Председатель Карл Ребиндер.

№ 428. Маия 3-го дня 1810 года.

По листам скрепил: секретарь Ильин.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 92—94.)

1810 г., июня 8. Сообщение нижегородского гражданского губернатора Руновского товарищу министра внутренних дел о том, что судебный приговор по делу К. Алексеева приведен в исполнение до получения предписания из министерства внутренних дел об освобождении подсудимых императором Александром I от телесного наказания.

М. В. Д. 2 экспедиция. 2 отделение. 1 стол. Ответ на № 636 о исполнении по решению уголовной палаты, учиненному о новокрещенах из мордвы, сужденных за разглашение ложных слухов. От нижегородского гражданского губернатора. 8 июня 1810 года № 2191. Господину товарищу министра внутренних дел.

По высочайшему е. и. в. повелению, изображенному в предписании ко мне его сиятельства господина министра внутренних дел, князя Алексея Борисовича от 7-го минувшего марта, об освобождении от телесного наказания крестьянина Козьмы Алексеева и его сообщников, сужденных за разглашение ложных слухов к разврату и ослаблению в христианской религии новокрещен из мордвы [докладываю]:

Во время бытности моей в С.-Петербурге г. нижегородский вице-губернатор Плюсков предлагал о том палате уголовного суда, которая вследствие того отозвалась, что учиненное ею об упомянутом крестьянине с товарищи решение приведено посредством уездного суда в исполнение еще до получения вышеозначенного предписания его сиятельства, исключая только одного крестьянина Николая Алексеева, который находился тогда в болезни и по выздоровлении от оной оставлен без наказания в вотчине согласно желанию помещицы.

Исполнение по решению палаты не дождавшись высочайшего утверждения произошло потому, что его сиятельство князь Алексей Борисович предписанием от 23-го ноября прошлого 1809-го года изволил только требовать представления в свое время, какое по суду постановлено будет решение об означенных подсудимых крестьянах, каковое предписание не изображало....[1]

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 95.)

[1] Далее следующий текст документа в подлиннике зачеркнут.

1810 г., июня 8. Запрос товарища министра внутренних дел к нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о причинах невыполнения высочайшего повеления по делу К. Алексеева.

Копия.

№ 121. М. В. Д. 2 экспедиция. 2 отделение. 1 стол. Ответ на № 2191 о новокрещенах из мордвы, сужденных за разглашение ложных слухов. 8 июня 1810 года. № 1963. С.-Петербург. Получено июля 17 дня 1810.

Господину д. с. с. нижегородскому гражданскому губернатору Андрею Максимовичу Руновскому.

Получив от 8-го минувшего июня уведомление в. пр-а, что учиненное нижегородскою уголовною палатою решение о новокрещенных из мордвы крестьянах, сужденных за разглашение ложных слухов, приведено посредством уездного суда в исполнение, до получения сообщенного вам, милостивый государь мой, г. министром внутренних дел от 7 марта высочайшего е. и. в. повеления об освобождении помянутых крестьян от назначенного им решением палаты телесного наказания, — я считаю нужным иметь обстоятельное сведение, почему точно приведено в исполнение означенное решение палаты до получения отсель отзыва на отношение по сему предмету в. пр-а от 15-го февраля сего года; а потому и прошу покорно вас, милостивый государь мой, сведение это мне сообщить.

Товарищ министра внутренних дел Осип Козодавлев.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 96.)

1810 г., июля 7. Объяснение нижегородского гражданского губернатора Руновского министру внутренних дел о причинах невыполнения высочайшего повеления по делу К. Алексеева.

М. В. Д. 2 экспедиция. 2 отделение. 1 стол. Ответ на № 1963 о новокрещенах из мордвы, сужденных за разглашение ложных слухов. От нижегородского гражданского губернатора.
7 июля 1810 года. № 237-й, г. Макарьев.

Господину товарищу министра внутренних дел.

На предписание в. пр-а от 8-го июня, коим изволите требовать сведения, почему точно приведено в исполнение решение нижегородской уголовной палаты о новокрещенных из мордвы крестьянах, сужденных за разглашение ложных слухов, до получения отзыва на представление мое по сему предмету от 15-го февраля сего года, — имею честь в. пр-у покорнейше донести, что его сиятельство господин министр внутренних дел князь Алексей Борисович

Куракин от 23-го ноября прошлого 1809 года предписывал мне только представить ему в свое время, какое по суду постановлено будет решение об означенных крестьянах, что мною и исполнено доставлением при донесении от 15-го февраля выписки из решения в уголовной палате, последовавшего 11 генваря и до того уже приведенного в исполнение, которое не было остановлено потому, что в упомянутом предписании его сиятельства не было сказано, что то решение должно быть представлено на высочайшее государя императора усмотрение и чтоб до утверждения его величества не приводить его в исполнение [1].

...без изображения чего ни я, ни уголовная палата не смели останавливаться, и потому согласно установленному законом порядку обязаны были дать делу сему окончательное действие и учинить по упомянутому решению надлежащее исполнение.

(Горьковский облархив, фонд нижегородского военного губернатора, д. № 7892/143, л. 97.)

[1] Далее в подлиннике зачеркнуто.

III РАЗДЕЛ

ВОССТАНИЕ ОПОЛЧЕНЦЕВ
в г. САРАНСКЕ и в г. ИНСАРЕ
в 1812 г.

(9 декабря 1812 г. — 16 января 1813 г.)

1812 г., декабря 9. Донесение инсарского уездного судьи Бахметьева на имя пензенского гражданского губернатора князя Голицына о восстании ополченцев в г. Инсаре.

Пензенскому гражданскому губернатору и кавалеру правяще-
го инсарского городничего должность уездного судьи Бахметьева.

Настоящего декабря 9 числа собранное в Инсаре ополчение,
приступая ко мне и вопрошая, с чьего позволения собрали их,
ответствовал на оное, что в том воля нашего императора, после
чего, начав меня бить и волоча безмилостиво по улице, били пи-
ками, окровавив меня, в каковом безобразии [я] спасся бегством
и явился к предводителю Машкову; офицеров некоторых заса-
дили в тюрьму и искали для убития полковника Кушнерева, домы
же дворянские в городе разбивают и самих дворян бьют, а потому
сие открывшееся, так можно сказать, бунтовство не позволяет
описывать обстоятельно, прося вашего сиятельства о том долж-
ного защищения.

Правящий должность городничего судья Бахметьев.

Декабря 9 дня 1812 г.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 1.)

1812 г., декабря 10. Рапорт саранского полицмейстера Евсюкова пензенскому гражданскому губернатору князю Г. С. Голицыну о восстании ополченцев в г. Саранске.

Его сиятельству господину действительному статскому со-
ветнику, действительному камергеру, пензенскому гражданскому
губернатору и кавалеру князю Григорью Сергеевичу

от саранского полицмейстера и кавалера
Евсюкова

Рапорт.

На основании высочайшего е. и. в. рескрипта, последовавшего
на имя командующего III округом внутреннего ополчения графа
Петра Александровича Толстого, а от вашего сиятельства сего

декабря от 6 числа под № 7814, в предложении мне означенного, — находящееся в городе Саранске 1-го Пензенского казачьего пехотного полка ополчение собрано было сего числа к выступлению по предложенному маршруту в поход, куда и я, явясь по должности моей и по приглашению саранского Петровского монастыря архимандрита для совершения молебствия, но того ополчения большая часть воинов против полковника, штаб- и обер-офицеров делая ослушание, будучи вооружены пиками, бунтуясь, приступя к полковнику и многих офицеров покушались быть, крича, что они без государева указу и без присяги нейдут; окружа полковника, архимандрита, штаб- и обер-офицеров, к пению молебствия не допустили, из каковой толпы полковник и архимандрит едва могли вырваться и тем себя спасти, равномерно и прочие офицеры, из коих некоторых и били. Я, не отходя от них, всячески стараясь к отвращению бунта, стал их уговаривать, и некоторые из них, остановясь, желая выслушать мое им увещание и объявление высочайшего манифеста о сборе ополчения, но большая часть бунтующих тотчас слушающих стали отвращать, угрожая им битьем. Я, видя их совершенный бунт, стараясь всячески дать им о повелении понятие, с места их собрания, в нескольких саженях отстоящее [от полицейского управления], отправился к полиции, они, следуя за мною, приступя все и пав на колени, выслушивали перечитываемые им мною полученные высочайшие повеления и присланное от вашего сиятельства о выступлении в поход предложение, — стараясь внушить им все предписанное и тем отвратить вкоренившееся в них ослушание. Тут не все, но некоторые слушали со вниманием, а по выслушании говорили, чтоб в завтрашний день привели их к присяге в соборе, но затем большая часть и от сего отвращали и говорили, что не хотели идти без имянного повеления, и что они набраны не с воли государя, а по собственному расположению их господ, на каковом месте приглашенный Спасского собора протоиерей Афанасий для увещевания их, расположа в лице их на налой крест и евангелие, совокупно и я, всемерно уверяя их, что им велено выступить в поход с воли государя императора, во уверение их расположа себя при них сделать присягу, но и за всем тем не видно надежды, чтобы они обратили себя на усмирение, о чем донеся на благорассмотрение вашему сиятельству, осмеливаюсь испрашивать на сие разрешения, а, между тем, до получения предпринимать к прекращению и усмирению бунтующих, сколько возможно, меры, — о чем донесено как господину министру полиции, равно и губернскому правлению рапортами.

Подлинное подписал: полицмейстер и кавалер Евсюков.
Верно: губернский секретарь Семенов.
№ 2865. 10 декабря 1812 г.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 287.)

1812 г., декабря 11. Предложение пензенского гражданского губернатора пензенскому архиепископу о принятии надлежащих мер через духовных лиц по увещеванию восставших ополченцев.

Милостивый государь мой и архипастырь!

Вчерашнего числа и нынешний день получил донесение, что собранные в городах Инсаре и Саранске воины взбунтовавшись и в первом, то есть в Инсаре, правящего городническую должность уездного судьи майора Бахметьева избили, полкового командира и офицеров избивали, посадили в тюрьму. Дворянские домы разграбили, продолжая и прочие неистовства, и в Саранске равным образом, оказав непослушание, полкового командира и офицеров ищут бить. Хотя же со стороны моей и сделаны нужные распоряжения и приняты меры к ускромнению, но я нахожу необходимым известить о сем ваше преосвященство, просить вас, милостивый государь мой, о учинении и с вашей стороны нужных предписаний к протоиереям и другим духовным властям о увещевании сих, отклонившихся с путя истины, людей.

И какое учинено будет со стороны вашей распоряжение, не оставьте меня вашими уведомлениями.

С истин[ным] почтением и т. д. [подпись].

№ 159. 11 декабря 1812 г.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 56.)

1812 г., декабря 12. Сообщение князя Лобанова-Ростовского пензенскому гражданскому губернатору о принятых мерах против восставших ополченцев.

Его сиятельству князю Г. С. Голицыну.

Милостивый государь мой, князь Григорий Сергеевич!

Вследствие полученного мною сего числа по утру секретного отношения вашего сиятельства от 10-го декабря за № 8604 о пособии с моей стороны к прекращению возникшего в городе Инсаре возмущения от вышедшего из повиновения 3-го казачьего пехотного полка, немедленно предписал я генерал-майору Адамовичу, что как часть вверенных ему бригад в Саранском уезде расположена не в дальнем от города Инсара расстоянии, то сам он тотчас отправился к передовым своим войскам и обратился с ними, или сколько к тому оных нужно будет по мере местной известности о тех обстоятельствах, — к выполнению требований вашего сиятельства, а тем самым подкрепя те войска, которые с орудиями к усмирению тех вышедших из повиновения уже обращены, восстановил должный порядок и спокойствие теми мерами благоразумия, какие настоящие обстоятельства потребуют, а, по прекращении же того возмущения и по сношению с генерал-майором

Кишенским, о задержании под стражею главных виновников оного, самому с войсками взять направление по прежним предписаниям в Орловскую губернию; вместе с сим предписанием за нужное счел я отнестись и к господину начальнику нижегородского ополчения генералу-лейтенанту графу Толстому, чтобы и он с своей стороны на подкрепление генерала-майора Адамовича отрядил несколько орудий, о чем уведомляя ваше сиятельство, с истинным почтением и преданностью честь имею быть вашего сиятельства покорнейший слуга.

Князь Дмитрий Лобанов-Ростовский.

№ 3. 12 декабря 1812 г. Арзамас.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 153.)

1812 г., декабря 13. Рапорт инсарского земского исправника Иконникова на имя пензенского гражданского губернатора князя Голицына о принятых им мерах по продвижению воинских команд для усмирения восставших ополченцев.

Секретно.

Его сиятельству господину действительному статскому советнику, действительному камергеру, пензенскому гражданскому губернатору и кавалеру князю Григорию Сергеевичу Галицыну

от инсарского земского исправника коллежского ассесора Иконникова

Рапорт.

На секретное предписание вашего сиятельства, от 10-го декабря под № 128-м последовавшее, честь имею донести вашему сиятельству, что по дороге, от Мокшану к городу Инсару прилегающей, обывательские подводы для поднятия воинских команд с орудиями мною были приготовлены в свое время, и команда с 11-го на 12 число вступила в город Инсар; а в рассуждении караула по селениям успел я сделать распоряжение со стороны Краснослободска, Наровчата и Нижнего Ломова до получения еще предписания вашего сиятельства по отношению полкового начальника Кушнерева, и о принятой в том надлежащей предосторожности сообщено от меня 10-го числа декабря нижеломовскому, наровчатскому и краснослободскому земским судам, каковые караулы и во всех селениях ныне уже учреждены. Когда же во время моего распоряжения уезжал я 10-го числа ночью, зная, что следует партия воинов из Краснослободска в Инсар, в предупреждение того, дабы оная не могла соединиться с неповинующимися воинами, остановил ее секретным сношением с партионными офицерами.

Земский исправник Иконников.

13 декабря 1812 г.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 182.)

1812 г., декабря 13. Сообщение Петра Нилова пензенскому гражданскому губернатору кн. Голицыну о том, что на подавление восстания отправляется команда из местного тамбовского гарнизона.

Милостивый государь мой, князь Григорий Сергеевич!

На отношение вашего сиятельства от 11 декабря за № 140 поспешаю уведомить вас, милостивый государь мой, что для усмирения взбунтовавшихся в Пензенской губернии воинов составлен отряд из пятидесяти человек здешнего гарнизонного батальона, двадцати пяти человек из нижних артиллерийской рекрутской партии, сюда недавно прибывшей, и двадцати пяти рекрутов, всего из ста человек, под командою артиллерии порутчика Тишкова. Отряд сей отправлен будет завтра на обывательских пароконных подводах для каждых двух человек. Порутчик Тишков по тракту в вотчине бригадира Пашкова возьмет с собою две пушки с зарядными ящиками. Он поспешит всемерно прибыть в город Нижний Ломов, где ваше сиятельство изволите встретить его своим предписанием и наставлениями. На продовольствие отряда отпущено здесь 200 рублей, а о продовольствии оного в Пензенской губернии покорнейше прошу ваше сиятельство распорядиться по надлежащему. В сем состоит пособие, какое только можно оказать вашему сиятельству из губернского города Тамбова; но дабы зло, в Пензенской губернии возникшее, могло быть задушено при самом его появлении, сообщил я г. генералу-от-кавалерии Кологривову, прося его отрядить также в город Ломов Борисоглебский драгунский полк, в Моршанске находящийся, естьли не весь, то, по крайней мере, несколько эскадронов. Я уповаю, что г. генерал-от-кавалерии Кологривов не отречется оказать испрашиваемое содействие в предупреждение пагубных последствий. Я предварительно прошу встретить и конные отряды вашими наставлениями. Ядер и картечь для двух пушек, может быть, будет достаточно, но пороху по совершенному недостатку оного отпущено немного, и поэтому благоволите, ваше сиятельство, выслать в Ломов г. порутчику Тишкову пороху, сколько по обстоятельствам будет нужно. С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею быть, милостивый государь мой, вашего сиятельства покорнейший слуга

Петр Нилов.

№ 392. 13 декабря 1812 г. Тамбов.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 165.)

1812 г., декабря 14. Сообщение командующего пензенским ополчением генерал-майора Кишенского пензенскому гражданскому губернатору о том, что жители окрестных сел и городов сочувствуют восставшим ополченцам.

Милостивый государь, князь Григорий Сергеевич!

Предполагая как можно поспешнее, хотя несколько, 3-й пехотной казачий полк выпроводить в поход и итти ему другой

дорогой противу маршруту на Спасск и Тамбов, на которой и всем полкам назначено следовать. Для понуждения к выступлению в поход 1-го пехотного казачьего полку приехал в Саранск генерал-майор Адамович, с ним снесся я сего числа чрез нарочно посланного к нему со испрошением его рассмотрения, не лучше ли тому полку выступлением обождать, покуда 3-й полк отсюда выйдет, ежели же дать время оному пробыть здесь далее, то легко может родиться жесточайшее зло, и жителям послужит поводом к возмущению, на которых, повидимому, никак не можно полагать никакой надежды, ибо открываются уже из них сочувствующие оному. При приведении воинов к присяге, один урядник по выходе из церкви сказал другому уряднику, вслух воинам, что де это еще не присяга, мы от сохи и бороны еще не отрекались, надобно требовать другую, за что его на другой же день, составя из прибывших со мной команд и 3-го пехотного казачьего полка фронт, прогнал шпицрутеном. Сие наказание заставит удержатца и других от дерзостных шалостей. При сем же случае, когда воины сбирались к строю, один инсарский мещанин, подойдя к ним, говорил вслух многим, что они струсили и не удержались по желанию сделать и далее. Дабы все таковые беспорядки прекратить и привести город в совершенную тишину и спокойствие, за необходимо нужное почел наказать и его пред фронтом плетьми. Иначе же, ежели бы не взять сей предосторожности и не употребить надлежащей строгости в буйственном сем деле, может продлиться таковое зло и дале. Для пополнения 3-го полка прикомандирую и 4-й казачий полк весь, сколько осталось в оном штаб- и обер-офицеров и воинов, с тем, чтобы из 3-го приумножить и 2-й полк. Преступников, оказавшихся в буйстве, по исследованию отберу, сколько окажется главнейших начинщиков, препровожу всех в Пензу для суждения, а прочих, по мере вины наказав, приведя к присяге, определю в полк на службу. О Саранском полку ничего еще сказать не могу, как только что по полученному сейчас [через] нарочного курьера из Саранска извещению, что полк и город состоит в прежнем положении. Не оставите, ваше сиятельство, предписать комитету пожертвования о доставлении ко мне денег для 3-го пехотного казачьего полка, на содержание воинов и разные ращеты по полку, на путевое продовольствие, с добавлением на мясную и винную порцию, где будет нужно, по примеру довольствия войск на службе, — и теперь идущие в поход войска получают сию порцию всегда. Таким образом, дабы не было от воинов ропоту, то и надобно их сим удовлетворить, по каковому предмету и сие возмущение от них родилось, что жители называют их мужиками; к тому же нужно необходимо награждать хотя малою суммою тех людей, кои открывают начинщиков бунта и грабителей имения; [нужны деньги и] на винные порции и на беспрестанные посылки курьеров повсеместно. Я уверен, что ваше сиятельство не оставите снестись на сей щет с г. г. уездными предводителями о предложении дворянам на составление суммы

для сих необходимых в теперешнем случае надобностей, и можно надеяться, несомненно, что почтеннейшие дворяне, видев всеобщее здешней губернии смятение, не откажется ни один дать с души по 25 копеек и более, только бы взносом сим, приведя ополчение в совершенное устройство, и не имея ни в чем крайней нужды, поспешнее отправить оное в поход и тем освободить губернию от посеянного зломыслящими бунтовщиками зла. Тогда если бы остатки оного где и появились, то весьма легко можно истребить одними земскими полициями без помощи с воинской стороны. 2-му пехотному казачьему полку предписал я следовать на Тамбов и там привесть всех воинов к присяге, о чем и к тамошнему гражданскому губернатору отнесся, чтобы он не оставил с своей стороны содействием, как в оном, так и предписанием о путевом продовольствии и по той губернии. По приведе ии же полка к присяге подтвердил я господину полковнику Дмитриеву, чтоб не останавливался, окроме Ростовки, следовал небольшими переходами далее по назначению.

С истинным почтением и совершенною преданностью честь имею пребыть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейший слуга

Николай Кишенский.

№ 40. 14 декабря 1812 г. Инсар.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 197.)

1812 г., декабря 14. Сообщение дворянского заседателя пензенской уголовной палаты Ларионова пензенскому гражданскому губернатору князю Голицыну о произведенной экзекуции одному воину и мещанину г. Инсара.

Пензенской палаты уголовного суда дворянского заседателя надворного советника и кавалера Ларионова

его сиятельству господину действительному статскому советнику, действительному камергеру, пензенскому гражданскому губернатору и кавалеру князю Григорью Сергеевичу Галицыну.

...Сего числа чинена была экзекуция чрез тысчу человек четыре раза шпицрутеном одному воину, дерзнувшему сказать, после принятия им присяги, своим товарищам, стоявшим во фрунте, что эта де присяга не в присягу, потому что от сохи и бороны еще не отрекались. И, в то же время, пред всем ополчением наказывался плетьми здешний мещанин, укоривший некоторых воинов, что они на своем не устояли и пошли к присяге. После всего оного в каждом баталионе, поставленном во круг, читал я все те манифесты и рескрипты, доставленные ко мне от вашего сиятельства и губернского правления, со всевозможным и внятным истолкованием, причем от воинов слышаны были отзывы, что они готовы служить государю императору всею верою и правдою. Теперь, кажется, все здесь тихо и спокойно, а что последует впредь,

не премину чрез нарочного сделать вашему сиятельству мое донесение. От 11-го числа доносил я вашему сиятельству со слов господина полкового начальника подполковника Кушнерева о числе разбежавшихся воинов до 400 человек, но ныне оказывается гораздо того меньше, ибо многие не хотя быть в соучастии своих сотоварищей, вышедших из пределов своего звания, разошлись по домам своим, другие провожали офицерских жен и их имущество, которые ныне паки являются к своей команде. Сколько же именно еще не явилось, каких они уездов, из каких жительств были отданы, равным образом и о содержащихся теперь под арестом, такового сведения за беспрерывным занятьем никак получить еще не успел, а надеюсь, что вскоре за сим буду иметь честь донести вашему сиятельству обо всем подробно.

Надворный советник и кавалер Сергей Ларионов.

№ 7. 14 декабря 1812 г. Инсар.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 199.)

1812 г., декабря... Список воинов 3-го полка, находящихся в бегах со времени происшедшего в городе Инсаре возмущения, на 13 человек.

№	Имена их	Каких округ, селений и помещиков
1.	Архип Агафонов	Нижеломовской округи села Андреевки г. Морозова
2.	Тимофей Ефремов	Сердобской округи села Ершова графс. Разумовского
3.	Илья Трофимов	Чембарской округи села Канолов помещицы Мухановой
4.	Ивлей Никифоров	Нижеломовской округи села Ростовки г-жи Гагариной
5.	Иван Иванов	Чембарской округи села Митрофанова графа Шереметьева
6.	Борис Абакумов	Чембарской округи дер. Старых станов г. Владыкина
7.	Федор Тимофеев	Саратовской губернии Сердобской округи села Ершова графа Разумовского
8.	Дмитрий Борисов	
9.	Василий Герасимов	Нижеломовской округи деревни Самодуровки помещика Свищева
10.	Михайла Матвеев	Оной же округи деревни Александровки г. Кондакова

Продолжение

№	Имена их	Каких округ, селений и помещиков
11.	Аспад Алексеев	Оной же округи деревни г-жи Засецкой
12.	Родион Федоров	Чембарского уезда сельца Дерябихи г. Желинского
13.	Михайла Маркеев	Инсарской округи села Нового Акшина помещицы Бахметьевой.

Генерал-майор Кишенский.

«... употребить в поимке их возможное старание, а то с побегом их могут укрываться и важнейшие преступления, ими учиненные».

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 342, 343.)

1812 г., декабря 14. Рапорт мокшанского земского исправника Беликова пензенскому гражданскому губернатору князю Голицыну о принятых мерах предосторожности в Мокшанском уезде.

По секрету.

Его сиятельству господину действительному статскому советнику, действительному камергеру, пензенскому гражданскому губернатору и кавалеру князю Григорью Сергеевичу

Мокшанского земского исправника Беликова

Рапорт.

Во исполнение предписания вашего сиятельства от 10-го числа сего месяца под № 127, в селениях Мокшанского уезда, граничащих с Инсарским, караулы учреждены, и все меры предосторожности взяты; пойманных во округе 3-го казачьего полка шесть воинов и при них собственных, по их показанию, денег ассигнациями девяносто пять да медными два рубли двенадцать копеек, при сем к вашему сиятельству препроводить честь имею.

Исправник Беликов.

№ 2. 14 декабря 1812 г.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 190.)

1812 г., декабря 15. Рапорт губернского стряпчего Попова пензенскому гражданскому губернатору князю Голицыну о приведении к присяге саранских ополченцев после восстания.

Его сиятельству пензенскому гражданскому губернатору губернского стряпчего Попова

Рапорт.

После донесения моего, вчерась в 10 часов по полуночи к вашему сиятельству отправленного, г. генерал-майор Адамович делал смотр казачьего здешнего полка побатальонно. Внушал

воинам о должном повиновении начальникам, от государя императора постановленным... Потом уже, по распоряжению полковника Селужского, отобраны последние пики у воинов 1 и 2 баталионов. По окончании вчерашнего дня, я опять должен быть при допросах воинов, взятых под арест. Между тем полицейского казака из симбирских трое воинов обличили в подозрении их, чтоб нейти в поход. Но он не признается, кроме что, по обличению четвертого воина, сознался о бытности 8 декабря в Шелимском питейном доме. И что тогда на разговор о нехотеньи воинов в поход отвечал им: «У кого есть ум и царь в голове, то с богом ступайте, кто желает сие. одно слово», а к тому и недонесение его начальству о таковом воинов нехотении к походу, много подозревает в поощрении. И потому будут спрашиватца теперь [и] другие по ссылке его, — к дальнейшему обличению или оправданию. Равно и прочие арестанты допросятца. А сегодня с утра полковник Селужской расположился привесть к присяге всех воинов, собрав не целой полк вместе, а по-баталионно и первой и второй баталионы под прикрытием вооруженных солдат, которые без всякого противоречия и присягнули, а потом уже без прикрытия солдат, а с одними баталионными и сотенными начальниками и пятидесятниками, 3-й и 4-й баталионы присягу учинили; и, кажетца, стали авантажные, против прежнего их положения, ни один никакова дерзновенного слова не произносил, кроме как в пять часов по полудни урядник привел к полковнику Селужскому одного воина, просящего жене своей вольного пашпорта. Сей воин отдан на гаубвахту. Граф Толстой, равно и генерал-майор Кишенский, по сей час еще не прибыли. Сколь скоро первой приедет, тотчас поспешу донесть вашему сиятельству с нарочным.

Губернский стряпчий Попов.

15 декабря 1812 г. г. Саранск.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 210.)

1812 г., декабря 15. Сообщение генерала Алчевича пензенскому гражданскому губернатору князю Голицыну о произведенном аресте зачинщиков восстания ополченцев в г. Саранске.

По секрету.

Его сиятельство господин генерал-от-инфантерии и кавалерии князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, в предписании своем, по секрету последовавшем ко мне сего декабря 12-го дня с № 1-м, приложив в списках, как отношения к его сиятельству, так бригадным и полковым командирам, от вас, милостивый государь мой, от 10-го числа сего декабря отправленные по секрету относительно до зделанного возмущения пензенского ополчения воинами 3-го пехотного казачьего полка, расположенного в г. Инсаре, предложил мне: для усмирения оных и приведения

в надлежащее повиновение начальству их, отправитца с частию вверенной мне бригады в г. Инсар, вследствие чего два егерских полка с надлежащею воинскою готовностию под командою полковника Алексеева выступили туда 13-го числа сего декабря из города Починка и следовали на подводах, куда вслед за оными отправился и я сам. Но, как между исполнением сего, [получил] известия я, что подобное же происшествие последовало и в городе Саранске от квартирующих там оного же ополчения воинов 1-го пехотного казачьего полка; для усмирения и сих последних и приведения к должному повиновению их начальству и высшим законам по отношению полкового командира полковника Селужского отправлен и находится уже в городе Саранске полковник Тимофеев с командою. Я, проезжая сей город того ж числа, как состоящий на тракте к городу Инсару, и найдя означенных неповинующихся [воинов], не приведенных еще к должному послушанию, счел обязанностию для исполнения того, ибо полковник Алексеев будет следовать к городу Инсару, остановиться здесь сам. И приказал полковнику Тимофееву, обще с командиром оного казачьего полка полковником Селужским, тот же час собрав оный возмутившейся полк и, открыв главных начинщиков неповиновения, взять [их] под стражу, а протчим строго подтвердить, что, если они не обратятся к должному повиновению, то со всеми ими будет поступлено по строгости воинских законов, что оными в то ж время и выполнено, и мера эта имела свое действие: начинщики неповиновения открыты и содержутся под стражею в числе 120-ти человек, протчие же воины означенного полка, раскаиваясь, зделались послушными. 14-го числа собраны [они] были по-баталионно перед моею квартирою, где при подтверждении самим мною всем им, при штаб- и обер-офицерах оного полка, исполнять все предписанное законами и согласно оным требуемое их начальством беспрекословно, изъявили они к тому всю должную готовность. Вчерашнего числа, то есть 14-го сего декабря, командующий пензенским ополчением господин генерал-майор и кавалер Кишенской отношением своим с № 34-м по секрету уведомил меня, что происшедшее возмущение и неповиновение от воинов 3-го пехотного казачьего полка, квартирующего в городе Инсаре, равномерно прекращены; отряда воинской команды, с ним туда прибывшего для поддержания надлежащего порядка, у него достаточно, и что он по отправлении означенного полка в повеленной поход отправится в город Саранск, дабы и здесь квартирующий 1-й казачей пехотный полк в поход выпроводить, и с виновными поступить по закону. Вследствие чего предписал я господину полковнику Алексееву, шедшему с егерскими полками к городу Инсару, обратиться для следования по данному ему предписанию, в Орловскую губернию, полковнику Тимофееву приказал здать господину генерал-майору Кишенскому, когда он в сей город прибудет, или присланному от него чиновнику с командою, кто к нему для того от господина генерал-майора Кишен-

ского прислан будет, — содержащихся под стражею начинщиков неповиновения 1-го казачьего полка; самому с находящейся при нем здесь командою выступить также в предписанный поход, о каковом распоряжении и прекращении возникшего между воинами 1-го пехотного казачьего полка неповиновения и восстановлении прежнего порядка и тишины счел я за должное вашего сиятельства через сие уведомить. Я сего числа выезжаю из города Саранска к бригадам, в команде моей состоящим.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь мой, вашего сиятельства покорнейший слуга

Иван Адамович.

№ 7. 15 декабря 1812 г., г. Саранск.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 29.)

1812 г., декабря 15. Сообщение пензенского гражданского губернатора князя Голицына командующему 3-м округом внутреннего ополчения графу П. А. Толстому о принятых мерах по подавлению восстания ополченцев в г. г. Инсаре и Саранске.

Милостивый государь, граф Петр Александрович!

По случаю открывшегося неповиновения со стороны воинов ополчения в городах Инсаре и Саранске, какие учинены здесь распоряжения, равно и последствия оных в городе Инсаре вашему сиятельству уже известно чрез донесения мои, отправленные в Нижний Новгород с тремя нарочными. Теперь же, известясь от чиновника, посланного отсель в город Саранск, что ваше сиятельство изволите сами прибыть туда, поспешаю донести, что в губернском городе Пензе состоит благополучно и 4 эскадрона конного полка содержатся в должном порядке. А как сверх затребованных мною войск из числа проходящих чрез всемилостивейше вверенную мне губернию в Орел для большой скорости требовал я еще воинских команд со стороны симбирского, саратовского и тамбовского гражданских губернаторов, и от них получил уже уведомление, что выступили сюда на обывательских подводах из Саратова 100, и из Тамбова с двумя артиллерийскими орудиями 100 человек нижних чинов, также и из Симбирска часть баталиона с офицерами, то и о сем честь имею донести вашему сиятельству. Первая из сих команд следует в губернский город Пензу, где, по крайности отправления всех здешних [казачьих] команд в город Инсар, и останется — на первый раз для содержания караулов и обеспечения города. Вторая, следующая по тракту на Нижний Ломов, остановится в оном впредь до повеления вашего сиятельства, а последняя идет прямо в Саранск. Зделав нужные распоряжения об отводе для сих команд квартир по доставлении им продовольствия на время, пока они пробудут в Пензенской губернии, и располагаясь сам отправиться в город Саранск, остаюсь теперь

только во ожидании саратовской воинской команды, без которой оставить губернский город нахожу невозможным, и которая будет употреблена в содействие сохранению тишины и для большего успокоения жителей губернского города, хотя впрочем распущенные слухи о идущих со всех сторон военных командах возымели уже над умами обывателей желаемый успех. Между тем долгом поставлю довести до сведения вашего сиятельства, что 2-й казачий пехотный полк следует уже в поход через село Каменку Нижеломовской округи посредством благоразумия начальника сего полка. Ввиду облегчения воинов, оставил все пики в помянутом селе, откуда оные, по моему распоряжению, чрез земского исправника доставлены уже в губернский город по тому наипаче уважению, дабы не оставить хранения их при многолюдней-ших владельческих вотчинах, известных особенно по бывшему здесь в 70-х годах происшествию. Поелику же тамбовский гражданский губернатор извещает меня, что он, желая оказать вящее содействие, отнесся еще к господину генералу от кавалерии Кологривову об отряжении сюда Борисоглебского драгунского полка, в городе Моршанске находящегося, или, по крайней мере, нескольких эскадронов на город Нижний Ломов, то нужен ли уже будет сей полк сверх обращенных на ослушанников военных сил? Предавая [вопрос] на благоусмотрение вашего сиятельства, я предписал, между тем, остановиться оному полку в Нижнем Ломове.

С особливым почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь мой, вашего сиятельства...

№ 189. 15 декабря 1812 г. Пенза.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 176.)

1812 г., декабря 16. Сообщение полковника Румянцева пензенскому гражданскому губернатору о посылке в Пензу роты солдат.

Секретно.

Его сиятельству господину действительному статскому советнику, пензенскому гражданскому губернатору, князю и кавалеру Галицыну

внутренней стражи 8-го округа 2-й бригады бригадного командира полковника Румянцова.

С отношением в. пр-а от 10-го числа сего месяца за № 163-м изволили просить меня в рассуждении случившегося происшествия в городах здешней губернии и Инзаре и Саранске от воинов пехотных казачьих полков 4800 человек, вспоможения к спокойствию и повиновению их от буйства и грабительства, — внутренней стражи, за отходом из Пензы пензенского баталиона. Я, получив оное через нарочного 13-го числа сего месяца, тут же приказал из Саратовского гарнизонного баталиона за всеми... оставя

нижние чины карции в городе, [и] откомандировал одного капитана, поручика, подпоручика, 6 ундер-офицеров, 2 барабанщика, 125-ть человек рядовых и 1-го цирюльника, которые сего числа на обывательских подводах имеют сюда вступить. За всем сим, крайне я озаботясь, и сам в город Пензу вчерашнего числа по полуночи в 3-м часу въехал. Доведя сие до сведения вашего сиятельства, прошу не оставить о распоряжении вашем меня уведомлением.

Полковник Румянцев.

№ 6. 16 декабря 1812 г. Пенза.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 212.)

1812 г., декабря 15. Предложение пензенского гражданского губернатора князя Голицына командиру 2-й бригады полковнику Румянцеву о необходимости занятия важных постов в Пензе саратовскою командою.

Секретно.

От пензенского гражданского губернатора и кавалера князя Голицына внутренней стражи 8-го округа 2-й бригады командиру господину полковнику и кавалеру Румянцеву.

Вследствие отношения ко мне вашего высокоблагородия от 16 декабря № 6, честь имею известить вас, милостивый государь мой, что во ожидании сюда воинской команды саратовского гарнизонного баталиона приказал я оную [принять] [1] на первой случай принять в ведомство и распоряжение здешнего гарнизонного баталиона майору Пейкеру. А ваше высокоблагородие прошу, по случаю отправления [отсель] из города Пензы всех воинских команд в город Инсар, и по случаю особенно тому, что здесь находится еще 4-й конный казачий полк из 4-х эскадронов, занять саратовскою командою нужнейшие в городе посты, как для удержания повсеместной тишины и порядка и [спокойствия], так [больше] и для большего успокоения жителей, тем паче, что [вышеозначенный] из вышеозначенного конного полка, хотя оной и к присяге уже приведен, открываются со стороны некоторых воинов такие разговоры, по поводу коих необходимость заставляет обращаться на ускромнение их средствами отдавания под стражу. В прочем, что лежит до продовольствия саратовской команды, распоряжение с моей стороны сделано.

№ 200. 16 декабря 1812 г.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 214.)

[1] Слова, взятые в прямые скобки, в подлиннике зачеркнуты.

1812 г., декабря 27. Рапорт наследателя пензенской уголовной палаты Ларионова пензенскому гражданскому губернатору князю Голицыну о причиненных убытках восставшими инсценцами.

Пензенскому губернатору

пензенской уголовной палаты от наследателя надворного советника и кавалера Ларионова

его сиятельству господину действительному статскому советнику, действительному камергеру, пензенскому гражданскому губернатору и кавалеру князю Григорию Сергеевичу Голицыну

Рапорт.

После донесения моего вашему сиятельству от 17-го сего месяца, вступил я в комиссию, учрежденную над воинами 3-го Пензенского пехотного казачьего полка, вышедшими из повиновения начальства и чинившими разные буйства и грабежи домов, — в виде депутата, где, рассматривая производство до моего вступления и допросы, из которых видно, что из числа воинов некоторые имели предрассудок, что они, не быв у причастия, не могут себе ожидать пристойного солдату уважения, другие желали видеть непременно на выступление им в поход указ за рукою самого государя императора, а некоторые поставляют поводом и казаков оренбургских, находящихся при инсарской полиции, что они будто бы одобрили намерение их пойти в поход без присяги, которые однако же в том не признаются; прочие же шептались в волнующейся толпе, кто из одного любозрения на волнение, а другие, быв выгоняемы товарищами силою и даже с побоями, при таковых разнообразных видах и требованиях воинов, поводом бывших ко всеобщему возмущению, хотя главнейшие из них и открыты, но нет однакож о сю пору еще признаний ни от кого о самой начальной притчине волнения и о самых начальниках злу сему, при всем старании доселе комиссии, которая неослабно действует и денно и ночно, дойти до своей цели. По последствиям и из всего оного по представлению комиссии, с повеления его пр-ва г-на генерал-майора и кавалера Кишинского, из тех воинов, которые не так в большом оказались буйстве, наказали уже многих при полку палочьем и розгами. По поданным доныне в уездный суд сведениям от хозяев, потрабленных в городе, сочтено много разграбленного: деньгами пятнадцать тысяч двести пятьдесят семь рублей двацать копеек, вещей, разного имущества, перебитых в домах рам со стеклами и разной мебели на шездесять две тысячи шесть сот сорок два рубли семьдесят копеек, сверх того у служащих в ополчении денег казенных и артельных тридцать восемь тысячь девятьсот девяноста семь рублей сорок девять копеек, собственных штаб- и обер-офицерских восемь тысячь девять сот тритцать девить рублей тритцать копеек, да разных

вещей двенадцать тысяч восемьдесят один рубль девятнадцать копеек, а всего на сто тридцать семь тысяч девятьсот семнадцать рублей, восемьдесят восемь копеек. Из числа сего сыскано и препровождено в уездный суд из вещей и разного имущества несколько, но то относительно платья и белья, большая часть изорванное и перемаранное, которое в присутствии уездного суда и раздается хозяевам с расписками, да деньгами отыскано до трех тысячь трех сот пятидесяти руб., которые хранятся в уездном суде. По распоряжениям моим, собрав посредством полиции сведения от жителей городских, у коих квартируют ратники, [что] во время возмущения ко многим из них приезжали жены и родственники, которые, как по последствиям открывается, вывозили с собою в домы приобретенное грабежем воинами, сделал я отношением моим инсарскому г-ну земскому исправнику [предложение] о учинении в домах по здешней округе тех приезжавших жен и родственников, с которых приложил я при том реестр, окуратных по всем местам обысков, с прикомандированием к сему для поспешности чрез посредство господина уездного дворянского предводителя трех человек дворян надежных; а поелику таковые были в приезде и должны также вывесть грабежное и других уездов крестьяне, то об оных имея честь поднесть у сего имянной список, не благоугодно ли будет вашему сиятельству приказать у всех значащихся в нем людей сделать чрез кого следует верные самые по домам и усадьбам обыски грабежному, и, что будет отыскано, всего оное вместе с теми, кто провез и хранил, доставить в комиссию в Инсар. Умолчить не могу пред вашим сиятельством, что вчерашнего числа вечеру приехал в Инсар от господина министра полиции майор Иващенко, которой сего числа и уехал в обратный путь, зачем же приезд ево был, не известно, — окроме только, что инкогнито разведывал об обстоятельствах происшествия.

Надворный советник Сергей Ларионов.

№ 27. Декабря 21,1812 г., г. Инсар.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 296—299.)

1812 г., декабря... Список Чембарской округи воинам 2-го Пензенского казачьего пехотного полка поступившим.

Деревни	К кому приезжали из воинов родственники во время возмущения и уехали в дома свои
Деревни: Агапихи:	
1. Лаврентий Семенов	У него была жена
Села Ключицы:	
2. Кузьма Абрамов	У него был брат

Продолжение

Деревни	К кому приезжали из воинов родственники во время возмущения и уехали в дома свои
3. Максим Никифоров	У него был брат
4. Михаил Максимов	У них были жены их
5. Михаил Степанов	
Села Крюковки:	
6. Фрол Иванов	У него была жена
7. Григорий Петров	У него были отец и сестра
Села Языкова:	
8. Леонтий Лапин	У него был брат и, по показанию хозяев, повез он с собою денег 35, две пары рубах, 2 онуч, одни портяные и одни суконные
Деревни Владыкиной:	
9. Мартын Савельев	К нему приезжал отец
10. Григорий Григорьев	К нему приезжал брат Анисей
Села Владыкино:	
(помещика Владыкина):	
11. Алексей Исаев	Отец его Исай 10 числа повез в дом имущество грабежное по показанию хозяина его, который здесь нужен лично бы
Керенской округи	
Села Кандеевки:	
1. Алексей Семенов	У него был отец
Села Колесники графа Велиторского:	
2. Иван Гаврилов	К нему приезжали мать и брат
3. Петр Самойлов	К нему приезжал отец
4. Давыд Петров	К нему приезжали отец и жена
5. Егор Григорьев	К нему приезжали отец и жена
Села Большого Буртясу:	
6. Иван Иванов	У него была жена
7. Федор Калинин	У него был отец

Деревни	К кому приезжали из воинов родственники во время возмущения и уехали в дома свои
Села Кантилевки:	
8. Яков Игнатьев	К нему приезжала мать
Села Бурпас:	
9. Максим Иванов	У него была жена Матрена
10. Данила Иванов	К нему приезжала жена Матрена
Села Ключей:	
11. Григорий Павлов	У него был брат Фома
Села Кондиевки:	
12. Лаврентий Иванов	У него была мать Марья Ивановна и брат его Григорий
Села Ирлева:	
13. Егор Васильев	У него был брат Сергей
14. Алексей Иванов	У него был отец Иван Иванов
15. Иван Никитин	У него был отец Никита Антонов
Села Пимбура:	
16. Акинфий Иванов	У него была жена Мавра Кондратьева с братом ее, отставным солдатом
Инсарской округи	
Деревни Гагаровки г-жи Катерины Копсиной:	
1. Пантелей Федоров	К ним приезжали отцы и жены
2. Сергей Тимофеев	
3. Павел Никитин	К нему приезжали отец и мать
Саранской округи	
Села Блохина:	
1. Степан Петров	К нему приезжал отец
Нижеломовской округи	
Деревни Болоховки г-жи Обузловой:	
1. Ефим Алексеев	К нему приезжал брат

Деревни	К кому приезжали из воинов родственники во время возмущения и уехали в дома свои
2. Федор Герасимов	
3. Иван Тимофеев	К ним приезжали братья
Села Селидьбы Перфильева:	
4. Миней Васильев	К нему приезжал брат
Деревни Каниневки г. Урусова:	
5. Никифор Исаев	К нему приезжал брат
6. Егор Андреев	К нему приезжал отец
Деревни Александровки г-на Кандакова:	
7. Михайла Матвеев	К нему приезжала жена
Села Верешки:	
8. Ларион Кузьмин	У него была жена
Села Вирги:	
9. Илья Никитин	У него была жена
Села Куваки г-на Гагарина:	
10. Иван Романов	К нему приезжала сестра
Деревни Кувайки:	
11. Кузьма Никитин	У него был отец

Верно: губернский секретарь [подпись].

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 303.)

1812 г., декабря 20. Предложение пензенского гражданского губернатора князя Голицына майору Пейкеру об отправлении части саратовской команды обратно в Саратов.

Милостивый государь мой, Александр Семенович.

По усмирении в городах Инсаре, Саранске и Чембаре 1-го, 2-го, 3-го пехотных казачьих полков, поспешая возвратить присланную сюда из Саратова воинскую команду, предписал я пен-

зенского гарнизонного баталиона г. майору Пейкеру отправить из оной 100 человек при офицерах и нужном числе унтер-офицеров в город Саратов на подводах, остальные же 35 человек оставлены здесь, по крайней необходимости, впредь до возвращения пензенской команды, находящейся в городе Инсаре, и тогда они отправлены будут также на подводах. Извещая о сем ваше высокоблагородие, имею честь быть и т. д.

№ 8187. 26 декабря 1812 г.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 321.)

1812 г., декабря 30. Предложение пензенского гражданского губернатора дворянскому заседателю уголовной палаты Ларионову об отправлении саратовской команды обратно в Саратов.

Пензенского гарнизонного батальона господину майору Пайкеру.

По прибытии в город Пензу 10 Башкирского полка и по возвращении некоторых конвойных команд, препровождавших рекрутские партии, не находя более нужды удерживать здесь все количество приехавших из саратовского баталиона нижних воинских чинов, рекомендую вашему высокоблагородию отправить из них завтрашний день в Саратов на обывательских подводах сто человек при офицерах и нужном числе унтер-офицеров, остальных же 35 человек оставить здесь впредь до возвращения в город Пензу откомандированных из здешнего гарнизонного баталиона в Инсар нижних чинов, о чем извещены от меня как саратовский гражданский губернатор, так и бригадный начальник г. полковник и кавалер Румянцев.

№ 8185. 26 декабря 1812 г.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 320.)

1812 г., декабря 30. Предложение пензенского гражданского губернатора князя Голицына дворянскому заседателю пензенской палаты уголовного суда Ларионову о расследовании негласным путем причин возмущения ополченцев в г. Инсаре.

Секретно.

Пензенской палаты уголовного суда дворянскому заседателю господину надворному советнику и кавалеру Ларионову.

До сведения моего доходит, что за несколько еще времени до происшедшего в городе Инсаре от воинов 3-го пехотного казачьего полка возмущения, роптали они, что будто бы они не в свое время и не в надлежащем количестве получили провиант и что в оном чувствовали недостаток, говоря также за несколько дней до возмущения и то, что и в поход, коль скоро оной будет назначен, не пойдут. Не быв известен о всем том и не зная, справедливы ли или несправедливы такового рода обстоятельства, и есть ли оные в виду следствия, — рекомендую вашему высокоблагородию самым скромным образом и без всякой огласки разобрать, точно ли оные были и когда именно, дабы по получении о сем с вашей стороны донесения мог я быть удостоверенным, в каком отношении должны быть приняты доходящие сюда слухи. Таковое сведение доставить ко мне и ныне же с благонадежным нарочным.

№ 248. 30 декабря 1812 г. Пенза.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 350.)

1813 г., январь месяц. Рапорт пензенского гражданского губернатора главнокомандующему о причинах возмущения ополченцев в Пензенской губернии.

Главнокомандующему в Санктпетербурге пензенского губернатора князя Голицына.

О причинах, по коим воины 1, 2 и 3 пехотных казачьих полков сделали возмущение,

Рапорт.

Во исполнение предписания вашего высокопревосходительства от 20-го декабря честь имею донести.

1-е. В городе Инзаре начало возмущения воинов 3-го пехотного казачьего полка проистекало, как открылось по следствию, от слуха, дошедшего до них от одного из воинов того же полка Федора Петрова, который, быв посылан в конный казачий полк, расположенный в губернском городе Пензе, находясь здесь, слышал от рекрутской женки, которой совсем не знает, что читали на базаре указ, будто бы о роспуске ополчения, о чем он, Петров, возвратясь в Инзар, сказал другим воинам, Егору Попову и Якову Федорову, который, утверждаясь в том на словах еще двух приезжавших туда же крестьян Нижеломовского уезда села Есеневки, что они якобы давно ждут возвращения к себе воинов своих (так как и в Тамбове милиция распущена), — не только распустил о сем слух между воинами, но быв известен, что воинов и к присяге приводить не велено, старался произвесть общее мнение, говоря всем встречающимся воинам, чтоб без присяги в поход нейти, а ежели оную и давать станут, то на сие нет указа и что по необходимости распустят ополчение. Таковое воина Федорова разглашение возымело действие до того, что коль скоро, в противность ожидаемого воинами..., предположению их, дан был приказ о выступлении в поход, воины первого баталиона 1-й сотни потребовали присяги и именного повеления, что заставило полкового командира подполковника Кушнерева выти пред фрунтом воинов, коим он, прочтя высочайший е. и. в. манифест о ополче-

нии и повелении о походе, внушал о последствиях, какие могут быть от их злонамерения и главнейших из зачинщиков 12 человек отослал под стражу. Но после того воины всего уже полка, бросившись по дворам сотенных начальников, где хранились пики, и схватив оные, не только отбили из-под караула вышеозначенных 12 человек, но и решились на дальнейшие буйства, о коих имел я честь донести вашему высокопревосходительству 10 декабря. В прочем, что лежит до начальника полка, также штаб- и обер-офицеров, воины при допросах отозвались довольными. Над преступниками в городе Инзаре военный суд кончен, и приговор оного, быв опробован командующим 3 округом внутреннего ополчения графом Петром Александровичем Толстым, доставлен для исполнения с прибывшим в Пензенскую губернию к принятию под начальство здешнего и симбирского ополчения, с званием корпусного начальника, господином генерал-майором Титовым, который снабжен от его сиятельства предписанием по конфирмации воинского суда, произведенного над воинами 2-го Пензенского полка.

2-е. Возмущение воинов 1-го пехотного казачьего полка в городе Саранске родилось от одного из урядников сего полка Бориса Ильина, который, находясь с офицерами для отвода бракованных воинов в городе Нижнем Ломове, виделся там с отставными солдатами, бывшими в городе Саранске, собранными туда по предписанию командующего 3 округом внутреннего ополчения для обучения воинов и обращенными по прежнему в Нижний Ломов, из которых, двое по именам и прозваниям ему, Ильину, неизвестные, разговорясь про ополчения, сказали, что когда в Саранске требовали они, отставные солдаты, указа об определении их в урядники, то никакого указа им не объявили, а отпустили их обратно в домы, почему и набранных воинов распустят.

Ильин, поселив в мыслях своих нехотение итти в поход и возвратясь в Саранск, старался таковой дух распространить и во всех воинах, внушая им, чтобы без имянного указа и без присяги в поход не шли, в чем не только обличен, но и сам чистосердечно признался, почитая единственно себя главною причиною открывшегося в Саранске от всех воинов неповиновения. По окончании в городе Саранске военного суда приговором оного, который утвержден командующим 3 округом внутреннего ополчения, определено: семь человек воинов и одного казака, который, слыша нехотение их итти в поход, не только не объявил о сем заблаговременно ни полицмейстеру, ни уряднику своему, но еще и говорил им: «Кто желает итти в поход, то с богом, господа», наказать кнутом и с вырезанием ноздрей и с поставлением знаков сослать в Нерчинск в каторжную работу; 28 человек воинов прогнать [чрез] шпицрутены, а 91 человек наказать пред полком палками и отослать для определения в дальнейшие гарнизоны, каковая сентенция военного суда уже и исполнена. В протчем при следствии спрашиваны были подсудимые, не было ли им каких обид

или удержания жалованья и провианта со стороны начальников их и полковника, — на все подсудимые удостоверили, что они как жалованье, так и провиант получали сполна, а только из жалования удержано по нескольку в собственную воинов артельную сумму.

3-е. Неповиновение воинов 2-го пехотного казачьего полка в городе Чембаре и округи оного в селе Кивда возникло от мнения, что они отданы помещиками будто бы на три месяца, к тому же подействовали на них слухи, что подобное ополчение было собрано и в Тамбовской губернии, но распущено по домам. В каковом расположении они оставались и тогда, когда были в походе. Но как притчины бывшего пред тем возмущения со стороны воинов 3-го и 1-го пехотных казачьих полков в городах Инзаре и в Саранске поставили в необходимость привести их к присяге, что они и учинили, то воины 2-го пехотного полка, оставаясь предубежденными, что сие удалит их [на]всегда от домов и семейств, вышли из послушания начальников своих. Ныне же ополчение приготовляется к походу, а с совершенным усмирением воинов во всех трех городах Инзаре, Саранске и Чембаре употреблением мною возможных предосторожностей во всемилостивейше вверенной мне губернии обстоит благополучно. С окончанием же в городах Инзаре и Чембаре экзекуции над воинами не оставлю распорядиться мерами и в рассуждении подлежащих особому суду людей гражданского ведомства, которые в Инзаре открылись, уже через следствие военного суда, замешанными в вышеозначенных происшествиях. О всем оном долгом поставил всеподданнейше донести и е. и. в., равно и господину министру полиции.

От января 1813 г.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 382.)

1813 г., января 16. Рапорт инсарского земского исправника Иконникова пензенскому гражданскому губернатору об оказании содействия проходившим войскам через Инсар.

Его сиятельству господину действительному статскому советнику, действительному камергеру, пензенскому гражданскому губернатору и кавалеру князю Григорью Сергеевичу Галицыну

от инсарского земского исправника коллежского ассесора Иконникова

Рапорт.

Во исполнение предложения вашего сиятельства от 3-го генваря под № 16, в земской суд полученного, следующие по тракту чрез Инсарский уезд в город Чембар 1-й и 3-й пензенские пехот-

ные казачьи полки с двумя стами башкир и с командою конных казаков и с двумя орудиями прошли благополучно, и как в продовольствии провиантом и фуражем, равно и в подводах никакой остановки не было, о чем вашему сиятельству сим покорнейше и рапортую.

Земской исправник Иконников.

№ 4. Генваря 16-го дня 1813 года.

(Пензенский госархив, ф. пензенского губернского правления за 1812 г., д. 514, л. 379.)

IV РАЗДЕЛ.

РАБОЧЕЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МОРДОВИИ

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

1804 г., июля 8 — 1804 г., сентября 30.

ДЕЛО О НЕПОВИНОВЕНИИ МАСТЕРОВЫХ ИНСАРСКОГО ЧУГУНОПЛАВИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА

а) 1804 г., июля 8. Определение Инсарского уездного суда по делу о неповиновении мастеровых инсарского чугуноплавительного завода заводовладельцу Никонову.

1804 г., июля 8 дня в инсарском уездном суде, взошед титулярного советника Александр Андреева сына Никонова чугуноплавительного инсарского завода мастеровой Григорей Иванов, подал прошение от имя заводских мастеровых людей Тимофея Савельева, Алексея Савельева, Федора Иванова, Петра Савельева и Власа Иванова с товарищи, от коих вверено надписанием на прошении подать его, в котором прописывает: находются они, именованные, всего 106 душ, на вышеоглавленном заводе приписные ко оному единственно только для литейной работы, следующей по тому заводу, а не на барщине, от коей они бы и не отреклись, естьли б он, Никонов, платил каждому мастеровому человеку настоящую плату, но он, вместо того, самым лутчим мастерам платит только по 12 коп. на день, а протчие все находятся без работы, почему они, именованные, не только государственных податей платить будут не в состоянии, но даже и себе пропитание иметь не могут; оная ж чугуноплавительная домна бывает в настоящем ее действии не весь год; с начала ж их приписки по оному заводу из их заработанных денег вычитал означенной содержатель Никонов по 25 коп. с рубля и за них сам платил государственные подати, говорил в то время, что якобы они в купеческом положении, но ныне неизвестно им, с какого умысла он, господин Никонов, стал не только их, но и домашних их привлекать в собственную его работу, да и нередко приговаривал, будто бы они собственные его крестьяне по 5 ревизии в сказках за ним, Никоновым, написаны, но как они себя не признают его крестьянами, а только при-

писаны к заводу и всякий о себе может доказать, из какого его звания к тому заводу приписался, в таком случае и принужденными нашлись просить, так как они, именованные, находются на означенном заводе только для заводских работ, а не собственные ево, Никонова, крестьяне, то ево вовсем вышеписанном, равно и в записании по 5 ревизии за собою в сказках крестьянами, спросить и поступать с ним на основании изданных о сем законов, — они ж, именованные, из какого кто звания в приписку к тому заводу поступил, объясниться сему уездному суду имеют, а за сим более уже они без работы и служения на оном заводе продолжать [находиться] не желают, потому что как бы и в самом деле он, Никонов, не превратил, чрез таковое ево действие, их, именованных, в ево крестьян, и просют от такового его беззакония содействия силою закона их защитить и, по силе высокомонарших узаконений, дать им вольность, а как 6 числа сего июля подал уже прошение означенный господин Никонов, в котором прописывал, что чугуноплавительного ево инсарского завода мастеровые люди Тимофей Савельев, Алексей Савельев, Федор Иванов, Иван Емельянов, Павел Силантьев, Влас Иванов, Антон Емельянов, Иван Уваров, Иван Петров, Кирей Матвеев, Иван Никифоров, Иван Савельев, Алексей Данилов, Астафий Кузьмин, Иван Никифоров, Леонтий Петров, Василий Петров и Антон Федоров вышли из ево послушания и домну действующую остановили, застудили во оной чугун, отчего причинили ему великий убыток, отозвався, что работать не хотят и от повиновения совсем отказались, поелику ж при заводе все мастеровые люди, как по ревизским сказкам видно, есть покупные собственно завотчиками Никоновыми, так же из дел видно, что сей завод и начально еще заведен без всякого от казны пособия собственным иждивением заведавшего. Уездный суд предписал нижнему земскому суду, дабы, тотчас отправясь на чугунный завод, силою своею должности в высочайшем о губерниях учреждении, в статьях 224 и 242 начертанной, привел мастеровых в должное повиновение, на что от нижнего земского суда 8 числа донесено, что те мастеровые ушли в губернский город Пензу, а в законах постановлено: в 1-м имянном всевысочайшем указе, состоявшемся генваря 29 дня 1797 года, «с самого вступления нашего на прародительский наш императорский престол, предположили мы за правило наблюдать и точно взыскивать, дабы каждый из верноподданного нам народа обращался в пределах, званию и состоянию его предписанных, исполняя ево обязанность, и удалялся всего тому противного, яко разрушающего порядок и спокойствие в обществе; ныне уведомляемся, что в некоторых губерниях крестьяне, помещикам принадлежащие, выходят из должного им послушания, возмечтав, будто бы они имеют учиниться свободными и простирают упрямство и буйство до такой степени, что и самым прещениям и увещаниям от начальства и властей, нами поставленных, не внемлют; соболезнуя милосердно о таких развращающихся с пути истинного и полагая тут виною

более заблуждение внемлющих лживым внушениям и отзывам от людей праздных, по легкомыслию или же корыстным видам присваемым, восхотели мы предварительно всяким усильным мерам к укрощению буйства подобного, влекущим обыкновенно за собою самые бедственные и разорительные для непокорных последования, — употребить средства кроткие и человеколюбивые, почему монаршим и отеческим гласом нашим взываем всех и каждого, да обратятся к должному законам и власти повиновению, ведая, что закон божий поучает повиноваться властям предержащим, из коих нет ни единой, которые бы ни от бога поставлена была, [и] повелеваем, чтобы все помещикам принадлежащие крестьяне, спокойно пребывая в прежнем их звании, были послушны помещикам своим в оброках, работах, словом всякого рода крестьянских повинностях под опасением за преслушание и своевольство неизбежного по строгости законного наказания, — всякое правительство — власть и начальство, наблюдая за тишиною и устройством, в ведение ему вверенном, долженствует, в противном случае, подавать руку помощи, и крестьян, кои дерзнут чинить ослушание и буйство, подвергать законному суждению и наказанию»; во 2-м, 1798 г. марта 16: «Берг- и мануфактур-коллегиям с помощью губернского начальства крайне наблюдать, дабы к заводам и фабрикам купленные деревни всегда были при заводах и фабриках неотложно»; в 3-м, 1803 г. июля 18, между прочим в 3-м пункте: «Суд и расправу между фабрикантами и фабричными людьми в исках и жалобах так, как и все вообще тяжебные по фабрикам дела, согласно указу 1779 г. ноября 22 дня, производить на прежнем основании в присутственных местах из порядку, законами установленному», далее же в том указе: «в устроенных и на прежнем основании оставшихся еще губерниях генералам и губернаторам и прочим начальствам подтвердить, чтобы принадлежащие частным людям собственно фабрики и мануфактуры не инако разумеемы были, как собственное имение, которые каждый по состоянию своему и по порядку, в законах предписанному, учреждать может свободно».

Приказали: как означенная ныне поданная прозба от мастеровых людей открывает совершенное их неповиновение завотчику Никонову и отбывательство от крестьянства, какового никакие законы не отъемлют их от него, а более так, как выше описано, утверждают во оном и для того подателя прозбы Григория Ивакоторым отслушников, введя в присутствие и по объявлении имянного 1763 г. февраля 10 дня указа и со увещеванием священника допросить, почему возомнили они быть свободными от Никонова, и кто из них более в сем замысле начинщик, нет ли к тому от кого соблазна какого и кто сочинял поданное им прошение, а так как нижний земский суд доносит, что взбунтовавшиеся мастеровые люди ушли в губернский город Пензу, то о поимке их и о доставлении за крепким караулом сюда к поступлению по законам

сообщить пензенской городовой полиции и о сем происшествии донесть е. пр-у г. пензенскому гражданскому губернатору, тайному советнику и кавалеру Филипу Лаврентьевичу Вигелю и губернскому правлению с прописанием всех обстоятельств.

Уездный судья Василий Зимнинской.
Заседатель Андрей Добрынин.
Заседатель Дмитрий Заварин.

(Центр. архив МАССР, ф. 215, д. 27, л. 256—257.)

б) 1804 г., июля 14. Решение Инсарского уездного суда о содержании под стражей неповинующихся крестьян заводовладельца Никонова.

1804 г., июля 14 дня инсарской уездной суд по случаю открывшегося непослушания от мастеровых чугуноплавильного инсарского завода противу владельца их титулярного советника Никонова, содействуя высокомонаршей милости, изъявленной в именном всевысочайшем е. и. в. указе, 29 декабря 1797 г. состоявшемся, дабы каждый из верноподданного народа обращался в пределах, званию и состоянию ево предписанных, исполняя ево обязанность, и удалялся всего тому противного, яко разрушающего порядок и спокойствие в обществе, — за благо рассудил паки вызвать в присутствие мастеровых заводских, под караулом содержащихся, и сделать довольное увещевание, чтобы обратились к должному законам и власти повиновению, повторяя им чтенные вчерашнего 13 числа законы, в показании с них взятом описанные, а на причину совершенного их отбывательства от Никонова, растолковывая особенно из учреждения 1763 г. апреля 9 дня, учиненного на Ижевской и Вотчинской заводы п.п. 3 и 4, предоставляющие право конторе заводской наказывать их за ослушание в работах. А в удержке заработной платы [полагается им] бить челом в судебных местах, от миру послав нарочно челобитчиков. [Истолковывая], что нарушением сего правила неминуемо подводят себя к тому наказанию, но, не внемля всему тому, все [рабочие] единогласно сказали, что работать в заводе не будут за такую малую по 12 коп. в день плату, а когда при том возразил поверенной их Григорий Иванов, что читанное им учреждение 1763 г. апреля 9 дня не имеет силы, а прежде его есть указ, по силе которого не должны они быть крепки Никонову, тогда все отозвались, что прозба от них в суд подана, и делали бы по ней решение, как хотят, а они, что ни говори, не слушают. И так, видя при всем том чрезвычайную их азартность, не подающую ни малой надежды урезонить в невежестве и довести до повиновения, законом предписанного, приказали: обратить их по прежнему под караул, сообщив городской полиции, дабы благоволила

содержать их, как злонамеренных к нарушению общего благоустройства и неповинующихся закону.

Уездный судья Василий Зимнинской.
Заседатель Андрей Добрынин.
Заседатель Дмитрий Заварин.

(Центр. архив МАССР, ф. 215, д. 27, л. 267.)

в) 1804 г., июля 16. Решение инсарского уездного суда о взятии под стражу мастеровых инсарского чугуноплавительного завода заводовладельца Никонова.

1804 г., июля 16 дня инсарский уездный суд, во исполнение ордера е. пр-а г. тайного советника пензенского гражданского губернатора Ф. Л. Вигеля, каковой в копии представлен от г. земского комиссара Федорова, обязанностью поставил вызвать в присутствие содержащихся под караулом заводских поверенного Григория Иванова и мастеровых (8 чел.). И, следуя цели своей к доведению их до повиновения, читаны им были внятным образом слово до слово при г. уездном стряпчем, как ордер е. пр-а, так за ним высочайший указ, состоявшийся в 29 день генваря 1797 г. о повиновении и прочее, 13 и 14 чисел им уже читанные, ...но, не внемля всему тому немало, все единогласно отозвались, чтоб делали с ними что угодно, а работать за такую малую по 12 коп. в день плату пешему человеку не будут, и что заводчику Никонову нимало не крепки, потому что приписаны были они к заводу тогда, когда Никоновы были купцами, а некоторые хотя и куплены были, но весьма за малую цену, ныне же, так как он, Никонов, есть офицер, то может продать только завод, а их не вправе, и они должны остаться вольными, после чего, не внемля никаких убеждений, возражающих на их заблуждение, сказали, что остаются при прежней поданной от них прозбе и будут ожидать решения.

Приказали: обратить всех их паки под караул, да в журнале сем по делу [дать] копию, да и нижнему земскому суду (так как по сей материи сделано поручение от г. губернатора земскому комиссару) с прописанием сего дать знать.

Уездный судья Зимнинской.
Заседатели: Андрей Добрынин,
Дмитрий Заварин.

(Центр. архив МАССР, ф. 215, д. 27, л. 268.)

г) 1804 г., августа 11. Определение инсарского уездного суда по делу о неповиновении мастерового Филиппова заводовладельцу Никонову.

1804 г., августа 11 дня по указу е. и. в. инсарской уездный суд, слушав выписку, учиненную из дела законов во отбывательстве и во ослушании от повиновения Инсарского чугуноплавительного

заводу черкасом Алексеем Филипповым от помещика ево титулярного советника Никонова, коего обстоятельства следующие: сего 1804 г., июля 12 числа в поданном титулярного советника Александра Андреева сына Никонова в суд сей прошении написано: 1802 г., июля 2 дня состоялось в инсарском уездном суде определение, которым, предоставляя прозбу ищущего вольности, припи-санного за него из черкас Алексея Филиппова, заключено быть ему навсегда в его владении; он, Филиппов, будучи сим приговором недоволен, взяв дело на апеляцию в пензенскую палату гражданского суда, сам поныне проживает свободно по мельницам, около города лежащим, он же (Никонов), между того, лишаясь должных от него повинностей напрасно, платит за него и государственные подати, имянным всевысочайшим е. и. в. указом объясненные. В указе Правительствующего Сената от 15 генваря 1798 г. повелено ищущих вольности, до окончательного решения дела, оставлять в полном повиновении помещиков, о чем уже и Правительствующего Сената в 1-м департаменте прошлого 1802 г. декабря 8 числа во определении сказано, что они ему отданы в помещичье владение, — то, вследствие чего, и просил означенного черкаса, сыскав через кого должно, по силе помянутого имянного высочайшего указа, отдать ему. В сем суде по справке оказалось, что об оном Филиппове дело в 1802 г. июля 2 числа решено на основании указа 1785 г. июня 2 и октября 31 чисел и всемилостивейшего манифеста 1787 г. июня 28 дня 4-го пункта, и представлено оному черкасу Алексею Завалицкому[1], — так как с 1763 г. поныне во услужении у титулярного советника Никонова находящемуся, — по всем с того времени ревизиям писанному и никогда доныне непросившему [о вольности] — быть со всем семейством во владении и в подушном окладе за ним, г. Никоновым, коему и отдать его с росписко. И по подписании оным Филипповым того года августа 11 числа неудовольствия отослано дело во апеляцию в пензенскую палату гражданского суда. Определено: как из справки видно, что по решению здешнего уездного суда Филиппов действительно утвержден в принадлежности ему, Никонову, а хотя по неудовольствию Филиппова и взято дело в апеляцию, но, поелику вследствие указа 1798 г., повелевающего ищущих вольности до решения дел оставлять в полном повиновении помещиков, — с одной только предосторожностью, чтобы помещики были обязаны подпискою никаких наказаний сего рода людем без ведома земской полиции не делать, — следовательно, по силе такового законопостановления и должен он быть налицо у г. Никонова, дабы Филиппов не проживал праздно, предписав нижнему земскому суду указом велеть, сыскав ево, нимало не медля, отдать с росписко г. Никонову и со обязанием сего последнего повеленною подпискою об исполнении донести. Июня 22 числа в полученном из инсарского нижнего земского суда в суд сей рапорте написано: во исполнение указанного уездного суда [решения] ищущего вольности от титулярного советника чугуноплавительного завода содержателя Александра Андреева сына Никонова приписного за него из черкас Алексея Филиппова, — которого тем указом до решения взятого им на апеляцию в пензенскую гражданскую палату дела велено, согласно имянному 1797 г. декабря 3 дня указу, отдать ему, Никонову, в полное повиновение с одною только предосторожностью, чтобы он, Никонов, без ведома земской полиции никакого наказания не делал, — введен был он, Филиппов, в присутствие суда того и прочитаны были ему, Филиппову, указы оного суда, так и вышеписанной имянной 1797 г. декабря 3 дня, и он при довольном их растолковании объявил, что он [к] Никонову в повиновение не пойдет, а сих указов не слушает, а будет отыскивать своей вольности; и оной Филиппов к поступлению с ним по законам в сей суд прислан, и, при том, вместе [с] отобранным показанием того ж числа во отобранном в земском суде от черкаса Алексея Филиппова показании написано: что де он Никонову в повиновение не пойдет и сих указов не слушает. По слушании рапорта в сем суде определено: подсудимого Филиппова в подтверждении показания допросить, что покажет, записать к докладу; июля 22 в подтвердительном ищущего вольности от титулярного советника Никонова из черкас Алексея Филиппова в допросе показано: титулярному де советнику Никонову во услужение, пока дело о вольности его не решено будет, ни под каким видом не пойдет, при сем, когда говорено было ему, что не собственно по себе присутственные места отдают его Никонову, а во исполнение имянного высочайшего указа 1797 г. декабря 3 дня состоявшегося, который и прочтен был слово в слово, растолковывая ему особенно, чтобы он не оказался [подверженным] никакому от Никонова наказанию, которой вследствие повеления в том указе обяжется и подпискою о нечинении оного, — то на все сие говорит, что он и сего высочайшего указа не слушает, и, что за сие ни случится, приемлет на свой отчет и, кто что ему ни говорил, он знает себя и знает что делает. Июля 22 числа в сем суде в журнале записано: по случаю де отказа ищущего вольности от титулярного советника Александра Никонова из черкас Алексея Филиппова от приложения руки к допросу своему, сего числа написанному, читан он был ему паки, а по выслушании сказал, что слова, в нем написанные, — те самые, что он говорил, что к Никонову не пойдет и указа, ему читанного 1797 г. декабря 3 дня, не слушает, в чем и теперь стоит, но руки к сему допросу прикладывать не будет и не следует; в указе же 1707 г. марта 22 повелено: по исцовым делам ответчиков допрашивать и приводных людей и крестьян расспрашивать и крепить оные расспросы по приложении рук, что допрашиван или расспрашиваем, — определено: по силе указа 7208 октября 20 дня, которым повелено: ежли ответчики против исковых челобитьям сказок не дадут и к допросным

[1] Так в подлиннике.

речам рук не приложат, то их держать неделю, а когда и в неделю не исполнют, тогда уже их тем винить, оного Алексея Филиппова обратить под караул на неделю, понуждая, между того, к исполнению зависимого от него. Июля 29 числа в сем журнале записано: по случаю де неприложения руки черкасом Алексеем Филипповым к написанному 22 числа июля к допросу, которой за то по силе указа 7208 года октября 20 дня отдан был под караул на неделю и в течение оной, однакож, не исполнил, возван был паки в сие присутствие, но и тут отзывается, что прикладывать руки не будет и не следует, да и в земском суде напрасно приложил. Определено: допрос 22 числа написанной, от показания в коем написанного он, Филиппов, не отступает, и ныне подать оной для скрепы, а коликих подсудимой по ревизии написан лет сделать справку, а по справке оказалось, что по данным прошлого 1755 г. июля 17 дня к нынешней 5-й ревизии в ревижских сказках прежде бывшего пензенского наместничества Инсарской округи железного завода за содержателями титулярного советника Александром, поручиком Сергеем и капитаном Петром Андреевыми детьми Никоновыми означено: черкас Алексей Филиппов 25 лет в написании значится наличным, а потому 29 июля резолюцией заключено:

сочинить из дела и законов выписку и предложить к слушанию, а в законах напечатано: «Воинского устава» в артикуле 27-м: «Буде офицеру и солдату в ево величества службе от начальства своего что управить повелено будет, а он того из злости или упрямства не учинит, но тому нарочно и с умыслу противиться будет, оный имеет, хотя высший или нижний [чин], всемерно живота лишен быть»; в 29-м: «Тако ж имеет подчиненный от всякого непристойного рассуждения об указе, которые ему от ево начальства даны, весьма воздержаться, а естьли кто противу того учинит, а особливо тогда, когда с неприятелем в бой вступят или иная тому подобная учинится потреба, то оного, по окончании того дела, за непристойное ево дерзновение лишением чести наказать», в 35-м: «Все указы, которые в лагерях или в крепостях при трубах, барабанах или при пароле объявятся, имеет каждый необходимо исполнить, а кто тому явится противен и преслушан, оный достойно себе при сем наказание учинил». Морского устава 5 книги 1 главы: «В отделениях кто, против его и. в. особы хулительными словами прогрешит, действию или намерению препятствовать [будет] или указ презирать или непристойным образом о том рассуждать будет, — оный имеет быть живота лишен». 20 главы во 146 отделении: «Всяк, какова б чину и достоинства ни был, кто ведением и волею против наших указов и повелений проступится, за то казнен будет смертию, а ежели кто неведением указа иль повеления преступит, тот, по рассмотрению дела, наказан быти имеет». Приказали:

Как подсудимой Филиппов учинил явное ослушание не только противу уездного и земского судов, но и противу имянного высочайшего 1797 г. декабря 3 числа указа, по силе коего суд заключил

отдать его помещику впредь до решения производящегося в пензенской палате гражданского суда во отыскивании им вольности дела отрекательством от бытия у Никонова в повиновении и в непослушании вышеозначенного узаконения и в допросах свое преступление самовольно обнаружил, а сверх того и руки к подтвердительному в сем суде допросу упрямством не приложил, за что содержен был по силе указа 7208 года октября 20 дня неделю под караулом; но и по прошествии сего времени, не отступая от своего показания, не исполнил, за каковое неповиновение законам и властям, к точному исполнению оных предуставленным по силе Воинского устава главы 3-й, артикулов 27, 29, 34, 35, Морского устава 5-й книги, артикулов 2, 9, 16, главы 20-й артикула 146 и указа 1720 года февраля 9 числа [хотя и] подлежал строгому наказанию, но уездный суд, приемля во основание наказ комиссии о сочинении проекта нового уложения 1767 г., июля 30 дня состоявшегося, 8-й главы 82, 83, 84 параграфы, 10-й главы 191 параграфа 1-е отделение, не оставляя преступника без должного возмездия, но, дабы умерить наказание во исправление впредь от подобных ослушаний, мнением полагает ему, Филиппову, учинить наказание плетьми, дав 200 ударов, подтверждая при том ему, дабы впредь поступал в исполнении предписанного законом с точностию и потщился загладить свое преступление хорошим поведением, а по наказании по силе именного 1797 года декабря 3 числа указа отдать его впредь до решения дела во владение помещику Никонову, коего по силе того ж указа обязать подпискою, дабы он без ведома земской полиции наказания ему, Филиппову, чинить не мог, но, не выполняя по сему заключенного дела, по учинении с выпискою с экстрактом именным по силе высочайшего о губерниях учреждения 111 статьи, отправить на ревизию в пензенскую палату уголовного суда при доношении чрез почту, а подсудимого Филиппова посредством полиции при открытом путевом листе отослать, и сие определение, записав, приобщить к прочим, а в повытье ко исполнению дать копию.

Уездный судья Зимнинской.
Заседатели: Андрей Добрынин,
Дмитрий Заварин.

Августа 12 числа 1804 г.

(Центр. архив МАССР, ф. 215, д. 27, л. 374—379.)

д) 1804 г., сентября 30. Определение инсарского уездного суда по прошению заводовладельца Никонова об урегулировании отношений с мастеровыми завода.

1804 г., сентября 30 дня инсарской уездный суд, слушав прошение, сего числа поданное от титулярного советника Александра Никонова, в котором, снисходя на дороговизну ныне хлеба, прибавляет чугуноплавительного своего завода мастеровым людям к

12-ти коп. за поденную работу платимым еще по 3 коп., рассматривал при том и самые обстоятельства дела, начавшегося по жалобе оного Никонова об ослушании мастеровых при заводе людей и их напротив претензии о малой за поденную работу плате, а также и на неисправность завода. И, по довольном уважении всего того, приказали: как по жалобе титулярного советника Никонова, что мастеровые чугуноплавительного его завода вышли из его послушания, домну действующую остановили, застудили в оной чугун, отказався от всех заводских работ, уездный суд единственною обязанностью с своей стороны имел привести мастеровых в должное повиновение и восстановить паки действие завода, на сем самом основании в предписании, нижнему земскому суду данном, — вследствие чего, а также и по повелению е. пр-ва пензенского г. губернатора все мастеровые в заводскую работу уже вступили, не делая Никонову ослушания, так, как свидетельствуют о том донесение земского комиссара и подписки, мастеровыми данные, а сверх того и сих последних претензия за малую плату за поденную работу удовлетворена, согласно желанию их прибавкою Никоновым к платимым до сего 12 коп. еще по 3 коп. на человека, что удостоверяет сам Никонов поданною в сей день прозбою, чем непосредственно доказывает снисхождение свое по обвиняемому им поступку противу его, то не настоит уже, кажется, нужды и следствие продолжать, тем более что за прекращением, таким образом, с обеих сторон главных претензий, одной повиновением, а другой прибавкою платы за работу, — при том: 1) домна остановлена была и чугун во оной застужен, 2) употребление Никоновым мастеровых и жен их вместо заводской в собственные работы, поелику в первом [случае] мастеровые слагают причину на неисправность материалов, соделавших и остановку в действии домны (ко удостоверению чего... потребны весьма ясные доказательства или же и самое изыскание через чиновников, знающих горное дело, каковых здесь нет); а в другом [случае], яко равным образом еще недоказанном и подлежащем совсем новому следствию, о чем, однако ж, с обеих сторон, не только доказательств, но и прозб настоятельных поныне нет, и для того, вместо вынуждения доказательств, за лучшее средство признается представить сие на особые их прозбы, буде пожелают, а потому и содержащегося под караулом одного отмастеровых, освободивши, отдать в завод г. Никонову через нижний земский суд, о чем ему и предписать указом, сказав во оном, чтобы, собрав всех мастеровых заводских, как и жен их, прочитал им внятно имянный всевысочайший указ, 1797 г., генваря 29 день состоявшийся, о повиновении, подтвердив с подпискою, что, в случае неисполнения ими впредь обязанности своей, поступлено будет с ними по всей строгости законов без всякого упущения. Донося по исполнении уездному суду, что все сие, однако ж, представить на благорассмотрение е. пр-у пензенскому гражданскому губернатору так, как донесено ему было в начале происшествия сего обстоятельства. Напротив сего предложенное от него следствие,

земским комиссаром произведенное, прислано к доследованию и решению в уездный суд при указе из губернского правления от 19 февраля № 22002.

Уездный судья Зимнинской.

Заседатели: Андрей Добрынин,
Дмитрий Заварин.

(Центр. архив МАССР, ф. 215, д. 27, л. 659.)

1812 г., декабря 21. Приговор саранского уездного суда по делу о неповиновении крестьян деревни Малой Елховки своему помещику и нежелании итти в ополчение.

1812 года, декабря 21 дня, по указу е. и. в., саранской уездной суд, слушав выписку, учиненную из дела, начавшегося по рапорту саранского нижнего земского суда о поступлении по законам вотчины гвардии прапорщика Николая Сергеева сына Буторлина Саранской округи деревни Малой Елховки с крестьянином Егором Ивановым с товарищи, за неповиновение ими оному г-ну их, непослушание противу начальства, за битье оного ж господина Буторлина управляющего Егора Астафьева и за побег из оной деревни Елховки от отдачи следуемых в ополчение людей, — в которой написано: сего 1812 года, минувшего ноября 20 дня в присланном в сей суд из пензенского губернского правления указе написано: оное де правление слушали предложенный от господина гражданского губернатора и кавалера рапорт саранского земского исправника следующего содержания: отставного гвардии прапорщика Буторлина управляющей Саранской округи сельца Елховки староста Савелий Петров, поданным объявлением от 1-го октября саранскому земскому суду, дал знать, что, по назначению с той деревни в ополчение пяти человек воинов, крестьянам назначил и приказал изготовить к отдаче, но, вопреки его приказания и общей государственной службы, все почти разбежались, отчего та повинность зделать может медленность и остановку, по коему объявлению он, прибыв в сельцо Елховку, нашел во оной только самых стариков и захваченных в ополчение одиноких, а не семейных людей, — созвав, сколько можно престарелых жителей, нашел из них, что, сверх старого, избранного от помещика, по их воле еще избран начальником собственно для распоряжения ими крестьянин Семен Семенов, что, увидя, заметил неповиновение к господину и избранному от оного старосте. Но, по нынешнему времени, с кротостию объявил им, что они должны повиноваться тому, кому вверил владелец, но и затем, чтоб только сохранить покой и тишину, увещевал их быть спокойными, и что ныне не только уклоняться или бегать, но на защиту отечества всякому к обороне должно быть готовым, и что их товарищи разбежались, не иное, что значит, как безумие и непослушание общих государственных правил. И, чтоб все бежавшие явились и ко всем им

по всем статьям, начертанным ему, должностям к их исполнению. И, сверх оных, объявил им подробно и внушил, по основанию повеления его сиятельства, все предосторожности, как к общему благу и собственной их безопасности и осторожности, поставить в селении караул смотреть за проезжающими и бродягами, и чтоб ни вор, ни беглой не мог нигде скрыться, отвлекая зверское их зазрение на господина и поверенного от оного старосты, сверх данной от них подписки правительству быть в повиновении; на общее спокойствие решился он признать и выбранного от оного старосту, — сверх данной от них подписки правительству быть в повиновении, — старосту крестьянина Семена Семенова, и объявил ему и сошким быть принадлежащими из земской полиции, но чтоб только все узаконенные правила сохранены были, и по данной от них подписке повиновение было, и тем самым обязав его и бывших при нем собранных крестьян октября 5-го подпискою, а затем надеясь, что те крестьяне войдут все в должной порядок, а затем от 1-го ноября поданным оный же Василей Петров объяснением дал знать, что из бежавших лутчих людей поименно 19 человек в селение явились, но, выходя из послушания, нейдут в господские работы, и объявили:

Буде кто станет наряжать, то убьют до смерти, по каковому объявлению ко увещеванию и приведению крестьян в послушание отправился сельской заседатель Колмогоров и с прикащиком господина Буторлина Егором Астафьевым, хотел внушить о повиновении. Но вдруг крестьянин Михай Тимофеев и с ним до десяти других крестьян, выскоча из дворов с дубинами, а из них один с топором, схватя прикащика Астафьева, так избил дубинами и обухом, что вряд ли будет жив, почему сельской заседатель, видя таковое зверское неповиновение, едва мог уехать и донести о происшествии суду, что все сие представил на благорассмотрение его сиятельства. [Он] осмеливается донести происшествие прежнее крестьян елховских и буйство, известное правительству. И ныне, за всем кротким убеждением земской полиции, выходют из послушания, но, чтоб заставить их к законному повиновению и точному исполнению государственных правил, то сие он может в 24 часа кончить и успокоить, буде благоугодно будет его сиятельству повелеть отрядить к нему военную команду. А по малоимению здешней штатной команды, хотя от здешнего ополчения новонабранных воинов, собрав неповинующихся и беглых в город под стражу, допрося в том побеге, и кто передерживал, строжайшему предать суду в пример другим крестьянам, а кольми паче за то, что, по нынешнему военному ополчению, всякой гражданин должен быть готовым на защиту отечества, а не скрываться бегством. Но крестьяне в деревне Елховке обнаруживают... В губернском правлении оказалось, что те же самые крестьяне сельца Елховки, до которых относится нынешнее донесение земского исправника, оказывали уже и прежде непослушание помещику своему до того, продолжением [чего служит] явное неповиновение не только

пред земскою полициею, но даже и пред двумя губернскими чиновниками, нарочно по случаю сему командированными в сельцо их Елховку, куда напоследок и сам начальник губернии в необходимости был отправляться для усмирения их и вразумления за которое главнейшие из тех крестьян уже и судились, на тот конец, дабы наказанием зачинщиков обуздать своевольство, и когда о распоряжениях здешнего гражданского господина губернатора и кавалера по сему предмету было донесено министру полиции, то е. и. в. высочайше соизволил оные подтвердить. Вследствие чего по решению палаты уголовного суда виновные наказаны телесно с некоторым снисхождением во уважение чистосердечного раскаяния их и удостоверения, что впредь на непослушание не поступят, но вместо того ныне, даже и при случае государственной надобности в поставке воинов, особенно при обстоятельствах защиты отечества и престола от неприятеля, оказали неожиданное и непростительное своевольство, упрямство и дерзость зверскими побоями прикащика господина Буторлина, то по важности сего, дабы, с одной стороны, решительно усмотрить их, с другой — вывести их из столь сильно[го] заблуждения, необуздительности, и для того в губернском правлении определено:

По положению господина губернатора обратить на них действие земской полиции с воинскою командою и для оного саранскому земскому исправнику предписать указом, чтобы он, вследствие сделанного уже предписания от командира пензенского гарнизонного баталиона по предварительному о сем отношению к нему от господина гражданского губернатора, приглася начальника саранской инвалидной команды, с необходимым числом вооруженных солдат, истребовав от здешнего полицмейстера сколько нужно из состоящих в ведомстве его конных казаков и калмыков, тотчас отправиться в деревню Елховку и употребить все благоразумие, чтобы сколько можно более кроткими, нежели самыми крайними, мерами произведены были сии закосненные в дерзости крестьяне к должному повиновению, поступив сообразно обязанности его в высочайшем о губерниях учреждении начертанной с такою деятельностию и точностию, каковой только можно ожидать от чиновника, всю округу заведывающего и наблюдающего за тишиной и спокойствием и безопасностью, и, в то же время, забрав всех неизъемлемо зачинщиков и участвующих в буйстве, силою власти предать их строжайшему суждению, тем более что они за всеми уверениями своими отважились теперь на новое преступление, для чего и отослать их при следствии в сей уездной суд, которому ныне же предписать, чтобы, как скоро поступит дело, озаботился самоскорейшим решением оного к поступлению с виновными по законам. Буде же и доныне не отданы в ополчение воины, то тут же при себе передать их и за присмотром воинской команды отослать при отдатчиках, куда следует, со всем принадлежащим к поставке; причем земскому исправнику за то, что он по делу

толикой важности, каково есть непослушание и упрямство крестьян во исполнении законного требования, осмелился отправить от себя сельского заседателя, строжайший выговор и подтвердить, что за таковое действие подвергнется впредь непременному взысканию. На которой указ резолюциею в сем суде заключено: оной приобщить к протчим, а когда присланы будут крестьяне, означенные в указе к законному суждению, и в то время отдать оной указ в повытье и учинить по оному на законном основании исполнение.

А декабря 7 дня прислано в сей суд от саранского земского исправника майора Долгинцова обследование и с подсудимыми девятнадцатью человеками. В следствии ж оном значит: минувшего октября 2-го дня в поданном вотчины господина гвардии прапорщика Николая Сергеевича Буторлина Саранской округи деревни Елховки староста Василей Петров в объявлении пописывал: назад де тому дней с пятнадцать, приехав в показанную деревню, оного нижнего земского суда сельской заседатель Андрей Семенов сын Колмогоров объявил, чтобы он представил в ополчение за написанные в оной деревне за господином его крестьян ста двадцати душ пять человек ратников. Но, так как по провождении реченного заседателя Колмогорова, начав он требовать назначенных господином его к отдаче во оное, а именно: 1-го — Елисея Тимофеева, 2-го — Григорья Филиппова, 3-го — Егора Иванова, 4-го — Николая Иванова, с тем, чтоб они изготовились в оные ратники. Но они, выслушав сие ево приказание, ни сказав ничего, все самовольно из показанной деревни Елховки, неизвестно куда, разбежались, и, хотя в то ж самое время и старикам сказано от него, чтоб их содержать до следующего дня в железах, но они на сие не согласились, сказав, что де они сих людей не отдают, а поедут к господину своему для прозбы о смене оных, за каковым их побегом и представить к отдаче некого, ибо опричь назначенных крестьян в ратники крестьяне же, до коих и очередь не доходила, оставя домы свои, разбежались и, где теперь оные находются, оного ему неизвестно, чем и остановилась вышеупомянутая отдача предписанных ратников. [Он, Колмогоров] просил учинить по здешней округе, чрез кого следует, распубликование и буде где оказаться может из числа показанных крестьян, то представить куда следует; ему же непредставление их за побегом в ратники за винность не почитать, на которое объявление резолюциею в земском суде заключено: «оное записав, отдать в повытье, а для должного по оному выполнению отправиться присутствующему». А ноября 2-го дня в поданном же помянутый нижний земский суд Саранской округи сельца Малой Елховки гвардии прапорщика Николая Сергеевича Буторлина от старосты Василья Петрова объявлении написано: небезызвестно де оному суду, что бунтующиеся и ищущие вольности означенного сельца Елховки господина ево крестьяня, по написании нынешней 6-й ревизии всего 120 душ, признав свою винность,

дали сему суду подписку, дабы господина ево во всем обрабатывать и быть во всяком повиновении и послушании, а как сего года в августе месяце наслышались о предстоящем ополчении воинов со 100 душ четырех человек, разбежались. Из числа ста двадцати душ, а именно: Савелий Степанов, Дмитрий Матвеев, Григорий Матвеев, Степан Дмитриев, Алексей Степанов с сыном Фадеем, Филипп и Иван Михайловы, Борис Андреев, Елисей Тимофеев, Филипп Тимофеев, Павел Иванов, Петр Трофимов, Матвей Семенов, Григорий Филиппов, Аким Антонов, Федор Шилин, Егор Иванов, Николай Гусков, — всего 19 человек за отдачею из вотчины господина ево к ополчению ратников. Но ныне реченные бежавшие явились в домах своих и в разные числа для обрабатывания господина ево наряду требованы, но они отозвались тем, чтоб их вышеписанных 19 человек ни под каким видом наряд для обрабатывания господского не чинить, с такими еще угрозами: естьли де будете наряжать, то нарядчиков побьем до смерти, почему минувшего октября 31 числа послан был от него к оным волнующимся нарядчик Захар Матвеев, коего, подхватя за ворот, из стариков Михей Тимофеев с имеющимся в руках топором едва не срубил. [Колмогоров] просил вышеписанных бунтующих, чрез кого надлежит сыскав, и с дачею суду тому подпискою в бунтовстве и в неповиновении их господину ево поступить по законам, на которое объявление резолюциею в земском суде заключено: оное объявление приобщить к протчим, и по оному для произведения следствия и приведения ослушных в повиновение отправиться земскому исправнику; того ж ноября 8-го дня в поданном в саранской нижний земской суд оного ж суда от сельского заседателя Колмагорова рапорте написано: по поданному де ево в оной суд того ж ноября 2-го дня Саранской округи сельца Малой Елховки гвардии прапорщика Буторлина от старосты Василья Петрова объявлению, за отбытием господина исправника в округу, для выполнения по части ево разных дел отправился он того ж ноября 6-го числа в означенное сельцо Елховку для забрания неповинующихся крестьян Савелья Степанова с товарищи, всего девятнадцати человек, которой для объявления того 7-го числа по утру пошел от оного селения с выборным, а как ево зовут и по отчеству не знает, да с прикащиком Егором Астафьевым и двумя на господском дворе живущими ямщиками. Сколь же скоро пришли к тем крестьянам, коим следовало объявить, то начально из них Михей Тимофеев с зятем своим и другие, человек с лишком до десяти, выскоча из дворов с дубиньями, один с топором, яко раздраженные звери, поймав сказанного прикащика Астафьева, тем дреколием и обухом били без всякого пощадения, и жив ли остался он в руках их, он уже знать не может, потому что, видя сие их злодеяние, весьма поражен был страхом и едва с выборным мог уйти на господский двор, с донесением о сем происшествии суду ехать в Саранск, что и представлял на рассмотрение по законам оному суду. А ноября 8-го дня в саранском нижнем земском

суде на поданной от заседателя Калмогорова рапорт резолюцию заключено: оной рапорт приобщить к поданному объявлению и о сем происшествии его сиятельству господину пензенскому гражданскому губернатору и кавалеру князю Григорью Сергеевичу Голицыну от имени земского исправника донесть рапортом. Того ж ноября 25 числа саранский земский исправник майор Долгинцов, прибыв на место Саранской округи помещика гвардии прапорщика Николая Буторлина в сельцо Елховку, журналом заключил избитому сельца Елховки помещика Буторлина управляющему Егору Астафьеву, при собраниях понятых сторонних людех за приводом их присяге, учинить на законном основании свидетельство, о чем приходскому их села священнику, дабы он явился с крестом и евангелием, дать ведение, а о собрании понятых послать нарочного, а потом от прикащика Астафьева, как в неповиновении, так и побоях отобрать показание. А неповинующихся крестьян всей деревни, собрав сход, внушить им с кротостию о происходящем их самовольстве с приказанием, дабы они некоторых бежавших главноучаствующих по сему делу доставили, а до того, вместо экзекуции, военную команду расставить со всякою тишиною по квартирам. А когда все явются, как участвующих, а равно и выборного, что ныне сотской: Семена Семенова, был ли он мирскими людьми избран в выборные ко всеобщему порядку, почему не сохранил того права, чтоб, по данной правительству подписке, повиновались крестьяне, так как уже сие ево, Семенова, сами избрали, был ли он 4-го и 5-го чисел истекшего октября в сельце Елховке и толковал ли по должности ево со внушением законной порядок по случаю нынешнего военного времени о всех предосторожностях, приказывал ли ему в селении иметь караул и быть ему сотником, смотреть за спокойствием и порядком и для донесения еженедельно о благосостоянии жителей рапортовать земскому суду, для чего всего оного почему и до ныне не выполнил, во всем против всего заключения каждого порознь со объявлением им имянного 1763 года февраля 10 дня о показании истины указа и со увещеванием священника допросить, и, что покажут, учинить особое постановление. Того ж числа по свидетельству, учиненному земским исправником майором Долгинцовым, господина Буторлина управляющему Егору Астафьеву боевым знакам при собранных сторонних людех оказалось, что действительно на нем, Астафьеве, голова в одном месте с правой стороны проломлена, и оная рана простирается не менее двух вершков, на спине, руках и на ногах во многих местах сине-богровые большие боевые пятна, значущие, отчего и внутренние части тела повреждены, и чувствует несносную боль. От оных же побой синей чапан, овчинной полушубок и рубашка окровавленные, что самое и понятые люди за приводом их к присяге удостоверили.

Того ж ноября 27-го числа помещика отставного прапорщика Буторлина управляющего экономиею в сельце Елховке Егор Астафьев, находящемуся на месте земскому исправнику майору Ивану

Никитичу Долгинцову показанием удостоверил, что сего года 7-го ноября, когда он шел в деревню к увещеванию в их непослушании, и для чего делают побеги, видя, что отечеству нужна служба, и хотел спросить крестьянина Филиппа Михайлова, где он во время побега проживал, но вдруг неожиданно прибежал сперва к нему крестьянин Михей Тимофеев, а потом и еще крестьяне Григорий Филиппов, Петр Трофимов, Михайла Иванов, Аким Антипов, Матвей Семенов и Федор Иванов, схватя его, смертно били дубинами и обухом проломили голову, и когда уже был он полумертв и лишаясь почти чувств, то, стащив ево в землянку Елисея Тимофеева, бросили, но через полчаса, приходя он в чувство, стал плакать и ради господа бога просить их с ним зделать милость, чтобы они позволили последней дух его жизни испустить с покаянием ко всевышнему и привести священника, почему они и перетащили в дом крестьянина Тимофеева и потом перевезли в господский дом, где помощью саранского городового лекаря Бородулина приведен в подкрепление только одной жизни, ныне по описанным боевым знакам чувствует несносную во всех членах боль.

Неповиновение и буйство крестьян сельца Елховки правительству известно, которые, хотя несколько раз были приводимы к повиновению, обязаны подпискою, но и за тем и поныне производя буйство и непослушание, тем паче доказательнее, что и он, господин исправник Долгинцов, минувшего октября, 4 и 5 чисел прибыв в сельцо Елховку, лично кротостию его прилагал старание убеждать оставшихся крестьян за побегом к повиновению и возвращению бежавших [и] толковал предписанное ему повеление об осторожностях по нынешнему военному времени и об учреждении караулов собственно для их же спокойствия и порядка, и что он же, хотя и видел, что от него всякая справедливость происходит, и что сверх избранного от господина старосты Василья Петрова явился для исполнения всего того начертанного по его должности избранной крестьянами старостою Семен Семенов, которому как о повиновении, так и о всех порядках, отвлекая какое-либо на него зазрение по их воле согласными быть ему и другим старостою от крестьян, но еще и подтвердили быть ему сотником, но, чтоб по повелению начальства сохранен был весь порядок, спокойствие и тишина, и во всем том обязали подпискою; но ничто не превозмогло, и повеление его и доныне не исполняется, чему сами ныне свидетели, что нет ни караульных, ни порядка, и что самовольством своим крестьяне бегают и отлучаются, и, какие также к им приезжают люди, не известно, а по тому самому крестьянин Семен Семенов недовольно господину повинуется, но и земской полиции вовсе не слушает ко всему злу происходящему, источником которого во всем неповиновении, так и кто ево тиранил, допрося, просить предать суду. На которое показание резолюциею исправником Долгинцовым заключил: оные приобщить к делу, а крестьян, собрав всех, и, по собрании, в чем следует ото-

брать подписку. В подписке же оной значит: 1812 года, декабря 3-го дня дали свою подписку сельца Елховки староста Елисей Тимофеев с товарищи земскому исправнику господину майору Долгинцову, изъявили в том, что он стал пред ними в кругу и, приглася с собою приходского священника села Большой Елховки Афанасья Иванова, яко блюстителя и духовного отца христианских душ, увещевал их к повиновению во всем их заблуждении и беспорядках, в чем, сознавая себя виною, и ныне приходют в раскаяние и отныне впредь всегда должны быть в законном повиновении и порядках, и, когда отечеству на государственную службу потребуются люди и солдаты или ополчение, то всегда с поспешностью исполнить должны ж, в чем все между себя ручаются и во всех порядках к повиновению при всяком случае должны быть всегда готовы, не так, как ныне, по ихней глупости пришли в расстройство и глупость и к подлинной подписке в непременном исполнении просют отца их духовного Афанасья Иванова от всего миру сельца Елховки крестьян подписаться. Кроме того, что отыскивать вольности по законам ее воспрещается впредь до решения дела, на которое показание резолюциею заключено: приобщить к делу. Того же декабря 3-го дня села Елховки господина Буторлина бывшей из крестьян сотник Семен Семенов допрашиван и показал: Семеном ево зовут, Семенов, отроду ему 55 лет, старинной сельца Елховки крестьянин, на исповеди и у святого причастия повсегодно у приходского сельца Большой Елховки священника бывает, подлинно он прошлого, 1811 года, в июне месяце избран был всем миром выборным ко всему порядку, напоследок сего года, октября 4 и 5 чисел во время прибытия земского исправника Долгинцова в оное сельцо изволил он как ему, равно и всем крестьянам с тихостию и со внушением толковать о должности земского суда, и подписку он, Семенов, с миром о бытии ему сотником давал, и нынешнего военного ополчения от отдачи в оные, о бежавших крестьянах и в установленных в их сельце караулах и за ними смотрение иметь, о благосостоянии еженедельно земскому суду доносить, за глупостию ево и старостию все оное исполнить не успел.

Того же декабря 4 дня господина Буторлина крестьяня земским исправником допрашиваны и показали: 1) Егором его заут, Иванов сын, отроду ему 50 лет, старинной того сельца Елховки крестьянин, на исповеди и у святого причастия повсегодно у приходского священника бывает, подлинно он, Иванов, сего года в начале октября месяца, узнав о наборе со ста душ по пяти человек в ополчение, из дому ево сам собой по глупости своей бежал, дабы неотдачи ево без очереди в ратники, проживание имел во время побега по большой части днем в поле и лесу, а ночью приходил в дом ево, также и на господскую работу за побегом не ходил, уграживая, естьли кто будет за ним прислан из господского дому из нарядчиков, убить до смерти, — никогда ни говаривал; во время ж побега ево на воровствах, разбоях и протчих тому

подобных не бывал и ни за кем не видал, и в сем допросе показал истинную правду, и ничего не утаил, а при допросе оказался неподозрителен. 2) Николай Иванов сын Гусков, отроду ему 45, 3) Савелий Степанов, отроду ему 35 годов, 4) Дмитрий Матвеев, отроду имеет 26 годов, 5) Григорий Матвеев, отроду 20 лет, 6) Степан Дмитриев, отроду ему 50 лет, 7) Алексей Степанов, отроду ему 54-й год, 8) Фадей Алексеев, отроду ему 17-й год, 9) Филипп Михайлов, отроду имеет 25-й год, 10) Иван Михайлов, отроду ему 16-й год, 11) Филипп Тимофеев, отроду ему 35-й год; 12) Павел Иванов, отроду ему 18-й год, — показали то ж, что и первый человек, и никакой розни не учинили; 13-й человек Петр Трофимов, от роду ему 38-й год, показал то ж, что и первый человек Егор Иванов; а припомнил, что, из бегов явясь в дом свой, действительно, он минувшего ноября месяца, а которого числа не упомнит, только накануне дня архангела Михаила, согласясь с крестьянами Михеем Тимофеевым, зятем ево, Григорьем Филипповым, Михайлою Ивановым, Акимом Антиповым, Матвеем Семеновым и Федором Ивановым и будущего их... прикащика Егора Астафьева с сельским заседателем Колмогоровым, из коих прикащика Астафьева имевшимися в руках подожками били, и голову проломили, и в землянку отводили, а напоследок взят был в избу крестьянами Елисея Тимофеева, а от него в господский дом, а заседатель Колмогоров на господской двор ушел; и после побой прикащику на господскую работу не ходил; 14-й человек Матвей Семенов, отроду ему 45-й год, 15) Аким Антипов, отроду ему 40 лет, 16) Федор Иванов, по прозванию Шилин, отроду ему 41-й год, 17) Михей Тимофеев, отроду ему 70 лет, показали то ж, что и 13-й человек, и еще дополнил, что в руках топора никогда его не бывало и нарядчика Захара Матвеева намерения к рублению ево не имел; 18) Григорий Филиппов, зять оного Тимофеева, отроду ему 45 лет, показал то ж, что и 13-й человек Трофимов, и розни не учинил, на которые допросы резолюциею заключено: оные приобщить к делу, а оговорного крестьянина Михайла Иванова допросить, который того ж числа допрашиван и показал: Михайлою ево зовут, Иванов сын, отроду ему 60 лет; старинной деревни Елховки крестьянин, на исповеди у святого причастия повсегодно у приходского села Елховки священника бывает. Действительно, он минувшего ноября месяца, а которого числа не упомнит, а только накануне архангела Михаила, шел он из дому своего в дом крестьянина ж Елисея Тимофеева с имевшимся у него в руках топором, вдруг на улице с согласия крестьянина Петра Трофимова и значущихся в допросе крестьянами ж, идущего к их домам управляющего Егора Астафьева с заседателем Колмогоровым, из них управляющего Астафьева начали бить подожками, а он, Иванов, также имевшимся при нем топорным обухом бил, а где именно — в азарте не упомнит, и в землянку отводил, а напоследок взят был в избу крестьянина Елисея Тимофеева, а заседатель Колмогоров ушел в господский дом, и после побой на господскую работу не

ходил, на которой допрос с резолюциею заключено: оной приобщить к делу. А сего декабря 4 дня помещика гвардии прапорщика Николая Сергеевича Буторлина управляющей за экономию в сельце Елховке Егор Астафьев саранскому земскому исправнику господину майору Ивану Никитичу Долгинцову показанием изъявил, что судящиеся господина его сельца Елховки в неповиновении господину ево крестьяне Михей Тимофеев, Григорий Филиппов, Петр Трофимов, Михайла Иванов, Аким Антонов, Матвей Семенов и Федор Иванов и в бое ево в произведенных его высокоблагородием означенным крестьянам допросах по увещеванию ево показали чистосердечное противу господина и ево признание, для того вышеписанных крестьян Михея Тимофеева с товарищи по своему великодушию прощает, просить на них нигде не будет; в поданных же в саранской нижней земской суд господина ево от старосты Василья Петрова двух объявлениях написаны крестьяне Елисей Тимофеев и Борис Андреев, якобы они находились в отлучке и в протчем, то они, Тимофеев и Андреев, сего преступления никогда не делали, а всегда как в государственных и в господских повинностях исправными [были] и показаны во объявлениях не от чего иного, единственно только от оной ошибки и от произведения над ними следствия от оного освободить и о всем оном учинить по законам, на которое показание резолюциею заключено: приобщить к делу, а со обстоятельством сделать журнал; а того ж декабря 4-го дня саранской земской исправник Долгинцов заопределил: так как из предписания пензенского губернского правления предвидится, что все благоразумие над неповинующимися крестьянами, чтоб, сколько можно более кроткими, нежели самыми крайними мерами к должному повиновению [приводить], которые сообразно высочайшего о губерниях учреждения им и приведены в порядок, почему оных подсудимых и отослать на рассмотрение в сей уездной суд при рапорте, с тем: буде кто из тех подсудимых потребен будет в ополчение [по] представлению старосты Елисея Тимофеева, освободить с роспискою, а между как пензенскому губернскому правлению, равно и ево сиятельству господину пензенскому гражданскому губернатору и ковалеру князь Григорью Сергеевичу Голицыну донесть рапортами. Военную ж команду, поруча господину прапорщику Ленкову, по здаче в уездной суд подсудимых, распустить по командам, а казаков к саранскому господину полицмейстеру и кавалеру Евсюкову отослать при сношении; и на вышеписанной земского исправника Долгинцова рапорт, при коем прислано сие следствие и с подсудимыми, резолюциею в сем суде декабря 7-го дня заключено: оной отдать в повытье, а означенных крестьян в пополнение зделанного в земском суде допроса на законном основании допросить, и, что покажут, доложить, которые того ж декабря 8-го дня в сем суде в пополнение произведенного им на месте земским исправником Долгинцовым допросов, допрошиваны и утвердились на оных без всякой отмены и дополнения, на которой

допрос резолюциею в сем суде заключено: оные записав, приобщить к делу и по оному учинить следующее:

1) означенных крестьян впредь до решения дела отослать для содержания под стражу в здешнюю городскую полицию при сообщении;

2) не было ли об оных крестьянах прежде всего каких в производстве дел и буде были, то чем оные кончены, о чем послать по всем здешним присудственным местам и к управляющим сего суда и архиву запрос;

3) а за кем предписанные крестьяне по нынешней ревизии состоят в поданных сказках написанными и коликих оные лет, для чего о учинении выправки сообщить в здешнее уездное казначейство;

4) а о сыску их и о присылке в сей суд недосланного земским судом означенной деревни Елховки крестьянина Филиппа Михайлова для произведения ему в пополнение допроса немедленно на посланной же из сего суда по всем здешним присудственным местам и архиву от оных ответствовано сего суда от повытчика канцеляриста Ивана Воробьева, что об означенных крестьянах дела в сем суде производились: 1) в 1811 году в ноябре месяце за ослушание начальства и неповиновение помещику, которые приговорены были сим судом, всего 7 человек, к наказанию плетьми, а протчие кнутом. Дело отослано было из сего суда на ревизию в пензенскую палату уголовного суда, которая по обревизовании учинила свободными, окроме трех человек, приговоренных к наказанию плетьми; 2) сего 1812 года в апреле месяце за таковое ж ослушание и возмущение оных крестьян и за привод к присяге, именно Иван Тимофеев (который уже помре), Матвей Никитин и Петр Трофимов, которые приговорены к наказанию ж кнутом, дело ж еще на ревизию не отослано; означенная ж деревня Елховка досталась ему, господину Буторлину, в прошлом 1809 году от подполковника Алексея Федорова сына Желтухина; от архивы: что Саранской округи деревни Малой Елховки крестьянин Иван Тимофеев с протчими таковыми ж крестьянами Тимофеем Тихоновым, Степаном Васильевым, Семеном Семеновым, Иваном Лукьяновым, Антоном Павловым судим был в сем уездном суде в 1788 году за возмущение протчих той деревни крестьян и за ослушание при введении во владение оной деревни саранского нижнего земского суда бывшего дворянского заседателя подпорутчика Жмакина за коллежского ассесора Василья Иванова сына Ульянина, и непослушание означенному господину Ульянину, и за разные притчины по решительному определению, учиненному в сем суде того ж 1788 года апреля 7 дня, заключено: вышеписанных крестьян за каковой их поступок следовали быть наказаны кнутом, но как они то ослушание чинили по возмущению дворового человека Исаия Тихонова с товарищи, а в том случае, почтя им содержание в тюрьме в штраф, и сверх того, дабы они и впредь таковых закону противных поступок, не от кого слыша, делать

не отзывались, на месте преступления в той деревне Елховки, по прошению господина Ульянина, наказать нещадно плетьми, которые и наказаны; на которое ответствие резолюциею заключено: оное, записав, приобщить к делу. А сего декабря 13 дня по сему делу в сем суде докладывано. Поелику предписанные крестьяне Иванов Николай, Иванов Савелей, Степанов с товарищи данною подпискою вышеупомянутому исправнику Долгинцову изъявили, что они, как находятся в повиновении у господина своего, равно и в представлении, буде потребно, будут в рекруты или во ополчение, то оное обязались представлять без всякого упущения, о п р е д е л е н о: вышеписанных крестьян истребовать из под стражи, до решения дела отослать в саранской нижней земской суд, которые и отосланы при указе с тем, чтоб он отдал их вотчиноуправляющему с росписко́ю, и чтоб вотчиноуправляющей имел за ними неослабный присмотр, с требованием о присылке тое росписки в сей суд: о освобождении ж реченных крестьян из под стражи и о присылке в сей суд в саранскую градскую полицию сообщить. Того ж числа в поданном в сей суд господина гвардии прапорщика Николая Сергеевича Буторлина староста Василий Петров прошении прописывал: из числа де неповинующихся господину ево крестьян, состоящих в показанной деревне Малой Елховке, требованы были за оные души во ополчение воины-крестьяне, кои, по приказанию господина ево, были и назначены, и оные, узнав об оном, все в то время из оной деревни разбежались... и не появились в свои домы и присланы к поступлению по законам в сей уездной суд, а на них уже поступили во оные другие; но ныне, по предписанию господина ево, велено переменить из отданных в ополчение одного крестьянина присланным в оной суд крестьянином же Григорьем Матвеевым, — просит, благоволено б было из числа присланных в оный суд к поступлению по законам за отбывательство для отдачи в ополчение вышеписанного крестьянина Матвеева освободить, на которое прошение резолюциею заключено: оное, записав, приобщить к делу, а так как означенный крестьянин Григорий Матвеев чинил отбывание по случаю набора в ополчение, а так как, вместо оного, поставлен другой, а помещик просит о переменении поставленного ратника означенного Матвеева освободить и отдать ему для представления в здешнее ополчение, то о освобождении ево из под стражи и о присылке в сей суд сообщить в здешнюю городскую полицию; а того ж числа прислан в сей суд из саранской городской полиции при сообщении реченной крестьянин Григорий Матвеев, на которое сообщение резолюциею заключено: оное записав, приобщить к делу, а означенного крестьянина здать старосте Василью Петрову, которой и отдан. Того же декабря 14 дня присланы в сей суд из оной же полиции при сообщении сельца Елховки господина Буторлина крестьяня Егор Иванов с товарищи, всего 10 человек, на которое сообщение резолюциею заключено: оное, записав, приобщить к делу.

Того ж декабря 16 дня прислан в сей суд из саранского нижнего земского суда сельца Елховки господина Буторлина крестьянин Филипп Михайлов, на который рапорт резолюциею в сем суде заключено: оной, записав, приобщить к делу, означенного крестьянина в пополнение допросить и что покажет, доложить; которой того ж числа в сем суде в пополнение прежде произведенного ему на месте земским исправником Долгинцовым допроса допрашиван и утвердился на оном без всякой отмены и дополнения, на которой допрос резолюциею заключено: оное, записав, приобщить к делу; а 18 числа в саранское уездное казначейство со учиненной справки дано знать, что означенные крестьяне Семен Семенов 44, Егор Иванов 40, Николай Иванов 37, Савелей Степанов 34, Дмитрий Матвеев 24, Григорей Матвеев 18, Степан Дмитриев 45, Алексей Степанов 46, Фадей Алексеев 17, Филипп Михайлов 24, Иван Михайлов 19, Филипп Тимофеев 32, Павел Иванов 15, Петр Трофимов 32, Матвей Семенов 41, Аким Антонов 37, Михей Тимофеев 68, Федор Шилин, Михайла Иванов 49 лет, а из числа означенных крестьян Федора Шилина по сказке не оказалось, на которое сообщение резолюциею заключено: оное, записав, приобщить к делу.

Того ж декабря 9 дня саранской нижней земской суд сему суду дал знать, что Саранской округи деревни Малой Елховки господина Буторлина крестьяне Егор Иванов с товарищи, всего 10 человек, отданы тое ж деревни Елховки старосте Елисею Тимофееву с росписко́ю, причем и росписка оная в сей суд прислана, на которой рапорт резолюциею заключено: оной и с росписко́ю приобщить к делу, из коего и из законов сочинить выписку, предложить к слушанию.

А законами повелено: Уложенья 10 главе, статьями: 136-й: «Будут кто, на ком учнет искати бою и грабежу и ответчик в бою не запрется, а про грабеж скажет, что он не грабил, и на нем велети истцу за увечье и за бесчестие доправити против оклад вдвое, и в пене его, что государь укажет; а в грабеже указ им чинити по судному делу, до чего доведется»; и 142-й: «Будет на которого человека по исцову челобитью послан будет пристав с наказною памятью, в которой город или в уезд или кого ответчика велят судьи сыскати на Москве по приставной памяти и поставити к суду, или для какова нибуди дела, или к кому пристав, или сын боярской послан будет с государевыми грамотами в каком деле не буде, а также по кого послан будет пристав сказанное и с приставною памятью или тот, к кому пристав послан будет с государевыми грамотами, учнет того пристава или сына боярского бити сам, или велит кому его бити мимо себя людям своим, или крестьянам или кому-нибуди, или у него наказную и приставную память, или государевы грамоты отымет и издерет, и тем он приказных людей, от которых тот пристав послан будет, обесчестит, а сыщется про то допряма, и такова непослушника за государеву грамоту бити кнутом и посадити в тюрьму на три месяца, а недель-

щику велети на нем доправити бесчестие и увечье против оклад вдвое».

Морского устава 5 книги 13 главы пунктами: 91-й: «Офицеров, которые к сему повод дали или таким непристойным сходбищам позволили или рядовых каким-нибудь образом к тому допустили и научили, или иным образом к тому притчину дали, наказать лишением чести, имения и живота»; 102-й: «Челобитчик имеет челобитье свое право доносить и остерегать себя, чтоб ничего ни прибавить, а естьли чего доказать не может, написать, что подлинно учинено, а ежели неправое челобитье учинит... наказан будет, равно чему б был достоин тот, на кого он бьет челом»; в указах 1762 г., октября 8: «Отложившиеся крестьяне от должного помещикам и властям своим повиновения [если] вскоре о том и по прежнему в должное им послушание сами собою добровольно не придут, и они ж или другие чьи крестьяне, смотря на них, отважатся впредь помещикам и властям своим, или прикащикам, и старостам, и выборным и кому они от господ своих или от властей [в] смотрение препоручены, такие ж противности и непослушания [учнут] чинить, с таковыми, яко с сущими злодеями и помешателями общего покоя, поступлено будет с военною строгостию»; 1766 марта 31, 10-го пункта: «Равномерно ж, естли кто таковому посланному будет ослушен, а тем паче ежели причинят ему бесчестие, то таковых наказывать по силе указов без всякого упущения; поступая в скорейшем исследовании по воинскому процессу, а кто таким посланным учинит побои, за то сверх указанного наказания править бесчестие против оклада того... денежного жалованья вдвое»; 1767, августа 22: «Чтобы помещичьи люди и крестьяне ложным разглашениям ни под каким видом не верили, но имели бы к помещикам своим должное повиновение и беспрекословное во всем послушание, как о том издревле от самодержавных пределов е. и. в. узаконено без всякой отмены, повелевая таковых, кто отважится возмущать людей и крестьян к неповиновению их помещикам, тотчас брать под караул и приводить [в] ближайшие присудственные места, которым, без продолжения времени, поступать с ними по указам, как с нарушителями общего покоя без всякого послабления; «1768 года, генваря 18 числа: «Естли кто впредь по призывам в присудственные места и по повесткам учинится ослушным, а тем более кто еще отважится посланных с оными бить, то с таковыми чтоб поступлено было, как с явными нарушителями установленного в государстве порядка, тишины и спокойствия, и как с ослушниками против указов, а того ради присудственным местам почитать такие ослушания и наглые поступки непартикулярными делами, сопряженными с тем челобитьем, по которому кто призывается, но как явное неповиновение установленным от е. и. в. правительствам и нарушение в государстве порядка», —п р и к а з а л и учинить по сему делу нижеследующее:

1. Что так как пензенское губернское правление присланным в сей суд, последовавшим в оном губернском правлении по пред-

ложенному от его сиятельства господина действительного статского советника, действительного камергера, пензенского гражданского губернатора и кавалера князь Григорья Сергеевича Голицына, доставленному к нему от саранского земского исправника господина Долгинцова рапорту, предписало: учинить на законном основании положение вотчины господина ж гвардии прапорщика Николая Сергеева сына Буторлина здешней округи деревни Малой Елховки, которая деревня досталась ему по купчей в 1809 году от подполковника Алексея Федорова сына Желтухина, когда оные присланы будут от него, Долгинцова, в сей суд, как за ослушание ими начальства, неповиновение реченному господину их, равно за побег из оной деревни, не хотя отдать по назначению в ополчение пяти человек воинов, кои напоследок отданы, и битье по выходе из домов своих дубинами и обухом предписанного ж господина Буторлина прикащика Егора Астафьева, вследствие чего сего декабря 9 присланные в сей же суд вышеупомянутого исправника Долгинцова при рапорте, обще с учиненным им следствием, означенной деревни Елховки крестьяне Семен Семенов, Егор Иванов, Николай Иванов, Савелей Степанов, Дмитрей Матвеев, Степан Матвеев, Степан Дмитриев, Алексей Степанов, Фадей Алексеев, Филипп Михайлов, Иван Михайлов, Филипп Тимофеев, Павел Иванов, Петр Трофимов, Матвей Семенов, Аким Антонов, Федор Шилин, Михей Тимофеев, Григорий Филиппов и Михайла Иванов, всего двадцать человек; в помянутом же следствии значит: в 1-м свидетельстве, причиненным показанному Астафьеву боевым знакам при собранных понятых сторонних людех, по коему оказалось: голова в одном месте с правой стороны проломлена, на спине, руках и на ногах во многих местах сине-богровые большие боевые пятна, отчего и внутренние части тела повреждены, от коих побой синей чапан, овчинной полушубок и рубашка окровавленные; во 2-м показании, данном от реченного Астафьева, что сего года 7 ноября, когда он пошел из господского дома в помянутую деревню ко увещеванию в их непослушании, и для чего делают побеги, видя, что отечеству нужна служба, и хотел опросить крестьянина Филиппа Михайлова, где он во время побега проживал, но вдруг неожиданно прибежал к нему из означенных крестьян Михей Тимофеев, а потом и еще крестьяне Григорий Филиппов, Петр Трофимов, Михайла Иванов, Аким Антипов, Матвей Семенов и Федор Иванов, как выше сего значит, били его дубинами и обухом, потом, стащив ево в землянку, бросили, но чрез полчаса, приходя он в чувство, стал плакать и просить их с ним сделать милость, чтоб они позволили последней дух его жизни испустить с покаянием ко всевышнему и привести священника, почему они и перетащили ево в дом крестьянина Елисея Тимофеева, а потом перевезли в господский дом, где помощью городового лекаря господина Бародулина приведен в подкрепление только одной жизни, коим напоследок предписанные крестьяне уже прощены; в 3-м — подписки, данной сего декабря 3-го

вышеизъясненной деревни Елховки от старосты Елисея Тимофеева со всеми собранными крестьянами тому исправнику Дольгинову, изъясняя, что они сознавая себя виною и ныне пришли в раскаяние и отныне впредь всегда должны быть в законном повиновении и порядках, и, когда ко отечеству на государственную службу потребуются люди в солдаты или ополчение, то всегда с послушностию исполнить должны, но сему их показанию ко оправданию поверить никак не можно, поелику они и прежде за данными от них таковыми ж подписками ослушание противу начальства и неповиновение господину своему чинили: в 4-х допросах, учиненных того ж декабря 4 числа, показанной деревни Елховки крестьяне Егор Иванов, Николай Иванов с товарищи показали, что подлинно они вышереченного Астафьева, идущего к домам здешнего же нижнего земского суда с сельским заседателем Колмогоровым, били подожками и топорным обухом, коему голову проломили, в землянку отводили, а напоследок взят был в избу вышеупомянутого крестьянина Тимофеева, а от него [в] господский дом, на господскую же работу [они] не ходили.

II. Поелику в учиненной справке оказалось, что вышеписанной деревни Елховки крестьяне судимы были в сем суде в 1788, 1811 г. г. и сего 1812 года за таковое ж неповиновение начальству и за возмущение крестьян, которые по решениям уже наказаны плетьми, почему сей уездный суд за вышеписанными обстоятельствами определяет: вышеписанных крестьян как за ослушание ими начальства и неповиновение господину своему и за битье мучительское вышепредписанного прикащика Астафьева на основании уложения 10 главы 136 и 142 статей, Морского устава 5 книги, 13 главы 91, 102 пунктов, указов 1762 октября 8, 1766 марта 31, 10 пункта, 1767 августа 22, 1768 года генваря 18 числа, *наказать* в деревне Елховке по собрании и с ближайших селений сторонних людей плетьми ж и, по наказании, отдать их чрез посланной в здешней нижней земской суд указ, вышереченному господину Буторлину попрежнему вотчину самому или вотчиноуправляющему ево с росписко́ю, при отдаче ж обязать их строжайше подпискою, чтобы они впредь не могли чинить как противно начальства, равно и господину своему никакого ослушания, а находились бы в должном повиновении и послушании у вышеизъясненного господина Буторлина и при том вотчинноуправляющего обязать подпискою в том, дабы им давано не было увольнительных писем на взятье плакатных пашпортов, яко подозрительным, с требованием о присылке тех расписки и подписок в сей суд.

III. Елико ж принадлежит до неоказавшегося написанным в поданных к нынешней 6 ревизии сказках в показанной деревне Елховке крестьянина Федора Шилина, почему произвесть о сем особое следствие, но не исполняя, почему подлинное дело с учиненными из него выпискою и мнением при описи препроводить на благорассмотрение в пензенскую палату уголовного суда при

дошении, о решении коего и губернскому правлению на указ его донесть рапортом, и из числа нерешенных помянутых дело месячных ведомостей исключить.

Уездный судья Петр Борисов.
Заседатель Михайла Ушаков.

Подписано декабря 24 дня, 1812 года.
(Центр. архив МАССР, ф. 215, д. 75, л. 742—757.)

1813 г., июля 12 — 1815 г., ноября 15. Дело о самовольном кошении сена обществом крестьян с. Пурдошек у окружающих помещиков

а) 1813 г., июля 12. Отношение темниковского земского исправника Куткина дворянскому заседателю краснослободского земского суда Свищову о самовольном кошении сена у окружающих помещиков и неподчинении властям крестьян с. Пурдошек.

Тамбовской губернии темниковского земского исправника Куткина —

Пензенской губернии краснослободского земского суда г-ну дворянскому заседателю Свищову.

Сего июля 2-го числа здешней округи генерал-майорша Капиталина Григорьевна Вышеславцева, из дворян коллежский регистратор Андрей Алексеев сын Корольков, вдова подпоручица Матрена Федорова дочь Кудашева и генерал-майора Павла Федоровича Козлова поверенный служитель Петр Коробков поданным в здешней земский суд объявлением прописывали, что Краснослободской округи села Пурдошек экономические крестьяне многочисленностью с разным оружием и дрекольем на крепостные их дачи, состоящие здешней округи от оного села за рекою Мокшею, ночным и дневным временем на лошадях проезжают и со оных пожень таковым разбоем трав скошено и увезено ими у них, у Вышеславцевой на двести возов, у Королькова на сто возов, у Кудашевой на сто возов, у г-на генерал-майора Павла Федоровича Козлова на двести возов, всего на шестьсот возов, по цене стоющий каждый воз по пяти рублей и, хотя они ко удержанию упоминаемых экономических крестьян от такого грабительства многократно старались удержать, но никаковых средств к тому уже не находят, ибо оные крестьяне угрожают всех их жегаловских, коль скоро они в том будут препятствовать, перебить до смерти, что от них и последовало с Корольковым крестьянином Михайлою Спиридоновым, который от них спасся своим бегством. По коему объявлению оной земской суд [в] резолюции заключил: для должного по оному исследованию и отвращению прописываемых насильств

отправиться оному суду, а дабы ко общему ж производству прибыл член из краснослободского земского суда, — о командировании оного сего июля к 3 числу непременно во оной земской суд сообщить, и сообщено, почему здешней земской суд для исследования о вышеизъясненном на место отправлялся и производил по кошеным жегаловским лугам свидетельство, по коему найдено, что действительно... трава выкошена и увезена, а сколько — значится в свидетельстве, и при том в свидетельстве оказалось, что поставленные во время размежевания на меже столбы один совсем вырыт и унесен, неизвестно куда, повидимому, в недавнем времени, а другой до самого низа подрублен. Но села Пурдошек экономические крестьяне, косившие принадлежащие им жегаловским сенные покосы и увезшие со оной траву, тем судом не спрашиваны, за неприбытием из краснослободского земского суда члена, для чего оное дело по окончанию и поручено мне, но, между тем, вышеозначенные господа Вышеславцева, Корольков, Кудашева и господина Козлова поверенный Коробков поданным мне объявлением, между прочего, изъясняют, что сего июля 7, 8, 9 означенные села Пурдошек экономические крестьяне, собравшись многолюдством, не менее по сту, а 10 на 11-е число не менее, как в каждые сутки по четыреста человек, и посыланные села Жегалова крестьяне для осмотру тех покосов из оных косивших пурдошанских крестьян признать могли, а именно: Степана Иванова сына Навалова, Тихона Бочина, бывшего волостного голову, Григория Петрова сына Храмова, Василия Григорьева Бахарева, Матвея Васильева Лахмотова, Алексея Степанова сына Трушечкина, Дмитрия Федорова сына Шалкаева, Данила Дмитриева Помещикова, Тихона Васильева сына Лахмотова, Бориса Манина, Якова Васильева сына Шилкова, кои с таковым же, как выше и показано, разным оружием и дрекольем на вышеозначенных местах сенокосные луга косили, и оной травы некоторое количество увезли в домы свои, а последней оставили на рядах на месте, которую также намереваются свезти в домы свои. Сверх того, они ж, пурдошанские крестьяне, похваляются сенные луга выкосить в другом месте, то есть у Светлого озера, а на жегаловском поле выжать рожь, приговаривая при том: «Буде жегаловские крестьяне выйдут к ним, чтобы не допускать их, пурдошанских, траву косить, а рожь сжать, то им по большинству их селения мало их жегаловских каким-либо оружием бить, а одними шапками забьют, а ежели суд выедет, то и оного не послушаются». Вследствие чего сего числа я... и с понятыми сторонними людьми на вышепрописанные сенокосные луга и отправлялся, где [мы] тех пурдошанских экономических крестьян, косящих траву, во многом количестве нашли и, при самом нашем подходе к ним, из них некоторые к нам с вами подошли, из числа сих один называющийся поверенным того села Пурдошек экономической крестьянин (а как звать его, не знаю), на спрос мой с вами таковой, почему они здесь сено косют, сказал: «Со общего мирского согласия», и по тому только резону, что они,

пурдошанские, прежде назад тому не менее семнатцать лет оными покосами владели, а со оного времени до сего июля месяца, то есть в течение семнатцати лет, сими покосами беспрепятственно владели села Жегалова помещики и их крестьяне; при чем тот поверенный сказал: «Нынешний день, также и в прошедшие два дня, то есть 10 и 11-го числа, числом людей косили оные покосы каждый день по четыреста человек». В ответ чего, хотя от меня и было им сказано, чтобы они более те луга не смели косить, а особенно скошенную ими траву брать с места себе, но часто реченной, называющийся поверенным, сказал таковыми словами: «Государь с нами, что хочет, то и делает, но только они, пурдошанские, не перестанут косить и по скошении траву увезут в Пурдошки». Дополнив при том: «Ежели и с пушками к ним выедут, то и тогда не перестанут косить и не послушают». И во время сего происшествия и неповиновения из них, пурдошанских, один крестьянин, а как его звать не знаю, беспрестанно своим крестьянам кричал: «Что стали?.. Косите на обе стороны!» За каковыми обстоятельствами, а не меньше того потому, что вышеозначенные крестьяне находятся в ведомстве не в моем, а в вашем, от наглого и самовольного их поступка удержать не мог, в чем они, а кольми паче называющийся поверенным, сделались явными ослушниками и неповинующимися власти. В таком случае благоволите оных крестьян силою закона с тех покосов сослать и косить траву им воспретить и накошенную ими траву с лугов увозить в домы свои не позволять, в чем и обязать строжайшею подпискою, которую и доставить ко мне. Равномерно называющегося поверенным, и того, который приказывал при нас сено косить, яко главных ослушников и возмутителей, и крестьян, косивших на тех лугах сено, для произведения им вообще вами допросов прислать ко мне и во всем оном принять ближайшие меры.

Июля 12 дня 1813 года.

Земский исправник Куткин.

(Центр. архив МАССР, фонд 24, д. 71, л. 1—3.)

б) 1813 г., июля 18. Отношение темниковского земского суда краснослободскому земскому суду о самовольном кошении сена крестьянами с. Пурдошек у помещицы Кудашевой, Юматовой и др.

Из темниковского нижнего земского суда, пребывающего в деревне Борках,
в краснослободский земской суд

Сообщение.

Сего июля, 16-го числа по данным в сей суд здешней округи господина генерал-майора Павла Федоровича Козлова поверенной служитель Петр Коробков и генерал-майорши Капиталины

Григорьевны Вышеславцевой приказчик Иван Егоров, коллежского регистратора Андрея Алексеевича Королькова староста Василий Макаров, князя Петра Сергеевича Шиеева староста Илья Егоров, госпожи подпоручицы вдовы Матрены Федоровны Кудашевой приказчик Игнатий Петров и госпожи Анны Дмитриевны Юматовой староста Данила Федоров объявлением сему суду прописывали, что сему суду довольно известно, что Краснослободской округи села Пурдошек экономические крестьяне, собираясь многолюдством человек по четыре ста и более, на крепостные и формально обмежеванные господ их сенокосные луга, состоящие за рекою Мокшею, косили оные в разные сего месяца числа и выкосили немалое количество травы и увезли в домы свои травою, которое усильное их покошение сего ж июля 12-го числа означенного сего суда господином земским исправником Семеном Давыдовичем Куткиным с прикомандированным от краснослободского земского суда господином заседателем Свищовым свидетельствованы и найдено ими, что подлинно они, пурдошанские, человек до четырех сот и более, сверх прежде скошенной и увезенной ими травы в домы свои оные, жегаловские, господ их, луга косили на ряды, которые означенным земским исправником господином Куткиным были увещеваемы, чтоб они от такового беззаконного и самовольного наглого поступка унялись и более те непринадлежащие им луга не косили, но они не только не вняли увещанию господина земского исправника, но даже еще гораздо более в лице ево усиливались производить таковую грабительскую наглость и от предпринятой дерзости удержаться не хотели. Господин же заседатель Свищов не только их, экономических крестьян, по данной ему власти удержать от такового наглого поступка [не захотел], но даже и никакого слова ко удержанию тишины и спокойствия им не сказал, а более подал им сумнение тем самым, что, отводя из них по одиночке неоднократно вышеписанных крестьян, незнаемо что с ними шептал, и после чего пурдошанской Борис Манин, махая палкою, кричал: «Косите на все стороны, невзирая ни на кого!» Однако сего 15-го числа для осмотра оных, господ их, лугов, не косют ли означенные пурдошанские крестьяне, посылан был от них (в) вышеименованные села Жегалова госпожи Анны Дмитриевны Юматовой крестьянин Данила Федоров, которой усмотрел, что оные пурдошанские крестьяне, собравшись многолюдством до пятисот человек, приехавшие на лошадях, запряженных в телеги, оные их луга гребли в копны с намерением увезти в домы свои, а при том сего же июля 15-го числа объявлял им села Жегалова священник Тимофей Захаров, что предписанные пурдошанские крестьяне намереваются сего июля 16-го дня с жегаловского их поля, состоящего при деревне Павловке, Дальная Поляна тож, в формально обмежеванных господ их дачах жать рожь и увезти в домы свои, а потому сей суд просют, во удержание означенных экономических пурдошанских крестьян от предпринятого ими наглостного поступка и во удовлетворение господ их, за усильное скоше-

ние сенных лугов по прежде поданным от господ их объявлениям поступить с ними, как законы повеленают: и для того определено: как из оного видно, что села Пурдошек экономические крестьяне сего июля 15-го, собравшись многолюдством человек до 500, приехавшие на лошадях, запряженных в телегах, начали траву, скошенную ими, на принадлежащих села Жегалова помещикам лугах, гребти в копны с намерением увезти в домы свои, а при том того ж числа священник села Жегалова Тимофей Захаров объявил им, жегаловским, что означенные пурдошанские крестьяне намереваются с жегаловского поля, состоящего при деревне Павловке, Дальная Поляна тож, с формально обмежеванных господ их дач рожь сжать и увезти в домы свои, почему хотя бы сему суду и следовало отправиться на место для освидетельствования изготовленного в копны сена и отвращения от своза оного в домы их. Но поелику означенные пурдошанские крестьяне в лице господина земского исправника при члене краснослободского земского суда заседателе Свищове и при собранных понятых сторонних людях сделались ослушны в удержании господином исправником от косьбы непринадлежащих им лугов и даже имянующейся их поверенным, о имени не известный, и утвердительно сказал: «Государь с ними что хочет, то и делает, а они не перестанут косить траву и по скошении всю увезут в домы свои», о чем обстоятельно прописано в посланных из сего суда к заседателю Свищову и на имя краснослободского земского исправника сообщениях, а потому сей суд за таковыми их поступками, а, в особенности, за недачею требуемой господином исправником чрез заседателя Свищова от пурдошанских крестьян подписки, один, без члена краснослободского земского суда, по случаю отбытия от сего суда заседателя Свищова, для означенного осмотру и счету копен отправиться крайне опасается, ибо, судя из поступков пурдошанских крестьян, можно ожидать дальнейших худых последствий, и для того с прописанием сего объявления сообщить в краснослободской земской суд и требовать, чтобы оный, рассмотря описываемое во оном, ко отвращению пурдошанских крестьян от столь беззаконных поступков принял свои меры, а между тем непременно о несвозе и нежатии ржи обязал бы оных крестьян строжайшею подпискою. Сам же краснослободской земской суд благоволил бы прибыть немедленно для общего произведения изъясненного следствия на место или в пограничную деревню Борки, где сей суд оного давно уже ожидает.

Июля 17 дня 1813 года.

От поселян заседатель мурза Семкаев.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 71, л. 20—23.)

в) 1814 г., сентября 28. Предписание пензенского губернского правления краснослободскому уездному суду по делу самовольного захвата сенных покосов крестьянами с. Пурдошек у помещицы Вышеславцевой, Кудашевой и др.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского из пензенского губернского правления краснослободскому уездному суду.

Губернское правление слушали два прошения, поданные одно в губернское правление, а другое на имя здешнего гражданского губернатора (но полученное правящим должность его г. вице-губернатором и кавалером и от него предложенное губернскому правлению Тамбовской губернии), Пензенской округи села Покровского, Жегалова тож, попечительницы над имением мужа своего генерал-майорши Капитолины Григорьевой дочери Вышеславцевой, подпорутчицы княгини Матрены Федоровой дочери Кудашевой, г-на генерал-майора Павла Федоровича Козлова, поверенного служителя его Петра Иванова сына Коробкова, г. капитана князя Петра Иванова Ишеева, старосты крестьянина его Ильи Егорова и губернского секретаря Андрея Алексеева Королькова поверенного крестьянина его Василия Макарова, в которых значит:

село Жегалово, состоя в Тамбовской губернии Темниковской округи на границе с Пензенской губерниею расстоянием от села Пурдошек Краснослободской округи верст на 7-мь, из давних лет отмежевано особою формальною межею с постановлением столбов, и лет более семнадцати тому, как они за утверждением меж в дачах своих ни с кем никакого спору не имели. Но, к крайнему удивлению их, прошедшего 1813 года в начале июля месяца помянутого села Пурдошек экономические крестьяне в многолюдстве человек более сот пяти перешли межу, взошли на их дачи, где состоят сенокосные луга, и, простершись от межи во внутренность дач их версты на четыре, до самой реки Мокши, почти под селом Жегаловым протекающей, начали косить траву на оных и увозить в свои домы. Крестьян же села Жегалова, косящих свою и господскую траву, согнали с тех лугов с побоями и с угрозами многих лишить жизни. Видя дерзость такую и буйство крестьян села Пурдошек, нарушающих в благоустроенном государстве тишину и спокойствие, они, чтоб не сделать драки и смертного убийства, не решились защищать свою собственность, удержав крестьян своих от драки, прибегая к правительству, дали знать о том чрез объявление темниковскому нижнему земскому суду. Потому оной земской суд прибыл тогда на место, где своевольничали крестьяне села Пурдошек. По сообщении оного суда из краснослободского нижнего земского суда сперва прибыл туда же дворянский заседатель Свищов, которой, видя крестьян села Пурдошек и при нем косящих траву, по наставлению темниковских исправника Купина и Темниковского нижнего земского суда их, пурдошанских, от покошения травы не удержал, да и мер к удержанию никаких не предпринял. Они же, села Пурдошек крестьяне, видя таковое себе от заседателя Свищова послабление и послабление темниковского исправника Купина, кричали: «Государь с нами что хочет, то и делает, а они не перестанут косить, а по сношении траву увезут в село Пурдошек». При чем говорили азартно: «Ежели с пушками к ним выедут, то и тогда не перестанут косить и не послушают». Вот точные слова крестьян села Пурдошек, произнесенные в виду темниковского исправника Купина и краснослободского земского суда дворянского заседателя Свищова, значущиеся по производимому делу в темниковском земском суде. Из сих слов крестьян села Пурдошек не ясно ли виден был бунт и неповиновение к начальству вопреки законам е. и. в., когда они сказали: «Ежели с пушками к ним выйдут, то и тогда не перестанут косить и не послушают». Что же сделал краснослободский земский суд? Вместо того, чтобы силою законов удержать тех крестьян в буйствах и своевольствах, заседатель Свищов сказал, что он болен, удалился от следствия и должные меры к удержанию от буйства крестьян села Пурдошек не принял, из чего видится в неблагонамеренных поступках их одно только им потворство. Итак, по отзыву заседателя Свищова, прибыл на место его краснослободский земский суд, при коем был членом другой дворянской заседатель Тяпкин, и сей, вместо удержания от своевольства крестьян села Пурдошек, завел совсем неследующие изыскания, кому принадлежат луга сии. Но краснослободский земский суд не имел никакого права за формальною межею вновь заводить дело, не взойдя между тем и в существо оного, что лугами теми по утверждении формальною межею лет более семнадцати они спокойно владели. Таковое незаконное исследование впоследствии времени краснослободский земский суд препроводил в тамошний земский суд, и между тем существо дела и обстоятельство оного значится по производству в темниковском земском суде, а часть только производства, совсем не следующая, краснослободский земский суд представил к рассмотрению в тамошний уездный суд. И между тем, как два земские суда, при которых были краснослободский земский исправник Еникеев и уездный стряпчий Войеков, имели между собою переписку, а крестьяне села Пурдошек, не видя себе от краснослободского земского суда должного воздержания и укрощения, сено покосили, погребли и увезли в свои домы на многие тысячи рублей. Вот действия прошедшего года краснослободского земского суда членов, то есть неудержание от своевольства крестьян села Пурдошек, допущение их к большему своевольству и к большим буйствам, что доказывается следующим: сего 1814-го года, в начале июля месяца, видя они, села Пурдошек крестьяне, что с ними за дерзость и своевольство прошедшего года не поступлено по законам, и ныне простерли таковую же наглость и опять явились на лугах

их в большом многолюдстве и начали косить сено, почему опять они прибегли к своему начальству и через объявления дали знать о том темниковскому земскому исправнику, которой многократно сносился с нынешним краснослободским исправником Мешковым, прося его удержать крестьян села Пурдошек от своевольства и буйственных поступков. Но вместо того исправник Мешков чрез многие дни, в которые косили сено те крестьяне на лугах их, на сношения темниковского исправника совсем не отвечая, дал знать, наконец, что он прибудет на место покосов 12-го числа июля... На другой день после того он, краснослободский исправник Мешков, приехал к назначенному месту, дал знать темниковскому исправнику Куткину, которой тотчас с правящим стряпческую должность и с понятыми к нему прибыли; и по прибытии нашли, что половина лугов их села Пурдошек крестьянами выкошена, а половина оставалась некошеною; и, сверх того, найдено, что они, пурдошанские, противу захваченного места прошлого года вновь захватили травы нынешних годов копен тысячь до четырех, а всего тысячь до двенадцати. И сами они, крестьяне, в самовольном скошении того сена при обоих исправниках, при правящем в Темникове стряпческую должность и при понятых признались, говоря, что луга сии прежде будто их были, но назад тому лет более пятнадцати владеют ими они, жегаловские. Освидетельствовали все сие как два исправника, так и правящий стряпческую должность Нащинский, которому исправник Мешков со азартным видом и с грубостью без всякой притчины, и не имея на то права, воспрещал быть при следовании, не знаю почему. Затем отправились они по общему условию в ближайшие селения к месту покосов в деревню Борки, состоящую в Темниковской округе, но, не сделав там никакого положения, краснослободский исправник Мешков в тот же день к вечеру, взяв с собою всех своих понятых, уехал в село Пурдошки, говоря, что он поедет тамошних крестьян уговаривать к повиновению. Но, вместо того, на другой день, то есть 14-го числа, из такового не возвратился в Борки, ни в последующие дни туда ни приехал, темниковский земский исправник хотя и много раз писал к нему и посылал нарочных для окончания дела и для удержания от своевольства крестьян села Пурдошек, которые беспрестанно косили и увозили траву с лугов их так, что напоследок ничего оной не осталось. Но, он, исправник Мешков, также промалчивая на многие сношения темниковского исправника Куткина, прислал наконец в четвертой день к нему, г-ну исправнику Куткину, отношение такого содержания, что в поданном к нему объявлении села Пурдошек экономические крестьяне объявили, что луга их им принадлежат и что они, пурдошанские, согласны, чтобы они косили сено под самым селом Жегаловым по течению реки Мокши по правую сторону около называемого Светлого Озера, и что того села Пурдошек крестьяне в сем препятствовать не будут, и что он, исправник Мешков, обязал их в том подпискою, но за таковым его объявлением едва крестьяне их вышли на означенное место, то они, села Пурдошек крестьяне, в многолюдстве, с имевшимися в руках их вилами, косами и дубинами бросились чрез реку Мокшу для драки, грозя и самою смертию крестьян их. Видя сие, их крестьяне тотчас, чтобы не сделать смертного убийства, удалились от сенокошения и едва могли жизнь свою спасти бегством. При сем буйственном поступке села Пурдошек крестьянами отбито у жегаловских крестьян множество телег, кос, шляп и русского сукна кафтанов и некоторые кафтанные лоскуты ими перерублены. Жену помещика капитана князя Ишеева Авдотью Ивановну, схватя в виду крестьян их и в виду понятых, начали бить безжалостно и, наконец, избитую увезли в село Пурдошки. Спустя после того дни три привезли ее в деревню Борки и отдали тамошнему соцкому, всю избитую ж. Сено же, кроме вышеозначенного, копен тысячь до трех, в сем месте покосили и увезли в свои домы, и из поступков как прошедшего, так и нынешнего года крестьян села Пурдошек ясно открыто буйства их и своевольства, противные закону, но к возвращению и удержанию оных от того не приняты меры как краснослободским земским судом, так исправниками Еникеевым и Мешковым, равно и стряпчим Войдиновым; и послаблением их и заседателя Свищова и Тяпкина они, пурдошанские, допущены до большего буйства и большего своевольства, ибо при мерах надлежащих и законных такового буйства ни в каком месте ни в какой округе не могло бы быть допущено, при том, естли бы и совершенно крестьяне села Пурдошек имели какое-либо законное право на присвоение помянутых лугов, то и тогда не сами собою и буйством должны управляться, но просить обязаны начальство, и, естли бы повелело оное, то никто из них и не вздумал бы противоречить; но они, владея более осмнадцати лет спокойно и бесспорно теми лугами, за формальною межею не видали и не видют законной [причины] об отнятии у них оной. Своевольство и буйство села Пурдошек крестьян, допущенных помянутыми членами к отнятию их собственности, законною причиною служить не может. Сверх сего описанного в буйствах крестьян села Пурдошек, как они полагают, должен быть кто-либо из [не] благонамеренных, такой человек, которой или ложно заверил их, что луга их им принадлежат, или другим способом сделал возмущение, что доказывается следующим: сего года 12-го июля, когда села Пурдошек крестьяне производили ж на лугах их сенокошение, а исправник Мешков находился в селении их и, ведя только переписку с темниковским исправником Куткиным, но в самом существе не делая воспрещения им, пурдошанским, в своевольных их поступках, в то время был прислан от него, исправника Мешкова, в село Жегалово с отношением к темниковскому исправнику Куткину писарь пурдошанского волостного правления отставной подканцелярист Иван Александров сын Попов, которой уверительно сказал исправнику Куткину при правящем стряпческую должность при поверенных и прикащиках, что означенные луга, состоящие у них за

формальною межею во владении, межевым департаментом решены в пользу крестьян села Пурдошек, о чем де и копия с решения у поверенного оного села крестьянина ж Прокофья Петрова имеется. Таковое неправое разглашение писаря Попова они полагают первою причиною буйства крестьян села Пурдошек, лишивших их собственности на многие тысячи. Неблагонамеренное сие разглашение, конечно, могло подействовать на оных крестьян пурдошанских, но они никакой веры тому дать не могут, во-первых, потому: естли бы была таковая копия с решения межевого департамента у поверенного их Петрова, то было бы и самое решение или в пензенских присутственных местах или в тамбовских, и при всем том, естли бы то было и истина, надлежало бы им просить начальство и ожидать отказа за них дачь тех узаконенным порядком. Таким образом, из слов подканцеляриста Попова виден один только развратт, подействовавший на экономических крестьян села Пурдошек. Из сего вышеизложенного видно, сколь противузаконны поступки крестьян села Пурдошек как прошедшего, так и нынешнего года. Но краснослободский земский суд и означенные выше сего чиновники не только по должности своей не воздержали их от того, а были только зрителями сих буйственных поступков, что учинено ими вопреки высочайшего учреждения 224 и 242 и 243 статьи; они же от того, что лишились сена кроме той суммы, чего оно стоит, потерпели убытку тысячь до осми от лошадей, умерших прошедшею зимою и весною от бескормицы; просют чрез кого следует сено, сложенное нынешним летом, всего тысяч на пятнадцать копен, отобрав от крестьян села Пурдошек, им возвратить, а в случае утраты оного, взыскав деньгами, удовлетворить их на законном основании. За прошедшей год по учреждению и примерному положению темниковского нижнего земского суда и исправника Куткина по тогдашнему малому урожаю травы за шесть тысячь копен, в коих состояло сено, не менее тридцати тысячь пудов, полагая по тогдашним продажным ценам, существующим в Темникове, взыскав деньги, также удовлетворить их на законном основании. С членами же краснослободского нижнего земского суда за допущение крестьян села Пурдошек до своевольства и буйства, как-то с исправниками Еникеевым и Мешковым, с дворянскими заседателями Свищовым и Тяпкиным и с уездным стряпчим Войдиновым и с писарем Пурдошанского волостного правления Поповым за развращение крестьян того села Пурдошек поступить по законам. Русские кафтаны, шляпы, косы, телеги и прочее им возвратить, а их экономических села Пурдошек крестьян от такового буйства и своевольства воздержать.

Приказали: краснослободскому земскому суду, исправнику и стряпчему послать указы и велеть противу сего показуемого на них [в] вышеизъясненных прошениях доставить в губернское правление непременно с первою почтою объяснительные рапорты, с изложением всех действий, происходивших по описанным с решения случаям, и распоряжения, какие со стороны исправника

и земского суда были учинены к отвращению насилия крестьян села Пурдошек, как в прошедшем, так и в нынешнем году, а, между тем, к удовлетворению обиженных и к пресечению дальнейших со стороны крестьян пурдошанских своевольств употребить средства, предоставленные законами земской полиции, до такой степени, чтобы отнюдь не могло быть справедливых жалоб или на бездействие или по поворотку и опущение, и делу дать ход по надлежащему порядку, не оставя без внимания показание и просителей и в том, что касается до писаря волостного правления Ивана Попова. А как из прозб видно, что краснослободский земский суд производство о насилии крестьян пурдошанских прошлого года отослал в уездной суд, то сему уездному суду велеть указом донести немедленно правлению, что учинено в том суде по означенному производству, о чем и просителям объявить через тамбовское губернское правление, в которое о сем сообщить, требуя, дабы [оно] благоволило поступить по законам во взыскании денег за употребленную в правлении по прошениям, вместо гербовой, простую бумагу и печатно-пошлинных для причисления к казенным доходам.

Сентября 28 дня 1814 года.

Подлинный подписал: советник Арфалов.

Скрепил: 12 класса Зboев.

Справил: канцелярист Шубин Петр.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 71, л. 111—116.)

г) 1815 г., июля 1. Определение краснослободского исправника Мешкова и уездного стряпчего по делу о самовольном кошении лугов окружающих землевладельцев крестьянами с. Пурдошек и о неподчинении последних уездным властям.

1815 года, июля 1 дня пополудни краснослободского земского суда земский исправник Мешков при уездном стряпчем слушали следующее обстоятельство: краснослободской уездной суд по делу, производящемуся во оном, о споре Тамбовской губернии Темниковской округи села Жегалова разных владельцев Пензенской губернии Краснослободской округи села Пурдошек с экономическими крестьянами в сенных лугах и о грубостях, чинимых села Пурдошек крестьянами темниковскому земскому исправнику и краснослободского земского суда дворянскому заседателю Свищову, — видя при освидетельстве темниковским и краснослободским земскими судами, произведенном после сенокоса в 1813 году. Показание понятых: темниковских пятнатцати человек, что те покосы, о которых идет споров[1] назад тому осмнатцать лет с самого обме-

[1] Так в подлиннике.

жевания находились во владении села Жегалово у разных владельцев, а краснослободских дватцати четырех человек, что изъясненные покосы были в давнем владении села Пурдошек у экономических крестьян, и по тем лугам межевые ль ямы или рытвины за зарастением оных травов и кустарников признать не могут», — ко открытию истины — в октябре 1813 года предписал земскому суду:

1-е. Осведомиться, точно ли те спорные луга принадлежат села Жегалова разным владельцам, с которого времени, сколько именно числом десятин и почему, измеря оные при обеих спорящихся сторонах и сторонних людях против плана и документов посредством уездного землемера.

2-е. Дознать, сколько именно из того количества выкошено было пурдошанскими сих десятин, поскольку накашивалось летом 1813 году с десятины копен, сколько осталось некошено, и кто сие последнее косил; сколько оного также быть должно и потом, оному буде на местах не окажется, учинить в самом селе Жегалове по дворам свидетельство.

3-е. Села Пурдошек поверенного Пракофья Петрова с товарищи прислать во оной суд к допросам о сделанном ослушании, истребовав из темниковского земского суда и начатое там следствие. Во исполнение такового предписания земский суд требуемых крестьян пурдошанских, кроме только находившихся во отлучках, отослав в уездный суд в ноябре того ж года, вызывая краснослободского уездного землемера, относился в темниковской земской суд о прибытии на место с тамошним уездным землемером, но в декабре получил отзыв, что темниковский землемер, будучи занят другими делами, действием о покосах жегаловских заняться не мог, и что тот суд требовал от землемера сведение о времени возможности его, в каковом положении дело сие оставалось до июля 1814 года. По наступлении в том месяце сенокоса, когда темниковский земский исправник по прозбе владельцев села Жегалова от насилия к здешнему земскому исправнику о воспрещении крестьянам села Пурдошек сенокошения на изъясненных выше местах, приезжал он в Пурдошки, где все общество оного села, будучи созвано на сход, называя те покосы издавна принадлежащими им, хотя обязалось сено не увозить до предписанного уездным судом разбирательства, но оное увезли, а как владельцы села Жегалова плана, которой бы тогда послужил развязкою спора, еще у себя не имели, о чем сделал отзыв темниковский земский исправник на отношение здешнего земского исправника о поспешнейшем изыскании по указу уездного суда, то и тогда краснослободский земский суд оставался в невозможности исполнить предписание уездного суда, а в июне нынешнего года прибыл в село Пурдошки ведомства межевой канцелярии старший землемер титулярный советник Казмин для утверждения в натуре межи, сделанной на плане нарезки села Пурдошек экономическим крестьянам недостающее в число этих осьмидесятинной пропорции земли во ис-

полнение высочайше конфирмованного мнения Государственного Совета, каковым отмежеванием земли селу Пурдошкам уже приведены бы были в совершенную известность границы его владения, и было бы открыто, что спорные покосы находятся на даче жегаловской, как видно на генеральном плане у того землемера. Но крестьяне пурдошевские, будучи известны о последовавшей нарезке не по их желанию, в рассуждении местоположения, расположившись отдалить утверждение межи, по требованию землемера уклонялись: прежде будто бы неимением лесу для межевых столбов, а когда землемер об оном обратился к земскому исправнику и уездному стряпчему в приезд в Пурдошки, и, когда исправник приказал употребить на столбы тринатцать бревешек из леса, самовольно ими вырубленного в бортном лесе и состоящего под их сохранением, то как исправнику, так и стряпчему они отозвались, что без краснослободского землемера быть при утверждении межи не могут, почему землемер ведомства межевой канцелярии из Пурдошек уехал по другим делам в Тамбовскую губернию, а между тем владельцы села Жегалово 10-го числа июня представили в темниковской уездной суд план, полученный ими из межевой канцелярии, на принадлежащую им дачу, в числе которой состоят и спорные покосы, прося о возобновлении межевых признаков, испортившихся от давнего времени, и об удержании пурдошанских крестьян от кошения, почему темниковский уездный суд предположил сам возобновить межевые признаки, для чего и затребовал уездного землемера, сообщил в краснослободской уездной суд о удержании крестьян села Пурдошек от усильного присвоения ими покосов, а оный уездный суд о исполнении требования 3-го числа июля предписал земскому суду с тем, чтобы приняты были самые строгие меры ко отвращению ссор и драк. Исполнение какового предписания приняв земский исправник на себя по обязанности его, 6-го числа поутру приехал для того вместе с уездным стряпчим в Пурдошки, где по данному в тож время сельским начальником приказанию о собрании с каждого двора по одному человеку, собравшимся к вечеру уже на другой день двум стам пятидесяти одному человеку читан был указ, из уездного суда присланной; и по содержанию оного, когда сказано было оным крестьянам, что они ныне не должны в присваиваемых ими лугах, на которые жегаловские имеют уже план и, следовательно, неоспоримо принадлежащих им, косить, то все единогласно сказали, что никогда не отступят от владения теми покосами и ныне косить будут, несмотря ни на что, хотя бы их всех пересекли, а один крестьянин Яков Миронов с дерзостию и духом буйным осмелился сказать, что «пушки убьют его, а он не отстанет от косьбы», которого, дабы отделить, тотчас бывшему при нем солдату приказал он, исправник, отдать под караул в волостное правление, а протчим всем, сколько ни внушай о насильственном действии их, как оно противно высочайшим законам, и что они за таковое неповиновение указу и нарушение истины подвергают

себя строгому по закону наказанию, а на отзывы их, что во мнении Государственного Совета сказано учинить им нарезку по способности к Пурдошкам из спорных отводов от села Жегалова, хотя представлял, что это место, конечно, другое оставшееся в казну, а не желаемые ими покосы, которые состоят в дачах владельческих, но они не вняли всем внушениям о беззаконном расположении их, и говоря, что непременно будут косить те луга, что бы с ними не было, разошлись со схода, хотя земский исправник приказывал им еще остаться и дать показание их о том на письме, и осмелились даже выпустить задержанного земским исправником буйного крестьянина, почему, видя таковое явное неповиновение и дерзость в рассуждении освобождения задержанного земским исправником крестьянина, целого села Пурдошек, и, будучи уже вне возможности удержать оное от насильства, причиняемого владельцам села Жегалова, заключил [обязанностью почел] по содержанию 242-й статьи высочайшего управления губернии учреждений донести об оном начальнику губернии и губернскому правлению, а уездному суду отрапортовать на предписание его и просить о зделании отношения в уездный суд темниковской, дабы поспешить предположенных возобновлением межи по выданному жегаловским владельцам плану во ожидании, не произведет ли оное какого-либо доброго влияния на пурдошанских крестьян, а между тем для принятия всех мер к дальнейшему удержанию ослушных от бунтов, быть в Пурдошках целому суду, которой о прибытии и известить, истребовав из краснослободской инвалидной команды для скорых посылок сверх находящихся при земском исправнике двух — еще четырех солдат исправных, о чем отнестись командиру той команды. О принятии ж надлежащих мер со стороны темниковского земского суда сообщить.

Земский исправник Мешков.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 71, л. 143—145.)

д) 1815 г., июля 3. О неподчинении указу уездного суда крестьян с. Пурдошек Краснослободского уезда.

В краснослободском земском суде по справке оказалось: краснослободской уездной суд, получив сообщение из темниковского уездного суда, которым тот суд извещал о представленном селе Жегалова плане на присвоеваемые села Пурдошек крестьян луга по предположенном возобновлении межевых знаков, для чего истребовал уездного землемера, прося о удержании пурдошанских крестьян от усильного присвоения ими тех покосов. 3-го числа июля [1] о исполнении требования предписано сему суду. Исполнение какового предписания земский исправник, при-

[1] 1815 года.

нив на себя по обязанности его, 6-го числа поутру приехал для того вместе с уездным стряпчим в Пурдошки, где по данному в то время сельским начальникам приказанию о собрании с каждого двора по одному человеку, собравшимся к вечеру уже на другой день 250-му человеку читан был указ, из уездного суда присланной. И по содержанию оного, когда сказано было оным крестьянам, что они отнюдь не должны с присвоиваемых ими лугов, на которые жегаловские имеют уже план и, следовательно, неоспоримо принадлежащих им, косить, то все единогласно сказали, что никогда не отступят от владения теми покосами, и ныне косить будут, несмотря ни на что, хотя б их всех пересекли, а один крестьянин Яков Миронов с дерзостию и духом буйным осмелился сказать, что пускай убьют его, а они не отстанут от косьбы. Которого дабы отдалить, то тотчас бывшему при нем солдату приказал он, исправник, отдать под караул в волостное правление, а прочим всем сколько ни внушал о насильственном действии их, как оно противно высочайшим законам, и что они за таковое неповиновение указу и нарушение тишины подвергают себя суду [и] строгому по законам наказанию, а на отзыв их, что в мнении Государственного Совета сказано учинить им нарезку по способности к Пурдошкам и спорных отводов от села Жегалова, хотя представлял, что это место, конечно, другое... а не желаемые ими покосы, которые состоят в дачах владельческих, и они не вняли все ж внушениям о беззаконном расположении их, и говоря, что непременно будут косить их луга, что б с ними ни было, разошлись со схода (хотя земский исправник приказывал им еще остаться и дать показание их о том на письме), и осмелились даже выпустить задержанного земским исправником буйного крестьянина. Почему, видя таковое явное неповиновение и дерзость к рассуждению освобождения задержанного земским исправником крестьянина целого села Пурдошек, и будучи уже в невозможности удержать оное от насильства, причиняемого владельцам села Жегалова, по содержанию 242 статьи высочайших о управлении губернии учреждений, — донес об оном начальнику губернии и губернскому правлению, а уездному суду отрапортовал на предписание его [и] просил о зделании отношения в уездной суд темниковской, дабы поспешил предположенным возобновлением межи по выданному жегаловским владельцам плану, во ожидании, не произведет ли оное какого-либо доброго влияния на пурдошанских крестьян. О принятии ж надлежащих мер со стороны темниковского земского суда во оной сообщил и суду сему предложил о прибытии в Пурдошки для принятия всех мер к дальнейшему удержанию ослушных от буйства. По прибытии суда 11-го числа вечером и 12 поутру, созванным крестьянам, всего 332 человекам, вновь читан был указ, из уездного суда присланной, но, при всех внушениях и даже при увещевании приглашенного одного ученого из пурдошанских священников, чтобы их крестьяне повиновались определениям мест, высочайшей властью

установленных, и чтобы, естьли они почитают себя лишенными их принадлежности, то приносили бы жалобы в подлежащих местах, а не самоуправствовали, чем нарушают совершенно общей порядок, тишину и спокойствие, — но все ничему не внимали, а когда уездным стряпчим перечитаны были при суде сем бывшем народе пурдошанским крестьянам обстоятельства дела, то из крестьян Ефим Гудин кричал, что они на указ уездного суда не смотрят, обратясь к народу, кричал, чтоб вострили косы и шли косить, [а] Иван Алексеев Сломшев гнал со схода людей, говоря, что тут нечего слушать, а шли бы косить, а Исак Савочкин азартно подтверждал те слова, а за ним и все закричали, почему земской суд почел необходимым таковых буйных людей яко начинщиков отделить от прочих, и, лишь только солдат повел их на двор, подле которого был сход, то все бывшие на сходе люди, нарушив должное уважение к суду, со всем азартом закричали, что никого не дать под суд, и более половины их вбежали с криком на двор и взятых двух людей у солдат отняли, обращаясь к членам суда с грубостию и азартом и понятых стеснили под сарай до того, что все члены суда, стряпчие и секретарь принуждены удалиться на крылец, а Петр Козляков, увидев тут волостного голову, два раза ударил его кулаком, [говоря:] «А он что тут делает?» Потом разошлись по домам и взяли косы, пошли косить в жегаловские луга, собравшись человек до трех сот, что все происходило в виду понятых сторонних людей четырнадцати человек. Земский суд с находящимися при оном только четырьмя солдатами, не имея способов к дальнейшему удержанию такового буйного народа от своевольства, вслед посланного от земского исправника донесения в суд сей, донес с нарочным начальнику губернии и губернскому управлению о изъясненном происшествии и уездному суду отрапортовано: отнесенось [1] к командиру краснослободской инвалидной команды, чтобы он, естьли имеет команду сверх той, которая потребна для караулов в городе, с оною прибыл сам в Пурдошки для пособия суду в удержании ослушных от буйства на самых местах покоса, и забрания оных к суду, о чем к сведению и темниковский земский суд извещен для принятия с его стороны мер, чтоб не могло произойти ссор и драк от людей в ведомстве его.

Секретарь Попов.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 71, л. 172—175.)

е) 1815 г., июля 11. Донесение краснослободского уездного суда о неповиновении крестьян села Пурдошек уездному исправнику и стряпчему и об избиении ими волостного головы Девятайкина.

1815 года, июля 11 вечор и 12 поутру, по оказанному села Пурдошек всеми экономическими крестьянами противу зем-

[1] Так в подлиннике.

ского исправника и уездного стряпчего неповиновения, по указу краснослободского уездного суда об отступлении от насильного ими кошения сенных лугов, отмежеванных Темниковской округи села Жегалова разным владельцам, о чем от него, исправника, донесено 8 числа сего месяца начальнику губернии и губернскому правлению, а от стряпчего — господину прокурору. По прибытии в Пурдошки краснослободского земского суда во общее с уездным стряпчим, созванным крестьянам всего 332 человекам, значущимся поимянно в учиненном списке, вновь читан был указ уездного суда присланной, но при всех внушениях и даже при увещевании приглашенного на оной сход одного ученого из пурдошанских священников, чтобы те крестьяне повиновались определениям мест, высочайшею властию установленных, и чтобы естьли они почитают себя лишенными их принадлежности, то приносили бы жалобы в подлежащих местах, а не самоуправствами, чем нарушают совершенно общий порядок, тишину и спокойствие, но все ничему не внимали, а когда уездным стряпчим перечитаны были при суде всем бывшим на сходе пурдошанским крестьянам обстоятельства дела, то из крестьян Ефим Гудин кричал, что они на указ уездного суда не смотрят, обратясь же к народу, кричал, чтоб вострили косы и шли косить. Иван Алексеев Сломшев гнал со схода людей, говоря, что тут нечего слушать, а шли бы косить. А Исак Савочкин азартно подтверждал те слова, а за ним и все закричали, почему земский суд почел необходимым таковых буйных людей, яко начинщиков, отделить от протчих, и лишь только солдат повел их на двор, подле которого был сход, то все бывшие на сходе люди, нарушив должное уважение к суду, со всем азартом закричали, что никого не дадут под суд, и более половины их вбежали с криками на двор и взятых двух людей у солдат отняли, обращаясь и к членам суда с грубостию и азартом, и понятых стеснили под сарай до того, что все члены суда, стряпчий и секретарь принуждены удалиться на крылец, а Петр Козляков, увидев тут волостного голову, два раза ударил его кулаком, говоря: «Он тут что делает?» Потом разошлись по домам и взяли косы, пошли косить в жегаловские луга, собравшись человек до трех сот, что все происходило в виду понятых сторонних людей четырнатцати человек. Земский суд с находящимися при оном только четырьмя солдатами, не имея способов к дальнейшему удержанию такового буйного народа от своевольствия, приказали: вслед посланного от земского исправника донесения послать рапорты с нарочным и от суда начальнику губернии и в губернское правление о изъясненном происшествии и уездному суду отрапортовать, между тем отнестись к командиру краснослободской инвалидной команды, чтобы он, естьли имеет команду сверх того, которая потребна для караула в городе, с оною прибыл сам в Пурдошки для пособия суду в удержании ослушных от буйства на самых местах покоса и забрания оных к суду, о чем к сведению и темниковский земский суд известить для принятия с его стороны мер, чтобы не

могло произойти ссор и драк от людей в недоимстве его. О всем же вышеписанном происшествии от понятых взять сказку на письме подлинно за подписом присутствующих и скрепно секретаря.

[Подписи.]

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 71, л. 150—151.)

ж) 1815 г., июля 12. Прошение помещиков с. Жегалова Темниковской округи в краснослободский земский суд о запрещении кошения их лугов крестьянами с. Пурдошек.

Подано 12 июля пополудни 1815 года.

Пензенской губернии в краснослободской земской суд.

Тамбовской губернии Темниковской округи села Покровского Жегалово, тож, попечительницы над имением мужа своего генерал-майорши Капитолины Григорьевой дочери Вышеславцовой, господина генерал-майора Павла Федоровича Козлова, от поверенного служителя Петра Иванова сына Коробкова и господина капитана князь Петра Сергеевича Ишеева от прикащика ево Алексея Агафонова

Объявление.

Довольно оному земскому суду известно, что в прошлых 1813 и 1814 годах крепостные наши и в прошлом 1795 году по указу межевой канцелярии землемером Тарховым формально обмежеванные сенокосные луга, состоящие под селом Жегаловым по ту сторону реки Мокши, в 1814 году и по сю сторону реки Мокши около Светлого озера села Пурдошек экономические крестьяне, собираясь целым селением с дреколием и косами, буйственным образом выкосили и сено увезли все в свое селение, коего было не менее как на дватцать одну тысячу копен, чем и причинили всем жегаловским владельцам и крестьянам великое разорение и убытки и, лишась сена, от бескормицы у крестьян пало лошадей в немалом количестве, о чем от нас принесены были жалобы пензенскому господину гражданскому губернатору и кавалеру и тамошнему губернскому правлению, зачем и надеялись мы, что пурдошанские крестьяне от буйственного насилия и скошения сена уже удержаны, но, сверх чаяния нашего, ныне до сведения нашего дошло, что помянутые пурдошанские крестьяне сего июля 7 числа вышеречениые луга как за рекою Мокшею, так и у Светлого озера разделили по себе на участки посотенно и намерены косить, а нашего села крестьян до кошения оных не допустить, а ежели бы и вышли косить, то их с тех лугов згонют и перебьют.

В таком случае краснослободской нижней земской суд покорнейше просим сие наше объявление принять, а села Пурдошек экономических крестьян от скошения крепостных наших лугов силою

данной власти удержать и предоставить оные косить нам, а дабы со стороны пурдошанских во время кошения и уборки сена не было притеснения, побои, а кольми паче самого смертного убивства, на оное время определить члена или кого следует, а без этого крестьяне наши к скошению, хотя и собственности своей, приступить опасаются, в чем и учинить по законам.

Июля ... дня 1815 года.

[Далее следуют подписи.]

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 71, л. 171.)

з) 1815 г., июля 13. Донесение краснослободского земского суда губернскому правлению о принятии решительных мер против пурдошанских крестьян.

1815 года, июля 13 дня краснослободской земской суд, пребывающей в селе Пурдошках, по оказанному того села всеми экономическими крестьянами неповиновению при исполнении указа краснослободского уездного суда о удержании их от насильного кошения сенных лугов, отмежеванных Темниковского округа села Жегалова разным владельцам, созвав из соседственных селений понятых, отправился во обще с уездным стряпчим сего числа на место сенокошения пурдошанскими крестьянами на те присвояемые ими луга для удержания их там от насильства. Но ехавши туда еще на дороге, нагнал суда сего членов с понятыми на паре лошадей пурдошанский крестьянин Ефим Гудин, который на вопрос всех присутствующих суда и стряпчего, откуда и куда ехал, ответил насмешливым и грубым образом сии слова: «Откуда и куда? Из села, выбивал на покос людей. А вы куда, что вы там будете делать? Посмотрю я, как вы оттуда уберетесь, у меня там работников-то довольно, будет что вам посмотреть!» Суда сего присудствующие, видя такую наглость оного крестьянина, запрещали ехать ему далее, а приказывали возвратиться в село, почему в ту телегу сели солдаты. Но Гудин с телеги тащил тех солдат, а потом кричал к присутствующим неоднократно: «Помните же это!» По приезде ж суда с понятыми [на] косимое место покоса, куда присутствующие и стряпчий призвали стариков, то сошлось косившего луга народу более 500 человек, [судьи] стали внушать им беззаконной их поступок, чтобы они естьли обижены межевою канцелярию или другими местами, приносили б жалобы, а не сами управлялись, и что за ослушание и самовольство подвергают себя строгому по закону наказанию. Тут было тихо, старшие все слушали пристойно и, ссылаясь на давнее владение их, говорили только, что они стоят за свое добро, пусть с ними что ни будет. Вдруг туда пришел Гудин и, явясь среди народа, с такою грубостию и криком, обыкновенно, как мужики кричат между собою, говорил к присутствующим: «Зачем вы приехали и наш держите народ?» А ко оно-

му кричал: «Нечего на них глядеть, подите работайте, ничего не будет, в ответе я!» Когда же сказано было старикам удалить такого буяна, то он кричал только, чтобы шли косить, а присутствующим, что они почитали бы себя счастливыми, естьли останутся целы. Ему, Гудину, все наплевать, он из Астрахани в 12-ти тюрьмах был, но и то вышел. Потом всех присутствующих и стряпчего, браня матерно, кричал к народу: «Не давайте отсель им подводы, пусть идут пешком», по каковому побуждению его, Гудина, когда народ весь с косами на плечах стал сближаться около исправника, заседателя и стряпчего с понятыми, то старики, из коих приметили Бахарева, а других имян неизвестно, видно приметя неблагонамеренное их расположение, сами отгоняли и били палками до того, что оные ломались, почему исправник, заседатель и стряпчий с понятыми тотчас удалились и все со страхом уехали в селение, куда на обратном пути хотя и встретились [им] выстребованные из Краснослободска одиннатцать человек солдат, но с ними возвратиться на покос уже побоялись. Приказали: как о неповиновении и буйствах крестьян села Пурдошек посланы уже два донесения начальнику губернии и губернскому правлению, то от понятых, взяв на письме показание о изъясненных происшествий, ожидать распоряжения от губернского начальства, потому что по учиненному пурдошанскими крестьянами 1-го числа на вчерашней день дерзкому поступку суд не только не имеет способов, но и опасается взять под стражу начинщиков неповиновения и буйства.

Подлинной за подписом присутствующих и за скрепою секретаря [подписи].

Секретарь Попов.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 71, л. 176—177.)

и) 1815 г., июля 27. Постановление пензенского губернского стряпчего Попова о взятии под стражу зачинщиков движения крестьян села Пурдошек.

1815 года, июля 27 дня губернский стряпчий во исполнение указа пензенского губернского правления предложил: взятых под стражу из числа села Пурдошек экономических крестьян, оказавших перед земским начальством неповиновение и дерзость, а именно: первого Ефима Гудина, который, как и из производства краснослободских земского исправника и нижнего земского суда видно, 11 числа июля пред земским исправником и уездным стряпчим, при увещевании, собранным тогда обывателям говорил, что они на указ уездного суда не смотрят, а к народу кричал, чтобы вострили косы и шли косить. Во время следования нижнего земского суда со стряпчим и понятыми на место покосов 13 июля догнал их на дороге, на вопросы, откуда и куда он ехал, отвечал

он, Гудин, насмешливым и грубым образом сии слова: «Откуда и куда? Из села, выбивал на покос людей, а вы куда, что вам там [будете] делать! Посмотрю я, как вы оттуда уберетесь, у меня там работничков-то довольно! Будет что вам посмотреть!» А при запрещении судом ехать ему, Гудину, на покос и при приказании возвратиться в селение, кричал неоднократно: «Помните ж это!» Пришед же на место покоса, с грубостию говорил к присутствующим: «Зачем вы приехали и на что держите народ?», а к народу кричал: «Нечего на них глядеть, подите работайте, ничего не будет, в ответе я!..» Потом говорил присутствующим, что они почитали б себя счастливыми, естьли останутся целы: ему, Гудину, все наплевать, он из Астрахани, в 12-ти тюрьмах был, но и то вышел. Наконец, браня всех членов и стряпчего матерно, кричал к народу, чтоб не давали лошадей. Сверх того, по прибытии губернского стряпчего в село Пурдошки 25 июля, когда все обыватели [были] собраны и объявлена им была притчина приезда его, тогда, представ, он, Гудин первым из них, осмелился говорить с некоторою усмешкою и неуважением: «Дело уже сделано, покосы скошены и сено свезено!» А из сего дерзкого обращения его, Гудина, и отзывов, записанных выше сего в действии 25 и 26 июля, и признает губернский стряпчий его, Гудина, первейшим предводителем оказанного обывателями своевольства и ослушания, равно и нынешнего упорства нехотением исполнить внушаемого со стороны начальства. Второго, Исака Савочкина, за то, что когда крестьянин Иван Сломшев июля 12 во время собранного схода и при чтении уездным стряпчим обстоятельств дела, гнал со схода людей, говоря, что тут нечего слушать, а шли бы косить, тогда он, Савочкин, подтверждал сказанные Сломшевым слова. Третьего, Петра Козлякова, дерзнувшего того же 12 июля пред лицом нижнего земского суда во время собранного схода обывателей ударить волостного голову Девятайкина два раза кулаком и сказать: «А он что тут делает?!» И четвертого, сельского старосту Данилу Дробова, осмелившегося при губернском стряпчем, как в журнале сего июля 26 записано, [вызывающе] говорить собранным обывателям [в ответ на вопрос]: отдают ли они или нет взятых уже под стражу вышеизъясненных трех крестьян, Гудина, Савочкина и Козлякова для отсылки под суд.

А всего четырех человек (яко главнопричинствующих своевольного сенокошения на спорных села Жегалова дачах, полного ослушания пурдошанскими экономическими крестьянами пред земским начальством, равно и нынешнего упорного нехотения их со всеми обывателями по убедительным внушениям губернского стряпчего отступить от присвоения тех покосов и допустить беспрепятственно ко утверждению межи по нарезкам межевой канцелярии и ведомства ее землемера Козмина, также возобновить между владениями села Пурдошек и помещиков села Жегалова межевые признаки), препроводить ныне же для суда и поступления по законам в краснослободской уездной суд, чтобы оной благоволил

отдать их для содержания скованных под городовою стражею, которых хотя и следовало сковать на месте, но не найдено здесь оков. А произведенное следствие не замедлится доставлением в тот суд, а как еще заслуживают отдачи под суд описанные земским исправником и нижним земским судом два крестьянина: 1-й, Яков Миронов, июля 7 при отзыве всех пурдошанских крестьян не отступивший от сенокошения на означенных спорных дачах и дерзнувший сказать, что «пускай убьют его, а он не отстанет от косьбы», и 2-й, Иван Сломшев, которой 12 июля во время собранного схода и при чтении уездным стряпчим обстоятельств дела, гнал со схода людей, говоря, что тут нечего слушать, а шли бы косить, но оба они, по удостоверению обывателей, находются теперь в отлучке, — то подтвердить волостному голове, сколь скоро возвратятся они из отлучки, тотчас представить обоих.

Губернский стряпчий Попов.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 71, л. 201—202.)

к) 1815 г., августа 1. Донесение пензенского губернского стряпчего в ответ на предписание ему пензенского губернского правления о необходимости принятия мер по делу зачинщиков движения крестьян села Пурдошек.

Получено 2 августа 1815 года.

Пензенского губернского стряпчего казенных дел надворного советника Попова

Краснослободскому уездному суду.

Указом е. и. в., данным мне, пензенское губернское правление от 17-го июля под № 18130-м (по донесению краснослободских земского исправника и земского суда, отправлявшихся своего уезда в село Пурдошки по предписанию оного уездного суда, последовавшему с сообщения такового же темниковского для удержания экономических крестьян от сенокошения на присвояемых Темниковского уезда села Жегалова разными помещиками принадлежащих дачах, доказанном со стороны сих крестьян ослушании и дерзостях) изволило поручить мне отправиться в село Пурдошки и привесть вышесказанных крестьян в должное повиновение и тот же час забрать главнейших зачинщиков ослушания, сковать их и отослать в город для содержания под стражею; и, вместе с тем, произвесть следствие о поступках, описанных земским судом, и отправить при себе в уездной суд к поступлению с виновными по законам. О чем от губернского правления и уездному суду того же числа предписано.

Во исполнение оного е. и. в. указа, отослав уже в уездный суд 27-го прошедшего июля из описанных в донесении нижнего земского суда главнопричинствующих своевольства и самого ослушания села Пурдошек экономических крестьян Ефима Гудина, Исака Савочкина и Петра Козлякова и, сверх того, сельского старосту Данилу Дробова, имею честь препроводить, как представленное ко мне от земского исправника Мешкова следствие, им и нижним земским судом по части ослушания села Пурдошек обывателей произведенное [по переметке сверху на пятидесяти трех полулистах], так и действие со стороны моей в том селе Пурдошках, последовавшее [по переметке снизу на двадцати двух полулистах] для учинения с виновными по законам и решения в постановленный губернским правлением трехнедельной срок, из которых увидит уездный суд, что обыватели села Пурдошек, хотя и не оказывают вновь никаких буйств, но, не внимая многократным со стороны моей увещаниям, решительно упорствуют в том, что не хотят отстать от владения оными покосами на дачах, к селу Жегалову отмежеванных, ...равным образом не хотят уже и возобновления межевых признаков по меже, разделяющей владение земель села Жегалова от села Пурдошек. А посему и остается уездному суду к унятию сих обывателей от такового упорства сделать примерное постановление по всей строгости законов и поспешить ссылкою на ревизию в палату уголовного суда, не ожидая представления двух еще продерзателей села Пурдошек Якова Миронова и Ивана Сломшева, в отлучке теперь находящихся. О чем при возвращении моем к должности донесено и губернскому начальству.

Губернский стряпчий Попов.

№ 45. Августа 1 дня, 1815 г. Краснослободск.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 71, л. 136.)

V РАЗДЕЛ

ВЫСТУПЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН СЕЛЬЦА ЧЕКАШЕВЫХ ПОЛЯН ИНСАРСКОГО УЕЗДА ПРОТИВ ПОМЕЩИКА ОБРЕЗКОВА

(1814 г., февраля 23 — 1814 г., июля 16)

1814 г., февраля 23—1814 г., июля 16. Выступление крестьян сельца Чекашевых Полян Инсарского уезда против помещика Обрезкова.

а) 1814 г., февраля 23. Постановление инсарского земского суда по делу неповиновения крестьян сельца Чекашевых Полян помещику Обрезкову.

1814 года, февраля 23 дня в инсарском земском суде по случаю поданного во оной г-на генерал-лейтенанта, сенатора и кавалера Михайлы Алексеевича Обрезкова от управляющего по доверенности от него вотчинами иностранного дворянина Ивана Роде, что оного г-на Обрезкова Инсарской округи сельца Чекашевых Полянок, [купленного] у действительной тайной советницы графини Анны Ивановны Безбородко, крестьяне по нарядам вотчинных начальников не идут на работу и делают ослушание, прибили даже нарядчика, и из них первые начинщики и виновники крестьяне Антон и Григорий Лаврентьевы, Василий и Владимир Ивановы, о которых и просим, чтоб сыскать их в суд и поступить по законам, а протчих привести в должное повиновение, почему сии четыре человека были сысканы, а вслед за ними сами собою явились в земский суд и еще того сельца лучших из стариков и из совершенно-летних 42 человека, с ними староста того сельца Филипп Степанов и нарядчик Маркел Киреев. Во учиненных им в суде сем допросах они подтвердили [сообщение] о том непослушании с прибавлением еще и того, что крестьяне полагают, что они не принадлежат г-ну Обрезкову, и что они им не куплены у госпожи Безбородко, а завладены силою, а как по справке в суде сем открылось, что оное сельцо Чекашевы Поляны со всем к ним принадлежащим от г-жи Безбородко г-ну Обрезкову проданы в 1813 году февраля 14 дня по купчей, писанной и совершенной в санкт-петербургской палате гражданского суда за ее (гр. Безбородко) собственною и свидетельскими руками, — всего писанных за нею по 6 ревизии 382 души, с рожденными после оной и прибылыми, за 140 тысяч рублей. Сия купчая представлена прошлого, 1813 года марта 18 дня в инсарской уездной суд и по указу оного в инсарской зем-

ской суд посланному земским исправником титулярным советником Федоровым. 19 марта того ж года [они] введены г-ну Обрезкову во владение и в беспрекословном повиновении новому помещику обязались подпискою, дабы поселить в тех крестьянах [убеждение], что они действительно от г-жи Безбородко проданы г-ну Обрезкову и для приведения их в резон, дабы были у сего последнего в надлежащем повиновении и отправляли все работы беспрекословно. Приглашены были в присутствии суда сего инсарский городничий титулярный советник Хрущев, инсарского уездного суда дворянский заседатель коллежский ассесор Агапов и уездный стряпчий Добрынин, и при оных читаны были при поверенных г-на Обрезкова Роде самым внятным образом та данная от г-жи Безбородко г-ну Обрезкову на них купчая и высочайшие законы, что повелено оными чинить за ослушание против помещика. Потом допрашиваны первые замеченные управителем Роде начинщики и те, которые по показаниям старосты и нарядчика поставлены виновными в непослушании и битье нарядчика и выбранной самовольно крестьянами вновь староста, которые оправдывали себя в том тем только, что они делали то ослушание с согласия всего мира и в битье нарядчика учинили запирательство, но нарядчиком на очных ставках изобличены, ибо и по осмотру суда у нарядчика во многом волосы оказались выдранными, и всего девять человек отосланы для содержания под стражею в инсарское городническое правление, а последние 37 человек в присутствии инсарского земского суда при всех вышеписанных чиновниках объявили, что они никогда против помещика своего г-на Обрезкова никакого ослушания не делали и не делают и даже того в мыслях не имели, а согласились все не итить на работу по совету старосты Филиппа Степанова, потому что мало имеется у них земли, не имеют ни себе на пропитание хлеба, ни лошадям корму, и сии последние, истощась так, что никакой работы отправлять не могут, и хотя от г[осподи]на приказано уравнять их в земле с ево ж крестьянами села Такмова, но не уравнены, крестьяне просили вспомоществования от управителя Роде, но ничего не сделано; просились у него, чтоб отпустил из них к г-ну человек двух для испрошения милости, но отпуску не получили, а староста Степанов заявлял на них донос совсем ложной к закрытию вины своей, [был] во общем с ними, чтоб не итить на работу, согласии и что они работу барскую отправлять будут, сколько сил их достанет. Но, когда все сие написано было в показании о них на бумаге и требовано было, чтоб они, кого изберут, приложили к тому руку, но они все единогласно от сего рукоприкладства отозвались [отказались], подтверждая только то, что они из послушания г-на Обрезкова не выходят и работать господскую работу будут, и сверх того просили, чтоб позволено им было, кого они изберут, отправить к господину Обрезкову.

Приказали: твердя написанное от крестьян чекашевских 37 человек показание подписом членов суда и бывших при оном чиновников, приобщить к делу, крестьян 37 человек отпустить в дом,

а за ними в суд отправить в сельцо Чекашевы Полянки дворянского заседателя Грызева с командою, витребовав оную от здешней воинской команды, состоящею из одного унтер-офицера и четырех рядовых, с тем, дабы он имел за теми крестьянами присмотр: действительно ли они тотчас вступят и будут отправлять господскую работу добровольно и беспрекословно, дабы узнать чрез то совершенное их намерение и расположение, в случае ж каковых-либо противных их поступков принудить их к тому и тотчас дать знать земскому суду, поруча ему, заседателю, объявить управителю Роде, что естли он не имеет от г-на Обрезкова повеления о вспомоществовании тем крестьянам и [нет] препятствующих причин, то одного из них или двух отпустить к г-ну их, чтоб заявил то позволение и о всех происшествиях доносили его сиятельству г-ну пензенскому гражданскому губернатору и губернскому правлению.

Подлинной журнал за подписью присутствующих и за скрепою секретарскою.

С подлинным читал канцелярист [подпись].

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 600, л. 22—23.)

б) 1814 г., февраля 23. Показание старосты сельца Чекашевых Полян по делу неповиновения крестьян помещику Обрезкову.

1814 года, февраля 23 дня в инсарском земском суде сысканной деревни Чекашевых Полянок староста Филипп Степанов по сходству указа 1763 года, февраля 10 дня со увещеванием священника в нижеследующем допрашиван и показал: Филиппом ево зовут, Степанов сын, отроду ему 42 года, деревни Чекашевых Полянок г-на генерал-лейтенанта, сенатора и кавалера Михайлы Алексеевича Обрезкова из крестьян староста; что он при наряде на господскую работу нарядчиком Маркеем Киреевым собравшихся крестьян, дабы не шли на работу, не останавливал, и таковых слов, чтоб с ним стояли в том, что у них ни для скота корму, ни для себя пищи нет, не говаривал, а когда Киреевым наряжены были крестьяне на работу, то вышедшие с каждого двора не только по одному, но и по два человека на сход и, согласясь, все сделали ослушание и на работу не пошли, проговаривая при том, что они и господину Обрезкову не принадлежат, почему он и еще всех тогда собравшихся на сход крестьян спросил, что все ли они не согласны итти в работу, на что все сказали, что все несогласны и работать не пойдут, и в уверение своего положения дали ему от себя крестьянина Емельяна Мещерикова, с коим он и поехал в село Такмово, где и объявил о всем случившемся управляющему. Нарядчик же Киреев, когда хотел также ехать для объявления управляющему, на улице был теми собравшимися крестьянами остановлен и бит, но кем именно, он не видал, только Киреев выехал ему навстречу с проулка плачущий и сказывал, что ево прибили; когда же он объявил управ-

дяющему, то тож самое подтвердил и посланной с ним крестьянин Емельян Мещериков; и потому управляющий, не пустя уже ево в деревню Чекашевы Полянки, взял с собою в город Инсар, где от того управляющего и подано об ослушании крестьянами в земский суд объявление; крестьяне ж между тем в ево отсутствие избрали на место ево другого старосту самовластно Емельяна Мещерикова, а по возвращении ево говорили ему, что тот вновь избранной староста и дядя ево Антип Яковлев, что они заложили денежный сбор, но по каковому случаю — не объявили, приглашая и ево, дабы и он в том с ним был согласен. Однако он в таковое с ними согласие не пошел и совсем от их предложения и отдачи в положенной сбор денег отказался, припомня сверх того, что из числа приехавших в город Инсар чекашевский крестьянин Тимофей Иванов говорил ему, Степанову, что они здешним судом недовольны, а пойдут в Пензу.

К сему допросу вместо крестьянина Филиппа Степанова, по его прозбе, руку приложил и увещевал иерей Гавриил Петров.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 600, л. 4.)

в) 1814 г., февраля 27. Рапорт инсарского дворянского заседателя Грызева инсарскому земскому суду о произведенном допросе крестьянам сельца Чекашевых Полян.

27 февраля 1814 года.

В инсарской земской суд
оного ж суда от дворянского заседателя Грызева

Рапорт.

В сходство предписания оного суда отправлялся я в деревню Чекашевы Полянки для имения присмотра за крестьянами той деревни: действительно ли они тотчас добровольно и беспрекословно вступят в сходство объявленных в присутствии суда сего слов в господскую работу. По приезде куда с данною мне воинскою командою унтер-офицером Артамоном Высокиным, рядовыми Григорьем Ивановым, Васильем Агафоновым, Николаем Даниловым и Архипом Киреевым чинил допрос собравшимся человек до семидесят чекашевским крестьянам, признают ли они себе господином генерал-лейтенанта, сенатора и кавалера Михайлу Алексеевича Обрезкова и вступят ли во отправление господских работ, как отбывших в земском суде крестьян было удостоверено, на что все те крестьяне единогласно мне отвечали, что они г-на Обрезкова признают своим помещиком, но на господскую работу не идут, в чем хотя я им и растолковывал, что таковое их ослушание есть не только против помещика, но и против закона и правительства,

однако они, не внемля сему, пребыли тверды в оном своем упорстве и утверждении, что они работать не пойдут, так как не имеют для себя ни хлеба, ни для лошадей корму, причем вопрошен был мною самой доноситель на них о непослушании той деревни староста Филипп Степанов: точно ли те крестьяне не имеют ни хлеба, ни корму, на что он, Степанов, объявил, что подлинно у многих ни хлеба, ни корму нет, о каковом происшествии и поспешаю донести земскому суду.

Дворянский заседатель Грызев.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 600, л. 22.)

г) 1814 г., мая 30. Объявление управляющего именем Обрезкова инсарскому земскому исправнику о неповиновении крестьян помещику Обрезкову.

30 мая 1814 года.

Инсарскому господину земскому исправнику титулярному советнику Федорову

генерал-лейтенанта, сенатора и кавалера Михайла Алексеевича Обрезкова от управляющего по доверенности вотчинами иностранного дворянина Ивана Михайлова сына Роде

Объявление.

Состоящие под управлением моим означенного господина Обрезкова Инсарской округи сельца Чекашевых Полянок крестьяне, забыв, видно, данное ими обязательство в присутствиях инсарских уездного и земского судов при господине губернском чиновнике, надворном советнике и кавалере Ларионове, что они у господина своего и у представленных от него над ними начальников будут в совершенном повиновении и все по нарядам их работы исправлять будут беспрекословно, но, вместо того, не истребя доныне дух неповиновения, по нарядам села Такмова бурмистра и сельца Чекашевых Полянок нарядчика Маркея Киреева и с положенных на них с каждого тягла [повинности] отвести с завода на пристань, состоящую от села не более версты, по три бочки вина, отвезли только по одной, а от последних отказались, произнося ругательные слова мне и бурмистру, и нарядчика даже намеревались бить, говоря, что они не давали подписки возить вино, равно и тогда, когда разделена была между ими и такмовскими по тяглам поровну земля за рекою и своя (на которой стороне и сельцо Чекашевы Полянки поселены) оставалась земля против их тягол излишняя, которою и должны владеть такмовские крестьяне, то те, чекашевские, с дерзостию говорили, что они до владения ее не допустят и, кто приедет пахать, побьют тово каменьями, называя ее своею.

Сие все произносили того сельца крестьяне Антон Иванов Евсеев, Григорий Антонов Бабин, Константин Андреев Бабин, Григорий Лаврентьев Бабин и Антип Яковлев Мещеряков; и хотя они при запашке такмовскими земли не произвели злого намерения своего в действие, но все [же] дух неповиновения не истребился еще из них, почему, доведя сие до сведения вашего, прошу по должности нам предписания от таковой дерзости показанных крестьян удержать силою законов и поступить с ними по предписаниям во оных.

К сему объявлению по доверенности управляющий иностранный дворянин Иван Михайлов сын Роде руку приложил.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 600, л. 79.)

д) 1814 г., июня 8. Объявление управляющего имением помещика Обрезкова в инсарский нижний земский суд о невыходе на господскую работу крестьян сельца Чекашевых Полян.

8 июня 1814 г.

В инсарской нижней земской суд

господина генерал-лейтенанта, сенатора и разных орденов кавалера Михайлы Алексеевича Обрезкова от управляющего по доверенности вотчинами иностранного дворянина Ивана Михайлова сына Роде

Объявление.

Сего текущего месяца, с 7-го на 8-е число Инсарской округи сельца Чекашевых Полянок крестьяне, состоящие под управлением моим, были наряжены на господскую работу брат на брат, то есть 64 человека, но только в число их вышло в работу 3, а протчих всех, собравши сход, самовольно удержали и не пустили на работу. Из зачинщиков и непослушных 1-й — Антон Яковлев Евсеев, 2-й — Афанасий Прокофьев Евсеев, 3-й — Роман Прокофьев Бабин, 4-й — Козьма Антонов Жуков, 5-й — Василий Иванов Бабин, 6-й — Емельян Михайлов Евсеев, 7-й — Абрам Степанов Бабин, 8-й — Карп Антонов Жучков, 9-й — Степан Филиппов Шерстобитов, 10-й — Тимофей Иванов Мещеряков и 11-й — Иван Иванов Бабин большой, о чем сим объявляю земскому суду и прошу покорнейше с зачинщиками и непослушными учинить, как законы повелевают.

Июня 8 дня 1814 года.

Объявление начерно и набело писал вышеозначенного господина Обрезкова служитель Григорий Недошивин.

К сему объявлению по доверенности иностранный дворянин Иван Михайлов сын Роде руку приложил.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 600, л. 93.)

е) 1814 г., июня, 27. Объявление управляющего имением помещика Обрезкова Роде в инсарский земский суд о порубке помещичьего леса крестьянами Чекашевых Полян.

В инсарской земский суд 27 июня 1814 года.

генерал-лейтенанта, сенатора и разных орденов кавалера Михайлы Алексеевича Обрезкова от управляющего вотчинами иностранного дворянина Ивана Михайлова сына Роде

Объявление.

Текущего июня, с 26 на 27-е число ночью пойманы доверителя моего деревни Чекашевых Полянок крестьяне 4 человека, ехавших в город Наровчат для продажи с разным дельным лесом и материалами, накладенными на девяти телегах, то есть дубовых осей — 30, лубков — 200, рассох — 10, кузовов вязовых — 47, разделанных 2 новые телеги, которые все оставлены на господском дворе и с лошадьми, потому 5 человек бежали от своих возов, по именам Василий Никитин, Ефим Иванов, Антон Иванов, Роман Семенов и Андрей Васильев, а при сем представляю в суд Якова Иванова, Петра Никитина, Ефима Никитина и мальчика Константина Васильева, и прошу земской суд вышеписанные лесные материалы, накладенные на 9 подводах в селе Такмове, освидетельствовать, равно и приготовленные в деревне Чекашевых Полянках по дворам, и описать, потому они самовольно и без дозволения начальства господской лес рубют и истребляют, и делают доверителю моему великие убытки, и показанных представляемых при сем крестьян — 4 человека и 5 бежавших, равно и сколько окажется в деревне Полянках на дворах приготовленных материалов для продажи, то всех таковых крестьян наказать и обязать их подпискою, чтоб впредь не токмо на продажу, но и на собственные их нужды отнюдь не могли рубить лес без дозволения начальства, а при том имею объяснить, что доверитель мой приказал полянских крестьян с такмовскими поравнять и разделить землю по тяглам, и послал я к ним бурмистра и стариков сказать им, чтобы пришли разделить пар, но полянские крестьяне земли под пар не берут и отказались, и доныне на господскую работу не ходют, а взяли только 8 тягол, которые не ослушаются и на господские работы ходют, то я и приказал оставшуюся за тем землю разделить и пахать такмовским крестьянам, в рассуждении сего после не могли б полянские крестьяне приносить жалобу, что им не дано земли, и с такмовскими крестьянами по тяглам не уравнены, о чем земскому суду сим и объясняю.

Июня 27 дня 1814 года.

Сие объявление начерно и набело писал вышеозначенного господина Михайлы Алексеевича Обрезкова служитель Григорий Недошивин.

К сему объявлению по доверенности иностранный дворянин Иван Михайлов сын Роде руку приложил.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 600, л. 3.)

ж) 1814 г., июля 14. Объявление управляющего имением помещика Обрезкова в инсарский земский суд о невыходе на господскую работу крестьян сельца Чекашевы Поляны и о закковании ими в железо старосты Степанова и десятника Киреева.

14 июля 1814 года.

В инсарской земской суд

генерал-лейтенанта, сенатора и разных орденов кавалера Михаила Алексеевича Обрезкова от управляющего вотчинами иностранного дворянина Ивана Михайлова сына Роде

Объявление.

Прошедшего июня 13 дня из вотчины доверителя моего сельца Чекашевых Полянок крестьяне Козьма Антонов Жуков и Абрам Степанов Бабин неведомо куда из вотчины скрылись, о чем и подано от меня объявление, но 13 числа сего июля, пришедши ко мне поутру, старостин брат Антон Степанов объявил мне, что ево прислали со сходу крестьяне сказать, что показанные Жуков и Бабин из бегов в вотчину явились, а которые у меня добровольно работают, велели отпустить, а старосту Филиппа Степанова и десятника Марка Киреева сковали в железы и держут их под стражею, и им паровой земли и сенокосу на тяглы не дают, и хотят дома их разломать и разорить, а тем, которые добровольно ходют на господскую работу, то им запретили, и оным буянством зделали в господской работе великую остановку и расстройку, после чего сего 14 числа поутру прибежал ко мне старостин же брат Ларион Степанов и объяснил мне, что ево брата старосту Филиппа и десятника Марка и отца Маркина Кирея Петрова вчерашнего числа в вечеру на сходе били палками до полусмерти и будут ли живы, не известно, и я теперь опасаюсь, чтоб они не зделали чего-нибудь в вотчине более дурного, то в таком случае прошу земской суд их буянство и самовольство унять, и учинить с ними, как законы повелевают.

Июля 14 дня 1814 года.

Объявление начерно и набело писал означенного г-на Михайла Алексеевича Обрезкова дворовой человек Ефим Финлянской. К сему объявлению иностранный дворянин Иван Михайлов сын Роде руку приложил.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 600, л. 22.)

з) 1814 г., июля 15. Объявление управляющего имением помещика Обрезкова в инсарский земский суд о недопущении крестьянами с. Чекашевых Поляник рубке леса такмовских крестьян, посланных управляющим Обрезкова.

15 июля 1814 года.

В инсарской земской суд

генерал-лейтенанта, сенатора и кавалера Михайлы Алексеевича Обрезкова от управляющего вотчинами иностранного дворянина Ивана Михайлова сына Роде

Объявление.

Сего июля 14-го дня подано от меня в инсарской земской суд объявление и, в дополнение оного, имею объяснить следующее, что того ж числа приехал в сельцо Полянки земского суда дворянской заседатель г-н Грызев для свидетельства порубленного леса и, узнав, что староста, десятник, отец ево, а с ними полесовщик Яков Иванов, старостин брат Антон Степанов и Филипп Мещеряков сидят под караулом в разных избах, скованы, прибиты и изувечены полянскими крестьянами, то г-н Грызев тотчас всех их из-под караула освободил, железы снял и побои их освидетельствовал и прислал их ко мне, из коих староста и десятник явились ко мне, что у них головы острижены, которых при сем в земской суд для освидетельствования и представляю, а кто их бил и первые бунтовщики, есть следующие, а именно: 1-й — Василий Никитин, которой старосту и десятника бил и стриг головы, 2-й — Роман Прокофьев Бабин, 3-й — Евдоким Филиппов Шерстобитов, 4-й — Григорий Антонов Бабин, 5-й — Мартын Романов Бабин, 6-й — Григорий Михайлов Бабин, 7-й— Михайла Степанов Шерстобитов, 8-й — Михайла Иванов Мещеряков, 9-й — Василий Андреев Бабин, 10-й — Емельян Михайлов Мещеряков, 11-й — Антон Яковлев Мещеряков, 12-й — Осип Прокофьев Жуков, 13-й — Василий Андреев Бабин, 14-й — Матвей Иванов Бабин, 15-й — Панфер Федоров Бабин, 16-й — Петр Матвеев Бабин, 17-й — Ефим Логинов Бычков, 18-й — Архип Иванов Бабин, 19-й — Савелий Матвеев Бабин, 20-й — Никита Тимофеев Мещеряков, 21-й — Иван Яковлев Мещеряков, 22-й — Андрей Васильев Бабин, 23-й — Петр Федоров Бабин, 24-й — Василий Афанасьев Раздувалов, 25-й — Семен Иванов Мещеряков, 26-й — Василий Михайлов Мещеряков, 27-й — Максим Лаврентьев Кольцов, 28-й — Иван Андреев Кандала, 29-й — Матвей Исаев Сайга, 30-й — Михайла Иванов Мещеряков, 31-й— скрывшийся из побегов Козьма Антонов Жуков, 32-й — товарищ ево Абрам Степанов Бабин. А при том имею земскому суду объяснить,

что того ж 14-го числа, когда посланы были от меня в купленную г-н доверителем моим с сельцом Полянками рощу, называемую на Можарской Горе, такмовские крестьяне для вырубки и стройки винокуренного завода столбов, то из сельца Полянок вышеписанные бунтовщики и прочие крестьяне человек до двух сот прибежали в ту рощу с дубинами, рогатинами и топорами и такмовских крестьян 4 человека прибили: Аникея Иванова, Осипа Тимофеева, Леонтия Иванова, Ивана Яковлева; а били их Михайла Степанов, Антон Иванов, Григорий Антонов и всех крестьян из лесу выгнали, телеги и колесы изрубили, а некоторые телеги увезли в сельцо Полянки, а при сем случае и рубке столбов находились села Такмова бурмистр Федор Прокофьев и крестьянин Федул Михайлов, то им полянские крестьяне Антон Ларин, Афанасий Прокофьев, Роман Прокофьев и Евдоким Степанов приказали мне объявить, чтоб лес не рубить и имеющийся господской сенокос в полянских дачах не косить, землю такмовские крестьяне не пахали б, а как скоро такмовские крестьяне станут землю пахать или я пришлю траву косить, то мы де всех перебьем до смерти; и которые из Такмова крестьяне землю тот день пахали, всех с поля согнали, и сколько столбов такмовскими крестьянами для завода срублено, то бывший у них в Полянках такмовский священник, не знаю почему, зделал записку и более ихние дурные мнение и непослушанства священником подтверждено, и, может быть, и научено сие бунтовство учинить, то и прошу земской суд явившихся из бегов сельца Полянок двух крестьян Карпа Жукова и Абрама Бабина, где они находились, допросить и со всеми вышеписанными бунтовщиками поступить, как законы повелевают. А священника, какое имел право делать срубленному лесу записку, во всем допросить.

Июля 15-го дня 1814 года.

Сие объявление начерно и набело писал вышеозначенного г-на Михайлы Алексеевича Обрезкова служитель Григорий Недошивин.

К сему объявлению иностранный дворянин Иван Михайлов сын Роде руку приложил.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 600, л. 27—28.)

и) 1814 г., июля 15. Показание крестьян сельца Чекашевы Поляны по делу неповиновения своему помещику Обрезкову.

1814 года, июля 15 дня в присутствии инсарского земского суда, составленного из двух дворянских заседателей, пребывающего для местного следствия в деревне Чекашевых Полянках, той деревни нижеписанные имянами крестьяне по объявлению им имянного 1763 года, февраля 10 дня указа со увещеванием священника в нижеследующем допрашиваны и показали:

1-й, Антоном ево зовут, Лаврентьев сын, отроду ему 60 лет, деревни Чекашевых Полянок графини Анны Ивановны Безбородко крестьянин, в понедельник на нынешней недели с согласия всех их деревни крестьян, в числе коих был и он, с собранного сходу послан был в село Такмово, к управителю старосты их брат Антон Степанов сказать, чтоб отпустил находящихся у него в Такмове их деревни в работе крестьян, по случаю тому, что их деревни крестьяне Козьма Антонов и Абрам Степанов, посланные с общего всех их деревни крестьян согласия к госпоже для узнания, точно ль они ею проданы господину Обрезкову, возвратясь, им объявили, что они, быв в селе Греневе Черниговской губернии, нашли там госпожи своей супруга графа Илью Андреевича Безбородко, которой им о госпоже объявил, что она в Петербурге и что они, чекашевские, ею господину Обрезкову не проданы, на что, хотя от тех посланных и требовали обществом письменного удостоверения, но они сказали, что оного им не дано, а сказал господин, чтоб они шли в вотчину, а он с господином Обрезковым справится сам, ибо то не их дело, земскому ж суду, буде он кого потребует, чтобослушания не чинили, по каковому тех крестьян Антонова и Степанова удостоверению и остались они в том намерении, чтоб более никому к г-ну Обрезкову в работу не ходить и не слушаться, старосту ж Филиппа Степанова и десятника Марка Киреева, сковав в железы, держали под своим караулом и наказывали как их, так и десятникова отца розгами с общего... всех их деревни крестьян, собранных на сход, за то, что они хвалились в посажении их деревни крестьян в острог, в Инсаре, и что чрез них чинилися им в Такмове наказание, — кто ж наказывал их, не видал, потому что он находился в избе. Для писания ж объявления в город Троицк от общества их ездили Степан Филиппов и Василий Алексеев, кои теперь в Инсаре содержатся под стражей.

2-й, Антипом ево зовут, Яковлев сын, отроду ему 60 лет, деревни Чекашевых Полянок, оной же госпожи Безбородко крестьянин, показал то ж, что и первой человек, с тою только разницею, что староста Филипп Степанов и десятник Марк Киреев были скованы и держаны под караулом также и наказаны были во обще с десятниковым отцом розгами по приказанию графа Ильи Андреевича Безбородко, зделанному чрез посланных от них крестьян Козьму Антонова и Абрама Степанова за то, что они без ево приказания наряжали их к г-ну Обрезкову совсем неправильно в работу, и что они от супруги ево ему, Обрезкову, совсем не проданы.

3-й, Иваном ево зовут, Иванов сын, отроду ему 60 лет, оной же деревни и госпожи крестьянин, показал то ж, что и первой человек — с тою разницею, что он при наказании старосты и десятника с отцом не был, а находился на пчельнике.

4-й, Илья Иванов, отроду ему 50 лет, оной же деревни и госпожи крестьянин, показал то ж, что и первой человек, с разницею тою, что староста с десятником были скованы и наказаны обще с

десятниковым отцом за то, что они не идут с ними в согласие, а повинуются г-ну Обрезкова управителю Илью Иванову.

5-й, Петр Федоров, отроду ему 70 лет, той же деревни и г-жи крестьянин, показал то ж, что и первый человек.

6-й, Семен Иванов, отроду ему 50 лет, той же деревни и г-жи крестьянин, что он когда посылан был к управителю старостину бритву, дабы отпустил их деревни крестьян с работы, также когда были скованы староста и десятник и были наказываемы, ево совсем не было, а ездил в Троицк на базар, а ежели б был дома, то с обществом на все то был бы согласен.

7-й, Иван Андреев, отроду ему 60 лет, оной деревни и госпожи крестьянин, показал то ж, что и первой человек, с разницею тою, что когда были кованы староста и десятник, ево не было, а был он на мельнице, а ежели б был на собранном сходе, то б и он с обществом был бы согласен.

8-й, Афанасей Прокофьев, отроду ему 80 лет, оной же деревни и госпожи крестьянин, что послан был к управителю г-на Обрезкова крестьянин Антон Степанов, чтоб отпустить их деревни крестьян, находящихся в работе, потому что им там в работе чинятся отягощение и делается напрасное наказание. Бывшие ж у г-на графа Ильи Андреевича Безбородко, а г-жи их у супруга, ходоки Козьма Антонов и Абрам Степанов, по возвращении, объявили им, что г-н Безбородко указал, что они супругою ево г-ну Обрезкову не проданы, в железы ж староста и десятник посажены и наказаны розгами с общего всех крестьян согласия за то, что они нащет десятников хвалются, что сажают их в острог и бреют не судом, а они.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 600, л. 25.)

к) 1814 г., июля 16. Предварительное решение инсарского земского суда по делу неповиновения крестьян сельца Чекашевых Полян помещику Обрезкову.

1814 года, июля 16-го дня инсарский земский суд, пребывающий для местного следствия в деревне Чекашевых Полянках, по поданным господина генерал-лейтенанта, сенатора и кавалера Михайлы Алексеевича Обрезкова от управляющего вотчинами иностранного дворянина Роде о разных буйствах и неповиновении помещику того села крестьян [заявлениям], снял подлежащие допросы. При выслушании каждым своего показания, крестьяне от обрукоприкладствования отреклись, утверждая единственно на словах, что написанные в них слова действительно те самые, которые они показывали, но руки приложить просить никого не будут; напоследок ж противу поданного на месте от оного ж управляющего Роде объявления требованы были от собравшихся чекашевских крестьян для допросов поимянованные во оном крестьяне, но они на сие единогласно от дачи оных отозвались, крича единогласно с грубым видом, да и когда сказано было им, чтоб они шли в город Инсар и явились в земской суд для разбирательства, сказали, что и туда не пойдут, потому что уже и так в остроге содержится их крестьян довольно, разве их к тому принудит чрез воинскую команду, чрез каковое ослушание и зделана суду в производстве следствия крайняя остановка. Приказали: о сем записать в журнал, а в понятых по случаю засвидетельствования им во всем том в присутствии суда взять сказку. Также при сем еще от чекашевских крестьян представлена записка, писанная Киреем Афанасьевым Никитиным, об осмотре им срубленного села Такимова крестьянами в Чекашевской даче леса, о коем заявляет и управляющий Роде в своем объявлении, — то и оную приобщить к делу и, закрыв присутствие, отправиться в Инсар, взяв с собою тех крестьян, кои самовольно отлучились из жительства. Допросы ж без обрукоприкладства, утвердя присутствием, приобщить к делу и оное представить в общее присутствие земского суда, препроводя во оной Антонова и Степанова.

Дворянский заседатель [подпись].

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 600, л. 31.)

1831 года, июля 4. Рапорт инсарского земского исправника Бахметева пензенскому гражданскому губернатору относительно разглашения крестьянином Лосевым слухов о свободе.

Секретно.

Состоящему в должности пензенского гражданского губернатора господину статскому советнику, разных орденов кавалеру Александру Алексеевичу Панчулидзеву

инсарского земского исправника

Рапорт.

Господин уездный предводитель дворянства 25 июня прислал ко мне крестьянина, назвавшего себя Нижегородской губернии, Лукояновского уезда, Починковской волости, села Теплого Майдана Степаном Ивановым Лосевым, разглашавшего в его деревне крестьянам, что они, а равно и дворовые люди, получили свободу от рабства и могут некоторые идти на новые земли. Когда он представлен был к г. предводителю Николаю Андреевичу Салову, и, по приказанию его, был посажен в амбар для отправления в город, то, убоясь наказания, подрыл землю, ушел и был пойман уже в лесу. По вторичном приводе к г. Салову притворился сумасшедшим, по приведении его в суд при допросах в присутствии уездного стряпчего подтверждал те же слова, что крестьяне точно получат свободу от рабства, о чем и указ в Починках получен и всем тамошним обывателям объявлен, но после того, вместо должных по сему предмету ответов, на заданные ему в присутствии вопросы начал

говорить совсем посторонние и непонятные слова, на другие же вопросы ответствовал довольно основательно, так что незаметно никакого вида сумасшествия, окроме произносимых в некоторых случаях грубых и дерзостных выражений. Уездный лекарь Роджер имел его, Иванова, на испытании несколько дней и отозвался, что он никакого сумасшествия в нем заметить не мог. Почему я того крестьянина Иванова до решения дела отослал в городовой острог, а сам отправился по господским селениям к Лукояновскому уезду, но везде находил совершенное спокойствие. Причем дознано мною, что сей бродяга делал таковые же разглашения в селе Сучкине Инсарского уезда в базарный день при многолюдном собрании крестьян. О таковом происшествии имею честь представить в начальническое благоусмотрение в. пр-а.

Земский исправник Бахметев.

№ 268. Июля 4 дня 1831 года.

(Пензенск. госархив, ф. 5, д. 1724, л. 1—2.)

1833 г., февраля 20. Приговор по делу крестьянина села Лада, Саранского уезда Лазарева, обвиняемого в возмущении крестьян этого села против помещичьей власти.

22 февраля 1833 г.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского
из пензенского губернского правления саранскому земскому исправнику.

Комиссия военного суда, учрежденная при пензенском внутреннем гарнизонном баталионе над крестьянином Пензенской губернии Саранского уезда села Лады покойного д. т. с. Голубцова, Андреем Лазаревым, по обстоятельствам дела, об нем произведенного, нашла его виновным:

1-е. В возмущении одножителей своих в июле месяце прошлого 1832 года и неповиновении вотчинному управлению и чиновникам гражданского ведомства, посылавшимся к ним для усмирения и восстановления чрез разные способы прежнего порядка, не выходя из пределов властей, над ними постановленных, которые [крестьяне], не внимая никаким благовидным внушениям, остерегавшим их от строгого по законам наказания, быв увлечены противузаконными советами подсудимого Лазарева, обольщавшего [их] тем, что они будут вольные, пребыли упорными до того времени, покуда не пришла к ним воинская команда. Подсудимый Лазарев, вкравшись во властоначалие до того, что общество по совету его самовластно сменило бурмистра Александра Анятина и старосту Ивана Данилова, вместо коих избрало из среды себя в первые Николая Дагадина и в последние Петра Андреева, из коих Дагадин во время пребывания в новом сем звании по требованию общества выдал из вотчинной конторы оброчных господских денег 4050 руб., из числа которых в доме крестьянина Ивана Щекина от-

Ивано 80 руб. Василью Сомову на издержки, употребленные ходоками, посылавшимися в город Пензу с просьбами, и дистальные вручены подсудимому Лазареву с тем, чтобы он и еще двое его товарищей, Иван Абалихин и Афанасий Сиянцов, отправились в С.-Петербург к г. г. душеприказчикам и, по доставлении денег, просили б [у] них, по случаю неурожая в хлебе, уменьшения оброка. Но Лазарев вместо того, растратив всю ту сумму во время бродяжества своего в Москву и обратно до своего жительства, ограничил себя только тем, что подал в собственные руки е. и. в. высочеству великому князю Михаилу Павловичу прошение, заключающее в себе жалобу на управляющего имением помещика Голубцова титулярного советника Василья Дмитриева, будто бы угнетающего их несносными податьми, и на г. гражданского губернатора в необъявлении им, по поданным прежде того двум прошениям самим Лазаревым с крестьянином Александром Ивановым и выше явствующими товарищами его Абалихиным и Сиянцовым, законного наследника или по нем опекунов.

2-е. В самовольной отлучке из жительства своего в город Москву без ведома управляющего Дмитриева с тем же Абалихиным и Сиянцовым, написании фальшивого, без всякого рукоприкладства, на неизвестный предмет от общества приговора с приложением вотчинно-конторской печати, унесенной, как о том утверждают ладские крестьяне, самим Лазаревым для приложения оной к подобным бумагам или на бродяжество свое билетам.

3-е. В дерзком поступке против управляющего Дмитриева в вотчинной конторе в то время, когда собрана была сходка и появился в ладских жителях дух неповиновения, с произнесением слов, чтобы он, Дмитриев, вышел из конторы вон и никогда бы без ведома их и ноги не накладывал, да и никаких бумаг никому не писал и сам бы никуда не выезжал до тех пор, пока они ему позволят.

4-е. В возвращении от околицы по приказанию Лазарева крестьянами Абалахиным, Сиянцовым и Романовым земского Агапа Иванова, посланного управляющим Дмитриевым по делам, вверенным управлению его, в город Саранск и для представления в тамошний земский суд крестьянина Михайла Ишутина, повредившего у себя во избежание рекрутства на правой руке указательный палец, коего, самовольно расковав, отпустил домой, а земскому Иванову, по собрании сходки, обещевал остричь половину головы и бороды и устращивал сечь розгами до последнего дыхания, что, вероятно, и исполнил бы, естьли б земский Иванов, по боязни, от того не скрылся.

5-е. В сопротивлении против посланных за ним управляющим Дмитриевым сотских Федора Лизина, Петра Сыропятова и десятника Василья Дмитриева для взятья при появлении его, Лазарева, 9 числа октября 1832 года в дом свой, при входе в дом Лизина и Дмитриева [Лазарев], встретив [их] на крыльце и взяв стоявший у оного кол, сказал, что он без схода в контору не пой-

дет и чтобы управляющего и духу в Ладе не было, причем упрежден, что если кто осмелится взять его, Лазарева, то он всем поставит головы, хотя бы и сто человек за ним пришло, и первому пулю в лоб.

6-е. В нанесении при вторичном приходе в дом Лазарева управляющего Дмитриева с посторонними людьми и ладскими жителями, бурмистру Анятину по руке колом удара, приготовленного для управляющего Дмитриева, устранившегося от сего своею расторопностию, причем, не взирая на предстоявшую ему опасность, он, Дмитриев, не теряя присутствия духа, с неустрашимостию бросился на подсудимого Лазарева и первый схватил его за руки, каковому примеру последовали и прочие пришедшие с ним, Дмитриевым, за подсудимым Лазаревым, который, однако, и при сем разе освободил одну руку, схватил в пазухе заряженный пистолет, намереваясь из него выстрелить в управляющего Дмитриева, для которого, как сам Лазарев при том случае говорил, и заряд сей был припасен, что верно бы он зделал, естьли бы управляющий не ускорил вырвать его из рук Лазарева, а тем самым избежал предстоявшей ему опасности.

7-е. В грубости и неуважении к присудственному месту, в котором, не внимая делаемым ему внушениям от увещателя его священника Розаниева и самых присудствующих, решительно отказался от рукоприкладства к отобранному от него в комиссии допросу и подписки о неделании ему от присудствующих и аудитора во время производства над ним суда пристрастных расспросов.

8-е. В ложных показаниях с оклеветанием управляющего Дмитриева в поданном прошении е. и. высочеству великому князю Михаилу Павловичу в угнетении ладских жителей несносными податями.

И за таковые его преступления комиссия военного суда по разуму указа 1775 года, апреля 28 дня, не давая за подтверждением посторонних лиц отрицательству подсудимого крестьянина Лазарева вероятия, на основании подведомых узаконений и полевого уголовного положения 1812 года, генваря 27 дня главы 5, № 38, приговорила казнить Лазарева смертию, полагая притом по смыслу указа 1763 года, июля 4 день взыскать с ладских жителей, а буде есть, то из пожитков или домашнего обзаведения подсудимого Лазарева, употребленные на прогоны посылавшимся для доследования сего дела двум ассесорам и аудиторам в оба пути по числу 158 ½ верст, полагая на шесть лошадей, за каждую лошадь и версту по 5 коп., всего 95 р. 10 к., и на канцелярские расходы, как то: бумагу, свечи, сургуч, чернила и прочее — 25 р. 15 к., которые и отослать в пензенское уездное казначейство на пополнение тех сумм, из которых оные позаимствованы. Пензенский гражданский губернатор, рассмотрев приговор комиссии военного суда, согласно высочайше утвержденного 22 июня и 23 ноября 1826 г. и 14 февраля 1831 г. положения комитета г. г. министров, утвердил, с тем, чтоб вместо определенной смертной

казни наказать его, Лазарева, на месте в селе Ладе кнутом, дав оным ему пятнадцать ударов и, по постановлении ему штемпельных знаков, сослать в Сибирь, о исполнении каковаго приговора комиссии военного суда, согласно заключению его от февраля № 1141, предлагает губернскому правлению с приложением подлинного дела, дабы зделано заключение, как о прочих, так и о прочей издержке в приговоре комиссии военного суда.

Приказали: велеть указом пензенской полиции содержащегося под стражею Лазарева отправить за внутреннею самою благонадежнейшею стражею в саранский земский суд и рапортовать, а земскому суду саранскому, изъяснив в указе предложение гражданского губернатора, велеть учинить Лазареву определенное наказание, [а] потом прислать его в губернское правление за внутреннею стражей. Земскому исправнику особенно велеть [принять меры] для точнейшего исполнения, о каковом предписывается земскому суду и которое должно быть произведено на месте преступления в селе Ладе, учинить оное, как при понятых сторонних людях, так, особенно, и при военной команде, которая будет командирована к нему, земскому исправнику, из саранской инвалидной команды внутренней стражи по распоряжению военного начальства. О чем для отряжения таковой команды в необходимо нужном количестве к саранскому земскому исправнику ныне же отнестись командиру пензенского баталиона внутренней стражи. Сверх того, что здесь предположено, еще велеть саранскому земскому суду исполнить и взыскание, присужденное комиссиею военного суда, передать деньги в казначейство и рапортовать, о чем и казенную палату предварить. А полиции же земской велеть отправить и копию в саранской земский суд; с положения сего передать копию в канцелярию гражданского губернатора, также и во 2-й стол 4-го отделения.

Февраля 20 дня 1833 года.

Советник [подпись].
Секретарь Андреев.
Столоначальник Засухин.

(Центр. архив МАССР, ф. 34, д. 7, лл. 38—43.)

1833 г., июня 13 — 1833 г., октября 10. О насильственном захвате земли помещика Арапова мордвой деревень Старое и Навое Дракино.

а) 1833 г., июня 13. Объявление помещика Арапова в наровчатский земский суд о завладении его землей крестьянина д. Дракино.

В наровчатский земский суд
майора Сергея Андреева, сына Арапова

Объявление.

По заключенному мною с пензенскою казенною палатою сего 1833 года, апреля в 25-й день контракту, на отдачу мне на 12-летнее содержание Наровчатского уезда казенной земли под назва-

нием Кожлятки, — пахотной земли 15 десят. 1846 саж., которая мне и введена во владение наровчатского земского суда г. дворянским заседателем Кравковым, на которую и были от меня посланы вчерашнего числа для размеру оной земли деревни Васильевки крестьяне Антроп Иванов, Иван Николаев, Василий Романов, Павел Петров, Аверьян Борисов, Евграф Еремеев и Михайла Степанов, которые приехали и начали размеривать. Вдруг вышла обоих деревень Дракин мордва до 40 человек и начала крестьян моих бить волокушами с приговором тем, что «земля наша, ступай долой», и отняли у них одни сошники с палицею, возжи и соху изрубили и избили всех означенных 7 человек, в числе коих избиты Михайло Степанов, Иван Николаев и Антроп Иванов, так что руки и ноги перебили и не могут ходить, а именно били деревни Дракиной, признанные нами: 1-й — Фрол Максимов, 2-й — Степан Матвеев, 3-й — Прокофий Немов, 4-й — Алексей Филиппов, а 5-й — Григорий Кузьмин, который их уговаривал, что дратца не за что; ежели бы не он, они бы могли более избить, о чем объясняя наровчатскому земскому суду, и покорнейше прошу крестьян моих избитых, представленных в сей суд 6 человек освидетельствовать и произвести исследование, а 7-й — Михайла Степанов — не может и с постели встать. Они же, мордва, все ямы и столбы запахали так, что и признаку никакого нет, едва можно заметить. Во всем оном с упомянутыми мордвами поступить по законам.

Июня 13 дня 1833 года.

Сие объявление набело переписывал г. майора Сергея Андреева, сына Арапова — служитель Иван Бальцев.

(Пензенский гособлархив, фонд наровчатского уездного суда, д. № 59, л. 145.)

б) 1833 г., августа 18. Объявление помещика Арапова в наровчатский земский суд о вторичной попытке крестьян д. Дракино завладеть его землей.

В наровчатский земский суд
майора Сергея Андреева сына Арапова

Объявление.

Входил я в наровчатский земский суд 1-м объявлением июня 13-го числа о введении мне во владение по заключенному мною контракту с пензенскою казенною палатою апреля в 23-й день сего 1833 года в арендное 12-летнее содержание казенной пашенной земли, называемая Кажлятка, — 15 дес. 1846 саж., которая мне во владение и введена оного суда дворянским заседателем Кравковым. И в том же объявлении наупоминал дракинских мордвов первоначально обязать подпискою, но сего не учинено и означенные мордва обои деревни вышедших до 40 человек крестьян моих

перебили до самой невозможности 7 человек, и представлял я избитых крестьян своих в земский суд освидетельствовать побои их; вторым прошением июля 3-го числа упоминал о том же деле вторично, и просил оной же суд произвести в побоях дракинскими мордвами крестьян следствие. 3-м объявлением 10-го числа сего августа давал знать земскому суду о недопущении меня оными мордвами для обрабатывания и засеву оной земли хлебом, и на все сии мои объявления не получаю я от земского суда и по сие время ни на одно законного удовлетворения. 4-м уже сего числа извещаю, что посланы были от меня 14 числа сего августа крестьяне мои, на означенную землю засевать хлеб 40 человек, и только успели засеить 4-е дес., на которую высеяно ржи по 1 четверти 4 меры, всего 6 четвертей, [вдруг] прибежав, дракинские мордва обоих деревень с дубьями и крестьян моих с пашни согнали, о чем покорнейше прошу наровчатский земский суд произвести исследование, утвержденную ж землю казенною палатою представить мне во владение, дабы оная не осталась незасеянная, а удельных крестьян обоих деревень Дракин обязать подпискою и поступить по законам.

Августа 16 дня 1833 года сие объявление набело переписывал г. Арапова служитель Иван Егоров.

К тому объявлению майор Сергей Андреев сын Арапов руку приложил.

1833 года, августа 18 дня в наровчатском земском суде по слушании приказали: объявить г. дворянскому заседателю [фамилия не разобрана], дабы он исполнением сим поспешил.

Подлинный журнал за подписом г. г. присутствующих закрепить.

Секретарь с подлинным читал.

Коллежский регистратор [фамилия не разобрана].

(Пензенский гособлархив, фонд наровчатского уездного суда, д. 59, л. 163.)

в) 1833 г., октября 10. Объявление помещика Арапова в наровчатский земский суд о чинимых препятствиях землемеру Пекарскому крестьянами с. Дракино.

В наровчатский земский суд
майора Сергея Андреева сына Арапова

Объявление.

От 8-го числа сего октября по требованию сельского заседателя Метальникова рабочих людей 30 человек с приказом, присланным [через?] солдата Захара Алексеева, [явились?] к землемеру Пекарскому и депутату Юрьеву для вырезания земли двух оброчных статей Гарт и Кажлятки. Сего же 9-го числа на заре, которые явились крестьяне мои на въезжий двор к господину землемеру

Пекарскому, где он квартиру имеет у крестьянина Чалкина, к которому пришли удельные крестьяне села Дракина... в большом количестве на нежилой двор, начали бить у крестьян моих лошадей, сгонять со двора, и г. Пекарский кричал на мордвов, чтоб не били лошадей, и велел им с двора ехать. Которые поехали из ворот и мордва начали бить моего крестьянина Ермолая Савинова, которой объявил мне, [что] прибили крестьян и разогнали. 1-м начинщиком был хозяин Чалкин и сам сотник, которого при сем представляю и прошу освидетельствовать вместе с уездным доктором и сделать ему во всем оном допрос.

Октября 10-го дня 1833 года.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 59, л. 21.)

1850 г., мая 25. О самовольной порубке леса в дачах Саровской пустыни крестьянами с. Жегалова и деревень Караевой, Тювеевой и Итяковой.

1850 года, маия 25 дня по указу е. и. в. темниковский уездный суд, слушав выписку, сочиненную из дела о порубках в дачах Саровской пустыни, обстоятельства коего следующие: 16 июня 1842 года Саровской пустыни монах Николай Ефимов объявлением изъяснил, что монах Антоний уведомил его о проехавших в дачи Саровской пустыни крестьянах до 400 человек села Жегалова, деревень Караевой, Тювеевой и Итяковой для снятия бересты, мочал и лык, коих остановить не мог, просил сделать к защите и удержанию порубщиков распоряжение. От поселян заседатель Узбяков рапортом подтвердил земскому суду вышеписанное объявление 17 того же июня. Саровской же пустыни строитель Исаий, подтверждая объявление Ефимова, просил порубщиков удержать и освидетельствовать порубку временным отделением. Монах Антоний заседателю Узбякову обнаружил, что он дознал села Жегалова г. Вышеславцевой от крестьян Флора Петрова, Григорья Михайлова и Федора Алексеева: порубку делали села Жегалова, деревень Русской Караевой, Тювеевой и Итяковой разных г. г. крестьяне, из коих они опознали г. г. Казловых Петра и Тимофея Яковлевых, Ананья Максимова, Семена Гаврилова, Ефима, Петра и Данилу Ивановых, Ивана Семенова Клеева, Ивана и Ивана Макаровых, и также просил сделать свидетельство порубленному лесу и произвесть следствие. По свидетельству заседателя Узбякова с понятыми сторонними людьми оказалось: близь Варламовой пустыни усмотрены вновь произведенные порубки липового для лубков, мочал и лык и березового для бересты, лесу в длину на четыре, а поперек на две версты, но сколько дерев — сщесть невозможно. Выказанные монахом Антонием крестьяне г. Вышеславцевой Фрол Петров с прочими ссылку подтвердили, показанием в допросах показали: крестьяне г. Казлова Петр и Тимофей Яковлевы и прочие 10 человек сделали запирательства в снимании

лык и лубьем в дачах Саровской пустыни. 6 июня того же 1842 года Саровской пустыни монах Петр Гаврилов объявлением донес земскому суду, что в дачу г. Татищева пущены [рабочие] для корытия смолы, но вместо оной рабочие люди изготовляют украденною в их дачах в многом количестве (из деревень Караевой, Тювеевой и Итяковой)... просил также от сего удержать. По свидетельству заседателя Узбякова с понятыми людьми оказалось в Саровском лесу порубки не менее 1000 дерев разных сор. Монах Николай 19 июня того же года земскому суду объявлением заявлял, что из Саровской дачи везут крестьяне обоз с берестом крупу Бучумову, это ему объявил крестьянин Аким Лаврентьев. По свидетельству квартального Лопухина оказалось привезенного береста на завод Ивана Бучумова неизвестными крестьянами весом 160 пудов, купецкой сын Иван Бучумов разбросанное около весов его берестo он видел, но только оного не купил, мать вдова Бучумова Вера, кем привезено береста разбросанное — она не знает; находящие работники у Бучумова о привезенном бересте отозвались незнанием; монах Саровской пустыни Николай Ефимов в объявлении земскому суду изъяснил, что захвачено в даче их в большом количестве, из коих полесовщики их могли узнать деревни Караевой г. Семенова крестьян Василья Немого, шурьев его Тимофея, Семена и Николая Ивановых, кои избили послушника Василья Рубцова, и поделали знаки, шапку же и каты сорвали и изрубили, [и] просил также произвести следствие. По свидетельству станового пристава Сыробоярского с понятыми оказалось: срубленных березовых деревьев в даче монашествующих 6400. По свидетельству боевых знаков на послушнике унтер-офицере Василии Рубцове оказалось на лбу выше правого глаза сине-багровый знак с опухолью и с запекшеюся кровью, на левой брови имеется таковой же знак, на голове затылка опухоль с запекшеюся кровью и имеется небольшая раночка на сгибе левой руки, у логтя продолговатый сине-багровый знак с опухолью, на правой руке ниже плечи и лохтя и несколько выше кисти сине-багровые три пятна, отчего руки несколько не подымаются, на пояснице и сидалище в разных местах имеются сине-багровые пятна с опухолью, на левой ноге под коленкою сине-багровый продолговатый знак, сверх того имеет дыхание весьма тяжелое и состоит в опасной жизни, причем избитый Рубцов мог приговорить, что он был бит дубинками деревни Караевой крестьянами. На послушнике Потапе Никитине Сидорове на спине и промежду плечь имеется два знака продолговатые сине-багровые, означенный послушник Рубцов и Сидоров показанием удостоверяют, что они захватили [порубщиков] в лесу Саровской пустыни в многом количестве, из коих признали деревни Русской Караевой г. Семенова Тимофея, Семена и Николая Ивановых, у сего последнего находится болезнь на щеке, избили их дубинками, береста увезли. По свидетельствам станового пристава Сыробоярского с понятыми сторонними людьми порубленного лесу в Саровской даче оказалось 2062 дерева; в другом месте поруб-

лено 270 дерев. По обыску в домах деревни Караевой у крестьян г. Семенова найдено: у Тимофея, Семена и Николая Ивановых сырых липовых [лубков], содранных с деревьев для мочал, девять, оценены 80 коп. асигнациями; у татарина Тимофея Максимова лубков сырых три — 6 коп., лык 10 пучков по 12 коп. и всего 1 руб. 20 коп. В доме татарина Якупа Мансурова лык 233 пучка, каждой по 12 коп., еще таковых же 80, а всего 320, оценены 37 руб. 50 коп., найдено у него ж береста разной меры сырого 8 возов, 49 пудов, — 22 руб. асигнациями, сырых лык 22 пучков — 2р. 64 к. [?]; у крестьянина г. Семенова Алексея Ефимова береста 4 пуда — 1 руб. 80 коп. асигнациями, разработанных по лесу лык сырых 30 пучков — 3 руб. 60 коп.; крестьянина г. Семенова Ивана Козьмина лык 55 пучков — 6 руб. 60 коп. асигнациями. В допросах крестьян г. Семенова Тимофей, Семен и Николай Ивановы во всем показуемом на них послушниками Рубцовым и Сидоровым зделали запирательства, а найденный у них материал вырублен в Пуштинском Вользинском лесу; Вяльша Якупов [показал], что найденные лыки некоторые куплены в городе Темникове и у везущих от Саровского леса деревни Шустелима у крестьянина по отчеству неизвестного, Хансваря Мансурова. Крестьяне г. Семенова Алексей Ефимов и Иван Козьмин [показали]: первый утвердил допрос Якупова, а последний: кто спрятал в овраге береста и лыки, он не знает. По обыску в домах крестьян села Жегалова оказалось: у крестьянина Тимофея Матвеева два сырых липовых лубка, стоящие 20 коп. асигнациями, у Алексея Васильева 4 лубка — 12 коп., деревни Павловки Ильи Петрова береста — 104 нош, в каждой ноше весу полтора пуда, стоит каждой пуд 10 коп. серебром; в допросах показали сельца Тювеевой г. Слепородской крестьяне Иван и Николай Васильевы, что они лыки два воза драли в своей даче, а не у монашествующих. Сведением, [сообщенным] становому приставу Сыробоярскому, монах Гавриил обнаружил, что он, не доезжая Жегалова, встретил крестьян подвод 40, везущих береста к городу Темникову. В допросах деревни Павловки крестьяне Леонтий Петров и прочие, всего 18 человек, показали, что они действительно везли 40 возов береста купцу Михайле Бучумову; взято у крестьянина г. Казлова Ильи Петрова, сколько такового весом не знают. По свидетельству береста оказалось 307 пудов; допросом показал деревни Павловки г. Козлова крестьянин Илья Петров Фрольцов, что действительно им отправлено береста на 40 подводах купцу Бучумову, вывезенное из Пуштинского Вользинского лесу по билету, данному села Ельник г. Черкаской крестьянину Спиридону Радионову, которой при оном представил в приложенном билете, выданном из темниковского земского суда 24 июня 1842 года за № 4878, [из которого] видно, [что] оной дан Краснослободского уезда села Ельник княгини Черкасской крестьянину на перевозку береста 500 нош весом 1000 пудов, заготовленной из дачи г. Татищева Пуштинской Вользинской. Княгини Черкасской крестьянин Спиридон Емельянов ут-

вердил отправление береста купцу Бучумову чрез посредства крестьянина Ильи Петрова по означенному билету. Михайла Афанасьев и Василий Архипов показали: найденное береста у первых 43 ноши, а у последнего 55 надрано в даче г. Татищева. Под присягою села Жегалова крестьяне Иван Андреев, Гаврила Федоров и Григорий Ермолаев показали, что кто именно находился в Саровском лесу для сдирки лык и береста деревень Итяковой и Тювеевой из крестьян — признать он не мог. Допросами показали оного ж села Жегалова крестьяне Тимофей Матвеев и Андрей Спиридонов, что найдено у него два сырых пучка, взятые им у последнего Спиридонова, а сей объяснил, что содраны в лесу Вознесенского завода. Алексей Васильев [показал, что] найденные у него 4 пучка куплены у неизвестного человека; по свидетельству станового пристава Сыробоярского с понятыми в лесных г. Татищева дачах [по учету] срубленным березовым деревьям и содранной с оной бересты оказалось: в означенной даче г. Татищева содрано с березовых дерев до 45 возов, полагая в каждом возу 15 пудов, в другом месте снята береста до 25 возов; монах Николай показанием отрекся от 16 возов береста, присланных при отношении из градской полиции, затем, что оные повелено снять крестьянину г. Слепородской Михайле Иванову. Села Жегалова г. Ишеева крестьяне Данил Иванов, — что он в Саровских дачах не был, лык, лубьев и береста не драл. [По] показаниям крестьян: Фрол Петров, Григорий Михайлов и Федор Алексеев оправдывают крестьянина Данилу Иванова, что они в числе прочих в Саровских дачах вовсе его не видали: г. Козлова староста Максим Максимов и крестьяне Иван и Матвей Афанасьевы, Илья Александров, Семен Ефимов, Никифор Иванов, Алексей и Петр Федоровы, — что крестьяне Петр и Тимофей Яковлевы, Семен Григорьев и Ананий Максимов, когда было похищение в Саровском лесу, то оные работали с ним близь Кондровской мельницы мочала на барщину. Повальным обыском понятыми сторонними людьми поведение крестьян г. г. Козлова: Петра Яковлева, Тимофея Яковлева, Семена Гаврилова, Анания Максимова, г. Ишеева: Ефима Иванова, Петра Иванова, Ивана Клюева, Ивана Гаврилова; г. Вышеславцевой: Михаила Ананьина [Иванова], Василья Архипова, Корольова, Тимофея Матвеева Козлова, Алексея Васильева; г. г. Ишеевых: Андрея Спиридонова, Данилы Иванова; с. Павловки Козлова Илью Петрова; [деревни] Караевой г. Семенова: Тимофея, Семена и Николая Ивановых Карпушкиных, Алексея Ефимова, Ивана Козьмина, мурз Вяльши Якупова, Хансваря Мансурова; [сельца] Тювеевой г. Слепородской Ивана и Николая Васильевых — одобрены, оные ими в дурных поступках не замечены; Хансварь Мансуров [показал, что] три липовых сырых лубка и 10 пучков лык приобретены им в собственной своей даче; крестьяне г. Семенова: Димитрий Алексеев, Афанасий Алексеев, Михаил Васильев, Михаил Семенов и Федор Ананьин утверждают, что [у] Мансурова [там], где пчельник, расчищенный есть

лес, но в том ли лесу им вырублено — неизвестно. По свидетельству станового действительно оказалось: в даче, где участвуют Мансуров, — сколько у него при обыске сельца Тювеевой разных господ крестьяне в порубке леса и сдирки с них лубьев сделали 86 человек запирательства, и они вовсе в саровских дачах не были; также и крестьяне сельца Итяковой и деревни Полянок от сего запирались, — всего 38 человек; села Череватова крестьянин Аким Лаврентьев, — что он видел, как везли неизвестно чьи крестьяне подводах на 40 с накладенным из Саровского леса берестом и свалили у куща Бучумова. Повыдчикам и архивариусу уездного суда дан запрос, не были ли прежде сего судимы крестьяне, значущиеся в повальном обыске на 168 листах, на которой отвечествовали, что из числа крестьян г. Ишеева Ефим Иванов, Корольков. Тимофей Матвеев, г. Семенова — Семен и Николай Ивановы и татарин Якуп Мансуров судились за порубку леса в казенном Пуштинском лесу, почему, как решением сего суда, утвержденным палатою государственных имуществ, с оных крестьян взыскать попенных и штрафных денег; уездное казначейство отношением уведомило: по сказкам 8 ревизии деревни Кареевой г. Семенова крестьяне значутся... (Тимофей Иванов) 29, Семен Иванов 27 и Николай Иванов 15 лет. Приличные к делу сему Свода зак. уголов. разд. 1842 года 15 т. статей 1169, 1146 и 1176: «Никто не должен быть присужден к наказанию без точных доказательств или явных улик в преступлении»; 1176: «Если доказательства недостаточны для совершенной достоверности в вине подсудимого, то не осуждать его к тому наказанию, которое закон определяет за доказанное преступление по тому общему правилу, что лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговаривать невинного»; 1144: «Если против подсудимого, при недостатке полных доказательств, есть, однако же, некоторые улики, то, судя по важности обвинения и улик, или: 1) оставлять его в простом подозрении, более или менее сильном, или 2) отдавать его под надежное поручительство в добром впредь поведении, не освобождая его, однако, вовсе от подозрения, ибо впоследствии времени могут открыться противу его новые улики, по коим поручители должны быть обязаны представлять его к суду, или же 3) давать ему присягу для очищения подозрения, если же суд найдет, что, по опасности клятвопреступления, присягать нельзя, то предавать дело воле божией».

Приказали: в прошлом 1842 году строитель Саровской пустыни несколькими объявлениями доводил до земского суда, что в лесной даче той пустыни крестьяне деревни Караевой, Тювеевой, Итяковой и села Жегалова производят самостоятельную порубку леса, снимки береста и лубьев, и та порубка сопровождается буйствами, что даже очевидцем был во время свидетельства порубки сельский заседатель Узбяков, которого порубщики хотели избить и делали ему с понятыми разные угрозы, но по следствию буйственных порубщиков никого не открыто, кроме того, что найдено при обыске в деревне Караевой у крестьян г. Семенова Тимофея, Николая и Семена Ивановых под сараем сырых липовых лубков, содранных с деревьев, для мочал 4 1/2 аршина толщиною, в отрубе вершков 9, кои понятыми оценены в 80 коп. асигнациями; у татарина Тимофея Максимова липовых лубков 3, длиною 9 арш., толщиною 4 1/2 верш., оценены в 6 коп., лык 10 пучков, оценены 1 руб. 20 коп.; в доме другого татарина Якупа Мансурова под сараем липовых сырых для лык 933 пучка, считая в каждом по 30 трубок, оценены каждый пучок по 12 коп., на верху сырья таковых же пучков для лык 80, оценены каждой по 12 коп., а все порубки оценены в 34 руб. 56 коп. На огороде его же, Мансурова, найдена береста разной меры сырого 8 возов, оценены в 22 руб. асиг. Ему же, Мансурову, принадлежащие около ветряной мельницы сырых лык 200 пучков, оценены в 60 руб. В овраге спрятанных в песке у гумна крестьянина г. Семенова Алексея Ефимова берест, содранных с толстомерных дерев, 2 ноши, оценено понятыми в 1 руб. 80 коп. асигн. Там же разбросанных лык по лесу 30 пучков, оценены в 3 руб. 60 коп. У мельника Ивана Лазынина таковых же лык 55 пучков, оценены в 6 руб. 60 коп. При допросах же о найденных лыках показали: 1) Тимофей Иванов, что найденные у него лыки сняты женою около своего пчельника; 2) Якуп Мансуров, о найденном у него изделии показал, что оное куплено сыном его Якуповым, но у кого именно — не знают, а сын его Вяльма объяснил, что найденные у него лыки на дворе под сараем 233 и наверху сарая 80 пучков, куплены им в разные времена на базаре в городе Темникове у неизвестных людей, а у мельницы также найдены 200 пучков лык, [которые] куплены им у крестьянина деревни Шустилима по имени Николая, а по отечеству неизвестного, с четырьмя товарищами, береста же, найденная у него, куплена им у неизвестного крестьянина Ардатовского уезда, сам же он в Саровском лесу не рубил; 3) Хансярь Мансуров, а по-русски Тимофей Максимов, показал, что найденные у него лыки куплены на базаре в городе Темникове, и 4) Алексей Ефимов и Иван Козьмин показали, что найденные возле их гумна и пчельника береста и лыки им не принадлежат, и кто именно спрятал, они не знают, таковые лыки и береста, кроме 55 пучков лык, неизвестно кем украдены, и 55 пучков отданы под присмотр сотского деревни Караевой Тимофея Матвеева. Затем в селе Жегалове и деревне Павловки у крестьян по обыску найдено г. Николая Королькова, Тимофея Матвеева 2 сырых липовых лубка, стоящие каждый по 10 коп. асигн.; г. Козлова Алексея Васильева на дворе под сараем 4 лубка, оценены в 48 коп. асигн. Ильи Петрова на дворе бересты 10 нош, на улице противу дома 42 ноши, Василья Архипова против дома на улице таковое же береста 55 нош, г. Вышеславцевой у Михайлы Афанасьева на дворе 28 нош, да на огороде 3 ноши и на дворе в половне 8 нош, в крапиве на огороде 4 ноши, каждая ноша заключает в себе по 1 1/2 пуда,

и как видно, оное бересто снято с толстомерных дерев, и все бересто оценено за каждый пуд по 10 коп. сереб. После сего сельский заседатель земскому суду рапортом донес, что представлены были к нему двое крестьян сельца Тювеева г. Слепородской Иван и Николай Васильевы с лыками, пойманы в Саровском лесу, каковых крестьян он, Узбяков, допросил и послал их с соцким деревни Караевой в земский суд, но оные крестьяне отбились и уехали домой. Из допросов же видно, что с которыми лыками они были пойманы, надраны ими в своих дачах; соцкой же деревни Караевой Павел Андреев показал, что он действительно от сельского заседателя Узбякова был послан с какими-то двумя мужиками в земский суд, но оные от него отбились с помощию других товарищей. Наконец, монах Саровской пустыни Гавриил довел до сведения станового пристава Сыробоярского, что в ночной проезд его из города Темникова в село Жегалово, не доезжая до оного верст трех, встретились с ним проезжающие из того села к городу Темникову неизвестные ему крестьяне с бересто подвод до сорока, почему тот монах и просил означенных извозчиков береста преследовать, по каковому поводу становой пристав для преследования тех крестьян отправил губернского секретаря Троицкого, который отправился из села Жегалова для поимки оных крестьян, к городу Темникову, близь которого города [при] смоляных ямах догнал он, Троицкий, крестьянина деревни Павловки Илью Петрова на 40 подводах, везущих бересто, которых Троицкий стал останавливать, чтобы бересто везли в Жегалово...

При допросе ж крестьянин Илья Петров показал, что действительно с наемными работниками на 40 подводах береста в городе Темникове к купцу Бучумову возил, бересто же оное и найденное у него, Петрова, на дворе принадлежит выше объясненному крестьянину г. Черкасской Спиридону Родионову, который просил его, Петрова, доставить к означенному купцу Бучумову, снято же оное бересто в даче г. Татищева, на что и выдан 24 июня 1842 года Рожнову из здешнего земского суда билет, каковую ссылку и Родионов подтвердил, с тем только, что он Петрова о перевозе береста к Бучумову не просил; по свидетельству же остановленное бересто оказалось 22 пуда старой съемки, а 307 пудов свежей 1842 года, а как видно оное бересто с толстомерных деревьев. Понятыми же бересто оценено свежей съемки 41 руб. 3 коп. сереб., а старой съемки 4 р. .... Из билета же земского суда значит, что он выдан крестьянину г. Черкасской Спиридону Родионову на свободную перевозку 500 нош весом 1000 пудов, заготовленного им в даче г. Татищева в 1841 году по билету от управляющего Потехина.

Уездный суд, соображая обстоятельства с силою 1162, 1176 и 1177 ст. 15 т. угол. зак. разд. 1842 года, находит: хотя поверенным Саровской пустыни и монахами и выводится порубка на разных жителей деревень Караевой, Тювеевой, Итяковой и села Же-

гвлова, но жители этих деревень, несмотря даже на то, что у некоторых найдена и часть материала, в виноватом на них запирались, а материал найденный иные отвели, представили доказательства на законное приобретение из других дач, а другие отводят тем, что покупали на базаре у неизвестных людей, почему суд полагает: всех опрошенных по сему делу лиц к ответственности не привлекать, лесной материал, найденный у некоторых лиц, оставить у каждого по принадлежности, не подвергая их ответственности, купца Михаила Иванова Бучумова, как невиновного по сему делу ни в чем, тоже суду не подвергать, а лес, найденный около его завода и неизвестно кем положенный, равно найденный в других местах при обыске жителей деревень Тювеевой, Караевой, Итякова и села Жегалова, тоже неизвестно кому принадлежащий, вывезенный будто бы из Саровских дач, отдать в пользу владельцев тех дач, которым предоставить право самовольных порубщиков отыскивать с ясными доказательствами от дела сего особь, о чем всем участвующим в деле лицам и объявить в присутствии суда, с правом подачи отзыва о удовольствии или неудовольствии, для чего и вызвать чрез темниковский земский суд.

[Подпись].

(Центр. архив МАССР, ф. 1, д. 667, л. 21—34.)

1844 г., февраля 21 — 1845 г., июля 3. Дело о неповиновении крестьян села Ключицы Инсарского уезда наследникам помещика Кожина.

а) 1844 г., февраля 21. Донесение пристава первого стана в инсарский земский суд об отыскиваемой крестьянами села Ключицы свободе.

В инсарский земский суд

пристава 1 стана

Рапорт.

Вчерашний день, т. е. 20 февраля, пополудни в одиннадцать с половиною часов, по прибытии моем из уезда в становую квартиру 1 стана, подано мне привезенное в этот же день вечером от майора Уманова письмо, которым он уведомил меня, что дворовые люди покойного шурина его Василья Федорова Кожина Меркул и Евсигней Николаевы, во время бытности его в доме Кожина, у сестры его девицы Юлии Кожиной, чуть не убили его, Уманова. А потом, когда, он, Уманов, уехал от Кожиной на занимаемую им у тещи своей коллежской асессорши Катерины Беляевой квартиру, дворовые люди и крестьяне Кожина толпою пришли к дому Беляевой и требовали к себе на двор Уманова, но он не вышел, а тещща его Беляева эту толпу от двора отогнала. Почему я тотчас же

отправился в село Знаменское, Ключицы тож, где и приступил к исследованию о том, что пишет г. Уманов верно.

По видам следствия открывается, что действительно 20 февраля днем толпа народу из 63 членов или человек, образовавшаяся из крестьян и дворовых людей покойного Василья Кожина, приходила к дому г. Беляевой и требовала к себе Уманова, для того только, будто бы спросить, по какому праву он с девицею Юлиею Кожиной делит крестьян Василия Кожина, но Уманов к ним не вышел, а теща его Беляева сказала им, чтобы они разошлись, что ими и сделано. По допросам 65 человек сказали мне, что они детей Уманова наследниками имения Василья Кожина не признают и отыскивают из рабства свободу, для чего и избран ими поверенный из своих крестьян Иван Косырев, и потому все вообще дворовые люди и крестьяне единодушно согласились ни под каким видом не итти во владение детям Уманова, и им никогда не повиноваться впредь до окончания дела об отыскиваемой свободе. По каковому поводу бывали у них и тайные сходьбища.

Из крестьян и дворовых людей г. Кожина 66 человек мною арестованы, и дальнейшие следствие идет, которое надеюсь скоро окончить и представить в инсарский земский суд.

О каковом происшествии честь имею донести инсарскому земскому суду.

Надежин.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 295, л. 13—14.)

б) 1844 г., февраля 21. Показание помещицы Беляевой о выступлении крестьян села Ключицы против помещика Уманова.

1844 года, февраля 21 дня Инсарского уезда приставу 1 стана коллежская ассесорша Катерина Захарова Беляева дала сведение в том, что 20 февраля вскоре после приезда ко мне в дом от девицы Юлии Кожиной зятя моего майора Уманова и не более как чрез четверть часа прибежала ко мне на двор толпа крестьян и дворовых людей покойного сына моего коллежского регистратора Василья Федорова Кожина, человек до шестидесяти или более, и когда я к ним вышла и спросила их, что им надобно, они сказали, что им нужен Уманов; я спросила для чего, они ответили все в один голос и с азартом, что у них есть бумага, что они вольные, и чтобы он им прочитал ее, что они к нему по разделу нейдут и никогда не пойдут. Бумагу вынимал из-за пазухи дворовый человек Ксенофонт Михальчиков. А дворовый человек Игнатий Иванов закричал, что не только они, но и мои крестьяне, доставшиеся мне из имения Кожина на часть по наследству после первого мужа моего, будто с ними и все вольные, что самое подтвердила с азартом в один голос и вся толпа народа. Я сказала им, что Уманов был в доме дочери моей, девицы Юлии Кожиной, так почему они к нему там не пошли. Но один из них Василий Огаревской закричал, что от-

куда [не знают] Уманова сорока принесла на хвосте, или напахстила на навозной куче, а потом все в один голос закричали: «Разорвем Уманова, убьем!» После того я тут же сказала им, чтоб они шли с моего двора домой, и они пошли. При этом происшествии были дворовые мои люди Ксенофонт Дмитриев, Евлампий Евдокимов, Иван Артемов, крестьянин Алексей Максимов и г. Тенишевой крестьянин Сидор Александров и полковницы Водопьяновой дворовый человек Логин Дмитриев и солдат Степан Иванов.

Калежская ассесорша Катерина Беляева.

Пристав Надежин.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 295, л. 7.)

в) 1844 г., февраля 21. Донесение пристава 1-го стана Инсарского уезда Надежина инсарскому земскому суду о буйстве крестьян помещика Кожина.

1844 года, февраля 21 дня Инсарского уезда пристав 1 стана приказывал рассыльному Шукшину итти вместе с понятыми людьми в дом г. Кожина и взять для допросу дворовых людей Меркула Михальчикова [конторщика], жену его, брата Евсигнея и племянника Пансофия. Шукшин по возвращении донес, что он отправился в дом г. Кожина вместе с понятыми людьми, крестьянами государственных имуществ деревни Верхнего Урлидима Зантом Анбеком Адельшиным, Курмаем Бикбаевым и деревни Пишли Султан Алей Невлютовым, Мустафою Биккулковым, Абдрашитом Ахметовым, Алемдворе Кожина состоящей. Но когда вели их улицею по селу Знаменскому, присоединилась к ним толпа народа, из крестьян и дворовых людей г. Кожина, прежде того собравшаяся сама по себе, человек до шестидесяти или более, и пришли вместе с ними без их зова к крыльцу становой квартиры. Когда же я, становой пристав, вышел к означенной толпе на двор и стал говорить бывшему в ней народу, для чего они пришли, а я их не требовал, кроме вышеупомянутых четырех человек дворовых людей, то они все с азартом и в один голос закричали, что куда один из них, туда они и все, и что они за Уманова нейдут, и никогда к нему не пойдут, лучше в Сибирь все пойдут, а к Уманову не пойдут. Тут я стал говорить им, что их судить будут, в острог посадют, плетьми пересекут, и тогда они тоже все в один голос закричали с азартом: «Судить, так пусть судют всех, но всех в острог не посадют и плетьми не пересекут!», потому что у них есть бумага и что они все по ним будут вольные, а Уманов им не наследник, наследник у них Кожин. После того я им сказал, что не Уманов наследник, а дети его, над которыми Уманов опекуном. Тогда они тоже все закричали с азартом в один голос: «Знать никого не хотим: ни Уманова, ни детей его, и если бы дети его или он был законные наследники имению Кожина, так

Уманов с г. Кожиною делился бы не один, а судом и при дворянах». Хотя я означенной толпе говорил много резонного к обращению на путь истины, но она оттого более приходила в азарт, а потому я, становой пристав, заключил: записать о сём в журнал. В подтверждение говоренных мною слов и слов, произносимых с азартом толпою народа, крестьян и дворовых людей г. Кожина, отобрать от рассыльного Шукшина и означенных понятых людей список, сотским и понятым людям приказать обступить толпу народа, для того чтобы она не разошлась и для того чтобы не могла сделать буйства. Потом брать из толпы по одному человеку к допросу, и каждого по окончании допроса отдавать для предосторожности под арест понятым людям, и для того собрать из окольных сел и деревень достаточное количество понятых людей.

Журнал же этот приложить к настоящему делу.

Становой пристав Надежин.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 295, л. 9—10.)

г) 1844 г., февраля 22. Показание крестьянина Акимова по поводу возмущения крестьян села Ключиц против помещика.

1844 года февраля 22 дня Инсарского уезда пристав 1 стана нижеозначенных крестьян г. Кожина в следующем допрашивал и показали:

1) Мироном его зовут, Акимов сын, по прозванию Житков, отроду ему 56 лет, православного исповедания, на исповеди и у святого причастия бывает, под судом и наказан ни за что не был, села Знаменского, Ключицы тож, помещика Кожина крестьянин, за которым и по 8 ревизии написан, женат первым браком, имеет детей, [Житков показал], что 20 февраля во время обеда вместе с прочими крестьянами и дворовыми людьми, собравшись в одну толпу, приходили к дому г. Беляевой для спросу находившегося у нее зятя ее майора Уманова о том: по какому праву он делит имение покойного Василья Кожина с девицею Юлиею Кожиной, но Уманов из дому Беляевой по требованию их не вышел, а вышла теща его г. Беляева, что говорила она, не расслыхал, и потом со двора ушли. Но не кричали, что они убьют Уманова и что они вольные. Детям Уманова повиноваться не хочет и об отыскивании [свободы] из рабства подали в пензенское губернское правление просьбу, а не ходатайство по делу, избрали из среды себя поверенного Ивана Косырева и дали ему доверенность. В доме Палияна Мануйлова все крестьяне и дворовые люди г. Кожина единодушно согласились ни под каким видом не итти во владение детей Уманова. Тайные сходьбища бывали для переговоров между собой и для сбору денег на расходы. Свободу отыскивают по общей молве, но кто о том сочинял им просьбу, не знал.

К сим спросам вместо крестьян Мирона Житкова руку приложил священник Савва Николаев[1].

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 295, л. 27.)

д) 1844 г., августа 12. Сообщение пристава 1-го стана Инсарского уезда о произведенном наказании крестьян помещика Кожина.

1844 года, августа 12 дня Инсарского уезда приставу 1 стана села Знаменского, Ключицы тож, покойного г. Кожина крестьяне: Николай Алексеев, Панкратий Артемьев, Павел Панкратов, Василий Елисеев, Лазарь Данилов, Лаврентий Данилов, Иван Григорьев, Василий Прохоров, Григорий Иванов, Тимофей Иванов, Яков Алексеев, Антон Прохоров, Петр Ефимов, Даниила Прокофьев, Иван Панкратов, Степан Александров, Василий Савельев, Петр Иванов, Михайла Иванов, Семен Васильев, Ефрем Исаев, Филипп Григорьев, Евсей Филиппов, Алексей Петров, Мирон Акимов, Трофим Ильин, Ефим Зиновьев, Антон Петров, Василий Викторов, Андрей Алексеев, Кузьма Герасимов, Александр Трифонов, Антип Ермилов, Ермолай Феклистов, Осип Сергеев, Парфен Мануилов, Генадий Феклистов, Дорофей Павлов, Максим Яковлев, Василий Павельев, Василий Степанов, Григорий Васильев, Родион Иванов, Алексей Иванов, Степан Филимонов, Мирон Ермолаев, Абрам Ефимов, Василий Архипов, Петр Карнилов, Егор Маркиянов, Мартын Ефимов, Анисим Ермолаев, Варлам Яковлев, Андрей Киреев, Емельян Полуехтов, Леонтий Никитин, Михайла Анофриев, Осип Михеев, Никифор Петров, дворовые люди: Филипп Иванов, Абрам Осипов, Федор Иванов, Федор Васильев, Петр Кузьмин, Игнатий Иванов, Иван Матвеев, Елисей Акимов, крестьяне: Филипп Павельев, Никита Евтеев, Иван Катерисов, Федор Маркиянов, Максим Кирилов, Фадей Яковлев, Леонтий Савельев, Вукол Антонов, Максим Иванов и бурмистр Алексей Григорьев Юлаев дали сказку в том, что вследствие указа инсарского уездного суда от 8 августа за № 1979 по решению пензенской палаты уголовного суда от 17 мая за № 2003 села Знаменского, Ключицы тож, помещика нашего дворовые люди Меркул Николаев, Пансофий и Ксенофонт Савостьяновы Михальчиковы и крестьяне Петр Григорьев и Иван Яковлев чрез нижнего полицейского служителя наказаны плетьми, каждый по двадцать ударов, при нас, а дворовый человек Евстегней Николаев и крестьянин Полиян Мануилов по случаю тяжкой болезни остались ненаказанными.

К сказке, вместо крестьян и дворовых людей Николай Алексеева, Филиппа Иванова с товарищем неграмотных, по их личной

[1] Остальные 19 чел. допрошенных подтвердили показание М. Житкова.

прозбе, и за себя дворовой человек Алексей Акимов руку приложил.

Пристав Надежин.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 295, л. 109.)

е) 1844 г., ноября 9. Подписка понятых сторонних людей временному отделению инсарского земского суда об отказе крестьян села Знаменского повиноваться наследникам помещика Кожина.

1844 года, ноября 9 дня временному отделению инсарского земского суда, пребывающему в селе Знаменском, Ключицы тож, бывшие собранные понятые сторонние люди, а имянно: крестьяне села Бесстужева г. г. Добринских Михайла Петров, Илья Федоров, Филипп Иванов, Федор Никифоров, Герасим Никифоров; Кучиной: Савелий Сидоров; Киселева: Егор Максимов, Николай Гаврилов; села Леплейки госпожи Сементовской: Никанор Павлов, Филипп Федоров; г-жи Мачинской: Егор Дмитриев, Степан Савельев; с. Кестелей: Петр Иванов, Ефим Иванов, Трофим Иванов, Михайла Лазарев, Иван Григорьев, Степан Родионов; казенного села Павлей Ларион Максимов, Тимофей Васильев, Иван Иванов, Самсон Игнатьев, Павел Тихонов, Федор Парамонов, Савелий Сидоров, Денис Андреев, Родион Ефимов, Кузьма Маркеев, Кирила Власов, Захар Агапов и г-жи Зотовой деревни Ново-Архангельской слободы: Мирон Дмитриев и Тихон Васильев, Казенной Полаевки: Кирей Степанов, Трофим Николаев, Егор Федоров, Алексей Мосеев, Сидор Иванов, Семен Иванов, Кузьма Степанов, Петр Федоров, Иван Спиридонов, Кузьма Евдокимов и Василий Афанасьев дали под присягою сию сказку в том, что призванные господином пензенским вице-губернатором действительным статским советником Алферьевым и подполковником корпуса жандармов Мишо, крестьяне села Знаменского, Ключицы тож, покойного Василья Кожина, доставшихся на часть наследнице девице Юлии Федоровой Кожиной: Иван Алексеев Косырев, Ксенофонт Савостьянов Михальчиков, подтвердили при нас то, что они седьмого сего ноября, хотя и дали подписку, но только в том, чтобы быть в повиновении суда и закона, а не в том, чтобы быть в крепостном владении Кожиной, и что они, Косырев и Михальчиков, помещице Кожиной служить не будут, и при таковом их объявлении присоединились к ним вновь бывшие прежде под стражею дворовые люди части Кожиной Игнат Иванов, части малолетних Умановых Филипп Иванов Плетнев, и то же самое подтвердили, что они не будут в повиновении вышеозначенных господ и от прежде данной ими 7 сего ноября подписки отказались, и сделались чрез превратное толкование о своей подписке ослушными в исполнении требований, возложенных на них законом

и местным правительством и упорствующими против распоряжения губернского начальства и воинской команды.

К сему подписал, вместо вышеписанных сторонних людей, Михаил Петров с товарищи неграмотных, по их личной прозбе, села Знаменского священник Савва Николаев руку приложил.

Непременный заседатель Еникеев.
Становой пристав 1-го стана Егоров.
Уездный стряпчий Авраамов.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 295, л. 130—131.)

ж) 1844 г., ноября 11. Предложение пензенского вице-губернатора начальнику пензенского гарнизонного батальона Годорожий-Чекаленко об учреждении военного суда по делу неповиновения крестьян помещика Кожина.

Пензенского вице-губернатора, ноября 11 дня 1844 г., № 7. Село Знаменское, Ключицы тож. Пензенского внутреннего гарнизонного баталиона г. майору Годорожий-Чекаленко.

При приведении в повиновение крестьян покойного коллежского регистратора Василья Кожина в селе Знаменском, Ключицы тож, все они 7 ноября, вследствие убеждения моего и корпуса жандармов подполковника Мишо, при содействии вверенной вашему высокоблагородию воинской команды, дали подписку в том, чтоб повиноваться наследникам его, Кожина, сестре его родной, девице Юлии Кожиной, и малолетним детям другой сестры его, умершей майорши Христиньи Умановой. Но после того двое из давших подписку, крестьяне Иван Алексеев Косырев и Ксенофонт Севастьянов, начали превратно толковать ту данную ими подписку и совращать других, объявляя, что они подписались в том, чтоб повиноваться суду и закону, а помещикам служить не будут. Когда, вследствие поданных 9-го ноября рапортов от вашего высокоблагородия и исправляющего должность земского исправника, они были призваны мною и господином подполковником Мишо при сборе крестьян, сторонних понятых людей и воинской команды и подтвердили то превратное их толкование о данной ими подписке, к чему присоединились еще двое крестьян: Игнат Иванов и Филипп Иванов Плетневы, то все четверо и отосланы нами под стражу на гауптвахту с тем, чтоб предать их военному суду, как нарушителей подписки и возмутителей к новой непокорности крестьян. В то же время предписал я исправляющему должность инсарского земского исправника непременному заседателю Еникееву составить тотчас временное отделение из него, местного станового пристава и уездного стряпчего и произвести самое строжайшее следствие об оказавшихся за данными подписками ослушниками и упорствующими

против распоряжения губернского начальства и воинской команды, присланной для содействия при приведении всех крестьян в должное повиновение. Ныне произведенное временным отделением инсарского земского суда следствие представлено ко мне, из которого видно, что, кроме четырех подсудимых, отступил от подписки и отрекся от говоренных крестьянину Ксенофонту Севастьянову при денщике Корпенко слов, что будут повиноваться, еще крестьянин Парфен Мануйлов, с коим и составилось пять виновных крестьян, над коими следует теперь учредить военный суд, о составлении коего в полном составе на месте в селе Знаменском, вследствие предоставленной мне предписанием г. гражданского губернатора и положением пензенского губернского правления власти, предлагаю вашему высокоблагородию с тем, чтобы оный учрежден был вообще из вас за презуса, трех военных оберофицеров, здесь находящихся, и трех членов инсарского уездного суда, для чего и произведенное следствие о сих преступниках у сего препровождаю к вашему высокоблагородию для рассмотрения в комиссию военного суда, по окончании коего все дело и сентенцию, какая по рассмотрении сего военносудного дела последует, благоволите представить по порядку на утверждение пензенского г. гражданского губернатора, от которого и имеете ожидать окончательного распоряжения о приведении оной в исполнение и о возвращении вашем со вверенной вам воинскою командою в город Пензу.

Вице-губернатор И. Алферьев.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 295, л. 123.)

з) 1844 г., ноября 17. Приговор комиссии военного суда по делу неповиновения крестьян помещика Кожина.

Сентенция.

По указу е. и. в. комиссия военного суда, учрежденная инсарского уезда в селе Знаменском, Ключицы тож, слушав выписку из дела, произведенного над крестьянами того села госпожи из дворян девицы Юлии Федоровой Кожиной и малолетних господ Умановых, Иваном Алексеевым Косыревым, Ксенофонтом Севастьяновым Михальчиковым, Игнатом Ивановым, Филиппом Ивановым Плетневым и Парфеном Мануйловым, усматривает: при введении в повиновение крестьян покойного коллежского регистратора Василья Кожина, в селе Знаменском, Ключицы тож, все они 7-го ноября, вследствие убеждения его пр-а господина пензенского вице-губернатора Алферьева и корпуса жандармов подполковника Мишо, при содействии воинской команды дали подписку в том, чтобы повиноваться наследникам его, Кожина, сестре его родной, девице Юлии Кожиной, и малолетним детям другой сестры его, умершей майорши Христиньи Умановой. Но после того из давших подписку крестьяне:

Иван Алексеев Косырев, Ксенофонт Севастьянов Михальчиков, Игнат Иванов и Филипп Иванов Плетнев начали превратно толковать ту данную ими подписку и совращать других, объявляя, что они подписались в том, чтоб повиноваться суду и закону, а помещикам служить не будут, что самое подтверждено ими как при следствии, произведенном временным отделением инсарского земского суда, во время коего отступил еще крестьянин Парфен Мануйлов, так равно и при допросах комиссии сего суда. По справке инсарского уездного суда, из числа подсудимых Михальчиков был судим и прежде и по решению пензенской уголовной палаты наказан плетьми. Повальным обыском они все пятеро не одобрены, по сказкам же 8 ревизии написаны: Иван Косырев 39, Ксенофонт Михальчиков 25, Филипп Иванов Плетнев 27, Парфен Мануйлов 42 и Игнат Иванов (при семействе крестьянина Максима Иванова Кечей) 32 лет. По соображении вышеписанных обстоятельств комиссия военного суда находит, что подсудимые Иван Косырев, Ксенофонт Михальчиков, Игнат Иванов, Филипп Плетнев и Парфен Мануйлов сами добровольно признались в непокорстве законным властям, возмущении противу господ своих и сопротивлении воинской команде при введении их с прочими крестьянами в повиновение законным владельцам, а потому приговорила: подсудимых Ивана Косырева, Ксенофонта Михальчикова, Филиппа Плетнева, Парфена Мануйлова и Игната Иванова, как главных возмутителей всех крестьян и отступивших за данною подпискою от повиновения своим владельцам и после того оказавшихся непокорными законным властям и сопротивлении воинской команде, на основании свода военно-уголовных постановлений, части 5, тома 12, книги 1, статей: 14, 17, 25, 26, 29, 73, 84, 101, 102, 233 той же части, книги 2, статей 4, пункта 30-го прогнать шпицрутенами через пять сот человек каждого по три раза и потом всех их сослать в каторжную работу в Сибирь. И на основании того же тома и части книги 2-й, статей: 6, 11 и 12 прогонные деньги, следующие в оба пути на 206 верст презусу комиссии майору Годорожий-Чекаленко от города Пензы до села Знаменского, Ключицы тож, на три лошади девять руб. двадцать семь коп. серебром, ему ж суточных с 12-го по 18 число ноября серебром три руб. 60 коп., и ассесорам: поручику Островскому, прапорщикам Михайлову и Федорову каждому за те же числа по два руб. пятьдесят восьми коп. серебром; прогонных членам инсарского уездного суда дворянским заседателям Евтропову, Иванову и становому приставу Брычеву, первым двум на 42 версты в оба пути по одному руб. двадцать коп. серебром, последнему от стана до села Знаменского, Ключицы тож, в оба ж пути на 70 верст два руб. десять коп.; за аудитора секретарю того ж уездного суда Перлову — прогонных один руб. двадцать коп., а всего серебром двадцать шесть рублей тридцать одна копейка. Для удовлетворения их взыскать со всех крестьян села Знаменского, Ключицы тож, г-жи девицы Юлии Кожиной и малолетних г. г. Умановых, в прочем

представить [на] в рассмотрение пензенского господина гражданского губернатора. Сей приговор в присутствии комиссии подсудимым объявить, а до получения конфирмации содержать их в селе Знаменском, Ключицы тож, на гауптвахте, под строгим карaулом.

Заключена Инсарского уезда в селе Знаменском, Ключицы тож, ноября 17-го дня 1844 года.

Асессор пристав 2 стана Брычев.
Дворянский заседатель Иванов.
Дворянский заседатель Евтропов.
Прапорщик Федоров.
Прапорщик Михайлов.
Поручик Островский.
Презус майор Годороджий-Чекаленко.

Приговор утвердил гражданский губернатор Панчулидзев.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 295, л. 158—159)

и) 1845 г., января 11. Донесение старосты имения помещика Кожина инсарскому уездному приставу 1-го стана о вновь произведенных беспорядках крестьянами и дворовыми людьми села Ключиц.

11 генваря 1845 г.

Инсарского уезда приставу 1-го стана господину Егорову
старосты имения девицы Юлии Федоровой
Кожиной из крестьян Василий[ия] Фирстов[а]

Донесение.

После сделанного по распоряжению начальства производства временным отделением инсарского земского суда о беспорядках по имению покойного Василия Федорова Кожина, доставшемуся по наследству означенной госпоже моей и малолетним господам Умановым, и после военного суда, исполненного по приговору оного над крестьянами теми, которые найдены главными виновниками в ослушании против правительства и помещичьей власти, и в том же самом имении крестьяне, особенно дворовые люди, за отбытием военной команды и полицейского надзора со стороны чиновников, долженствующих быть при том, ныне вновь открывается со стороны крестьян, а в особенности от дворовых людей, а более от Прокофия Севастьянова, неповиновения к владельцам и исполнения законной обязанности. По каким-то нелепым мнениям их, ожидаемым какого-то решения о вольности

из крепостного владения, чем снова нарушается порядок и требует правительственного распоряжения и карательной законной силы для приведения крестьян в повиновение, в котором они оставлены были при действии временного отделения.

Долгом поставляю довести до сведения вашего о таковом беспорядке крестьян, покорнейше прошу к пресечению дальнейшего действия их сделать зависящее с вашей стороны распоряжение как в исследовании, так и в предании виновных суду по законам.

К сему донесению вместо старосты Василия Фирстова, неграмотного, по его личной просьбе крестьянин г. Беляевой Тихон Алексеев руку приложил.

Января 10 дня 1855 года.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 299, л. 3.)

к) 1845 г., января 14. Протокол допроса крестьян и дворовых помещика Кожина, учиненный приставом 1-го стана Инсарского уезда.

1845 года, января 14 дня Инсарского уезда пристав 1-го стана нижеозначенных людей в следующем допрашивал.

Показали:

1. Филипом его зовут, Павлов сын, по прозванью Огаревской, отроду ему 30 лет, православного исповедания, на исповеди и у святого причастия бывает, грамоте не знает, под судом и наказан ни за что не был, села Знаменского, Ключицы тож, покойного г. Василья Кожина, где и по 8 ревизии за ним писан, а ныне доставшийся наследникам его малолетным г. г. Умановым, что он с господскою гречихою Краснослободского уезда в село Аксел ехать не хочет, от всех господских работ отказывается и совсем малолетных г. г. Умановых за помещиков своих не признает, а ожидает решения о предоставлении ему с прочими крестьянами свободы из крепостного владения по поданной в Петербург просьбе от поверенных их того же села крестьян Василия Павлова Огаревского и Петра Ефимова Плетнева, и что означенные крестьяне Огаревский и Плетнев в дома свои, со времени их отлучки, не приходили и денег им по письмам нисколько он с односельскими крестьянами не собирал и к ним не отсылал.

К сему допросу, вместо крестьянина Филиппа Павлова Огаревского, по его личной просьбе, села Знаменского священник Савва Николаев руку приложил[1].

Пристав Егоров.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 299, л. 11.)

[1] Остальные 51 чел. подтвердили показание Огаревского. Ред.

л) 1845 г., марта 12. Показания крестьян помещика Кожина, данные инсарскому земскому исправнику.

1845 года, марта 12 дня в присутствии инсарского земского суда, представленные в суд сей крестьяне покойного Кожина Василий Павлов Огаревский и Петр Ефимов Плетнев, пойманные здешнего уезда близ села Озерок, в нижеследующем допрашиваны и показали:

1. Василий Павлов Огаревский, 58 лет, веры православной, на исповеди и у св. причастия бывает, судим и наказан прежде сего не был, грамоте не знает, вдов, села Знаменского, Ключицы тож, крестьянин, по сказкам 8 ревизии писан за покойным Василием Кожиным, а ныне достался на часть малолетних Умановых, что 3-го числа ноября месяца прошлого 1844 года (это было в день пятницы, как он припомнить может), по убедительной просьбе всех крестьян села Знаменского, Ключицы тож, как доставшихся на часть девицы Юлии Кожиной, так и малолетних Умановых, отправился он из жительства своего во обще с односельским крестьянином Петром Ефимовым Плетневым, в виде поверенного, или, так сказать, ходока, с двумя фальшивыми билетами, выданными ему крестьянами их села Данилою Пракофьевым, Павлом Панкратовым и Иваном Яковлевым в столичный город Санкт-Петербург для подачи просьбы государю императору о предоставлении им всем во обще из помещичьего владения свободы, куда взяли с собою деньги 300 рублей ассигнациями, собранные с пославших его крестьян, по приходе куда и по написании им неизвестным человеком на высочайшее имя просьбы, оная от них поступила. В жительство же возвратились они 8-го числа генваря утром в самую заутреню и, побывши там более часа три, отправились в соседственную деревню Муравьевку к казенному крестьянину, по имени и отечеству ему неизвестному, а в лицо признать и двор его указать может, у которого и ночевали только одну ночь. В продолжение этого времени приходили к ним из села Знаменского обыватели, а именно: Василий Степанов с сыном Никитою, Кирей Иванов и Федор Плианов. От сего-то последнего получивши он другие два билета, писанные дворовым человеком их села Меркулом Николаевым, и доверенность на ходатайство по делу о мнимой вольности, неизвестно ему кем писанную, опять отправились с Плетневым по совету своих обывателей в Санкт-Петербург с получением еще денег на ассигнации 600 руб. для подачи повторительной просьбы, но оной не подано по случаю тому, что они и по прежней просьбе удовлетворительного ничего не получили, а деньги, взятые ими, все истратили. И вчерашнего числа, т. е. 11-го марта ночью, проходя они в город Пензу между деревнями Палайками и Озерками, пойманы бурмистром села Знаменского Никитою Абрамовым, коим приведены в означенное село, откуль и представлены в земский суд. Во время же пребывания в Петербурге они проживали на постоялом дворе, содержимом отставным солдатом Степаном Агафоновым, по прозванию Красилиным, но в какой части и которого квартала, он не запомнит. Оттуда посылали они с почтою в Знаменское к обывателям, в разные времена, два письма о присылке денег, но их, однако, выслано не было. У поступившего в 1843 году в рекруты из крестьян г. Кожина Федора Феклистова Синицына, ныне живущего у полковника Бера, были не более трех раз, от которого хотя он и требовал советов, как бы лучше ходатайствовать по их делу, но он всегда отказывался недосугами по службе и советов никаких не давал. А кем именно писаны первые два билета под другими именами, ему не известно. Что и показует по справедливости.

2. Петр Ефимов Плетнев, 55 лет, женат первым браком, показал то же, что и первый человек, но с дополнением, что он достался на часть девице Юлии Кожиной.

К сему допросу, вместо крестьян Василия Павлова Огаревского и Петра Ефимова Плетнева, неграмотных, по их личной просьбе, инсарский мещанин Василий Большаков руку приложил.

Земский исправник Евтропов.
Непременный заседатель Еникеев.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 299, л. 68—69.)

м) 1845 г., мая ... Донесение опекуна имением Кожина майора Уманова временному отделению инсарского земского суда об отказе крестьян отбывать помещичьи повинности.

Во временное отделение инсарского земского суда, пребывающее в селе Знаменском, Ключицы тож,

опекуна над имением детей своих
майора Алексея Уманова

Донесение.

После распоряжения, сделанного начальством и произведенного исполнения временным отделением о вводе во владение крестьян, оставшихся после покойного коллежского регистратора Василья Кожина, как детям моим, так и девице Юлии Кожиной следующего количества, и после произведения следствия о беспорядках по тому имению со стороны крестьян в неповиновении владельцам, за отбытием воинской команды и временного отделения, крестьяне, на часть детей моих доставшиеся, снова вышли из повиновения, так что при наступлении настоящей весны господские и свои поля не запахивают и не засевают яровым хлебом и

прочие господские работы не исполняют, за исключением лишь тех крестьян, которые исполнили и исполняют свои обязанности, а именно: Абрама Дормидонтова Сачькова и Ефима Абрамова Кусакина со семейством, о чем от меня приказано старосте детей моих Никите Абрамову Кусакину донести местному становому приставу, что им и исполнено. В подтверждение того я долгом поставляю довести до сведения, что данные крестьяне части детей моих, за исключением вышеозначенных исполняющих свою и господскую обязанность, в особенности же против неисполнения господских работ и неповиновения нахожу главными противниками крестьян, а именно: села Знаменского, Ключицы тож, Семена Мануйлова Левина, Максима Яковлева Лагунова, Алексея Иванова, Егора Ефремова Горшкова, Абрама Ефимова Горшкова, Никифора Ефимова Горшкова, Федора Маркиянова Кадыкова, Афанасия Анисимова Ермакова, Егора Маркиянова Кадыкова, Емельяна Полуектова Бурягина, Филиппа Павлова Огаревского, Никифора Петрова Кольдина, Максима Киреева Огаревского, дворового человека Петра Кузьмина, Мартына Ефимова Степанова и Ивана Иванова Ермакова. Чрез неповиновения крестьян и неисполнения ими работ остался в кладях немолоченной еровой хлеб, а в амбарах без соблюдения еровой зерновой хлеб подвергся от дождей повреждению и вообще хлеб доведен до гнилости и сделался неспособным к употреблению и тем потерял ценность к продаже для выручения дохода по имению, к платежу долга, на имении лежащего, по приказу общественного призрения, и на все господские потребности. В отвращение сего и к восстановлению по имению порядка прошу сделать зависящее распоряжение.

Мая... дня 1845 года.

К сему донесению опекун майор Алексей Павлов Уманов руку приложил.

(Центр. архив МАССР, ф. 23, д. 299, л. 150—151.)

н) 1845 г., мая 30. Указ из пензенского губернского правления по делу неповиновения крестьян села Знаменского своим владельцам.

30 мая 1845 г.

Указ е. и. в., самодержца всероссийского, из пензенского губернского правления.

Советнику оного коллежскому ассесору Юрасову.

По указу е. и. в. губернское правление слушали следующее: Инсарского уезда в имение г. г. Кожиной и Умановых, по возникшему со стороны крестьян и дворовых людей ослушанию быть в распоряжении и повиновении владельцев (в прошлом,

1844 году была отправлена воинская команда и главные виновники ослушания были преданы военному суду, из числа которых пятеро и понесли уже достойное наказание. О всех подробностях дела 5 января сего года донесено господину министру внутренних дел) согласно предписанию его высокопревосходительства от 7 декабря 1844 года. После того инсарский земский суд от 22 января сего года донес, что крестьяне Кожиной и Умановых вновь начали делать ослушание в исполнении законных требований владельцев, даже и за внушением временного отделения оного суда, и совершенно отказались признавать г. г. Кожину и Умановых своими помещиками и не хотят повиноваться им впредь до решения дела по принесенной от поверенного их крестьянина Василия Павлова Огаревского всеподданнейшей просьбы о предоставлении им свободы, следуя в том уверении по письмам означенного поверенного. А как из отношения статс-секретаря е. и. в.-у принятия прошения видно, что просьба их поверенного оставлена без действия, неустройство же в имении г. г. Кожиной и Умановых единственно происходит от того, что некоторые из крестьян, принадлежащих к сему имению, отлучаясь самовольно в С.-Петербург, внушают прочим крестьянам ложную надежду на какой-то успех в деле о свободе, то для восстановления в имении Кожиной и Умановых порядка, о поимке беглецов и о высылке их в инсарский земский суд к следствию, там начатому о новом неповиновении, [сделано распоряжение] губернское правление от лица начальника губернии относилось к с.-петербургскому военному генерал-губернатору, а земскому суду инсарскому 27 января предписало ускорить окончание начатого им следствия, а в месте с тем велено суду наблюсти, чтобы всякой из крестьян исполнял все законные требования их владельцев и, под страхом за противное тому строгой ответственности по законам, что внушить им со всею ясностью. От земского суда было донесение, что по объявлении крестьянам отношения статс-секретаря о том, что просьба поверенного их оставлена без уважения и за надлежащим и ясным внушением им предписания губернского правления, они остались ослушниками к повиновению владельцев впредь до явки поверенного их Василия Павлова Огаревского и крестьянина Петра Плетнева с тем, что если те крестьяне, возвратясь, скажут о невозможности получения свободы, тогда они беспрекословно последуют повиновению владельцам. Наконец, крестьяне Огаревской и Плетнев в Инсарском уезде пойманы и представлены в суд, почему губернское правление 23 марта сего года за № 2829 предписало земскому суду инсарскому озаботить временное отделение к окончанию следствия, останавливавшегося прежде за отлучкою некоторых крестьян, и велели донести, все ли уже вообще беглецы из имения г. г. Умановых и Кожиной пойманы или еще кто не отыскан, и какие приняты к тому меры, о чем земскому суду подтверждено 3 апреля. Инсарский земский суд двумя рапортами, одним — гражданскому губернатору, который предложен в губерн-

ское правление, а другим — губернскому правлению, донес, что временное отделение оного суда, находящегося в имении Кожиной и Умановых, для произведения следствия о неповиновении означенных крестьян владельцам своим, донесло оному суду, что помянутые крестьяне снова вышли из повиновения владельцам, так что при наступлении настоящей весны господские и свои поля не запахивают яровым хлебом и прочие господские работы не производят, хлеб, в гумне стоящий и в амбарах зерном находящийся, в особенности в части Умановых, доведен крестьянами до гнилости и, сделался негодным к употреблению. Крестьяне за всеми представляемыми законом мерами, со стороны временного отделения употребленными, остаются совершенно упорными владельцам своим, потому что почитают себя непринадлежащими крепостному их владению, и [претендуют] на право свободы в казенное ведомство, и ожидают по их просьбам окончательного решения от верховного правительства, для чего и ходатаи по делу посланы от них в С.-Петербург вновь — два крестьянина, именно: г. г. Кожиной Алексей Петров Кильдин и Умановых Михайла Анофриев Абрамов, которые из вотчин ушли самовольно и без видов в минувшем апреле месяце и до возвращения их из С.-Петербурга единогласно почти отказались от исполнения требований, возложенных на них законом и местным правительством. По сим причинам временное отделение суда тою властию, какая дана полициям, находится в совершенной невозможности обратить крестьян к повиновению и исполнению законной обязанности, чрез каковое самовольство и самоуправство противузаконных действий крестьян имение владельцев доводится до разорительного положения и представляется невозможность к платежу государственных податей и долга, на имении лежащего, пензенскому приказу общественного призрения, по каковым причинам необходимо для усмирения некоторым властям крестьян прислать в имение воинскую команду, почему земский суд и испрашивает начальнического распоряжения, присовокупив при том, что по делу сему содержатся под стражею в тюремном замке десять человек. Хотя за прежними распоряжениями губернского начальства, вследствие которых главные виновники неповиновения г. г. Умановых и Кожиной крестьяне по приговору военного суда понесли уже достойное наказание, нельзя уже было ожидать новых каких-либо и самомалейших происшествий в имении означенных владельцев, но как из донесения земского суда инсарского и ныне открывается противное ожиданию, оно, губернское правление, для нового внушения крестьянам Умановых и Кожиной к неисполняющим обязанностей своих и к владельцам и к самим себе для водворения совершенного порядка в имении миролюбивыми средствами, командировало в Инсарский уезд в имение г. г. Кожиной и Умановых вице-губернатора, д. с. с. Алферьева, которому о сем дано предписание от лица начальника губернии и поручено ему, г. вице-губернатору, с приглашением местного уездного предводителя дворянства употребить все возможные средства к убеждению крестьян, остановить недолжное и неуместное своевольство и исполнить беспрекословно все законные распоряжения своего начальства. О последующем же донести и со всею подробностию начальнику губернии. О сыске отлучившихся самовольно из имения крестьян Алексея Петрова Кильдина и Михайлу Анофриева-Абрамова и о присылке их в инсарский земский суд за строгим караулом писано чрез гражданского губернатора к с.-петербургскому военному генерал-губернатору, о чем донесено и господину министру внутренних дел 19 майя. Ныне от гражданского губернатора предложены два донесения г. вице-губернатора от 21 и 26 майя за № 2 и 5, из коих первым он доносит, что он прибыл в соседственное с селом Знаменским, Ключицы тож, село Леплейку 18 майя, и, что по распоряжению инсарского земского суда, из города в с. Знаменское привели 8 человек арестантов из имения Кожиных за надлежащим военным караулом. Прибывший в то же время непременной заседатель Еникеев словесно донес его пр-у, что все они дали в суде обнадежение, что как сами они, так и прочие крестьяне по убеждению их придут в повиновение, что и было поводом земскому суду [распорядиться] о приводе их в имение на следующий день 19 майя.

Г. вице-губернатор предоставил временному отделению земского суда испытать, какое произведут действие на крестьян убеждение покарающихся арестантов, в том числе Огаревского и Плетманных. В вечеру 19 майя исправник словесно донес о неуспешности сего предположения, и его пр-во тотчас отправил нарочного к уездному предводителю с приглашением в Леплейку для совещания о мерах, какие нужно будет принять для решительного приведения крестьян в должное повиновение; и, после многих между ими переговоров, назначили съезд для формального внушения крестьянам 22 числа майя, между тем предположили нужным сделать формальный наряд крестьянам итти на работу чрез земский суд, чего не было до сего времени сделано, и кто из крестьян не пойдет, о тех велели сделать именной список с засвидетельствованием понятых, при коих наряд сей должен быть сделан. Другим рапортом доносит, что после учиненного 21 майя крестьянами г. г. Кожиной и Умановых упорства итти на работу по наряду земского суда, вице-губернатор с уездным предводителем дворянства, хотя и делали 23 майя в течение целого дня всем и каждому из неповинующихся крестьян надлежащее толкование и внушение о неправильности их предположений об отыскивании свободы, о противозаконности упорства их итти в работу, о предстоящем им от того разорении, по незасевании ими в настоящую рабочую пору своих и господских полей, чрез что не будут иметь никакого ярового хлеба для прокормления своего, что бывший над ними в ноябре месяце прошлого года пример строгих мер, которые были приняты местным правительством для приведения

их в должное повиновение, наказание и ссылкой в работу [illegible] ших руководителей их главных из крестьян, должен был достаточно убедить их в незаконности сопротивления, что миролюбивые средства, коими они убеждаются ныне к послушанию, приняты правительством единственно из снисхождения к невежеству их и по человеколюбию, и что естьли они и за сим останутся ослушниками, то правительство вновь вынуждено будет принять в отношении их те же строгие меры, какие встретятся нужными для приведения их к покорности. За всем тем они остались при прежнем упорстве: после того опять наряжали их на работу 25 майя, но из них пошли на работу из части Умановых только 4 человека и Кожиной — 5 человек, в том числе двое из 8-ми человек арестантов, давших 17 майя в инсарском земском суде подписку повиноваться, прочие же 6 человек, хотя того же числа и дали равную им подписку сами повиноваться и убедить прочих крестьян к повиновению, но ныне опять от того отреклись. Затем из числа бывших налицо крестьян, которым делано было внушение, осталось непокорных и неповинующихся из части Умановых 45, Кожиной 42, итого 87 человек. Из них более всех замечены в упорстве 21 человек, которые и отданы по распоряжению вице-губернатора под стражу, а с ними всех арестантов при обеих частях составилось теперь 29 человек, о коих произведенное временным отделением следствие, вслед за сим, с первою почтою представлено будет в губернское правление, а арестанты будут препровождены в инсарский тюремный замок. Временное же отделение для дальнейшего наблюдения и поддержания в селении между неповинующимися крестьянами порядка, впредь до совершенного приведения их в полное повиновение, особенными мерами, от суда более независящими, неминуемо должно оставаться в селе Знаменском. Причем г. вице-губернатор представил копии с приобщенного к делу протокола о всем том, что было внушаемо крестьянам, и записку из произведенного временным отделением следствия о настоящем неповиновении крестьян, присовокупя при том, что дух непокорности между крестьянами слишком силен и основывается на том только, что они отыскивают себе свободу и потому не хотят признавать своих господ и выполнять распоряжения начальства до тех пор, пока не решатся их дела высшим правительством и не убедятся они в том их ходоками, отправившимися в С.-Петербург. Между тем, яровые поля как их, так и господские, остались незасеянными, и теперь время посева овсу совершенно прошло, а естьли они вскоре не будут принуждены к тому силою, то пройдет время засева и гречи. Кроме разорения неповинующимся крестьянам и помещикам их от своевольного прекращения работ, продолжаемое со стороны их постоянное упорство, неуважение к распоряжениям и предписаниям как местных судов, так и губернского начальства, и явное непослушание установленным над ними законным властям представляет неблагоприятный вид для всего края и отягощения для всех окольных селений, которые в течение семи

носятся беспрерывно должны высылать в большом числе понятых и подвод, что особенно тягостно в настоящее рабочее время. Вице-губернатор до получения разрешения отправился в город Саранск для исполнения порученного ему [дела], данного по городу Саранску. Законы: тома XIV Свода Зак. о предупреждении и пресечении преступлений, статьи 334-я, издания 1842 года: «Без самой крайности не употреблять военной силы к усмирению неповинующихся крестьян, но если за всеми миролюбивыми средствами неповинующиеся не усмирятся, то побуждать их строгостью воинской дисциплины к работам и действовать всеми мерами должного порядка и приведения их в законное послушание, довольствуя команду во время порученной экзекуции на счет казны». 361: «За явное неповиновение владельцам или управителям их, приказчикам или старостам, сопряженное с сопротивлением противу присланной для усмирения воинской команды, помещичьи крестьяне предаются военному суду и наказываются по всей строгости законов, со взысканием с них сверх того издержек, правительством на усмирение их понесенных».

Приказали: поелику все миролюбивые средства, какие принимаемы были со стороны местного и губернского начальства, остались безуспешны, а дух непокорности крестьян возник до того, что из главных виновников непослушания и упорства взяты под стражу 29 человек, то по всем таковым видам дела признается необходимым приступать теперь уже к мерам, поставленным 334 статьею 14 тома Устава о предупреждении и пресечении преступлений, издания 1842 года, то есть командировать в имение г.г. Кожиной и Умановых воинскую команду. Об отправлении воинской команды в назначенное село Знаменское Инсарского уезда в достаточном количестве людей с должным числом офицеров отнестись к командующему пензенским внутренним гарнизонным баталионом и просить о последующем уведомлении, командировать вместе с тем на сие дело советника губернского правления коллежского ассесора Юрасова, о чем ему дать указ с приложением доставленных от вице-губернатора бумаг, предписав ему: естьли при действии воинской команды будет прекращено упорство, вкоренившееся в крестьянах Кожиной и Умановых, и они обратятся к исполнению законных требований местного уездного и губернского начальства, помещичьей власти и сельского их начальства, тогда будет учинено особое распоряжение на обращение воинской команды в город Пензу. От советника же будет зависеть о поступках крестьян произвесть следствие и представить оное в губернское правление, но если бы паче чаяния и при исполнении того, что постановлено 334 статьею, крестьяне оказали явное неповиновение и даже сопротивление воинской команде, в то же время, но никак не прежде, приступить к действиям на основании 361 статьи и в последнем случае от советника тоже будет зависеть продолжить и кончить следствие; со стороны же губернского начальства по сношению

с военным [начальством] будет учинено особое распоряжение на учреждение военного суда. О выдаче прогонных денег советнику Юрасову до Инсара и обратно до Пензы сообщить в пензенскую казенную палату.

Майя 30 дня 1845 года.

Советник Андреев.
Столоначальник Попов.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 299, л. 231—237.)

в) 1845 г., июля 3. Определение пензенской палаты уголовного суда по делу неповиновения крестьян помещика Кожина.

М. Ю. Пензенская палата уголовного суда. Июля 3 дня 1845 г. № 1531.

Получено 3-го июля 1845 года. В пензенское губернское правление.

Уголовная палата, обревизовав дело, поступившее из инсарского уездного суда о крестьянах тамошнего уезда села Знаменского, Ключицы тож, принадлежащих покойному дворянину коллежскому регистратору Василью Кожину, а по смерти его доставшимся наследникам по нем: сестре его, девице Юлии Кожиной, и малолетним племянникам его дворянам Умановым — Василье Павлове Огаревском, Меркуле Николаеве Михальчикове, Никифоре Петрове Кильдине, Петре Ефимове Плетневе, Прокофии Савостьянове и бурмистре Алексее Григорьеве Юлаеве, находящихся под стражею, судящихся первые пять человек за возмущение одновотчинников своих крестьян, как при вводе их по смерти Кожина во владение его наследников и непризнание их за своих владельцев, так и в неповиновении и упорстве противу законных властей. Сверх того, из них Огаревский и Михальчиков за приобретение фальшивых билетов, Плетнев за составление оных, а бурмистр же Юлаев за скрытие пред правительством о намерении одновотчинных крестьян из среды себя ходоков в С.-Петербург для ходатайствования по этому предмету. Решительным определением, состоявшимся минувшего июня 27 дня и утвержденным г. гражданским губернатором, заключила: из дела сего усматривается, что крестьяне Инсарского уезда села Знаменского, Ключицы тож, принадлежавшие умершему помещику Василию Кожину, а по нем доставшиеся по наследству родной сестре его, девице Юлии Кожиной, и малолетним его племянникам из дворян же Умановым, в другой уже раз возмущаются против означенных дворян под предлогом будто бы непринадлежности их сим дворянам, полагаясь на уверение посылаемых ими от себя в С.-Петербург для ходатайства о мнимой свободе ходоков в правоте своего дела, для приведения коих в повиновение помянутым дворянам употреблена была два раза воинская команда, в каковых беспорядках оказываются наиболее виновными крестьяне Василий Павлов Огаревский, Меркул Николаев Михальчиков, Никифор Петров Кильдин, Петр Ефимов Плетнев, Прокофий Савостьянов и бурмистр Алексей Григорьев Юлаев, в особенности же из них первые три человека по закосиелости своей в невежестве при всех внушениях, сделанных им правительственными властями о неосновательности мнимой ими свободы, — остались непреклонными. Сверх того, Огаревский и Михальчиков в приобретении фальшивых билетов, Плетнев в составлении оных, а Юлаев в единомыслии, как это доказывается знанием его о намерении крестьян, клонящихся к неповиновению своим помещикам и скрыванием пред правительством как этого обстоятельства, так и о посыланных в С.-Петербург ходоков. А потому уголовная палата определяет учинить следующее:

1-е. Подсудимых сих, т. е. Василия Огаревского 47, Меркула Михальчикова 42, Никифора Кильдина 33, Петра Плетнева 47, Прокофия Савостьянова 32 и бурмистра Юлаева 30 лет, за вышеобъясненные поступки на основании 120, 131, 132, 260, 261 и 866 ст. 15 т. Св. зак. угол. (изд. 1842 года) наказать в страх другим на месте преступления, т. е. в селе Ключицах, при собрании всех крестьян этого села, в особенности одновотчинных с подсудимыми, в присутствии находящейся там воинской команды, чрез полицейских служителей, плетьми: из них первых трех человек, как виновных, каждого по тридцати пяти, а последних трех же человек каждого по двадцати пяти ударов, и потом из них Огаревского, Михальчикова, Кильдина и Савостьянова сослать в Сибирь на поселение, а Плетнева и бурмистра Юлаева отдать в жительство с тем, чтобы вотчинное начальство распорядилось иметь впредь за поведением их бдительное наблюдение под собственною, за послабление, ответственностию по законам, в чем и обязать их подпискою.

2-е. О высылке из С.-Петербурга товарищей означенных подсудимых Алексея Кильдина и Михайлу Андреева Обрезкова, отправившихся туда в виде ходоков, предоставить пензенскому губернскому правлению снестись с с.-петербургскою управою благочиния с тем, что когда они доставлены будут или сами явятся, то распорядиться о взятии их под стражу и предании суду особо от настоящего дела.

3-е. Затем относительно учинения подтверждения крестьянами села Знаменского, принадлежащим девице Кожиной и малолетним Умановым, опекуном со стороны их, — о повиновении своим помещикам; по взыскании с них прогонных денег, выданных из казны посыланным в село Ключицы чиновникам, утвердить мнение инсарского уездного суда. В тех же частях, в чем оно несогласно с настоящим положением палаты, заключение того суда отставить, но, не исполняя решения сего, наперед объявить оное с подписками в присутствии инсарского уездного суда на точном основании 1328, 1329, 1330, 1346, 1347 и 1350 ст. 15 т. Св. зак. угол. (изд. 1842 года) подсудимым Огаревскому,

Михальчикову, Кильдину, Плетневу, Савостьянову, Юлаеву и прочим, участвовавшим в возмущении крестьянам, для сведения, а из дворян девице Кожиной и опекуну малолетних дворян Умановых на праве апелляционного порядка, вследствии чего об учинении зависящего распоряжения со стороны пензенского губернского правления, как о сем, так и о приведении настоящего решения над подсудимым Огаревским и его товарищами, выше сего поименованными, в подлежащее исполнение; с прописанием сего решения отнестись в оное правление с тем, дабы [оно] благоволило о последующем уведомить сию палату, и доставить в оную подписки. Мнение же уездного суда, утвержденное палатою, заключается в следующем: обществу крестьян села Знаменского подтвердить, что если они еще отклонятся от обязанности повиноваться своим владельцам, то с ними поступлено будет по всей строгости законов, прогонные же деньги, употребленные г. вице-губернатором — 28 р. 62 к., советником губернского правления Юрасовым 11 р. 46 коп. и стряпчему 2 р. 40 к., взыскать со всех крестьян села Знаменского и отослать в казну.

Подлинное подписали: исправляющий должность товарища председателя Дмитрий Никифоров, секретарь Войков. Справил столоначальник Секуров.

Верно: писец Большаков.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 299, л. 325—328.)

1844 г., апрель — 1860 г., марта 11. Дело о спорном землевладении между казенными крестьянами с. Паньжа Наровчатского уезда и помещицей Колпашниковой.

а) 1844 г., апрель. Прошение бурмистра помещицы Колпашниковой императору Николаю I об удержании от насилия крестьян с. Паньжа.

Всепресветлейший и т. д. (титул).

Просит поверенной бурмистр вотчины из дворян коммерции-советницы Екатерины Лаврентьевой Колпашниковой села Паньжи Антон Парфенов, а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

Вследствие просьбы, поданной госпожою моею в прошлом 1843 году в пензенское губернское правление о возобновлении межевых признаков и поверке земли в дачах села Паньжи и сельца Васильевки, предписано от губернского правления о исполнении сего нижеломовскому уездному землемеру г. Алексееву, который в августе месяце того 1843 года, прибыв на место, пригласил со стороны казенных крестьян села Паньжи чиновника наровчатского окружного правления, от поселян заседателя Пеховского и понятых сторонних людей, равно и при самих казенных крестьянах учинил из дачи села Паньжи означенную поверку земли и возобновление межевых признаков, ограничa дачу госпожи моей и казенных крестьян поставленными столбами и возобновленными в согласность плана межевыми ямами, на каковую поверку и возобновление однодворцы изъявили удовольствие и о том дали подписку, на что и до сих пор никакого спора и возражения нигде не предъявляли. Производство о сем с полевым журналом по исполнению представлено в наровчатский уездный суд, в котором и теперь должно быть оное.

2.

Ныне, когда я выслал крестьян г-жи моей для запашки и засеву ограниченной в согласность планов столбами и ямами части земли, отходящей по поверке дачи однодворческой во владение доверительницы моей, однодворцы села Паньжи, неизвестно по какому поводу, вышли все поголовно в поле с рычагами, упорствуя и угрожая битьем, уцеплялись за лошадей, чтобы не запахивать ту землю, и, наконец, согнали с пашни, и оную засеять не допустили, что учинили [вопреки] собственной их подписки, данной при производстве поверки земли и возобновлении межевых признаков. Сверх того, вывезенный мною для посева овес четыре четверти раскидали зря по пашне, почему, обнаруживая означенных крестьян буйственный поступок, всеподданнейше прошу, дабы повелено было через кого следует казенных крестьян села Паньжи от несправедливого упорства удержать, а за буйственный поступок их и за самоуправство поступить по законам; раскиданный овес по пашне взыскать с них и возвратить мне, землю же, принадлежащую г-же моей, законными мерами допустить меня засеять, не упущая для того удобного времени, в противном же случае госпожа моя может потерпеть от того напрасно не маловажные убытки, и во всем поступить по законам. Доверенность же, данная мне г-жею моею, при делах в наровчатском земском суде имеется.

Апреля ... дня 1844 года.

К поданию надлежит в наровчатский земский суд.

Прошение сие со слов просителя сочинял и набело переписывал вольноотпущенный Павел Никаноров.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 446, л. 2—3.)

б) 1844 г., мая 30. Прошение бурмистра имения помещицы Колпашниковой приставу 1-го стана Наровчатского уезда о расследовании дела о буйстве казенных крестьян с. Паньжи.

1844 года, мая 30 дня Наровчатского уезда приставу 1-го стана Ефтропову при депутате со стороны казенных крестьян, по договоренности из дворян г-жи коммерции-советницы Екатерины

Лаврентьевны Колпашниковой бурмистр Антон Парфенов.
В дополнение поданного от меня в наровчатский земский суд прошения относительно произведенного буйства казенными крестьянами села Паньжи (а именно: Иваном Филипповым, Филиппом Степановым, Юдою Киреевым, Ермолаем Епифановым, Ермеем Егоровым, Давыдом Савельевым и Дорофеем Степановым) о недопущении ими запашки и засеву земли, отходящей по поверке г. землемера Алексеева из дачи тех крестьян во владение госпоже моей, лежащей по берегу реки Паньжи, по течению оной на правой стороне, посланных мною для посеву на оной земле овса крестьян г-жи моей села Паньжи Ивана Макарова, Осипа Андреянова, Якова Ананьева, Трифона Самсонова, Парфена Андреянова, Минея Дмитриева, Трифона Петрова, Кирея Панкратова и Потапа Иванова), — им объяснить имею, что означенными казенными крестьянами, сверх обнаруженного в прошении моем буйства, учинено вновь преступление уничтожением межевых признаков, поставленных г. землемером Алексеевым при возобновлении оных, — одного на формальной меже заклейменного и двух перпендикулярных, а межевые ямы опаханы и засеяны. Кем же именно из числа казенных крестьян учинено, не знаю, а полагаю: кто засеял землю, тот и должен это сделать. При учинении вышеписанного буйства казенных крестьян находились посторонние люди, казенные же крестьяне села Качелаева Кузьма Иванов и деревни Дубровок Филипп Миронов. Касательно же того, чтобы я противо упорства помянутых крестьян делал им какое-либо сопротивление, хотя и имел на то законное право, но и за тем, видевши буйственный их поступок, того не делал. Почему о всем прописанном мною всепокорнейше прошу ваше благородие учинить надлежащее исследование и с виновными поступить по законам.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 446, л. 19—20.)

в) 1844 г., июля 17. Прошение поверенного бурмистра помещицы Колпашниковой императору Николаю I о допуске его к снятию урожая с площади спорной земли, засеянной крестьянами с. Паньжа.

Всепресветлейший, и т. д. (титул).

Просит поверенный бурмистр вотчины из дворян коммерции-советницы Екатерины Лаврентьевны Колпашниковой села Паньжи Антон Парфенов, а о чем, тому следуют пункты.

1.

Подано было от меня в наровчатский земский суд в апреле месяце сего 1844 года прошение о учинении буйства казенными

крестьянами села Паньжи и о недопущении крестьян госпожи моей к засеву земли, принадлежащей ей по плану генерального межевания, и при возобновлении по указу пензенского губернского правления межевых признаков нижеломовским землемером Алексеевым найденной, — что именно значится в полевой его записке, при обходе Паньжинской дачи им учиненной и представленной в наровчатский уездный суд, по каковому прошению моему наровчатским земским судом произведено следствие, как о буйстве помянутых крестьян, так равно и о уничтожении ими поставленных помянутым землемером Алексеевым межевых признаков при учинении возобновления оных, что следствием земской полиции обнаружено.

2.

Так как казенные крестьяне села Паньжи, не допустив крестьян госпожи моей к засеву вышеписанной земли, засеяли оную самоуправно сами, на которой ныне яровой хлеб скоро поспеет к жатве, то и благоволено б было допустить меня к снятию оного хлеба и отдать его мне под сохранение впредь до окончания производящегося о том дела с тем, чтобы, если бы впоследствии оный [хлеб] почему-либо присужден был казенным крестьянам, тогда возвращен будет им в целости, но если предоставить оный казенным крестьянам села Паньжи, это будет совершенно безнадежно, потому что они могут подвергнуть его растрате подобно тому, как отданный по прежнему производству свезенный со спорной земли хлеб для сбережения впредь до решения дела, употреблен ими в свою пользу без всякого с них за то взыскания, почему всеподданнейше прошу: дабы позволено было, через кого следует, сделать зависящее распоряжение о допущении меня к снятию вышесказанного ярового хлеба, благоволено б было при отдаче оного под мое хранение впредь до решения дела обязать их в том подпискою и во всем поступить по законам.

Июля ... дня.

К поданию надлежит в наровчатский уездный суд.

Прошение сие со слов просителя писал и переписывал вольноотпущенный Павел Никоноров.

17 июля 1844 года.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 446, л. 52—53.)

г) 1844 г., августа 25. Жалоба бурмистра имения помещицы Колпашниковой императору Николаю I на неправильные действия помощника начальника наровчатского окружного правления Захарьина при разборе дела о спорной земле между казенными крестьянами с. Паньжа и помещицей Колпашниковой.

Всепресветлейший, и т. д. (титул)

Просит из дворян коммерции-советницы Екатерины Лаврентьевны Колпашниковой села Паньжи по доверенности ее бурмистр Антон Парфенов, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

В июле месяце 17 числа сего года входил я прошением моим в наровчатский уездный суд, по которому было сделано распоряжение и предписано указом наровчатскому земскому суду о законном удовлетворении касательно недопущения казенными крестьянами села Паньжи к посеву крестьян г-жи моей в яровом поле земли и о насильном теми крестьянами засеве оной, в чем поступлено ими совершенно вопреки 447 ст. т. X Свода зак. гражд., изд. 1842 года.

2.

Когда по указу уездного суда командирован был от земского суда к исполнению оного пристав 1-го стана Ефтропов, то сей, прибыв на место для отдачи насильственно посеянного казенными крестьянами хлеба, нашел, что крестьяне, несмотря на то, что в сохранении и целости его были обязаны подпискою, свезли его с поля к себе, при чем в это время командированный от наровчатского окружного правления помощник Захарьин, долженствующий быть со стороны казенных крестьян депутатом, вместо того, чтобы при исполнении членом земского суда указа уездного суда находиться в качестве депутата, дозволил себе принять от казенных крестьян какую-то бумагу и дал становому приставу отношение от себя, сказав в нем, что землемер Алексеев при исполнении указа губернского правления о возобновлении межевых признаков сделал ошибку, тогда как при этом находились

со стороны окружного управления депутат окружный лесничий г. Васильев и член земского суда заседатель Пеховский, а со стороны казенных крестьян избранные ими старшины, и полевой поверочный журнал всеми этими лицами утвержден руководствуют. Но г. Захарьин не принял в соображение того, что мнимо предполагаемую им ошибку землемера Алексеева подвергают себя ответственности по 1075 и 1076, 547 и 715 ст. т. X межев. зак. А что говорит он, г. Захарьин, в том же отношении его, что уездным судом не сделано настоящего определения, то оному за указом губернского правления о возобновлении межевых признаков не было на то никаких законных оснований, ибо по 715 ст., кто имеет на дачи бесспорно обмежеванные планы и межевые книги, споров допускать никаких не велено, и землемер Алексеев проходил возобновление межи по плану генерального межевания.

3.

Поставляя на благоусмотрение правительства действия г. Захарьина, оказанные вопреки указа е. и. в., из наровчатского уездного суда последовавшего, благоволено б было довести о том до сведения г. начальника губернии и палаты государственных имуществ, поелику подобные действия депутатов, командированных от своих начальств находиться при исполнении указа, могут служить на будущее время к одному лишь нарушению спокойного владения между владельцами и казенными крестьянами, ибо самовольное действие казенных крестьян села Паньжи, вероятно, учинено по сему поводу потому, что они после данной подписки о сбережении хлеба в целости и после поданной на то мною жалобы сжали и свезли хлеб к себе, за что и подлежат взысканию с них по точным словам 536 ст. X т. Зак. гражд. За насилие же и самовольство должны особо ответствовать по закону, а за порчу межевых признаков поступать с ними по ст. 544 и 1081 т. X Зак. межев., почему всеподданнейше прошу: дабы, по вышеизложенным мною в сем прошении моем обстоятельствам, благоволено было на будущее время от подобных насилий и самоуправства казенных крестьян села Паньжи удержать мерами закона, и в том для спокойного владения госпожей моей обязать их подпискою, а действия помощника окружного начальника г. Захарьина поставить в виду высшему начальству и во всем поступить по законам.

Августа ... дня 1844 года.

К поданию надлежит в наровчатский уездный суд.

25 августа 1844 года.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 446, л. 68—69.)

д) 1845 г., ноября... Прошение бурмистра помещицы Колпашниковой императору Николаю I о даче зависящих указаний наровчатскому уездному суду о принятии мер против самовольства крестьян села Паньжи

Всепресветлейший, и т. д. (титул)

Просит по доверенности из дворян коммерции-советницы Екатерины Лаврентьевны Колпашниковой Наровчатского уезда села Паньжа бурмистр Антон Парфенов, а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

1.

Из поданного мною в наровчатский земский суд еще прошлого 1844 года, июля 17 дня прошения было видно насилие казенных крестьян села Паньжи в засеве земли, принадлежащей госпоже моей, что по следствию было открыто, и найдены даже межевые признаки уничтоженными; но и за всем тем хлеб, насильно посеянный вопреки 521 и 536 ст. X т. Свода зак. граждан., издан. 1842 г., остался и доселе невозвращенным, а понесенные убытки без удовлетворения.

2.

После вышеобъясненного насилия в засеве села Паньжи казенными крестьянами земли, принадлежащей госпоже моей, по поводу того, что никакого взыскания с них не сделано, они не остановились продолжать вновь насилие, о чем поданы были мною прошения в наровчатский уездный суд в августе месяце прошлого 1844 года и в мае месяце сего года, которые, вероятно, переданы исследованию в местный земский суд.

3.

Ныне известился я, что села Паньжи казенные крестьяне Федосей Андронов, Борис Титов и Филипп Степанов, не составляя в лице своем мирского общества и не имея от оного ни приговора, ни письменного доверия, принесли словесно жалобу наровчатскому волостному правлению от имени всего мирского общества, что будто бы госпожею моею завлажено у них земли 28 десятин, каковое несправедливое показание свойственно только беспокойному характеру их и тем насильственным действиям, которые обнаружены уже производством следствия земской полиции, ибо госпожа моя имеет владение землями по плану генерального межевания, не присвояя себе нисколько от них оной, что может удостоверить местное начальство, самая поверка нижеломовским

землемером Алексеевым межевых признаков и возобновление оных по указу пензенского губернского правления, произведенная вместе с членами земского суда и со стороны села Паньжи казенных крестьян окружным лесничим, при чем находились и помянутые крестьяне села Паньжи, знающиеся по учиненному ими рукоприкладству к полевой записке, — следовательно, после бесспорного со стороны их нахождения при возобновлении межевых признаков и обхода по плану межи генерального межевания всей дачи села Паньжи никакого резона не имели они жаловаться на то, что будто бы завлажена у них земля госпожею моею, тогда как за межою генерального межевания ни одной борозды, присвояемой от них крестьянами госпожи моей, никогда не было.

4.

Жалоба казенных крестьян села Паньжи состоит в том, что будто бы между озерами Кевринкой и Кривым к реке Мокше завлажено у них госпожею моею земли, как и выше сказано, 28 десятин и что она владеет ею 6 лет, — напротив того, всею тою землею, какая земским судом введена была по крепостному праву госпоже моей, имеет она во владении не 6, а 8 лет и при вводе оной во владение крестьяне села Паньжи никакого спору не изъявляли, стало быть через это потеряли всякое право на жалобы: при том же эта земля, на которую указывают они, была у прежнего владельца Арапова так же бесспорно во владении несколько десятилетних давностей, а о потере прав на земскую давность значится в узаконении 480 ст. X т. законов гражданских, почему всеподданнейше прошу, дабы повелено было:

словесную жалобу трех человек казенных крестьян села Паньжи, как не имеющую в себе никакого основания, оставить без уважения, а за насилие в засеве земли, принадлежащей госпоже моей, и за повреждение межевых признаков, благоволено б было поступить с ними, как повелено X т. Свода гражд. зак. 536 ст. и того же тома межевых законов 544 и 1801 ст., изд. 1842 г.

Ноября ... дня 1845 года.

К поданию надлежит в наровчатский земский суд.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 446, л. 110—111.)

в) 1846 г., мая 3. Отзыв крестьян села Паньжи в наровчатский уездный суд о неправильном решении вопроса по делу спорной земли с помещицей Колпашниковой.

В наровчатский уездный суд

Наровчатской округи, села Паньжи бывших однодворцев, а ныне казенных крестьян: Бориса Титова, Июда Киреева, Еремея Егорова, Авакума Иванова, Ивана Степанова, Никиты Савельева, Филиппа Степанова, Ермолая Епифанова, Дорофея Степанова, Матвея Филиппова, Корнея Лукьянова, Семена Филиппова, Леонтия Андреева, Егора Давыдова и Михаила Степанова

Отзыв.

3-го числа сего майя в оном уездном суде объявлено нам решение, [вынесенное] в 28-й день февраля сего текущего 1846 года по делу, якобы в недопущении нами с протчими села нашего обывателями в 1844 году, г-жи коммерции-советницы Колпашниковой к запашке и засеву яровым хлебом земли, ей принадлежащей; в разбросании по пашне привезенного ими на семена овса и в повреждении межевых признаков. Из решения видно, что это дело будто бы первоначально началось по просьбе той г-жи Колпашниковой из крестьян бурмистра Антона Парфенова, жалующегося на обывателей наших, в том числе и на нас, будто бы все мы выходили с дрекольем на земли госпожи его владения, [нами] присвояемой, с которой крестьян ее согнали, к пашне к засеву яровым хлебом не допустили, да и привезенный на семена овес разбросали по пашне, на что представил и свидетелей казенных крестьян деревни Малой Дубровок Филиппа Маркова и села Кочелаева Козьму Иванова. Затем [бурмистр] сделал извет и о том, что будто бы мы уже при той земле истребили межевые признаки, г. нижнеломовским уездным землемером Алексеевым постановленные. Напротив чего, то дело началось первоначально не по его прошению, а по прошению нашему чрез окружное управление, коему мы жаловались на неправильное тою госпожей Колпашниковой присваивание во владение свое оной земли и просили, чтобы нас от напрасного стеснения ее избавить и силою закона от сего оградить, поелику тою землю не только мы, но и предки наши владели без всякого ни от кого спора и не по тем вновь назначенным признакам, а по урочищу реки Паньжи, в чем справедливость наша докажется через план и межевую книгу генерального межевания на всю дачу, тем предкам нашим выделенную. Когда же по поводу той претензии нашей поступило отношение из окружного управления в земский суд и когда же о сем узнал Парфенов, то во избежание ответствия и к затемнению нашей справедливости взошел и он с тем своим прошением и, по поручению того суда, следователи не обратили внимания на защиту нас в справедливости и к дознанию истины, не истребовали от нас тех планов и межевой книги и не взошли, к удовлетворению нас в просимом, в надлежащее положение, а только из уважения к Колпашниковой произвели следствие по одному прошению бурмистра Парфенова, о том якобы самовольном и буйственном нашем поступке, а, особливо, о истреблении межевых признаков, и чрез отобранные от нас допросы, как [от людей] безграмотных, сделали разнообразные показания и замешательства единственно к напрасному нас обвинению, с тем [чтобы] удовлетворить Парфенова просьбу, которая совершенно несправедлива, ибо представленные от него свидетели вышеозначенные крестьяне, (а последний из них [свидетелей] тогда находился у крестьян в работниках), и ссылки его, Парфенова, не только не подтвердили, но отказались незнанием, по поводу чего и о повреждении межевых признаков извет Парфенова, как бездоказательный, никакого вероятия и уважения не заслуживает. А хотя на той спорной земле пашню производили мы, но сей предмет нельзя относить к истреблению меж, коих в натуре не было, а признаки, т. е. столбы, как мы полагаем, из злобы на нас по сему делу выдерганы и ямы закопаны Парфеновым посредством крестьян г-жи его и потому все оное на нас возведено напрасно и денежное взыскание с нас за владение земли и овес, кольми паче наказания из нас крестьянам Давыду и Никите Степановым, определены несправедливо и вопреки закона гражданского т. X ст. 2319 и зак. угол. т. XV, ст. 1169 и 1176. Как оное решение составлено и к нему приведены статьи законов не соответственно вышеписанным нами обстоятельствам, то мы ... остаемся им не довольны, и как же оное дело сопряжено с гражданским [делом], то по силе того же X т. ст. 2228 [оно] подлежит к разбирательству судом гражданским, а особливо тогда, когда ныне вся бывшая у нас в собственности земля взошла в заведывание и распоряжение казенное. И потому уездный суд покорнейше просим оное дело на благорассмотрение и окончательное решение представить, куда следует, для чего представляем при сем и аппеляционные деньги серебром три руб. 60 коп.

Майя 23 дня 1846 года.

К сему отзыву вместо вышеписанных крестьян Бориса Титова с товарищами за безграмотством их и по их прошению руку приложил писец 2-го разряда Николай ...[1] и сей отзыв подать и при сем деньги представить доверяем из нас крестьянину Титову.

23 мая 1846 года. № 230.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 446, л. 137—138.)

---

[1] Фамилия неразборчива.

ж) 1847 г., июля ... Объявление бурмистра помещицы Колпашниковой в наровчатский земский суд о даче ему разрешения на снятие урожая с засеянной паньжинскими крестьянами спорной земли.

Пензенской губернии в наровчатский земский суд.

По доверенности из дворян коммерции-советницы Екатерины Лаврентьевой Колпашниковой бурмистра вотчины ее Антона Парфенова

Объявление.

Из прошения моего, поданного 27 апреля, и дополнительного сведения, данного приставу 1-го стана г. Евтропову 30 мая 1844 года, наровчатский земский суд изволит быть известен о буйственных и самоуправных поступках казенных крестьян села Паньжи, заключающихся в недопущении ими крестьян помещицы моей к посеву на принадлежащей ей земле ярового хлеба, в раскидании овса и в угрозах побоями, тогда как означенная земля по указу пензенского губернского правления была рассмотрена и проверена землемером Алексеевым, который при члене наровчатского земского суда Пеховском, при депутате со стороны помянутых казенных крестьян Васильеве и при самих этих крестьянах, нашед, что земля эта по плану генерального межевания вошла в границы владений помещицы моей, отделив ее от казенных земель особо, возобновил межевые признаки, как-то: поставил столбы и вырыл ямы, не встретив в этом случае ни от кого никаких споров. Почему наровчатский уездный суд, где производилось по этому предмету дело, имея в виду, что казенные крестьяне сверх вышеизъясненного буйства и самоуправства срыли и уничтожили сделанные землемером Алексеевым межевые признаки, против которых своевременно они не только не спорили, но изъявили на них свое согласие, определил: отнимаемую казенными крестьянами насильно землю отдать моей помещице и взыскать с тех крестьян деньги как за раскиданный овес, так и за понесенные убытки; нарушителей же межевых признаков приговорил к наказанию плетьми.

А как казенные крестьяне села Паньжи и ныне также самоуправно засеяли означенную землю яровым хлебом, который уже поспевает и скоро долженствует быть с полей убранным, законом же повелено хлеб, посеянный на чужой земле, отдавать законным той земли владельцам, то, доводя об этом до сведения наровчатского земского суда, покорнейше прошу оный [суд] разрешить мне снять означенный хлеб, как посеянный на земле моей помещицы, в ее пользу, а казенных крестьян села Паньжи обязать подпискою, чтобы они при уборке мною того хлеба не осмелились делать мне никаких в том препятствий.

Июля .... дня 1847 года.

К сему объявлению вместо бурмистра Антона Парфенова неграмотного, по его личному приказанию, той же госпожи служитель Максим Иванович Черенков руку приложил.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 180, л. 1.)

з) 1848 года, декабря 8. Указ пензенской палаты уголовного суда по делу крестьян села Паньжи.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского.

Из пензенской палаты уголовного суда наровчатскому уездному суду.

Уголовная палата, слушав выписку из дела, обращенного из Правительствующего Сената при указе от 11 апреля 1847 года для постановления порядком суда уголовного решения о казенных крестьянах Наровчатского уезда села Паньжи, судимых за недопущение в 1844 году крестьян одного с ними села г. Колпашниковой к запашке и засеву яровым хлебом принадлежащей г. Колпашниковой земли, в разбросании привезенных семян и в повреждении межевых признаков, и о старшине того села казенном крестьянине Иване Степанове, преданном пензенскою палатою государственных имуществ суду за допущение обывателей своих до самоуправства, решительным определением, состоявшимся 15 сентября 1848 года и утвержденным г. начальником губернии, заключила: в 1843 году г. Колпашникова просила пензенское губернское правление о возобновлении межевых признаков и поверке земли в дачах села Паньжи, каковая поверка по предписанию губернского правления нижеломовским губернским землемером Алексеевым с согласия казенных крестьян села Паньжи при депутате со стороны их произведена, и возобновлены межевые признаки, при каковой поверке оказалось земли в излишнем количестве у казенных крестьян шесть десятин, которая потому и отошла в дачу г-жи Колпашниковой, на каковую землю, уже отделенную от дачи казенных крестьян межевыми признаками, крестьяне г-жи Колпашниковой весною 1844 года выехали для засева оной яровым хлебом. Но крестьяне казенные, целым обществом выйдя на означенную землю, к запашке оной не допустили, а засеяли сами и уродившийся хлеб собрали и перевезли на свои гумна. Поверенный г-жи Колпашниковой бурмистр Антон Парфенов выводит, что казенные крестьяне при вышеозначенном поступке произвели еще буйство и угрожали битьем имеющимися в руках их рычагами и привезенный крестьянами г-жи его овес раскидали по пашне зря, в доказательство чего ссылался на очевидцев сего происшествия казенных крестьян села Качелаева Козьму Иванова и деревни Дубровок Филиппа Иванова, и

далее выводит, что межевые признаки, поставленные при возобновлении межи, один заклейменный столб и два перпендикулярных вытащены и межевые ямы опаханы, каковое преступление учинено, полагает Парфенов, теми из крестьян, на чьих загонах оные знаки повреждены: а загоны сии были крестьян Давыда и Никиты Савельевых и Семена Филиппова. Но выставленные Парфеновым свидетели ссылки его не подтвердили, и казенные крестьяне, как вышепомененованные Давыд и Никита Савельевы и Семен Филиппов, так и прочие, в возводимом на них буйстве, в разбросании семян и повреждении межевых признаков изъявили подозрение на крестьян г-жи Колпашниковой. В недопущении же крестьян Колпашниковой к засеву означенной земли учинили добровольное признание, выставляя поводом к тому то, что земля по самую реку Паньжу была во владении не только их, но и предков без всякого спора и не по тем вновь назначенным признакам, а по живому урочищу реки Паньжи, в чем сослались на план и межевую книгу генерального межевания, на всю дачу тем предкам их выданные: а что земля та была во владении предков, в том ссылались на окружных обывателей, которые сие и подтвердили.

Пензенская палата государственных имуществ, рассматривавшая сие дело, признала виновным старшину села Паньжи Ивана Степанова в допущении общественников своих до вышеозначенного самоуправства, а потому поступок его представила рассмотрению судебного места, [хотя] в повальном обыске поведение [его и] одобрено.

Уголовная палата, сообразив таковые виды дела, находит, что, хотя и не известно, будет ли означенная земля окончательным судебным решением присуждена в безвозвратное владение г-жи Колпашниковой и введена ей во владение, из дела не видно, однако казенные крестьяне села Паньжи, именно: Филипп Степанов, Июда Киреев, Ермолай Тимофеев, Еремей Егоров, Давыд Савельев, Дорофей Степанов, Никита Савельев, Семен Филиппов, Сазон Иванов, Михаил Прокофьев, Борис Китаев, Анисим Андреев, Фадей Андреев, Василий Тимофеев, Петр Макаров, Леонтий Андреев, Иван Прокофьев, Егор Антонов, Карпей Меркулов, Лукьян Филиппов, Антон Ильин, Филипп Петров, Михаил Степанов, Матвей Филиппов, Петр Андреев, Василий Григорьев, Ермолай Епифанов, Влас Иванов, Елисей Федосеев и Михаил Фокин оказываются виновными в самоуправном недопущении крестьян г-жи Колпашниковой к запашке и засеву земли, отошедшей из владения их при поверке дачи и межевых признаков, а старшина Иван Степанов — в неудержании означенных крестьян от самоуправства, полагает: вышеозначенных казенных крестьян села Паньжи, а равно и старшину Ивана Степанова, за вышеозначенные поступки на основании 300 ст. улож. оштрафовать пятью руб. и сделать им строгое подтверждение впредь подобных поступков не делать под страхом строжайшего наказания по законам; и, по взыскании деньги сии отослать в

пензенское губернское правление на зависящее с его стороны соответственно 45 ст. того уложения распоряжения.

Засим казенных крестьян Давыда, Никиту Савельевых и Семена Филиппова в повреждении стоящих на их загонах межевых знаков и прочих общественников их, в произведении буйства при вышеозначенном самоуправстве не сознавшихся и не доказанных по силе 1169 и 1176 ст. XV т., учинить по сим предметам от дела свободными; что же относится до возникшего между казенными крестьянами и г-жей Колпашниковой спора о принадлежности вышеозначенной земли, то обстоятельство сие, а равно по удовлетворению понесенных через то г-жею Колпашниковой убытков соответственно 2228, 2652, 2657 ст. X т. Св. зак. гражд. предоставить наровчатскому уездному суду рассмотреть и решить порядком суда гражданского. Мнение ж того суда, несогласное с сим положением палаты, отставить. О содержании какового решения отнестись в пензенское губернское правление с тем, дабы благоволило приказать объявить оное (на основании 1328, 1329, 1330, 1346 ст. XV т. Свода зак. угол., изд. 1842 года, и 1347, 1350, ст. VI, прод. к упомянутому XV тому и 2 примеч. к сей последней ст. VI, прод. того же тома) бурмистру Парфенову, старшине Степанову и обществу казенных крестьян на месте их жительства через непосредственное их начальство, и если они останутся довольны, то решение привесть в исполнение, а в противном случае подписки их доставить в сию палату на ее распоряжение, обревизованное же дело обратить при указе в наровчатский уездный суд, которое при сем препровождается.

Декабря 8 дня 1848 года.

Заседатель [подпись].

Исправляющий должность секретаря Казицын.

В должности столоначальника Мошков.

№ 1394. 14 декабря 1848 года.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 446, л. 151—156.)

и) 1849 года, сентября 29. Указ из пензенской палаты уголовного суда по делу о захвате земли казенными крестьянами села Паньжа, принадлежащей помещице Колпашниковой.

Указ е. и. в., самодержца всероссийского, из пензенской палаты уголовного суда наровчатскому уездному суду.

Уголовная палата, рассмотрев дело, поступившее из оного уездного суда, о казенных крестьянах тамошнего уезда, села Паньжи, судимых за сеяние яровым хлебом земли, принадлежащей помещице Колпашниковой, находит, что виновные в засеянии чужой земли по основанию 2086 ст. улож. подвергаются денежному

взысканию, равному десяти процентам той суммы, в какую исчислены будут причиненные сим убытки, в пользу приказа общественного призрения, и, сверх того, при возвращении земли законному оной владельцу со всеми ее произведениями без всякого за то платежа, — виновные в захвате обязаны вознаградить его за все понесенные им от того убытки, по силе же 3848 ст. 2 т. губ. учрежд. и 1225 ст. XIV т. зак. угол., дела подобного рода подлежат окончательному решению суда 1-й степени, и для того приказали: не приступая в решению вышеозначенного дела, обратить оное при указе в наровчатский уездный суд, с тем, чтобы оный наперед решение свое по сему делу объявил участвующим в оном лицам и потом поступил в дальнейшем ходе оного по установленному порядку; по палате же сие дело из числа нерешенных исключить. Дело при сем посылается.

Сентября 29 дня 1849 года.

Заседатель В. Болдырев.
Секретарь Протопопов.
Столоначальники [подпись].

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 180, л. 24.)

к) 1860 г., марта 11. Прошение бурмистра помещицы Колпашниковой императору Александру II, в котором он просит сделать зависящее указание кому следует о немедленном приведении решения суда по делу крестьян села Паньжи в исполнение.

Всепресветлейший, и. т. д. (титул)

Просит по доверенности из дворян коммерции советницы Екатерины Лаврентьевны Колпашниковой, из крестьян ее бурмистр Антон Парфенов, сын Иванов, а в чем мое прошение, тому следуют пункты.

1-е.

Решением наровчатского уездного суда, состоявшимся 28 февраля 1846 года, по делу о самовольном завладении казенными крестьянами села Паньжа земли, принадлежащей доверительнице моей г. Колпашниковой, и о уничтожении межевых признаков, по решению, вошедшему в окончательную законную силу, определено: землю, находящуюся в самоуправном завладении у казенных села Паньжи крестьян, согласно учиненному землемером Алексеевым измерению, оставить во владении г. Колпашниковой, уничтоженные же казенными крестьянами межевые признаки возобновить чрез кого следует. О приведении этого решения

в исполнение с 1846 года до сего времени приискивалась одна лишь бесполезная и бесплодная переписка с наровчатским земским судом. Наконец, указом пензенского губернского правления от 3-го июля 1859 года за № 7904-м предписано было возобновить уничтоженные межевые признаки наровчатскому уездному землемеру Соколову, что им и исполнено 28 августа того же года. Казалось бы, за исполнением сего доверительница моя беспрепятственно должна вступить во владение землею, находящеюся в самовольном завладении у казенных крестьян, но ей, напротив того, земля не введена и до сего времени.

2-е.

При возобновлении межевых признаков со стороны казенных крестьян находился депутатом помощник наровчатского окружного начальника Кудрявцев, который, однакож, не дождавшись окончания полевых действий землемера Соколова, с межи уехал, не объяснив даже и причины отлучки его, о чем записано и в полевом журнале. А между тем Кудрявцев окружному начальнику донес, что крестьяне села Паньжи действиями землемера Соколова, поверявшего их дачу, недовольны, потому что он будто бы проводил линии неправильно, вдаваясь более во владения государственных крестьян для г. Колпашниковой, да и самый план, которым руководствовался Соколов, несогласен в некоторых местах с межевою книгою, с которой соображался Соколов. При чем присовокупил, что за селом Паньжею от второй ямы промер к речке Паньже на плане значится 28 сажен, а по книге 10 сажен, тогда как бывший наровчатский землемер Скворцов, когда размежевал государственных крестьян с г. Колпашниковой, объяснял им, что в том месте должно быть во владении крестьян именно 28 сажен, а г. Соколов оставил только 10 сажен. Последняя яма, где оканчивается владение г. Колпашниковой, так называемая крестьянами 3-х земельная, должна быть по указанию на левой стороне речки Паньжи, но землемер Соколов распорядился вырыть [ее] во владениях государственных крестьян по правую сторону речки Паньжи, отчего и промер к речке Паньжи оказался неверен; течение речки в этом месте, судя по местоположению, измениться будто бы не могло. Хотя таковое донесение Кудрявцева и основано на одних только голословных и бездоказательных словах крестьян, вероятно, увлекших его их убеждениями и гадательным своим предположением, но, несмотря на это, для доверительницы моей оно имеет вредные и стеснительные последствия. На основании донесения о том окружного начальника, палата государственных имуществ отнеслась в пензенское губернское правление с требованием об обязании г-жи моей подпискою, чтобы она ни в каком случае не вступала во владение землею по межам, указанным землемером Соколовым, впредь до утверждения их, о чем от губернского правления 16 ноября 1859 года за № 12988 предписано наровчатскому земскому суду.

3-е.

Землемер Соколов во исполнении решения уездного суда действовал согласно измерению нижнеломовского землемера Алексеева, учиненному им вследствие указа губернского правления от 8 ноября 1840 года за № 9492. — 12 августа 1843 года, следовательно, он отступлений, как от плана, так и межевой книги сделать не мог, тем более, что межевые признаки показаны им понятым сторонним людям и при них возобновлены. На каком основании г. Кудрявцев принял от крестьян за доказательство [сообщение их] о неправильных действиях Соколова, мне не известно. При том, если бы Соколов и действительно неправильно возобновил межевые признаки, то это нисколько не должно давать крестьянам права к самовольному завладению земли, и тем более повода к защите их самовольных действий, остающихся без всяких наказаний с 1840 года. Конечно, при таких видах дела доверительница моя еще двадцать лет не получит во владение принадлежащей ей земли. Причем присовокупляю, если бы Соколов и действительно что-либо сделал неправильно, то за отступление от законного порядка должен лично ответствовать сам.

4-е.

Судебные места, по силе 635 ст. X т. 2-й части изд. 1857 года постановляя решения, должны поставлять и способы их исполнения, не ожидая о сем ходатайства сторон. Этот способ ясно указан и в самом решении, вошедшем в законную силу, по приведении коего в исполнение землемером Соколовым доверительница моя должна быть введена во владение, чего, однако, до сего времени не сделано, а потому и решение остается неисполненным ко вреду и убыткам моей доверительницы, простирающимся ежегодно до 150 руб. серебром в год, как о том объяснено мною в прошениях, поданных в уездный суд.

1840—1855 г.г. О самовольной порубке леса в дачах Саровской пустыни крестьянами с. Жегалова и д. Полянок.

а) 1840 г., марта 4. Объявление послушника Саровской пустыни Петра Гаврилова в темниковский земский суд о самовольной порубке монастырского леса крестьянами с. Жегалова и д. Полянок.

В Темниковский земский суд

Саровской пустыни послушника Петра Гаврилова

Объявление.

Текущего марта 2-го числа, по обязанности моей осматривая я часть леса в Саровской пустыне, принадлежащего и препору-

ченного смотрению моему, где от Пустынки, верстах в одиннадцати, называемой Арги, в пространстве того леса усмотрел я с субботы на воскресенье самовольно учиненную порубку сосновым двадцати четырем разной меры и качества деревьям, от коих отрублены кряжи на смолу, а вершины оставлены на месте. И увезено одиннадцать больших возов смолья в коблах, своженного из леса в кучу неподалеку пустынки Арганской. И в это самое же время учинена порубка сосновым двадцати деревьям близь пустынки Варламовой, из коих два вала найдены в поле деревни Караевой у куста, называемого Карикова, в лощине, и теперь оные хранятся на дворе станового пристава г-на Бабанина. По дознанию ж моему открывается, что упомянутые деревья, полагаю, срубили и увезли кряжьями и, переколов в плахи, на смолу, с тем вместе, и коблы села Жегалова и деревни Полянок помещичьи крестьяне, которые нередко, въезжая многолюдством, истребляют леса, а в последней порубке и в увозе двух валов подозрение имею деревни Русской Караевой [на] крестьян трех братьев, по имени мне неизвестных, а по прозванью Ивашкиных, Егора Алексеева, Андрея Губенева, Семена Иванова и Николая Иванова. О каковом самовольстве щитаю долгом довести до сведения начальства, и темниковской земской суд покорнейше прошу объявление от меня принять, учиненную порубку срубленным сосновым деревьям освидетельствовать и сделать обыск в селе Жегалове и деревнях Полянках и Русском Караеве. И благоволено бы было, через кого следует, смолье в городе Темникове на имеющихся смоляных ямах у купца Михаила Андреева Бучумова сличить, ибо и к его ямам следы видны от дорог означенного села и деревень. Сие может быть открыто по доброте и сходству [между] срубленными соснами и оставшимися вершинами, и, открыв виновных, с ними поступить по законам, а обитель за похищенное удовлетворить; валежь возвратить мне, в чем и учинить по законам.

Марта 4 дня 1840 года.

К сему объявлению Саровской пустыни послушник Петр Гаврилов руку приложил.

(Центр. архив МАССР, ф. 1, д. 635, л. 99.)

б) 1855 г., января 31. Приказ темниковского уездного суда—по делу порубки леса крестьянами села Жегалова в дачах Саровской пустыни.

1855 года, января 31 дня, по выслушании сей записки в темниковском уездном суде, приказали. Из дела сего видно: 26 числа декабря прошлого года квечеру богомолец Саровской пустыни, приставленный для надзора за целостью леса, объезжая дачи, заметил ехавших крестьян в их дачу для рубки, почему, пригласив для поимки тех самовольщиков с Вотешки работников, и впятером отправились за ними и самовольщиков увидели уже ехавших

домой с возами осмолья и одним сосновым кряжем, которые, об-
рубив у самой под кряжем веревки, поскакали вместе с смольем,
а они их преследовали, и, когда начали догонять близко, то двое
из них самовольщиков с буйством бросились на богомольца Зуева,
начали бить, — один же из них, намереваясь нанести удар в голову
при защищении Зуева, переломил ему руку, тут более их не пре-
следовали, и они ускакали. Из порубщиков двое узнаты, кресть-
яне г. Вышеславцева Брагин и Захаров, третий же не узнат. По
свидетельству места порубки оказалось вырублено из валежных
сосновых 3 дерева. Место порубки от села Жегалова, жительства
выказанных самовольщиков, отстоит на 11 верст. Врач Ранцев,
свидетельствовавший богомольца Зуева, нашел: на левой руке
ниже локтя темносиние пятна, по наружной поверхности обшир-
ная опухоль, при самом легком осязании того места Зуев чувст-
вует нестерпимую боль, именно повреждение кости; излечение
перешиба довольно затруднительно, а посему и заключил, что, да-
же и после помощи врачебной, едва ли богомолец Зуев будет в со-
стоянии владеть рукою. При исследовании о виновных самоволь-
щиках Иван Брагин и Михаил Пронин совершенное учинили
запирательство в бытности в даче и в буйстве противу полесщи-
ков, когда у Зуева переломана рука, даже выставили свидетелей,
[что] в тот же день никуда не отлучались, но свидетели эти выво-
дят только, что они видели Брагина и Пронина дома только до
обеда, следовательно, они могли там быть и сделать преступление,
в этом их уличают три спрошенные на законном основании свиде-
теля, совершенно не отведенные ими, посему и запирательство их
усиливает только вину их и меру следующего за это наказания.
Третий же бывший с ними самовольщик ими, следователями, не
открыт и по следствию остался ненайденным. Посему суд и на ос-
новании 2100, 941, 2159, 1954, 130, 127, 35, 156 ст. угол. улож.,
1211 ст. XV т. угол. зак. полагает: крестьян г. Вышеславцева
Михайлу Пронина (35 лет) и Ивана Брагина (43 лет, неграм.), как
за самовольную порубку в дачах Саровской пустыни, увечье бого-
мольца Зуева, так и за укрывательство третьего своего порубщика
при обстоятельстве, увеличивающем вину их неискренностью,
в согласии с 135 ст. улож., по лишении всех особенных лично и по
состоянию присвоенных им прав и преимуществ наказать розгами
по 60 ударов и потом сослать в исправительные арестантские
роты гражданского ведомства на два года; в случае неспособности
их к работам в ротах, то заключить их в рабочий дом на 4 года, по
истечении же срочного времени поступить с ними по 51 ст. улож.,
сверх того с имения их или же общества, принадлежащего их
имению, взыскать три рубля серебром и отослать в пользу Саров-
ской обители, оставив в распоряжении той обители и сваленный
порубщиками кряж. Но прежде исполнения сего дела это пре-
доставить на ревизию в тамбовскую уголовную палату.

(Центр. архив МАССР, ф. 1, д. 754, л. 14—16.)

1853—1860 г. г. О самовольном засеве земли помещика Либенау крестьянами с. Кочелаева Инсарского уезда.

а) 1853 г., мая 15. Прошение инсарского помещика Либенау императору Николаю I, в каковом он просит сделать зависящее указание об удержании государственных крестьян села Кочелаева от самовольного засева его земли.

Всепресветлейший [титул], государь император Николай Павлович.

Просит инсарский помещик, коллежский регистратор Дмитрий Иванов сын Либенау, а о чем, — тому следуют пункты.

1-е.

По решению общего собрания Правительствующего Сената в феврале прошлого, 1852 года введена мне во владение временным отделением Наровчатского земского суда ситминская земляная дача при досчатой фабрике, но границ тогда не было еще указано. Ныне весною сего 1853 года указаны самые границы сказанной земли.

2-е.

Расположась засеять упомянутую дачу яровым хлебом, я послал для того уполномоченного от меня доверенностью старосту моего Гаврилу Карпова с крестьянами в числе пятнадцати человек; но оказалось, что большая часть земли самовольно вспахана и засеяна уже государственными крестьянами Наровчатского уезда села Кочелаева. Найдя часть земли засеянною, староста мой приступил к посеву остальной земли, но кочелаевские крестьяне днем 13 сего мая явились сначала четыре человека, потом ночью того же дня десять человек, наконец, на другой день пять человек с поверенным своим. Приходившие ночью десять человек вооружены были дубинами, все они с угрозою требовали, чтобы крестьяне мои сошли с земли и не засеивали оной.

3-е.

Так как государственные крестьяне села Кочелаева, упорно по ложному убеждению считающие землю ту собственною, при спорах о праве владения оного производили с крестьянами моими ссору, буйство и драку, за что по решению судебных мест многие из них наказаны, то в предупреждение подобного прежним случаям буйства и вредных последствий, объясняя о всем том, всеподданнейше прошу, дабы повелено было, удостоверившись чрез надлежащее дознание в истине изъясненного самовольства государственных крестьян села Кочелаева в запашке моей земли и

в требованиях их с вооруженною рукою насчет того, чтобы крестьяне мои сошли, не запахивали и не засевали земли, — сделать распоряжение к охранению тишины и спокойствия по владению ситминскою дачею.

1853 года, мая 15 дня.

К поданию принадлежит в наровчатский земский суд.

Сие прошение набело переписывал служитель Флегонт Григорьев Орехов.

К прошению инсарской помещик коллежский регистратор Дмитрий Иванов сын Либенау руку приложил.

Жительствую Инсарского уезда в собственном имении.

(Пензенский гособлархив, ф. 32, д. 225, л. 1.)

б) 1860 г., января 12. Приказ пензенского губернского правления по делу помещика Либенау с крестьянами села Кочелаева.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского из пензенского губернского правления пензенской градской полиции.

По указу е. и. в., губернское правление слушали прошение коллежского регистратора Дмитрия Либенау от 15 октября сего года, коим объясняет, что в декабре м-це 1851 года Правительствующий Сенат по общему собранию московских департаментов, присудив ему, как наследнику г. г. Никоновых, а по ним Моториных, Наровчатского уезда дачу Сетменской дощатой фабрики — 112 десятин с саженями, бывшую в завладении у государственных крестьян села Кочелаева. Исполнение этого решения возложено на пензенское губернское правление, которое возвратило ему землю, до вознаграждения, установленного 609 ст. X т. 1 ч. зак. гражд. издан. 1857 года, до настоящего времени, не сделано; почему просит: во 1-х, учинить расчет о сумме, следующей в вознаграждение его за неправое владение оказанною землею крестьянами села Кочелаева; во 2-х, сделать распоряжение к удовлетворению его этими деньгами; и 3-е, допустить его на основании 458 ст. 2-й части к прочтению и рукоприкладству записки по сему делу.

Справка.

Из конченного дела видно следующее: в указе Правительствующего Сената от 7 ноября 1851 года № 1878 объяснено, что общим собранием московских департаментов Правительствующего Сената, по рассмотрению дела указанных крестьян Наровчатского уезда села Кочелаева с помещицею Никоновою, а по ней с гвардии поручиком Петром Моториным в количестве 112 десятин с саженями, оказалось: дача Ситминской дощатой фабрики заводчика поручика Василия Никонова, по разрешению окончательно возникших при генеральном в 1779 году межевании спора, бывшею казанскою межевою конторою обмежевано в 1779 году

утверждением в натуре границ одною окружною межою от всех смежных с оной владельцев, в том числе и села Кочелаева бывших дворовых крестьян и однодворцев. По плану и межевой книге на сию дачу генерального межевания, выданным владельцу Никонову от межевого правительства за государственною печатью, показано удобной и неудобной земли всего 112 десятин 1092 саж. Несмотря на акты, укрепляющие дачу Сетменской дощатой фабрики во владении Никонова, кочелаевские крестьяне, вопреки оным решениям высших судебных мест, допускались неоднократно присвоить эту дачу в свое владение; первоначально в 1797 году, за что по определению саратовской палаты суда и расправы из них 25 человек, за недопущение инсарского уездного суда ко вводу во владение Никонова, присужденною ему решением общего собрания Правительствующего Сената землей, подвергнуты были публичному наказанию; потом в ноябре 1802 года гражданский губернатор в рапорте генерал-прокурору доносил, что решение это не приведено в исполнение потому, что крестьяне решительно не допускали к тому полицию и землемеров, за что они были приговорены также к наказанию, и некоторые из них наказаны. Наконец, в 1821 году кочелаевские крестьяне вновь насильственным образом завладели землей дачи Сетминской дощатой фабрики, уничтожив межевые признаки генерального межевания. А потому предписано означенным указом Правительствующего Сената губернскому правлению сделать распоряжение о вводе присужденной по решению общего собрания Правительствующего Сената земли во владение наследника Никоновой поручика Моторина в количестве 112 десятин и принять немедленно надлежащие меры к возобновлению по границам Сетменской дощатой фабрики межевых признаков, согласно плана генерального межевания. Во исполнение такового указа Правительствующего Сената, вследствие предписания губернского правления наровчатским земским судом присужденная Сенатом земля по означенной даче наследника Никоновой и Моториной Либенау во владение введена в 1852 году. О вводе земли отослан 14 марта 1852 года [указ] в наровчатский уездный суд, о возобновлении межевых в оной признаков поручалось наровчатскому землемеру Соколову, которым при исполнении сего дела встречено затруднение; почему и поручалось оное керенскому землемеру Александровскому, которым, как донес 19 сентября 1853 года губернский землемер, возобновление меженых признаков, по Сетменской даче, согласно планам генерального межевания, произведено, о чем донесено Правительствующему Сенату. Делопроизводство и межевые книги на означенную дачу отосланы из губернского правления 20 октября 1853 года за № 12575 в наровчатский уездный суд, и, по соображению законов т. X Свода зак. гражд. 1 ч. издан. 1857 г. ст. 609, приказали:

Коллежский регистратор Дмитрий Либенау ходатайствует о вознаграждении его за убытки, понесенные за неправое владе-

ние доставшейся [ему] дачи Наровчатского уезда Сетменской дощатой фабрики. Из дела губернского правления видно, что указом Правительствующего Сената действительно присуждена означенная дача во владение г. г. Никоновых и введена уже во владение Дмитрию Либенау, как наследнику их, но никакого определения о вознаграждении за убытки по владению означенной землею ни в Правительствующем Сенате и ни в каком судебном месте сделано не было. По основанию 610 ст. X т. зак. гражд. это вознаграждение тогда только может быть, когда судебное место определит убытки, понесенные владельцем от неправого владения его имуществом. Иск об удовлетворении за убытки по силе 693 ст. должно начинать посредством полиции или суда. А потому объявить о сем коллежскому регистратору Дмитрию Либенау через пензенскую градскую полицию с тем, чтобы он начал иск свой за неправое владение достающейся ему землею по установленному порядку.

Генваря 12 дня 1860 года.

Подлинный подписали: советник Никифоров. Секретарь Островидов и столоначальник Уранов. С подлинным верно: квартальный надзиратель В. Пон»ма»ев.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 335, д. 5—6.)

в) 1860 г., мая ... Прошение помещика Либенау императору Александру II о взыскании убытков с крестьян с. Кочелаева.

Всепресветлейший и т. д. (титул).

Просит коллежский регистратор Дмитрий Иванов сын Либенау, а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1.

Дача Сетменской дощатой фабрики заводчика поручика Василия Никонова, состоящая Наровчатского уезда, в смежности с дачей государственных крестьян села Кочелаева, по разрешении окончательно возникших при генеральном в 1779 году межевании споров, бывшею казанскою межевою конторою обмежевано в том же 1779 году с утверждением в натуре границ одною окружною межею от всех смежных с нею владельцев, в том числе и села Кочелаева бывших дворцовых крестьян и однодворцев. По плану и межевой книге на сию дачу генерального межевания, выданных владельцу от межевых правительств за государственною печатью, показано удобной и неудобной земли 112 десятин с саженями. Земля эта находилась с давних времен в бесспорном владении тех лиц, от коих по продаже дошла к Никонову, и, наконец, решением вотчинной коллегии, последовавшей

прежде еще генерального межевания, и именно в 1768 году, утвержденным и общим собранием Правительствующего Сената в 1785 году, присуждена ему, Никонову.

2.

Невзирая на все таковые обстоятельства, укрепляющие дачу Сетменской дощатой фабрики за преемниками владельца ее Никонова, г. г. Никоновою и Матюриными, кочелаевские крестьяне, вопреки окончательным решениям высших судебных мест, покушались неоднократно присваивать эту дачу в свое владение: начально в 1797 году, за что, по определению саратовской палаты гражданского суда и расправы, из них 25 человек за недопущение инсарского уездного суда ко вводу во владение Никонова, присужденною ему решением общего собрания Правительствующего Сената землею, подвергнуты были публичному наказанию. Потом, 9-го ноября 1802 года, гражданский губернатор доносил генерал-прокурору, что решение это не приведено в исполнение, потому что крестьяне решительно не допускают к тому ни полицию, ни землемеров, за что они были приговорены к наказанию и некоторые из них наказаны. Наконец, в 1821 году крестьяне сии снова насильственным образом завладели землею дачи Сетменской дощатой фабрики, уничтожили межевые признаки генерального межевания, и по жалобе на сие Никоновой департамент уделов в 1829 году предписал удельной конторе, буде спорная земля действительно не состоит в межах и плане кочелаевской дачи, но обмежевана за Никоновым особо, то оспаривание оной прекратить, и, если межи в натуре не существует, просить губернское начальство для предупреждения всяких споров о возобновлении признаков на спорных границах. Требование это, за передачею оного от удельного ведомства местному губернскому начальству, не исполнено, но допущено возникнуть новому спорному делу, по которому бывший временный совет для управления департаментом государственных имуществ в 1837 году предоставил Никоновой отыскивать ту землю судебным порядком. Вследствие чего возобновилось дело сие, которое по аппеляции наследника Никоновой гвардии поручика Маторина, родного дяди моего, доходило до рассмотрения Правительствующего Сената.

3.

Правительствующий Сенат, рассмотрев дело сие, нашел представленные г. Никоновой доказательства на принадлежность ей земли, к Сетменской дощатой фабрике обмежеванной, ясными и неоспоримыми, а с другой стороны, принял во внимание, что по делу сему совершенно обнаружено не только насильственное и упорное завладение означенной землею крестьянами села Кочелаева, но и самое уничтожение меж генерального межевания и

явное неповиновение, продолжающееся до конца 1851 года, за всеми принятыми мерами наказания виновных по судебному приговору, вопреки окончательному решению общего собрания Правительствующего Сената, 1785 г. последовавшему о разрешении спора кочелаевских крестьян о той же самой земле, а потому Правительствующий Сенат указом от 7 ноября 1851 года № 1878 предписал пензенскому губернскому правлению о вводе присужденного по решению общего собрания Правительствующего Сената землею во владение законного наследника Никоновой поручика Моторина и о возобновлении на границах дачи Сетменской дощатой фабрики межевых признаков, согласно плана и межевой книги на оную дачу генерального межевания.

4.

Губернское правление об исполнении сего указа 29 ноября 1851 года за № 13924 предписало наровчатскому земскому суду. Вследствие сего земля эта введена во владение мое, как наследника г. Моторина, временным определением наровчатского земского суда 29 февраля 1852 года, а межевые признаки возобновлены землемером 5 сентября 1853 года. А как спорная земля 112 десятин в числе протчей обложена была казенным оброком с 1846 года по одному рублю 24 с половиною копейки серебром в год за каждую десятину, то за последовавшим 7 ноября указом Правительствующего Сената и по распоряжению палаты государственных имуществ исключена из оценки в 1852 году.

5.

После того в октябре 1859 года обращался я в губернское правление с просьбою о вознаграждении меня, по основанию 609 ст. X т. Свода зак. гражд. часть 1-я, издан. 1857 года, за убытки, какие понесены были от неправого владения кочелаевскими крестьянами означенною землею. Губернское правление указом от 12 января с. г. № 260 объявило через пензенскую градскую полицию, что мною об удовлетворении за означенные убытки иск должен быть начат посредством местной полиции.

6.

Имея в виду, что кочелаевские крестьяне насильственным образом завладели означенною землею 112 десятинами с уничтожением межевых знаков генерального межевания с 1821 года и владели ею по 1851 год включительно, т. е. 31 год, и принимая в основание платимый с этой земли оброк по 1 руб. 24 коп. сереб., составится сумма понесенных г. г. Никоновой, Маториным, а по них мною убытков 139 руб. 44 коп. в год, а в 31 год — всего 4322 руб. 64 кол.

7.

По основанию же 6-й статьи X т. ч. 2 Свода зак. гражд. изд. 1857 г. вознаграждение убытков и ущербов имущества принадлежит к обязанности земской полиции, а потому всеподданнейше прошу: дабы повелено было сделать распоряжение о взыскании означенных убытков 4322 р. 64 коп. серебр. с кочелаевских крестьян и удовлетворить этими деньгами меня.

Копию с указа губернского правления от 12 января с. г. № 260 и копию с этой копии при сем представлена.

1860 года, мая... дня.

К поданию надлежит в наровчатский земский суд.

Дмитрий Иванов сын Либенау руку приложил.

Проситель жительствует Инсарского уезда в собственном имении в сельце Рейтарской Слободке.

(Пензенский гособлархив, ф. 32, д. 355, л. 1—4.)

1855—1856 г.г. О неповиновении крестьян д. Лосевки Краснослободского уезда помещику Лукину.

а) 1855 г., января 31. Приказ пензенской палаты уголовного суда по делу неповиновения крестьян д. Лосевки помещику Лукину

1855 года, генваря 31 дня по указу е. и. в. в пензенской палате уголовного суда, поступившего из краснослободского уездного суда, по слушании записки из дела о государственных крестьянах Краснослободского уезда села Большого Азяса Максиме Федорове и отставном писце третьего разряда Алексее Федорове Сорокине, судимых за возмущение крестьян Краснослободского уезда дер. Лосевки помещика Лукина к противозаконному иску свободы из помещичьего владения, приказали: подсудимые по сему делу крестьяне Краснослободского уезда дер. Лосевки помещика Лукина в составе целого селения в оказании неповиновения своему помещику под предлогом неправильно отыскиваемой ими свободы из крепостного владения добровольно признались и показали, что их возмутил к отыскиванию вольности проживающий в губернском городе Пензе отставной писец 3 разряда Алексей Федоров Сорокин и крестьянин Краснослободского уезда села Большого Азяса Максим Федоров. Вышеозначенные возмутившиеся против помещичьей власти крестьяне по сделанному воззванию начальства намерение свое оставили, но не прежде, как по надлежащем уже приготовлении и усмирении их военной команды. В таковом беспорядке зачинщиком или более других виновным оказывается крестьянин г. Лукина Астафий Степанов, подавший повод крестьянам к отыскиванию вольности вследствие подстрекательства его к тому крестьянином Максимом Федоро-

вым, с которым вместе он, Степанов, был в городе Пензе у писца Сорокина, для написания от имени их прошения. Писец 3 разряда Алексей Федоров Сорокин и крестьянин Максим Федоров в возмущении крестьян помещика Лукина к отыскиванию вольности, а Сорокин о вписании от имени тех крестьян прошения из видов корыстолюбия не признались, но, по показанию крестьян и другим видам дела, Сорокин и Федоров навлекают на себя в объясненном преступлении сильное подозрение в поведении. На повальном обыске подсудимые Сорокин одобрен, а Федоров не одобрен. Уголовная палата, сообразив такие виды дела, определяет: 1) крестьянина деревни Лосевки Астафия Степанова 37 лет, признав зачинщиком и более других виновным в водворении между крестьян той деревни беспорядков, за что его, Степанова, на основании ст. 290 Улож., лишив некоторых по ст. 53 Улож. особенных прав и преимуществ, вместо заключения в смирительном доме от одного года до двух лет, наказать при полиции через десятерых, в уважение его добровольного признания в меньшей мере определенной ст. 86 Улож. для 2 степени наказаний сего рода, — шестьюдесятью ударами и потом отдать в вотчину на точном основании 54 ст. того же улож.; 2) отставного писца 3 разряда Алексея Федорова Сорокина и государственного крестьянина села Большого Азяса Максима Федорова в возмущении крестьян помещика Лукина к отыскиванию вольности, а Сорокина в писании тем крестьянам прошения на основании 1177 ст. XV тома Св. зак. угол. оставить в сильном подозрении с тем, чтобы за поведением Сорокина со стороны местной полиции был строгий присмотр, а Максима Федорова отдать в общество на точном основании 1179 ст. того же XV тома... О взыскании со всех крестьян г. Лукина прогонных, поверстных, суточных и за эстафету денег всего 121 руб. 80½ коп. серебром, с отсылкою оных в казну — утвердить мнение краснослободского уездного суда.

(Пензенский гособлархив, ф. пензенского губернского по крестьянским делам присутствия, д. 822, л. 30—33.)

б) 1856 г. ... Указ пензенской палаты уголовного суда краснослободскому уездному суду о взыскании прогонных денег с крестьян д. Лосевки

Указ е. и. в. самодержца всероссийского из пензенской уголовной палаты

Краснослободскому уездному суду.

Оный уездный суд рапортом 30 ноября 1856 года за № 1342 испрашивает от палаты разрешения с кого следует взыскать прогонные деньги в пользу крестьян деревни Шадым 12 руб. 18 коп. и мещан города Инсара 11 р. 85 коп., всего 24 руб. 63 коп. за подводы, взятые у них прапорщиком Раковским во время препровождения им воинской команды, следовавшей Краснослободского уезда в деревню Лосевку на усмирение крестьян помещика Лукина, возмутившихся против своего помещика. По справке оказалось, что при решении палатою 31 января 1855 года дела о крестьянах Краснослободского уезда деревни Лосевки помещика Лукина, судимых за неповиновение своему помещику, требования о взыскании прогонных денег в пользу крестьян деревни Шадым и мещан города Инсара в виду палаты не было, выданные же из казны чиновникам, командированным в деревню Лосевку на усмирение крестьян помещика Лукина, прогонные, поверстные, суточные, и за эстафету деньги, всего 121 руб. 86½ коп., означенным решением палаты определено взыскать со всех крестьян помещика Лукина деревни Лосевки. Приказали: как решением палаты, утвержденным г. начальником губернии, заключено: выданные из казны чиновникам, командированным в деревню Лосевку на усмирение крестьян помещика Лукина, прогонные, поверстные, суточные и за эстафету деньги, всего 121 руб. 86½ коп., взыскать со всех крестьян помещика Лукина деревни Лосевки, то посему и прогонные деньги, следующие крестьянам деревни Шадым и мещанам города Инсара, всего 24 руб. 63 коп., следует отнести на тех же крестьян помещика Лукина деревни Лосевки, о чем краснослободскому уездному суду дать знать указом и, вместе с тем, подтвердить суду озаботиться скорейшим исполнением решения палаты и о последующем рапортовать.

Января 28 дня 1857 года.

(Пензенский гособлархив, ф. краснослободского уездного суда, д. 675, л. 89.)

... 1856 года, января 29 дня мы, нижеподписавшиеся Пензенской губернии Краснослободского уезда Рыбкинской волости старосазоновского общества государственные крестьяне, быв в общем собрании по приведении нас к присяге, выслушав предписание г-на окружного начальника от 26 января за № 230, изложенное на подлинном отношении краснослободского уездного суда от 20 января за № 67, в коем изъяснено решение пензенской уголовной палаты, состоявшееся 25 ноября 1855 года, которым крестьянин села Большого Азяса Максим Федоров по делу за возмущение крестьян деревни Лосевки г-на Лукина к неповиновению помещику и к отысканию свободы оставлен в сильном подозрении, приговорили: означенного крестьянина Максима Федорова принять в общество.

(Пензенский гособлархив, ф. краснослободского уездного суда, д. 675, л. 7.)

1855—1857 г.г. Восстание крестьян села Большой Танеевки Саранского уезда.

а) 1855 г., мая 24. Рапорт сотского д. Монастырской Василия Евдокимова саранскому земскому суду об убийстве станового пристава Бахвостова крестьянами с. Большой Танеевки.

24 мая 1855 г.

К докладу

в саранский земский суд

Саранского уезда деревни Монастырской сотского из казенных крестьян Василия Евдокимова

Рапорт.

Сего числа временное отделение саранского земского суда отправилось в село Большую Танеевку для высылки крестьян, прежде бывших г. Карабьина, к новому владельцу в Лукояновский уезд г. Лубеновскому, где крестьян нашли вооруженными кольями, цепами и железными вилами. Из числа г. г. членов станового пристава Бахвостова убили до смерти, г. непременный член, поспешив сесть на оседланную лошадь верхом, ускакал, г. стряпчий Федулов прежде скрылся во ржи, а потом пойман и поведен в село Танеевку, но жив ли или нет, того объяснить не могу. Понятые же сторонние люди, собранные из соседних деревень, разбежались, о каковом происшествии оному земскому суду имею честь донести.

К сему рапорту, вместо сотского деревни Монастырской Василия Евдокимова, неграмотного, по его личной просьбе, писец 2 разр. Василий сын Прохоров руку приложил.

(Центр. архив МАССР, ф. 15, д. 345, л. 248.)

б) 1855 г., мая 25. Рапорт саранского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору о присылке в село Большую Танеевку воинской команды для усмирения крестьян.

Копия.

25 мая 1855 года.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору саранского земского исправника

Рапорт.

Ваше пр-о, из донесения земского суда, с его же с эстафетою посланного, изволите усмотреть происшествие, произведенное Саранского уезда села Большой Танеевки бывшими г. Коробьи-

на крестьянами, что ныне г. Лубяновского, для усмирения и взятия коих неблагоугодно ли вашему превосходительству будет назначить воинскую команду, без содействия коей с одними понятыми людьми успеха ожидать невозможно, на что и буду ожидать в. пр-а предписания.

Земский исправник [подпись].

№ 131. Мая 24 дня 1855 года.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3362, л. 2.)

в) 1855 года, мая 25. Донесение саранского уездного стряпчего Разумова саранскому уездному суду по делу убийства Бахвостова крестьянами с. Большой Танеевки.

25 мая 1855 года.

В саранский земский суд

членов временного отделения непременного заседателя Разумова и уездного стряпчего.

Временное отделение саранского земского суда, вследствие постановления оного, отправилось 21 числа сего месяца Саранского уезда в село Большую Танеевку для приведения в послушание крестьян того села, проданных г. Чарыковым на вывоз г. тайному советнику Лубяновскому и коллежскому регистратору Злецову и высылку оных на землю, назначенную им под поселение в имении г. Лубяновского Нижегородской губернии Лукояновского уезда. Того же числа, собрав понятых сторонних людей, намерено было приступить к увещанию крестьян быть послушными воле владельца, но крестьяне, исключая крестьянина Аверьяна Тимофеева и женщины Акулины Ивановой, с детьми все скрылись в близь находящихся лесах и оврагах. Не имея более возможности через побег привести их в послушание, временное отделение заключило дать приказы сотникам и сельским начальствам окрестных селений, чтобы они, по мере явки и поимки беглецов, представляли их в земский суд для пересылки, через посредство внутренней стражи, а между тем, согласно воле помещиков, отбросить скот и хлеб для распродажи. Между тем, еще 20 числа становой пристав, дабы отнять способы пристанища и укрывательства неповинующихся крестьян, распорядился с распроданных уже изб снять соломенные крыши и разломать печи. Прождав до вечера 21 числа и не видя возвращения крестьян, временное отделение направилось в город, куда за караулом были отправленные вышеописанные захваченные люди крестьянин Аверьян Тимофеев и женка Аксинья[1] Иванова. При определе-

[1] Так в подлиннике.

нии своем приказано сотскому немедленно давать знать о всевозможных случаях. 22 числа сотник деревни Малой Танеевки донес, что взятые под караул на дороге крестьянская женка Акулина Иванова и с детьми отбита вооруженным сыном ее Михайлом Ивановым; а 23 вечером земскому суду дано знать о явке крестьян в селение. 24 числа временное отделение вторично прибыло в село Большую Танеевку, остановилось в доме из крестьян г. Селивановой старосты Ивана Петрова Сутягина, собрало понятых сторонних людей, пригласило священника села Танеевки для увещания крестьян, и члены отделения вместе с означенными людьми отправились к неповинующимся, дома коих отделялись от квартиры присутствия незастроенным пустырем, примерно саженна 150. Не доходя до места сажен на 18-ть, мы заметили, что крестьяне, их жены и даже дети, будучи вооружены железными вилами, топорами, насаженными на палки, косами, цепами и дубинами, и, стоя на коленях, молются на стоящую в виду их церковь, прощались друг с другом, и потом не выслушав, не подпустив нас к себе, с шумом и яростным криком бросились на нас; священник и до 200 человек понятых в ту же минуту разбежались; члены были одни оставлены пред безумною и яростною толпою; эта толпа бросилась первоначально на станового пристава и один крестьянин, ударив дубинкой, сбил его с ног, затем некоторые начали колоть его острыми железными вилами, а остальные бросились на непременного члена и уездного стряпчего. Видя неминуемую гибель, к спасению своей собственной жизни, а может быть и еще жизни погибающего станового пристава, мы принуждены для укрощения стремительности крестьян и из страха сделать три выстрела из имеющихся при людях наших охотничьих ружей, мелкой дробью заряженных, захваченных единственно из предосторожности. Это средство на несколько секунд остановило убийц и дало нам возможность добраться до нашей квартиры. Хотя мы и были преследуемы, не далее как на расстоянии 10-ти шагов от них, успели броситься на лошадей, поданных непременному члену отставным рядовым Ефимовым, а стряпчему дворовым его человеком Иваном Тимофеевым; на сих лошадях мы доехали до села Зыкова, остановились в доме управляющего и узнали через посланных о дальнейших действиях крестьян г. Лубяновского и Злецова: они заключались в следующем: во-первых, экипаж станового пристава и дрожки стряпчего изрублены, имущество и бумаги изорваны; 2-е) дворовый человек г. стряпчего Иван Тимофеев и отставной рядовой Ефимов, отдав лошадей, успевшие вбежать в дом старосты Ивана Петрова Сутягина, влезли на подлавку и через отверстие соломенной крыши пробрались на зады, будучи преследуемы. Из коих рядовой Ефимов успел спрятаться, а Тимофеев был нагнан в 2-х верстах от села по дороге в город и, будучи бунтовщиками признаваем за непременного члена, подвергся побоям и истязаниям исступленными, которые, избив, повели его к тому месту, где лежал убитый пристав,

и на том месте постановили решение убить и его, несмотря на его мольбы о пощаде и уверение, что он не непременный заседатель, а дворовый человек; к счастию, одна из женщин признала его и уверяла убийц, что он действительно дворовый человек и его убивать не следует, потому что дело его подневольное. Убедясь в этом, Иван Тимофеев был отпущен. Затем крестьяне отправились в находящийся в селе Танеевке питейный дом, связали, выбросили сидельца и начали пить вино. Дальнейшее действие их нам не известно.

За непременного заседателя Разумов.
Уездный стряпчий Федулов.

(Центр. архив МАССР, ф. 15, д. 345, л. 249—251.)

г) 1855 г., мая 26. Указ пензенского губернского правления — о посылке воинской команды для усмирения неповинующихся помещику крестьян села Большой Танеевки.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского, из пензенского губернского правления

чиновнику особых поручений, состоящему при гражданском губернаторе, поручику Караулову.

По указу е. и. в., губернское правление слушало следующее: саранский земский суд рапортом от 24 мая, присланным с эстафетою, представил начальнику губернии о полученном им от сотского деревни Монастырской донесении, что временное отделение того суда, отправившееся в село Большую Танеевку для высылки крестьян, прежде бывших помещика Корабьина, к новому владельцу г. Лубяновскому в Лукояновский уезд, нашло в Танеевке крестьян, даже и женщин, вооруженных новыми косами, цепами, топорами и железными вилами. Когда временное отделение с собранными до 200 человек понятыми из соседних селений и с священником для увещания подошли к крестьянам, то не только последние, но и женщины кричали понятым, чтобы они отсторонились; понятые, действительно, разбежались в разные места, а крестьяне, воспользовавшись этим, погнались за чиновниками и, нагнав пристава 2 стана Бахвостова, убили его. Непременный же заседатель Разумов и уездный стряпчий Федулов успели спастись, которые, однако же, при отправлении земским судом означенного донесения в Саранск еще не прибыли. О произведении следствия о сем происшествии земским судом сделано распоряжение. А саранский земский исправник рапортом от 24 мая просит о назначении воинской команды для усмирения означенных крестьян. Начальник губернии по важности происшествия предлагает губернскому правлению сделать неотложное распоряжение о командировании в село Танеевку воинской команды, а произведение следствия и восстановление порядка в имении возложить на старшего чиновника особых поручений

поручика Караулова, с тем, чтобы все это было произведено при находящемся в Пензенской губернии штаб-офицере корпуса жандармов и при его адъютанте. Приказали: по изложенным в предложении гражданского губернатора обстоятельствам для усмирения и приведения в порядок крестьян Саранского уезда села Большой Танеевки помещика Корабьина, проданных г. Лубяновскому, на основании 334 ст. 14 т. командировать в имение помещика Корабьина село Танеевку воинскую команду в числе 60 чел. рядовых с должным числом унтер-офицеров и обер-офицеров, о командировании которой отнестись к командиру Пензенского внутреннего гарнизонного баталиона с требованием о последующем уведомлении, а как воинская команда должна быть отправлена на обывательских подводах, то предписать пензенскому земскому исправнику выдать воинской команде приказ на взимание подвод до села Большой Танеевки Саранского уезда, для чего и исправнику отослать копию с предложенного от начальника губернии маршрута. Производство следствия о поступках крестьян г. Корабьина и установлении в том имении порядка возложить на старшего чиновника особых поручений, состоящего при гражданском губернаторе, поручика Караулова, о чем чиновнику Караулову послать указ с предписанием следствие произвести при находящемся в Пензенской губернии штаб-офицере корпуса жандармов и при его адъютанте и при содействии воинской команды употребить все возможные средства к восстановлению в имении г. Корабьина порядка и, если при содействии воинской команды будет прекращено упорство крестьян и они обратятся к исполнению законных требований, установленных над ними властей, то донести начальнику губернии для учинения распоряжения на возвращение воинской команды в гор. Пензу.

О выдаче г. Караулову прогонных денег до города Саранска и обратно сообщить в пензенскую казенную палату и просить о последующем уведомлении.

26 мая 1855 г.

Асессор [подпись].
Секретарь Попов.
Столоначальник Иванов.

(Центр. архив МАССР, ф. 15, д. 345, л. 235—237.)

д) 1855 г., мая 27. Предписание пензенского гражданского губернатора чиновнику особых поручений Караулову о восстановлении порядка в селе Большой Танеевке.

Чиновнику особых поручений господину поручику Караулову.
№ 6677. 27 мая 1855 г. Копия.

По предложению моему губернским правлением возложено на вас восстановление порядка между возмутившимися крестьянами Саранского уезда села Танеевки, которые убили станового

пристава Бахвостова и разогнали временное отделение земского суда, при чем вам же предписано произвести и следствие, чтобы все это было исполнено при штаб-офицере корпуса жандармов или его адьютанте.

Так как по тому же распоряжению отправлена на место происшествия военная команда из 69 человек низших чинов здешнего внутреннего гарнизонного баталиона при двух обер-офицерах, то, получив ныне от командующего баталионом донесение, что начальнику команды порутчику Брюммеру предписано по прибытии на место [со]стоять в вашем ведении и исполнять все ваши требования, даю вам о том знать.

По важности дела я подтверждаю вам обратить на оное все ваше внимание и употребить все средства, какие могут быть указаны обстоятельствами и благоразумием, чтобы порядок между крестьянами был восстановлен, а виновники преступления, равно как и зачинщики возмущения, были обнаружены.

Между тем, я поручаю вам донести мне тотчас же по вашем на место прибытии, явились ли уже непременный заседатель и стряпчий в Саранск, ибо по донесению земского суда от 24 мая означенные чиновники, хотя и нашлись, но в Саранск еще не явились.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3362, л. 25—26.)

е) 1855 г., июня 17. Сообщение подполковника Горновского пензенскому губернатору о причинах убийства станового пристава Бахвостова крестьянами села Большой Танеевки

От штаб-офицера корпуса жандармов, находящегося в Пензенской губернии.

Июня 17 дня 1855 года, № 41, г. Пенза.

Свидетельствуя совершенное почтение его пр-у Александру Алексеевичу [1], корпуса жандармов подполковник Горновский, находившийся по предложению его пр-а при производстве чиновником особых поручений г. Карауловым следствия о неповиновении крестьян села Большой Танеевки г. Лубяновского и Злецова и об убийстве крестьянами станового пристава Бахвостова, имеет честь по делу этому довести до сведения его пр-а нижеследующее.

Меры, принятые саранским земским судом к исполнению просьбы помещиков об отобрании у крестьян имущества, продажи домов их для пересылки к владельцам (не входя в предмет следствия об убийстве станового пристава), по следующим из оного обстоятельствам, обращают на себя особенное внимание и представляют отдельный вопрос: имел ли право и мог ли распорядиться земский суд по просьбе просителей и нельзя ли было более

---

[1] Панчулидзев.

благоразумною распорядительностию и иными мерами, более действительными, предупредить убийство, не раздражая возмущенного уже духа крестьян, раскрытием изб и прочее, таким образом не допустить их до преступления.

Приведение же в исполнение мер временным отделением земского суда к пересылке крестьян и к отобранию у них имущества, скота, раскрытие и разорение изб, исполненное временным отделением (когда оное прибыв в село и не нашло крестьян), не только не могло привести крестьян в должное повиновение и готовность отправиться к помещикам, но, раздражая более и более уже непокорный и возмущенный их дух, скорее их могло подвинуть к совершению пусть даже и замышленного преступления.

Некоторые из крестьян при следствии показали, что заговор убить станового пристава они сделали 22 мая, когда возвратились из лесу в село, в котором нашли свои дома разрушенными, скот угнанным, а имущество увезенным, и хотя показание это не заслуживает особенной веры и опровергается показанием других крестьян, что заговор убить станового пристава сделан в лесу 20 или 21 мая, и показаниями приходского священника, что намерение это у них было и прежде, но, тем не менее, возвратясь в селение и найдя дома раскрытыми, крестьяне скорее и легче дошли до большего раздражения и до самого проступка.

При отобрании у крестьян имущества, временное отделение не составило точной описи оному и, по требованию г. следователя, не представило к делу квитанций о полной сдаче крестьянского имущества, скота и хлеба помещикам их.

Наконец, 21 числа временное отделение, быв предупрежденным и зная, что крестьяне в селе вооружены, должно ли было идти к ним с двумя стами понятых, вооруженных палками, а чиновники с ружьями, заряженными дробью. Ежели временное отделение по предупреждении других знало или имело причины полагать, что крестьяне откажутся от повиновения, то не смогло ли, окружив селение, потребовать из города военную команду, с приходом которой крестьяне вынуждены бы были отказаться от неповиновения, а с тем вместе не дошли бы до преступления убийства.

Самовольная поездка в селе Большую Танеевку губернского секретаря Румянцева и увоз им с места тела убитого станового пристава обнаружены следствием. Приходский священник при следствии показал, что крестьяне ему говорили, что если их будут отдавать к помещику, то они сделают что-нибудь такое, за что попадут в острог, но к помещику не пойдут.

О таковых мыслях их священник не донес и кому следует не объявил.

Подполковник [подпись].

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3362, лл. 72, 73, 74, 75.)

ж) 1855 г., октября 18. Прошение старосты Сутягина пензенскому гражданскому губернатору о возмещении убытков, понесенных им на содержание воинской команды в селе Большой Танеевке

18 октября 1855 года.

Получено 19 октября 1855 года.

Его превосходительству...

Саранского уезда села Большой Танеевки г-на Селиванова из крестьян старосты Ивана Петрова Сутягина

Покорнейшее прошение.

В мае и июне месяце сего 1855 года во время усмирения бунтующих крестьян г. г. Лубяновского и Злецова для собранных сторонних понятых 300 человек, команды солдат 69, арестантов 25 человек и разных приездов понесено мною убытков на содержание их, а именно: на содержание 300 человек понятых в двое суток по 6 коп. серебром в сутки, за вычетом 15 пудов выданной им ржаной муки 33 рубля 43 коп., на содержание команды солдат 69-ти человек, в продолжении 12-ти суток по 6 коп. в сутки на человека, что составит 49 руб. 68 коп., на содержание 25 человек арестантов в продолжении 12 суток по 6 коп. на человека в сутки, что составляет 18 руб. серебром, а всего понесено мною убытков на сто девятнадцать руб. шестьдесят восемь коп. серебром. Расходы эти я употреблял частью из господской экономии, а большею частью крестьян помещика моего; так как ныне урожай малый и каждый крестьянин лишается своей собственности, о чем объяснив, покорнейше прошу ваше превосходительство об удовлетворении меня вышеписанною суммою за понесенные убытки сделать начальническое распоряжение и во всем поступить по законам.

Октября ... дня 1855 года.

Прошение вместо старосты Ивана Петрова, неграмотного, по его личной просьбе, мною со слов его сочиненному, я, переписчик Леонтий Федоров, гардер Российской шхипер, руку приложил.

Жительство проситель имеет Саранского уезда в селе Танеевке.

Верно: столоначальник Иванов.

(Центр. архив МАССР, ф. 15, д. 514, л. 1.)

несовершеннолетних Андреева, Иванова, Николаева, Григорьева и Аверьянова поселить в Сибири навсегда.

Почему губернское правление об исполнении решения по сему делу с препровождением подлинного отношения уголовной палаты предписало саранскому уездному суду с тем, чтобы он исполнил над означенными преступниками установленный 1383 ст. 15 т. Св. зак. улож. по VI прод. обряд и потом выслать их в губернское правление. Почему означенные преступники саранскою градскою полициею присланы сюда и отосланы под стражу в пензенский тюремный замок, а от уездного суда саранского донесения еще никакого нет по справке. По сему делу имеется предложение г. начальника губернии от 21 минувшего октября за № 13165.

Определено: предписать пензенской градской полиции содержащихся здесь под стражею арестантов крестьян села Большой Танеевки Дмитрия Герасимова, Николая Пантелеева, Гаврилу Федорова, Федора Матвеева, Фому Платонова, Михайлу Иванова, Семена Иванова, Сафрона Васильева, Антона Алексеева, Николая Степанова, Агафона Сафронова, Степана Андреева, Ивана Иванова, Ивана Николаева, Степана Григорьева, Якова Аверьянова или Аверниева, Матвея Филатова, Ульяна Федорова, Прокофия Дмитриева, Никифора Алексеева, Степана Аверьянова и женку Дарью Малафееву, по снабжении одеждою, обувью и кормовыми деньгами до г. Симбирска, отправить при статейных списках в Тобольск и рапортовать, о чем с копиями статейных списков известить и тобольской приказ о ссыльных; и об одежде, какая назначится им, передать сведение командиру пензенского внутреннего гарнизонного баталиона. А саранскому уездному суду строжайше подтвердить о немедленном представлении рапорта на указ сего правления от 4 минувшего октября за № 7219 по сему делу, о чем довести до сведения г. начальника губернии, для чего в канцелярию его пр-а передать копию с его положения.

Ноября 8 дня 1857 года.

Советник [подпись].
Секретарь [подпись].
Столоначальник [подпись].

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3362, л. 152—154.)

1856 г. О неповиновении крестьян села Тумалейки Красно-слободского уезда помещику Москвитинову

а) 1856 г., марта 20. Рапорт краснослободского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору о неподчинении указу краснослободского уездного суда крестьян села Тумалейки.

Копия.

Его пр-ву пензенскому гражданскому губернатору красно-слободского земского исправника

Рапорт.

По указу краснослободского уездного суда от 19-го сего мар-
та за № 344-м отправлялся я сего числа с временным отделением
краснослободского земского суда, понятыми людьми из государ-
ственных крестьян 79 человеками и депутатом со стороны государ-
ственных крестьян краснослободским волостным головою в сельце
Тумалейку для ввода во владение поручику Дмитрию Федорову
Москвитинову купленных им гвардии у штабс-ротмистра Николая
Федоровича Рогачева крестьян 71 души мужского пола, состоя-
щих в том сельце, где нашли всех проданных крестьян с женщи-
нами и малолетними детьми обоего пола, собравшихся в крестьян-
ском дворе крестьянина Аремея Сергеева. Вороты у того двора
были заперты и изнутри завалены разным лесом, мужики, быв
в нетрезвом виде, имели в руках железные тройчатые вилы и за
поясами топоры, а молодые ребята и девки дубины; женщины же
некоторые были также с железными вилами и две из них с нася-
женными на черенах косами. По прочтении им указа краснослобод-
ского уездного суда о вводе их во владение новому владельцу
Москвитинову они все единогласно с азартом кричали: «Не пой-
дем к нему во владение, и ввести их ни к какому владельцу никто
не может!», и, несмотря на деланные им внушении временным
отделением, к повиновению нового владельца остались непре-
клонными.

О чем вашему пр-у имею честь донести с присовокуплением, что вышеозначенных крестьян, как оказывающих уже не в первый раз сопротивление, без военной команды привести в повиновение помещичьей власти невозможно.

Исправник Тихменев.

Марта 20 дня 1856 года.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 4385, л. 1—2.)

б) 1856 г., марта 24. Сообщение пензенской губернской канцелярии на имя городничих, земских судов и полиций Инсарского, Мокшанского и Краснослободского уездов о маршруте воинской команды на подавление восстания крестьян села Тумалейки.

Министерство внутренних дел. Начальника Пензенской губернии по канцелярии стол 1. 24 марта 1856 года. Пенза. С № 3585 по № 3593

Копия.

Городничим: мокшанскому, инсарскому и краснослободскому зем[ским] судам: пензенскому, мокшанскому и краснослободскому и пензенской полиции.

По приложенному у сего маршруту будет следовать отправленная из Пензы воинская команда пензенского внутр. гарниз. батальона в числе (60 человек) и при ней конвойные унтер-офицеры и казенный деньщик под командою подпоручика Еремеева для усмирения неповинующихся крестьян Краснослободского уезда сельца Тумалейки. Даю об этом знать для надлежащего распоряжения и препровождения той партии и заготовления для оной 15 обывательских одноконных подвод и одной подводы двухконной для офицера.

Гражданский губернатор [подпись].
Правитель канцелярии. [подпись].

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3785, л. 18.)

в) 1856 г., марта 30. Рапорт пензенского земского суда пензенскому гражданскому губернатору, извещающий о прибытии в село Тумалейку вооруженной команды для усмирения крестьян.

30 марта 1856 г.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору пензенского земского суда

Рапорт.

На предписание вашего пр-а от 24 марта за № 3588 пензенский земский суд имеет честь донести, что пензенская воинская команда в числе 55 человек под командою подпоручика Еремеева следует в Краснослободский уезд сельцо Тумалейку для усмирения неповинующихся крестьян.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3485, стр. 24.)

г) 1856 г., апреля 2. Определение пензенского губернского правления по делу неповиновения крестьян села Тумалейки помещику Москвитинову.

Копия с копии.

1856 года, апреля 2 дня пензенское губернское правление слушали следующее: чиновник особых поручений, командированный Краснослободского уезда в деревню Тумалейку для восстановления порядка между неповинующимися крестьянами г. Москвитинова, донес начальнику губернии от 30 марта за № 12, что г. Караулов, прибывший с военною командою в упомянутое селение, нашел, что крестьяне с женами и детьми их, взявши свое имущество, уехали неизвестно куда; что по сведениям от крестьян г. Ефремовой, живущих в той же деревне, крестьяне

г. Москвитинова выехали еще с 27 на 28 число марта в ночь, проехали мимо села Девичьего Рукава и хотели скрыться за рекою Мокшою на пчельниках и хуторах, устроенных для прогона скота; что он, г. Караулов, сообщив об этом краснослободскому земскому исправнику, просил его открыть немедленно место укрывательства крестьян; что вследствие этого исправник уехал на одни пчельники и хутора, а станового пристава Ершова отправил на другие, а следственного пристава отрядил в село Девичий Рукав. Чиновник Караулов присовокупил, что он до времени останется в деревне Тумалейке; но как за уходом крестьян г. Москвитинова остаются там только 4 двора, принадлежащие г-же Ефремовой, то по тесноте помещения для команды он предполагает перевести часть оной в новую деревню, отстоящую от Тумалейки в полутора верстах. Начальник губернии от 1 апреля за № 3873 предлагает губернскому правлению для неотложного распоряжения с тем, чтобы о последующем передано было в канцелярию его пр-а подробное сведение. Определено: из донесения чиновника особых поручений Караулова, прописанного в предложении начальника губернии, открывается, что крестьяне г. Москвитинова не повинуются своему помещику, для усмирения которых отправлена из Пензы военная команда, с женами и детьми их, взявши свое имущество, уехали неизвестно куда. Случай сей показывает, что со стороны земской полиции не было в свое время употреблено достаточных мер к предупреждению оного. Посему, как теперь сделано уже распоряжение, вследствие которого сам земский исправник, становой и следственный приставы отправились отыскивать крестьян, вменить в обязанность земскому суду и особенно исправнику краснослободским непременно и немедленно отыскать всех крестьян г. Москвитинова и возвратить их в деревню Тумалейку для дальнейших в отношении к ним действий чиновника особых поручений и военной команды. Земскому суду, а наипаче исправнику розыски свои распространять, если бы сверх чаяния открылось, что беглецы крестьяне выбыли уже из Краснослободского уезда, и на соседственные уезды через сношении с теми градскими и земскими полициями, в ведомстве коих окажутся удалившиеся крестьяне. При сем сказать земскому суду и исправнику, что губернское начальство не может даже и предположить, чтобы могло встретиться какое-либо затруднение к отысканию и поимке крестьян, о коих идет дело, коль скоро они отправились в значительном количестве, со всеми их семействами и со всем имуществом, а, напротив того, будет оно ожидать желательных последствий поисков, нами порученных, в точности и в самом безотложном времени. Велеть земскому суду и земскому исправнику рапортовать с нарочным о том, что сделано будет чиновниками, принявшими на себя отыскание крестьян. О сем распоряжении дать знать чиновнику особых поручений Караулову с тем, чтобы сверх возложенного на него поручения, в случае надобности употребил нужное влияние

и на земский суд к успешному ходу сего дела, и о последующем рапортовать. Указы в земский суд и к земскому исправнику, как и к чиновнику поручений Караулову, отправить с эстафетой. Копии с сего положения передать в канцелярию начальника губернии.

Апреля 2 дня 1856 года.

Старший советник Андреев.
Секретарь [подпись].
Столоначальник [подпись].

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3485, л. 38.)

д) 1856 г., апрель. Донесение начальника Пензенской губернии управляющему III отделением собственной его величества канцелярии генералу Дубельту о принятых мерах в усмирении крестьян села Тумалейки.

Копия.

Милостивый государь, Леонтий Васильевич!

Краснослободского уезда сельца Тумалейки крестьяне, в числе 71 души мужского и 63 душ женского пола, были проданы помещиком Рогачевым помещику Москвитинову на вывоз, оказали буйство и неповиновение сперва против помещичьей власти, потом и против земской полиции. Собравшись на одном крестьянском дворе и вооружась железными вилами и топорами, крестьяне решительно отказались от всякого послушания, почему была отправлена на место военная команда; восстановление порядка в имении и произведение следствия было возложено на состоящего при мне старшего чиновника особых поручений Караулова, местного уездного предводителя дворянства и на состоящего за адъютанта при здешнем штаб-офицере корпуса жандармов капитана Смалькова. Об этом представлено мною 24 минувшего марта всеподданнейшее донесение. По прибытии командированных лиц на место, крестьяне по одним убеждениям следователей и без употребления строгих мер обратились к повиновению, что и было показано в ведомости о происшествиях по Пензенской губернии за 2-ю половину марта, после чего следствие кончено, трое крестьян, как главные виновники, преданы суду, а последние переданы помещику.

Отдавая полную справедливость участию при таковых похвальным действиям командированных на настоящее дело лиц, в том числе корпуса жандармов капитана Смалькова, — долгом считаю свидетельствовать о нем вашему пр-у.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3485, л. 90—91.)

1856 г. О неуплате государственных налогов крестьянами татарских селений Краснослободского уезда.

а) 1856 г., ноября 24. Просьба пензенской палаты государственных имуществ пензенскому гражданскому губернатору о введении воинской команды в Краснослободский уезд для содействия по взиманию податей с крестьян татарских селений.

М. Г. И. Пензенская палата государственных имуществ. Отделение хозяйственное. Стол 1. 24 ноября 1856 г. № 18022.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору.

Краснослободский окружной начальник в донесении своем г. управляющему палатою от 19 сего ноября за № 3307 объяснил, что крестьяне вверенного ему округа почти всех татарских селений и некоторых русских, особенно по всем селениям Заречному Логиновского, Гуменского и Пурдошанского обществ, по упорству своему решительно уклоняются от взноса податей и не только не являются на сельские сходы для убеждения в исполнении столь важной обязанности их, но и скрываются из домов своих, оставляя ничтожные против оклада суммы своим семейным женщинам, которые и отдают оные сборщикам податей.

Окружной начальник считает необходимым содействие в этом деле воинских команд, дабы через местные средства достигнуто было как немедленное прекращение беспорядков, возникших между поселениями, так и успешное взыскание податей.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3515, л. 1—2.)

б) 1856 г. Рапорт краснослободского земского суда пензенскому гражданскому губернатору о том, что его распоряжение от 20 ноября 1856 г. о приведении в повиновение государственных крестьян Краснослободского округа за неуплату налогов выполнено.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору
краснослободского земского суда

Рапорт.

Во исполнение предписания вашего пр-а от 26-го ноября 1856 года за № 12848, земский суд имеет честь донести, что в неуплате податей и неповиновении начальству государственных имуществ упорствовали, как уведомило краснослободское окружное управление, г. земского исправника, государственные крестьяне: Краснослободской волости деревень Гаряши и Лаушек Мамалаевской волости, сел. Гумен, Шаверок, Тенишево и Плужного; Старо-

Ямской волости села Турдошек и деревень Акчеевой, Вачеевой, Чуриной, Старой и Новой, Об. Кадышевых, Большого Урната и Большой Браиловки; Никольской волости деревень Татарских Юнок, Старого Аллагуллова, Енаевой, Тенишевой, Мансуровки, Крутояра, Большого и Малого Шуструев, Бахтеевки, Нижней Богдановки, Нагорного и Подгорного Шуструев и Верхней Богдановки и присовокупить, что все государственные крестьяне вышеозначенных сел и деревень в декабре месяце прошлого и в январе настоящего года приведены г. земским исправником при окружном начальнике в должное повиновение. В отношении же платежа податей сделано им от них должное внушение, и крестьяне, по внушении им того, с готовностью обязались платить подати бездоимочно, отнюдь не делая упорства и неповиновения, и после того, как от местных властей государственных крестьян, так и ни от кого донесений и уведомлений относительно неповиновения государственных крестьян начальству и уклонения их от платежа податей не было.

Непременный заседатель Цепов.
Секретарь Богоявленский.
За столоначальника Богоявленский.

№ 2290, марта 28 дня 1857 года.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3515, л. 5.)

1856—59 г. г. О спорных рыбных ловлях Саровской пустыни с крестьянами села Такушева.

а) 1856 г., ноября 19. Доношение Саровской пустыни монаха Иакова такушевскому волостному правлению о чинимых препятствиях рыбной ловли монахам крестьянами села Такушева.

В такушевское волостное правление
от Саровской пустыни поверенного монаха Иакова

Доношение.

Не безызвестно должно быть сему правлению дело, производившееся касательно обмена казенной земли из Пуштинского и Вальзинского лесов с крестьянами помещичьими и казенными с уступкою последними земли казне ста десятин. В сем деле по решению общего собрания Правительствующего Сената, состоявшемуся 1817-го года, 4-м пунктом определено: «Если по показанию монашествующих в разрешенном общим собранием Правительствующего Сената на обмен между селом Веденяпиным и казенным Пуштинским и Вальзинским лесами сенокосных полянах и пашенных землях действительно заключаются по реке Мок-

ше и озерам рыбные ловли, то оные, не включая в тот обмен, по силе высочайше конфирмованного по сему делу мнения Государственного Совета, оставить в спокойном владении монашествующих с узаконенною пропорциею земли для пристанища рыболовов и обсушки снастей». Каковые рыбные ловли и вымежеваны были 1819-го года землемером г. Лобовым без всякого со стороны владельцев села Веденяпина спора. Ныне также, по случаю полюбовного соглашения между г. г. владельцами при посреднике Свищове в 24-й день месяца июня, я входил к г. посреднику для прекращения на будущее время могущих произойти неприятностей и судопроизводств особым прошением, чтоб означенные рыбные ловли, принадлежащие Саровской пустыни, введены были в полюбовную сказку г. г. владельцев и означены на общем нарезочном и участковых планах, что всеми владельцами оных земель было принято бесспорно и со стороны уездного суда и г. посредника и согласно с мнением Государственного Совета исполнено с выдачей копии с плана. Итак, Саровская пустынь, заведывая как прежде, так и ныне, оными рыбными ловлями по праву собственности на одном из озер, называемом Большим, устроила сего ноября 14-го дня спуск для рыболовства, где допущены были ловить из части два крестьянина села Веденяпина Алексей Иуманов и Василий Григорьев. Некоторые же из крестьян деревни Такушевой, подведомственные сему правлению, вероятно подстрекаемые злобою, делали хозяину Сатиской ватаги различные угрозы, которых он опасаясь, предъявлял 14-го сего ноября сотнику той деревни, что он берет производить на таком-то месте рыболовство, но поелику имеет подозрение в неблагонамеренности крестьян той деревни, то, на всякий могущий произойти от них неприятный случай, доводит о сем до сведения его и даже просит убедиться неблагонамеренных людей в неправом предприятии и дерзости. Доводил ли же сотник это до сведения крестьян, не известно. Только крестьяне не приминули учинить дерзость и убийство. 15-го сего ноября утром два крестьянина Михайло Тиханов Зайцов и Сергей Федоров, пришед на спуск, поносили рыбаков наших разными ругательными словами и, забрав рыбы до двух пудов, отправились домой. На другой день пришло всех человек до 20-ти, из них замечены в особенности: Иван Варфоломеев Кочетков, Иван Тимофеев, Василий Гарин, Григорий Васильев, Михайло Кунин, Евлампий Сорокин, Афанасий Ситников, Кузьма Тимофеев Чекулаев, Филипп Пантелеев, Карп Куприянов, которые все, обступив спуск и зимницу, в коей находился престарелый трудник обители Михайло, спуск разломали и зимницу вместе с трудником покушались зажечь, участников же в рыболовстве утопить в озере. Дабы избавиться от угрожающей таковой опасности, трудник Михаил, выскочив из зимницы, убежал, равно и пущеники из части на бывшей тогда при них лошади уехали, оставив снасти и наловленную рыбу около 2-х пудов. Что же сии злодеи учинили там после сего, не известно. Известив-

шись чрез хозяина Сатиской ватаги о таковом поступке крестьян, подведомственных сему правлению, нахожу [себя] вынужденным сначала предъявить о сем буйстве их правлению сему, дабы оно при первой же мирской сходке объявило всем крестьянам деревни Такушевой о неправом их притязании на сии ловли монастырские, потом сделало зависящее от него распоряжение с бунтовщиками и злодеями вышепоименованными. Для будущей же безопасности выдало мне поручительство за подписом головы и прочих главных членов сего правления. В противном же случае я должен буду искать защиты и успокоения обители нашей в следующем по дистанции присутственном месте.

1856 года, ноября 19 дня.

(Центр. архив МАССР, ф. 1, д. 774, л. 3—4.)

б) 1857 г., ... января. Объявление иеродиакона Саровской пустыни Иакова в темниковский земский суд, в котором он просит принять меры против крестьян д. Такушева, препятствующих рыбным ловлям.

В темниковский земский суд
Саровской пустыни иеродиакона Иакова

Объявление.

Хозяин Сатиской рыбной ватаги монах Андрей 29-го сего октября донес мне, что крестьяне деревни Такушевой, делая неоднократно обиды как ему, так и рыбакам его во время производства рыбной ловли в реке Мокше и в прилежащих к оной озерах, состоящих во владении Саровской пустыни, дошли, наконец, до такой дерзости, что не только сами производят рыболовство в реке и озерах, но даже некоторые из оных озер начали сдавать другим за деньги, а в некоторых самовольно поделали в минувшем сентябре месяце запоры для спусков и распоряжаются оными, как собственностию. В прошедшем 1856-м году 19 ноября я приносил жалобу на оных крестьян такушевскому волостному правлению, но никакого распоряжения по сему моему донесению от оного правления не последовало; кроме того, что в том же году 29-го ноября я принужден был о вторичном буйстве сих крестьян донесть г. помощнику окружного начальника, но и тот не вошел в зависящее от него распоряжение; крестьяне же, видя таковое послабление со стороны своего начальника, совершенно отбили рыбаков наших от рыболовства в сих озерах и распоряжаются оным, как будто законные владельцы, и, если когда случается монаху Андрею посылать на озера рабочих для осмотра, то крестьяне такушевские угрожают побоями, каковые неоднократно и чинимы были ими, и о чем при производстве дела может быть дознано. Не находя более средств к предотвращению таковых обид, на-

носимых пустыни означенными крестьянами, и в предупреждение могущих от того последовать несчастий я вынужденным нахожу себя принесть жалобу мою темниковскому земскому суду и просить оный остановить крестьян деревни Такушевой самовольно производить рыболовство в водах, пустыни принадлежащих, и ныне же обязать в том подпискою и по всем поступить по законам.

(Центр. архив МАССР, ф. 1, д. 774, л. 11, 12.)

в) 1857 г., декабря 17. Приказ темниковского уездного суда о спорных рыболовных местах Саровской пустыни и д. Такушевой.

1857 года, декабря 17 дня по указу е. и. в. в темниковском уездном суде, слушав частное дело о завладении рыбных ловель, принадлежащих монашествующим Саровской пустыни государственными крестьянами деревни Такушевой, приказали: из обстоятельства дела видно, что в заливах реки Мокши и в озерах, прилежащих монашествующим Саровской пустыни, действительно жители деревни Такушевой поделали самовольно запруды для ловли рыбы, между тем, из показания помянутых [крестьян], призванных для освидетельствования заливов и озерок, видно, что всеми заливами реки Мокши и озерами всегда владели монашествующие. Ценность дохода с рыбных ловель исчислена на 150 руб. серебром. Крестьяне деревни Такушевой показали, что они до настоящего года не владели захваченными ими рыбными ловлями, и оспаривают свои права [на них] только потому, что озера эти и заливы по новому размежеванию состоят в их дачах. Из представленных же поверенным Саровской пустыни планов и копий с решения Правительствующего Сената по общему собранию, состоявшемуся в 1817 году, и из полюбовной сказки, утвержденной в 1856 году июня 19 дня, видно, что Саровской пустыне предоставлено пользоваться рыбною ловлею в заливах реки Мокши и озерах, состоящих в даче села Веденяпино с деревнями. Притом же из ответа Такушевского волостного правления за № 1585, последовавшего на запрос временного отделения, видно, что крестьяне деревни Такушевой оспаривают только владение Большим озером, а не всеми заливами реки Мокши и озерами, находящимися в их даче. Уездный суд находит, что крестьяне дер. Такушево действительно завладели рыбными ловлями в заливах реки Мокши и озерах, издавна предоставленных Саровской пустыни, а потому определяет: на основании 2028, 2031, 2046, 2047 ст. X т. гражданск. зак. (изд. 1842 г.), и по XV прод. части 2-го X т. приложения к 521 ст., 10, 64, 65 пункты, крестьян деревни Такушевой подвергнуть взысканию убытков за самовольное завладение рыбными ловлями, принадлежащими Саровской пустыни, в пользу оной, о исполнении чего темниковскому земскому

суду предписать указом. Независимо от сего, согласно заключения присутствия временного отделения, отнестись к Елатомскому окружному начальнику и просить отношение временного отделения от 15 ноября за № 159 исполнить, причем просить также наблюсти за скорейшим исполнением предписания, данного от присутствия временного отделения такушевскому волостному правлению от 15 ноября за № 152, и о последующем сей суд уведомить. Дело же из числа нерешенных исключить.

Подлинное за подписом г. г. присутствующих и скрепою секретаря.

Верно: за секретаря Бодров.

(Центр. архив МАССР, ф. 1, д. 774, л. 28—29.)

г) 1859 г., декабря 4. Определение тамбовской палаты государственных имуществ по делу спорных рыболовных мест Саровской пустыни и д. Такушевой.

М. Г. И. Тамбовская палата государственных имуществ. По отделению лесному стол. 4 декабря 1859 г. № 26841, г. Тамбов. С объявлением за № 18552 о спорном большом озере монашествующих Саровской пустыни с кр[естьянами] дер. Такушевой. Темниковскому земскому суду.

Рассмотрев обстоятельства дела о спорных озерах монашествующих Саровской пустыни с крестьянами деревни Такушевой, палата нашла, что государственные крестьяне Темниковского уезда деревни Такушевой монашествующей Саровской пустыни в пользовании принадлежащими им рыбными ловлями, находящимися в казенном Пуштинском и Вользинском лесах по рекам Сатису, Пуште и Мокше с озерами, никаких стеснений не делали, как оказалось по дознании на месте через елатомского окружного начальника и по бечевникам сушку снастей всегда допускали, но жалоба, последовавшая в палату от игумена Саровской пустыни Исаи в 1856 году, а ныне к его высокопревосходительству г. министру государственных имуществ, от строителя иеромонаха Серафима состоит в том, чтобы удержать крестьян деревень Такушевой от насилья в пользовании только одним озером, называемом Большим, находящимся в лугах тех крестьян, которым пустыня никогда не владела и которая всегда находилась в бесспорном владении такушевских крестьян и служила им единственным источником для водопоя скота, мочки конопли и рыбной ловли, так как другого удобного для этого места не имеется, потому что за исключением этого все озера находятся во владении пустыни, и хотя полюбовною сказкою, составленною 24—25 июня 1856 года, владельцами дачи села Веденяпина с деревнями Такушевой и Ибаковой, без участия государственных крестьян, предположено находящихся в участке тех владельцев часть реки Мокши и 13 озер, в том числе и озера Большое, предо-

ставленные будто бы по решению Государственного Совета, высочайше утвержденному для ловли рыбы Саровской пустыни монашествующим с десятисаженною кругом пропорциею для сушки снастей, оставить в пользовании той пустыни, но сказка не должна быть обязательна для государственных крестьян, потому что она составлена без их участия одними посторонними владельцами, тем более, что в указах Правительствующего Сената от 13 апреля 1811 года и 16 января 1818 года (которыми предоставлены Саровской пустыне рыбные ловли по рекам Мокше, Сатису и Пуште с озерами узаконенною 10-саженною пропорциею земли) не объяснено, сколько этих озер предоставляется пустыни и какие именно по названиям. Временное же отделение темниковского земского суда, составленное в 1857 году также по жалобе монашествующей Саровской пустыни, согласно дознанию на месте и по предъявленным этою пустынью планам и сказанным копиям с решений Правительствующего Сената, присудило Большое озеро в числе прочих монашествующих, а такушевских крестьян от владения им устранила, с обязанием их в этом подпискою.

Имея в виду, что Саровская пустынь никогда не владела Большим озером, предъявила на него спор только в 1857 году, а на основании 21 и 22 ст. 11 части 10 тома законов гражд. издания 1857 г. временное отделение тогда только могло постановлять определение о предоставлении этого озера монашествующим, не входя в рассмотрение документов, когда бы жалоба принесена была ими, согласно 8 и 10 ст. того же тома, не позднее, как в течение 10 недель после завладения; в противном случае должно было представить обстоятельство это на рассмотрение судебного места, — палата признала определение временного отделения темниковского земского суда несогласным с законами, равно и уклонение уездного суда от рассмотрения настоящего дела неправильным и не согласным с 21 ст., а потому и применяясь к 699 ст. (которою, между прочим, вменяется палатам государственных имуществ в обязанность наблюдать, чтобы неправильно завладенные частными лицами государственные имущества возвращены были в казенные ведомства), — признала справедливым Большое озеро, находящееся в лугах государственных крестьян деревни Такушевой, при самом поселении, оставить попрежнему в пользовании этих крестьян до того времени, пока судебным местом не будет постановлено определение, кому именно должно принадлежать это место, т. е. им или монашествующим. Об этом палата вместе с ним и дала знать темниковскому уездному суду, с возвращением предписания ее от 23 октября 1858 года за № 22098, копии с определения временного отделения земского суда 15 ноября 1857 года и указов Правительствующего Сената от 13 апреля 1811 года и 16 января 1818 года, равно отзыва строителя пустыни Серафима, и предписала, согласно сказанному предписанию палаты за № 22098 и на основании 21 ст. 10 т., непременно рассмотреть настоящее дело и постановить определение, кому дол-

жно принадлежать помянутое Большое озеро, вытребовав к рассмотрению дела от монашествующих Саровской пустыни подлинные планы и межевые книги на отмежеванные им рыболовные реки и озера, как в Такушевской, так и казенной Пуштинской дачах, где протекают реки: Мокша, Сатис и Пушта с их озерами, а по постановлении решения представить его на согласование в палату. О чем также дала знать алатомскому окружному начальнику для объявления такушевским крестьянам, с обязанием их подписково, чтобы они, кроме Большого, в других озерах и рыбных ловлях, принадлежащих Саровской пустыни, отнюдь не осмеливались делать каких-либо насильственных поступков под опасением ответственности по законам, при чем предписала окружному начальнику с своей стороны немедленно начать иск о Большом озере в уездном суде, и все имеющиеся у него в виду доказательства о правах такушевских крестьян на это озеро, передать к общему рассмотрению в уездный суд, где иметь настоящие за скорейшим и правильным производством к окончанию этого дела.

Об этом палата дает знать темниковскому земскому суду для объявления строителю Саровской пустыни иеромонаху Серафиму с тем, чтобы пустынь впредь до постановления определения судебного места о том, кому должно принадлежать Большое озеро, в пользования им не входила; причем палата препровождает в земский суд объявление первого департамента за № 18552 для передачи иеромонаху Серафиму.

Губернский лесничий подполковник Смолодовский.
Помощник столоначальника Михайлов.

(Центр. архив МАССР, ф. 1, д. 774, л. 55—58.)

1858—1859 г. г. Дело о буйстве крестьян села Токмова, Инсарского уезда, произведенном в имении помещика Обрезкова.

а) 1858 г., августа 16. Рапорт инсарского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору о неповиновении ратников, вернувшихся из ополчения в село Токмово.

16 августа 1846 г.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору

Инсарского земского исправника

Рапорт.

11-го сего августа управляющий имением тайного советника Обрезкова дал мне знать, что во вверенном его управлению имении в селе Токмове 19 человек ратников, возвратившихся из ополчения и будучи на одинаковом положении со всеми крестьянами, не отправляют никаких господских работ и оказывают

явное неповиновение и ослушание, нередко сопровождаемое дерзостью, и что независимо от сего человек 20 крестьян из того же имения развезли господскую рожь копнами с поля.

Земский исправник Ушаков.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3697, л. 126.)

б) 1858 г., октября 14. Рапорт инсарского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору об аресте 4-х крестьян села Токмова, неповинующихся помещику Обрезкову.

14 октября 1858 г.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору

инсарского земского исправника

Рапорт.

Во исполнение предписания в. пр-а от 20 сентября № 9551, имею честь донести, что 11 сего октября, вследствие жалобы управляющего имением г. Обрезкова на неповиновение ратников, я отправлялся в село Токмово, где при водворении порядка между непокорными ратниками четверо из них оказали решительную непокорность, соединенную с дерзким самовольством и сопротивлением властям до такой степени, что невозможно было оставить их в имении без опасения за будущие порядки. Вследствие чего означенные ратники мною взяты под арест в город, прочим же сделано внушение, из коих один более других нерадивый работник мною слегка наказан.

Земский исправник Ушаков.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3697, л. 132.)

в) 1858 г., октября 20. Объявление управляющего имением помещика Обрезкова Шейна инсарскому земскому исправнику Ушакову о неповиновении крестьян.

Его высокоблагородию господину инсарскому земскому исправнику Юрию Александровичу Ушакову
тайного советника Дмитрия Михайловича Обрезкова села Токмова по доверенности управляющего имением Федора Антонова Шейна

Объявление.

В 1850-м году в августе месяце в числе прочих возвратились в село Токмово, имение тайного советника Дмитрия Михайловича Обрезкова, крестьяне, бывшие в ополчении: Никифор Васильев,

Денис Лаврентьев, Григорий Андреев, Загородков и Андрей Естефеев. Со времени прибытия означенные крестьяне, будучи наделены надлежащим количеством земли, не повиновались ни в чем вотчинному начальству и, не внимая неоднократным внушениям об отбывании господских работ, не отправляли никаких повинностей и, невзирая на употребленные над ними полицейские исправительные меры, оставались постоянно в явном ослушании, неповиновении, сопровождаемом дерзостию, доводившею иногда до буйства, стараясь увлечь к тому же и прочих бывших ратников. 11-го числа сего октября месяца сотский села Токмова вследствие вашего приказания собрал всех ратников в вотчинную контору. Вышеозначенные крестьяне намеревались скрыться, причем по обыкновению оказали явную непокорность и дерзко отвечали, что ни за что не пойдут, ибо над нами нет начальства. Однакож после многих усилий с помощию прочих крестьян означенные ратники, во избежание их укрывательства, были скованы и посажены под караул при вотчинной конторе, где буйство и дерзость их дошла до того, что с криками и бранью выломали решетки из окон и избы, в которой были посажены, и обломками грозили бить караульщиков, потом, сломав железа, коими были скованы, явились в вотчинную контору. Все это могут подтвердить бывшие караульщики, где на все мои увещания отвечали с дерзостию, что они владельцу повиноваться не будут, работ и прочих повинностей исправлять никогда не намерены, при этом угрожали как мне самому, так и господскому имуществу сделать вред, что могут подтвердить подлекарь Никита Белов, конторщик Логин Савельев, Гаврил Лозгачев, Петр Недогливин, Николай Родионов, сотский Петр Ефимов, бурмистр Алексей Фролов и бывшие при этом караульщики Андрей Иванов, Дмитрий Миронов, Василий Орлов, Николай Кокорев, Александр Варламов, Андрей и Иван Сорокины, Александр Кудряшев, Гаврил Кузьмин, Иван Матюшкин, Яков Спиченков и Андрей Шипиков.

Объявив о сем, имею честь покорнейше просить ваше высокоблагородие поступить с означенными крестьянами по законам.

Октября 20-го дня 1858 г.

К объявлению по доверенности г. Обрезкова управляющий Федор Ш е й н руку приложил.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 419, л. 1—2.)

г) 1858 г., ноября 20. Показание бурмистра помещика Обрезкова по делу неповиновения крестьян села Токмова.

1858 года, ноября 20-го дня инсарский земский исправник спрашивал Инсарского уезда села Токмова г. Обрезкова крестьян о нижеследующем, и [крестьяне] показали:

1. Алексеем его зовут, сын Фролов, отроду имеет 58 лет, на исповеди и у святого причастия бывает, грамоте не знает, под су-

дом не был, вдовой, г. Обрезкова деревни Чекашевых Полян крестьянин, где и по сказам написанным состоит, а находится бурмистром г. своего в селе Токмово около 25 лет. Крестьянин села Токмово Никифор Серебряков, Денис Урядников, Андрей Ефстифеев и Григорий Загородков, бывшие в ратниках, с самого возвращения совершенно не занимались и не занимаются барскими работами, и при нарядах в таковые всегда делали ослушание и дерзости с ругательством, а 11 октября, при сборе их в контору, особенно оказали неистовство, говоря, что над ними нет начальства, за что были посажены под арест в караульную избу, где выломали у окна решетку; трое из них, кроме Естифеева, были скованы железом, оные с себя сняли и стращали караульщиков бить, а его, бурмистра, и управляющего ругали непристойными словами, потом самовольно пришли в контору и с озорством кричали, что они барину работать не станут, и грозили, что управляющему и баринову имуществу будет худо, сверх того Ефстифеев на крестьянина Федора Потапова грозил топором во время наряда на работу, при сем же крестьянина Дмитрия Сергеева ругал обидительством, между тем как с самого их возвращения в свои дома наделены все они следующей землею, подушных же и никаких повинностей не платили доселе, что показую по истине.

К сему показанию вместо крестьянина Алексея Фролова неграмотного, по его личной просьбе, руку приложил писарь Николай Николаев М а н т у р о в.

Исправник У ш а к о в.

(Центрархив МАССР, ф. 22, д. 419, л. 8.)

д) 1858 г., ноября 22. Протокол допроса дворовым людям помещика Обрезкова, бывшим в карауле при аресте крестьян села Токмова.

1858 года, ноября 22 дня инсарским земским исправником опрашиваны села г-на Обрезкова дворовые люди, бывшие караульщиками в караульной, и показали:

1. Василий Иванов Орлов, 32 лет, что в то время как посажены были под арест крестьяне Серебряков, Урядников, Естифеев и Загороднов, он, Орлов, был принят караульщиком; в это время приходил туда конторщик Петр Недошивин, которого точно при мне Серебряков ударил в грудь рукою, сказав, чтоб он вышел вон, отчего Недошивин упал; затем, когда приходил туда же сотник Петр Ефимов, то Урядников бросил от решетки железный обломок с великим азартом, но в него, сотника, не попал, потом, вышед из караулки, пошли прямо в контору, где с управляющим производили шум и крик, и делали разные грубости, произнося, что они работать не станут и приказания его

слушать не хотят, говоря, что не знай ему удастся сделать свое или им свое [1].

За неграмотных, по их личной просьбе, оного же господина Обрезкова человек Логин Савельев руку приложил.

(Центрархив МАССР, ф. 22, д. 419, л. 13.)

е) 1858 г., декабря 2. Рапорт инсарского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору о буйствах крестьян села Токмова.

2 декабря 1858 г.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору инсарского земского исправника

Рапорт.

Во исполнение предписания в. пр-а от 3 ноября № 10737 честь имею донести, что мною произведено следствие о крестьянах г. Обрезкова, оказавших неповиновение и дерзость, которое и отправлено в уездный суд вместе с виновными.

Означенные крестьяне частию сами сознались в их проступке, но следствием вполне обнаружено их постоянное неповиновение, дерзость и буйство, в которых они совершенно уличаются показаниями свидетелей; так, оказалось, что действительно означенные крестьяне, единственно из ослушания, не ходили на господские работы, с вотчинным начальством обходились постоянно дерзко, а иногда и с угрозами.

Вследствие моего приказания за последнее их ослушание, будучи посажены до моего приезда полицейским сотником под караул при вотчинной конторе, действительно они позволили себе дерзость и буйство до того, что сломали железные решетки в избе, в которой были посажены, сняли с себя самовольно железы, в которые нашлось необходимым их заковать, чтобы отнять у них возможность скрыться, как они имели обыкновение делать, когда необходимо.

Земский исправник Ушаков.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3697, стр. 136.)

ж) 1859 г., августа 1. Определение Сената о неповиновении крестьян села Токмово помещику Обрезкову.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского из пензенской палаты уголовного суда инсарскому уездному суду.

В указе Правительствующего Сената 1-го отд. 6-го департамента, от 17 минувшего июля за № 4368, палате сей изъяснено:

[1] Остальные 5 чел. допрошенных показали то же самое, что и Орлов.

По указу е. и. в., Правительствующий Сенат слушал записку из дела, представленного начальником Пензенской губернии, о крестьянине Инсарского уезда села Токмова г. Обрезкова, Никите Васильеве Серебрякове и других, судимых за неповиновение своему помещику. Приказали: управляющий имением тайного советника г. Обрезкова Инсарского уезда села Токмова Федор Антонов Шейн в объявлении, поданном инсарскому земскому суду, объявил, что крестьяне означенного села и помещика Никифор Васильев Серебряков, Денис Лаврентьев Урядников, Андрей Евстифеев Естифуткин и Григорий Андреев Загородников по возвращении их из государственного ополчения в 1856 году, наделенные надлежащим количеством земли, стали оказывать неповиновение вотчинному начальству, а именно: не отбывают господских работ и не отправляют никаких повинностей и, за употреблением исправительных полицейских мер, постоянно делают дерзости и иногда доходят до буйства, стараясь увлечь к тому и прочих крестьян, бывших в ополчении. А 11 октября, когда все ратники по приказанию земского исправника были собираемы в вотчинную контору, означенные крестьяне, отказавшись итти в оную, дерзко отвечали, что над ними нет начальства, почему они были скованы и посажены под караул при вотчинной конторе, где выломали из окна решетки и грозили избить караульщиков, а потом, сломав на себе железа, явились в контору и на все деланные им увещания дерзко отвечали, что они не будут повиноваться владельцу, работ и прочих повинностей исправлять не намерены, и при этом грозили причинить вред ему, Шейну, и господскому имуществу. В дополнительному сведению от конторы Обрезкова от 20 ноября того же года доведено до сведения исправника, что из числа подсудимых Серебряков, находясь под караулом, нанес удар кулаком конторщику Петру Недошивину, зашедшему в избу, в которой он находился, так что Недошивин упал. Урядников и Загороднов всегда ругали неприличными словами бурмистра Алексея Фролова и десятника Дмитрия Сергеева при наряде их на работу, а Естифуткин, схватив однажды топор, отмахивался оным и грозил срубить крестьянина Федора Потапова, нарядившего его на работу. При следствии конторщик Петр Недошивин, бурмистр Алексей Фролов, десятник Дмитрий Сергеев и крестьянин Федор Потапов в точности подтвердили объявление управляющего имением Шейна и донесение вотчинной конторы. Подсудимые крестьяне Никифор Васильев Серебряков, Денис Лаврентьев Урядников, Андрей Естифеев Естифуткин и Григорий Андреев Загородный, в оказании вотчинному начальству неповиновения в отправлении господских работ и прочих повинностей добровольно признались и показали: Серебряков, что, когда сотский села Токмова Петра Ефимов звал его в контору к управляющему, то он, действительно, сказал, что в контору не пойдет, а пусть его везут в губернию для разъяснения, должно ли ратникам работать,

а когда приходил к нему на дом староста Смекалин для взятия на барскую работу, он, Серебряков, от него притаился в подпол; когда же он был взят в караульную избу и закован в железа, то оные на себе сломал, но решетку в окне караульной избы он не ломал, а выломал оную крестьянин Урядников. Во время содержания его в караульной избе приходил к нему конторщик Недошивин для увещания его от дерзости, которого он толкнул в грудь, и сказал: «Это ли его дело?» Урядников, что во время взятия его, Урядникова, в караул за ослушание он снял с себя железа, но решетки из окна не ломал, а как она была худо прикреплена, то он ее оторвал и бросил на пол, но в сотника оной ни кидал. Бурмистра Фролова при наряде его на барские работы он ругал сквернословно от горя. Естифуткин, что он ходил по наряд на господскую работу редко, но подушных податей не платил и повинностей не исправлял, а при вызове его в контору он, действительно, управляющему нагрубил. Загороднов, что по возвращении из ополчения в жительство он не ходил на господские работы и повинности не платил, из ослушания также, как и прочие ратники; когда же он был взят под арест, то снял с себя железа насильно. Таковые показания подсудимые Серебряков, Урядников, Естифуткин и Загороднов вполне подтвердили при допросе, произведенном в присутствии Инсарского уездного суда, а в особо данной ими подписке объяснили, что им при следствии и суде пристрастных допросов делаемо не было. В поведении на повальном обыске подсудимые не одобрены, судимы прежде сего ни за что не были и лета имеют совершенные. Пензенская уголовная палата, сообразив вышеизложенные дела, заключила: подсудимых крестьян Инсарского уезда, села Токмова г. Обрезкова, Никифора Васильева Серебрякова, Дениса Лаврентьева Урядникова, Андрея Евстефеева Естифуткина и Григория Андреева Загородкина за упорное неповиновение помещичьей власти в отправлении господских работ и прочих повинностей с произведением буйства и причинением грубости управляющему имением, на основании 908 ст. уложен., наказать в селе Токмове чрез десятских розгами каждого пятидесятью ударами и отдать в вотчину с строгим подтверждением, чтобы они на будущее время от подобных поступков воздержались и отнюдь не уклонялись от господских работ и других повинностей, наравне с прочими крестьянами, и под опасением строгого наказания по законам, в чем и обязать их подпискою. Начальник Пензенской губернии, не соглашаясь с сим решением, полагает с своей стороны наказание подсудимым определить на основании 300 и 304 ст. ст. 1 книги XV тома (изд. 1851 г.) как за восстание против властей, правительством установленных. Сообразив изложенные обстоятельства, Правительствующий Сенат находит, что крестьяне г. Обрезкова Серебряков, Урядников, Естифуткин и Загороднов виновны в упорном неповиновении, без всякого явного восстания, распоряжениям вотчинного начальства с произведением

буйства и причинением грубости управляющему имением, причинно чему было непроизвольное убеждение означенных подсудимых, как видно из их показания в том, что они, как ратники бывшего государственного ополчения, должны быть избавлены от крестьянских работ и обязаны по призыву вновь явиться на службу, почему и следует признать их виновными в неповиновении помещичьей власти и подвергнуть за сие наказанию, определенному в 1984 л. 1 книги XV тома, и притом в высшей мере, так как при оказанном им неповиновении они произвели буйство и причинили грубости управляющему имением. По сим соображениям, признавая решение пензенской уголовной палаты постановлено правильным и соответствующим приведенному узаконению, Правительствующий Сенат определяет: оное утвердить, о чем к подлежащему исполнению с возвращением подлинного дела сей палате предписать указом. В палате сей по слушании сего указа приказали: об исполнении решения по сему делу отнестись в пензенское губернское правление с требованием уведомления, о чем дать знать инсарскому уездному суду с обращением дела указом. Подлинное дело при сем посылается.

Августа 4 дня 1859 года.

Заседатель (подпись).
Секретарь (подпись).

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 419, л. 24—27.)

1858 г. Указ из Правительствующего Сената начальнику Пензенской губернии по делу крестьян с. Пушкина Саранского уезда, оказавших сопротивление военной команде.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского из Правительствующего Сената

начальнику Пензенской губернии.

По указу е. и. в. Правительствующий Сенат слушал: дело о бывших крестьянах села Пушкина помещика Полянского Данииле Бандасове, Иване Бахареве и Дмитрие Пналине, осужденных за сопротивление присланной для усмирения их воинской команде.

Приказали: В 1858 году учреждена была при саранском уездном суде комиссия смешанного военного суда для постановления решения о крестьянах села Пушкина, помещика Полянского, оказавших сопротивление присланной для усмирения их военной команде. Рассмотрев сентенцию этой комиссии, пензенский гражданский губернатор 31 июля того года обратил оную к исполнению, с тем, между прочим, чтобы из всех 8 человек подсудимых крестьян Данила Бандасова, Ивана Бахарева и Дмитрия Пналина, на основании ст. 83, 190 и 202 1 кн. V т. Св. воен. постан. изд. 1855 г., как главных зачинщиков сопротивления, лишить всех

прав состояния прогнать шпицрутенами каждого через 100 человек по четыре раза с наложением клейм и затем сослать в каторжную работу на заводах на 6 лет, а по истечении сего срока поселить в Сибирь навсегда. По распоряжению губернского правления, наказание этих крестьян шпицрутенами произведено было 11 августа на месте преступления публично, наложение же клейм за неприбытием палача последовало после, через пензенскую градскую полицию, пред отсылкою осужденных в Тобольск.

Ревизовавший по высочайшему повелению Пензенскую губернию сенатор Сафонов, по рассмотрении вышеизложенного приговора смешанной военно-судной комиссии, утвержденной начальником губернии, и по соображении оного с законами, нашел, что, Правительствующий Сенат, руководствуясь вышеприведенною 680 ст. 1 кн. X тома, признает справедливым сократить этот срок для подсудимых, как понесших наказание свыше установленного законом за их преступление до низшей меры, определенной 298 ст. кн. 1 тома XV, т. е. до 4-х лет.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 4201, л. 25, 39.)

1858 г. О неповиновении крестьян с. Чуфарова, Апраксина и деревень Абрамовки и Александровки Сергачского уезда помещику Новосильцеву.

а) 1858 г., февраля 5. Поручение нижегородского военного губернатора чиновнику особых поручений Товбичу о немедленном выезде в имение помещика Новосильцева для приведения в должное повиновение крестьян с. Чуфарова, Апраксина и деревень Абрамовки и Александровки.

Нижегородского военного губернатора и управляющего гражданскою частию канцелярия. Стол 2. 5 февраля 1858 года. № 1343. Нижний Новогород. С приложением записки управляющего имением г. Новосильцева.

Состоящему при мне для особых поручений г. майору Товбичу г. нижегородский губернский предводитель дворянства 5-го сего февраля препроводил записку управляющего имением Сергачского уезда помещика Новосильцева, состоящим в селах Чуфарове, Апраксине и деревнях Абрамовке и Александровке в 1366 душах по 9 ревизии мужеского пола.

В записке этой управляющий имением г. Новосильцева жалуется, что крестьяне доверителя его села Чуфарова оказывают неповиновение вотчинному начальству, в особенности, крестьянин Тимофей Подъячев, у которого собираются крестьяне села Чуфарова и делают разные предположения к неповиновению.

Препровождая при сем в подлинном записку управляющего имением г. Новосильцева, поручаю вашему высокоблагородию

немедленно отправиться в это имение и привести крестьян в должное повиновение.

Причем рекомендую вам при исполнении сем стараться избегать строгих мер наказания, к которым приступать из крайней только надобности, а действовать более убеждениями, о причинах же, подавших повод к неповиновению крестьян, мне немедля, по исполнении, донести [написано рукою военного губернатора]. Если ж при дознании и разбирательстве вашем окажутся необыкновенное упорство крестьян, явное неповиновение, то, немедля ни мало, донести мне о том с нарочным.

Подписал: военный губернатор генерал-майор Муравьев.

Скрепил: нач. канц. Кадницкий.
Верно: Крындовский.

(Горьковский облгосархив, ф. 2, д. 6946, л. 2.)

б) 1858 г., февраля 19. Рапорт чиновника особых поручений Товбича нижегородскому военному губернатору о причинах неповиновения крестьян помещику Новосильцеву.

Получено февраля 21 дня 1858 года.

Господину нижегородскому военному губернатору состоящего для особых поручений майора Товбича

Рапорт.

На предписание в. пр-а от 5 февраля за № 1343 честь имею донести, что крестьяне г. Новосильцева, Сергачского уезда села Чуфарова приведены мною в повиновение кроткими мерами убеждения.

Донося об этом в. пр-у и представляя при сем дело о приведении означенных крестьян в повиновение, честь имею доложить, что это неповиновение возникло, как полагать должно, от следующих причин.

В селе Чуфарове заведена общественная запашка, для которой часть земли взята у крестьян и часть отделена из господской запашки. Собранный с этой земли хлеб предназначен на уплату государственных податей и других повинностей; остаток же сохраняется для вспомоществования действительно нуждающимся крестьянам. Впоследствии, с накоплением этих остатков, таковые должны обратиться в деньги и составят общественный капитал. Из числа собранной в прошлом году с этой запашки ржи, вместо продажи таковой, роздано крестьянам, по их собственному желанию, по 15 пудов на 1 тягло, полагая за пуд по 1 р. 20 к. ассигнациями. Подати же и повинности за 2-ю половину прошлого года внесены за них помещиком. Крестьяне, толкуя между собою о

вольности, по внушению в них Тимофея Михеева Подьячева, вообразили, что они будут вольными с наступлением весны, и потому, боясь, что тогда хлеб, оставшийся от общественной запашки, не будет им отдан, стали требовать выдачи им этого хлеба. Когда же управляющий отказал им в этом, то они отказались платить за прежде выданную им рожь, а также ехать в село Линдово с господским хлебом, пока не выдадут им рожь и овес с общественной запашки. Более же ни в чем неповиновения не оказывали и все распоряжения управляющего исполняли беспрекословно.

Майор Товбич.

№ 10. 10 февраля 1858 года.

(Горьковский облгосархив, ф. 2, д. 6946, л. 4—5.)

1859—1863 гг. Разгром питейных домов крестьянами Пензенской губернии Инсарского уезда села Иссы.

1) 1859 г., мая 29. Рапорт пристава первого стана Инсарского уезда инсарскому земскому суду о разгроме питейного дома в селе Иссы.

29 майя 1859 г.

В инсарский земский суд

пристава 1-го стана

Рапорт.

28 числа сего майя, по случаю ярмарки, существующей в селе Иссе под названием «Семик», отправил я двоих сотских для наблюдения за порядком в исенском питейном доме, а некоторым приказал следить поблизости его; сам же я отправился верхом вообще по всей ярмарке, желая наблюсти за точным и справедливым исполнением посланных мною и тем устранить всякой беспорядок и притензию. Между тем, услыхав, что у питейного дома происходит шум, я тотчас подъехал к нему, около которого было необыкновенное стечение народа, и все были в каком-то азарте; снаружи били окна питейного дома камнями и поленьями, а внутри происходило не меньше этого буйство: там били посуду с питьями, расхищали ее на все стороны, избили винопродавца и сотников, но при появлении моем в питейном дому буйный народ бежал. Приказав сейчас же [закрыть] ставни окон и запереть за мною двери, вышел к толпе народа, уговаривал отступить от питейного и оставить их противозаконные действия, но меня не слушали и с криком «ура» обступили меня кругом, с угрозами требовали, чтобы я уехал; вероятно, с такою целию, чтобы сделать снова нападение на питейный дом. Я сел опять на лошадь, чтобы быть свободнее, толпа хотя и теснила меня, но, осаживая лошадь, шли подаваясь вперед, [и] я мог удерживать таким образом напор народа. В это самое время пришедший на шум офицер Суздальского пехотного

полка г. Тютерев, который представил мне значительную помощь бытностью тут, однако на все убеждения мои с этим офицером — толпа не расходилась, а все более и более производила шум и теснила меня. Наконец, кто-то бросил в меня порядочной величины камень, который однако [меня] не задел, но таким же камнем поранили г. Тютерева; сотники ничем не могли мне помочь, потому что они были оттеснены и опасались, чтоб их не убили. Не оставляя места буйства, я вынужден был просить помощи командира 2-го баталиона Суздальского полка г. майора Блавдзевича. И только с приходом его с нижними чинами народ стал расходиться, но все-таки нельзя было оставаться спокойным, народ волновался, я просил майора Блавдзевича оставить хотя роту для наблюдения за порядком и тишиною, и в таком положении оставалось дело до разъезда народа с ярмарки.

О каковом происшествии имею честь донести инсарскому земскому суду на зависящее распоряжение с присовокуплением, что главные зачинщики этого бунта будут открыты при требовании его.

Мая 28 дня 1859 года.

Пристав 1-го стана Штемпелев.

Постановлено: о содержании рапорта донести г. начальнику губернии и для производства следствия составить временное отделение.

Донесено 29 майя за № 6374.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 428, л. 3—4.)

2) 1859 г., мая 30. Сообщение начальника 16-й пехотной дивизии пензенскому гражданскому губернатору о попытках крестьян произвести разгром питейного дома в г. Краснослободске.

30 мая 1859 года.

Господину начальнику Пензенской губернии.

Командир Углицкого пехотного полка от 25 числа сего м-ца № 3025 донес, что краснослободское городническое правление отзывом за № 1769 сообщило ему, что неблагонамеренные люди того 25 числа во время базара намерены произвести разграбление питейных домов в г. Краснослободске, а потому просило о назначении от вверенного ему полка команды чинов, каковая находилась бы в готовности к защищению тех домов и к прекращению всех беспорядков.

Вследствие чего была назначена 3-я стрелковая рота, которая находилась вблизи базарной площади, была в готовности к выступлению по первому требованию. Около 3-х часов пополудни, по требованию исправляющего должность краснослободского городничего, рота эта, в ведении штабс-капитана Смагина, при-

была на указанное полицейским начальством место, куда также прибыл и он, полковник Попов, и застал около стоящего на базарной площади питейного дома толпу народа до 600 человек, из коих некоторые, войдя во внутрь того дома, требовали продажи водки по дешевой цене. С целью усилить таковое требование краснослободской мещанин Семен Карпов, выйдя пред толпу со стаканом в руках, кричал: «Вот я пью дешевую водку», собравшийся же народ с криком «ура» двинулся, было, к питейному дому, но нижними чинами помянутой роты и инвалидной команды не были допущены к разграблению. При этом случае бессрочно отпускные рядовые: Влас Емельянов и Никита Васильев, крестьяне Иван Течин, Гаврило Рыков дерзко выражались, а отставной рядовой Федор Никонов и дворовый человек г-жи Шлиппенбах Евлампий Андреев первый из них с азартом бросился, было, на полковника Попова, а последний, Андреев, произносил бранные слова против начальника краснослободской инвалидной команды майора Жукова, но за всем тем поименованные лица арестованы и содержатся при полиции, а прочие бывшие в толпе разошлись.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3895, л. 18.)

3) 1859 г., июня 4. Рапорт инсарского земского суда пензенскому гражданскому губернатору об оставлении воинских частей Суздальского пехотного полка в Инсарском уезде, где продолжается разгром питейных домов.

4 июня 1859 года.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору
Инсарского земского суда

Рапорт.

Войска Углицкого и Суздальского полков, находящихся в Инсарском уезде, назначены 5-го сего июня к отправлению на местный сбор в города Краснослободск и Саранск. Между тем, толпы народа продолжают в Инсарском уезде грабить питейные дома, из которых некоторые ограблены уже по два раза. Обуздать подобные беспорядки полицейских мер недостаточно без содействия воинских команд, почему земский суд имеет честь покорнейше просить в. пр-о сделать распоряжение, чтобы для содействия к усмирению крестьян войска были оставлены, тем более, что в июне и июле месяцах в Инсарском уезде будет несколько ярмарок, на которых стечение народное бывает довольно значительное.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3898, л. 3.)

4) 1859 г., июня 4. Рапорт инсарского городничего пензенскому гражданскому губернатору об оставлении находящихся в Инсарском уезде воинских частей Углицкого пехотного полка.

4 июня 1859 года.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору
инсарского городничего

Рапорт.

В дополнение к рапорту моему от 29 мая за № 1091 имею честь донести, что по случаю многочисленных грабежей питейных домов дух черного народа более и более приходит в раздражительное положение. А так как на базар города Инсара стекается довольное количество черного народа из разных окольных деревень, кроме сего, предстоит в городе Инсаре ярмарка под названием 9-я пятница[?], т. е. 12-го сего июня, на которую стекается несравненно большее количество народа, а между тем состоящий в городе Инсаре 1-й батальон Углицкого полка получил предписание о выступлении 5 сего июня местного сбора в г. Краснослободск, — то во избежание могущих последовать больших происшествий относительно разбитий и грабежа питейных домов, я осмеливаюсь покорнейше просить в. пр-о сделать начальническое ваше распоряжение об оказании содействия со стороны углицкого баталиона, по тому, более, уважению, что состоящая в городе Инсаре инвалидная команда за распределением нижних чинов в караулы, прежние командировки весьма недостаточны для усмирения многочисленной массы бунтующего черного народа.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3898, л. 4.)

5) 1859 г., июня 5. Рапорт инсарского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору об оставлении расквартированных воинских команд в Инсарском уезде, так как разгром питейных домов все больше усиливается.

5 июня 1859 года.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору
инсарского земского исправника

Рапорт.

Предписанием в. пр-а от 28 мая за № 5453, велено земскому суду произвести строжайшее следствие о разбитии питейных домов в помещичьих и казенных селениях по Инсарскому уезду; между тем, происшествия эти повторяются все чаще, волнение в народе так быстро усиливается, что при всем старании нет

почти возможности ни предупредить беспорядка, ни преследовать виновных. Такая недостаточность мер земской полиции, видимо, увлекает крестьян к продолжению разбития питейных домов и дает повод распространяться постоянно усиливающейся молве о намерении крестьян действовать толпою, относительно ожидаемой ими свободы. Я и становые пристава заняты предупреждением других преступлений, легко могущих произойти в настоящее время при разбитии кабаков, ибо каждый базар и каждая ярмарка в уезде требует присутствия кого-либо из нас. В июне и июле м-цах предстоит несколько ярмарок в Инсарском уезде, на которых бывает большое стечение народа.

Недостаточность полицейских мер в сем случае очевидна, так как крестьяне не только не перестают грабить кабаки, но решаются даже повторить такое ограбление в тех имениях, где раз уже было сделано. Между тем, квартирующие войска Суздальского и Углицкого пехотных полков 5 июня уходят на местные сборы при полковых штабах в городе Краснослободске и Саранске.

Донося о сем на благоусмотрение в. пр-а, я имею честь покорнейше просить оставить квартирующие в Инсарском уезде военные команды в местах их расположения на местных квартирах, как батальонных штабах, и сделать распоряжение о подании помощи тем командам по требованию земской полиции.

В таком случае будет возможно прекратить разбитие кабаков, усмирить волнующихся крестьян и предупредить дальнейшие беспорядки.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3898, л. 6.)

6) 1859 г., июня 6. Показание сотского села Иссы Артемьева по делу о разгроме питейного дома в селе Иссы.

1859 года, июня 5 дня временному отделению инсарского земского суда сотский села Иссы из крестьян графини Шуваловой Кирил Артемьев дал сие показание в том, что минувшего майя 28 числа в день ярмарки «Семика» по обязанности своей я отправился, часу в 12-м, на ярмарку следить за тишиною, взошел в питейный дом, где услыхал шум и крестьянин села Украинцева г. Литвинова Ефим Немов ссорился с рассыльным станового пристава Краснощековым, которого называл каким-то наемщиком, почему я, подошед к ним, сказал, чтобы они не шумели; но Немов в ту же минуту ударил меня в левую бровь; а потом крестьянин одного со мною села и одной помещицы Андрей Мазанов тоже ударил меня в правый глаз какою-то посудою. По их примеру, с шумом и криком бросились еще несколько народа на меня, но с помощию рассыльного Краснощекова я успел перелезть за стойку и тут же услышал, как из задних рядов послышались голоса: «Поднимай, ребята!» И тут же из толпы начали бросать в посуду с питьем чем попало, вследствие чего произошло такое смятение, что

невозможно было рассмотреть, кто чем бросал в питья и кто кричал, что и продолжалось до прибытия станового пристава, который по прибытии разогнал из питейного дома весь народ. Вслед за ним вышел и я и увидал, что толпа народа окружала станового пристава, который был на лошади, и теснила его. Вслед за тем явились квартирующие в селе Иссе солдаты, которые станового пристава от шумящей толпы народа освободили, что и показую по справедливости.

Вместо сотского Кириллы Артемьева и неграмотного, по его личной прозбе, исинской конторы г. Шуваловой писарь Иван Кочетков руку приложил.

Исправник Ушаков.
Пристав Штемпелев.
Уездный стряпчий Абрамов.
Депутат от конторы [подпись].

Того ж числа рассыльный пристава 1-го стана отставной унтер-офицер Платон Алексеев Краснощеков дал сие показание в том, что 28 числа минувшего мая в 12 часу отправился в питейный дом. Взошел в оный, где увидел крестьян каких-то странних, которые шумели при расчете за выпитое ими вино, когда они разошлись, продолжали шуметь, то я сказал бывшему тут сотскому, чтобы он их из питейного дома проводил. Увидевши это, подошел ко мне крестьянин села Украинцева г. Литвинова Ефим Немов, который начал меня ругать разными скверными словами и назвал меня наемщиком, говоря, что я будто бы управляющего защищаю за водку. На шум Немова пришел сотский села Иссы Кирил Артемьев, начал Немова уговаривать, но Немов ударил сотского в левый глаз, а потом ударил его и крестьянин села Иссы Андрей Мазанов, после чего бросились на него человек десять или более, мне неизвестно, от которых он с помощию моею перелез за стойку; а в прочем показую то же, что и сотский Кирил Артемьев, с добавлением, что когда становой пристав по выходе из питейного дома сел вторично на лошадь верхом и большая толпа крестьян начала его теснить, то становой пристав послал меня к командиру 2 батальона Суздальского пехотного полка просить помощи к усмирению крестьян. Потом я возвратился к приставу тоже на лошади верхом и заметил, что из числа окружающих крестьян крестьянин деревни Дмитриевки г. Голицына Василий более прочих шумел и кричал противу станового пристава и майора и далее дозволял себе неоднократно называть пристава и майора неприличными словами, а крестьянин той же деревни Григорий Иванов Каширин буянил в питейном доме и в толпе, окружавшей станового пристава, один из первых подавал пример теснить станового пристава, равно как и крестьянин Федор Уваркин, который, в числе прочих, кричал: «Ура! бери станового!» Более я ничего не знаю, что и показую по справедливости.

Вместо станового рассыльного унтер-офицера Платона Краснощекова, неграмотного, по личной его прозбе, исинской конторы гр. Шуваловой писарь Иван Кочетков руку приложил.

Исправник Ушаков.
Пристав Штемпелев.
Уездный стряпчий Абрамов.
Депутат от конторы [подпись].

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 428, л. 10,11.)

7) 1859 г., июня 9. Рапорт пристава 1-го стана Инсарского уезда инсарскому земскому исправнику о волнении крестьян на ярмарке в селе Иссе и разгроме питейного дома.

9 июня 1859 года.

Его высокоблагородию господину инсарскому земскому исправнику

пристава 1-го стана
Рапорт.

Вследствие предписания вашего высокоблагородия на № 211 имею честь пояснить в дополнение рапорта моего о беспорядках, происшедших в селе Иссе на «Семик», когда заперли питейный дом после разбития его, я убеждал толпу, окружившую меня, разойтись, но она, не расходясь, с криками «ура» старалась стеснить меня, я вызвал сотников и кто был ближе ко мне, велел брать и отводить к становой квартире. В числе этих ближе напиравших ко мне были взяты дмитриевский крестьянин Григорий Иванов, замечен исинский Дмитрий Ксенофонтов и несколько человек, которые, отбившись от сотников, ушли; особенно буйствовавшими назвать их не могу. Как теснила меня толпа и как кидали в меня камнями, видел это г. Тютерев; сотники могли бы, как я полагаю, выставить шумевших и теснивших меня, но, оберегая односельцев, скрывают их, или которых посторонних не знают. Часов в 5 вечера, в тот же день, опять дали знать, что у питейного буйство. Я отправился туда, куда вышел и майор г. Блавдзевич, увидел, что солдаты, оставленные для наблюдения за порядком и тишиною, хотят удержать пьяного человека, но он их бьет, и, как за мною подошли сотники, я велел им взять буянившего и отвести к становой квартире. То только приступили к нему, как он раскидал их, тогда я велел связать его, но едва могли завязать его за руки и потащили, оттащили его несколько, как он притворился умирающим, толпа, провожавшая его, окружила его и меня, я старался раздвинуть ее, потому что они делали только духоту, тогда из толпы вышел крестьянин деревни Дмитриевки однодеревенец лежащего Федора Уваркина Василий Федосеев, начал делать мне дерзости, говоря, что сотники его убили или, тащив, удушили, как будто бы тащили за шею. Сотники, испугавшись, разошлись один по одному, я, оставшись между толпою один, уговаривал Василия Федосеева оставить дерзости с тем, что если Уваркин умрет, то начальство уже подвергнет ответственности виновника, но он не останавливался, что возбуждало толпу, и никто меня не слушал, а некоторые кричали, что я приказал душить Уваркина, и все более и более шумели. В числе прочих я заметил Ефима Манюкова, крестьянина села Костышей, и Николаевского, как он назвал себя, Никифора, других же я хотя и спрашивал, но они не сказывались. Видя волнение толпы, окружающей мнимо умирающего Уваркина, я вышел, подошел к майору Блавдзевич, куда через несколько времени пришел Федосеев, начал делать дерзости и ему, тогда мы уже ушли, и через несколько времени Уваркин встал и ушел домой. Когда Василий Федосеев сделал дерзости, произнося бранные слова, был совершенно трезв, почему и думаю, что он делал мне укоры в насильственной будто бы смерти Уварова и дерзости с целию, чтобы возмутить только толпу к какому-либо неистовству.

Июня 17 дня 1859 г. Пристав Штемпелев.

(Центр. архив МАССР, ф. 22, д. 428, л. 19 и 20.)

8) 1859 г., июня 22. Сообщение министра внутренних дел начальнику Пензенской губернии о высочайшем повелении командировать в Пензенскую губернию генерал-адъютанта Яфимовича для прекращения крестьянских беспорядков.

22 июня 1859 года.

Господину начальнику Пензенской губернии.

Государь император, получив сведения, что в некоторых местах Пензенской губернии, во время базаров и ярмарок, толпы жителей, требуя понижения цен на хлебное вино, буйствовали и грабили питейные дома, оказывая сопротивление местным властям и воинским командам, — высочайше повелеть соизволил: командировать г. генерал-адъютанта Яфимовича в Пензенскую губернию с тем, чтобы он по местным обстоятельствам и личным своим соображениям принял для прекращения беспорядков и наказания виновных и подстрекателей такие меры, какие окажутся необходимыми.

О таковом высочайшем повелении сообщая в. пр-у, прошу вас оказывать г. генерал-адъютанту Яфимовичу должное содействие.

Министр внутренних дел [подпись].

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3906, л. 25.)

9) 1859 г., июня... Донесение управляющего пензенской губернской палатой государственных имуществ пензенскому гражданскому губернатору о принятых мерах к прекращению беспорядков и разгрому питейных домов в губернии.

Его пр-у господину начальнику Пензенской губернии.

На предложение в. пр-а от 3 июня 1859 г. за № 6263, имею честь довести до сведения в. пр-а, что об оказании со стороны ведомства министерства государственных имуществ самого деятельного содействия командированному в Краснослободский уезд его превосходительством генерал-адъютантом Ефимовичем, старшему адъютанту при дежурном генерале главного штаба е. и. в. капитану Богуславскому вместе с сим предписано мною краснослободскому окружному начальнику с особым нарочным. При сем долгом своим считаю также довести до сведения в. пр-а, что в бытность мою в Краснослободском уезде для сохранения тишины и порядка как на базаре в селе Акселе 19 июня, так и во время имеющей быть там 26 июня ярмарки, а равно и во время ярмарок в селе Большом Азясе 20 июня и в селе Проказне 8 июля, еще 17 и 18 июня сделаны должные распоряжения и между прочим:

1. Я просил лично исправника быть на базаре и ярмарках в Акселе и Проказне самому лично, а на ярмарку в Большой Азясь командировать местного станового пристава.

2. Для сохранения питейных домов в означенных селениях назначен особый караул из благонадежных крестьян под начальством местного волостного и сельского начальства, и, сверх того, я поручил быть на базаре и на ярмарках в селе Акселе и Проказне ассесору палаты Фризе, а в селе Больших Азясах окружному начальнику, велев ему вместе с тем, если не отвлекут его другие не терпящие отлагательства дела, быть и самому на ярмарках в Акселе и Проказне.

3. Для лучшего содействия местным властям в восстановлении тишины и порядка в случае надобности, по моему распоряжению, командированы в село Аксель 8 рота, а в село Большой Азясь 11 рота Углицкого пехотного полка, которые и прибыли на место, в Аксель к 19, а в село Большой Азясь к 20 числу июня. Сверх того, я просил командира Углицкого пехотного полка командировать в Аксель к 26 числу еще одну роту, если местный исправник обще с ассесором Фризе признают это необходимым. Все эти меры приняты только для предупреждения могущих возникнуть беспорядков, так как в настоящее время в селах Акселе, Проказне и Больших Азясах, а равно и во всех селениях государственных крестьян Пензенской губернии тихо и спокойно.

Управляющий палатою [подпись].

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 4213, л. 34—35.)

10) 1859 г., июня 26. Рапорт краснослободского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору о ходе следствия по разгрому питейных домов в Краснослободском уезде.

26 июня 1859 г.

Его пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору
краснослободского земского исправника

Рапорт.

Производя с временным отделением с 16 числа сего июня в селе Пурдошках следствие о разграблении там во время ярмарки, бывшей 13 числа июня, питейного дома с питиями и в нанесении при том побой следственному приставу Богоявленскому с прочими, куда 17 числа в село Пурдошки, по распоряжению г. управляющего пензенской палатой государственных имуществ, прибыла 8 рота Углицкого пехотного полка, где по дознанию менее виновные в том деле через нижних чинов несколько человек наказаны розгами, согласно отношения ко мне г. управляющего палатой государственных имуществ, а более обвиняемые взяты под арест и по окончании следствия будут представлены к заключению в тюремный замок. 18 числа с 8 ротой я отправился в село Аксел, так как 19 числа в том селении был базар, и народ волновался, тоже намеревались разбить питейный дом, но замеченные более других волнующимися были забраны под арест и также наказаны розгами, почему буйства и беспорядка никакого не было совершенно; из села Акселя, того же числа, с ротой я отправился в село Ельники, где 21 числа была ярмарка; там тоже намеревались разбить питейный дом, но при содействии команды тишина и спокойствие нарушены не были. Замеченные же и забранные под арест во время разбития 14 числа сего июня питейного ельниковского дома, впредь до произведения о том исследования в мерах исправительных, через воинскую команду были наказаны. 22 числа из села Ельник с ротой я опять возвратился в село Пурдошки для окончания там следствия, куда по распоряжению управляющего палатой государственных имуществ были присланы из села Девичьи Рукава несколько человек для наказания их за буйство, произведенное ими в их селении, где они и наказаны; следствие по селу Пурдошки оканчивается, а только остается за неспросом нескольких лиц, находящихся в отлучке, и по совершенном окончании оного в. пр-у будет донесено подробно.

8 рота из села Пурдошки и 11 из села Большого Азяся, по распоряжению г. управляющего палатой, отправлены в село Аксел, так как там 26 числа сего июня будет ярмарка, для наблюдения за порядком и спокойствием, куда я и сам отправляюсь сего ж числа, вместе с старшим адъютантом при дежурном генерале главного штаба е. и. в. лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады

г. капитаном Богуславским; в настоящее же время в Краснослободском уезде состоит благополучно, волнений и замыслов к разбитию и разграблению питейных домов незаметно. О чем и имею честь донести в. пр-у, при чем для видимости имею честь представить копии с отношений ко мне г. управляющего палаты государственных имуществ.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3906, л. 39—40.)

11) 1859 г., августа 27. Предписание министра внутренних дел начальнику Пензенской губернии о представлении сведений по существу судебного решения по делу обвинения Линькова.

27 августа 1859 г.

Господину начальнику Пензенской губернии.

Ревизующий по высочайшему повелению Пензенскую губернию сенатор Сафонов сообщает мне, что краснослободский мещанин Линьков, известный наклонностию к доносам и составлению ябеднических просьб, а также дерзким и буйным характером, беспрестанно возбуждает против себя жалобы, что он неоднократно подвергался суду и ныне состоит под оным за разные противозаконные поступки, и что мещанин этот был одним из деятельных участников происходивших в недавнее время в разных местах Пензенской губернии беспорядков; почему, для сохранения спокойствия в губернии и для устранения вредных последствий от приобретенного Линьковым влияния на простой народ, просит выслать его оттуда в одну из отдаленных губерний под надзор полиции.

Главный начальник 3 отделения собственной е. и. в. канцелярии, с коим сделано было сношение по сему предмету, отзывался, что, согласно рапорту генерал-адьютанта Яфимовича, состоялось уже высочайшее повеление о высылке Линькова, если он не будет подвергнут судом строжайшему наказанию, на всегдашнее жительство в один из отдаленных городов Сибири, с учреждением за ним строгого надзора.

Вследствие сего прошу в. пр-о донести мне, какое последует судебное решение об означенном мещанине для дальнейших о нем распоряжений, на основании изъясненного высочайшего повеления.

Министр внутренних дел [подпись].

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3906, л. 179.)

12) 1859 г., сентября 14. Предписание министра внутренних дел начальнику Пензенской губернии об исполнении высочайшего повеления по поводу разгрома питейных домов в Пензенской губернии.

14 сентября 1859 года.

Господину начальнику Пензенской губернии.

Для прекращения беспорядков, возникших в Пензенской губернии между жителями, по случаю домогательства их о продаже вина по удешевленной ими самими цене, командирован был в июне м-це сего года, по высочайшему повелению, на место происшествия генерал-адъютант Яфимович, который при исполнении возложенного на него поручения донес г. шефу жандармов от 8 июля за № 42, что во многих из бывших беспорядков, по разграблению питейных домов, участвовали в толпе народа бессрочно отпущенные разных полков, о которых дела, по обсуждении гражданских лиц, передаются на рассмотрение командиру Пензенского гарнизонного баталиона; что в Пензенской губернии находится большое число бессрочно отпущенных нижних чинов, и он, генерал Яфимович, полагал: вменить кому следует в строгую обязанность иметь за поведением их бдительное наблюдение и виновных в нарушении тишины и спокойствия подвергать законному взысканию; что по производству дел о буйствах и беспорядках, в некоторых уездах Пензенской губернии, главнейше подозревается краснослободский мещанин Петр Кочкин, он же Линьков, в возмущении людей разного звания, — о чем по распоряжению в. пр-а производится следствие, что этот Кочкин был неоднократно под судом и содержался по судебному приговору в административном доме, состоит ныне под судом за разные противозаконные поступки и, быв отдан на поруки, самовольно отлучился, но был пойман и содержится в настоящее время в краснослободском замке, почему генерал-адъютант Яфимович полагал: если Кочкин по произведении следствия не будет изобличен фактически в злонамеренных его поступках и избегнет справедливого наказания по суду, то выслать его, как нарушителя спокойствия, на всегдашнее жительство в один из отдаленных городов Сибири, с учинением над ним строгого надзора.

По всеподданнейшему докладу этого донесения последовали собственноручные государя императора резолюции:

1. Относительно наблюдения за образом поведения бессрочноотпускных нижних чинов: «непременно».

2. О предании военному суду мещанина Кочкина, с тем, чтобы он был сослан в один из отдаленных городов Сибири, в случае, если суд постановит над ним легчайший приговор: «так и исполнить».

Мещанина Кочкина, по окончании производимого о нем следствия, передать немедленно для предания военному суду вместе с делом о нем.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3906, л. 188.)

13) 1859 года, сентября 24. Предложение пензенского гражданского губернатора пензенскому губернскому правлению о прекращении разбора дел виновных в разгроме питейных домов в гражданских судебных органах и передаче их военному суду.

Министерство внутренних дел, начальника Пензенской губернии, по канцелярии стол 1. 24 сентября 1859 г. № 8835.

Пензенскому губернскому правлению. Из предложения моего от 23 сентября за № 8758 губернскому правлению известно, что, на основании высочайшего повеления, сообщенного мне в отношении начальника штаба отдельного корпуса внутренней стражи о предании военному суду краснослободского мещанина Петра Кочкина (он же Линьков), обвиняемого в подстрекательстве людей разного звания к разграблению питейных домов, следствие о нем препровождено от меня к командиру пензенского внутреннего гарнизонного баталиона. На этом же основании отослано мною к баталионному командиру и представленное мне краснослободским земским судом следствие о разграблении питейного дома в селе Пурдошках для предания военному суду зачинщиков беспорядка.

О таковом высочайшем повелении предлагаю губернскому правлению для надлежащего распоряжения, присовокупляя, что 23 сентября я предписал градским и земским полициям приостановить, впредь до особого распоряжения, отсылкою в судебные места производимых или уже произведенных, но еще не отосланных следствий о разграблении питейных домов.

Что же касается до тех дел о подобных происшествиях, которые уже рассматриваются в судебных местах гражданского ведомства 1 и 2 инстанций, равно и до тех, по которым последовавшие определения представлены на утверждение начальнику губернии, я представил министру внутренних дел, испрашивая разрешения, следует ли течение таковых дел оканчивать гражданским порядком или дальнейшее рассмотрение оных и постановление окончательного судебного приговора предоставить суду военному.

Исправляющий должность гражданского губернатора
вице-губернатор [подпись].

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 5432, л. 29—30.)

14) 1859 года, сентября 26. Предписание и. д. пензенского гражданского губернатора пензенской палате уголовного суда о предании военному суду всех зачинщиков в разгроме питейных домов.

Министерство внутренних дел, начальника Пензенской губернии по канцелярии, стол 2. 26 сентября 1859 г. № 8834.

Пензенской палате уголовного суда.

В предписании г. министра внутренних дел от 12 сего сентября № 6476 объявлено г. начальнику Пензенской губернии высочайшее повеление, чтобы всех зачинщиков беспорядков по разграблении в Пензенской губернии питейных домов предавать немедленно военному суду с приведением в исполнение приговора на месте преступления.

На этом основании г. министр предписывает зачинщиков беспорядков, вместе с производящимися о них в гражданском ведомстве делами, передать командиру пензенского гарнизонного баталиона для предания их военному суду.

Во исполнение таковой высочайшей воли передать от меня баталионному командиру два следствия: одно произведено чиновником особых поручений Островидовым о краснослободском мещанине Петре Линькове, судимом за возмущение людей разных сословий к разграблению питейных домов, и другое произведено краснослободским земским судом о разграблении питейного дома в селе Пурдошках.

Имея затем в виду, что некоторые из дел подобного рода поступили уже из судебных мест первой инстанции в уголовную палату, а другие, решенные палатою, внесены ко мне на утверждение, я испрашиваю разрешения министра внутренних дел, следует ли течение таковых дел оканчивать гражданским порядком или дальнейшее рассмотрение оных и постановление окончательного судебного приговора предоставить военному суду, почему предлагаю уголовной палате, впредь до получения от г. министра на это представление мое разрешения, приостановиться рассмотрением и разрешением дел о разграблении питейных домов, поступивших уже в палату из судебных мест первой инстанции.

Исправляющий должность гражданского губернатора
вице-губернатор [подпись].

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 1245, л. 1—2.)

15) 1859 г., ноября 24. Рапорт полковника Камышенского пензенскому военному и гражданскому губернатору графу Толстому о даче распоряжения на высылку зачинщиков в разгроме питейных домов для предания военному суду.

24 ноября 1859 г.

Военному губернатору г. Пензы, пензенскому гражданскому губернатору господину генерал-лейтенанту и кавалеру графу Толстому

Командира пензенского внутреннего гарнизонного батальона, состоящего по армейской пехоте, полковника Камышенского

Рапорт.

Краснослободский земский суд при отношении от 9 сего ноября за № 14286 препроводил ко мне следственное дело о разграблении ельниковской питейной выставки, по которому оказались виновными государственные крестьяне деревни Лесных Пичингуж, мордвин Иван Васильев, села Ельники г. Селезнева Андрей Тарелкин, государственный крестьянин села Аксела Иван Курятников, Иван Григорьев, Иван Осипов Аракчеев, Андрей Григорьев Чернышев, деревни Мельсян Семен Андреев Перволкин и села Ельник Петр Яренов.

А посему имею честь покорнейше испрашивать у вашего сиятельства распоряжения о высылке во вверенный мне баталион упомянутых крестьян для предания их, согласно высочайшего повеления, военному суду и о распоряжении же вашего сиятельства не оставить меня предписанием.

Полковник Камышенский.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 5431, л. 54.)

16) Ведомость о случаях буйства и самовольных поступках крестьян, последовавших в Пензенской губернии вследствие распространившихся слухов о продаже вина по дешевым ценам.

В Инсарском уезде.

Мая 29. Деревни Вязеры государственные крестьяне разграбили тамошний питейный дом до основания.

Мая 29. Села Верхние государственные крестьяне разграбили тамошний питейный дом до основания.

Мая 29. В казенном селе Ямщине разграблены из питейного дома пития крестьянами того села, а также сел Паева и Засечного. При этом нанесены побои сидельцу, который теперь болен.

Мая 29. В помещичьем селе Таймове крестьяне разграбили винную лавочку, разломали в оной топорами двери и окна. Занимавшаяся продажею вина мещанка Усанкина с сыном спаслись от покушений на жизнь их бегством в задние окна лавочки.

Мая 29. Села Старокорсаковского Майдана государственные крестьяне разграбили в питейном доме все, что принадлежало откупу.

Мая 30. В казенном селе Унуевском Майдане разграблен вторично питейный дом до основания.

Мая 30. В казенном селе Сиалевской Пятине разграблен питейный дом тамошними крестьянами.

Мая 30. В казенном селе Шадыме разграблен местными крестьянами питейный дом, со всеми находившимися в нем питиями и вырученными деньгами.

Мая 30. В селе Пушкине помещика Столыпина крестьяне разграбили питейный дом, так что с трудом спасены две бочки вина. В этом грабеже, кроме сторонних, замечены и местные крестьяне.

Мая 30. Деревни Глушковой четверо крестьян разбили в Малло-Полянском питейном доме всю посуду с вином и захватили вырученные деньги.

Мая 31. Села Навлей государственные крестьяне разграбили из питейного дома в значительном количестве вино, посуду и вырученную, причем главными зачинщиками были несколько отпускных солдат. При этом случае мещанин Тумольский покушался на жизнь поверенного, но он взят и содержится в тюремном замке.

Мая 31. В селе Болдове толпа государственных крестьян, ворвавшись в водочный магазин, разграбила денежную сумму, все питья и имущество сидельца.

Мая 31. В деревне Каменном Броде собравшимися из разных сел и деревень крестьянами разграблен питейный дом, причем главными зачинщиками были помещичьи крестьяне деревни Никовщины.

Мая 31. В казенном селе Потижском Остроге разграблены крестьянами из питейного дома все питья и имущество, откупу принадлежащее. При этом случае один из грабителей, крестьянин Сапунов, при содействии своих детей и родственников нанес побои управляющему откупом, когда сей последний прибыл к нему, Сапунову, в дом с заседателем земского суда для обыска.

Мая 31. В селе Алексеевке крестьяне окрестных селений, собравшись толпою, разграбили штофную лавочку, разломав в оной топорами двери и окна.

Мая 31. Крестьяне села Паева и деревни Алексеевой разграбили питейный дом в первом из упомянутых селений.

В деревне Малых Полянках крестьяне ограбили таможний питейный дом. Какого числа было это происшествие, из полученного донесения не видно.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3897, л. 24—26.)

17) Ведомость о случаях буйства и самовольных поступках крестьян, последовавших в Пензенской губернии вследствие распространившихся слухов о продаже вина по дешевым ценам.

В Инсарском уезде.

Июня 1. Села Новлей государственные крестьяне разграбили вторично тамошний питейный дом.

Мая 30. Села Сыалеевского Майдана государственными крестьянами произведено расхищение в значительном количестве вина с питьми из тамошнего питейного дома.

В деревне Старой Пшеневой государственные крестьяне ограбили тамошний питейный дом со всеми находившимися в оном питьями, посудою, вырученными деньгами, имуществом откупа и сидельца, с повреждением устройства самого питейного дома и с причинением сидельцу жестоких побой. Какого числа было это происшествие, из донесения земского суда не видно.

Июня 1. Государственные крестьяне села Болдова и помещичьи крестьяне деревни Баймаковой разграбили питейный дом в сей последней деревне, расхитив вино, питья, посуду и денежную выручку. Сиделец питейного дома спасся только бегством.

Июня 1. В деревне Усаде государственный крестьянин деревни Трускляй Мосеев причинил в питейном доме побои поверенному откупа и бывшему при нем ямщику, потом перебил поленом довольное количество посуды с вином и питьями. По выходе поверенного из питейного дома, старшина деревни Усада, бывший с толпою крестьян в сенях, объявил поверенному, что днем его из селения не выпустят, а ночью убьют, но поверенный, однако же, уехал.

Июня 3. В разнопоместном селе Бутурлине помещичьи крестьяне сельца Клиновки, ворвавшись большою толпою в питейный дом, разграбили из оного питья, посуду и денежную выручку.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 3897, л. 24—26.)

18) 1861 г., августа 7. Предписание управляющего министерством внутренних дел командиру отдельного корпуса внутренней стражи об утверждении решений военного суда по делу осужденных инициаторов в разгроме питейных домов.

Копия с копии с предписания г-на управляющего министерством по аудиториатскому департаменту г-ну командиру отдельного корпуса внутренней стражи от 7 августа 1861 года за № 3920.

Генерал-аудиториат, рассмотрев доставленные в. пр-ом 29 апреля и 16 мая сего года военно-судные дела о крестьянах и других лицах, осужденных военным судом, по высочайшему повелению, за разбитие питейных домов в Пензенской и Саратовской губерниях, нашел, что первоначальным поводом разбития питейных домов в тех губерниях было возвышение цен на вино содержателями питейных сборов с 1859 года, в такой степени, что оно сделалось недоступно для людей простого класса. Сначала крестьяне во многих селениях, отказавшись совсем от употребления вина, составляли об этом на мирских сходах общественные приговоры с воспрещением пить вино и с назначением разных за неисполнение сего штрафа и наказаний, для наблюдения же за исполнением этого обязательства ставили в питейных домах караулы.

Подсудимые четвертого разряда.

Крестьяне Пензенской губернии села Пятинской слободы Ефстафий Федоров, Крисанф Родионов, Филат Сергеев и Антон Спиридонов; села Болдова Василий Андреев; деревни Шехмаметьевки Андрей Люленков, села Куракина Илья Архипов.

Крестьяне Саратовской губернии деревни Паршивки Филипп Панов (он же Забалканов), села Синдровского Андрей Красиков и проживавший в этом селе вольский мещанин Василий Гребнев.

Подсудимые пятого разряда.

Крестьяне Пензенской губернии: деревни Апраксиной Андрей Блохин, города Краснослободска Иван Шачин, села Гумен Гаврила Рысев, бывший дворовый человек помещицы Шлиппенбах — Евлампий Андреев.

Крестьяне Саратовской губернии: села Терсы Андрей Горшенин, Иван Миронычев, Николай Чехонин, села Вязовки Степан Ломовцев, села Воскресенского Степан Масленников и Кондратий Липилин, села Синдровского Афанасий Бирюков и Матвей Бирюков.

Нижние чины, находившиеся в отпуску в Саратовской губернии, Кавказской крепостной артиллерии № 20 роты канонир Федор Алексеев и 44 флотского экипажа матрос Алексей Потехин и проживающий в Саратовской губернии рядовой Афанасий Шувалов.

Что же касается до состоявшего на службе в вольском уездном казначействе в числе канцелярских чиновников коллежского регистратора Сухова, преданного суду за подстрекательство народа к убийству на ярмарке в г. Вольске, 24 июня 1854 года, когда там возмутившимся народом разбиты были питейные дома, то генерал-аудиториат к изобличению его не находит никакого основания.

Поводом к подозрению его в этом послужил один только извет бывшего начальника вольской инвалидной команды поручика Остолопова, впоследствии отрешенного от заведывания командою и преданного военному суду за растрату денежных сумм, подло-

ги и другие преступления, что будто бы Сухов во время происшествия подстрекал народ к буйству против него, Остолопова, и городничего, когда они убеждали народ к прекращению беспорядков, но этот извет оказывается совершенно неосновательным, так как никто из лиц, бывших вместе с городничим свидетелями происшествия, не подтвердили показания Остолопова; напротив того, по делу положительно доказано, что Сухов пришел на ярмарку тогда уже, когда кабаки были разбиты, и что во время происшествия он вынес из толпы избитого народом рядового Акулина, перевязал ему рану на голове и доставил в городскую больницу.

1. Подсудимого краснослободского мещанина Петра Кочкина в возмущении народа к разбитию и разграблению питейных домов, по недостатку положительных доказательств в изобличении его в том, на основании 349 ст. 2 кн. военно-уголовного устава, оставить в сильном подозрении и, согласно высочайшему повелению, последовавшему при предании его суду по представлению генерал-адъютанта Яфимовича, выслать на всегдашнее жительство в один из отдаленных городов Сибири, с учреждением за ним строгого надзора.

2. Находившегося во временном отпуску канонира 16-й артиллерийской бригады Ивана Чернова за подстрекательство крестьян к разбитию питейного дома в селе Большом Азясе и возбуждение их к буйству против военной команды, высланной для прекращения этого беспорядка, на основании 91 и 531 ст. 1 кн. военно-уголовного устава, наказать шпицрутенами через сто человек шесть раз и, лишив медали в память войны 1853—1856 г. и всех прав состояния, сослать в каторжную работу на заводах на шесть лет.

3. 35 человек виновных в участии в разграблении питейных домов и в возбуждении к тому примером своим других, — на основании вышеприведенных статей военно-уголовного устава, лишив всех прав состояния, а нижних чинов и медалей и нашивок за беспорочную службу, у кого таковые есть, наказать шпицрутенами каждого через сто человек по пяти раз и сослать в каторжную работу на заводах на четыре года.

(Пензенский гособлархив, ф 5, д. 6025, л. 3.)

19) 1863 г., мая 16. Сообщение пензенского губернского правления пензенской палате уголовного суда об утверждении судебных решений по делу разгрома питейных домов.

М. В. Д. Пензенское губернское правление, отделение 1, стол 3. 16 мая 1863 г. № 4745.

В пензенскую палату уголовного суда.

Губернское правление слушали доклад: в копии о предписании г. управляющего с. военным министерством по аудиториатскому департаменту к г. командиру отдельного корпуса внутрен-

ней стражи от 7 августа 1861 г. за № 3920 применено: генерал-аудиториат, рассмотрев доставленные г. командиром отдельного корпуса внутренней стражи от 29 апреля и 16 мая 1861 года военно-судные дела о крепостных и других осужденных военным судом, по высочайшему повелению, за разбитие питейных домов в Пензенской и Саратовской губерниях.

К одному из видов грабежа положив: 1) подсудимого краснослободского мещанина Петра Кочкина в возмущении народа к разбитию и разграблению питейных домов по недостатку положительных доказательств в изобличении его в том, на основании 349 ст. 2 книги воен.-угол. устава, оставить в подозрении, и, согласно высочайшему повелению, последовавшему при предании его суду, по представлению генерал-адъютанта Яфимовича, выслать на всегдашнее жительство в один из отдаленных городов Сибири, с учреждением за ним строгого надзора;

2) находившегося во временном отпуску канонира 16-й артиллерийской бригады Ивана Чернова за подстрекательство крестьян к разбитию питейного дома в селе Большом Азясе и в возбуждении их к буйству против военной команды, высланной для прекращения этого беспорядка, наказать шпицрутенами через сто человек шесть раз;

3) подсудимых 2-го разряда крестьян села Усть-Каремши 25 чел. наказать шпицрутенами каждого через сто человек по 5 раз и сослать в каторжную работу на заводах на четыре года.

(Пензенский гособлархив, ф. 5, д. 1245, л. 12—19.)

1860—61 г.г. Дело о неповиновении крестьян села Никольского (Буды) Наровчатского уезда помещику Унгерн-Штернбергу.

а) 1860 г., октября 17. Донесение наровчатского уездного предводителя дворянства пензенскому военному и гражданскому губернатору о неповиновении крестьян села Буды помещику Унгерн-Штернбергу.

Секретно.

М. В. Д. Наровчатского уездного предводителя дворянства. 17 октября 1860 г. № 3.

Его сиятельству господину военному губернатору города Пензы и пензенскому гражданскому губернатору.

В Наровчатском уезде находится населенное имение до 500 душ крестьян в селе Никольском, Буды тож, и в двух деревнях, принадлежащее наследницам покойного действительного статского советника Александра Леонтьева. Одна из наследниц вышла замуж за эстляндского помещика барона Унгерн-Штернберга, и в минувшем августе они с мужем переехали в здешнее имение, на управление которым барон Унгерн-Штернберг получил от всех наследниц полную доверенность. До 16 числа текущего месяца не обнаружилось со стороны крестьян никаких жалоб ни на барона

Унгерн-Штернберга, ни на жену его, но упомянутого числа ко мне пришли 5 чел. крестьян села Никольского, где проживают сами помещики, и жаловались, что барон Унгерн-Штернберг за то, что они не явились на работу по разным будто бы уважительным причинам, приказал отправить их в контору, но они, зная, что там их накажут, туда не пошли. Сказав крестьянам, что я немедленно увижу барона и, узнав от него об обстоятельствах их жалобы, приму зависящие от меня меры, но что они, между тем, должны остаться в полном повиновении у своих помещиков. В тот же день я виделся с бароном Унгерн-Штернбергом и, объяснившись с ним, посоветывал ему, каким образом поступить, чтобы предупредить дальнейшие жалобы крестьян. Но сего дня, т. е. 17 числа, в половине седьмого часа утра трое из крестьян г. г. Леонтьевых привезли ко мне на телеге барона Унгерн-Штернберга и объявили, что они сделали это по приказанию своего общества села Никольского, из которых многие едут сюда вслед за ними.

Барон Унгерн-Штернберг словесно объяснил мне, что вчерашний день, около 10 час. вечера, он послал своего бурмистра за сотским из крестьян г. г. Леонтьевых, чтобы сделать нужные распоряжения; бурмистр по возвращении от сотского донес барону, что сотский не пошел к нему и что крестьяне в большом числе собрались на улице у дома крестьянина Клима. Чтобы лично узнать, для чего собрались крестьяне, ночью барон Унгерн-Штернберг, в сопровождении бурмистра и живущих у него 2-х немцев, отправился к крестьянам. По приходе туда, он спросил их о причине их сбора, и один из них отвечал, что ему (барону) нет до этого дела. Барон ударил его палкою, и в это время некоторые из крестьян бросились бить бурмистра и одного из немцев. Барон успел защитить их, и оба они скрылись. Тогда крестьяне начали с угрозой требовать от барона выдачи их, ругали его, бросали в него грязью, и когда он сказал им, что их не выдаст, что он готов умереть, пусть убьют его, тогда крестьяне закричали: «Нет, лучше связать его и отвести в город!» В минуту это было выполнено, руки у барона связали за спину, скрутив палками, и его отвел в свою избу крестьянин Семен Семенов. Сюда явился к нему священник села Никольского, и барон просил его уговорить крестьян прекратить буйство, но священник, сказав, что это не его дело, ушел. Вскоре крестьянами приготовлена была телега, запряженная парою лошадей; барона принудили сесть в нее, посадили с ним трех крестьян и отправили в город, не позволяя ему заехать в господский дом и даже известить об его отъезде жену его. Между тем, собрались почти все жители села Никольского и, в сопровождении их, барона вывезли оттуда, а за селением отделилась толпа крестьян, человек до 60-ти, и шла за телегою, не позволяя ехать скоро. Наконец, на половине дороги толпа отстала и явилась ко мне через час после приезда барона. На вопрос мой крестьяне отвечали, что барон Унгерн-Штернберг строго обращается с ними и

что потому они и привезли его в город. Сколько я ни старался внушить им, что на дурное обращение барона они могли жаловаться, но не должны были так поступать с ним, как теперь поступили, но крестьяне не сознали вины своей, а особенности 6 человек из них кричали, что так следовало сделать. Задержав через земского исправника этих 6 человек, впредь до распоряжения, здесь в городе, я приказал всем остальным возвратиться домой и исполнять их обязанности в отношении помещика. Но, по важности самого происшествия, долгом считаю довести о том до сведения вашего сиятельства с нарочною эстафетою, для принятия в сем случае должных мер по вашему благоусмотрению.

Подлинное подписал предводитель дворянства Шишкин.

Верно: за правителя канцелярии Смирнов.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 460, л. 3, 4.)

б) 1860 г., октября 29. Объяснение Унгерн-Штернберга по делу восстания крестьян села Буды.

1860 года, октября 29 дня, временному отделению наровчатского земского суда, на опрос о случившемся 16 числа сего октября волнении крестьян села Никольского наследниц г. г. Леонтьевых, я, нижеподписавшийся эстляндский помещик барон Александр Борисов Унгерн-Штернберг, сим объяснить честь имею следующее. Приняв в заведывание село Никольское, я всегда поступал с крестьянами так: за послушание и усердие всегда хвалил и чем мог награждал доброго человека, за ослушание же употреблял кроткие меры к исправлению их, как то: посильные денежные штрафы на церковь, словесные выговоры, но, за неуспехом этих мер, я в необходимости находился подвергать ослушников телесному наказанию розгами, по правам, предоставленным помещикам или управляющим имениями их, придерживаясь буквально 850 и 851 ст. 2-й книги XV тома, чему и прилагаю при сем особенный список. Все это принимаемо было крестьянами без ропота, так что со дня моего поступления в заведывание этим имением до 15 числа октября не было приносимо никому и никаких на меня жалоб, а 15 числа октября хотя крестьяне: Евдоким Кирилов, Еремей Евсеев, Никифор Евсеев, Филимон Кононов и Андрей Кирилов и принесли на меня жалобу г-ну наровчатскому уездному предводителю дворянства в том, что будто я отнимаю у них дни, но эта жалоба их несправедлива, потому, что хотя я и брал у них дни, и то по крайней надобности, но потом отдавал опять им из господских дней столько, сколько брал у них заимообразно, что видно и из рабочего журнала. Жалобу, принесенную г. предводителю дворянства, крестьяне обязаны были сначала объявить мне, а если бы я не удовлетворил им просьбу, то тогда они имели право идти на меня жаловаться. Причиною же, по которой

были взяты мною у них вперед дни, была не моя добрая воля, но крайняя необходимость моя: а) запрудка мельничной плотины и вешняков, неожиданно промытых водою и требующих непременно спешности и усилия; на этой мельнице сами крестьяне размалывают свой хлеб, и б) исправление ветхостей барского дома. Это было в воскресный день, когда производилась работа на мельнице, а в следующий день, т. е. в понедельник, — им был возвращен. А что я имел с крестьянами расчет во днях, тому служит доказательством следующее обстоятельство: 1-е) крестьянин Иван Яковлев, увидевшись со мной в лесу, сказал, что им переработано на меня пять дней, — и я тотчас же, без справки конторы, впрочем с тем, что если это справедливо, тут же отдал, ему за все дни по 20 коп., а всего отдано ему 1 руб. серебром. По справке же потом в конторе оказалось, что им заработано только три дня, а не пять дней. 2-е обстоятельство: в первых числах октября приходили ко мне крестьяне: Никифор Иванов, Клим Иванов, Фадей Степанов, Петр Карпов, Климон Пименов, Илья Степанов, Трифон Пантелеев, Семен Семенов, Михей Никитин и Савостьян Власов, из коих первый Никифор Иванов, между прочим, объявил мне, что им переработано на меня 6 дней, и я тотчас же, позвав бурмистра Кошелева, при всех их строго приказал ему удовлетворить Иванова днями. Не переборка мною у крестьян рабочих дней, не наказание и какие-либо притеснения были причиною несчастья, бывшего 16 числа сего октября, а следующие обстоятельства:

1-е. Так как в селе Никольском совершенно не имеется текучей воды или пруда, необходимого для всех и каждого, то я вследствие просьбы некоторых из них и для общей пользы, крайне нужным нашел очистить оставленный без внимания пруд и сколько возможно поглубже его выкопать, для чего я, созвав стариков, объявил им о своем намерении. И так как существенная из этого предприятия польза была более для них, то я и убедил их усилить для этого предмета барщину с их стороны, вследствие чего они, усматривая из этого очевидную свою пользу, все единодушно меня благодарили и обещали предложение сие исполнить, и дело было начато. Но с другого же дня работы рабочие со стороны крестьян не выходили в полном числе. 14-го же числа сего октября недоставало не только 6 человек из мирской половины, но даже очень часто бывало также в недостаче по нескольку человек и с барской половины; вследствие этого я приказал бурмистру собрать неявившихся на работу с мирской половины людей (тех самых, которые ходили потом с жалобой), но по приказу сему ни один из них не явился. Почему и вынужден я был позвать полицейского сотского Ефима Меркулова и повторить ему свой приказ. Но и это осталось без исполнения: сотский объявил мне, что люди не идут. Поэтому я вновь приказал ему, чтобы хотя с помощью других, а непременно привел бы ко мне тех людей, но и сотский, вероятно, из потворства тем крестьянам, и, будучи столько нагл и дерзок, уже меня ослушался, за что я и наказал его розга-

ми, после чего вместе с другими и он пошел на меня жаловаться г. уездному предводителю дворянства, о чем я узнал уже 16 числа от самого г. предводителя, которого просил заняться этим делом для того единственно, чтобы он мог убедиться в неосновательности жалобы. Почему г. предводитель и просил меня выслать для того к нему бурмистра Кошелева и конторщика Соколова и двух или трех стариков. И я, приехавши домой, тотчас призвал бурмистра и конторщика и, объясня им о сущности жалобы крестьян, отдал им приказ отправиться назавтра в город с рабочими бумагами к г. предводителю. При сем бурмистр доложил мне, что за ним крестьяне со сходки присылали, но бурмистр ответил, что он на сходку к ним не пойдет, а приказал посланному позвать к себе сотского для узнания причины схода, на что и получил в ответ через посланного из дворовых Егора Иванова, что сотский к нему не пойдет, и, вместе с тем, бурмистр уведомил меня, что у избы старшины Клима Иванова (что было 16 числа сего октября, уже в 8 часов ночи) собравшаяся сходка шумит и намеревается итти к барскому дому, почему я сначала послал за сотским, чтобы приказать ему объявить крестьянам итти назавтра к г. предводителю для разбирательства обо днях, но и по моему приказанию сотский ко мне не явился. И я, не желая допустить сходки до своего дома, тотчас приказал бурмистру следовать за мною на место сходки, куда, по просьбе жены моей, пошел за мною же находящийся у меня в гостях б вший управляющий брата моего Густав Густавович Фишер, происходящий из дворян Ангальт-Вернбургского герцогства, и еще бывший при нем в услужении прусский подданный Шульц. Приближаясь с ними к избе Клима Иванова, я услышал громкий голос крестьянина Семена Семенова, который возбуждал народ к возмущению. Сообразившись, что они уже меня видали и воротиться после этого мне уже невозможно, я пошел прямо на собравшуюся толпу народа (числа оного определить в точности не могу, но предполагаю, что народу было более ста человек), из среды которой первый обратился ко мне крестьянин Семен Семенов с двумя сыновьями своими и крикнул, на меня так: «Что ты сюда пришел? Не твое здесь место!» За это я ударил его, Семенова, два раза бывшею у меня в руках сухою осиновою тростью, при последнем ударе изломившеюся, и сказал: «Молчи! Я ваш барин и имею право быть везде!» Но Семенов обхватил меня и крикнул: «Врешь ты, мошенник. Мы не хотим иметь бурмистра (слова Семенова), ты должен сменить его, а то худо будет и тебе и ему». Когда же я отказал им в смене бурмистра (которого я до сего времени считал более слабым, чем строгим), народ пришед в ужасную ярость, бросился бить его (бурмистра) и кричал: «Убьем его! Видя его в опасности, я бросился его спасать, и, снимая сюртук свой, закричал: «Убейте лучше меня, но не бейте бурмистра, он не виноват!» И так я успел отстоять бурмистра своим телом и вытолкнуть его из толпы, так что он успел скрыться. Но после этого Семен Семенов с двумя сыновьями и еще: Евдоким Кирилов, Семен Федулов, Степан

Григорьев, Еремей и Никифор Евмеевы окружили меня, и все восьмеро называли меня сумасшедшим и ругали всячески. В это ж время явился ко мне Густав Густавович Фишер, весь окровавленный от побоев, нанесенных ему крестьянами: Василием Луповым, Моисеем и Степаном Григорьевыми и Павлом Севастьяновым, — прося у меня защиты. Я, закрывая его собою, не давал бить, но Семенов с двумя сыновьями своими и еще Евдоким Кирилов, Тихон Ильин, Дмитрий Филипов (который бил и топтал его ногами), Николай Захаров, Тимофей Дементьев и Василий Михеев, несмотря на мою защиту, все-таки и при мне доставали его пинками в бока, вследствие чего я вторично стал снимать с себя сюртук свой и кричать народу: «Убейте меня, но не бейте невинных!» и успел выпихнуть Фишера из толпы, так что он скрылся в избу крестьянина Филимона Пименова. Между тем, взволнованный народ пришел еще в большую ярость, и со всех сторон повторялись крестьянами слова Семена Семенова, главного всему виновника, что я сошел с ума. После этого, по предложению того же Семенова, с двумя сыновьями его, крестьяне: Евдоким Кирилов, Василий Луппов, Яков Волков, Павел Севостьянов, Еремей и Никифор Евсеевы и Николай Моисеев — начали вязать мне назад руки, прикрутя еще три палки за спиною, на что я, обратясь к Семенову, спокойным голосом сказал ему: «худо тебе будет, Семен, и ты в Сибирь за это пойдешь со своими сыновьями». Но он сказал мне: «Ой-ли, барин! Так ли, барин! Ты видно, барин, страху никакого не знаешь». На это одна стоявшая возле меня баба сказала ему: «Смотри, Семен, плохо тебе будет и детей и себя погубишь». То же самое повторили ему два спокойно стоявшие старика, которым он ответил: «Видно, барин правду баит». Затем послышались отдаленные голоса, что не худо было б укокошить барина, на что я тоже спокойно, но громким голосом сказал: «Ну что ж, ребята! Когда уж дерзость ваша дошла до того, что барина своего связали, то убейте его поскорее». На это Семенов закричал: «Эй врешь, ты, брат, больно хитер: ты жизнь в копейку уже не ставишь, а мы полдеревни в Сибирь пойдем. Эй, ребята, смотри не убивай его, не трогай его». Потом, обхватив меня руками своими, стал меня будто защищать; я же опять сказал Семенову: «Что ты держишь меня здесь? Сведи меня в избу или отпусти; право, плохо тебе будет!». На что он сказал мне: «Мне ничего не будет — я тебя убить не дам; а чтобы освободиться от ответа, мы представим тебя к предводителю». Затем послышался мне один голос, который сказал женщине: «Наклепаем на немца, что он....., ты баба молодая, баба хорошая, тебе поверят». И потом муж этой женщины — сын крестьянина Семена Семенова начал кричать: «Твой управляющий (подразумевая г. Фишера) ерник — он обесчестил жену мою; ты освободил его от нас, и мы теперь за тебя примемся». Между тем ноги мои были мокры, холод пронизал все мое тело, почему я опять стал говорить Семенову, чтобы он меня взял в свою избу, которая была близь того места, на что Семенов сказал мне: «Ой ли, барин,

будешь ли господином своего слова — защитишь ли ты меня, если будет нужно». На что я повторил ему свое обещание, и он привел меня в свою избу и несколько раз повторял: «Ах, барин, что нам делать, что нам делать? Плохо, плохо! Я хоть мужик, но знаю, если мы тебя выпустим и ты на нас будешь жаловаться, нам будет плохо; а поэтому наперед мы на тебя должны жаловаться и представить тебя в суд». Потом он удалился из избы. В это самое время я привел собою в сострадание находившихся в избе женщин, так, что, когда Семенов возвратился опять в избу, то бабы уговорили его послабить веревки и отнять палки, за спиною моею находившиеся, что Семеновым было исполнено, а потом я сам снял вместе с сюртуком с рук веревки. Между тем, бабы убеждали Семенова, чтобы он вторично не вязал меня: так и было. Не могу упустить из виду и то обстоятельство, что жена фабричного смотрителя Прасковья Филимонова особенно обнаруживала большое сострадание и просила народ, в избе находившийся, отпустить меня к жене моей, подавала мне пить и обтирала лицо мое от грязи. Народу пришло в избу ужасное множество и ругали меня самыми поносными словами, именно: Михаил Ильин, находившийся в толпе народа, скрытно, но громко ругал меня, на что я сказал: «Чем ругать меня в народе, лучше выходи на вид ко мне поближе», но он не вышел. Кроме сего повторяли ругательства: Алексей Волков, Яков Ефимов, Василий Севастьянов, Гурьян Никитин, Михаил Луппов, Филимон Кононов, Федор Сафронов, Дмитрий Миронов, Николай Харитонов и дворовый Иван Гаврилов. А сотский Ефим Меркулов вместо того, чтобы по обязанности своей стараться остановить волнение, сам действовал во всем против меня, и при том, по передаче ему изменнически дворовым кузнецом Александром Васильевым, послал людей в погоню, чтобы отбить у посланного Зота Иванова письмо, отправленное от жены моей к г. предводителю дворянства, которое и действительно было отбито крестьянами: Максимом Евсеевым (взявшим письмо к себе и грозившим посланному распороть брюхо), Никитою Фадеевым, Иваном Парфеновым, Григорием Мартыновым и Акимом Филипповым. Степан Григорьев (выше упомянутый) выгонял дворовых и крестьян в город с жалобою на меня, угрожая каждому в случае: если кто из них не пойдет, то дворовым выпустят кишки, а крестьян отдадут (миром) без очереди в солдаты. Моисей Григорьев ругал меня самыми низкими словами. Кучер из дворовых Степан Парфенов на требование женою моею от него лошадей, чтобы поехать к месту моего нахождения, отвечал, что без позволения мира лошадей дать не может, и, имея общий дух с бунтовщиками, лошадей и не дал. И Иван Луппов много раз повторял: «Приготовьте ладону — я охажу барина!» Моисей Иванов, ругая меня разными поносными словами, называл злодеем. В избе я уговаривал крестьян, освободив меня, итти лучше на меня с жалобою, представляя им всю ужасность их поступка, и потому требовал к себе старшин Кондратия Евсеева и Клима Иванова, как имеющих в обществе

значительный вес, для того, чтобы они со своей стороны уговорили бунтовщиков, но на это мое требование Евсеев не явился вовсе, а Иванов хотя и вошел в избу, но только сказал, что он сделать ничего не может и что это есть воля мира, против которого он не сказал ни слова и который (мир) также обращался было к ним (старшинам) за советом. Впрочем, видно было смущение в лицах Семена Семенова и Семена Федулова; боясь, вероятно, ответственности за свой ужасный поступок, они стали уговаривать мужиков идти к приходскому священнику, чтобы с ним об этом посоветоваться. И хотя между ними находились некоторые старики, которые желали освободить меня, но Семенов отговаривал их от того, представляя им, что де они будут больше отвечать, ежели отпустят меня. Потом в 11 часов явился ко мне по приглашению крестьян приходский священник Геликонов, коего непременная была обязанность всячески убеждать бунтовщиков от поступка их, но его равнодушие и спокойствие при таком ужасном происшествии совершенно меня удивили, ибо он не изъявил никакого знака сострадания и сочувствия и довольно сухо сказал народу следующие слова: «Ребята, как можно тише, тише!» Немного погодя обернувшись хотел идти, но я просил священника присесть и побыть со мною для увещания народа, но он сказал, что ему некогда, и пошел из избы. Я ему сказал: «Что же, батюшка, вы хотите меня оставить». А народ отходившему священнику кричал: «Батюшка, что нам делать». — «Делайте, ребята, как хотите», с тем и ушел. А, пришедши после сего в дом мой, сказал жене моей, что я здоров, жена моя просила его идти ко мне, но он не пошел. Потом еще ходил к нему (священнику) Семен Семенов, который, как показывает, также получал от священника в ответ: «делайте как знаете». Между тем, как разъяренный народ хотел, было, вести меня в город без всякой теплой одежды, кроме одной только крестьянской шубы, и снова связать меня; но, благодаря содействию женщин, которые, со слезами смотря тут на мое положение, уговаривали мужиков, и мне было допущено одеться в теплое платье и быть не связан. В 2 же часа ночи посадили меня в крестьянскую телегу, запряженную в тройку крестьянских лошадей, и повезли в город. Тогда караульными моими были Семен Семенов и Иван Луппов. Кучером был сначала дворовый Иван Коркин, а возле деревни Самоволяки место его заступил крестьянин Иван Дементьев, и человек до двухсот народу провожали меня до города. На пути я успел растолковать Семену Семенову всю вину его и сказал ему, что, если поедет от неистовой толпы вперед и избавит меня чрез то быть окруженным ею, то я со своей стороны прощу его. И вот причина, заставившая его уговорить кучера ехать поскорее. Я прибыл к господину предводителю дворянства часом ранее народа.

2-е. А так как я, приняв в заведывание имение, нашел его совершенно расстроенным, то и принял необходимые средства к его устройству — ввел много для крестьян очень полезного, показывал новые средства, например: как лучше обрабатывать землю и какие должно иметь предосторожности на всякий непредиденный несчастный случай и проч. (чего до меня во внимании у крестьян не было). Обратив таким образом на них должное внимание, я только и думал об улучшении их быта. Но такое мое распоряжение, по беспечности их, показалось для них трудным, и потому употребили хитрость и злобу, чтобы обесчестить меня и тем понудить меня оставить управление имением и вовсе из него удалиться.

3-е. Причина бунта была закоренелая глупость и жестокость нравов и характера крестьян; ибо они и прежде оказывали недоброжелательство господам своим, чему служит доказательством то, что и при покойном еще владельце их действительном статском советнике и камергере Александре Николаевиче Леонтьеве, несмотря на доброту его к ним, два раза горела суконная фабрика, в поджоге которой подозревались некоторые из крестьян.

4-е. В заключение сего имею честь объяснить и то, что я, по званию начальника и владетеля, всегда пекся не о внешнем только, но и внутреннем благосостоянии крестьян, так, что при всяком удобном случае увещевал их, чтобы они в свободное от работы время ходили в церковь божию на общественное богослужение, которым укрепляется вера в истинного бога, любовь ко ближним и повиновение властям, завел на свой щет сельскую школу для обучения крестьянских детей, но, к несчастью, не знал, что между моими крестьянами есть много скрытных раскольников, противящихся св. церкви, для которых все религиозно-нравственные наставления и обучения в правоверии неприятны. Посему-то мое о них попечение и всегдашнее внушение ходить в церковь божию и обучать детей грамоте и повело их к той мысли, что я совершенно силою заставляю их оставить свое заблуждение и принять истинную веру. От сего-то и естественно отродилось в них неповиновение и даже покушение на жизнь мою. Более сего я ничего не знаю.

Эстляндский помещик барон Александр Борисов Унгерн-Штернберг.
Уездный стряпчий Соколов.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 460, л. 11—21.)

в) 1860 г., октября 31. Объяснение священника Геликонова — наровчатскому уездному суду по делу неповиновения крестьян села Буды помещику Унгерн-Штернбергу.

1860 года, октября 31 дня, Наровчатского уезда, села Никольского приходский священник Петр Геликонов, на отношение временного отделения наровчатского земского суда, от 31 сего октября за № 28 сим имею честь объяснить следующее:

1-е. 16-го числа сего октября м-ца в 10 или 11 часов полночи, когда уже и все мое семейство было предано сну, в то самое время, к неожиданности моей, подошла к окнам дома моего толпа людей и произвела стук и крик, каковым обстоятельством семейство мое было встревожено и приведено в совершенный испуг; вследствие чего я вынужденным нашелся встать и спросить их о причине тревоги в такое неурочное время, на что они отвечали: «Мы, батюшка, посланы от всего сельского общества, которое собралось у двора крестьянина Семена Семенова и вызывают вас все туда, связали, говорит, помещика своего барона и посадили в избу под караул, — за то, что он побил мужиков среди улицы, и невинную свою обиду желают засвидетельствовать пред вами». Я же, выслушав таковые их слова, был приведен таковым ужасным происшествием в испуг и не знал, что делать; наконец, принял уже решительное намерение, несмотря на ночное время, идти туда и убедить возмущенный народ, а дабы не случилось и со мною какое-либо несчастье, я тот же час взял на помощь себе дьячка Дмитрия Тимофеева и пономаря Александра Иванова и все трое отправились на место сборища народского.

2-е. Меня еще более поразило, когда я с причетниками своими подошел ко двору крестьянина Семена Семенова и увидел толпу народа, которая тот же час окружила нас со всех сторон и высказывали свое неудовольствие на помещика своего в том, что он напал на них среди улицы и начал производить драку, а крестьянину Семену Семенову дубиною прошиб голову без всякой причины, а дабы не произошло от него еще более чего-либо вредного, тот же час закричали караул, удержали помещика и отвели его в избу. Видя такое волнение в народе и слыша разнообразный между ими крик и шум, я, предварительно призвав на помощь бога, начал их всех увещевать и, сколько сил моих и возможностей доставало, убеждал в том, что напрасно они учинили такое возмущение против своего помещика, не имея на то права так поступить с ним, как с благородным дворянином, представлял им сколько мог и доказывал, что они вследствие самоуправства подвергнутся строгой ответственности; отечески склоняя их к тому, чтобы они, не доводя до дальнейших хлопот, сейчас же прекратили это дело, и, преклонивши колени свои пред своим помещиком, прося прощения в своем преступлении; но они все отвечали: «Не будет этого! Когда уже начали такое дело, не оставим его, что не будет нашей головы, а помещика своего представим в суд, за что он нас жестоко наказывает и сильно притесняет во всем». При таковом волнении и смятении народа я совершенно смутился и не мог придумать других средств, как бы умягчить сердца разгоряченных людей, спросил: «Где ваш помещик?», и мне сказали, что он находится в избе под караулом. Взошедши в избу, в которой было столько народу, что я вместе с причетниками своими едва мог сквозь оного пробраться до того места, где сидел помещик. В это время я до того растерялся сам в себе, что почти при виде

такого происшествия не мог себе придумать, что и сказать; первые мои слова здесь при свидании с помещиком были таковы: «Что такое с вами случилось?» Помещик отвечал, что он в настоящую минуту своего положения совершенно покоен и от крестьян своих ничем не обижен, и за что он взят людьми под караул и был связан, не знает за собою никаких причин. При чем крестьяне Семен Семенов и Семен Федулов высказывали свои неудовольствия и изъявляли свои притензии на причиненные им от помещика обиды. Заметив с обеих сторон разные отзывы, я не мог представить себе здесь, что с этим делать; будучи смущен таким неожиданным и неслыханным для меня происшествием, сделалось во мне головокружение, не мог почти говорить более, а сказал только крестьянину Семену Федулову и всем находящимся в избе людям, чтобы они не шумели. Помещик барон просил меня подле себя сесть, но я от расстройства своего положения не мог исполнить его просьбу; при чем помещик-барон просил меня сходить к нему в дом и успокоить его супругу, что и было напоследок мною исполнено. По выходе же моем по вышеозначенной причине из избы крестьянина и вторично на улице при всех своих слабостях подозвал к себе стариков Клима Иванова, Семена Семенова, сотского Ефима Меркурьева и прочих находящихся здесь, занялся в присутствии своего причта и церковного старосты прежними своими увещаниями, чтобы они прекратили это дело, влекущее их к гибельным последствиям, но, к сожалению моему, и в это время остались непреклонны и неумолимы, и в ушах моих отражались те же самые слова, какие и прежде. Я же, не видя конца делу и, как уже была глубокая полночь, решился прибегнуть к последним убеждениям, чтобы они хотя, по крайней мере, не налагали рук своих на помещика своего и не делали ему никаких обид и оскорблений, и, в исполнении чего, они все перед богом дали клятву; но, чтобы прекратить затеянное ими дело против помещика, они никак не дали согласие. Вслед за этим я с причтом своим отправился в дом, не имея никакой надежды и средств к уничтожению в народе мятежа, с величайшим моим прискорбием и расстроенным своим положением, поручив все то воле всевышнего. За сим спустя не более двух часов времени пришли к дому моему старики Клим Иванов, Гурьян Никитин, сотский Ефим Меркурьев, Семен Семенов и Семен Федулов с прочими, коих было довольное число, и у окна моего дома вызывали меня на улицу; от расстроенного своего здоровья я не мог сделать этого, да и семейство мое, видя таковое обстоятельство, перепугалось. Я немедленно опять позвал к себе дьячка Дмитрия Тимофеева и пономаря Александра Иванова как для обережья, так и для выслушания при них от пришедших ко мне людей, чего им от меня хочется получить. При явке причетников ко мне в дом, это уже было не иначе как часа в три пополуночи, я позвал их к себе в дом. Здесь они возлагали на меня обязанность взять от помещика их подписку в том, чтобы он их жестоко и невинно не наказывал и не отбирал бы рабо-

чие дни, принадлежащие крестьянам, а делал бы все это по расчленению и в порядке, на что я не мог себе представить ничего и вообразить, возможное ли это для меня дело или нет, а прибегнул опять к прежним своим мерам просить и убедить их только, чтобы они, сознав свой поступок, не доводя себя до ответственности перед правом закона, повторял им прежние свои слова, чтобы они, преклонив свои колени, просили прощения у своего помещика, старался убедить их, что помещик, по добродушию своему, простит их; но от них был последний отзыв: «Не на то затеяли дело, чтобы оставить а устоять на своем, чтобы доказать перед судом, что мы господином своим недовольны». По окончании сих слов стариками, явилась в горячем виде ко мне в дом и другая толпа людей, а кто именно, я заметить не мог, с таковыми своими словами: «Идите отсюда все, там на сходе никто на это не согласен, чего вам хочется». И старики тотчас все ушли из моего дома. После сего происшествия, хотя супруга господина барона и просила меня вторично сходить к своему мужу и сказать крестьянам, чтобы они не возили его в город на телеге, но, как я видел что волнение в народе время от времени более и более усиливается и мне не остается никаких уже средств прекратить это неприятное дело и освободить из рук их помещика-барона, тем более потому, что это происходило в ночное время, в каковое я должен был, между прочим, от всяких опасностей сберегать, как свое семейство, так и собственную свою жизнь между волнующимся народом, и не имея более благонадежных проводников, отказался от всего, а просил только бога, чтобы он успокоил возмущенный народ.

4. Объяснив по долгу своего священства все вышеписанное по обстоятельствам беспорядков, происшедших между крестьянами против своего помещика, наконец, должен показать, и то, что прежде 16 числа октября месяца относительно со стороны помещика г. барона Унгерн-Штернберга к крестьянам своим и крестьян к своему помещику ничего неодобрительного замечено не было; а равно не известны были прежде всего причины, побудившие последних к таковому поступку. К сему объяснению наровчатского уезда села Никольского священник Петр Геликонов руку приложил.

(Пензенский гособлархив, ф. наровчатского уездного суда, д. 460, л. 47—77.)

г) Список крепостных крестьян помещика Унгерн-Штернберга, наказанных в конторе розгами.

Кто именно	Число ударов	За что наказан
Яков Дементьев	40	За бесчестную обиду крестьянки Настасьи Кондратьевой
Андрей Кондратьев	20	За позднюю явку в июле во время возки снопов против прочих на 2 часа
Семен Финогеев	20	За утайку 15 снопов во время возки
Игнат Логинов	11	За то же и за грубость против помещика
Иван Федулов	40	За позднюю явку в работу и за грубость против помещика
Максим Назаров	40	За позднюю явку на работу
Ефим Меркулов	40	За неисполнение приказания о взятии для представления помещику 5 человек крестьян и за собственную его грубость против барона Александра Борисовича
Анна Самойлова	40	За 1½ годичный побег, оставив дом и мужа
Василий Савостьянов	40	За позднюю явку в работу и повторял неоднократно выражения против барона
Павел Савостьянов	40	За неявку по требованию в контору и за самовольную отлучку и не давая себя наказывать
Дворовая девка Анна Петрова	40	За неправильно выраженные баронессы Софии Александровны слова о бароне Александре Борисовиче
Дворовой Иван Осипов Каинов, находящийся под уголовным судом	40	За побег из-под караула и за пьянство
Еще наказаны через бывшего управляющего:		
Смирнова Аксинья	15	За нерадение по должности
Антонова скотница	15	»
Фекла Кирилова	15	За позднюю явку в работу.
Наказаны через бурмистра по приказанию барона:		
Авдотья Петрова	15	
Анисья Тарасова	15	
Настасья Фатеева	15	
Фекла Назарова	15	
Екатерина Фолимонова	15	
Прасковья Семенова	12	
Эти бабы были наказаны малолетком мальчиком Егором Ивановым, а прочих 17 наказывали и дворовые ткачи Григорий Григорьев, Иван Федоров и др.		

Барон Александр Унгерн-Штернберг.
Управитель [подпись].

д) 1861 г., апреля 24. Прошение крепостных крестьян села Никольского (Буды) пензенскому губернатору о защите их от помещика Унгерн-Штернберга.

Его сиятельству господину военному губернатору города Пензы и пензенскому гражданскому губернатору

Наровчатского уезда, села Никольского г-жи Леонтьевой Ивана Семенова, Семена Никонова, Сафрона Аникеева, Ивана Семенова, Семена Федулова, Семена Финогеева и всего общества г-жи Леонтьевой крестьян

Покорнейшее прошение.

Благодеяния, изливаемые ежечасно прибегающим под кров вашего сиятельства, воодушевили смелостью повергнуть участь свою перед стопами вашими и объяснить причины, побудившие нас искать со стороны вашей законной защиты правосудия. Обстоятельства тому нижеследующие:

во 1-х, как вашему сиятельству известно о производящемся у нас деле с управляющим, заведываемым им нашим по доверенности г-жи Леонтьевой, бароном Унгер-Штернбергом; по каковому делу 40 человек находятся в содержании в тюремном замке, да и мы готовы следовать в оный, в каковом хотя и избавимся от ига рабства и перенесения жестоких побой, от которых давно уже лишились сил и средств к перенесению оных и в таковом положении еще по настоящее время находимся, хотя по праву всемилостивейшего манифеста, изданного монархом, должны освободиться от таковых поступков от управляющего нашего.

2-е, но управляющий наш, налагая на нас постоянные сборы хлебом, деньгами и отбивая у нас лошадей и другой скот, довели нас до того, что мы скоро обратимся с прошением идти по миру. При том и сам он по приезде в имение наше лично высказал всем, что он приехал всех разорить и сделать нищими, в чем и поступал сообразно своих слов и довел до столь бедственного положения.

3-е. При том хотя и возведено на нас дело, почему из крестьян наших притерпевают в содержании в тюремном замке, тогда как все общество наше было согласно представить управляющего нашего в город Наровчат к г. предводителю дворянства за его бесчеловечные поступки и от тово отвести себя, чтобы не произошло среди нас уголовного преступления; тогда как управляющий наш с каким-то окружающим его фактуром и другие с ним, из крестьян наших, пришел с палкою в руке, где было собрание народа, и начал всех из крестьян наших оной палкой бить бесчеловечно. В чем решились, как его, а равно и себя, отвести от уголовных поступков, могших произойти между нами, тогда как мы управляющему нашему никаких обид и оскорблений не сделали.

4-е. По управляющему нашему должно быть законом положено было отягощать крестьян таковыми бесчеловечными наказаниями, что он решился обнаготить 17-летнюю девицу без всякой вины и наказывать розгами до такой степени, что она находилась несколько времени без чувств, при том правительство выводит на нас вину: как выше объяснено, страдают в содержании в тюремном замке 40 человек, и ждут по закону наказания. А управляющий во всем прав и постоянно произносит похвальные слова, что всех содержащихся в замке сошлю в Сибирь, и уже прочел приговор судебного места, кто и к каковому подлежит наказанию.

5-е. Но, однако ж, будучи воодушевлены надеждою на творца и закон святой, при том имеем в надежде просить и более, изъяснением причин, на управляющего нашего барона, вывести все поступки, но как мы должны по инстанции прибегнуть к защите и покровительству вашего сиятельства, и вы вполне можете подать помощь беззащитным, взойдите в положение настоящего дела, находящегося на утверждении в пензенской палате уголовного суда.

Ваше сиятельство, во время справедливых жалоб в законном покровительстве никто от вас не отходит опечаленный, а все вообще надеемся по праву закона получить должное удовлетворение, в чем и не лишите нас вашим отеческим вниманием, на что вполне будем ожидать со стороны вашего сиятельства законной резолюции.

Апреля 24 дня 1861 года.

К сему прошению вместо неграмотных крестьян г. г. Леонтьевых, по их просьбе, саранский мещанин Иван Григорьев Марков руку приложил.

(Пензенский гособлархив, ф. 32, д. 460, л. 1, 2.)

VI РАЗДЕЛ

ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ АВГОРСКОГО ЗАВОДА

1858 г., января 14. Рапорт краснослободского исправника Тихменева пензенскому гражданскому губернатору о неповиновении мастеровых Авгорского завода и крестьян дер. Русской Маскины, приписанных к заводовладельцу Манухину.

Его пр-ву господину пензенскому гражданскому губернатору
краснослободского земского исправника

Рапорт.

Краснослободский уездный предводитель дворянства и заводский исправник 2-го округа Замосковных горных заводов отношениями мне сообщили следующего содержания: первый — от января за №2, а мною полученным 11 числа, что того числа мастеровые Авгорского завода, крестьяне деревни Русской Маскиной, явились к нему в многочисленной толпе народа в город Краснослободск и стали требовать, чтобы помещик сделал им какое-то новое положение, что прежние платы им не достаточные, что земля составляет их собственность, что лесом они имеют право распоряжаться, как хотят. Выслушав таковое их требование, с увещанием сказал им, что положение зависит не от помещика, а от горного правления, и собственности у нас нет никакой, своевольно распоряжаться не имеете права, на что они ему с дерзостью отвечали о своих требованиях, почему он хотел некоторых, повидимому, главных зачинщиков своевольства и сильно противоборствующих противу слов его, задержать. Но вся толпа буйно закричала, что оставляйте всех, а тех, которых вы отобрали, не выдадим, и ушли от него, неизвестно ему куда. О розыске их и задержании главных: Ивана Петрова, Дмитрия Павлова Исаева, Антона Григорьева, Сюрикова Ивана Герасимова, Ивана Петрова, Федора Власова и Никиту Маркина, чтобы они не могли сделать более возмущения в имении владельца, сообщил к г. городничему. Но он (городничий) уведомил его (предводителя), что их по розыску уже не оказалось; а второй (заводский исправник) от 12 января, а мною полученного 13 числа за №26-м, что 9-го, 11-го числа сего января получил он чрез нарочного от горного инженер-поручика Александра Николаева Манухина объявление,

в котором изъясняет он, что мастеровые Авторского завода и вспомогательной заводу деревни Русской Маскиной обнаружили своевольство и выходят из всяких границ порядка, 4 сего января самовольно толпою более 2-х сот человек явились к нему в Сивинский завод с требованием сделать им новое положение по задельным платам, давать, сколько им угодно, без разбора, рубить дрова в заводских дачах и тому подобные требования, которые они выражали с наглостью, дерзостию и криком, и потом 5-го числа, отправившись из Авторского завода в город Краснослободск под предводительством мастерового Ивана Герасимова, которому дали общую клятву, чтобы не выдавать друг друга, в виде присяги с поднятием кверху рук, и, сверх того, в самом заводе между мастеровыми есть какие-то условные знаки, и как только кто из них засвищет, то тотчас все собираются вместе, через каковые беспорядки могут быть вредные последствия для заводов, вследствие которых я вместе с заводским исправником 13 числа сего января отправился на место в деревню Русское Маскино к мастеровым Авторского чугуноплавительного завода и к вспомогательным крестьянам той деревни, принадлежащим к тому заводу владельца г. Манухина, для убеждения о бытии их в полном повиновении и послушании у владельца, противу которого они делают ослушание, и разузнания причин их неповиновения. По собрании всех мастеровых крестьян они нам объявили, что заводские работы они оставили исправлять и стали делать ослушание противу владельца собственно потому, что он им платит за заводскую работу весьма малую цену, [на] которую они не имеют никаких средств себя с семействами пропитывать; когда он будет им платить каждому по 30 коп. серебром в сутки и отдаст им в распоряжение всю землю, принадлежащую к деревне Русской Маскиной, говоря, что та земля есть их собственность, то станут исправлять заводские работы по прежнему и будут в полном повиновении владельца. На все наши убеждения отвечали с дерзостью и общим криком, подымая руки вверх, решительно отказались слушаться до тех пор, пока г. Манухин не выполнит их требования, а потому мы заключили об упорстве в неповиновении мастеровых крестьян записать в журнал, с прописанием которого донести в. пр-у на зависящее распоряжение, о чем в. пр-у и имею честь донести, присовокупляя при том, что для произведения о том временным отделением формального следствия от меня с приложением подлинного журнала дано краснослободскому земскому суду предложение о немедленном составлении оного. О распоряжении этом сего же числа уведомлены от меня краснослободский уездный предводитель дворянства и горнозаводский исправник.

Исправник Тихменев.

№ 21. Января 14 дня 1858 года.

(Пензенский госархив, ф. 5, д. 3760, л. 2—4.)

1858 г., января 18. Рапорт пензенского гражданского губернатора Панчулидзева императору Александру II о возмущении мастеровых Авторского чугуноплавильного завода и приписных к заводу крестьян дер. Русской Маскиной.

Е. и. в-ву пензенского гражданского губернатора

Рапорт.

Краснослободского уезда Авторского чугуноплавильного завода и деревни Русской Маскиной крестьяне горнозаводского ведомства, состоящие при заводах наследников умершего манufактур-советника Манухина на праве посессионном, 9 сего января многочисленною толпою явились в город Краснослободск к уездному предводителю дворянства с требованием, чтобы владелец сделал им какое-то новое положение. Уездный предводитель увещевал крестьян обратиться к порядку, но они повторили опять с дерзостью прежнее свое требование. Когда же предводитель хотел задержать главных зачинщиков беспорядка, вся толпа закричала, чтобы брали их всех, ибо назначенных предводителем крестьян они не выдадут. Уездный предводитель дал знать о сем для принятия надлежащих мер земскому исправнику, который вместе с тем получил еще отношение по сему же делу от земского исправника 2-го округа замосковских горных заводов.

Вследствие того краснослободский земский исправник вместе с горным исправником 13 января отправлялись на место в деревню Русское Маскино, как для убеждения крестьян возвратиться к повиновению, так и для приведения в известность причин, подавших повод к беспорядку. При этом крестьяне отозвались, что сделали ослушание и оставили заводские работы потому, что плата, за оные ими получаемая, мала, но что станут исправлять по прежнему означенные работы и будут в полном повиновении владельца, ежели он будет платить каждому рабочему по 30 коп. серебром в сутки и отдаст им в распоряжение всю землю, принадлежащую к деревне Русской Маскиной, ибо земля эта есть, будто бы, их крестьянская собственность. Все убеждения обратиться к порядку остались безуспешны, и крестьяне решительно отказались от повиновения до тех пор, пока владелец не выполнит их требования. О таковых возникших между упомянутыми крестьянами беспорядках довел до сведения моего краснослободский уездный предводитель дворянства и донес тамошний земский исправник, из которых последний присовокупил, что для произведения следствия составлено временное отделение. По 9 ревизии в деревне Русской Маскиной числится 392 души мужского и 409 душ женского пола, при Авторском заводе ~~444~~ души мужского и 497 душ женского пола.

Находя необходимым пресечь такое своевластие означенных горнозаводских крестьян для приведения их в должный порядок и послушание, я командировал губернского чиновника при обер-

офицере корпуса жандармов с тем, чтобы исполнение было произведено при заводском исправнике и с предоставлением им, в случае надобности, потребовать две роты от расположенных в Краснослободском уезде войск 16-й пехотной дивизии, начальнику которой я о том сообщил для надлежащего распоряжения. Не желая придать особенной важности сему происшествию, я ограничился на первый раз отправлением губернского чиновника и обер-офицера корпуса жандармов, имея в виду, по получении дальнейших от них донесений о продолжении беспорядков, отправиться лично на место.

О всем том всеподданнейше доношу в. и. в-у.

№ 547. 18 января 1858 г.

(Пензенский госархив, ф. 5, д. 3760, л. 15—18.)

1858 г., января 20. Рапорт краснослободского земского суда пензенскому гражданскому губернатору Панчулидзеву о принятых судом мерах по прекращению движения рабочих Авгорского завода и упорном нежелании их подчиниться владельцу Манухину.

Е. пр-у господину пензенскому гражданскому губернатору

Краснослободского земского суда

Рапорт.

По заключению земского суда, последовавшему по предложению краснослободского земского исправника от 14 января за № 24, временное отделение сего суда отправлялось на место в деревню Русское Маскино и Авгорский чугуноплавильный завод для произведения формального исследования о причине неповиновения в Маскиной причисленных к купоросному заводу, называемому Приклонским, крестьян, а авгорских мастеровых владельцу их г. Манухину, по которому открылось: на Приклонском заводе мастеровыми по самоуправству работа прекращена; когда же они были позваны для допроса о причине такового самоуправства, то все они собрались шумною толпою, приступили к конторе и на сделанный им от временного отделения и горно-заводского исправника при понятых сторонних людях, собранных из разных окольных сел и деревень в количестве 87-ми человек, вопрос, почему они уклоняются от исполнения своих обязанностей в работе при заводе и не имеют должного повиновения владельцу, они единогласно закричали, что они слишком малую получают плату за свою работу, несмотря на то, что обременены ею до крайности и через это дошли до совершенного разорения, почему и согласятся производить работу тогда только, когда будут получать по 30 коп. серебром на каждого, и, кроме того, пособие в домашнем продовольствии;

формального же об этом показания каждый порознь от себя дать по упорству отказались, что и засвидетельствовано посторонним понятым людям выше сего в количестве означенных. В Авторском чугуноплавильном заводе все мастеровые того завода находились в работе, при позыве же их к допросу несколько человек явились в присутствие временного отделения и объявили, что они каждый порознь дать показания не согласны, потому что они изъявили претензию свою противу заводчика целым обществом, а просили временное отделение допросить в этом в заводской их конторе, где они собрались все вместе и дадут показание целым обществом; впрочем, один из них, по сделанному всем им убеждению, именно Никифор Гаврилов, оставшись в присутствии временного отделения, согласился дать формальное показание, но, по окончании, обрукоприкладствовать свое не решился и просил прочесть оное всем вообще крестьянам в конторе; здесь временное отделение, нашед крестьян человек до 200, спрашивало их о причине их неудовольствия на своего владельца, и они все во общем объяснили, что они недовольны производимою им по положению платою, и требовали положить на каждого рабочего по 30 коп. серебром. Когда же им сказано было, что временному отделению сделать этого невозможно и что об этом собственно производится следствие, по рассмотрении которого начальство, если признает их требование справедливым, сделает по оному должное удовлетворение, тогда все они единогласно закричали, что на это не согласны, а требовали, чтобы владелец наперед обеспечил их содержание и улучшил по их требованию. После того прочтено было им показание крестьянина Гаврилова и, когда произнесены были написанные от него слова: «впредь обязуюсь повиноваться своему владельцу», то они закричали, что повиноваться ему не станут до тех пор, как положена им будет вышеозначенная плата и обеспечится самое содержание; что они даже совсем не принадлежат г. Манухину и крестьяне казенные, и что формального показания никакого не дадут, и потом с криком и даже ругательством пошли вон из конторы, кроме помянутого Гаврилова, доменного мастера и еще третьего, имя коего неизвестно, оставленных временным отделением для внушения, чтобы они постарались убедить товарищей своих к даче требуемых от них показаний, но прежде, нежели окончено было им таковое внушение, как двое из всей шумной толпы, имена коих также остались неизвестными, вбежали в контору и, схватив за ворот последнего из оставленных крестьян, вытащили его из конторы и толкнули с крыльца в средину стоявшей около его толпы, и все вообще принялись его бить и остановлены уже были одним из членов временного отделения. О упорстве крестьян и мастеровых владельца г. Манухина временным отделением составлены журналы, с прописанием которых земский суд и имеет честь донести на зависящее распоряжение в. пр-у; дело же об этом временным отделением передано горнозаводскому исправнику для представления по начальству в москов-

вое горное правление, а о том, чтобы они в заводах производили работу, временным отделением сделано им внушение.

Судья [подпись].
Секретарь Богоявленский.
Столоначальник [подпись].

№ 335. Января 20 дня 1858 года.

(Пензенский госархив, ф. 5, д. 3760, л. 20—22.)

1858 г., января 22. Рапорт пензенского гражданского губернатора Панчулидзева императора Александру II об усмирении военной силой движения приписных крестьян дер. Русской Маскиной.

Е. и. в-ву пензенского гражданского губернатора

Рапорт.

От 18-го сего января № 547 я всеподданнейше доносил в. и. в. о неповиновении и беспорядках, оказанных крестьянами горнозаводского ведомства Краснослободского уезда Авгорского чугуноплавильного завода и деревни Русской Маскиной.

Ныне чиновники, на это дело командированные, донесли мне, что крестьяне деревни Русской Маскиной усмирены после сильного буйства и сопротивления, так как, несмотря на увещания и убеждения, крестьяне решительно отказались от повиновения впредь до исполнения их требования, присовокупляя, что они должны быть вольными, то и вытребованы были на место две роты расположенного квартирами в Краснослободском уезде Углицкого пехотного полка. Когда прибывшие войска, вступая в деревню, стали по обеим сторонам собравшихся крестьян, сие последние, после произведенных крика, шума и угроз, кинулись на фронт солдат с дубинами и кольями, причем у некоторых были даже топоры и ножи, стараясь бить дубинами и хватать за ружья. Тогда, по необходимости, приказано было ударить прикладами, и эта мера имела полный успех, ибо в несколько минут крестьяне, которых с мальчиками было более двухсот человек, все усмирены, и те из них, которые замечены дравшимися, взяты под караул. При этом несколько солдат очень легко ушиблены, а у одного слегка разрезана рука. Один из крестьян нанес удар палкою по лицу одному из офицеров, у другого прорвана шинель; отставной же солдат Власьев разрубил топором ложе ружья у одного из рядовых. Вообще, при этом случае, как майор Ергольский, под командою которого состояли обе роты, так и командиры со всеми офицерами и нижние чины действовали с полным усердием и расторопностью. Губернский чиновник, обер-офицер корпуса жандармов и заводский исправник приступили теперь к следствию о причине возникших беспорядков, причем поставлено от меня им в обязанность обратить особенное внимание на открытие причин означенных беспорядков и справедливость жалоб. По окончании, оставя

в деревне Русской Маскиной часть военной команды, чиновники отправятся на Авгорский чугуноплавильный завод для приведения в надлежащий порядок тамошних мастеровых. О всем том всеподданнейше доношу в. и. в-ву. [Подпись]

(Пензенский госархив, ф. 5, д. 3760, л. 28—29.)

1858 г., января 24. Отношение начальника 16-й пехотной дивизии пензенскому гражданскому губернатору Панчулидзеву о своем согласии оставить в дер. Маскиной две роты солдат ввиду сильного сопротивления крестьян.

Начальник 16 пехотной дивизии. № 583. 24 января 1858 г. г. Пенза. Ответ на № 671.

Пензенскому гражданскому губернатору, господину тайному советнику и кавалеру Панчулидзеву.

Вследствие отзыва № 671-й имею честь уведомить в. пр-о, что, видя обнаружившееся в сильной степени буйство крестьян деревни Русской Маскиной и намерение их сопротивляться двум ротам, я, с своей стороны, также нашел небезопасным оставить деревню Русскую Маскину и командировать на Авгорский завод только одну роту и, во избежание худших последствий, вместе с сим за № 545 предписал временно командующему Углицким пехотным полком, по требованию командированного нами чиновника особых поручений Караулова, немедленно командировать в его распоряжение еще две роты.

Генерал-лейтенант [подпись].
Исправляющий должность начальника штаба старший адъютант [подпись].

(Пензенский госархив, ф. 5, д. 3760, л. 32.)

1858 г., января 28. Рапорт Авгорской горнозаводской конторы горнозаводскому исправнику 2-го округа Замосковных горных заводов об условиях работы мастеровых Авгорского завода.

28 января 1858 года.

Его высокоблагородию господину горнозаводскому исправнику 2-го округа Замосковных горных заводов Авгорской горнозаводской конторы

Рапорт.

Авгорская контора имеет честь донести вашему высокоблагородию, что мастеровые Авгорского чугуноплавильного завода получают плату задельную в литье апаковом от 1 копейки до 3 руб. 50 коп. асс. со штуки, в песчаном по 20 коп. с пуда и могут вырабатывать в месяц от 10 р. 50 коп. до 30 руб. асс.; за работу на домне получают от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. асс. в неделю; у горна от 3 руб. до 3 руб. 50 коп. в неделю, за вырубку дров по 60 коп. асс. с сажени. Поденная плата производится смотря по искус-

ству мастера, от 30 коп. до 50 коп. асс. в день, в какой бы работе ни находился он; за выжжение угля полагается по 3 коп. асс. с четверти и может заработать мастер в месяц от 13 руб. до 23 руб. асс. Вообще заработок на сдельном зависит от старания мастеровых, с каким они работают, и может быть то более, то менее у одного и того же мастера. Заработанная плата выдавалась им прежде столько, сколько требовалось для содержания семейства, а у ненуждающихся оставалась часть за конторою на непредвидимые случаи. Когда же они стали просить выдачи им всей заработки, то просьба их удовлетворена, и в настоящее время заработанные ими деньги выдаются все сполна без задержания, а имеющим нужду выдается деньгами и хлебом вперед в счет заработка. Провианта на содержание не получают, кроме бедных, которые пользуются им даром.

Крестьянам деревни Русской Маскиной, занимающимся хлебопашеством, за пользование ими землею зачетов никаких не делается, а производится им плата поденно и сдельно менее 5-ю копейками против тех мастеровых, которые не занимаются хлебопашеством; на домне же и у горна получают плату наравне с другими мастеровыми, а равно и при минерально-купоросном заводе плата одинакова с прочими мастеровыми, где зарабатывают от 12 руб. 25 коп. до 15 руб. 45 коп. асс. в месяц. Господская запашка, или, вернее, общественная запашка, при деревне Русской Маскиной производилась обществом крестьян для составления продовольственного запаса провианта, назначенного по закону, потому что с крестьян натурою хлеба не собирается. Работами крестьяне занимаются при заводах в разное время, а в летнюю рабочую пору для посева ярового хлеба, обрабатывания паровой земли, уборки сена и хлеба увольняются все вообще на столько времени, сколько того требуют работы. Кроме того, и в другое время года они увольняются по мере надобности на неделю или на две для исправления домашних надобностей. Для большей ясности при сем приложен реестр о платах задельно и поденно, производимых мастеровыми при Авгорском чугуноплавильном заводе.

Управляющий заводами Емельянов.
Конторщик Беляев.

№ 32. 28 января 1858 г.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 2772, л. 44—45.)

1858 г., января 29. Объяснение владельца Авгорского и Сивиньского заводов А. Манухина чиновнику особых поручений при пензенском губернаторе Караулову об условиях работы мастеровых и приписных крестьян на его заводах.

29 января 1858 г.

Милостивый государь, Александр Дмитриевич!

По требованию вашему от 27 января 1858 года за № 16-м имею честь объяснить:

1. Заводы Авгорский чугуноплавильный и Сивиньский железоделательный с принадлежащею к ним деревнею Русской Маскиной, находящиеся в Пензенской губернии Краснослободского уезда и состоящие в общем владении отца моего, мануфактур-советника и кавалера Николая Дмитриевича и жены его, моей родной матери, Варвары Яковлевны Манухиных, поступили в мое владение по праву наследства после смерти помянутого отца моего, о чем я надлежащим законным порядком объявил в краснослободский уездный суд и 2-го января 1858 г., получив полную доверенность от матери моей, я доверил управление заводами служителю Сивиньского завода из мастеровых Ивану Сергееву Емельянову. Заводы эти состоят на праве посессионном.

2. Мастеровые занимаются всеми заводскими работами, а содержание их обеспечивается получаемою за то платою в поторжных работах поденно, а по литейному производству задельно.

3. Мастеровые по производству работ распределяются чрез управляющего заводами и заводской конторы, смотря по надобности, в поденную и задельную, а в легкие работы по желанию и по силам употребляются женщины, а также подростки от 12 до 15 лет.

4. Положение о всех производимых рабочим платах имею честь при сем приложить.

5. Ведомость об этих платах представлена в московское горное правление.

6. Часть денег, зарабатываемых мастеровыми, если составляла избыток против их домашних надобностей, контора удерживала эту часть в сохранении и при первом востребовании выдавала их мастеровым. Цель в этом случае была та, что в непредвиденных обстоятельствах мастеровой мог иметь помощь, а в настоящее время мастеровые за конторою долгу не имеют, а, напротив, они сами должны конторе.

7. В деревне Русской Маскиной отделена пахотная земля под посев озимого и ярового, десятин до 150; вероятно, это сделано для составления продовольственного запаса провианта, назначенного по закону, и который уже с мастеровых не собирается натурою, а получается с обрабатываемого ими поля, и сверх того часть хлеба выдается для вспомоществования бедным.

8. Землю эту крестьяне обрабатывают обществом.

К всему этому считаю долгом присовокупить, что я, вступив в управление заводами в первых числах января месяца, своих распоряжений и мнений никаких сделать не мог и не могу до тех пор, пока буду введен во владение заводами.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в моем глубочайшем к вам уважении и совершенном почтении, с которым имею честь быть ваш покорнейший слуга горный инженер-поручик Александр Манухин.

29 января 1858 года.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 73—74.)

1858 г., января... Рапорт пензенского губернатора Панчулидзева императору Александру II об усмирении мастеровых Авгорского чугуноплавильного завода Манухина.

Е. и. в-у
пензенского гражданского губернатора

Р а п о р т.

После всеподданнейшего рапорта моего в. и. в. от 22 сего января № 668 о усмирении горнозаводских крестьян Краснослободского уезда деревни Русской Маскиной, я получил донесение от командированных чиновников, что крестьяне того же ведомства Авгорского чугуноплавильного завода, оказавшие также неповиновение, все усмирены без сопротивления. Сначала крестьяне отказались выдать троих работников, главных зачинщиков; но, когда командированные чиновники, к которым, по новому моему с военным начальником сношению, были командированы еще две роты от расположенных в Краснослободском уезде войск, прибыли в селение с тремя ротами, то все собравшиеся крестьяне встретили их с покорностью и повиновением. В настоящее время там производится уже следствие, но по деревне Русской Маскиной следствие кончено. В этой последней деревне взяты под стражу десять человек крестьян, из которых двое были в ратниках и еще отставной унтер-офицер Власов, разрубивший топором ложе ружья у одного из нижних воинских чинов при оказанном крестьянами сопротивлении. С приведением в порядок крестьян Авгорского завода одна рота войск будет отправлена к полку, две же роты останутся на месте, равно и одна рота в деревне Русской Маскиной, впредь до особого распоряжения.

О всем том всеподданнейше доношу в. и. в-у впоследствии всеподданнейших рапортов моих от 18 и 22 января № 547 и 668.

(Пензенский госархив, ф. 5, д. 3760, л. 43—44.)

1858 г., февраля 7. Донесение пензенского гражданского губернатора министру финансов об экономическом положении приписных крестьян дер. Русской Маскины и Авгорского завода.

Министерство внутренних дел. Начальник Пензенской губернии по канцелярии. № 1451. 7 февраля 1858 г. П е н з а. Департамент горных и соляных дел. Отделение 3. Стол 2.

Господину министру финансов.

В дополнение к донесению моему от 4 февраля № 1337, честь имею представить вашему высокопревосходительству замечания, составленные следователями относительно крестьян д. Русской Маскиной и Авгорского завода. Следователи находят, что положение крестьян и работ различно. На Авгорском заводе все производящие работу мастеровые получают заделную плату довольно изрядную. Некоторые вырабатывают, по

собственным показаниям, 45, 52, 56, 60, 66, 70 и 80 коп. ассиг. в день. Находящиеся в помощниках у мастеров мальчики получают по 30 коп. ассиги. Девушки и мальчики, работающие добровольно, получают по 15 к. ассиг. в день. В некоторых семействах работают по несколько человек и получают деньги с излишком против нужд их. Доказательством сему служит, что все авгорские крестьяне живут очень хорошо, дома у них хорошие, скота у всех весьма довольно, чему способствует достаточное количество покосов. Не работающие поденно, или которые возят дрова и уголь, получают 30, а некоторые 25 коп. в день, может быть, работа эта не стоит более, но со всем этим, получая в 6 дней 1 р. 80 к. асс., они не в состоянии содержать большие семейства при нынешней дороговизне хлеба. Таких, однако же, в Авгорском заводе весьма мало. Напротив того, в деревне Маскиной все почти получают поденную плату, и сверх того им выдается плата только за дни рабочие, а за проезд от д. Русской Маскиной до Авгорского завода тем, которые там работают, ничего не платят. На проезд туда и обратно можно положить больше одного дня, ибо Авгорский завод отстоит от д. Маскиной в 40 верстах. Большая часть из них, однако же, работают на купоросном заводе, устроенном в дачах д. Маскиной, но все же им 25 к. асс. в день недостаточно. Конечно крестьяне дер. Маскиной имеют хлебопашество, на чем, как видно, основано уменьшение им платы; но хлебопашество имеют не все, ибо у них взято до 150 десятин в трех полях для господской запашки, по словам крестьян и по сведениям от конторы для общественной, чтобы собираемый хлеб составлял хлебный запас. Крестьяне, однако же, этим весьма недовольны, полагая, что имеют 50 дес. в поле, что было бы для них выгоднее[1].

1858 г., марта 19. Уведомление московского горного правления пензенскому губернскому правлению о принятых горным правлением мерах по улучшению быта мастеровых Авгорского завода и приписных крестьян дер. Русской Маскиной.

Получено 5 апреля 1858 г.

Министерство финансов. Московское горное правление. Отделение распорядительное. 19 марта 1858 г. № 773.

В пензенское губернское правление.

Департамент горных соляных дел от 20 прошлого февраля за № 108 сообщил г. берг-инспектору представление г. начальника Пензенской губернии г. министру финансов, в коем изложены замечания следователей относительно крестьян деревни Русской Маскиной и мастеровых Авгорского завода, и просит сделать надлежащее распоряжение к восстановлению порядка на Авгорском заводе и о последующем, а равно о неуравнительности заделной платы и прочих замечаниях уведомить департамент. Означен-

[1] Окончанием этого донесения редакция не располагала.

ние сообщение департамента е. пр-м передано в горное правление для зависящего, в чем следует, распоряжения с тем, чтобы правление при распоряжении своем представило его е. пр-у для сообщения департаменту замечания следователей относительно крестьян д. Русской Маскиной и мастеровых Авгорского завода. Замечаются в нижеследующем:

1. Быт мастеровых Авгорского завода, получающих задельную плату, удовлетворен, за исключением тех из них, которые работают поденно и получают за то 30 коп., а некоторые 25 коп. асс. в день, что недостаточно на содержание больших семейств при нынешней дороговизне хлеба, но таких в Авгорском заводе немного.

2. Крестьяне же деревни Русской Маскиной все почти получают поденную плату и при том плата эта выдается им только за дни рабочие, а за проезд от деревни Русской Маскиной до завода ничего не платят; большая часть крестьян этих работают на куторосном заводе, устроенном в дачах деревни Русской Маскиной, и получают в день 20 копеек ассигнациями, что недостаточно.

3. У крестьян д. Русской Маскиной взято до 150 десятин в трех полях для господской запашки, по словам крестьян, а по сведениям от конторы — для общественной, чтобы собираемый хлеб составлял хлебный запас, но крестьяне этим не довольны и полагают, что иметь по 50 десятин в поле было бы для них выгоднее и при взносе в магазины хлеба.

4. Сверх сего, у этих же крестьян вычитается из платы в 25 к. некоторая часть на составление капитала для обеспечения и пособия в случае особенной нужды.

5. Крестьяне д. Русской Маскиной единогласно показали, что они никогда не говеют за неимением времени. По соображении вышеизложенных обстоятельств с делами горного правления оказывается нижеследующее:

1-ое. Усматривая из отношения пензенского губернского правления от 17 января № 447, что причина оставления заводских работ мастеровыми Авгорского завода и деревни Русской Маскиной заключается, между прочим, в том, что владелец платит за работу малую цену, горное правление 28 того же января за № 256 затребовало от Манухина подробную табель о задельных платах мастеровым за работы, дабы эту табель правление могло сравнить с табелью плат соседних заводов. Ныне означенный табель Манухиным представлен при рапорте от 20 февраля за № 4. По сравнению оной с табелью, существующей на Рябкинском заводе Пензенской же губернии, оказывается, что задельная плата по заводам наследников Манухина если по некоторым сортам изделий и менее платы, существующей на Рябкинском заводе, но зато в других сортах она более, так что средний вывод задельных плат на заводах больше, чем на Рябкинском заводе; что же касается доплаты по железному производству, то, сравнивая оную со платами, существующими на заводах наследников Силы Баташева, как ближайших к заводам Манухиных, по неимению в Рябкинском

заводе железного производства, оказывается, что по всем работам по железному производству задельная плата более на заводах наследников Манухина, чем на заводах г. Баташевых. Независимо от сего, если сравнить платы заводов Манухиных с платами по другим заводам Замосковского края, то и тут платы Манухиных заводов нисколько не менее платы и других заводов; плата же по куторосному заводу производится не поденно, но по 12½ коп. с пуда вываренного купороса. Почему, как по чугунному, так равно и по железному производству задельные платы, существующие ныне по заводам наследников Манухина, горное правление дит вполне достаточными и не требующими прибавления.

2. Вследствие жалобы крестьян заводов Манухина об отобрании у них наследниками Манухина земель, горное правление 28 января за № 248 предписало исправнику 2-го округа подробно дознать, какими землями пользовались крестьяне, кем те земли были отведены, с которого времени, действительно ли те земли отобраны настоящими владельцами и проч., и об оказавшемся донести. Ныне исправник 2-го округа донес, что мастеровые Авгорского завода хлебопашеством никогда не занимались и пашенной земли не имели, что утверждают и сами; при огородах и для пастбища скота земли имеют достаточное количество, лугами пользуются частию из заводских дач, а более из казенных, в коих снимают до 300 десятин. Земель от мастеровых Авгорского завода настоящими владельцами никаких не отбиралось.

3-е. Между тем наследник Манухина отставной штабс-капитан Манухин рапортом от 5-го текущего марта на имя его пр-а берг-инспектора, между прочим, изъяснил, что при следствии, производимом о беспорядках мастеровых Авгорского завода, найдено, что поденная плата недостаточно обеспечивает быт мастеровых при нынешней дороговизне хлеба, в настоящее время в округе упомянутых заводов цена на рожь около 10 руб. асс. за четверть весом до 10-ти пудов, заводским мастеровым помол производится безденежно на их собственной мельнице, но бывали годы, когда хлеб был дороже, но и тогда мастеровые продовольствовались и были довольны своим положением. Цены же на хлеб часто изменяются и обыкновенно бывают дешевле нынешних, соображаясь с ними невозможно изменять задельные платы. К тому же мастеровые Сивиньского железного завода, отстоящего от Авгорского в 6 верстах, получают одинаковую поденную плату, но недовольны. В настоящее время и мастеровые деревни Русской Маскиной сознали неблагоразумие своих требований и письменно просили его, Манухина, извинить их проступки, объявив, что они всем довольны. В Авгорском заводе мастеровые по задельным платам показывали следователям наименьшую заработку, которая, однако же, найдена достаточною, но если бы у них не было той непростительной лености, какая существует теперь, и если бы они работали с таким же старанием, как на заводах Шепелевых и Баташевых, то, без сомнения, могли бы зарабатывать гораздо

более. Поденных работ в Авторском заводе мало, но и те заводоуправление старается по возможности обращать или в задельные или в подрядные, что более сообразно с выгодою для мастеровых и для завода, но избегнуть поденные работы если не совершенно невозможно, то слишком трудно. Их поденные платы нельзя сравнить с платами по заводам Шепелевых и Баташевых, различие тут происходит от местных обстоятельств. У них цена на хлеб около 1 руб. асс. за пуд, а на тех заводах около 2 руб. асс. за пуд, равно как и другие продовольственные припасы: мясо, соль, крупа пшенная и проч., которые у них дешевле и перевозятся в те заводы для более выгодной продажи. Нет сомнения, что заводы Шепелевых и Баташевых несравненно богаче, их средства обширнее, и здешние превосходные мастеровые там искуснее и в работах старательнее, по этим причинам и плата у них более. Если же у них дать мастеровым большую плату, не получая от того никакой выгоды, то это только расстроит заводы и они скорее придут в упадок, существование их только и поддерживается расчетливым хозяйством и умеренною жизнью владельцев. По местным условиям к их заводам всего ближе подходит завод Рябкинский Селезнева, где мастеровые остаются поденными платами довольны, а платы эти большею частью одинаковы с ними, исключая конных работников, которые у них получают платы несколько менее; здесь принимались в расчет цена на сено, она у них дешевле, чем у мастеровых Рябкинского завода, которые по недостатку лугов сено покупают, но, снисходя к просьбам мастеровых, он, Манухин, согласен по заводам поденные платы совершенно уравнять с платами Рябкинского завода. Мало того, готов еще сделать посильную жертву, готов прибавить к получаемой мастеровыми плате еще по 5-ти коп. асс. в день, но более не имеет средств. В деревне Русской Маскиной мастеровые, пользующиеся хлебопашеством, имеют в этом отношении преимущество перед заводскими, и потому хотя им плата прибавится, но против заводских мастеровых они должны получать по 5-ти коп. асс. в день менее; а те люди, которые не будут иметь хлебопашество, получать плату, одинаковую с заводскими мастеровыми. Если по наружному виду домов быт мастеровых д. Русской Маскиной кажется хуже мастеровых Авторского завода, то это оттого, что по удаленности места заводоуправление не могло так тщательно следить за правильностью построек и всем порядком, как в Авторском заводе; в деревне Русской Маскиной мастеровым дано от владельца земли до 600 десят., там считается до 150 тягол, следовательно, на каждое тягло придется около 4-х десятин, сверх этого количества еще около 150 десят. земли, по распоряжению покойного заводовладельца манфактур-советника Николая Манухина, несколько лет тому назад было отделено частью для общественной запашки, в которой хлеб поступал в назначенный для продовольственного запаса, и поэтому с мастеровых уже положенный на это сбор не производился. Это сделано было для избежа-

ния сборного хлеба, который не может быть одинакового качества, и легко случится, что полученный от мастеровых хлеб будет сыр или чем-нибудь дурен и испортит весь другой хлеб в магазине; часть же запашки, которую покойный заводовладелец имел для себя, составлял его хозяйственный расчёт для домашнего быту, для выдачи хлеба сиротам, вдовам и богодельщикам. Также необходимым был посев овса для содержания заводских лошадей, и земля вся при деревне Русской Маскиной составляет частную собственность заводчика, потому что приобретена им по купчим крепостям. Зарабатываемая мастеровыми плата выдается им помесячно, часть же из этой платы у них оставлялась за конторою как бы избыточная, в виде сохранной кассы для того, чтобы в случае какой-либо непредвиденной нужды или несчастья, если мастеровой потеряет корову или лошадь или что другое, то он из конторы может тотчас беспрекословно получить свои деньги, которые значатся сполна в расчетном листе. Делалось это в виде заботливости об мастеровых, подобно тому, как на казенных уральских заводах у урочно рабочих удерживается из заработка часть денег на ремонтную сумму и проч., которая им же идет в пособие для помощи. Мастеровым, в случае надобности, нужное количество денег выдается даже вперед, отчего они состоят должны конторе. Кто из мастеровых желает брать всю свою заработку, то в этом препятствия им не делается, и он, Манухин, при вступлении своем в управление, дал строгое предписание заводской конторе, чтобы заработанные деньги выдавала мастеровым сполна, но для них последствия от этого будут хуже, потому что, получив все деньги, мастеровой может истратить их неблагоразумно, а в случае нужды должен просить будет пособия, или он должен войти в долг; часто случается, мастеровые берут разные произведения от завода, например: литье, топоры, кирпичи и проч., то и это по заводской цене подносится им под счет и вычитается из заработка. Так как д. Русская Маскина отстоит от завода около 40 верст, то оные мастеровые, являясь в завод, без сомнения, употребляют время на проход, но платить за эти проходные дни нельзя, потому что они не могут быть определены. Мастеровые эти работают в заводе и отпускаются конторою домой единственно по собственным их просьбам и надобностям, но для завода выгоднее бы было, если бы они постоянно работали без частовременных отлучек, и коль скоро мастеровые узнают, что за проходные дни им будет положена плата, то они беспрестанно будут находить причины отпрашиваться домой и чрез это будет значительная потеря в работе, а рабочие в течение месяца заработают платы еще менее против прежнего; а если мастеровые не получают платы за проходные, то они сами будут стараться избегать их, дабы более иметь дней рабочих, все равно как бы в задельных платах повсеместно несходные произведения бракуются и платы за них не выдается никакой, дабы более было произведений годных, а в вышесказанном случае дней рабочих, в чем соблюдение будет выгод и для мастеровых

и для завода. А крестьяне д. Русской Маскиной в прошении, полученном в горном правлении 8 марта, изъяснили, что они, живя на заводах Манухина более 30-ти лет, всегда и всем были довольны, пользовались и пользуются покровительством владельцев и достаточным продовольствием, будучи совершенно покорны в полном повиновении; но в нынешнем 1858 г., в январе месяце, они, крестьяне д. Русской Маскиной, по смущению мастеровых Авторского завода и пришедших оттуда крестьян их деревни, распространивших разные ложные между ними слухи, по которым они, неблагоразумно поверив, оказали неповиновение властям, предполагая оттого быть совершенно свободными и получить то, что будут требовать единодушно всем обществом. Теперь же во всем чистосердечно раскаиваются, видят, что требование их было неправильно и поступки противны общественному порядку, и потому просили у Манухина прощения, обязуясь его слушаться и повиноваться, и во всем они им довольны. Притеснений и обид от него никаких не имели, и в прошении, поданном в горное правление, написанном от нескольких только человек, они все к жалобе непричастны, и многие из них даже и не знают об его содержании, почему и просят их к нему не причислять. По соображению всего вышеизложенного горное правление положило сделать следующее распоряжение:

1. Задельные платы на заводах наследников Манухина, как весьма достаточные в сравнении с платами других заводов, тем более, что способ отливки чугунных изделий, как известно горному правлению, на заводах Манухиных значительно упущен, оставить в том виде, как они существуют ныне и изложены в табели, представленной в сие правление г. Манухиным; поденные же платы согласно изъявленного Манухиным желания, предоставить ему уравнять с поденными платами, существующими на Рябкинском заводе.

2. Что же касается до проходных дней, то горное правление, соглашаясь с изъяснением, сделанным по сему предмету Манухиным, и принимая во внимание, что ни на одном из заводов Замосковского края не полагается платы за эти дни и самый закон не определяет оной, не находит с своей стороны возможности назначить плату за проходные дни для крестьян д. Русской Маскиной, ибо с назначением оной неизбежна потеря как заводов, так равно самих мастеровых, ибо крестьяне при назначении им поденной [платы] будут тратить больше времени на переходы, через что уменьшатся их заработки, и заводы потеряют работников.

3. Поставить Манухина в обязанность не производить у мастеровых и крестьян никаких вычетов, и заработки их выдавать по заведенному порядку немедленно в расчетные дни, не удерживая нисколько из оных в заводской конторе.

4. Что же касается до 150 десятин, отобранных от крестьян д. Русской Маскиной, то, так как по объяснению Манухина крестьяне д. Маскиной имеют от заводчика до 600 десятин земли, что для

них весьма достаточно, независимо от сего 150 десятин у крестьян отобрано несколько лет назад с тем, чтобы собираемый хлеб был употребляем на составление продовольственных запасов, так равно на выдачу месячины престарелым, малолетним и другим видам, которым заводчик обязан оказывать вспомоществование. Почему землю ту 150 десятин горное правление полагает оставить в пользовании заводчика с тем, чтобы собираемый в оной хлеб был употребляем на общую пользу крестьян, как объяснено выше, и затем хлебного сбора с самих крестьян в продовольственный запас уже не производить, а пополнить оный самому заводчику.

5. Затем предложить Манухину озаботиться улучшением быта крестьян д. Русской Маскиной, вникнув в недостатки и нужды их, и тем из них, которые действительно в чем-либо нуждаются или же обременены семействами, при незначительности работников, оказать вспомоществование, дав работы более прибыльные, и тем самым уравнять их благосостояние с мастеровыми и крестьянами, не имеющими нужды.

О чем к должному исполнению всего изложенного выше предписать Манухину и дать знать исправнику 2-го округа, вменив на последнего наблюдение за непременным исполнением крестьянами деревни Русской Маскиной христианской обязанности. О каковом распоряжении московское горное правление имеет честь уведомить пензенское губернское правление.

Подлинное подписал старший советник Дугин.
Скрепил секретарь Мулинов.
Справил за столоначальника Титов.
Верно: столоначальник Иванов.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 96—108.)

1858 г., июня 2. Сообщение министра внутренних дел Ланского начальнику Пензенской губернии о высочайшем повелении по делу осужденных крестьян дер. Русской Маскиной за неповиновение властям и воинской команде.

Министерство внутренних дел. Департамент полиции. исполнительное отделение 2. стол 1. 2 июня 1858 г. № 244. По высочайшему повелению.

Господину начальнику Пензенской губернии.

Вследствие донесения в. пр-а от 23 минувшего апреля за № 4194 о крестьянах горнозаводского ведомства Краснослободского уезда деревни Русской Маскиной наследников посессионного владельца, умершего мануфактур-советника Манухина, суждённых военным судом за неповиновение начальству и сопротивление военной команде, я входил с представлением в комитет г. г. министров, по положению коего государь император высочайше повелеть соизволил:

1. Подсудимых, бывших ратников ополчения Егора Александрова Михайлова и Логина Константинова Кондрашкина ли-

шить всех прав состояния, прогнать сквозь строй каждого через сто человек по девяти раз и потом сослать в каторжную работу в рудниках на двадцать лет.

2. Восьмерых крестьян: Федора Власова Леонтьева, Ивана Иванова Феклина, Андрея Дмитриева Горбунова, Антона Захарова Гудина, Ефима Денисова Пунина, Матвея Александрова Беляева, Егора Яковлева Маркина и Анисима Николаева Осипова, лишить всех прав состояния, прогнать сквозь строй по семи раз каждого через сто человек и потом также сослать в каторжную работу в рудниках на двадцать лет.

3. Отставного унтер-офицера Архипа Власова Леонтьева, лишив имеющихся у него знаков отличия — военного ордена св. Георгия, серебряных медалей за Турецкую 1828 и 1829 г. войну и за взятие приступом г. Варшавы в 1831 году, польское за военное достоинство 5-й степени, шевронов за беспорочную выслугу 25 лет и всех прав состояния, сослать, как оказавшегося по причине преклонных лет и болезненному положению, неспособным к работе в рудниках, вместо каторжной работы, просто в Сибирь на поселение.

Сообщая в. пр-у отаковом высочайшем повелении для зависящих мер к исполнению оного распоряжений и возвращая доставленное при означенном донесении военно-судное дело, прошу вас о последующем мне донести.

Подписал: министр внутренних дел С. Ланской.

Верно: старший помощник правителя канцелярии Успенский.

(Пензенский госархив, ф. 5, д. 3760, л. 248.)

1858 г., июня 16. Рапорт командира Углицкого полка Попова начальнику 16-й пехотной дивизии Остафьеву о жалобах мастеровых Авгорского завода на делаемые им владельцем Манухиным притеснения.

Начальнику 16-й пехотной дивизии господину генерал-лейтенанту и кавалеру Остафьеву 1-му

Командира Углицкого пехотного полка полковника Попова

Рапорт.

Находящийся на экзекуции в Авгорском заводе с 6-ю ротою вверенного мне полка командующий оною поручик Павловский, рапортом от 16 сего июня за № 67-м донося, что в том заводе состоит все благополучно и жители ведут себя смирно, присовокупил, что 13 числа сего месяца рабочие Авгорского завода, собравшись около ста человек, пришли к нему, к Павловскому, и при бытности прапорщика Рачинского и фельдфебеля Сафона Финогенова словесно объявили:

1. Что они, жители деревни Авгорской, провели, по приказанию своего заводчика г. Манухина, дорогу из деревни Авгорской

в село Синиць и не получили за свою работу никакого вознаграждения, потом по приказанию его же, Манухина, на той дороге построили на свой счет мост и за то, неизвестно по какой причине, Манухин взыскал с них 150 руб. ассиг.

2-е. Вычтено с рабочих означенного завода по 1 руб. сереб. в пользу сирот, но, между тем, этими деньгами никто не пользуется.

3-е. В последний рекрутский набор поступило несколько охотников, и за этих охотников Манухин с их собственных семейств взыскал по 6 р. сереб., а со всех вообще рабочих, без всякого с их стороны согласия, взыскивал рекрутских денег на тех охотников по одному рублю ассигнациями.

4-е. Мастеровой Кирилло Дрокинов принес жалобу, что его брата, Якова Дрокинова, взяли в солдаты по набору, а между тем с семьи их, то есть с трех оставшихся братьев Григория, Дмитрия и Кириллы Манухин взыскивает 450 р. ассиг., из которых они частично уже уплатили, так что в настоящее время за ними осталось 117 руб. ассигн.

5-е. Мастеровой Петр Савельев показал, что из их семьи, состоящей из семи братьев, отданы в солдаты трое, из них Тихон Савельев оставил жену, сына 15 лет и двух малолетних дочерей, которым Манухин хотя и выдает месячные, но деньги за то вычитает с них трех: Ефрема, Егора и Петра Савельевых, и, независимо вышеобъясненного, представили ему прошение, написанное на имя чиновника особых поручений министерства государственных имуществ, прося его, поручика Павловского, доставить оное по адресу и, что прошение то он, Павловский, подлинником представил г-ну командующему корпусом, а копию с оного доставил ко мне.

Почтительнейше донося об этом вашему в. пр-у, имею честь представить при сем на благоусмотрение упомянутую выше копию прошения.

Подлинный подписал полковник Попов. №3848. 16 июня 1858 года, г. Краснослободск

С подлинным верно: начальник дивизионного штаба 16-й пехотной дивизии генерального штаба подполковник [подпись].

С подлинным сверял в должности обер-аудитор Дурасов.

(Пензенский госархив, ф. 5, д. 3760, л. 308—309.)

1858 г., июня 23. Рапорт заводовладельца А. Манухина начальнику Пензенской губернии Панчулидзеву о недостаточной решительности командира 8-й роты Углицкого полка при усмирении движения мастеровых Авгорского завода.

25 июня 1858 г.

Е. пр-у начальнику Пензенской губернии господину тайному советнику и кавалеру Александру Алексеевичу Панчулидзеву отставного горного инженер-штабс-капитана А. Манухина

Р а п о р т.

Московское горное правление сообщило мне указом от 2 сего июня за № 1278, что начальник 16-й пехотной дивизии довел до сведения в. пр-а, будто контора Авгорского завода почти ежедневно относилась к ротному командиру 8-й роты о присылке в оную нижних чинов для наказания мастеровых; на это имею честь донести в. пр-у, что донесение командира 8-й роты к начальнику дивизии не имеет справедливости. От авгорской конторы заседатель полиции в течение двух месяцев с лишком обращался к командиру 8-й роты всего два раза, один раз рапортом от 8 апреля 1858 г. за № 20 о взыскании с мастерового Сивиньского завода за ослушание, второй раз рапортом от 21 апреля за № 22 о взыскании с двух мастеровых Авгорского завода за грубость. По первому рапорту он произвел взыскание, а по второму отказался, объяснив, что имеет инструкцию, по которой ему предписывается ничего не делать без распоряжения гражданского начальства, и мастеровые, видя над собою послабление со стороны военного начальства, стали работать чрезвычайно лениво, с противоречием и несправедливыми отговорками, заводские произведения отделывают весьма дурно, отчего они в продаже сильно бракуются и идут за половинную цену, чрез это заводское действие может быстро притти в расстройство, и тогда уже для мастеровых наступит действительно бедственное положение, которого теперь они и понять не могут. Чтоб избегнуть этого, имею честь всепокорнейше просить содействия в. пр-а к поддержанию законной власти заводовладельца для восстановления правильного порядка. Потому что от военной команды в последние два месяца делается много потворства и послабления мастеровым Авгорского завода, вследствие чего между ними снова явилось убеждение, что они во всем правы, что их запрещено наказывать, и что за солдат должен платить я; но если же они сознаются в своих проступках, то останутся виноватыми и за все должны будут отвечать сами, а в оправдание свое они стараются придумывать самые несправедливые жалобы. Между тем, крестьяне деревни Русской Маскиной в отличном повиновении, и теперь ясно, что они прежде были возмущены мастеровыми Авгорского завода, между коими до сих пор осталось еще много негодяев. Почему имею честь покорнейше просить в. пр-о сообщить начальнику 16-й пехотной дивизии или командиру 6-го пехотного корпуса, дабы строго предписать чрез командира Углицкого пехотного полка ротным командирам в Авгорском заводе (так как там находится главная заводская контора и при оной управа благочиния и заводская полиция, под управлением установленного законом заседателя и надзором заводского исправника, но как заводский исправник бывает на заводе редко, равным образом по местопребыванию удален от заводов и земский исправник, то по обстоятельствам бывшего возмущения мастеровых, имеющим особенную важность, выходя-

щим из рода обыкновенных вещей, в случае требования местного заводского начальства), делать немедленно вспомоществования к восстановлению порядка и тишины и помимо заводчика или заведующего ни во что, касательно заводских людей и хозяйства, не входить, в противном случае от военной команды для заводов не будет пользы, а один вред с гибельными последствиями, потому что в последние два месяца мастеровые, видимо, испортились и между ними проявляются чрезвычайно фальшивые убеждения; они почти открыто говорят, что им не для чего знать заводчика, потому что скоро будут вольными. О чем я долгом счел почтительнейше донести в. пр-у для зависящего распоряжения.

Подлинный подписал отставной штабс-капитан А. Манухин.

Верно: старший помощник правителя канцелярии Успенский.

№ 21. 23 июня 1858 г.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 19—20.)

1858 г., июня 25. Рапорт краснослободского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору о представленном ему приговоре мастеровых Авгорского завода, в котором они описывают притеснения, делаемые им владельцем завода А. Манухиным.

К о п и я.

25 июня 1858 года.

Е. п-ву господину пензенскому гражданскому губернатору
краснослободского земского исправника

Р а п о р т.

Поверенные чугуноплавильного завода инженер-штабс-капитана Манухина крестьяне помещика его же, Манухина, Алексей Иванов Суриков и Павел Егоров, явясь ко мне сего числа, и представили частный приговор всех вообще крестьян того завода, которым они обнаруживают, что они находятся у помещика своего в полном повиновении и исполняют все работы по заводу его и управляющего приказания, точно так же и исполняли все это при прежних владельцах; так и то, что дошли до совершенного разорения и не имеют никаких средств содержать себя по причине весьма недостаточной платы за производимую ими работу; и что те, которые из них крестьяне содержатся в краснослободском тюремном замке, должны быть совершенно довольны, потому, что получают хорошее содержание, разве беспокоятся только за свои семейства; в прочем все они одинаково в этом виновны и готовы целым обществом быть заключенными в тюремный замок; прежде же этого владельца они могли довольствоваться таковою же пла-

тою за работу потому собственно, что прежние владельцы, как Николай Дмитриев и сын его Николай Николаев Манухины, сверх положенной платы дазали им леса и лугов, чрез что они могли вести небольшой оборот торговой промышленности и иметь скотину; нынешний же владелец их Александр Манухин не только не дает им лугов и леса, которыми они пользовались прежде, но даже отказал дать им в пользование снятую для них в краснослободском казенном лесу за собственные их деньги 1270 руб. оброчную статью, заключающуюся в 200 десятинах, братом настоящего владельца Николаем Николаевым Манухиным, которому и отдали они деньги, хотя они три раза обращались с просьбою о прибавке им платы за работу в московское горное правление, но не только удовлетворения никакого не видят по своим просьбам, [но] даже не знают, поступали ли в оное их прошения, а потому если долго не будет и после сего никакого удовлетворения, то они решатся дойти до крайности такого рода, что все решительно мужчины оставят свои семейства и пойдут лично к царю, хотя бы за это не только всех их посадили в тюремный замок, но даже если бы и сослали их в Сибирь или лишили жизни, причем имею честь представить подлинный их общественный приговор на начальническое распоряжение.

Подлинный подписал исправник Тихменев.

Верно: старший помощник правителя канцелярии Успенский.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 15—16.)

1858 г., июля 2. Сообщение начальника 16-й пехотной дивизии Остафьева пензенскому гражданскому губернатору о приведении в исполнение высочайше утвержденного наказания крестьянам дер. Русской Маскиной.

Начальник 16-й пехотной дивизии. № 4646. 12 июля 1858 года. Пенза. О выводе роты.

Пензенскому гражданскому губернатору, господину тайному советнику и кавалеру Панчулидзеву.

Командир Углицкого пехотного полка от 10 сего месяца № 4379 донес мне, что определенное высочайше утвержденною конфирмациею наказание над крестьянами деревни Русской Маскиной, поименованным в препровожденной при отзыве вашем № 5238 копии с предложения здешнему губернскому правлению № 6311, в надлежащее исполнение приведено 9 числа сего месяца, а находившаяся на экзекуции в той деревне 11 рота вверенного ему полка того же 9 числа оттоль выведена.

Уведомляя о сем в. пр-о, имею честь просить покорнейше по отзыву моему от 28-го минувшего июня № 2306 сообщить мне,

следует ли вывести роту из Авторского завода или оная по-прежнему будет находиться на экзекуции в упомянутом заводе.

Генерал-лейтенант Остафьев.
Начальник штаба, генерального штаба
подполковник [подпись].

(Пензенский губархив, ф. 5, д. 3760, л. 2об.)

1858 г., августа 14. Рапорт Авторской заводской конторы чиновнику особых поручений Островидову о распределении мастеровых Авторского завода по цехам и видам работ.

14 августа 1858 года.

Его высокоблагородию, состоящему при пензенском гражданском губернаторе, чиновнику особых поручений господину Островидову и г-ну заводскому исправнику 2-го округа Замосковных горных заводов

Авторской заводской конторы

Рапорт.

Вследствие предписания вашего высокоблагородия от 13-го августа за № 210 о доставлении сведений о мастеровых с разделением их по цехам, авторская заводская контора имеет честь донести, что при Авторском заводе числится мастеровых по 9-й ревизии 444 души, из них употребляются в работы по литейному цеху 161 человек, по слесарному цеху 1 человек, по кузнечному цеху 4 человека, по строительному цеху 3 человека, в простых переменных работах 19 человек, а всего 194 человека, которые значатся поименно в списке, при сем приложенном; другие же заводские производства, означенные в табели, представленной в московское горное правление 20 февраля 1858 года, как то: по кричному цеху выковка железа, по кузнечному цеху выделка под доски втулки и гвоздей; распилка леса, делание ларей для купоросного завода, полубарок и лодок, купоросных бочек, построение изб, гонка корчажного дегтя производятся по Сивиньскому заводу; строительный мастер и машинист у воздуходувных мехов состоят по Сивиньскому заводу, а в Авторском заводе находятся только во время действия машин. Заводовладелец г-н Манухин отбыл в Нижний-Новгород и неизвестно когда прибудет обратно в завод.

За отсутствием заводовладельца: прикащик М. Рябинин.
№ 160а. Августа 1858 года.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 23.)

1858 г., августа 14. Указ из пензенского губернского правления чиновнику особых поручений Островидову о расследовании дела о новом неповиновении мастеровых Авгорского завода.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского из пензенского губернского правления чиновнику особых поручений гражданского губернатора Островидову.

По указу е. и. в. губернское правление слушали:

Предложенный от начальника губернии рапорт краснослободского земского исправника от 21 июля № 331, в коем пишет, что 18 июля отставной инженер штабс-капитан Александр Николаев Манухин словесно принес ему жалобу на мастеровых Авгорского завода, в особенности на Василия Петрова Тимофеева, Ивана Самарцева 2-го, Андрея Година, Дениса Сурикова, Павла Юдина, Михайлу Захарова, Самсона Фадеева, Кузьму Байшева, Тита Блохина, Алексея Сурикова, Андрея Чегодаева и Степана Драконова, что они не исполняют, как должно, заводских работ и не повинуются, а постоянно требуют прибавки поденной платы за работы. 11 числа июля на покосе управляющим завода велено было авгорским мастеровым для косьбы с одного места перейти на другое, так как всем народом на одном месте делать было нечего, но они его не слушали и кричали, что не пойдут, называя управляющего стриженым, и что у них было много таких, но немногие нахрабровали, так и он долго не нахрабруется. Более всех шумели и кричали Василий Петров Тимофеев, Иван Самарцев 2-й, Денис Суриков, Андрей и Павел Юдины, Самсон Фадеев и Михайла Захаров, а Кузьма Байшев прежде подавал всем повод не слушаться управляющего; 14 июля во время разбора в конторе за грубости и ослушание Василия Тимофеева управляющий хотел посадить под арест, но все мастеровые, бывшие тогда в конторе, подражая его грубостям, посадить его не дали, а с азартом закричали: «Сажай с ним всех их, ибо они все заодно!» 15 числа все мастеровые согласны были делить луга в заводских дачах собственно для себя, но мастеровые Тит Блохин, Алексей Суриков и Прокофий Суриков им не велели, каковые и теперь остались некошенными под предлогом недачи им лугов владельцем. Для дознания о всем этом он, исправник, 19 июля отправился в Авгорский завод, но мастеровых никого в заводе не застал. Из них Алексей Суриков, Андрей Чегодаев и Степан Драконов были захвачены рассыльным в домах, которые сказали, что одни не пойдут, а придут все, сколько их есть. 20 числа утром, в воскресный день, он, исправник, приказал созвать в контору вышеозначенных мастеровых, как более других упорствующих, но они явились к нему всем миром, не выдавая из общей толпы ни одного по его требованию, ничего не выслушивая, с азартом, общим голосом кричали более всех и первыми Тит Блохин, Алексей и Петр Суриковы, Василий Наумов, Иван Блохин, Петр Суриков и Федор Драконов, что им мало платится за подельные работы, и сколько

ни старался остановить их от крика, — не мог. Из тех, которые 19 числа были в своих домах и по требованию к нему, исправнику, не явились, хотел их наказать, но они, столпясь около него, с азартом кричали: «Наказывай нас всех!», — присовокупив, что они по заводу работу исполняют, а повиноваться владельцу не будут, покуда он не станет им платить по 28 р. асс. в месяц на мастерового и будет выдавать по два пуда на каждую душу ржаной муки, и что от них о малой им плате за поденную работу на высочайшее имя подана просьба, на которую они ожидают разрешения, и если недели через две или много чрез месяц ничего не получат, то все оставят своих жен с малолетними детьми и отправятся лично к царю. Почему он, исправник, не мог в то время сделать г. Манухину никакого удовлетворения, опасаясь более дурных последствий, а решился об их ожесточении и упорстве довести до сведения е. пр-а на зависящее распоряжение.

Приказали: о рапорте краснослободского земского исправника дать знать чиновнику особых поручений Островидову для совокупного исследования с порученным ему 25 июля сего года делом.

Августа 14 дня 1858 г.

Ассесор Ж а л и н.
Секретарь И в а н о в.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 59—60.)

1858 г., августа 16. Рапорт заводского исправника Синицына пензенскому гражданскому губернатору о новом выступлении мастеровых Авгорского завода.

Его превосходительству господину пензенскому гражданскому губернатору

заводского исправника 2-го округа
Замосковных горных заводов

Р а п о р т.

Мастеровые Авгорского г. Манухина завода 15 сего августа в 7 часов вечера собрались толпою до ста человек, потребовали чиновника особых поручений г. Островидова. Когда он вышел вместе со мною и спрашивает, что им нужно, они отвечали, что к показаниям, от них отбираемым, они руки прикладывать не хотят; затем стали кричать, что они недовольны положением, и когда я одного из крикунов приказал отвести в полицию, то они закричали: «Мы все пойдем в полицию, сажать так сажать всех!», и действительно, все пошли от нас, но не в полицию, а к ротному двору, куда по распоряжению моему г. ротным командиром были собраны солдаты расположенной в Авгорском заводе роты, которыми они были окружены, после чего, войдя я в круг, всячески старался убеждать оставить своеволие и толпою не собираться. На все мои убеждения они кричали,

что они об нуждах своих по одному просить не будут, будут ходить миром, и что все они заодно; полученным, назначенным е. пр-ом господином берг-инспектором, недовольны, наказывать их не следует; когда же я взял из них четырех мастеровых, впереди кричавших, и одного из них Петра Никифорова Сурикова, более всех кричавшего, хотел наказать розгами, тут Суриков закричал толпе: «Ну, ребята, теперь-то не мешкайте и не зевайте!» За этими словами вся толпа мастеровых двинулась на солдат к месту наказания, но солдаты, подняв ружья в упор, толпу из круга не пустили. Закричавший эти слова мастеровой остался ненаказанным под арестом, а прочие выдернутые из толпы три человека наказаны розгами, затем, после наказания и убеждения со стороны моей и г. чиновника, волнение несколько утихло, и, как это было в 9 часов, почему пробита вечерняя заря, и мастеровым велено разойтись по домам и после зари по улицам не ходить, а арестованного Сурикова, как явно обличавшего себя зачинщиком народного волнения, приказал отвести под караул для препровождения в город Краснослободск для содержания под стражею; когда же его повели, то вся толпа двинулась за ними и остановилась около избы, в которую был посажен арестованный, говоря, что отсюда не пойдут, но, спустя некоторое время, по общему крику стоять заодно, перекрестились и отправились все по дороге в город Краснослободск, но с помощью военной команды силою возвращены с дороги в завод и употреблены в заводские работы.

Донося о сем, имею честь покорнейше просить в. пр-о об оказании помощи к прекращению беспорядков, возникших между мастеровыми Авгорского завода, сделать свое начальническое распоряжение; к сведению в. пр-а имею донести, что арестованный мастеровой Петр Суриков в гор. Краснослободск для содержания под стражею мною не отправлен во избежание сильных волнений между мастеровыми, так как мастеровые с криком объявили, что если Петра Сурикова поведут в г. Краснослободск, тогда и они все пойдут туда, несмотря ни на что.

Исправник Синицын.

№671. Августа 16 дня 1858 года.

(Пензенский госархив, ф. 5, д. 3760, л. 360—361.)

1858 г., не позднее августа. Жалоба мастеровых Авгорского завода на своего владельца Манухина, поданная чиновнику особых поручений министерства.

Копия с копии.

Ваше высокородие, господин чиновник особых поручений министерства.

К стопам ног ваших припадаем и о своем всенужнейшем честь имеем объяснить.

1-е. Ходили мы к своему заводчику Александру Николаевичу Манухину просить прибавки платы всем обществом до семи раз, но он, г. заводчик Манухин, сказал: «Платы не прибавляю, ступайте в город, подайте на меня прошение, а я от вас откажусь или запродам вас и возьму за каждого человека по шестидесяти целковых серебром и стану торговать вином, и то мне сходнее будет», но мы всем обществом и пришли в город к дворянскому предводителю. Также всем обществом он нас спрашивал, какая вам плата в подельной работе, мы открыли: тридцать коп. ассигнациями пешему, а с лошадью пятьдесят коп. ассигнациями, по литейной части по шестидесяти коп., в сутки тож обходится по тридцати коп. ассигнациями; на хлебе своем девкам и бабам по пятнадцати коп. асс. Дворянский предводитель послал нас на завод, сказал: «Ступайте работайте, а я дело ваше разберу».

2-е. Через три недели суд приехал, также и дворянский предводитель и сделали нас виновными, некоторых отправили, шесть человек, в острог и наказали их жестоко. После того время горнозаводский исправник два раза приезжал и наказывал и разоряет нас до крайности; по билету мы навозили бревна для поправки своих изб и прочего надворного строения, и свез на свой двор на заводчиковых лошадях; лошадей и коров распродали; и остались мы крайне обиженными и разоренными, да и пропитаться по выше положенному количеству платы не можем. В завод поставляем дрова на отопку печей для сушки разной посуды, и за оные вычитает с каждого человека по 2 р. по девяти коп. асс.; штрафу заплатили мы заводчику Манухину семьдесят тысяч руб. асс. и взято литья в брак до двух сот тысяч пудов, и нам за то не платится ничего, а он отправляет на барках в разные места и получает полную цену, как и за хорошую. Есть у него, Манухина, управляющий в Авгорском чугуннoплавильном заводе Федосей Данилов, который нас за ничто наказывает, бьет, мучит до полусмерти, по каковым обстоятельствам вашего высокородия и милостивого государя всепокорнейше просим, взойдите в защиту и покровительство и оказать нам милостивейшее удовлетворение решение [1].

С подлинной верно: поручик Павловский.
С копиею верно: правителя канцелярии
старший помощник Успенский.

Управляющий должность столоначальника
[подпись].

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 69—70.)

[1] Далее следуют подписи мастеровых в количестве 66 человек.

1858 г., августа 17. Объяснение заседателя авгорской заводской конторы о непослушании мастеровых Авгорского завода.

Получено 18 августа 1858 года.

Его высокоблагородию состоящему при пензенском гражданском губернаторе чиновнику особых поручений г. Островидову и г. заводскому исправнику 2-го округа Замосковных горных заводов

Заседателя авгорской заводской полиции
Федосея Данилова Карлова

Объяснение.

По обстоятельствам, обнаруженным краснослободским земским исправником в рапорте к г. начальнику Пензенской губернии, и обвинениям, возведенным против меня авгорскими мастеровыми, имею честь объяснить, что со времени утверждения меня заседателем при авгорской заводской полиции с 19 января 1858 года никому из мастеровых без причин наказания не производилось, но если за ними открывались проступки, заслуживавшие должного взыскания, то я виновных представлял г. заводскому исправнику, а в отсутствие его к г. г. командирам рот Углицкого пехотного полка, стоящим в Авгорском заводе на экзекуции, которыми делались полицейскими мерами взыскания и записывались всякий раз в штрафную книгу авгорской полиции; один же я их не наказывал. Касательно же показания мастеровых, будто их били и тиранили без милосердия, то оно совершенно ложное, ни на чем неосновательное и ничем не может доказаться, тем более, что все разбирательства их проступков и взыскания с виновных делались в присутствии конторы. Относительно неповиновения, оказанного мастеровыми в разное время, имею честь сообщить, что владельцем заводов г. Мапухиным поручалось мне в отсутствие управляющего временно наблюдать за производством заводского дела, как это и было в минувшем июле месяце, почему, видя лениво работающих мастеровых, я делал им замечания работать прилежнее, но они мне отвечали, что «получают в день не по рублю, а только по 30 коп. асс., и на эти деньги довольно их работы». Всего более нерадение их к работе оказано было на покосе в июле месяце; в работу выходили поздно, а придя работали лениво и при замечаниях, деланных мною смотрителям из мастеровых Григорью Драконову, Никифору Сурикову и Дмитрию Никитину, что мастеровые наработали мало и чтобы заставляли их работать прилежнее, мне всегда отвечали: «Мастеровые нас не слушают, нам с ними нечего делать, мы тебе это объявляем, как знаешь, так с ними и делайся»; когда же после того я обращался к мастеровым с выговором за леность в работе, они начинали дерзко шуметь, требуя от меня прибавки им поденной платы, говоря: «Получаем только 30 коп. асс. в день, по деньгам и достаточно нашей работы».

10 июля мастеровые косили траву на узком месте около реки Авгоры, и, как всем в куче работать было тесно, то я велел нескольким человекам перейти косить на другое место, и они пошли нехотя, с отговорками, а Кузьма Вайшев, оставаясь на закошенных рядах, закричал с намерением возмутить и других: «Куда они и зачем пошли? пойдем и мы все туда». Я этого им не дозволил, заставил работать на том же месте. Справедливость этого может подтвердить бывший при том села Карьги унтер-офицер Гаврила Сургучев, находящийся в Авгорском заводе на службе. На другой день, т. е. 11 июля, также тесно было всем мастеровым косить на узком пространстве, почему я и велел нескольким человекам перейти на другое место, но они не послушали, сказали: «Не пойдем» и начали шуметь с дерзостью, требуя от меня платы по рублю за день, называя меня в насмешку стриженым, что были и прежде такие стриженые, но немного нахрабрили: кто же именно сказал эти слова, в толпе узнать было нельзя. Наиболее из них кричали Василий Петрович Тимофеев, Иван Самарцев 2-й, Денис Суриков, Андрей и Павел Юдины, Михайла Захаров и Симон Федеев. Свидетелями этого ослушания и шума были смотрители Григорий Драконов, Никифор Суриков и унтер-офицеры: села Карьги Гаврила Сургучев и села Саловки Игнат Белкин. 14 июля в конторе при конторском служащем Дмитрии Драконовом и двух сотских Козьме Яковлеве Щербаковом и Василье Иванове Ермолаевом во время наряда мастеровых на работы выше упомянутого Василья Петрова Тимофеева за грубости велено было взять сотским под арест, но бывшие при том все мастеровые закричали: «Сажай и нас всех вместе с ним, мы все заодно», наговорили много грубостей и ушли из конторы, уведя с собой и Василья Петрова Тимофеева. Леность мастеровых при уборке могут подтвердить конторские служители, находившиеся в присмотре за рабочими на покосе, Захар Суворов и Петр Фуфаев. 15 июля все мастеровые согласны были делить луга для косьбы травы в заводских дачах, но пришедшие мастеровые Тит Блохин, Алексей Суриков и Прокофий Павлов Суриков делить луга отсоветовали и трава на них осталась некошенною.

1858 года, августа 17 дня. Заседатель авгорской заводской полиции Федосей Данилов Карлов.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 83—84.)

1858 г., не ранее 14 августа. Выписка из книги авгорской полиции о наказании мастеровых завода розгами за период с 1 января по 14 августа 1858 г.

Выписка

из книги авгорской полиции для записывания проступков мастеровых Авгорского завода с 1 января 1858 года.

Месяц и число	Имя, отчество и фамилия	За что записан
Февраль 6	Авгорские: Заводской надзиратель Захар Суворов	За присутствие на сходе с мастеровыми наказан при полиции розгами 15 ударов. Исправник Синицын
	Ларион Самарцев	За слова, сказанные им в народе: «Нас солдатами не испугаешь», наказан при полиции розгами 20 ударами.
	Константин Власов, Трофим Московской, Арефий Суриков	За ослушание, сделанное в конторе при наряде в работу, наказаны при полиции розгами 10 ударами. Исправник Синицын
10	Петр Г. Суриков, конторский служащий	Г-ном заводским исправником наказан за неисправность конторских отчетностей розгами 15 ударами. Исправник Синицын
	Прокофий Суриков, Ларион Самарцев, Федор М. Драконов, Андриян Григорьев, Иван Баробин, Петр Антонов, Федор Сергеев, Иван Вшивой, Антон Сериков, Федор Черинцов, Никита Исаев, Петр Николаев	За невыполнение заводских работ по литейному цеху г-м заводским исправником наказаны розгами по 10 ударов. Исправник Синицын
23	Енисей Фадеев	За самовольную порубку дров в заводской дачи из растущего леса наказан при полиции розгами 15 ударами. Исправник Синицын
Март 4	Сергей Андреев	За неисправность печи, от которой загорелась сажа в трубе, наказан при полиции розгами 15 ударами. Исправник Синицын
5	Петр Фуфаев, конторский служитель	За ошибку, сделанную в книге приемки литья от мастеровых, наказан при полиции розгами 10 ударами. Исправник Синицын

Месяц и число	Имя, отчество и фамилия	Продолжение За что записан
Март 20	Симон Фадеев	За ослушание и грубость своему отцу наказан при полиции розгами 20 ударами. Исправник Синицын
Май 19	Авгорские: Прокофий Суриков, Федор М. Драконов, Федор Сергеев, Семен Гудин, Василий Паутов, Степан Зубков, Макар Фролов Михаил Рыбин, Феофан Суриков, Родион Сериков, Иван Блохин	За невыполнение работ по литейному цеху и за грубость начальству г-м заводским исправником наказаны розгами по 15 ударов. Исправник Синицын
23	Федор Антонов, Денис Суриков, Иван В. Щербаков	За самовольную отлучку в город Краснослободск из-за работы, за что наказаны розгами по 10 ударов. Исправник Синицын
Июль 17	Василий Петров, Иван Самарцев, Андрей Юдин, Павел Юдин, Михаил Захаров	За ослушание и грубость, сделанную ими на покосе 11-го июля, наказаны при полиции розгами 15 ударов. Исправник Синицын
Август 9	Никита Герасимов Исаев	Во время действия заграпки, намереваясь унести чугуна в штыках, выкинул его до 1 пуд. 20 фун. за стену около заграпки. Бывший с ним в работе Федор Матвеев показал, что Никита действительно хотел унесть чугун, за что и наказан при полиции розгами 20 ударами. Исправник Синицын
9	Василий Прокофьев Мураткин	Находясь в магазине при разборке старых пар, унес оттуда железа 7 фунтов, за что и наказан розгами при полиции 20 ударами. Исправник Синицын
9	Дмитрий Никитин, Петр Антонов, Ларион Трофимов	За грубости, деламые ими во время работы смотрителям и надзирателям, наказаны при полиции розгами 15 ударами. Исправник Синицын

Месяц и число	Имя, отчество и фамилия	За что записан
Август 9	Петр Савельев	Прикащиком завода замечено, что Савельев без позволения срубил в заводской лесной даче растущее березовое дерево для своей надобности, за что и наказан при полиции розгами 16 ударами. Исправник Синицын
13	Петр Николаев Мураткин	За леность в работе при подвозке глины и песку к каменщикам, работающим при рудообжигательной печи, равно и по жалобе мастера о непослушании, наказан при полиции розгами 10 ударами. Исправник Синицын
14	Федор Черинцов, Матвей Лукин	Оба за неприличные слова, сказанные ими в народе, собранном г-м заводским исправником для объявления им распоряжения, сделанного е. пр-м г. московским берг-инспектором по отъезде с Авгорского завода, наказаны при полиции розгами 15 ударами. Исправник Синицын

Чиновник особых поручений Островидов.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 119—122.)

1858 г., августа 24. Объяснение заводовладельца Манухина чиновнику особых поручений Островидову о положении мастеровых Авгорского чугуноплавительного завода.

Заводовладельца отставного штабс-капитана Манухина.
24 августа 1858 г. № 25.

Господину чиновнику особых поручений Островидову и г. горнозаводскому исправнику

На отношение ваше от 22 августа 1858 года за № 218 имею честь объяснить, что при Авгорском чугуноплавительном заводе моем считается по 9-й ревизии мужеска пола 444 души, из них обращаются в заводских работах до 200 человек, все они исключительно задолжаются по литейному цеху, а именно: от 160 человек до 180 и более, остальные задолжаются в поденных переменных работах, и это может составить другой цех; но по кузнице, столярной и слесарной цехов нет, потому что не имеется определенных технических работ, а производятся только вспомогательные, по мере заводской надобности; затем никаких более других работ при Авгорском заводе не производится. Когда же завод останавливается, т. е. доменная печь или вагранка не действуют, то мастеровые определяются к разным поденным работам, но это бывает только временно. Плата производится согласно табелей: 1) представленной в московское горное правление от 20 февраля 1858 г. и 2) согласно положения о платах, измененных и утвержденных московским берг-инспектором господином генерал-майором Чебаевским от 31 июля настоящего года за № 58 и получившей свое действие с 1 августа 1858 года. Относительно же пользования мастеровых лугами для сенокошения, имею честь объяснить следующее: по недостатку лугов в заводской даче для них снимаемы были покойным заводовладельцем мануфактур-советником Николаем Дмитриевичем Манухиным непосредственно или через контору в оброчное содержание в различных окрестных местах луга для сенокошения, расходы за эти луга относились на их счет. Без сомнения, это делалось в видах заботливости и обеспечения домашнего быта мастеровых и, конечно, по желанию мастеровых, потому что в течение нескольких десятков лет с их стороны не было никаких жалоб, а, напротив, они всегда были благодарны владельцу. Сколько же на то употреблялось расходов, известно было только прежнему заводовладельцу, но ни я, ни контора положительных о том (?) фактов не имеем, а показания мастеровых в настоящее время не могут иметь достоверности; потому что не имеют основания, а происходят вследствие их неприязненного расположения. Но в 1857 году, действительно, как видно из конторских книг, значится, что под счет мастеровых заплачено 60 рублей серебром на снятие для них покосов, которыми они и пользовались, равным образом и в 1858 году им поднесено было под счет 30 рублей для снятия сенокосных лугов, но, как они того не пожелали, то сумма эта была немедленно им возвращена обратно, между тем мастеровые по неповиновению и упорству сами отказались принять ее, объяснив, что они об этом подадут просьбу к высшему начальству. Но лугов или полян, снятых собственно для мастеровых на их имя и принадлежащих им по каким-либо условиям или контрактам, не имеется; что же касается до вычета с мастеровых за отпущенные им дрова из заготовленных для действия завода на собственный его счет, имею честь объяснить: для просушки апок мастеровым дозволено было, как и в прежнее время, пользовать-

ся дровами в заводской даче безвозмездно, но они, обнаружив неповиновение, не хотели готовить в лесу дрова, и, несмотря на приказания заводского начальства, с грубою настойчивостью требовали, чтобы им доставлены были в сушильные печи совершенно готовые дрова. Чтобы не произвести остановки в литейном производстве, я приказал доставить мастеровым готовых дров, объявив, что расходы по излишнему их употреблению должны быть отнесены на счет тех из них, которые будут пользоваться дровами, тем более что имею в виду ежегодное уничтожение лесов и важность сбережения их. На заводе нашем большая часть отливок производится без просушки, т. е. без употребления дров, и заводоуправление старается постепенно ввести отливку в сырую землю, т. е. без употребления дров, тогда как в последнее время мастеровые стали по невежественному упорству и неповиновению употреблять дров чрезмерно много, безрасчетно и небрежно при нерадивой работе, вследствие чего за отпущенные им против прежних лет 84 1/8 сажень дров вычтено 211 руб. 11 коп. асс., ценою по 2 руб. 50 коп. асс. за сажень, а с каждого мастера, употреблявшего дрова, обошлось по 2 руб. 9 коп. асс., рассчитывая на 5 зимних месяцев, что составит с небольшим 40 коп. асс. в месяц вычет самый незначительный, а он удерживает мастеровых от излишнего употребления дров, что в заводском хозяйстве весьма важно.

Отставной штабс-капитан А. Манухин.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 144—145.)

1858 г., сентября 14. Объявление мастеровых Авгорского завода чиновнику особых поручений Островидову о непосильной эксплоатации их заводовладельцем и издевательствах со стороны заводского исправника.

16 сентября 1858 года.

Его высокоблагородию господину чиновнику особых поручений титулярному советнику Островидову

мастеровых Авгорского завода нижеподписавшихся

Объявление.

Честь имеем объяснить, что нам, рабочим, от г. заводчика выдавалось и ныне выдается в день мужчине пешему тридцать копеек ассигнациями, и на серебро восемь копеек с четью, а из этого числа вычитается за дрова два рубли пятьдесят копеек ассигнациями в месяц, да за брак в литье. А за тем вычетом и оставалось в месяц целковых полтора, а из этой платы мы должны купить для себя и для всего семейства своего хлеб, одежду. обувь и все необходимое, и даже дрова для отопления

домов наших. Господа же горные исправники, как прежний, так и настоящий Синицын, на просьбу нашу о положении нам законной платы удовлетворяли нас только розгами и побоями из своих рук, что делал г. Синицын и при нашем высокоблагородии при наказании многих из нас розгами, стараясь тем угодить г. заводчику Манухину, у которого он всегда бывает в гостях, а, как сверх того, он в настоящее время состоит под уголовным судом и ответствием по закону за то, что он, вступившись за полянских мордвов Потапкиных, чрез нападение силою отнявших у ододеревенского с ним крестьянина Филиппа Герасимова лошадей с упряжью и чугунным браком, без прав закона государственного крестьянина Герасимова и вощика его заключил в тюремный замок, о чем Герасимов и вощик его в сем же месяце послали господину начальнику губернии жалобы, с прозбою о произведении следствия и о поступлении с ними по законам. Потому мы просим ваше высокоблагородие в дальнейшем ходе дела его, г. Синицына, от всякого в том участия отстранить и от притязаний и истязаний его нас оградить вашим ходательством пред е. пр-ом господином начальником губернии. От работ же заводских мы никогда не уклонялись, в чем оправдают нас господа ротные командиры и солдаты Углицкого пехотного полка, у нас стоявшие.

Сентября 14 дня 1858 года.

К сему объявлению, за неумением мастеровых грамоте, за все общество Иван Филипов руку приложил.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 332—333.)

1858 г., октября 28. Приговор пензенской палаты уголовного суда по делу неповинения владельцу и властям мастеровых Авгорского чугуноплавительного завода.

3 ноября 1858 г.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского из пензенской палаты уголовного суда краснослободскому уездному суду.

Уголовная палата, слушав записку по делу, поступившему из оного уездного суда о мастеровых Авгорского чугуноплавительного завода г. Манухина, судимых за неповиновение своему владельцу и за ослушание, оказанное временному отделению краснослободского земского суда и заводскому исправнику, и о прикосновенных к сему делу коллежском секретаре Михайле Герасимове Веденяпине и государственном крестьянине Павле Иванове Губанове, решительным определением, состоявшимся 25 сентября сего 1858 года и утвержденным г. гражданским губернатором, заключила:

Мастеровые Авгорского чугуноплавительного завода г. Манухина и приписные к оному крестьяне деревни Русской Маскиной в январе месяце сего 1858 г. оказали неповиновение своему владельцу и ослушание горнозаводскому исправнику и временному отделению краснослободского земского суда, для усмирения

которых была употреблена воинская команда, но крестьяне деревни Маскиной сначала оказали против оной сопротивление, а потом по следованию к ним полицейских, как они, так и мастеровые Авгорского завода, не участвовавшие в сопротивлении воинской команде, оставили свое намерение и обязались повиноваться владельцу беспрекословно. В таком беспорядке, происшедшем между вышеозначенными мастеровыми и крестьянами, кроме крестьян деревни Русской Маскиной, сопротивлявшихся воинской команде и поступок которых уже обсужден комиссией смешанного военного суда, учрежденного при краснослободском уездном суде, по следствию оказались зачинщиками, подговорщиками и более других виновными из мастеровых Авгорского завода, которые не сопротивлялись воинской команде: Иван Герасимов Евдокимов, Федор Семенов, Иван Петров, Федот Александров, Фирсов и Дмитрий Павлов Исаев и Сивиньского железоделательного завода Прокофий Яковлев Исаев. Как означенные, так равно и прочие мастеровые Авгорского завода и крестьяне деревни Русской Маскиной в оказании неповиновения своему владельцу и в ослушании горнозаводского исправника и временного отделения краснослободского земского суда добровольно признались и показали, что поводом к неповиновению и ослушанию их было неудовольствие на содержателя завода Манухина за малое положение им задельной платы против других заводов, о чем с общего согласия всего общества они подали в горное правление прошение, которое по просьбе некоторых из них писал начерно отставной коллежский секретарь Михаил Герасимов Веденяпин, а набело переписывал по просьбе его, Веденяпина, города Краснослободска государственный крестьянин Павел Иванов Губанов. За прошение это дано ими первому 10 руб., а последнему 50 к. серебром. Кроме сего, маскинские крестьяне при допросе присовокупили, что о намерении их не повиноваться они объявили своему приходскому священнику с. Аракчева Леонтию Яковлеву Берингову, который, бывши у них в деревне, говорил им, чтобы они стояли за свое и ничего не боялись, потому что им ничего не будет, а если приедет суд, то он всех их покроет и всех заговорит, в чем, однако священник Берингов не сознался. Отставной коллежский секретарь Михаил Герасимов Веденяпин в написании чернового прошения от имени вышеупомянутых возмутившихся крестьян в горное правление и во взятии с них за оное 10 руб. сер. при первоначальном спросе сделал запирательство и объявил, что хотя крестьяне г. Манухина и были у него для написания прошения, но он им в том отказал и крестьянина Губанова переписывать прошение не просил; когда же Губанов сознался в переписке в доме г. Веденяпина набело прошения от крестьян г. Манухина в горное правление с жалобою на своего владельца за неплатеж им задельной платы за литье чугуна и подтвердил, что действительно черновое прошение, с которого он переписывал, написано было Веденяпиным, потому что он очень хо-

рошо знает его руку, то на очной ставке, данной ему Веденяпину, с Губановым, он, утверждая прежнее свое показание, присовокупил, что точно была какая-то ремарка, или черновая просьба в горное правление, которую он отдал, кажется, кому-то из мастеровых, а нашел он эту ремарку у себя в доме; после того на вопросные пункты в присутствии краснослободского уездного суда он, Веденяпин, отвечал, что Губанов переписывал с черновой просьбы, принесенной ему крестьянами вместе с реестрами. Подсудимые по сему делу мастеровые Авгорского завода Иван Герасимов Евдокимов, Федор Семенов, Иван Петров, Федот Александров Фирсов и Дмитрий Павлов Исаев и Сивиньского завода Прокофий Яковлев Исаев в поведении на повальном обыске не одобрены, а коллежский секретарь Веденяпин и крестьянин Губанов одобрены, а из них Веденяпин и мастеровой Авгорского завода Иван Герасимов Евдокимов был прежде сего под судом: первый за утайку во время служения его секретарем в краснослободском земском суде в свою пользу денег, присланных из губернского правления для выдачи солдатке Лукиной и за продержание у себя денег, полученных от становых приставов; поступок Веденяпина, по решению Правительствующего Сената, признан воровством, мошенничеством, но от следующего ему по 279 и 811 ст. XV т. зак. угол. издания 1842 г. наказания, за силою всемилостивейшего манифеста 16 апреля 1841 года, он освобожден с удалением от должности, с тем, чтобы его, как неблагонадежного, ни к каким должностям не определять и со взысканием с него всех удержанных им денег с следующими процентами, каковое решение уже приведено в исполнение, а последний Евдокимов — за побеги, ослушание и подачу на управляющего заводом неосновательной жалобы, за что, по решению московского горного правления наказан полицейским порядком розгами тридцатью ударами; прочие подсудимые судимы ни за что не были, по сказкам 9 ревизии они значатся: Иван Евдокимов 42, Федор Семенов 29, Иван Петров 30, Федот Фирсов 30, Дмитрий Исаев 29, Прокофий Исаев 16 и Павел Губанов 16 лет, а Веденяпин по формулярному о службе его списку за 1841 год показан имеющим от роду 30 лет. Сообразив таковые виды дела, уголовная палата определяет: подсудимых мастеровых Авгорского завода г. Манухина Ивана Герасимова, Федора Семенова, Ивана Петрова, Федота Александрова Фирсова и Дмитрия Павлова Исаева и Сивиньского железоделательного завода того же владельца Прокофия Яковлева Исаева, как главных виновных, зачинщиков и подговорщиков к произведению беспорядка между мастеровыми Авгорского завода, на основании 2 пункта 140 и 290 ст. уложения и согласно с мнением краснослободского уездного суда, лишив всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ, наказать при полиции чрез десятских розгами в меньшей мере, определенной 33 статьею уложения для пятой степени наказаний сего рода, каждого пятьюдесятью ударами, и потом отдать в исправительные арестант-

сяте роты гражданского ведомства на один год, а в случае неспособности их к работам в сих ротах заключить на основании 883 статьи уложения в рабочий дом на один с половиною год и потом поступить с ними на основании 51 статьи уложения. В сверх того, как им: Евдокимову, Семенову, Петрову, Фирсову и Исаевым, так и прочим мастеровым Авгорского завода и крестьянам деревни Русской Маскиной, участвовавшим в сопротивлении воинской команде, сделать строгое подтверждение, чтобы они на будущее время делать подобных поступков себе не дозволяли, а находились в должном повиновении и послушании своему владельцу, под опасением, в противном случае, строгого наказания по законам. Отставной коллежский секретарь Михаил Герасимов Веденяпин в написании от имени мастеровых Авгорского завода и крестьян деревни Русской Маскиной прошения в горное правление с жалобою на их владельца не сознался, но достаточно в том изобличается как разнообразными своими показаниями, так и уликами тех крестьян, которым он писал прошение, и писавшего оное набело крестьянина Губанова, а потому его, Веденяпина, за сочинение крестьянам Авгорского завода противозаконного прошения, а государственного крестьянина Павла Ивановича Губанова за переписку оного на основании 1 части 1169 ст. уложения подвергнуть денежному взысканию: Веденяпина по упорству в запирательстве пятидесяти, а Губанова десяти рублей серебром, которые, по взысканию, отослать в пензенское губернское правление на зависящее его, по силе 45 ст. улож., распоряжение. Прогонные и суточные деньги и следующие за две эстафеты, выданные из казны следователям сего дела, всего сто три рубля пять копеек серебром, взыскать со всех мастеровых Авгорского завода и крестьян деревни Русской Маскиной и отослать в казну; сверх того, взыскать с одних авгорских мастеровых прогонные деньги за подводы, взятые под воинскую команду, следовавшую в Авгорский завод для усмирения тех мастеровых за 45 верст на 195 лошадей, полагая на каждую лошадь по 1 $^1/_2$ копейки серебром за версту, всего сто тридцать один рубль шестьдесят две с половиной копейки серебром, которые отослать в пензенскую палату государственных имуществ на ее распоряжение; затем обстоятельство о прикосновенном к сему делу священнике села Аракчеева Леонтье Берингове, оговоренном крестьянами деревни Русской Маскиной в возмущении будто бы их к неповиновению своему владельцу, за осуждением оного пензенскою духовною консисториею, со стороны палаты оставить без заключения. Об исполнении сего решения над подсудимым Иваном Евдокимовым, Федором Семеновым, Иваном Петровым, Федотом Фирсовым, Дмитрием Павловым, Прокофием Яковлевым Исаевым, соответственно 1321 и 1338 ст. XV т. по VI прод., отнестись в пензенское губернское правление и просить от оного о последующем уведомлении: а о содержании оного краснослободскому уездному суду дать знать указом и велеть ему решение это объявить, на основании 1328, 1329,

1330 и 1350 ст. XV т. св. зак. улож., в присутствии своем коллежскому секретарю Веденяпину и крестьянину Губанову, а мастеровым Авгорского завода и крестьянам деревни Русской Маскиной на месте их жительства и подписки их представить в палату.

Октября 28 дня 1858 года.

Заседатель Ермаков.

(Центр. архив МВКР, ф. 24, д. 772, л. 169—172.)

1858 г., декабря 19. Рапорт краснослободского исправника пензенскому гражданскому губернатору о происходившем собрании мастеровых Авгорского завода по поводу дальнейшего неподчинения заводовладельцу и властям.

19 декабря 1858 года.

Его превосходительству господину пензенскому гражданскому губернатору
краснослободского земского исправника

Рапорт.

Заводский исправник 2 округа Замосковных горных заводов от 7 сего декабря № 901, вследствие донесения ему 4 сего декабря № 56 заводскою авгорскою полициею, сообщил мне, что во вторый день сего декабря мастеровые Авгорского завода, находившиеся в литейной заводской работе, оставив свои занятия и собравшись в одну палату человек до 70 или более, начали совещаться в том, что, если им будут объявлять судебное решение по делу о неповиновении их, то в выслушании оного подписки не давать и повиновения не изъявлять, а твердо и упорно настаивать на своем, в чем приняли общую присягу и клятву. Подговорщики и сборщики к этому мастеровых были из числа их, мастеровые же, Иван Федоров Блохин, Ларион Самарцев и Прокофий Павлов Сурнов, все трое убеждениями своими возмущали мастеровых, а Ларион Самарцев заставлял присягать и кричать, чтобы руки поднимали кверху, показавши сам в том пример, и просил в том моего содействия; а как мне было известно, что решение пензенской уголовной палаты, прописанное в указе краснослободского уездного суда от 4 минувшего ноября № 1201 по делу о неповиновении мастеровых Авгорского завода своему владельцу Манухину и об ослушании, оказанном временному отделению краснослободского земского суда и порученном земским судом для объявления тем мастеровым приставу 1 стана, им еще не было исполнено, то я предписал ему 11 декабря № 543 прибыть в Авгорский завод к 12 числу для объявления того решения при мне и горном исправнике, которого тоже о том известил; вследствие чего 12 числа сего декабря и было прочитано мастеровым Авгорского завода на месте их жительства в присутствии всех нас, по выслушании которого единогласно объявили, что им остаются недовольны и будут

жаловаться на неправильность его высшему начальству. Тут им было объявлено, что они должны принести жалобу свою не иначе как в месячный срок и что по пропущении сего срока жалоба от них принята не будет, а решение будет приведено в исполнение, равно то, что если жалоба их будет признана Правительствующим Сенатом неправильною, то они подвергнутся законному взысканию штрафа, и потребована от них была во всем этом подписка. Но они все во обще сказали, что подписки не дадут. После этого предложено было им, не желают ли они иметь с сего решения копию, и если желают, то представили бы для этого гербовую бумагу, но они и копию взять отказались. Засвидетельствовав упомянутое упорство мастеровых понятыми, я о всем этом составили журнал, а 17 числа сего месяца мы также все во обще объявили означенное решение крестьянам Манухина деревни Русской Маскиной. Крестьяне, выслушавши, остались им довольны и изъявили полную покорность владельцу и дали во всем этом надлежащую подписку, о каковом происшествии имею честь донести в. пр-у. Решение же уголовной палаты для исполнения в прочих частях передано мною на распоряжение в краснослободский земский суд с объяснением всех обстоятельств.

Верно: столоначальник Иванов.

№ 593. Декабря 18 дня 1858 г.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 364—365.)

1859 г., января 19. Отношение московского горного правления пензенскому гражданскому губернатору о приведении к должному повиновению владельцам и представителям власти мастеровых Авгорского завода.

Министерство финансов. Московское горное правление. Января 19 дня 1659 г. № 74.

26 января 1859 года.

Господину начальнику Пензенской губернии.

Заводский исправник 2-го округа доносит горному правлению, что решением пензенской уголовной палаты, состоявшимся 23-го сентября минувшего года по делу о неповиновении мастеровых Авгорского завода и деревни Русской Маскиной своему владельцу г. Манухину и об ослушании, оказанном временному отделению и горному исправнику, но неучаствоваших в сопротивлении военной команде, определено: мастеровых Авгорского завода Ивана Герасимова, Федора Семенова, Ивана Петрова, Федота Александрова, Дмитрия Павлова и Сивиньского завода Прокофия Яковлева, лишив всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ, наказать при полиции чрез десятских розгами, каждого пятидесятью ударами, и отдать в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на один год, а прочим мастеровым и крестьянам деревни Русской Маскиной

сделать строгое подтверждение, чтобы они на будущее время делать подобных поступков себе не дозволяли, а находились в должном повиновении и послушании своего владельца, под опасением строгого наказания, со взысканием при том с них денег, выданных из казны следователем прогонные и суточные, и за две эстафеты 103 р. 5 коп., и за наем лошадей под военную команду 131 руб. 62 ½ к. серебром. Мастеровые Авгорского завода, вероятно, узнав частно об оном решении, 2-го минувшего декабря (как донесла авгорская заводская полиция), оставив в литейном цехе свои работы, собрались в одну палатку числом человек до семидесяти, сделали совещание, что если им будет объявлено судебное решение по делу о их неповиновении, то в слушании оного подписки не давать и повиновения не изъявлять, а твердо и упорно настаивать на своем, в чем приняли общую присягу и клятву с поднятием рук; подговорщики и главные зачинщики к этому были, как донесла, ему, исправнику, полиция и утвердил заводский надзиратель мастеровой Захар Суриков, бывший при самом происшествии, были мастеровые Иван Блохин, Ларион Самарцев и Прокофий Суриков, которые убеждениями своими возмущали мастеровых, а Ларион Самарцев заставлял присягать и кричал, чтобы руки поднимали к верху, показал сам первый в том пример. Принимая во внимание это обстоятельство и известясь, что решение уголовной палаты поручено от земского суда объявить одного становому приставу, сообщил он г. краснослободскому земскому исправнику 7-го декабря за № 901, прося его прибыть в Авгорский завод с становым приставом и присутствовать вместе с ним при объявлении решения. Вследствие чего г. земский исправник прибыл в Авгорский завод 12-го числа, вместе с становым приставом, вызвал мастеровых Авгорского завода и объявил им в присутствии его, заводского исправника, означенное решение с правом апелляции; выслушав это решение, мастеровые остались недовольны, объясняя, что будут жаловаться на неправильное решение высшему начальству; тут им объявлено, что они должны принести жалобу свою не иначе, как в месячный срок, а по прошествии оного срока жалоба от них не будет принята, а решение приведено в исполнение, равно то, что, если жалоба их будет признана Правительствующим Сенатом неправильною, они подвергнутся законному взысканию штрафа, и потребована была от них в слушании всего этого подписка. Но они все во обще сказали, что подписки не дадут и подписываться не будут; после этого предложено было им, не желают ли они иметь с сего решения копию, то представили бы на это гербовую бумагу, но они и от сего отказались. Обстоятельство это засвидетельствовано 24 человеками понятых. После чего прибыли все они, исправники и становой пристав, в деревню Русскую Маскину, где также объявили решение крестьянам, которые остались оным довольны, изъявили полную покорность владельцу, в чем дали подписку и обязались заплатить следующие с них по решению деньги, не делая в том никакого сопро-

1859 г., ноября 30. Приказ пензенской палаты уголовного суда по делу неповиновения мастеровых Авгорского завода.

10 декабря 1859 г.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского из пензенской палаты уголовного суда краснослободскому уездному суду.

В пензенскую уголовную палату поступило из краснослободского уездного суда на ревизию дело о возмущении мастеровых Авгорского завода против заводовладельца штабс-капитана Манухина об ослушании, оказанном ими краснослободской земской полиции и горному исправнику. Рассматривая это дело, палата находит, что по оному содержится 18 человек арестантов, которых всех краснослободский уездный суд за возмутительные поступки против владельца, соединенные с ослушанием местной земской полиции и горному исправнику, присудил к лишению всех особенных прав и преимуществ, к наказанию розгами 50 ударами и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на один год, а, между тем, от 12 человек мастеровых: Дениса Сурикова, Василья Тимофеева, Ивана Самарцева, Андрея Юдина, Михаила Захарова, Симона Армантеева, Кузьмы Байшева, Тита Блохина, Андрея Чегодаева, Степана Драконова, Федора Драконова, Павла Юдина, Петра Сурикова уездным судом установленных 287 ст., т. XI зак. угол. кн. 2-й допросов не отобрано, тогда как при отказе всех их от обрукоприкладствования, отобранных от них при следствии допросов и показаний, исполнение означенного правила необходимо, без чего палата находит невозможным приступить к решению дела. Приказали: настоящее дело обратить в краснослободский уездный суд и велеть ему в точности исполнить правила, установленные 287 ст. т. XI зак. уголовн. кн. 2-й изд. 1857 года, и по исполнении оных, когда подсудимые подтвердят свои допросы и показания, дело представить немедленно в палату, в противном случае поступить по законам.

Подлинное дело при сем посылается.
Ноября 30, 1859 года.

Заседатель Ермолов.
Секретарь Петропавловский.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 464—465.)

1861 г., октября 2. Приговор пензенской палаты уголовного суда по делу неповиновения своему владельцу и властям мастеровых Авгорского чугуноплавительного завода.

18 октября 1861 г.

Указ е. и. в. самодержца всероссийского из пензенской палаты уголовного суда краснослободскому уездному суду.

По указу е. и. в. уголовная палата слушали: предложение г. начальника губернии от 19 минувшего сентября за № 4174, при коем препровождена в палату для надлежащего распоряжения копия с указа Правительствующего Сената от 31 августа за № 4985, в которой изъяснено следующее: по указу е. и. в. Правительствующий Сенат слушали записку из дела, представленного исправляющим должность начальника Пензенской губернии, о мастеровых Авгорского чугуноплавительного завода, судимых за неповиновение своему владельцу отставному штабс-капитану Манухину. Приказали: из дела этого видно: в 1858 году владелец Авгорского чугуноплавительного завода Пензенской губернии отставной штабс-капитан Манухин, донося местным земской полиции и горному исправнику, а впоследствии московскому горному правлению о неповиновении и лености заводских мастеровых, просил содействия к поддержанию на его заводе порядка. Мастеровые, с своей стороны, жаловались на стеснительные для них действия владельца завода Манухина; главные предметы их жалобы следующие: малое производство им задельной платы, которою они не в состоянии пропитывать себя с семействами; за забракованную работу не производится им никакой платы, и она поступает в пользу владельца без всякого им вознаграждения; вычитаются конторою из задельной платы деньги за незаготовку самими мастеровыми дров для просушки опок или форм, по коим отливаются ими работы; владельцем завода отняты у них луга, снятые ими самими на собственные свои деньги, так что все они в 1858 году остались вовсе без сена. Кроме того, в просьбах своих они жаловались еще на безденежное проложение ими дороги от деревни Авгор до села Сивина, на расстоянии пяти верст, на вычет из задельной платы для сирот по 1 рублю серебром без должного употребления оных, или 1 руб. на охотников, поступивших в рекруты, на отобрание конторою бревен, приготовленных ими для поправки своих изб, и на взыскание с них штрафа в течение 44-летнего управления Манухиными заводом в количестве 20 т. рублей серебром. При производстве следствия в отношении к задельной плате сами мастеровые показали, что они получают оную в том самом размере, как объяснено в предъявленной им табели московского горного правления. Из сравнения табели Авгорского завода с табелью других соседственных заводов задельные платы мастеровых оного не только не менее, но даже выше против заводов Рябкинского и наследников Силы Баташова. Но и за всем тем, по соглашению московского берг-инспектора с владельцем завода, задельные платы мастеровым Авгорского завода увеличены против прежней

вышеупомянутой табели. Владелец завода отозвался, что за забракованную работу, действительно, не производится платы, как это существует на всех в России заводах, и что оная остается на заводе для замены битой посуды для потребности завода; в отношении вычета из задельной платы за незаготовку дров для просушки опок, владелец завода первоначально объяснил, что вычет с некоторых мастеровых весною 1858 года, действительно, был произведен собственно для удержания их от самовольства, потому что в прежнее время дрова для просушки опок мастеровые заготовляли сами. Но когда некоторые из них с грубою настойчивостью требовали отпуска им готовых дров, то, чтобы не остановить заводского действия, им было дозволено брать дрова из сажен но с тем, чтобы за каждую сажень будет вычтено с них по 2 руб. 50 коп. ассигнациями. За отпущенные таким образом конторою дрова всего $48^{1}/_{8}$ сажени вычтено с них 211 руб. ассигнациями, а с каждого мастера, работавшего готовыми дровами в продолжении пяти зимних месяцев, вычтено по 2 р. 9 к. ассигнациями, то есть с небольшим по 40 коп. ассигнациями в месяц. В отзыве же от 12 августа 1859 года заводовладелец объяснил, что деньги за дрова в количестве 211 руб. взысканы управляющим заводом на том основании, что дрова эти приготовлены были собственно для заводского действия и отпущены мастеровым в виде продажи, подобно тому, как это делается на казенных уральских заводах; взятые же с них деньги употреблены на покупку новых дров. В отношении лугов мастеровые в жалобах своих объяснили, что дача для сенокошения была снята конторою в 1855 году для общего их пользования на собственные их деньги, коих собрано было с них и взнесено в контору 2200 руб. ассигн. В 1856 и 1857 годах все во обще с дозволения конторы косили в этой даче для себя сено, а в 1858 году контора им того не дозволила. Некоторые из них то же самое подтвердили и при следствии, а другие объяснили, что сначала они заняли 500 руб. ассигн. и передали оные бывшему управляющему заводом из мастеровых Ивану Сергееву Емельянову на снятие лугов; затем на этот же предмет делался у них вычет по частям из задельной платы. Сенокосная статья снята была при прежнем заводовладельце подпоручике Манухине, но на чье имя, не знают. Кроме того, они объяснили, что от кошения сена в 1858 году они отказались сами, потому что ожидали разрешения на поданную ими по сему предмету спробу [просьбу(?)], бывший управляющий заводом мастеровой Иван Сергеев Емельянов объяснил, что действительно в 1855 году мастеровыми представлено было бывшему владельцу Николаю Манухину 500 руб. ассигнац., а Манухиным переданы были ему, из коих одна часть представлена им в залог при снятии в палате государственных имуществ оброчной статьи, называемой Погорелый Лес, а другая употреблена на разные расходы; расчет в этих деньгах представлен был им бывшему владельцу подпоручику Николаю Манухину. Подпоручик Манухин объяс-

нил, что, действительно, мастеровыми внесено было 500 руб. ассигн. для снятия в их пользование сенокосной оброчной статьи, которые им, Манухиным, переданы были для употребления на этот предмет бывшему управляющему Емельянову. Покойный отец его, Манухина, мануфактур-советник Николай Дмитриев Манухин показывал ему полный расчет в этих деньгах, представленный ему Емельяновым. Нынешний заводовладелец штабс-капитан Манухин объяснил, что в видах заботливости и обеспечения домашнего быта мастеровых, и с общего их согласия, снимаемы были покойным заводовладельцем мануфактур-советником Манухиным непосредственно, или чрез контору в различных окрестных местах луга для сенокошения; сколько употреблялось на это расходов, он положительных сведений об этом не имеет, но в 1857 году в конторских книгах значится, что под счет мастеровых записано 60 руб. сереб. за снятие для них луга, за то же самое в 1859 году записано под счет их 30 руб. сереб., но как они того не пожелали, то деньги эти были возвращены им и ими по упорству обратно не приняты. Лугов же, снятых собственно для мастеровых на их имя, по каким-либо условиям или контрактам не имеется, хотя конторою в 1855 году снята была в палате государственных имуществ одна оброчная статья, но она снята была для заводских надобностей. Из выгребанной к делу копии с контракта видно, что статья эта, называемая краснослободский казенный Горелый Лес, в количестве 300 десятин, сняты в палате государственных имуществ в 1855 году по доверенности от подпоручика Николая Манухина управляющим заводом Иваном Сергеевым Емельяновым в 24-летнее содержание для добывания формового песку на действие Авторского чугуноплавительного завода и пользование прочими угодьями, с платою по 60 руб. серебром в год. В другом же отзыве от 12 августа 1859 года штабс-капитан Манухин объяснил, что при управлении заводом подпоручиком Николаем Манухиным мастеровые охотно доверяли ему снимать луга, и следующие за оные деньги предоставляли ему вычитать из задельной платы, вероятно, и 500 руб. асс. употреблены им на единовременный наем лугов, коими они уже и пользовались. В отношении дороги и построения моста заводовладелец объяснил, что дорога эта проведена в 1848 году на протяжении двух верст; мастеровые работали оную в свободное время помочью, за это им давалось вино и делались разные угощения. Затем в отношении остальных предметов жалобы мастеровые не представили не только доказательств, но даже и указаний. К пояснению их также и заводовладелец не доставил никаких сведений, объяснив только, что подобные жалобы со стороны мастеровых возникли вследствие неукротимого их бунта и желания выказывать разные придирки без всякого основания, в виде защиты своих противузаконных поступков. Из произведенного следствия видно, что мастеровые Авторского завода уличаются собственными по-

казаниями в неповиновении. Во-первых, при разбирательстве им в июле-месяце 1858 года жалобы заводовладельца на неповиновение и непокорность мастеровых, и, во-вторых, при объявлении им в том же июле-месяце предписания начальника губернии, чтобы они находились впредь до окончания следствия в должном повиновении владельцу и работы отправляли исправно; и, наконец, в ослушании краснослободскому земскому исправнику, заводскому исправнику 2-го округа и приставу 1-го стана при объявлении им 12 декабря того же 1858 года решения уголовной палаты по делу о возмущении крестьян и мастеровых деревни Русской Маскиной. Главные и побудительные причины их неповиновения и ослушания, как видно из их показаний, есть стеснительные будто для них действия заводовладельца. Некоторые из них объяснили, что от работ они не отказываются, но владельцу повиноваться не будут, потому что плата за работу производится им малая. При разбирательстве жалобы заводовладельца земский исправник хотел, было, наказать, как более других виновных, мастеровых Алексея Сурикова, Андрея Чегодаева и Стефана Драконова, но мастеровые, собравшись все, не допустили до того исправника. При объявлении им в июле-месяце предписания начальника губернии о том, чтобы они впредь до окончания следствия находились в полном повиновении и послушании заводовладельцу, и в декабре-месяце решения уголовной палаты они от дачи в тот и другой раз подписок о нахождении их в повиновении у владельца совершенно отказались. При производстве следствия о том, почему они не дали подписки о повиновении владельцу при объявлении им решения палаты, все мастеровые в августе 1859 года временному отделению краснослободского земского суда объясняли, что они положили всем обществом ни к каким бумагам рук не прикладывать и подписок от себя никаких не давать, впредь до прибавки требуемого положения в дополнение к настоящему. Во время производства следствия чиновником особых поручений при пензенском гражданском губернаторе, вместе с горным исправником мастеровые от рукоприкладства своих показаний отказались и, собравшись в числе около 100 человек, кричали, что «они рук прикладывать к показаниям не хотят». Когда же горный исправник одного из них, Петра Никифорова Сурикова, как более других производившего шум, хотел было взять в полицию, то они закричали: «Пойдем все!», — и, действительно, отправились к ротному двору, расположенному по распоряжению губернского начальства в деревне Авгор для поддержания порядка между мастеровыми. Здесь, по приказанию командира роты, собраны были солдаты и окружили мастеровых цепью; тогда предположено было Петра Сурикова взять из толпы и наказать, но он при сопротивлении других мастеровых остался не наказан, потому что, когда хотели его из толпы взять, он закричал: «ребята, не плошайте», и с этими словами мастеровые стали кричать: «Наказывай нас всех!», стали снимать с себя одежду и двинулись было к

Сурикову, но были удержаны солдатами, которым было приказано взять ружья и из цепи никого не выпускать. После сего мастеровые опять начали кричать: «Нам не из чего работать, зачем нас наказывают, пойдем все в город» и всею толпою отправились в Краснослободск, но верстах в шести или семи от завода догнаны были заводским исправником и солдатами и приведены обратно. Затем следователь сколько ни убеждал их об рукоприкладстве показания, объясняя, что уклонение от сего есть со стороны их ослушание, они совершенно от того отказались под разными отговорками, каковы: «Нам не к чему прикладывать руки, нам самим нужны руки», «приложив руки, с чем мы останемся» и т. п. По следствию более других оказываются виновными в упомянутых беспорядках мастеровые: Петр Никифоров и Прокофий Павлов Суриковы, Василий Иванов Наумов, Иван Федоров Блохин, Ларион Леонтьев Самарцев, Денис Алексеев Суриков, Василий Петров Тимофеев, Иван Федоров Самарцев, Симон Фадеев Арманте-ев, Алексей Иванов Суриков, Тит Никифоров Блохин, Андрей Васильев Чегодаев, Стефан Васильев Драконов и Федор Маркеев Драконов. Затем из мастеровых: Павел Петров и Андрей Тимофеев Юдины, Козьма Петров Байшев и Михайла Павлов Захаров, коих краснослободский уездный суд признал также главными виновниками, таковыми не оказываются; из них Павел и Андрей Юдины объяснили, что они во время неисполнения мастеровыми на покосе приказания заседателя авгорской полиции Данилова на месте происшествия вовсе не были. Байшев показал, что он не слыхал приказания заседателя Данилова перейти мастеровым на другое место и, увидевши, что некоторые из них пошли без всякого намерения, сказал: «Куда те пошли?» Михайла Павлов Захаров хотя и объяснил, что мастеровые не исполнили приказания заседателя Данилова потому, что ту поляну, на которую он их посылал, хотели у владельца просить себе, но штабс-капитан Манухин в поданной в палату просьбе объяснил, что он, Захаров, равно как и Павел Петров Юдин, поведения хорошего и к неповиновению увлечены сколько толпою, столько и бессознательностию своей. В составлении просьб мастеровым Авгорского завода заподозрен краснослободский мещанин Петр Павлов Линьков, он же и Кочкин, но он в том не сознался и по следствию ничем не изобличается. В поведении на позальном обыске как Линьков, так и все прочие вышепоимянованные подсудимые одобрены, под судом прежде сего были: Петр Линьков по многим делам, за разные противузаконные поступки, а Захаров, Юдины и Байшев вместе с прочими мастеровыми Авгорского завода за неповиновение своему владельцу и ослушание, оказанное временному отделению краснослободского земского суда и горнозаводскому исправнику.

Пензенская уголовная палата полагает:

1. Подсудимых мастеровых Авгорского чугуноплавительного завода: Петра Никифорова и Прокофия Павлова Суриковых, Василия Иванова Наумова, Ивана Федорова Блохина, Лариона

Леонтьева Самарцева, Дениса Алексеева Сурикова, Василия Петрова Тимофеева, Ивана Федорова Самарцева, Симона Фадеева Армантеева, Алексея Иванова Сурикова, Тита Никифорова Блохина, Андрея Васильева Чегодаева, Стефана Васильева Драконова и Федора Маркеева Драконова, как главных виновных в произведении беспорядков между мастеровыми Авгорского завода, на основании 302 ст. 1 книги XV тома законов уголовных, лишив всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, наказать при полиции чрез нижних ее служителей розгами, по неискренности в сознании в средней мере, определенной 35 ст. для 5 степени наказаний сего рода, каждого пятидесятью пятью ударами и потом отдать в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на один год с половиною, а в случае неспособности кого-либо к работам в сих ротах, согласно 85 ст. того же тома, заключить в рабочий дом или тюрьму на два года и три месяца; по окончании же срока работ поступить с ними согласно 52 ст. 1 книги XV тома.

2. Мастеровых Павла, Петра и Андрея Тимофеевых Юдиных, Козьму Петрова Байшева и Михаила Павлова Захарова по недоказательству, чтобы они были из числа мастеровых главными виновными, на основании 304 и 311 ст. 2 книги XV тома, от суда и следствия учинить свободными, но независимо сего как им, так и прочим мастеровым Авгорского завода сделать строгое подтверждение, чтобы они на будущее время подобных поступков не дозволяли, а находились в должном повиновении и послушании у своего владельца и заводского начальства под опасением в противном случае строгого наказания по законам, в чем и обязать их подпискою.

3. Краснослободского мещанина Петра Павлова Линькова по несознанию и недоказательству в писании для мастеровых Авгорского завода недельных и возмутительных просьб, на основании вышеприведенных 304 и 311 ст. 2 книги XV тома, учинить от суда и следствия свободным.

4. Прогонные, суточные и поверстные деньги, а также и следующие за подорожную, выданные из казны следователю по настоящему делу чиновнику Островидову, всего 78 руб. 78 к. и все прочие казенные издержки, какие были употреблены по сему делу, взыскать со всех мастеровых Авгорского завода и по взыскании отослать в казну. Решение палаты признано правильным начальником Пензенской губернии и советом корпуса горных инженеров, с которым согласился и г. товарищ министра финансов.

Рассмотрев настоящее дело, на основании 3 пункта 436 ст. 11 книги XV тома Свода законов уголовных (изд. 1857 года), в отношении приговариваемых решением палаты к телесному наказанию подсудимых, Правительствующий Сенат находит правильным решение то в отношении признающихся виновными в преступлении, предусмотренном 302 ст. уложения. Обращаясь затем к определению степени ответственности подсудимых и не усмат-

ривая в деле оснований к избранию для них строжайшего из подлежащих означенною 302 ст. наказаний, Правительствующий Сенат признает возможным подвергнуть их легчайшему из сих наказаний, а назначить оное, по неискренности сознания подсудимых при следствии, в средней оного мере, с заменою заключения в смирительном доме наказанием розгами, по правилам, изъясненным в 88 ст. уложения. Вследствие сего и не усматривая в производстве настоящего дела противузаконной медленности, Правительствующий Сенат определяет: мастеровых Авгорского чугуноплавильного завода: Петра Никифорова 28 и Прокофья Павлова 51 Суриковых, Василия Иванова Наумова 55, Ивана Федорова Блохина 39, Лариона Леонтьева Самарцева 32, Дениса Алексеева Сурикова 38, Василия Петрова Тимофеева 32, Ивана Федорова Самарцева 27, Симона Фадеева Армантеева 39, Алексея Иванова Сурикова 56, Тита Никифорова Блохина 48, Андрея Васильева Чегодаева 37, Степана Васильева Драконова 40 и Федора Маркеева Драконова 30 лет, лишив некоторых, на основании 54 ст. уложения, особенных прав и преимуществ, наказать при полиции чрез нижних ее служителей розгами шестьюдесятью пятью ударами каждого и отдать в жительство порядком, установленным в 55 стат. Решение пензенской палаты уголовного суда в прочих частях, начальником губернии признанных правильными и ревизии Правительствующего Сената не подлежащих, оставить без рассмотрения, предоставив ему относительно приведения оных в исполнение поступить по установленному в законе порядку. Справка: решение сей палаты в частях, признанных г. начальником губернии правильными и ревизии Правительствующего Сената не подлежащими, заключается в следующем: мастеровых Павла Петрова и Андрея Тимофеева Юдиных, Козьму Петрова Байшева и Михаила Павлова Захарова по недоказательству, чтобы они были из числа мастеровых главными виновными, на основании 304 и 311 ст. 2 книги XV тома, от суда и следствия учинить свободными, но, независимо от сего, как им, так и прочим мастеровым Авгорского завода сделать строгое подтверждение, чтобы они на будущее время подобных поступков себе не дозволяли, а находились в должном повиновении и послушании у своего владельца и заводского начальства, под опасением в противном случае строгого наказания по законам, в чем и обязать их подпискою. Затем краснослободского мещанина Петра Павлова Линькова, по несознанию и недоказательству в писании для мастеровых Авгорского завода недельных и возмутительных просьб, на основании вышеприведенных 304 и 311 ст. 2 книги XV тома, учинить от суда и следствия свободным. Прогонные, суточные и поверстные деньги, а также следующие за подорожную, выданные из казны следователю настоящего дела чиновнику особых поручений Островидову, всего семьдесят восемь рублей семьдесят восемь копеек серебром, и все прочие казенные издержки, какие были употреблены по сему делу, взыскать со всех мастеровых Авгорского заво-

да и, по взыскании, отослать в казну. Обстоятельства, относящиеся до рядового Углицкого пехотного полка Максима Савина, переписавшего возмутительную просьбу от имени мастеровых, велеть краснослободскому уездному суду выписать из дела и выписку эту отослать командиру Углицкого пехотного полка. Настоящее дело поступило на ревизию в уголовную палату из краснослободского уездного суда. Подсудимые Петр Никифоров Суриков и прочие, признанные решением Правительствующего Сената виновными, содержащиеся под стражею в краснослободском тюремном замке, — приказали: об объявлении крестьянам Петру и Прокофью Суриковым с прочими подсудимыми и другим прикосновенным к делу лицам решений Правительствующего Сената и палаты и для исполнения решения палаты в отношении выписки из дела обстоятельств, относящихся до рядового Углицкого пехотного полка Савина и отсылки сей выписки к командиру того полка, с обращением подлинного дела, предписать краснослободскому уездному суду.

Подлинное дело при сем препровождается.

Октября 2 дня 1861 года.

Заседатель Бондарев.

Секретарь Петропавловский.

(Центр. архив МАССР, ф. 24, д. 772, л. 468—479.)

СУД В КРЕПОСТНОЙ РОССИИ В XVIII—XIX вв.

Для того, чтобы читатель представлял себе движение дел по разным инстанциям, дадим схему административно-судебных учреждений Русской империи XVIII — XIX вв. (после 1775 г.)

Деление на губернии идет еще от XVII в., когда сложились большие военные округа — разряды. Эти военные округа Петр несколько изменил и назвал губерниями. Вначале (1708 г.) губерний было 8, и они охватывали пространства, вместившие впоследствии по нескольку позднейших губерний XVIII—XIX вв. Губернии делились на провинции и уезды. От Петра до Екатерины II количество губерний увеличилось путем дробления и к концу 1760-х годов достигло 20. Сильный толчок постановке административного деления России в 1770-х годах дали пугачевское восстание и вызванная им забота так организовать управление страной, чтобы повторение подобного восстания стало невозможным. По плану учреждения губерний 1775 года вся Россия делилась на 50 губернских единиц, с подразделением каждой из них на уезды. В основу губернии был положен такой статистический расчет, чтобы в каждую губернию входила территория с населением в 300—400 тысяч человек. В уезд входило 20—30 тысяч чел. Новая «екатерининская» губерния была слиянием старой губернии и провинции, но по своему насыщению учреждениями далеко уходила от них. Общей администрацией губернии ведал губернатор с губернским правлением, в котором губернатор был председателем; финансовыми сборами ведала казенная палата, а судебными делами — палата гражданских дел и палата уголовных дел. Так как ближайшим образом нас здесь интересуют судебные учреждения, то мы к ним и обратимся, начав ознакомление снизу.

На самом низу системы находился орган административно-полицейского надзора — нижний земский суд со своим председателем капитан-исправником, выбиравшимся из местного дворянства. При исправнике состоят 2 или 3 (смотря по размерам уезда) заседателя, выбранные тоже из дворян.

Нижний земский суд был главным административно-полицейским органом, непосредственно соприкасавшимся в лице своих

заседателей с крестьянским населением губернии. В его обязанности входило «бдение»: 1) «дабы в уезде сохранено было благочиние, добронравие и порядок»; 2) «чтобы предписанное законами полезное повсюду в уезде исполняемо и сохраняемо было; в случае же нарушения оных нижний земский суд, не смотря ни на какое лицо, всякого должен приводить к исполнению предписанного законом»; 3) нижний земский суд один в уезде имеет право приводить в действие повеления правления [т. е. правительства], решения палат, верхних и уездных судов и «чинить отказы», т. е. вводить во владение и т. д.

Нижний земский суд надзирал за содержанием в порядке дорог, мостов, следил за тем, чтобы не было торговли запрещенным, за ценами на хлеб и харч, за мерами и весами и т. д.

Но самая «боевая» функция нижнего земского суда относилась к борьбе с приемом и укрывательством беглых крестьян: «и буде где явится таковый ослушник и нарушитель установленного порядка, кто бы принимал, держал или у себя укрывал беглого, то нижний земский суд имеет (буде не отдаст добровольно) поступить с таковым, как по законам предписано» (ст. 229).

Несмотря на эти широкие полномочия нижнего земского суда, укрыватели беглых (т. е. местные дворяне) могли обращаться и в другие инстанции — в уездный суд или даже в нижнюю расправу (см. ниже), и тогда нижний земский суд обязан был подчиниться выбору просителя: «За беглых же людей ответствует тот, у кого они найдены до тех пор, пока решение уездного суда последует» (ст. 299).

Апеллировать на решения нижнего земского суда можно было в уездный суд или в нижнюю расправу.

Нижний земский суд не имел определенного времени в году для заседания. Он собирается, по положению, во всякое время в уезде, «там, где сведает, что непорядки учинились, или куда позван или послан будет». При вызове по делу многочисленных ответчиков или свидетелей, земский суд выезжает на место происшествия.

Фактически главенствует в нижнем земском суде исправник или капитан, который должен «отправлять должность свою с непоколебимою верностию и ревностью к службе императорского величества, с доброхотством и человеколюбием к народу, — осторожною кротостию, без ослабления во всех делах и с непрестанным бдением, дабы везде установленный порядок всеми и каждым в уезде сохранен был в целости» (ст. 236). «Земскому исправнику поручается и предписывается бдение, дабы никто в противность подданнического долга и послушания в уезде ничего не предпринял и не учинил», а «всякого нарушителя общего, частного и собственного своего покоя и блаженства смирить по мере данной ему власти», причем каждый подданный «обязан по мере власти, силы и возможности своей помогать земскому исправнику» (ст. 237). Исправнику полагалось также «приложить попечение и старание о излечении и сохранении человеческого рода» (ст. 240).

Обо всех случаях массового ослушания, образования «скопищ воров или беглых людей» земский капитан доносит безотлагательно высшей власти и имеет право налагать штрафы на старост, выборных и сотских таких селений, где не были приняты надлежащие меры.

«Земский исправник словами должен ободрять не только земледельцев к земледелию и трудолюбию..., но и вообще всех людей к добронравию и порядочному житию» (ст. 252).

По отношению к не-дворянам исправник был полновластным хозяином всех сторон их жизни. Как эта власть на практике осуществлялась, хорошо известно из печальной исторической славы этих полицейских деятелей крепостного народа.

Верхний земский суд находится в губернском городе. Состав его такой же дворянский, как и состав нижнего земского суда. Верхнему земскому суду подчинены в порядке апелляции уездные суды, дворянские опеки и нижние земские суды губернии, а в порядке ревизии делопроизводства сам верхний земский суд находится под властью палаты уголовных и гражданских дел (ст. 180).

К ведомству гражданского департамента верхнего земского суда относятся дела о должниках, о контрактах и купчих, о недвижимых имениях и т. д.

Уездный суд из дворян и для дворян по выбору ведает в уезде дела гражданские и уголовные. Главный предмет его ведения — дела земельные, спорные межи и границы, переход недвижимых имений, особенно крепостных деревень, из рук в руки.

Уголовные дела поступают в этот суд по жалобе частных людей или по сообщению другого суда. Переход дел из нижнего земского суда в уездный суд не регулировался определенными правилами, а представлял собою эвентуальную возможность, по делам, привлекшим к себе усиленное внимание, — в первую очередь, конечно, местного дворянства.

Параллельно с нижней земской расправой и с уездным судом для дворян действует в уезде нижняя земская расправа из 12 человек для суда по уголовным и гражданским делам однодворцев, всяких прежних служб служилых людей, черносошных или государственных крестьян, крестьян, приписанных к местам и заводам.

В губернии действуют еще верхние расправы, тоже из 12 человек, принимающие дела по апелляции из нижней расправы. Верхней расправе были подчинены там, где не было верхнего земского суда, и нижние земские суды.

Нижние и верхние надворные суды были учреждены (в 1780 г.) только в столицах для судебных дел лиц, имеющих пребывание в столицах по службе военной, гражданской и придворной, но только по делам, не связанным с их владениями, находящимися в других, нестоличных губерниях.

В губернском городе судебные установления возглавлялись палатой уголовного суда и палатой гражданского суда.

В палату уголовного суда поступались дела, связанные с лишением жизни или чести, из верхнего земского суда, верхней расправы или губернского магистрата без всякой апелляции или переноса прямо на ревизию и вершение палаты уголовного суда (ст. 109).

Течение уголовных дел происходило следующим образом: уголовное преступление, подсудное ведомству уездного суда, городового магистрата или нижней расправы, подлежало в первую очередь исследованию данного суда по месту происшествия. Если решение не было связано с лишением жизни, чести или с торговой казнью (кнут и плети), то приговор считался окончательным и сообщался для исполнения нижнему земскому суду, магистрату или городничему по принадлежности (ст. 110).

Если же обвиняемый подлежал лицению жизни, чести или торговой казни, то «по исследовании дела, с приличными (т. е. подходящими к делу) законами и со мнением» дело передавалось в верхний земский суд, губернский магистрат или верхнюю расправу для приговора (ст. 111).

Верхний земский суд или губернский магистрат или верхняя расправа, «получа из суда следствие уголовного преступления, не теряя времени, прилежно входит в рассмотрение обстоятельств, и учинит в силу законов приговор, который отсылает при описании дела в палату уголовного суда для ревизии о порядочном производстве и решении дела» (ст. 119).

После этого, «палата уголовного суда, по получении уголовного дела, не мешкав нимало, учинит производству уголовного дела ревизию, и приступает к решительному вершению дела, и для того взносит оное к главнокомандующему, дабы повелением его в страх злым наказан был преступник за преступление в том уезде или городе, где учинил злое дело» (ст. 113).

Дальнейший перенос дела из палаты в Сенат допускается только под условием взноса в палату 200 руб.

Из изложенного видно, какую сложную и запутанную систему представляло тогдашнее «правосудие» крепостной Российской империи: внизу дело могло проходить через разные параллельные инстанции, компетенции которых пересекались между собой, а перенос в высшие инстанции был связан с огромными проволо́чками и постоянной опасностью подъяческого крючкотворства.

Разбросанность и обилие судебных инстанций обусловливали медленность и запутанность в продвижении дела. Надо помнить, что почти половина сельского населения России находилась под юрисдикцией своих господ, их приказчиков и бурмистров, не зная никакого писаного права (кроме уголовных крупных преступлений). Крестьянину надо было сделаться уголовным преступником (хотя бы восстав против власти своего помещика, совершив убийство, сделаться разбойником и т. д.), чтобы попасть (на свою беду!) в ведение государственного «правосудия», принимавшегося за расправу с ним «по всей строгости законов».

Прибавим еще, что вся система судопроизводства относительно крестьян находилась в ведении их классовых социальных врагов — дворян или посессионных магнатов-капиталистов. Понятно, чего они могли ждать от земских и уездных судов, расправ и палат!

Далеко не революционно настроенный поэт тех времен А. С. Хомяков с полным правом мог сказать про свою многострадальную закрепощенную Родину:

В судах черна неправой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна...

ЗАКОНЫ, ОХРАНЯВШИЕ КРЕПОСТНОЙ ПОРЯДОК.

В приговорах, печатаемых в настоящем сборнике судебных дел, постоянно цитируются законы, охранявшие крепостной строй, хотя некоторые из них (напр., Полевое положение об управлении действующей армией) прямого отношения к крепостному строю в мирное время и не имели.

Приводим ниже наиболее часто цитируемые указы, защищавшие крепостной порядок. Арсенал этого юридического оружия был очень разнообразен и разбросан по разным томам Свода Законов и военных уставов.

Все эти статьи имеют конечной целью терроризировать подвластное крепостным владельцам население и убить в нем до конца всякую мысль не только об активном сопротивлении, но даже и о простом неповиновении своим «законным» хозяевам.

Надо помнить при этом, что толкование и приложение этих статей подлежало судебным установлениям, в которых заседали почти поголовно дворяне же, если и не бывшие иной раз сами душевладельцами, то являвшиеся сыновьями, родственниками и свойственниками душевладельцев, мечтавшими после небезвыгодной деятельности в тогдашних судебных установлениях обзавестись под старость тоже крепостной деревенькой, о чем с таким одушевленным подъемом говорил в «Мертвых душах» председатель губернской судебной палаты Чичикову.

Свод законов Российской империи, XIV т.

324. Все помещикам принадлежащие крестьяне и дворовые люди должны спокойно пребывать в их звании, быть послушными помещикам своим в оброках, работах и всякого рода крестьянских повинностях и исполнять в точности обязанности, законами на них возложенные.

325. Всякое правительство, власть и начальство, наблюдая за тишиною и устройством, в ведении ему порученном, долженствует

в случае неповиновения крестьян, ослушания и буйства, подавать руку помощи и приводить неповинующихся к должному послушанию.

327. Если где в уезде окажется непослушание между помещичьими крестьянами по ложным слухам о свободе от платежа податей и повиновений установленным властям, то земский суд обязан немедля известить о том губернское правление и начальника губернии и привесть в должное послушание неповинующихся, по мере данной ему власти.

328. По требованию губернского начальства, начальник ближайшего внутреннего гарнизонного батальона немедленно отряжает достаточную команду; малых же команд для усмирения неповинующихся крестьян отнюдь не посылать.

334. Без самой крайности не употреблять военной силы к усмирению неповинующихся крестьян, но если за всеми миролюбивыми средствами неповинующиеся не усмирятся, то побуждать их строгостью воинской дисциплины к работам и действовать всеми мерами к восстановлению между неповинующимися крестьянами должного порядка и приведения их в законное послушание, довольствуя команду во время порученной экзекуции на счет казны.

336. Когда владелец не пожелает наказывать крепостных своих сам или употребленные им способы наказания и исправления останутся безуспешными, то он может прибегнуть к правительству и просить законного с его стороны содействия.

337. В случае преступления уголовного со стороны крепостного человека, владелец отнюдь не должен присвоять себе судейские власти чрез домашнее следствие или наказание, но обязан представить виновного к суду, по приговору коего оный подвергается наказанию независимо от воли владельца.

338. За вины собственно против владельца или прав его, равно как и за проступки полицейские, крепостные люди по его просьбе подвергаются или полицейскому наказанию, с возвратом на прежнее жилище, или содержанию в смирительных и рабочих домах или в арестантских ротах гражданского ведомства на срок, самим владельцев определенный.

341. Сверх полицейского наказания и обращения в смирительный или рабочий дом, помещику предоставляется отдавать крепостных своих людей за побег или другие проступки в рекруты по его усмотрению, в зачет или без зачета, на основании рекрутского устава.

342. Помещику не запрещается за продерзостные поступки и нетерпимое поведение крепостного своего человека удалить его навсегда от себя и из своего имения, представив его на сей конец в распоряжение губернского правления.

360. Ежели крепостной человек, отложась от должного помещику своему послушания, подаст на него жалобу, и в особенности, если отважится подать таковую непосредственно императорскому

величеству, то как челобитчик, так и сочинитель жалобы предаются суду и наказываются по всей строгости законов.

361. За явное неповиновение владельцам или управителям их, приказчикам или старостам, сопровожденное с сопротивлением против присланной для усмирения воинской команды, помещичьи крестьяне предаются военному суду и наказываются по всей строгости законов, со взысканием с них сверх того всех издержек, правительством по усмирению их понесенных.

Свод законов Российской империи, XV т.

СВОД ЗАКОНОВ УГОЛОВНЫХ.

45. В состав арестантских рот гражданского ведомства обращаются: 1) беглые и бродяги на основании устава о паспортах и беглых; 2) те из неизъятых по закону от наказаний телесных, которые присуждаются к ссылке на поселение за преступления, не подвергающие наказанию через палачей, и которые к военной службе, по летам или телесным недостаткам оказываются неспособными; 3) те из неизъятых по закону от наказаний телесных, которые, также не быв наказаны рукою палача, присуждаются в крепостную работу на срок или к заключению в рабочем доме.

52. В тех местах, где рабочих домов нет, употребляются люди нижнего состояния на городских работах или отдаются для заработка частным лицам, если кто взять их пожелает.

54. В Закавказском крае (в бывшей Грузии), за неимением смирительных и рабочих домов, осуждаемые на временные работы отсылаются в крепости.

120. Когда в законе определен род и вид наказания, но не определена мера оного, тогда суд определяет меру наказания по мере вины, а меру вины определяет по обстоятельствам преступления, сообразно правилам, в последующих отделениях сей главы подробно изложенным, руководствуясь впрочем вообще двумя главными началами: 1) чтобы не налагать наказания паче меры содеянного преступления (а); 2) чтобы оказывать себя более милостивым, нежели жестоким, памятуя, что и судья человек есть (б).

131. Чем важнее нарушенное преступлением право, чем более от того произошло вреда или опасности, тем более вина преступника.

132. Чем более было в преступлении злого умысла (а), насилия (б) и жестокости (в), а в признании более упорства и ожесточения (г), тем более вина преступника.

232. Под именем преступлений по первым двум пунктам разумеются: 1) злоумышление против священной особы императорского величества и членов императорского дома и поношение императорского величества и императорского дома злыми и вредительными словами, 2) бунт или измена противу государя и государства.

260. Изобличенные в непослушании противу властей, законом установленных, подвергаются наказанию по мере вины и преступления, ими учиненного.

261. Оказавшие сопротивление властям законным подлежат лишению всех прав состояния, наказанию плетьми и ссылке на поселение (а); оказавшие сопротивление властям законным вооруженною рукою подлежат лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и каторжной работе (б).

300. За неисполнение указов, по прослушанию и упорству, виновный считается преступником указа и, яко таковый, подвергается в важных случаях лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу; в случаях менее важных, — ссылке на поселение или отдаче в солдаты.

302. В случаях, когда в указе за неисполнение оного положено наказание, виновный подвергается наказанию, именно в указе за таковое преступление определенному.

304. Не считать превышением власти: 1) когда министр или другой государственный чиновник особенно на какой-нибудь случай был верховною властию уполномочен; 2) когда в чрезвычайных каких-либо случаях примет решительную меру и потом окажется: а) что она в видах общей безопасности была необходима; б) что, по настоятельности случая, не мог он, не попустив видимой опасности, отлагать сию меру до высшего разрешения.

305. Преступившие пределы власти, определенной законом в отправлении должности и попустившие важное злоупотребление или государственный ущерб оставлением власти в бездействии, подвергаются наказанию по важности дела.

311. Неправосудие бывает или неумышленное, или злоумышленное.

312. За неумышленную неправильность в решении межевых дел судья подлежит штрафу, межевыми законами определенному.

337. Незаконным побором признается: 1) всякий сбор деньгами и вещами, не определенный законом; 2) всякий излишек в казенной подати или повинности; 3) наряд уездных обывателей на работу для частной выгоды и под видом казенной или земской повинности.

338. Вымогательством признается всякая выгода, вынужденная по делам службы страхом притеснения в деле.

866. Важность преступления и степень наказания за лживые поступки увеличивается по мере той, как велик или мал обман, как умышлен и вредителен он был.

1144. Из общего правила об отсылке следствия в суд не исключаются следствия о преступлениях, по которым не открыто виновного, а также и о таких происшествиях, в которых не открыто ни преступника, ниже преступления, как то: о скоропостижно-умерших от болезненных припадков, об утонувших, о повесившихся и других самоубийцах, о пожарах, случайно происшедших; и подобных приключениях, с тем различием: что следствия первого рода по делам, в коих открыты преступники, отсылаются в судебное место для производства суда, а последние для ревизии порядка в производстве следствия.

1146. За неполучением справок, не весьма существенных, не останавливаться отсылкою следствия, но доставлять оные впоследствии по получении.

1169. Никто не должен быть присужден к наказанию без точных доказательств, или явных улик в преступлении (а). Доказательства суть вообще двух родов: совершенные и несовершенные (б).

1176. Если доказательства недостаточны для совершенной достоверности в вине подсудимого, то не осуждать его к тому наказанию, которое закон определяет за доказанное преступление, по тому общему правилу, что лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговаривать невинного.

1177. Если против подсудимого, при недостатке полных доказательств, есть однако же некоторые улики, то, судя по важности обвинения и улик или: 1) оставлять его просто в подозрении более или менее сильном, или 2) отдавать его под надежное поручительство в добром впредь поведении, не освобождая его однако вовсе от подозрения; ибо в последствии времени могут открыться против его новые улики, по коим поручители должны быть обязаны представлять его к суду; или же, 3) давать ему присягу для очищения подозрения; если же суд найдет, что, по опасности клятвопреступления, присяги дать нельзя, то предавать дело воле божией.

1329. При подписке неудовольствия, судебные места должны объявлять недовольным решением, что за всякий неосновательный отзыв, по коему найдено будет решение судебного места правильным, виновный подвергается штрафу.

1330. Подсудимые о объявлении им сего должны изъяснять в вышеозначенных же подписках.

1346. Приговоры по уголовным делам объявляются подсудимым и участникам их прочтением при открытых дверях решительного определения.

1350. Приговоры, по которым подсудимые не присуждаются к лишению жизни, чести, доброго имени и торговой казни и по которым допускаются жалобы или отзывы, объявляются в том судебном месте, в котором решение последовало, с соблюдением следующих правил:

1) Подсудимый обязан явиться к выслушанию о нем решения не далее как в течение одного месяца со дня объявления ему о том чрез полицию и взятия с него подписки.

2) На явку подсудимого, живущего в другом городе или уезде, полагается сверх упомянутого срока еще двойной поверстный срок.

3) Кто на положенный в обоих оных случаях срок не явится, отзыва не пришлет, ни законных препятствующих тому причин не представит, тот теряет право на перенос дела, и судебное место обязано привести в исполнение свое решение.

4) Дабы подсудимый не мог пропустить срока по неведению, то судебное место в требовании своем о явке его обязано излагать сие потановление и помещать об оном даже в самых подписках.

5) Свидетельство о болезни подсудимого должно быть произведимо при медицинском чиновнике в уезде исправником, а в городничим. Сверх того, для большего удостоверения в справедливости показаний, губернское правление, если нужным почтет, может назначать на сей случай еще особых чиновников.

1377. Приговор о повсеместном кого либо опубликовании исполнять чрез публикацию в сенатских ведомостях; равномерно публиковать указами, когда чиновники присуждены к отрешению от должности с тем, чтоб впредь их не определять, не выбирать и к выборам дворянским не допускать.

1984. Показания отбирать вблизи от местопребывания иногородцев, далее трех дней хода для спросов не вызывая.

Свод военных постановлений.

УСТАВ ВОЕННО-УГОЛОВНЫЙ.

Книга I. О преступлениях и наказаниях.

83. Для отклонения затруднений и всякого произвола в постановлении приговоров о лицах гражданского ведомства, предаваемых военному суду за такие преступления, о которых в военно-уголовном уставе не упомянуто и не определено меры наказания, и вообще о преступлениях, о которых в военно-уголовном уставе нет положительного закона, — впредь, на основании приказа по военному ведомству, от 21 августа 1836 года, до издания нового военно-уголовного устава, применяться в назначении виновным наказаний к уложению о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1857 г.); но вид телесных наказаний тем преступникам, которые по состоянию своему не изъяты от оных, определять не по уложению, а по военно-уголовному уставу, т. е. назначать наказания не плетьми, а шпицрутенами, с соблюдением установленных по этому предмету правил.

190. Изобличенные в непослушании противу властей, законом установленных, подвергаются наказанию по мере вины и преступления, ими учиненного.

202. Взлом тюрем, увод и освобождение из оных преступников подвергают виновного лишению всех прав состояния, наказанию шпицрутенами и ссылке в каторжную работу.

Свод военных постановлений.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. УСТАВ ВОЕННО-УГОЛОВНЫЙ.

Книга вторая. О военном суде.

Глава 2. Отделение второе.

О суде над крестьянами, возмутившимися против помещиков.

721. Военный суд, учреждаемый над возмутившимися крестьянами, составляется из наличных офицеров присланной военной команды, пополам с членами уездных судов того уезда, в котором возмущение случилось. Суд сей, постановив, на основании зако-

нов, приговор о виновных, обязан представить оный непосредственно губернатору.

1826. Августа 9 (515), ст. 1, 2; Свод. 1857, т. XV, кн. 2 Зак. угол., ст. 780.

Примечание. Крестьяне, виновные в явном неповиновении начальству, владельцам или управляющим их, приказчикам или старостам, а также лица, научающие их к тому, подвергаются наказаниям по правилам, в ст. 1907—1983 Уложения о наказаниях (издания 1857 г.) постановленным. Сверх того с них взыскиваются все издержки, правительством по усмирению понесенные.

1762. Июня 19 (11577); июня 3 (11593); октября 8 (11678); ноября 14 (11710); 1797. Января 29 (17769); 1826. Мая 12 (330); 1831. Августа 3 (4739); 1845. Августа 15 (19283), ст. 1907. — Ср. Свод. 1857. т. IX. Зак. о Сост., ст. 1035.

722. Приговоры суда, по утверждении губернатором, приводятся немедленно в исполнение, какого бы рода телесное наказание, на основании существующих законов, ни было определяемо, когда число присуждаемых к оному менее десяти человек. Губернаторы имеют полное право облегчать, в означенных законом пределах, присуждаемое военным судом наказание, не входя с представлениями ни к генерал-губернаторам, ни в Правительствующий Сенат; но ни в каком случае не должны усугублять меры наказания, определенного военным судом. Когда ж, по их мнению, есть какие-либо заслуживающие особенного уважения причины к смягчению наказания свыше предоставленной им власти, или даже и к совершенной оного отмене, то они должны, приостановив всякое по судебному приговору исполнение, представить о том его императорскому величеству порядком, в следующей 723 статье установленным.

1826. Августа 9 (515), ст. 3; ноября 23 (688); 1846. Января 21 (19640).

723. Но если по приговору суда присуждаются к телесному наказанию или к ссылке в Сибирь более девяти человек, тогда приговоры должны быть вносимы чрез генерал-губернатора, а где оного нет, прямо от губернаторов, к министру внутренних дел.

1826. Августа 9 (515); 1846. Января 21 (19640); Свод. 1857, т. XV, кн. 2 Зак. Угол., ст. 782.

Примечание. Представления министра внутренних дел по таковым делам рассматриваются в Комитете Министров в первое заседание и заключения по оным Комитета вносятся на высочайшее утверждение особыми журналами.

1826. Августа 9 (515), ст. 4 и 5.

724. Если дворянин изобличен будет в наущении крестьян к неповиновению, то решение военного суда вносится с мнением начальника губернии на ревизию Правительствующего Сената, на основании общих уголовных законов.

1835. Октября 15 (8486).

УЧРЕЖДЕНИЕ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ.

Санкт-Петербург.
В Сенатской типографии, 1812 года.

Полевое уголовное уложение для большой действующей армии.

Глава пятая. О неповиновении.

§ 38. Подъятие руки или оружия против начальника наказывается смертию.

§ 39. Явное неповиновение, или бунт жителей мест и областей, армией занимаемых, истребление ее продовольствия и всякое злонамеренное препятствие ее движению и успехам, наказывается смертию.

§ 40. Склонение к бунту и неповиновению жителей земель, армией занимаемых, хотя бы и не произвело возмущения, наказывается смертию.

ПОССЕССИОННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

Этим термином назывались в XVIII—XIX вв. крестьяне, приписанные к фабрикам и заводам, предоставленные владельцам фабрик и заводов в качестве готовой рабочей силы, но без права отчуждать, продавать, дарить или завещать этих крестьян, отрывая их от земли.

Такое положение отдаленно напоминало исчезнувший в начале XVIII в. порядок поместного землевладения, согласно которому помещик-владелец мог эксплоатировать крестьян своего поместья путем барщины или оброка, но не имел права превращать их в рыночный товар или доводить своими поборами до полного разорения.

Термин п о с с е с с и о н н ы й происходит от латинского слова possessio, обозначающего всякое владение вообще, но, перенесенный в русские указы XVIII и XIX вв., он приобрел вышеприведенный особый смысл.

Владелец поссессионного завода или фабрики не только был лишен права отчуждать поссессионных крестьян, но он не мог отчуждать земель, лесов, рудников и т. д., приписанных к заводу, без особого разрешения и не имел права дробить владения поссессионного завода или фабрики между своими наследниками. Правительство приписывало в XVIII в. к поссессионным заводам огромные земельные пространства, достигавшие на Урале сотен тысяч и миллионов гектаров.

В число поссессионных фабрик (главным образом, в губерниях Московской, Калужской, Владимирской, Воронежской, Ярославской и Костромской) входили фабрики полотняные (40), суконные (26), бумажные (20), стеклянные (11), шелковые (11) и др.

Рабочий день в половине XIX в. достигал иногда 15 часов, заработная плата взрослых рабочих на суконных фабриках равня-

лась 40 руб., на полотняных — 52 руб., на шелковых — от 55 до 120 руб., на стеклянных — от 70 до 280 руб. в год. Средний дневной заработок женщин на суконных фабриках равнялся 2—15 коп., детей 4—12 коп.; на писчебумажных фабриках дети получали от 3 до 8 коп.

Иногда вместо денежной платы фабрикант давал посессионным рабочим только пищу и одежду и вносил за них подати.

Перед крестьянской реформой 1861 г. всех посессионных крестьян мужского пола насчитывалось около 186 000 душ, из них при горных заводах около 163 000 душ, а при разных фабриках около 23 000 душ.

Обычно посессионные крестьяне имели свои усадьбы и земельные наделы, для работы на которых им давались некоторые льготы в страдную пору.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие . . . . . стр. 3

I. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ МОРДОВИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД XIX ВЕКА.

1798 г., марта 1. Приговор нижегородской палаты суда и расправы по делу крестьян с. с. Ельники и Девичьи Рукава Краснослободского уезда, судимых за подачу просьбы на имя царя об освобождении их от крепостной зависимости 5

1806 г., марта 9. Контракт судовых рабочих с тверским купцом Зубчаниновым по обслуживанию нагруженных хлебом судов, идущих от г. Пензы по Суре и до Рыбинска по Волге 15

1806 г., Список рабочим людям Саранского уезда, бежавшим с казенных провиантских судов во время ходу их по Волге до Рыбинска 17

1808 г., августа 5. Пожалование императором Александром I контр-адмирала маркиза Траверсе мордовскими селами Синдрово и Колопино 19

1817 г., марта 15. Выписка из определения саранской дворянской опеки, изображающая положение крестьян дер. Покрышкино, принадлежащих помещику Струйскому. 24

1827 г., мая 31. Выдержка из протокола судебного заседания саранского уездного суда, характеризующая положение крепостных крестьян с. Б. Вьяса, принадлежавших графине Лаваль 22

1829 г., января 29. Дело о поборах священнослужителей с крестьян села Верхняя Лухма. 24

1832 г., января 7. Рапорт инсарского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору А. А. Панчулидзеву о расследовании дела по истязанию крестьян с. Пестровки титулярным советником Кренером 36

1832 г., декабря 12. Предписание пензенского гражданского губернатора чиновнику особых поручений Юрасову о расследовании дела по убийству своего дворового подпоручиком Максимовым 37

1833 г., июня 1. Предписание пензенского губернатора Панчулидзева саранскому земскому исправнику о расследовании жалобы крестьян с. Евлашева на помещика своего Теплова 38

1834 г., мая — 1840 г., марта 12. Дело о насильственном переселении на новые места крестьян разных сословий уничтоженного винокуренного завода Краснослободского уезда. 40

а) 1834 г., мая. Прошение крестьян, прикрепленных к Синдровскому винокуренному заводу, на имя исправляющего должность пензенского гражданского губернатора Антонского о предоставлении им отсрочки в переселении на новые пустоши 41

б) 1840 г., марта 12. Список крестьян, ранее бывших прикрепленными к Синдоровскому винокуренному заводу, подлежащих переселению в связи с прекращением деятельности завода. 41

1835 г., сентября 30. Записка из дела о жестоком управлении крестьянами помещика Наровчатского уезда Ахлебинина 43

427

1838 г., января 29. Донесение инсарского предводителя дворянства пензенскому гражданскому губернатору о принятых им и саранским земским исправником мерах к приведению в повиновение крестьян помещика Теплова 53
1838 г., октября 4. Предписание департамента уделов управляющему алатырскою удельною конторою об отказе в жалобе крестьян с. Горок на помещика графа Толстого и запрещении впредь жаловаться на него. 54
1839 г., ноября 2. Поручение пензенского гражданского губернатора советнику пензенского губернского правления Юрасову о расследовании дела по распространению слухов о свободе среди крестьян помещика Мацнева Наровчатского уезда 55
1839 г., ноября 2. Жалоба крепостных крестьян села Рузвели, Наровчатского уезда, пензенскому гражданскому губернатору Панчулидзеву на помещика Мацнева 55
1841 г., мая 1. Предписание департамента уделов управляющему алатырскою удельною конторою о наказании крестьян села Горок за поданные ими жалобы на графа Толстова о возвращении отнятой им у них земли 57
1846 г., декабря 21. Прошение помещика Арапова императору Николаю I о прекращении дела по земельной тяжбе, возобновленной крестьянами д. Курнина 57
1848 г., июня 20. Постановление пензенской палаты гражданского суда об отмене решения инсарского уездного суда по делу спорной земли помещицы Габбе с крестьянами с. Шигонь 60
1848 г., октября 29. Выдержки из приговора саранского уездного суда по делу избиения князя Еникеева своими дворовыми людьми . . 63
1848 г., декабря 8. Донесение инсарского уездного предводителя дворянства пензенскому гражданскому губернатору об избиении крестьянина Семенова помещиком Михиным 69
1848 г., декабря 31. Предложение пензенского губернского правления инсарскому земскому суду об окончании следствия по делу помещика Михина 71
1849 г., марта 31. Прошение государственного крестьянина дер. Заберезовой Краснослободского уезда Ф. Антонова на имя управляющего пензенской палатой государственных имуществ о чинимых ему обидах священником Боголюбовым 71
1850 г., мая 15 — 1852 г., апреля 30. Положение крепостных крестьян в имении помещика Ахлебинина Наровчатского уезда 73
а) 1850 г., мая 15. Заявление помещика Ахлебинина в наровчатский земский суд о высылке его крестьян из села Ахлебинино в город Спасск 73
б) 1851 г., марта 14. Журнальная запись пристава 1-го стана Наровчатского уезда о неповиновении крестьян с. Ахлебинина своему помещику 74
в) 1851 г., августа 24. Показание крестьян с. Ахлебинина Наровчатского уезда о наказании их помещиком Ахлебининым 75
г) 1852 г., апреля 28. Донесение наровчатского уездного предводителя дворянства Шишкина пензенскому губернскому предводителю дворянства о положении крестьян помещика Ахлебинина 76
д) 1852 г., апреля 30. Письмо помещика Ахлебинина Н. наровчатскому уездному предводителю дворянства И. Т. Шишкину об условиях освобождения своих крестьян с. Ахлебинина 80
1850 г., декабря 19. Решение пензенской палаты уголовного суда по делу самовольного ухода крепостной крестьянки помещицы Замятиной 84
1856 г., октября 11. Жалоба крестьян помещицы Кожиной пензенскому губернатору Панчулидзеву на свою помещицу 85
1859 г., августа 20. Рапорт саранского земского суда пензенскому гражданскому губернатору об урегулировании взаимоотношений крестьян села Анненкова с помещиком Анненковым 85

1809 г., сентября 14. Письмо князя П. Трубецкого нижегородскому гражданскому губернатору А. М. Руновскому о состоявшемся 12 сентября мольбище мордвы дер. Сескино и др. по первобытному их обряду 80
1809 г., сентября 17. Ордер нижегородского гражданского губернатора Руновского на имя нижегородского земского исправника Сергеева с предложением отправиться в дер. Сескино описать ложного пророка Козьму, узнать о содержании его пророчества, а потом его и ближайших его сподвижников арестовать 90
1809 г., сентября 20. Сообщение нижегородского архиепископа Вениамина на имя нижегородского гражданского губернатора Руновского о мордовских мольбищах, проводимых Козьмой Алексеевым 90
1809 г., сентября 20. Рапорт земского исправника Сергеева нижегородскому губернатору Руновскому о принятых мерах против мордовских мольбищ, проводимых Козьмой Алексеевым 91
1809 г., сентября 21. Сообщение нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородскому архиепископу о принятых мерах против мордовских молений, организуемых Козьмой Алексеевым 92
1809 г., сентября 21. Ордер нижегородского земского исправника Сергееву, в котором нижегородский гражданский губернатор Руновский сообщил о доставлении к нему Козьмы Алексеева 95
1809 г., сентября 23. Рапорт земского исправника Сергеева нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о состоявшемся 12 сентября мольбище мордвы и о представлении в канцелярию губернатора сообщников Козьмы Алексеева 95
1809 г., сентября 23. Ордер нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородскому земскому исправнику Сергееву об учинении допросов Козьме Алексееву и его сообщникам 96
1809 г., сентября 28. Рапорт земского исправника Сергеева нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому об учиненном допросе Алексееву и его сообщникам 99
1809 г., сентября 30. Предложение нижегородского гражданского губернатора нижегородскому уездному суду о необходимости надлежащего рассмотрения дела Козьмы Алексеева и его сообщников 99
1809 г., сентября 30. Ордер нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородскому исправнику Сергееву о предупреждении новокрещен из мордвы, чтобы они не отправляли мольбищ по их древней вере 102
1809 г., сентября 30. Сообщение нижегородского губернатора Руновского нижегородскому архиепископу о принятых мерах по отношению Козьмы Алексеева 102
1809 г., сентября 30. Сообщение нижегородского гражданского губернатора Руновского министру внутренних дел о принятых мерах по отношению к Козьме Алексееву, его сообщникам и мордовскому населению, участвовавшему в сборищах К. Алексеева 103
1809 г., октября 6 дня. Сообщение нижегородского архиепископа Вениамина нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о сделанных им указаниях священникам по наблюдению за новокрещеной мордвой 104
1809 г., октября 12 дня. Рапорт нижегородского земского исправника Сергеева нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о принятых мерах, предупреждающих новокрещеной мордве совершать мольбища по древней их мордовской вере 107
1809 г., октября 12. Сообщение нижегородского архиепископа Вениамина нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о выезде его в новокрещеные села Борисово, Курилово, Тепелево и др. и просьба об оказании ему помощи в сборе мордвы этих сел в церковь 108

1809 г., октября 14. Предложение нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородскому земскому суду о посылке одного члена земского суда в с. с. Курилово, Борисово, Тепелево и др. для оказания помощи архиепископу Вениамину 109
1809 г., октября 23. Рапорт нижегородского земского исправника Сергеева нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о принятых им мерах для удержания мордвы от мольбищ по древним их мордовским обычаям 110
1809 г., октября 27. Донесение нижегородского гражданского губернатора Руновского министру внутренних дел о принятых мерах нижегородским архиепископом по отношению новокрещен из мордвы . . 111
1809 г., октября 30. Сообщение нижегородского архиепископа Вениамина нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о результатах своей поездки в мордовские села и о принятых мерах против совершения мордвой мольбищ по древней их вере 112
1809 г., ноября 9. Предложение нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородской палате уголовного суда о том, чтобы решение суда о Козьме Алексееве сообщить нижегородскому архиепископу Вениамину 114
1809 г., октября 25. Извещение министра внутренних дел князя Куракина нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому об одобрении императором принятых мер по отношению К. Алексеева . 115
1809 г., ноября 16. Рапорт нижегородского уездного суда председателю нижегородской палаты гражданского суда о решении уездного суда по делу К. Алексеева 115
1809 г., ноября 23. Распоряжение министра внутренних дел нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о присылке министру внутренних дел решения суда по делу К. Алексеева 116
1809 г., декабря 6. Предложение нижегородского гражданского губернатора палате уголовного суда об ускорении решения по делу К. Алексеева и присылке ему копии судебного приговора. 116
1810 г., января 11. Определение нижегородской палаты уголовного суда по делу К. Алексеева 117
1810 г., марта 7. Сообщение министра внутренних дел князя Куракина нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о том, что решение нижегородской палаты уголовного суда по делу К. Алексеева императором Александром I утверждено с освобождением подсудимых от наказания плетьми 126
1810 г., марта 22. Предложение нижегородского гражданского губернатора Руновского нижегородской палате уголовного суда об изменении приговора по делу К. Алексеева, согласно повелению императора Александра I. 127
1810 г., мая 3. Мемория из нижегородской палаты уголовного суда нижегородскому вице-губернатору Плюскову о приведении в исполнение приговора суда по делу К. Алексеева 127
1810 г., июня 8. Сообщение нижегородского гражданского губернатора Руновского товарищу министра внутренних дел о том, что судебный приговор по делу К. Алексеева приведен в исполнение до получения предписания из министерства внутренних дел об освобождении подсудимых императором Александром I от телесного наказания. 129
1810 г., июля 8. Запрос товарища министра внутренних дел к нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому о причинах невыполнения высочайшего повеления по делу К. Алексеева 130
1810 г., июля 7. Объяснение нижегородского гражданского губернатора Руновского министру внутренних дел о причинах невыполнения высочайшего повеления по делу К. Алексеева 130

III. ВОССТАНИЕ ОПОЛЧЕНЦЕВ в г. САРАНСКЕ и в г. ИНСАРЕ в 1812 г. (9 декабря 1812 г. — 16 января 1813 г.)

1812 г., декабря 12. Донесение инсарского уездного судьи Бахметьева на имя пензенского гражданского губернатора кн. Голицына о восстании ополченцев в г. Инсаре 135
1812 г., декабря 10. Рапорт саранского полицмейстера Васюкина пензенскому гражданскому губернатору кн. Г. С. Голицыну о восстании ополченцев в г. Саранске 135
1812 г., декабря 11. Предложение пензенского гражданского губернатора пензенскому архиепископу о принятии надлежащих мер через духовных лиц по увещеванию восставших ополченцев 135
1812 г., декабря 12. Сообщение князя Лобанова-Ростовского пензенскому гражданскому губернатору о принятых мерах против восставших ополченцев 137
1812 г., декабря 13. Рапорт инсарского земского исправника Иконникова на имя пензенского гражданского губернатора кн. Голицына о принятых им мерах по продвижению воинских команд для усмирения восставших ополченцев 137
1812 г., декабря 13. Сообщение Петра Нилова пензенскому гражданскому губернатору кн. Голицыну о том, что на подавление восстания отправляется команда из местного тамбовского гарнизона 138
1812 г., декабря 14. Сообщение командующего пензенским ополчением генерал-майора Кишенского пензенскому гражданскому губернатору о том, что жители окрестных сел и городов сочувствуют восставшим ополченцам. 139
1812 г., декабря 14. Сообщение дворянского заседателя пензенской уголовной палаты Ларионова пензенскому гражданскому губернатору кн. Голицыну о произведенной экзекуции одному воину и мещанину г. Инсара 139
1812 г., декабря... Список воинов 3-го полка, находящихся в бегах со времени происшедшего в городе Инсаре возмущения, на 13 человек . . 144
1812 г., декабря 14. Рапорт мокшанского земского исправника Беликова пензенскому гражданскому губернатору кн. Голицыну о принятых мерах предосторожности в Мокшанском уезде 142
1812 г., декабря 15. Рапорт губернского стряпчего Попова пензенскому гражданскому губернатору кн. Голицыну о приведении к присяге саранских ополченцев после восстания 143
1812 г., декабря 15. Сообщение генерала Адамовича пензенскому гражданскому губернатору кн. Голицыну о произведенном аресте зачинщиков восстания ополченцев в г. Саранске 143
1812 г., декабря 15. Сообщение пензенского гражданского губернатора кн. Голицына командующему 3-м округом внутреннего ополчения графу А. П. Толстому о принятых мерах по подавлению восстания ополченцев в г.г. Инсаре и Саранске. 144
1812 г., декабря 16. Сообщение полковника Румянцева пензенскому гражданскому губернатору о посылке в Пензу роты солдат 146
1812 г., декабря 15. Предложение пензенского гражданского губернатора кн. Голицына командиру 2-й бригады полковнику Румянцеву о необходимости занятия важных постов в Пензе саратовскою командою. 147
1812 г., декабря 27. Рапорт заседателя пензенской уголовной палаты Ларионова пензенскому гражданскому губернатору кн. Голицыну о причиненных восставшими ополченцами убытках 148
1812 г., декабря... Список Чембарской округи поступившим воинам 2-го Пензенского казачьего пехотного полка 149
1812 г., декабря 20. Предложение пензенского гражданского губернатора кн. Голицына майору Пейкеру об отправлении части саратовской команды обратно в Саратов 150
1812 г., декабря 30. Предложение пензенского гражданского губернатора дворянскому заседателю уголовной палаты Ларионову об отправлении саратовской команды обратно в Саратов 153

1812 г., декабря 30. Предложение пензенского гражданского губернатора кн. Голицына дворянскому заседателю пензенской палаты уголовного суда Ларионову о расследовании негласным путем причин возмущения ополченцев в г. Инсаре 154
1813 г., январь. Рапорт пензенского гражданского губернатора главнокомандующему о причинах возмущения ополченцев в Пензенской губернии 155
1813 г., января 16. Рапорт инсарского земского исправника Иконникова пензенскому гражданскому губернатору об оказании содействия проходившим через Инсар войскам 157

IV. РАБОЧЕЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МОРДОВИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Дело о неповиновении мастеровых инсарского чугуноплавильного завода (1804 г. июля 8 — 1804 г. сентября 30).
а) 1804 г., июля 8. Определение инсарского уездного суда по делу о неповиновении мастеровых инсарского чугуноплавительного завода заводовладельцу Никонову 161
б) 1804 г., июля 14. Решение инсарского уездного суда о содержании под стражей неповинующихся крестьян заводовладельца Никонова 161
в) 1804 г., июля 16. Решение инсарского уездного суда о взятии под стражу мастеровых инсарского чугуноплавительного завода заводовладельца Никонова 165
г) 1804 г., августа 11. Определение инсарского уездного суда по делу о неповиновении мастерового Филиппова заводовладельцу Никонову 165
д) 1804 г., сентября 30. Определение инсарского уездного суда по прошению заводовладельца Никонова об урегулировании отношений с мастеровыми завода 169
1812 г., декабря 21. Приговор саранского уездного суда по делу о неповиновении крестьян дер. Малой Елховки своему помещику и нежелании итти в ополчение 171
1813 г., июля 12 — 1815 г., ноября 15. Дело о самовольном кошении сена обществом крестьян с. Пурдошек у окружающих помещиков . .
а) 1813 г., июля 12. Отношение темниковского земского исправника Куткина дворянскому заседателю краснослободского земского суда Свищову о самовольном кошении сена у окружающих помещиков и неподчинении властям крестьян с. Пурдошек 187
б) 1813 г., июля 17. Отношение темниковского земского суда краснослободскому земскому суду о самовольном кошении сена крестьянами с. Пурдошек у помещицы Кудашевой, Юматовой и др. . . . 189
в) 1814 г., сентября 28. Предписание пензенского губернского правления краснослободскому уездному суду по делу самовольного захвата сенных покосов крестьянами с. Пурдошек у помещицы Вышеславцевой, Кудашевой и др. 192
г) 1815 г., июля 1. Определение краснослободского исправника Мешкова и уездного стряпчего по делу о самовольном кошении лугов окружающих землевладельцев крестьянами с. Пурдошек и о неподчинении последних уездным властям 197
д) 1815 г., июля 3. О неподчинении указу уездного суда крестьян с. Пурдошек Краснослободского уезда 200
е) 1815 г., июля 11. Донесение краснослободского уездного суда о неповиновении крестьян села Пурдошек уездному исправнику и стряпчему и об избиении ими волостного головы Девятайкина . . . 202
ж) 1815 г., июля 12. Прошение помещиков с. Жегалова Темниковской округи в краснослободский земский суд о запрещении кошения их лугов крестьянами с. Пурдошек 204

з) 1815 г., июля 13. Донесение краснослободского земского суда губернскому правлению о принятии решительных мер против мятежных крестьян 205
и) 1815 г., июля 27. Постановление пензенского губернского стряпчего Попова о взятии под стражу зачинщиков движения крестьян с. Пурдошек 205
к) 1815 г., августа 1. Донесение пензенского губернского стряпчего — в ответ на предписание ему пензенского губернского правления о необходимости принятия мер по делу зачинщиков движения крестьян с. Пурдошек 206

V. ВЫСТУПЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН СЕЛЬЦА ЧЕКАШЕВЫХ ПОЛЯН ИНСАРСКОГО УЕЗДА ПРОТИВ ПОМЕЩИКА ОБРЕЗКОВА

(1814 г., февраля 23 — 1814 г., июля 16)

а) 1814 г., февраля 23. Постановление инсарского земского суда по делу неповиновения крестьян сельца Чекашевых Полян помещику Обрезкову 213
б) 1814 г., февраля 23. Показание старосты сельца Чекашевых Полян по делу неповиновения крестьян помещику Обрезкову 215
в) 1814 г., февраля 27. Рапорт инсарского дворянского заседателя Грызева инсарскому земскому суду о произведенном допросе крестьянам сельца Чекашевых Полян 216
г) 1814 г., мая 30. Объявление управляющего имением Обрезкова инсарскому земскому исправнику о неповиновении крестьян помещику Обрезкову 217
д) 1814 г., июня 8. Объявление управляющего имением помещика Обрезкова в инсарский нижний земский суд о невыходе на господскую работу крестьян сельца Чекашевых Полян 218
е) 1814 г., июня 27. Объявление управляющего имением помещика Обрезкова Роде в инсарский земский суд о порубке помещичьего леса крестьянами Чекашевых Полян 219
ж) 1814 г., июля 14. Объявление управляющего имением помещика Обрезкова в инсарский земский суд о невыходе на господскую работу крестьян сельца Чекашевы Поляны и о заковании ими в железо старосты Степанова и десятника Кареева 220
з) 1814 г., июля 15. Объявление управляющего имением помещика Обрезкова в инсарский земский суд о недопущении крестьянами с. Чекашевых Полян к рубке леса такмовских крестьян, посланных управляющим Обрезкова 221
и) 1814 г., июля 15. Показание крестьян сельца Чекашевы Поляны по делу неповиновения своему помещику Обрезкову 222
к) 1814 г., июля 16. Предварительное решение инсарского земского суда по делу неповиновения крестьян сельца Чекашевых Полян помещику Обрезкову 224
1831 года, июля 4. Рапорт инсарского земского исправника Бахметева пензенскому гражданскому губернатору относительно разглашения крестьянином Лосевым слухов о свободе 225
1833 г., февраля 20. Приговор по делу крестьянина с. Лада Саранского уезда Лазарева А., обвиняемого в возмущении крестьян этого села против помещичьей власти 226
1833 г., июня 13 — 1833 г. октября 10. О насильственном захвате земли помещика Арапова мордвой деревень Старое и Новое Дракино.
а) 1833 г., июня 13. Объявление помещика Арапова в наровчатский земский суд о завладении его землей крестьянами д. Дракино 229
б) 1833 г., августа 18. Объявление помещика Арапова в наровчатский земский суд о вторичной попытке крестьян д. Дракино завладеть его землей 230

в) 1833 г., октября 10. Объявление помещика Жрапова в наровчатский земский суд о чинимых препятствиях землемеру Пекарскому крестьянами с. Дракино 231
1850 г., мая 25. О самовольной порубке леса в дачах Саровской пустыни крестьянами с. Жегалова и деревень Караевой, Тюпеевой и Итяковой. 232
Дело о неповиновении крестьян села Ключицы Инсарского уезда наследникам помещика Кожина (1844 г., февраля 21 — 1845 г., июля 3).
а) 1844 г., февраля 21. Донесение пристава первого стана в инсарский земский суд об отыскиваемой крестьянами с. Ключицы свободе . . . 239
б) 1844 г., февраля 21. Показание помещицы Беляевой о выступлении крестьян с. Ключицы против помещика Уманова 240
в) 1844 г., февраля 21. Донесение пристава 1-го стана Инсарского уезда Надежина инсарскому земскому суду о буйстве крестьян помещика Кожина 241
г) 1844 г., февраля 22. Показание крестьянина Акимова по поводу возмущения крестьян с. Ключиц против помещика 242
д) 1844 г., августа 12. Сообщение пристава 1-го стана Инсарского уезда о произведенном наказании крестьян помещика Кожина 243
е) 1844 г., ноября 9. Подписка понятых сторонних людей временному отделению инсарского земского суда об отказе крестьян с. Знаменского повиноваться наследникам помещика Кожина 244
ж) 1844 г., ноября 11. Предложение пензенского вицегубернатора начальнику пензенского гарнизонного баталиона Годорожий-Чекаленко об учреждении военного суда по делу неповиновения крестьян помещика Кожина 245
з) 1844 г., ноября 17. Приговор комиссии военного суда по делу неповиновения крестьян помещика Кожина 246
и) 1845 г., января 10. Донесение старосты имения помещика Кожина инсарскому уездному приставу 1-го стана о вновь произведенных беспорядках крестьянами и дворовыми людьми с. Ключиц 248
к) 1845 г., января 14. Протокол допроса крестьян и дворовых помещика Кожина, учиненный приставом 1-го стана Инсарского уезда . . 249
л) 1845 г., марта 12. Показания крестьян помещика Кожина, данные инсарскому земскому исправнику 250
м) 1845 г., мая... Донесение опекуна имением Кожина майора Уманова временному отделению инсарского земского суда об отказе крестьян отбывать помещичьи повинности 251
н) 1845 г., мая 30. Указ из пензенского губернского правления по делу неповиновения крестьян с. Знаменского своим владельцам 252
о) 1845 г., июля 3. Определение пензенской палаты уголовного суда по делу неповиновения крестьян помещика Кожина 258
Дело о спорном землевладении между казенными крестьянами с. Паньжа Наровчатского уезда и помещицей Колпашниковой (1844 г., апрель — 1860 г., марта 11) .
а) 1844 г., апрель. Прошение бурмистра помещицы Колпашниковой императору Николаю I об удержании от насилья крестьян с. Паньжа 260
б) 1844 г., мая 30. Прошение бурмистра имения помещицы Колпашниковой приставу 1-го стана Наровчатского уезда о расследовании дела о буйстве казенных крестьян с. Паньжи 261
в) 1844 г., июля 17. Прошение поверенного бурмистра помещицы Колпашниковой императору Николаю I о допуске его к снятию урожая с площади спорной земли, засеянной крестьянами с. Паньжа . . 262
г) 1844 г., августа 25. Жалоба бурмистра имения помещицы Колпашниковой императору Николаю I на неправильные действия помощника начальника наровчатского окружного правления Захарьина при разборе дела о спорной земле между казенными крестьянами с. Паньжа и помещицей Колпашниковой 264
д) 1845 г., ноября ... Прошение бурмистра помещицы Колпашниковой императору Николаю I о даче зависящих указаний наровчатскому уездному суду о принятии мер против самовольства крестьян с. Паньжи 266

е) 1846 г., мая 3. Отзыв крестьянина Паньжи в наровчатский уездный суд о неправильном решении вопроса по делу спорной земли с помещицей Колпашниковой 268
ж) 1847 г., июля ... Объявление бурмистра помещицы Колпашниковой в наровчатский земский суд о даче ему разрешения на снятие урожая с засеянной паньжинскими крестьянами спорной земли . . . 270
з) 1848 г., декабря 8. Указ пензенской палаты уголовного суда по делу крестьян с. Паньжи 271
и) 1849 г., сентября 29. Указ из пензенской палаты уголовного суда по делу о захвате земли казенными крестьянами с. Паньжи, принадлежащей помещице Колпашниковой 273
к) 1860 г., марта 11. Прошение бурмистра помещицы Колпашниковой императору Александру II, в котором он просит сделать зависящее указание кому следует о немедленном приведении решения суда по делу крестьян с. Паньжи в исполнение 274
1840—1855 г.г. О самовольной порубке леса в дачах Саровской пустыни крестьянами с. Жегалова и д. Полянок.
а) 1840 г., марта 4. Объявление послушника Саровской пустыни Петра Гаврилова в темниковский земский суд о самовольной порубке монастырского леса крестьянами с. Жегалова и д. Полянок . . . 276
б) 1855 г., января 31. Приказ темниковского уездного суда по делу порубки леса крестьянами с. Жегалова в дачах Саровской пустыни 277
1853—1860 г. г. О самовольном засеве земли помещика Либенау крестьянами с. Кочелаева Инсарского уезда.
а) 1853 г., мая 15. Прошение инсарского помещика Либенау императору Николаю I, в каковом он просит сделать зависящее указание об удержании государственных крестьян села Кочелаева от самовольного засева его земли 279
б) 1860 г., января 12. Приказ пензенского губернского правления по делу помещика Либенау с крестьянами с. Кочелаева 280
в) 1860 г., мая... Прошение помещика Либенау императору Александру II о взыскании убытков с крестьян с. Кочелаева 282
1855—1856 г.г. О неповиновении крестьян д. Лосевки Краснослободского уезда помещику Лукину.
а) 1855 г., января 31. Приказ пензенской палаты уголовного суда по делу неповиновения крестьян д. Лосевки помещику Лукину . . . 285
б) 1856 г., ... Указ пензенской палаты уголовного суда краснослободскому уездному суду о взыскании прогонных денег с крестьян д. Лосевки 286
1855—1857 г.г. Восстание крестьян с. Большой Танеевки Саранского уезда.
а) 1855 г., мая 24. Рапорт сотского д. Монастырской Василия Евдокимова саранскому земскому суду об убийстве станового пристава Бахвостова крестьянами с. Большой Танеевки 288
б) 1855 г., мая 25. Рапорт саранского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору о присылке в с. Большую Танеевку воинской команды для усмирения крестьян 288
в) 1855 г., мая 25. Донесение саранского уездного стряпчего Разумова саранскому уездному суду по делу убийства Бахвостова крестьянами с. Большой Танеевки 289
г) 1855 г., мая 26. Указ пензенского губернского правления о посылке воинской команды для усмирения неповинующихся помещику крестьян с. Большой Танеевки 291
д) 1855 г., мая 27. Предписание пензенского гражданского губернатора чиновнику особых поручений Караулову о восстановлении порядка в с. Большой Танеевке 292
е) 1855 г., июня 17. Сообщение подполковника Горновского пензенскому губернатору о причинах убийства станового пристава Бахвостова крестьянами с. Большой Танеевки 293
ж) 1855 г., октября 18. Прошение старосты Сутягина пензенскому граж-

данскому губернатору о возмещении убытков, понесенных им на содержание воинской команды в с. Большой Танеевке 295
з) 1856 г., ноября 27. Сообщение князя Долгорукова начальнику Пензенской губернии об отказе в награде подполковнику Горновскому за усмирение крестьян с. Большой Танеевки 296
и) 1857 г., сентября 13. Решение Правительствующего Сената по делу возмущения крепостных крестьян с. Большой Танеевки 296
к) 1857 г., сентября 24. Определение пензенской палаты уголовного суда по делу восстания крестьян с. Большой Танеевки 299
л) 1854 г., сентября 24. Купчая грамота на продажу крепостных крестьян с. Большой Танеевки Саранского уезда помещика Чарыкова 301
м) 1857 г., ноября 11. Определение пензенской уголовной палаты по делу возмущения крепостных крестьян с. Большой Танеевки. 303

1856 г., О неповиновении крестьян с. Тумалейки Краснослободского уезда помещику Москвитинову.
а) 1856 г., марта 20. Рапорт краснослободского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору о неподчинении указу краснослободского уездного суда крестьян с. Тумалейки 304
б) 1856 г., марта 24. Сообщение пензенской губернской канцелярии на имя городничих, земских судов и полиций Инсарского, Мокшанского и Краснослободского уездов о маршруте воинской команды на подавление восстания крестьян с. Тумалейки 305
в) 1856 г., марта 30. Рапорт пензенского земского суда пензенскому гражданскому губернатору, извещающий о прибытии в с. Тумалейку вооруженной команды для усмирения крестьян 306
г) 1856 г., апреля 2. Определение пензенского губернского правления по делу неповиновения крестьян с. Тумалейки помещику Москвитинову. 306
д) 1856 г., апрель. Донесение начальника Пензенской губернии управляющему III отделением собственной его величества канцелярии генералу Дубельту о принятых мерах в усмирении крестьян с. Тумалейки 308

1856 г. О неуплате государственных налогов крестьянами татарских селений Краснослободского уезда.
а) 1856 г., ноября 24. Просьба пензенской палаты государственных имуществ пензенскому гражданскому губернатору о введении воинской команды в Краснослободский уезд для содействия по взиманию податей с крестьян татарских селений 309
б) 1856 г., Рапорт краснослободского земского суда пензенскому гражданскому губернатору о том, что его распоряжение от 20 ноября 1856 г., о приведении в повиновение государственных крестьян Краснослободского округа за неуплату налогов выполнено 309

1856—59 г. г. О спорных рыбных ловлях Саровской пустыни с крестьянами с. Такушева.
а) 1856 г., ноября 19. Доношение Саровской пустыни монаха Иакова такушевскому волостному правлению о чинимых препятствиях ловли монахам крестьянами с. Такушева 310
б) 1857 г., января... Объявление иеродиакона Саровской пустыни Иакова в темниковский земский суд, в котором он просит принять меры против крестьян с. Такушева, препятствующих рыбным ловлям 312
в) 1857 г., декабря 17. Приказ темниковского уездного суда о спорных рыболовных местах Саровской пустыни и д. Такушевой 313
г) 1859 г., декабря 4. Определение тамбовской палаты государственных имуществ по делу спорных рыболовных мест Саровской пустыни и д. Такушевой 314

1858—1859 г. Дело о буйстве крестьян с. Токмова Инсарского уезда, произведенном в имении помещика Обрезкова.
а) 1858 г., августа 16. Рапорт инсарского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору о неповиновении ратников, вернувшихся из ополчения в с. Токмово 316
б) 1858 г., октября 14. Рапорт инсарского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору об аресте 4-х крестьян с. Токмова, неповинующихся помещику Обрезкову 317
в) 1858 г., октября 20. Объявление управляющего имением помещика Обрезкова Шейна инсарскому земскому исправнику Ушакову о неповиновении крестьян 317
г) 1858 г., ноября 20. Показание бурмистра помещика Обрезкова по делу неповиновения крестьян с. Токмова 317
д) 1858 г., ноября 22. Протокол допроса дворовым людям помещика Обрезкова, бывшим в карауле при аресте крестьян с. Токмова 318
е) 1858 г., декабря 2. Рапорт инсарского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору о буйствах крестьян с. Токмова. 319
ж) 1859 г., августа 1. Определение Сената о неповиновении крестьян с. Токмово помещику Обрезкову 320

1858 г., Указ из Правительствующего Сената начальнику Пензенской губернии по делу крестьян с. Пушкина Саранского уезда, оказавших сопротивление военной команде 320

1858 г., О неповиновении крестьян с. Чуфарова, Апраксина и деревень Абрамовки и Александровки Сергачского уезда помещику Новосильцеву.
а) 1858 г., февраля 5. Поручение нижегородского военного губернатора чиновнику особых поручений Товбичу о немедленном выезде в имение помещика Новосильцева для приведения в должное повиновение крестьян с. Чуфарова, Апраксина и деревень Абрамовки и Александровки 323
б) 1858 г., февраля 19. Рапорт чиновника особых поручений Товбича нижегородскому военному губернатору о причинах неповиновения крестьян помещику Новосильцеву 324

1859—1863 г.г. Разгром питейных домов крестьянами Пензенской губернии Инсарского уезда с. Иссы.
1) 1859 г., мая 29. Рапорт пристава первого стана Инсарского уезда инсарскому земскому суду о разгроме питейного дома в с. Иссе . . . 325
2) 1859 г., мая 30. Сообщение начальника 16-й пехотной дивизии пензенскому гражданскому губернатору о попытках крестьян произвести разгром питейного дома в г. Краснослободске 326
3) 1859 г., июня 4. Рапорт инсарского земского суда пензенскому гражданскому губернатору об оставлении воинских частей Суздальского пехотного полка в Инсарском уезде, где продолжается разгром питейных домов 327
4) 1859 г., июня 4. Рапорт инсарского городничего пензенскому гражданскому губернатору об оставлении находящихся в Инсарском уезде воинских частей Углицкого пехотного полка 328
5) 1859 г., июня 5. Рапорт инсарского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору об оставлении расквартированных воинских команд в Инсарском уезде, так как разгром питейных домов все больше усиливается 329
6) 1859 г., июня 5. Показание сотского с. Иссы Артемьева по делу о разгроме питейного дома в с. Иссы 330
7) 1859 г., июня 9. Рапорт пристава 1-го стана Инсарского уезда инсарскому земскому исправнику о волнении крестьян на ярмарке в с. Иссе и разгроме питейного дома 332
8) 1859 г., июня 22. Сообщение министра внутренних дел начальнику Пензенской губернии о высочайшем повелении командировать в Пензенскую губернию генерал-адъютанта Яфимовича для прекращения крестьянских беспорядков 333
9) 1859 г., июня... Донесение управляющего пензенской губернской палатой государственных имуществ пензенскому гражданскому губернатору о принятых мерах к прекращению беспорядков и разгрому питейных домов в губернии. 334
10) 1859 г., июня 26. Рапорт краснослободского земского исправника

пензенскому гражданскому губернатору о ходе следствия по разгрому питейных домов в Краснослободском уезде 335
10) 1859 г., августа 27. Предписание министра внутренних дел начальнику Пензенской губернии о представлении сведений по существу судебного решения по делу обвинения Лапыкова 336
12) 1859 г., сентября 14. Предписание министра внутренних дел начальнику Пензенской губернии об исполнении высочайшего повеления по поводу разгрома питейных домов в Пензенской губернии. . 337
13) 1859 г., сентября 24. Предложение пензенского гражданского губернатора пензенскому губернскому правлению о прекращении разбора дел виновных в разгроме питейных домов в гражданских судебных органах и передаче их военному суду 338
14) 1859 г., сентября 26. Предписание и. д. пензенского гражданского губернатора пензенской палате уголовного суда о предании военному суду всех зачинщиков в разгроме питейных домов 339
15) 1859 г., ноября 24. Рапорт полковника Камышенского пензенскому военному и гражданскому губернатору графу Толстому о ходе распоряжения на высылку зачинщиков в разгроме питейных домов для предания военному суду 340
16) Ведомость о случаях буйства и самовольных поступках крестьян, последовавших в Пензенской губернии вследствие распространившихся слухов о продаже вина по дешевым ценам (в мае) 340
17) Ведомость о случаях буйства и самовольных поступках крестьян, последовавших в Пензенской губернии вследствие распространившихся слухов о продаже вина по дешевым ценам (в июне) 342
18) 1861 г., августа 7. Предписание управляющего министерством внутренних дел командиру отдельного корпуса внутренней стражи об утверждении решений военного суда по делу осужденных инициаторов в разгроме питейных домов 342
19) 1863 г., мая 16. Сообщение пензенского губернского правления пензенской палате уголовного суда об утверждении судебных решений по делу разгрома питейных домов 344
1860—61 г. г. Дело о неповиновении крестьян с. Никольского (Буды) Наровчатского уезда помещику Унгерн-Штернбергу.
а) 1860 г., октября 17. Донесение наровчатского уездного предводителя дворянства пензенскому военному и гражданскому губернатору о неповиновении крестьян с. Буды помещику Унгерн-Штернбергу . 345
б) 1860 г., октября 29. Объяснение Унгерн-Штернберга по делу восстания крестьян с. Буды 347
в) 1860 г., октября 31. Объяснение священника Геликонова наровчатскому уездному суду по делу неповиновения крестьян с. Буды помещику Унгерн-Штернбергу 353
г) Список крепостных крестьян помещика Унгерн-Штернберга, наказанных в конторе розгами 356
д) 1861 г., апреля 24. Прошение крепостных крестьян с. Никольского (Буды) пензенскому губернатору о защите их от помещика Унгерн-Штернберга 358

VI. ДВИЖЕНИЕ РАБОЧИХ АВГОРСКОГО ЗАВОДА

1858 г., января 14. Рапорт краснослободского исправника Тихменева пензенскому гражданскому губернатору о неповиновении мастеровых Авгорского завода и крестьян дер. Русской Маскины, приписанных к заводовладельцу Манухину 363
1858 г., января 18. Рапорт пензенского гражданского губернатора Панчулидзева императору Александру II о возмущении мастеровых Авгорского чугуноплавильного завода и приписных к заводу крестьян дер. Русской Маскиной 365
1858 г., января 20. Рапорт краснослободского земского суда пензенскому гражданскому губернатору Панчулидзеву о принятых судом мерах по прекращению движения рабочих Авгорского завода и упорном нежелании их подчиниться владельцу Манухину 366
1858 г., января 22. Рапорт пензенского гражданского губернатора Панчулидзева императору Александру II об усмирении военной силой движения приписных крестьян дер. Русской Маскиной 368
1858 г., января 24. Отношение начальника 16-й пехотной дивизии пензенскому гражданскому губернатору Панчулидзеву о своем согласии оставить в дер. Маскиной две роты солдат ввиду сильного сопротивления крестьян 369
1858 г., января 28. Рапорт Авгорской горнозаводской конторы горнозаводскому исправнику 2-го округа Замосковных горных заводов об условиях работы мастеровых Авгорского завода 369
1858 г., января 29. Объяснение владельца Авгорского и Синицынского заводов А. Манухина чиновнику особых поручений при пензенском губернаторе Караулову об условиях работы мастеровых и приписных крестьян на его заводах 370
1858 г., января ... Рапорт пензенского гражданского губернатора Панчулидзева императору Александру II об усмирении мастеровых Авгорского чугуноплавильного завода Манухина 372
1858 г., февраля 7. Донесение пензенского гражданского губернатора министру финансов об экономическом положении приписных крестьян дер. Русской Маскины и Авгорского завода 372
1858 г., марта 19. Уведомление московского горного правления пензенскому губернскому правлению о принятых горным правлением мерах по улучшению быта мастеровых Авгорского завода и приписных крестьян дер. Русской Маскиной 373
1858 г., июня 2. Сообщение министра внутренних дел Ланского начальнику Пензенской губернии о высочайшем повелении по делу осужденных крестьян дер. Русской Маскиной за неповиновение властям и воинской команде 379
1858 г., июня 16. Рапорт командира Углицкого полка Попова начальнику 16-й пехотной дивизии Остафьеву о жалобах мастеровых Авгорского завода на делаемые им владельцем Манухиным притеснения. 380
1858 г., июня 23. Рапорт заводовладельца А. Манухина начальнику Пензенской губернии Панчулидзеву о недостаточной решительности командира 8-й роты Углицкого полка при усмирении движения мастеровых Авгорского завода 381
1858 г., июня 25. Рапорт краснослободского земского исправника пензенскому гражданскому губернатору о представленном ему приговоре мастеровых Авгорского завода, в котором они описывают притеснения, делаемые им владельцем завода Манухиным . . . 383
1858 г., июля 12. Сообщение начальника 16-й пехотной дивизии Остафьева пензенскому гражданскому губернатору о приведении в исполнение высочайше утвержденного наказания крестьянам дер. Русской Маскиной 384
1858 г., августа 14. Рапорт Авгорской заводской конторы чиновнику особых поручений Островидову о распределении мастеровых Авгорского завода по цехам и видам работ 385
1858 г., августа 14. Указ из пензенского губернского правления чиновнику особых поручений Островидову о расследовании дела о новом неповиновении мастеровых Авгорского завода 386
1858 г., августа 16. Рапорт заводского исправника Синицына пензенскому гражданскому губернатору о новом выступлении мастеровых Авгорского завода 387
1858 г., не позднее августа. Жалоба мастеровых Авгорского завода на своего владельца Манухина, поданная чиновнику особых поручений министерства 388
1858 г., августа 17. Объяснение заседателя авгорской заводской конторы о непослушании мастеровых Авгорского завода . . . 390
1858 г., не ранее 14 августа. Выписка из книги авгорской полиции о на-

[illegible] мастеровых завода [illegible] за период с [illegible] января по [illegible] августа 1858 г. . . 392
1858 г., августа 24. Объяснение заводовладельца Манухина чиновнику особых поручений Островидову о положении мастеровых Авгорского чугуноплавительного завода . . . 394
1858 г., сентября 14. Объявление мастеровых Авгорского завода чиновнику особых поручений Островидову о непосильной эксплоатации их заводовладельцем и издевательствах со стороны заводского исправника . . . 396
1858 г., октября 28. Приговор пензенской палаты уголовного суда по делу неповиновения владельцу и властям мастеровых Авгорского чугуноплавительного завода . . . 397
1858 г., декабря 18. Рапорт краснослободского исправника пензенскому гражданскому губернатору о происходившем собрании мастеровых Авгорского завода по поводу дальнейшего неподчинения заводовладельцу и властям . . . 401
1859 г., января 19. Отношение московского горного правления пензенскому гражданскому губернатору о приведении к должному повиновению владельцу и представителям власти мастеровых Авгорского завода . . . 402
1859 г., ноября 30. Приказ пензенской палаты уголовного суда по делу неповиновения мастеровых Авгорского завода . . . 404
1861 г., октября 2. Приговор пензенской палаты уголовного суда по делу неповиновения своему владельцу и властям мастеровых Авгорского чугуноплавительного завода . . . 405
Суд в крепостной России в XVIII—XIX вв. . . . 413
Законы, охранявшие крепостной порядок . . . 418
Свод законов Российской империи, XIV т. . . . 418
Свод законов Российской империи, XV т. . . . 420
Свод военных постановлений, устав военно-уголовный, книга 1-я . . . 423
Свод военных постановлений, часть пятая, устав военно-уголовный, книга вторая . . . 423
Учреждение для управлений большой действующей армии . . . 425
Поссессионные крестьяне . . . 425

Выпускающий редактор

М. В. Дорошкин

Подписано к печати 12/VI-48. Пф № 003985. Формат бумаги 60×92. Печатн. листов 2?,5. Кол. знаков в 1 листе 55000. Зак. № 0154. Тираж 2000.

Типография Татполиграфа Управления издательств и полиграфии при Совете Министров ТАССР. Казань, ул. Миславского, 9. 1948 г.

19049

Цена 14 руб.

3